

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

ЧЕЛОВЕК В РЕВОЛЮЦИИ

Казанская губерния

1917

УДК 94(47)"1917/1918"
ББК 63.3(2)611(28-8Каз)
Ч-39

*Издание подготовлено в рамках Государственной программы
«Реализация государственной национальной политики
в Республике Татарстан на 2014–2020 годы»*

Авторский коллектив:

*Л.Р. Габдрафикова, Е.В. Миронова, Р.Р. Батыршин, Х.М. Абдуллин,
Л.А. Бушуева, И.Е. Крапоткина, А.Р. Мухамедеев*

Научный редактор:

доктор исторических наук *Л.Р. Габдрафикова*

Ответственный редактор:

кандидат исторических наук *Е.В.Миронова*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Р.Р. Салихов*
кандидат исторических наук *И.Р. Миннуллин*

Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах.
Т.2. 1917 г. / под ред. *Л.Р. Габдрафиковой*; предисл. *Р.С. Хакимова*.
– Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – 432 с. +
20 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-94981-255-6

В монографии представлен историко-антропологический анализ жизни многонационального населения Казанской губернии в 1917 г.: взаимодействие индивида с представителями старой и новой власти, перемены в массовом сознании, социальные реакции на материальные трудности, взаимоотношения в трудовых и учебных коллективах, сельской общине, положение семьи и женщин, проблемы вынужденных мигрантов войны в губернском обществе. Изменившаяся общественная иерархия и трансформация системы власти в губернии обострили внутренние противоречия и породили конфликты, как между различными социальными группами, так и внутри сообществ. В контексте символики власти особое внимание уделяется истории Казанского кремля. Исследование базируется на новейших методологических подходах и неопубликованных документальных источниках, в том числе материалах личного происхождения.

Монография рассчитана на специалистов, аспирантов и студентов, а также на всех, кто интересуется историей России и Поволжья.

ISBN 978-5-94981-255-6

УДК 94(47)"1917/1918"
ББК 63.3(2)611(28-8Каз)

© Авторы, 2017

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Революция 1917 г.: конец эпохи без продолжения (<i>Р.С. Хахимов</i>)	6
Казанская губерния в 1917 г.: историко-методологические аспекты (<i>Л.Р. Габдрафикова</i>)	16
Глава 1. Власть и общество в год революции	42
1.1. «Прошу уведомить меня кому я должен сдать свою должность...»: трансформация власти в Казанской губернии в 1917 г. (<i>Е.В. Миронова</i>)	42
1.2. «... Приказал временно молитву за царя и гимн не петь»: символы власти в Казанской губернии (1917–1918 гг.) (<i>Л.Р. Габдрафикова, А.Р. Мухамадеев</i>)	69
1.3. «...Население настолько невежественно, что личное благополучие ставит выше всего...»: общественные настроения в 1917 г. (<i>Л.Р. Габдрафикова</i>)	85
1.4. «Чувствую, что долго не вынесу лежащей на мне работы...»: попечители Казанского учебного округа в 1917 г. (<i>И.Е. Крапоткина</i>)	109
Глава 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений	123
2.1. «...Земля не должна выделяться в вечную собственность»: сельская община Казанской губернии в 1917 г. (<i>Р.Р. Батыршин</i>)	123
2.2. «Фирма снимает с себя нравственную ответственность перед Родиной...»: фабрично-заводской коллектив г.Казани в 1917–1918 гг. (<i>Л.Р. Габдрафикова</i>)	146
2.3. «Эти нижние чины не знают даже для чего они призваны на службу...»: Казанский гарнизон в 1917 г. (<i>Х.М. Абдуллин</i>)	173
2.4. «Решение студентов прервать учение обрекает наш университет на бездействие...»: Казанский университет в 1917 г. (<i>Л.А. Бушуева</i>)	191
Глава 3. Революция глазами женщин	209
3.1. «Сажаем, сеем, как будто и нет на свете революции и войны»: дворянки Казанской губернии в эпоху революции (<i>Е.В. Миронова</i>)	209
3.2. «Зачем берут наших детей и мужей, а полицию не берут...»: крестьянки Казанской губернии в начале XX в. (<i>Р.Р. Батыршин</i>)	225
3.3. «Нас хотят сделать большевиками, вероотступниками...»: мусульманки Волго-Уральского региона в 1917 году (<i>Л.Р. Габдрафикова</i>)	245

Глава 4. «Чужие» в Казанской губернии	271
4.1. «Надеялись избавиться от работ...»: жизнь военнопленных в период революции (Л.Р. Габдрафикова)	271
4.2. «Надоели народонаселению своими просьбами в подаянии...»: положение беженцев в 1915–1918 гг. (Л.Р. Габдрафикова)	293
4.3. «Совсем не заслужил на таковое выселение, я мирный житель...»: положение интернированного населения (Е.В. Миронова)	314
Заключение (Л.Р. Габдрафикова)	330
<i>Приложение №1. Уездные комиссары Временного правительства и их помощники в Казанской губернии</i>	335
<i>Приложение №2. Заявление Лаишевского уездного комиссара Владимира Николаевича Бельковича о своих социалистических убеждениях Казанскому губернскому комиссару В.А. Чернышеву</i>	337
<i>Приложение №3. Телеграмма-приветствие Казанского губернского комиссара В.А. Чернышева в адрес участников 2-го Всероссийского мусульманского съезда в Казани</i>	339
<i>Приложение №4. Прощение казанского губернского комиссара в Казанскую губернскую продовольственную управу о выделении сахара для служащих Губернского комиссариата</i>	340
<i>Приложение №5. Заявление Председателя комитета Казанского общества трезвости А.Соловьева Прокурору Казанской судебной палаты о незаконном обыске в его квартире, по указанию Исполнительного комитета Общественной безопасности г. Казани</i>	340
<i>Приложение №6. Объяснительная записка имама Оренбургской 1-й соборной мечети Мухаметвалия Абдулганиевича Хусаинова на имя муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания о своей лояльности к новой власти</i>	341
<i>Приложение №7. Телефонограмма Лаишевскому уездному комиссару от Губернского комиссара о ситуации в Рыбной Слободе</i>	341
<i>Приложение №8. Телефонограмма Казанского губернского комиссара Свяжскому уездному комиссару о повреждениях телефонной линии в Свяжском уезде</i>	342
<i>Приложение №9. Сообщение Свяжского уездного комиссара Казанскому губернскому комиссару об участвовавших кражах из православных храмов</i>	342
<i>Приложение №10. Из воспоминаний бывшего земского деятеля Казанской губернии, эмигранта Н.А. Мельникова о заседании Казанского губернского земского собрания весной 1917 года</i>	343
<i>Приложение №11. Список кандидатов в гласные Казанской городской думы, заявленные в Городскую управу по выборам 8-го октября 1917 г.</i>	344

<i>Приложение №12.</i> Из воспоминаний Шагита Ахмадеева о Муллануре Вахитове (на татарском языке)	372
<i>Приложение №13.</i> Документы о конфликте землевладелицы В.И. Беликович и Ульяновского волостного комитета (Свияжский уезд)	373
<i>Приложение №14.</i> Прошение на имя казанского губернского комиссара В.А. Чернышова от хуторян 1-й и 2-й Машлаковской казен. оброчной статьи при дер. Верхнем и Большом Машляк, Шеморбашской волости Мамадышского уезда о прекращении аграрных беспорядков и расхищения их имущества жителями д. Верхний Машляк	375
<i>Приложение №15.</i> Из дневника вольнослушательницы историче- ского отделения историко-филологического факультета Казанского университета Милицы Васильевны Нечкиной	376
<i>Приложение №16.</i> Автобиография Мухитдиновой Амины Фасаховны ...	377
<i>Приложение №17.</i> Сведения о числе трудоспособных и вставших к 1 августа на сельскохозяйственные работы беженцев, подготовленные Казанской губернской земской управой	378
<i>Приложение №18.</i> Семьи мусульман-беженцев, получавших пособия от Мусульманского отдела Казанского городского комитета помощи беженцам	379
<i>Приложение №19.</i> Прошение от начальника Казанского управления земледелия и государственных имуществ Министерства земледелия на имя казанского губернатора П.М. Боярского о рабочих-сартах в Казанской губернии	389
<i>Приложение №20.</i> Заметка «Военнопленные в Уфе» из газеты «Уфимский вестник»	390
<i>Приложение №21.</i> Список офицеров бежавших из лагеря военнопленных в Сарапуле, утвержденный Исполнительным комитетом Сарапульского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для распространения в соседних уездах	391
<i>Приложение №22.</i> Автобиография бывшего военнопленного, преподавателя факультета физвоспитания и спорта Казанского государственного педагогического института Вашш Юлия Адамовича	393
<i>Приложение №23.</i> Стихотворение Садри Максуди о революции на французском языке	394
Библиография	396
Именной указатель	416
Географический указатель	423
Список сокращений	428
Сведения об авторах	429

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.: КОНЕЦ ЭПОХИ БЕЗ ПРОДОЛЖЕНИЯ

Любая революция является завершением определенной эпохи. Россия к началу XX в. созрела для прощания с Долгим Средневековьем. Не только русские, но и многие народы империи, в том числе и татары, вступили на путь капитализма. Они требовали гражданских прав, свободы слова, реформирования государственного устройства, в частности, перехода к федеративной России. Монархия никак не решалась сделать кардинальные шаги, а полумеры только усугубляли положение. После революции 1905 г. Столыпин попытался установить жесткий режим вместо того, чтобы расширить права народов и гражданские свободы. Политика «закручивания гаек» привела к обратному результату – усилилась решимость революционеров идти до победного конца.

Бунтарское начало в России, имело свои традиции еще со времен Пугачева, оно не балансировалось законами, как это было в Европе. Не прав был Бердяев, который утверждал, что «В Русской революции мы и видим господство исключительно восточного начала, отвергающего нормы цивилизации и расковыривающего хаос»¹. Революционная мысль пришла в Россию не с Востока, а с Запада, хорошо прижилась на удобренной Петром I почве. От революционеров не требовалось понимание истории и духа народа, они отвергали прошлое в качестве фундамента будущего. Революция толковалась как самодостаточный бунт. По словам Плеханова, «благо революции – высший закон». Этот тезис был подхвачен русской мыслью. Идея безграничной свободы вела к безграничной деспотии, писал Достоевский в «Бесах».

Выросшая в XIX–XX вв. интеллигенция оказалась чистым криком власти, она и подготовила революцию в умах. Интеллигенция была наиболее образованной частью общества, носителем подлинно русской культуры, но не имела доступа к власти, а пото-

¹ Бердяев Н. Философия свободы. – М., 2002. – С. 288.

му противостояла ей и объективно, и субъективно. А дворянство, хотя и было образованным, но уже не имело монополии на воспроизводство культуры. После выступления декабристов дворянство потеряло доступ к власти. 14 декабря 1825 г. стало последним напоминанием о гвардейских дворцовых переворотах, после чего политическая роль русского дворянства закончилась. Дальше на сцене появляется чистая интеллигенция в чисто русском смысле этого слова, т.е. сугубо критически настроенная к властям. Не случайно среди наиболее образованных людей России было много революционеров, начиная с друзей Пушкина, Радищева, Герцена и кончая Бакуниным, Кропоткиным – столпов мирового анархизма. Чернышевский и Добролюбов пусть ступенью ниже, но были, бесспорно, представителями высокой культуры. Но затем появляются менее культурные, но не менее революционные, по большей части выучившиеся в Европе революционному духу писатели и общественные деятели. А затем уже явились полуинтеллигенты, воспринявшие только политическую сторону русской и европейской философии, убежденные, «что горсть политических идей важнее религии, важнее культуры, важнее всего прочего содержания жизни и истории»². Левые эсеры, меньшевики и большевики – все были по большей части публицистами, порой блестящими революционными публицистами. «Конь бледный» Бориса Савинкова далеко не исключение, а скорее символический образец той литературы, которая отразила настроение этих слоев.

В России никогда не было сколь-нибудь влиятельной либеральной идеологии. О свободе больше говорили анархисты, причем анархизм в понимании Бакунина и кн. Кропоткина не был произволом, он был самоорганизацией общества без чиновников – истинным коммунизмом. Однако в России предпочитали иную трактовку и иное поведение – свобода чаще понималась как анархия в худшем смысле этого слова, как беспредел.

Политическая культура России строилась на произволе. Иван Грозный провозгласил: «жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же». Он «захотел не только сам быть самодержавным, но и утвердить единодержавие на будущее время твердо и непоколебимо. Он начал ломать все, что только казалось противным единодержавию, все, в чем даже только подозревал независимость. Он жег, казнил и мучил, свирепо истреблял целые семьи, осудил на бойню Новгород за то, что с его именем соединялось много неприятных для единодержавия воспоминаний; он ставил свой произвол выше всего, заставлял самую церковь позволять ему то, чего позволять она никому другому не должна была, и создавал

² Вейдле В. Задача России. – Нью-Йорк, 1956. – С. 93.

себе новых слуг единой державы, обязанных возвышением ему, а не породе и в деле службы единственно по его воле действующих. Все казни сходили ему с рук, потому что меньшинство хотело ограничения самодержавия, а за самодержавие была вся громада народа, для которой противно было всякое разделение власти, чужда всякая сложность, взаимозависимость, – громада, которая нуждалась прежде всего во внешней безопасности и испытала веками, что только при власти единого можно сколько-нибудь ее достигнуть, покоряясь этому единому безропотно, без размышления, поверяла его воле вечного промысла, для этого единого, избранного небом, хотела жить, ему принадлежать»³. Впоследствии и собор, игравший номинальную роль, был отвергнут как лишний институт и восторжествовало самодержавие и крепостничество. По иронии судьбы каждый шаг страны от золотоордынских традиций к чисто русской политической культуре вел не в сторону расширения свободы, а закреплял произвол как принцип.

Петр I был достойным продолжателем деспотизма Ивана Грозного. Как ответ на петровский произвол происходило массовое бегство крестьян, порой целыми деревнями, в Польшу, Дон, к башкирам, за Урал, сибирские города, а затем появились по всей стране разбойничьи шайки, предводимые беглыми солдатами, они соединялись в хорошо вооруженные конные отряды и уничтожали многолюдные села, останавливали казенные сборы, врываются в города. «Разбоями низ отвечал на произвол верха: это была молчаливая круговая порука беззакония и неспособности здесь и безрасчетного отчаяния там. Столичный приказный, проезжий генерал, захолустный дворянин выбрасывали за окно указы грозного преобразователя и вместе с лесным разбойником мало беспокоились тем, что в столицах действуют полудержавный Сенат и девять, а потом десять по-шведски устроенных коллегий с систематически разграниченными ведомствами. Внушительным законодательным фасадом прикрывалось общее безнарядье»⁴. При Петре было четыре страшных мятежа и несколько заговоров, причем с участием родного сына.

С другой стороны, идея свободы оказалась столь же противоречивой как право власти на произвол – она выразилась или в уходе от жизни в географический простор, в странничество или же в утверждении своих прав с помощью бунта и террора народовольцев. А когда, наконец, свобода победила в годы революции, она вновь установила произвол. Свобода оказалась всего лишь правом на произвол, она не получила позитивного вектора самоутвержде-

³ Костомаров Н. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. – М., 1994. – С. 565.

⁴ Ключевский В.О. Сочинения. Т.IV. – М., 1989. – С. 182.

ния. Логика права оказалась враждебна русскому уму. Русский человек предпочитал жить по совести, но не по закону и при этом проклинал произвол, от которого более всего страдал. Он на произвол отвечал бунтом, который был самым что ни на есть откровенным и диким произволом.

Причины бед России не надо искать в татарах, поляках, католичестве, заговорах Запада или НАТО, они заложены в политической культуре. Чаадаев так объяснял особенности страны: «Говоря о России, постоянно воображают, будто говорят о таком же государстве, как и другие; на самом деле это совсем не так. Россия – целый особый мир, покорный воле, произволению, фантазии одного человека, – именуется ли он Петром или Иваном, не в том дело: во всех случаях одинаково это – олицетворение произвола. В противоположность всем законам человеческого общежития Россия шествует только в направлении своего собственного порабощения всех соседних народов. И поэтому было бы полезно не только в интересах других народов, а в ее собственных интересах – заставить ее перейти на новые пути»⁵. Россия даже после революции не смогла избрать иной путь. Заложённое в основу противостояние произвола и бунта сохранилось вплоть до XX в.

Перед войной 1914 г. на излёте монархической идеи страна оказалась без руля и без ветрил. Православная церковь, веками выполнявшая идеологическую функцию, была слишком тесно связана с государством, эта «симфония» сводилась чаще к обслуживанию интересов державы. «Та вера, – писал Лев Толстой, – которую исповедует наша иерархия и которой она учит народ, есть не только ложь, но и безнравственный обман»⁶. В какой-то момент православие из собирателя русских земель становится обыкновенным тормозом развития. Прозападнические настроения и богоискательство писателей во многом отражали недовольство религиозной ортодоксией.

О кризисе духовном писали многие, но, пожалуй, самым знаковым было отлучение Льва Толстого от церкви. В грехе жила вся страна, дошедшая до хлыстовства, а отлучили только его. На самой вершине развития русской культуры в лице Льва Толстого, выразителя тектонических сдвигов в российском обществе, сама основа русской этничности – православная церковь отвергла величайшего выразителя народного духа. Такая метаморфоза обозначила зкат главной составляющей Москвы как собирателя русских земель – духовности. Заложённые Петром I в государственный строй «мины» начали взрывать сам фундамент, хотя еще где-то маячили

⁵ Чаадаев Петр. «L'UNIVERS». 15 января 1854 // Стратегия России. – №10, октябрь 2004. – С.64.

⁶ Толстой Л. Четвероевангелие. – М., 2002. – С. 6.

странные православные образы, то в виде мужицкого Христа Льва Толстого, то в виде красноармейского Христа Александра Блока:

Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем
Мировой пожар в крови –
Господи, благослови!
... Так идут державным шагом,
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредем,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной.
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.

Н.Н.Зворыкин писал: «Когда ничтожная горсть большевиков, столь быстро и неожиданно завладела могущественною Российской Империей, недоумевающие иностранцы спрашивали, каким образом русское, сильнейшее в мире войско могло изменить своему государю, и каким образом, многомиллионный русский народ, так еще недавно обожавший своего “царя батюшку”, предал его на поругание и смерть, а свое великое отечество – на бесчестие и разорение?». В поисках ответа на этот вопрос он приходит к выводу, что революция явилась следствием неудачной освободительной реформы 1861 г., которая «дышит какою-то нерешительностью, торопливостью, недомолвками и незаконченностью, сглаживаемыми высокаторжественным стилем и искусною канцелярскою риторикою. Она не производит впечатления ярко-определенного, могучего, широкого размаха гениального творчества великого реформатора, решившегося произвести зрело обдуманый радикальный социально-экономический переворот, обеспечивающий будущее благосостояние всего русского народа: она только отвечала назревшей необходимости отмены крепостного права»⁷. В этом стиле в России проходили все реформы и все беды исходили из этой половинчатости и нерешительности.

Крепостничество стало мощнейшим тормозом экономического развития России, ведь основная масса населения России были крестьянами, а с ними напрямую были связаны помещики и дворяне. Торговцы и ремесленники составляли узкую прослойку и никак не влияли на дела государства. Причем крепостничество в России было наихудшим из всех, которое было в мире. Крестьянин прикреп-

⁷ Зворыкин Н.Н. К Возрождению России. – Париж, 1929. – С. 31.

лялся не к земле как в Европе, даже не к состоянию, а к владельцу, порождая абсолютный произвол. Крепостничество создало внутренний конфликт – городской и сельской культур. При Петре этот конфликт только наметился, но затем перерос в принципиальное противостояние. Этот конфликт во многом подготовил социалистическую революцию.

Исходная ошибка власти заключалась в неверной оценке роли сельской общины как явления, имманентно присущего русскому обществу. Время требовало избавления государства от патриархальной общины, вместо этого была закреплена ее власть над крестьянином. Помещика и дворянина заменила община. Сельская община была у всех народов, однако на определенной довольно низкой ступени развития. Вместе с прогрессом в земледелии община распалась на хуторские хозяйства. «Для освобождения от крепостной зависимости русских крестьян необходимо было создать наиболее благоприятные условия для выхода из сельской общины, – для отлива из нее излишков населения, по мере его размножения; а, вместо того, их замкнули в сельской общине, как в железном кругу, с запрещением выхода из нее, как им самим, так и их многочисленному потомству; – это была величайшая социально-экономическая ошибка, имевшая своими последствиями переполнение скученного на тесной площади сельского населения, которое, при своем невежестве, могло кормиться только от рутинного хлебопашества».⁸ Сельская община не имела ни свободных земель, ни угодий, при этом не могла отпускать крестьян на вольные хлеба. Это было то же самое крепостничество, но в другой форме. Насколько крепостнический дух укоренился в обществе показывает последующая история – колхозы до деталей повторили этот губительный для страны опыт.

Крестьянский вопрос можно было решить разными путями. Один из самых простых – колонизация новых земель, которых в России было более, чем достаточно. Многие народы использовали этот путь, начиная с древних греков и заканчивая американцами. Европа, где количество земель было ограниченным, использовала путь интенсификации сельского хозяйства, а избыток населения поглощали города. В крайнем случае, население мигрировало. В России все эти возможные пути отвергли. Обычная для России оригинальность решений – найти путь, которого нигде в мире не существует, загнала и крестьян, а вместе с тем и всю страну в революционную карусель. Крестьяне жаловались на малоземелье, в то время как огромные пространства пустовали, города не развивались и не могли принять всех желающих, гражданские права были у всех классов, кроме крестьян, которые оказались в плену у сельской общины – исторического общественного пережитка. Пересе-

⁸ Там же. – С. 35.

ление крестьян в Сибирь не смогло обеспечить достаточный отток населения, к тому же и на новых территориях земледелие строилось на той же самой порочной основе. Закон Столыпина о переходе крестьян общинников на отруба был исторически верной, но запоздалой реформой, как и вся его политика, не отдалявшая, а приближавшая революцию.

Русско-японская, а затем Первая мировая война показали тупиковость петровской модели развития, которая ориентировалась на технические новшества, но отвергала политические свободы. Как заметил Лев Троцкий о Петре, «европейское оружие и европейские займы – продукты более высокой культуры – привели к усилению царизма, который становился тормозом развития». Страна не могла совершить настоящую индустриализацию без политических свобод, без творческого духа.

Бездарный Николай II вместо преобразований в государстве, принятия Конституции и укрепления парламента ввязался в мировую бойню, якобы спасать сербских братьев, что не оставило шансов для мирного исхода революционной ситуации внутри страны. Царь собственными руками вооружил не только армию, но также массы простых крестьян, мечтавших о земле, ради чего они повернули штыки против царя. Несмотря на наличие множества партий и ученых мужей, предлагавших самые разные проекты реформ и Конституции, основным идеологом оказался Распутин, привнесший хлыстовщину аж в покои царского дворца. Квасной патриотизм, возбуждавший наивные умы в самом начале войны, после первых же трудностей, обернулся ненавистью к монархии. Участь монархии была предreshена. Нет ни малейших оснований восторгаться царской властью, она долгие годы призывала демонов революции. Если долго всматриваться в бездну – бездна начнет всматриваться в тебя. Бездна поглотила монархию.

Россия в принципе могла и без буржуазной революции встать на путь преобразований, но для этого нужна была политическая воля. А монархия оказалась безвольной, деморализованной. Капитализм набирал обороты и не было острой необходимости в ликвидации монархии, как это случилось во Франции. Просвещение худо-бедно делало свое дело. Русская культура расцветала. Образованных специалистов было достаточно. Нужна была политическая воля. Но вместо реформирования страны Николай II уехал на фронт.

Перед революцией политический спектр партий, несмотря на свою пестроту, явно был смещен в сторону влияния социал-демократических идей. Основные доминирующие партии находились именно слева. Среди них эсэры, меньшевики, большевики, анархисты и др. Большевики отнюдь не были массовой партией, их популярность была весьма скромной.

Правые политические силы или себя дискредитировали, или же оказались не способными управлять. Правительство Керенского оказалось временным в буквальном смысле слова. Когда наступил в стране хаос и власть «валялась на улице» большевики оказались в нужное время в нужном месте. Революционное чутье Ленина сказало решающим образом. Большевики без особых усилий просто подобрали власть, они не столько взяли власть, сколько заполнили вакуум власти, возглавив революционные массы. Они в одночасье из простой секты социал-демократов стали вождями радикальных сил. Остальные партии просто заболтали свои цели в нескончаемых дискуссиях.

Популярность большевиков строилась не столько на привлекательности их программы, сколько прагматичности. Они не стеснялись перехватывать лозунги других партий и движений. Так, у эсэров взяли тезис о земле. Идею самоопределения и федерализации страны заимствовали у различных национальных движений. До революции ни Ленин, ни Сталин не помышляли о федерализме. Они к ей пришли по факту, вынужденно, когда увидели, что страна фактически распалась. И тезис о самоопределении наций придумал не Ленин, он заимствовал его у Вудро Вильсона, как способ разрушения империй и освобождения колониальных стран.

«Красный террор», в котором обвиняют большевиков и, в частности, Ленина – неизбежный продукт любых революций. Так, якобинская диктатура была жесточайшей, гильотина не простаивала. Робеспьер, казнив Дантона, похоронил веру в революционные идеалы равноправия и справедливости. Русская революция следовала тем же правилам. Многие бывшие революционеры, были нравственно потрясены и раздавлены волной «красного террора». Они даже не могли себе представить, что ожидаемая ими революция выльется в массовое самоистребление народа, гибель интеллигенции и методическое уничтожение большевиками своих политических оппонентов. Они мечтали о другом, о культурной роли революции, об освобождении энергии демократии для перестройки жизни, торжестве разума.

Революции по злой иронии не ведут к заявленной свободе, напротив, они призывают ответную реакцию, реставрацию и диктатуру. «"Реакция" не есть явление, выходящее за пределы революции, – пишет Питирим Сорокин, – а неизбежная часть самого революционного периода – его вторая половина. Диктатура Робеспьера или Ленина, Кроуэля или Яна Жижки означала не конец революции, а ее разгар. Между тем эти диктатуры ознаменовали вступление революции во второй ее период – период "реакции" или "торможения", а не знаменовали конец революции»⁹. Достаточно взглянуть на ход

⁹ Сорокин П. Социология революции. – М., 2005. – С. 30.

французской истории XIX века, чтобы увидеть непрестанную борьбу между Революцией и Реставрацией, вехи которой 1815, 1830, 1848, 1851, 1870 гг., Парижская Коммуна 1877 г. При этом недавние революционеры легко становились реакционерами. Намерения революционеров, зачастую были вполне искренними, но последствия политических переворотов кардинально отличались от заявленных лозунгов. Объяснение кроется в консерватизме масс. Несмотря на их революционный образ действий, они всегда заканчивают восстановлением того, что они низвергали, ибо для человека прошлое гораздо более значимо, чем настоящее. Причина радикальных социальных сдвигов во время революций и гражданских войн кроется в разрушении привычного поведения и представлений. Буйство миллионов ведет к освобождению «демонического» начала в человеке, ибо исчезает давление норм и ценностей. В человеке просыпается зверь. Именно ярость инстинктов, разрушающих все социальные отношения и даже основы существования общества, требуют впоследствии применения тиранической власти, способной бушующие страсти ввести в хоть какое-нибудь русло. Сорокин, воочию наблюдавший революцию в России пишет, что революции «не социализируют, а биологизируют людей, не увеличивают, а уменьшают сумму свобод, не улучшают, а ухудшают материальное и духовное состояние трудовых и низших масс населения, не раскрепощают, а закрепощают их, наказывают не только и не столько те привилегированные классы, которые своим паразитизмом, своим распутством, бездарностью и забвением социальных обязанностей заслуживают если не наказания, то низвержения со своих командных постов, сколько наказывают те миллионы "труждающихся и обремененных"*», которые в припадке отчаяния мнят найти в революции свое спасение и конец своим бедствиям»¹⁰. Революционеры чувствуют кризис, но они не знают путей трансформации общества.

Диктатура Сталина была естественным концом революции. Она была глубоко реакционной. Это не было реставрацией старых порядков, просто вместо православия создали коммунистическую религию, а вместо царя навязали культ личности.

Социализм вначале, как и петровские реформы, дал ощутимые результаты в экономике, внешней политике, науках, но постепенно общественная мысль застыла, она стала коммунистическим «мазхабом» – сводом жестких канонов, отступление от которых было равносильно ереси. Политические структуры приобрели гипертрофированно централизованную форму, управление, финансы, идеи могли существовать только в Москве, которая отстраивалась и

* Слова Иисуса Христа: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11, 28).

¹⁰ Сорокин П. Социология революции. – М., 2005. – С. 33–34.

процветала, точно также как в петровские времена Петербург – в провинциях запрещалось строить, а все средства стекались в столицу. Социалистическая метаморфоза завершилась интеллектуальным и экономическим истощением страны.

Сегодня существуют самые разные оценки революции 1917 г. Кто-то называет это переворотом. Былое непомерное возвеличивание Октябрьской революции нынче обернулось ее тотальным осуждением. Обвинения посыпались в адрес большевиков и лично Ленина. На фоне возвеличивания Сталина фигура Ленина ушла в глубокую тень. Ленин, конечно, не был ангелом, как и любой революционер, но он не был и злодеем, наподобие Сталина.

В свое время Уинстон Черчилль сказал: «Только Ленин мог вывести русских из того болота, куда он сам их завел». У Ленина, несмотря на большевизм, ярко проявлялось социал-демократическое начало. Его шаги с НЭП показывают, что в принципе было возможно иное развитие страны, нежели сталинский тоталитаризм. Такие страны, как Швеция или Австрия показывают принципиальную возможность успешного существования демократического социализма.

Ленин, несмотря на замалчивание его наследия в России, остается величайшей личностью всех времен, чего не скажешь о Сталине. Без Ленина невозможно понять развитие мировой истории в XX в. Неслучайно в Европе существует такое движение как неоленинизм. В России же предпочитают Петра I и Сталина.

История – это постоянное расширение свободы через ограничение произвола. Именно это содействует развитию духа народа, который находит новые идеи благодаря свободомыслию. Законы вместо обычного права, суд вместо кровной мести, власть королей, ограниченная парламентом, демократия, заменившая монархию, развитая демократия вместо диктатуры механического большинства – таковы ступени преодоления произвола в мировой истории. Ограничение произвола освобождает дух народа для исторического творчества. Без свободы нет конкуренции идей, оригинальных решений, а без свежих идей общество загнивает. Любое ограничение свободы, какими бы доводами это не обосновывалось, не имеет исторического оправдания. Можно найти объяснения для установления жесткой власти, исходя из сиюминутных причин, «доказать», что у общества не было альтернативы, но в этом случае нужно быть готовым к тому, что твоя страна окажется на «запасном пути», и шансы выбраться из этого тупика, чтобы догнать ушедшие вперед народы, окажутся существенно ограниченными.

Рафаэль Хакимов

доктор исторических наук,
директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ,
академик АН РТ, вице-президент АН РТ

КАЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 1917 г.: ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В первом томе монографии «Человек в революции: Казанская губерния» уже был представлен краткий обзор губернии в начале XX в., где обозначены ее сословные и этноконфессиональные особенности¹. В 1904 г. население губернии насчитывало 2 445 732 человека, а накануне Первой мировой войны – 2 850 101². Казанская губерния оставалась одним из самых сложных регионов Российской империи, где проживали представители различных этносов и конфессий.

После событий 1905–1907 гг. наметились тенденции по национальной консолидации. Обращение к этническому дискурсу стало в какой-то мере результатом краха общегражданских идеалов о правовом государстве. Именно на этот период приходится ренессанс татарской культуры с «золотым веком» литературы, огромной книгоиздательской сетью, десятками газет и журналов на татарском языке, театральными постановками, усиленной работой татарских интеллектуалов в области истории, богословия, философии, лингвистики и других гуманитарных сферах. В постреволюционный период идет выстраивание новой системы обучения в медресе. Рост национального самосознания наблюдался и среди других народов Поволжья. Развивалась национальная литература, появились периодические издания на марийском, чувашском, удмуртском языках.

Основными конфессиями региона оставались ислам и православие. На 1 января 1916 г. в Казанской губернии было зарегистрировано 1010 мусульманских и 604 православных прихода³. Подписанный 17 апреля 1905 г. указ «Об укреплении начал веротерпимости» дал народам России право на легализацию фактического вероисповедания. В этот период массовым явлением стало возвращение в ислам крещеных татар. К 1909 г. отпавших только по Казанской губернии насчитывалось более 35 тыс. человек. Цифра эта была довольно внушительной, особенно если сопоставить с данными об отпавших за сорок предыдущих лет – с 1860 гг. по 1905 г. За

¹ Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х т. – Т.1. 1905–1907 гг. – Казань, 2016. – С.7–12.

² Перцов В.В. Очерк статистики и экономики Казанской губернии. – Казань, 1919. – С.14; Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 год. – Казань, 1905. – С.346.

³ Статистический ежегодник России 1916 г. – Вып.1. – М., 1918. – С.83, 77.

этот период подали прошения о разрешении вернуться в ислам около 32 тыс. крещеных татар⁴.

Однако, несмотря на изменения в законодательстве, на практике регистрация мусульманских приходов отпавшими крещеными татарами встречала затруднения. Показательной является история татар с. Апазово Казанского уезда: они сумели добиться официального признания своей махалли лишь после февральской революции 1917 г.⁵ В целом, общее число мусульманских приходов Казанской губернии с 1905 по 1916 г. практически не изменилось, хотя, даже по приблизительным подсчетам, отпавшие в ислам крещеные татары к этому времени должны были образовать более 80 новых приходов.

Между тем, в эти годы приобрели юридический статус старообрядческие общины Казанской губернии. Накануне Первой мировой войны их официальное число достигло 21⁶. Также примечательным явлением в религиозной жизни губернии стало открытие 12 марта 1915 г. синагоги в Казани, это было специально выстроенное здание. До этого казанские иудеи арендовали помещение⁷. В новом молитвенном доме искали утешение не только местные верующие, но и вынужденные мигранты войны из западных окраин страны. С началом войны увеличилось число прихожан католического и протестантского храмов г. Казани. К слову, органистом лютеранской кирхи служил казанский поляк Ксаверий Корбут, отец будущего «красного» профессора М.К.Корбута. Музыкант был родом из г. Ковно⁸.

По данным на 1 июня 1916 г. в Казанской губернии было зафиксировано 2 919 558 жителей. Из них проживало в Казани 215 472 человека. Население большинства уездных городов варьировалось в пределах 3–6 тысяч. Лишь количество жителей уездного Чистополя было свыше 29 тысяч, а также в Козмодемьянске зафиксировано 9 тыс. человек. Основное население губернии проживало в уездах.

⁴ Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / сост. И.К. Загидуллин, Р.М. Залялетдинова. – Казань, 2015. – С.125.

⁵ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). – Казань, 1994. – С.155.

⁶ Латыпов И.Р. «Десятилетие свободы» (1905–1917 гг.) для старообрядцев Казанской губернии // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2011. – №2. – С.223.

⁷ Карпенко И. Казанское притяжение // Лехаим. – 2008. – №11 (199) URL: lechaim.ru/ARHIV/199/region.htm (дата обращения 24.02.2017).

⁸ Литвин А.А., Маслова Е.С., Сальникова А.А. Жизнь и судьба «красного» профессора: Михаил Ксаверьевич Корбут (1899–1937). – Казань, 2009. – С.10.

Таблица 1⁹

Население Казанской губернии в 1916 г.

<i>Населенный пункт</i>	<i>Количество населения</i>	<i>%</i>
Казань	215 472	7,3
Арск	1247	0,04
Казанский уезд	305 053	10,4
Козмодемьянск	9000	0,3
Троицкий посад	2117	0,07
Козмодемьянский уезд	111 130	3,8
Лаишев	5527	0,18
Лаишевский уезд	235 656	8
Мамадыш	6208	0,2
Мамадышский уезд	247 544	8,4
Свияжск	3129	0,10
Свияжский уезд	167 884	5,7
Спасск	3332	0,11
Спасский уезд	219 845	7,5
Тетюши	6404	0,2
Тетюшский уезд	263 698	9
Царевококшайск	3040	0,10
Царевококшайский уезд	136 476	4,6
Цивильск	3348	0,11
Цивильский уезд	220 638	7,5
Чебоксары	5701	0,19
Мариинский посад	4190	0,14
Чебоксарский уезд	158 350	5,4
Чистополь	29032	0,99
Чистопольский уезд	373 597	12,7
Ядрин	4429	0,15
Ядринский уезд	177 571	6
<i>Всего</i>	<i>2 919 558</i>	<i>100</i>

За годы, последовавшие после первой российской революции, перемены коснулись как численности и состава населения Казанской губернии, так и характера занятости ее жителей. Была проведена аграрная реформа, в деревнях среди крестьян появились новые социальные категории – отрубники и хуторяне. К 1914 г. изъявили желание о выделении из общины 15% крестьян Казанской губернии, успели реализовать свои планы – 7%. Особенно активно выходили из общины русские крестьяне, за ними шли татары и чу-

⁹ Таб. сост. по: НА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.645. Л.9.

ваши¹⁰. В целом аграрная реформа в татарских деревнях реализовывалась с большим трудом: довольно сильными были общинные традиции землевладения, поэтому отрубные земельные наделы создавались не во всех обществах. Надо сказать, что «антиотрубные» бунты в деревнях продолжались и в годы Первой мировой войны¹¹. До лета 1914 г. в Казанской губернии отрубы появились лишь в 266 сельских общинах из 2,9 тысяч сельских обществ. Более того, выход из общины деревенской бедноты стал одним из факторов укрепления сельского общества¹², поиска новых форм ведения хозяйства.

Вероятно, традициями общинного землевладения объясняется и незначительность переселенческого движения. Из Казанской губернии в 1896–1915 гг. уехало 45 869 чел. и было отправлено еще 14 287 ходоков (представителей крестьян, будущих переселенцев). Для сравнения из Самарской губернии в эти годы уехало 154 849 чел., а ходоков – 192 730 чел.¹³ При этом прибыло в Казанскую губернию в данный период 8 728 переселенцев и 8 767 ходока. Нельзя исключать того, что среди них могли быть вернувшиеся обратно переселенцы¹⁴.

С каждым годом нового XX столетия все больше крестьян в поисках временного или постоянного заработка отправлялись в города. Но в довоенный период в Казанской губернии темпы урбанизации оставались слабыми.

Численность горожан начала активно расти после начала войны. Для сравнения, в 1904 г. городское население составляло 9,5% (231 371 чел.) от общего числа жителей Казанской губернии, в 1916 г. этот показатель составил уже 11% (295 205 чел.)¹⁵. По другим данным, количество городского населения Казанской губернии к лету 1916 г. выросло до 302 176 человек (10,3% от общей численности населения)¹⁶. Одной из причин роста стало уве-

¹⁰ Перцов В.В. Указ. соч. – С.28.

¹¹ Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.182.

¹² Зайнуллина Ф.Г., Шайдуллин Р.В. Татарское крестьянство Казанской губернии в период столыпинской аграрной реформы (1906–1914) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – Т.150, кн.1. – С.118.

¹³ Статистический ежегодник России 1916 г. – Вып.1. – М., 1918. – С.98–99.

¹⁴ Там же. – С.96–97.

¹⁵ Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 год. – Казань, 1905. – С.346; Перцов В.В. Очерк статистики и экономики Казанской губернии. – Казань, 1919. –С.14.

¹⁶ НА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.645. Л.9.

личение численности Казанского гарнизона¹⁷. Всего за шесть месяцев, с лета 1916 г. до 1 января 1917 г. численность жителей г. Казани увеличилась более чем на 24,5 тыс. человек и составила 240 тыс. человек¹⁸.

Первая мировая война стала трагедией для большей части населения страны. В общей сложности в ходе войны в России было мобилизовано 19 млн. человек (10,5% населения)¹⁹. Начало войны во многих губерниях практически совпало с началом всеобщей плановой военной мобилизации. Например, в Казанском военном округе она началась 18 июля. В дальнейшем, в 1914 г. внеплановых призывов было еще три: 20 сентября, 20 ноября и 30 декабря²⁰.

Из Казанской губернии в 1914 г. были призваны 12 123 новобранца. В первое время брали молодых людей достигших законного 20-летнего возраста. Делалось это, главным образом, за счет призыва запасных чинов, которых в 1914 г. было в 5 раз больше, чем новобранцев²¹. Практически из каждой, даже небольшой деревни, уходили десятки и сотни взрослых мужчин. Например, только в июле 1914 г. из одного Мамадышского уезда Казанской губернии было призвано 6000 запасных солдат²². Военнообязанными нижними чинами в годы Первой мировой войны считались мужчины до 43 лет.

Мобилизованных военных временно размещали не только в казармах, но и в зданиях учебных заведений, пивных лавок и трактиров, частных домах. Не все уездные города справлялись с расквартированием призывников. Так, в Свяжске количество мобилизованных нижних чинов превышало количество горожан, из-за нехватки мест, солдат устроили в близлежащих селениях, а также в бездействующем Паратском заводе (позднее заводские постройки использовались для размещения военнопленных)²³.

В 1915–1916 гг. было объявлено 12 мобилизаций, каждый год по шесть раз. Иногда призыв продолжался практически непрерывно по три месяца. Если в первый год брали запасных нижних чинов, отслуживших когда-то в армии, то последующие мобилизации затронули тех, кто ни разу не был в солдатской форме, как

¹⁷ НА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.642. Л.30.

¹⁸ Статистический ежегодник России 1916 г. – С.89.

¹⁹ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. – М., 2005. – С.505.

²⁰ Обзор деятельности по Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. // Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии за 1916 год. – Казань, 1916. – С.V.

²¹ Казаков А.Е. Организация и проведение военной мобилизации в Российской империи в 1914 году (на примере Казанского военного округа) // Вестник СамГУ. – 2007. – №5/7 (59). – С.191–192.

²² НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1492. Л.116.

²³ Обзор деятельности по Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны... – С.Х–ХI.

получивших, когда-то отсрочку, так и юношей-новобранцев. В 1916 г. в армию принимали уже призывников 1919 года.

В 1917 г. прошли еще две мобилизации: 1 февраля и 1 марта. Февральский набор был «малочисленным», по сравнению с остальными мобилизациями: на фронт ушли 30 тысяч человек. В марте воинские ряды пополнились еще 600 тысячами солдат²⁴. Практически каждая мобилизация забирала от 500 тысяч до 1,5 миллиона человек по всей стране.

За годы войны из Казанского военного округа было отправлено 7950 маршевых рот (около 2,4 млн. солдат и офицеров). Только из одной Казанской губернии было взято в армию 290 тысяч человек²⁵.

По данным историка Х.М.Абдуллина, которые он любезно предоставил нам, к началу Первой мировой войны на территории Казанского военного округа были расквартированы пехотные полки 41, 45 и 47 пехотной дивизии. Все они были отправлены на фронт. Из новобранцев Казанской губернии были сформированы 94-й, 95-й, 164-й и 240-й пехотные запасные полки, вошедшие в состав 13-й пехотной запасной бригады. Солдаты, прошедшие в этих полках курс обучения, отправлялись маршевыми ротами (1 офицер и 100 рядовых) на восполнение боевых потерь в действующие на фронте полки. Поэтому уроженцы Казанской губернии воевали в составе различных полков и на самых разных фронтах. Но определенный «казанский след» имел 162-й пехотный Ахалцыхский полк, который до войны расквартировался в Казани. В его составе заметное место занимали выходцы из Казанской губернии.

Кроме того, только в 1914 г. в Казани были сформированы 77-я артиллерийская и парковая бригады, 305-й Лаишевский полк, 106-й Мокшанский полк²⁶. По данным исследователей из Национального музея РТ, солдаты из Поволжья участвовали во многих боевых операциях Первой мировой войны, в том числе во взятии Галича на Днестре, в блокаде Перемышля, в боях на Карпатах, в знаменитом Брусиловском прорыве в мае-июле 1916 г.²⁷

Вместе с тем, к концу войны достаточно было и тех, кто самовольно покидал войсковые части. По Казанскому военному округу число таких солдат с 1 января 1915 года по 1 ноября 1916 г. достигло 5,6 тысяч человек²⁸. Всего же за годы войны по всей стране насчитывалось 365 137 дезертиров. Сильно увеличилось их коли-

²⁴ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – С.17.

²⁵ История татар с древнейших времен в семи томах. – Т.7. – Казань, 2013. – С.70.

²⁶ Казанский телеграф. – 1914. – 27 ноября. – №6446.

²⁷ Неизвестная Великая война. 1914–1918. Каталог выставки / Национальный музей Республики Татарстан. – Казань, 2014. – С.6–9.

²⁸ Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века. – Казань, 2005. – С.83.

чество после февраля 1917 г.²⁹ Рост количества дезертиров был связан и с двоевластием. Например, в августе 1917 г. Казанский совет рабочих и солдатских депутатов издал указ об освобождении от службы солдат, достигших 40-летнего возраста, что противоречило действующему законодательству³⁰.

Помимо дезертиров, в тылу немало было отпускных солдат, не все из них спешили обратно на фронт. «В настоящее время из частей войск очень много прибывают на родину в кратковременный отпуск нижние чины, а потому предписываю иметь самое строжайшее наблюдение за таковыми нижними чинами, числив их на учет, дабы они своевременно убывали в свою часть из мест жительства», – просил воинский начальник Царевококшайского уезда Казанской губернии председателей волостных правлений в июне 1916 г.³¹

Среди отпускных солдат были и те, кому исполнилось 43 года. Из-за возраста они подлежали демобилизации. Однако многие из них, будучи отцами семейств, для того чтобы и дальше получать казенные пайки, не торопились к воинским начальникам для увольнения со службы. Они предпочитали числиться военнослужащими³². Дороговизна жизни была ужасающей, поэтому пособия для многих семей военнослужащих оставались чуть ли не единственным источником дохода.

Война стала частью повседневности жителей губернии. Особенно в первые годы войны массовым было благотворительное движение³³. Повсеместно открывались госпитали и другие социальные заведения (столовые, приюты), с целью оказания помощи раненым и увечным воинам, а также их семьям.

В Казань ежедневно прибывали поезда и пароходы с ранеными. В некоторые дни в губернский город привозили более 400 человек³⁴. Раненых принимали представители трех ведомств (Красного Креста, земства и городского самоуправления)³⁵. Под их началом различными общественными объединениями и учреждениями организовывались госпитали и лазареты. Согласно постановлению Общегородского союза помощи больным и раненым воинам и семьям

²⁹ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – Жуковский; М., 2001. – С.184.

³⁰ Материалы к десятилетию октября в Татарской Республике (для докладчиков). – Казань, 1927. – С.4.

³¹ ГАРМЭ. Ф.243. Оп.1. Д.3. Л.5.

³² ГАРМЭ. Там же. Л.72.

³³ Миронова Е.В. Казанское дворянство и Первая мировая война: опыт благотворительности // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сб. материалов Всероссийской научной конференции. Казань, 10–11 октября 2014 г. – Казань, 2014. – С.292–299; Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Казань, 2015. – С.182–195.

³⁴ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1493. Л.19.

³⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.1358. Л.1860б.

запасных в начале войны во всей Казанской губернии власти должны были организовать госпитали на 9000 мест, причем только в Казани – медицинские учреждения на 4 500³⁶. Но в реальности мест размещения больных и раненых военнослужащих понадобилось еще больше. В конце 1915 г. по всей губернии действовали временные лечебные заведения, рассчитанные на 9 138 мест. Из них – 8 579 мест приходилось на госпитали и лазареты г. Казани, остальные 559 мест размещения были организованы в уездах. Львиная доля больниц была сконцентрирована в самой Казани. В губернском городе функционировало 105 госпиталей и 7 лазаретов. При этом лазарет казанского общества «Красного Креста» насчитывал 13 отделений в городе и 2 филиала в Казанском и Свияжском уездах³⁷. Одним из казанских госпиталей в эти годы руководил знаменитый хирург А.В.Вишнеvский; вместе с тем, он продолжал читать лекции по госпитальной клинике и хирургии в университете.

Госпитали работали в разных районах Казани, в том числе в Кремле (Лазарет военного ведомства). Открывали свои госпитали коммерческие предприятия (например, Торгово-промышленное общество Алафузовых, завод Крестовниковых), общественные объединения. 2 ноября 1914 г. торжественно открылся Мусульманский лазарет в Казани, в церемонии открытия присутствовали губерна-тор, городской голова, военные начальники.

Помимо госпиталей, актуальным был вопрос об оказании помощи инвалидам войны. С этой целью недалеко от Казани близ Раифской пустыни планировалось строительство Дома инвалидов. Большинство горожан и жителей губернии приняли участие в благотворительных сборах. К концу 1915 г. населением губернии было собрано 59 300 рублей, в сосновом лесу на эти деньги возведено Центральное здание и три павильона. Задумка Казанского губернского земского собрания отличалась от городских госпиталей, организованных на скорую руку, своей основательностью и необычным местоположением. Но рассчитан был Дом инвалидов только на 45 человек³⁸.

Большинство вернувшихся с войны солдат-инвалидов даже назначения себе пособий добивалось с большим трудом. Медицинские комиссии, как правило, признавали лишь частичную потерю трудоспособности, либо связывали болезни и увечья не с войной, а списывали на прежнее, довоенное состояние здоровья³⁹.

³⁶ Казанский телеграф. – 1914. – 20 сентября. – №6391.

³⁷ Подсчитано автором по: Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 год. – Казань, 1916. – С.604–616.

³⁸ Казанский телеграф. – 1915. – 12 декабря. – №6746.

³⁹ Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Казань, 2015. – С.247–248.

За годы войны на фронт было призвано 10,7% населения Казанской губернии. Это составляло 21,4% всех мужчин губернии или 44,8% трудоспособного мужского населения региона⁴⁰. Поэтому значительно увеличилась доля работающих женщин. Например, если численность мужчин-рабочих в Поволжье в годы войны выросла на 5,7%, то число женщин-работниц – на 202,2%. Женщины и подростки составляли почти половину рабочей силы в текстильной, пищевой, химической промышленности⁴¹. В 1917 г. женская часть населения г. Казани превышала мужскую на 11 440 человек⁴². Сохранилась эта тенденция и в будущем. Так, в 1920 г. в городе на 100 жителей приходилось 45 мужчин и 55 женщин⁴³.

Большая часть предприятий Казанской губернии, в том числе крупнейшие фабрики и заводы, работали на оборонную промышленность. Например, в Казанском казенном пороховом заводе производилась основная часть порохов для нужд российской армии. В 1916 г. было выпущено 271 тыс. пудов этой продукции. В 1915–1917 гг. на территории предприятия был построен второй завод с мощностью до 168 тыс. пудов в год⁴⁴. В числе крупных предприятий были также Торгово-промышленное общество Алафузовых, завод братьев Крестовниковых. За годы войны в Казанской губернии возникли новые крупные промышленные объекты, в том числе обувная фабрика «Поляр» (ныне – «Спартак»), обмундироваальные мастерские Шабанова (фабрика «Победа»). Предприятия Казанской губернии занимали ведущее место по производству военного обмундирования, кожи и кожевенной обуви⁴⁵. Кроме этих сфер, значительное число рабочих было занято в пищевом производстве.

Военные заказы способствовали развитию промышленности в сельской местности. Например, численность рабочих товарищества «Братья Комаровы» в с. Кукмор Мамадышского уезда, специализировавшегося на производстве валяной обуви, выросло от 1000 до 1900 человек⁴⁶. Но в основном, в селах функционировали неболь-

⁴⁰ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – С.21.

⁴¹ Галиуллина Г.Р. Женский вопрос в России: региональный аспект (1900–1917 гг.). Дисс. ... к.и.н. – Казань, 1995. – С.51.

⁴² Население г. Казани. 1863–1923. – Казань, 1923. – С.17.

⁴³ Там же. – С.8.

⁴⁴ Циунчук Р.А., Федотова О.В. Предисловие // Казанская губерния в годы Первой мировой войны: сб. документов и материалов / под общ. ред. Д.И.Ибрагимова. – Казань, 2014. – С.6.

⁴⁵ Белялов У.Б. Начало социалистических преобразований в экономике Казанской губернии (октябрь 1917 – август 1918 г.). – Казань, 1961. – С.4.

⁴⁶ Назипова К.А. Национализация промышленности в Татарии (1917–1921). – М., 1976. – С.15; Ермаков В.В. Торгово-промышленное предпринимательство в Нижнем Прикамье в условиях Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сб. материалов Всероссийской научной конференции. Казань, 10–11 октября 2014 г. – Казань, 2014. – С.241.

шие трудовые артели. Распространена была работа на дому, когда военное обмундирование изготавливалось в домашних условиях. Встречались и попытки организации специфических производств. Например, в начале 1917 г. в дер. Кульбаево-Мараса Чистопольского уезда торговым домом «Сайфуллин, Зяббаров и Хабибуллин» была открыта спичечная фабрика⁴⁷.

Рабочие и служащие предприятий и учреждений, работавших на оборонную промышленность, пользовались льготами. Военная служба стала своеобразным инструментом влияния на предприятия. Так казанский губернатор предлагал всем военнообязанным рабочим Алафузовского завода ходить в погонах и с кокардой, что бы «это служило постоянным им напоминанием, что они приравнены к тем, кто призван в войска»⁴⁸. Рабочих нервировала эта ситуация, некоторые из них еще в 1915 г. жаловались воинским начальникам на шантаж со стороны администрации⁴⁹.

На этом фоне раздражали различные злоупотребления с фиктивными работниками. На данный аспект работы военных предприятий власти начали обращать внимание лишь через несколько лет после начала войны⁵⁰. Например, призывники довольно часто «устраивались» на работу в Казанский пороховой завод. Предоставляли подобные «услуги» и мелкие предприятия. В такие списки попали Механическо-литейный и Кузнечно-слесарный завод Козлова, крупной завод Анисимова, обмундировавшая мастерская Шабанова⁵¹.

В 1914 г. в Казанской губернии действовало 177 промышленных предприятий с общим числом рабочих 16 836 человек⁵². В следующем 1915 г. в губернии работало 388 заводов и фабрик, с производительностью свыше 1000 рублей. В этих производствах были заняты 18 386 рабочих⁵³. В 1918 г. зафиксировано уже 200 промышленных предприятий с общим числом рабочих 18 384 человека⁵⁴, но из них фактически работало только 130 предприятий, остальные 70 уже не действовали⁵⁵.

⁴⁷ Ермаков В.В. Указ. соч. – С.242.

⁴⁸ История Казани в документах и материалах: XX век. – Казань, 2004. – С.362–363.

⁴⁹ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1517. Л.118.

⁵⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6629. Л.4.

⁵¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6629. Л.54об.–59.

⁵² Татарстан в цифрах. Издание Статистического управления ТССР. – 1923. – №14. – Казань, 1923. – С.72.

⁵³ Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 год. – Казань, 1916. – С.804.

⁵⁴ Статистический ежегодник 1918–1920. – Вып. 1. – Т.VIII. – Москва, 1921. – С.64.

⁵⁵ Там же. – С.70.

Подавляющее большинство рабочих еще до войны имело тесные связи с деревней. В весенне-осенний период они работали на собственных земельных наделах или же нанимались батраками к крупным землевладельцам. Обработка земли по-прежнему проводилась старыми методами. Но даже при трехпольной системе и низкой урожайности, до начала войны Казанская губерния вывозила на общероссийский и международный рынок в среднем 20 млн. пудов (около 327,6 тыс. тонн) зерна в год⁵⁶.

С призывом на фронт основной массы трудоспособного мужского населения⁵⁷, главным образом из сельской местности, в Казанской губернии резко сократились посевные площади. По сравнению с 1915 г., в 1916 г. обрабатываемые сельскохозяйственные угодья уменьшились с 2,2 млн. дес. до 1,5 млн. По подсчетам Б.И.Сибгатова, общее сокращение составило 31,7%. Прежде всего, были урезаны посевы ячменя, овса⁵⁸.

Еще одной причиной упадка крестьянских хозяйств стала воинско-конская повинность. Крестьяне тяжело расставались с домашней скотиной, особенно во время полевых работ⁵⁹. Те кто, сдали свои лошади на нужды армии, не сразу сумели получить компенсацию за них⁶⁰.

В 1917 г. урожайность хлебов в Казанской губернии, по сравнению с наиболее благополучным 1909 г., снизилась почти на 68% (с 165,4 до 69,7 млн. пудов). При этом погодные условия революционного года были благоприятными. Сокращение посевов коснулось всех губерний Европейской России. Но данные по объемам собранных хлебов Казанской губернии превышали средний показатель по этим регионам (около 50%)⁶¹. Таким образом, уже в 1917 г. наметились очертания трагедии 1920-х гг. – голода в Поволжье.

⁵⁶ Белялов У.Б. Начало социалистических преобразований в экономике Казанской губернии (октябрь 1917 – август 1918 г.). – Казань, 1961. – С.6.

⁵⁷ По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. из крестьян Казанской губернии было призвано в армию 277,6 тысяч человек. Из городских сословий отправились на фронт гораздо меньше представителей. Например, по данным на 1 сентября 1917 г., в Казанской губернии семьям военнослужащих выдавалось 842,4 тыс. пайков. При этом в деревнях число получателей казенной социальной помощи доходило до 803,8 тыс. человек (очевидно, надо учитывать и многочисленность семей), в городах их было 38,6 тысяч (Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – С.49).

⁵⁸ Сибгатов Б.И. Деревня Казанской губернии в 1916 г. // Хозяйствующие субъекты в аграрном секторе России: история, экономика, право: сб. материалов IV Всероссийской (XII Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Казань, 10–12 октября 2012 г.). – Казань, 2012. – С.246–247.

⁵⁹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6986. Л.22.

⁶⁰ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1492. Л.70.

⁶¹ Шайдуллин Р.В. Сравнительная динамика развития основных отраслей крестьянских хозяйств Казанской губернии в годы Первой мировой и Гражданской войн // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны.

Продовольственная катастрофа была обусловлена многими факторами. Перебои в снабжении учащались с каждым годом войны. Связаны они были главным образом с проблемами транспорта. Железные дороги по стране были распределены неравномерно. Из-за этого затруднялась и мобилизация, и снабжение армии, и обеспечение тыла продовольствием. Например, запасы мяса и хлеба из Сибири просто не доходили до Поволжья. Из-за военного положения не все железнодорожные станции могли принимать продовольственные грузы⁶². Если в 1914 г. гражданские перевозки по железной дороге сократились на 17%, то в следующем 1915 г. этот показатель равнялся уже более 30%⁶³.

Испытывал трудности и водный транспорт. До войны в летнее время Волга активно использовалась для снабжения Казанской губернии продуктами питания, но с лета 1914 г. ее значение упало. Во-первых, во время навигации по реке начали транспортировать новые виды грузов, например, каменный уголь. Во-вторых, часть волжских пароходов в годы войны была переведена на Северную Двину и даже на Днепр, а многих речных работников (бакенщиков) призвали в армию⁶⁴. Все эти факторы осложняли продовольственное снабжение поволжских губерний. При этом по данным Общегубернского совещания по вопросам о борьбе с дороговизной, в 1916 г. Казанская губерния нуждалась в привозных продуктах общей стоимостью 53 520 000 рублей. В это число входили сахар, чай, соль, масло постное, крупы (пшено, рис, перловка, манная и пр.), мясо⁶⁵.

В этих условиях существенную прибыль получали продавцы продуктами питания. Цены в торговых лавках росли не по дням, а по часам. Порой покупателям, стоявшим в одной очереди, торговцы могли предложить одинаковый товар по разной цене. Это возмущало основную часть населения. Невзирая на различные административные меры по привлечению к ответственности спекулянтов, по удержанию твердых цен, они росли с каждым днем. Если в 1915 г. цены выросли на 20%, то в 1916 г. рост составил уже 60%. В последующие годы они росли в катастрофических масштабах: 1917 г. – 630% (6,3 раза), за 1918 г. в 62 раза, за 1919 г. в 695 раз и за 1920 г. в 6 290 раз по сравнению с 1914 г.⁶⁶ Например,

Сб. материалов Всероссийской научной конференции. Казань, 10–11 октября 2014 г. – Казань, 2014. – С.192–193.

⁶² НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.38. Л.21об.

⁶³ Белова И.В. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. – М., 2011. – С.64.

⁶⁴ НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.38. Л.22–22об.

⁶⁵ НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.38. Л.21.

⁶⁶ Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. – М., 2007. – С.47.

обеспеченность населения мукой только в Чистопольском уезде Казанской губернии к 1918 г., по сравнению с 1915 г., снизилась от 32,13 пудов на человека до 4,7⁶⁷.

В этот период уже на государственном уровне обсуждались проекты по введению карточной системы на продовольствие, поскольку удержание цен оказалась малоуспешной мерой. Однако царское правительство не стало вводить повсеместно карточную систему, поскольку не было уверено в своих возможностях по обеспечению этих карточек. Но локальные меры все же принимались, в некоторых городах действовали ограничения на ряд продуктов⁶⁸. Еще в 1916 г. карточки на сахар ввели в 70 губерниях России⁶⁹.

Общество пыталось защитить себя, консолидировать силы для борьбы с дороговизной. Свою нишу заняли различные кооперации, прежде всего, потребительские общества, которые старались продавать продукты питания и предметы первой необходимости по минимальной цене. Так если до войны в Казани функционировали два таких объединения, то в 1915–1916 гг. в городе появилось еще семь потребительских обществ⁷⁰. С упрощением законодательства по регистрации новых обществ, после февраля 1917 г. они стали открываться повсеместно. В майском съезде кооператоров Казанской губернии приняли участие 165 представителей от кредитных и потребительских кооперативов⁷¹. К концу 1917 г. Казанский союз потребительских обществ объединял около 1000 мелких обществ, разбросанных по всей Казанской губернии⁷². Однако и в потребительские общества проникали различные мошеннические схемы⁷³, тем самым терялось их стабилизирующее значение.

В годы Первой мировой войны Казанская губерния превратилась в один из значительных тыловых регионов империи. Уже в первые месяцы войны в Среднем Поволжье появились вынужденные переселенцы: интернированное население и беженцы из западных окраин империи. Показательны данные по численности

⁶⁷ Шайдуллин Р.В. Сравнительная динамика развития основных отраслей крестьянских хозяйств Казанской губернии в годы Первой мировой и Гражданской войн // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сб. материалов Всероссийской научной конференции. Казань, 10–11 октября 2014 г. – Казань, 2014. – С.194.

⁶⁸ Ильюхов А.А. Указ. соч. – С.89.

⁶⁹ Белова И.В. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. – М., 2011. – С.71.

⁷⁰ НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.20. Л.713.

⁷¹ Казанская кооперативная жизнь. Журнал Казанского кооперативного комитета. – 1917. – июль. – №4. –С.25.

⁷² Материалы к десятилетию октября в Татарской Республике (для докладчиков). – Казань, 1927. – С.25.

⁷³ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.28. Л.370.

Казани за 1915–1916 гг. Если по итогам 1915 г. в губернском городе было зафиксировано 197 070 жителей⁷⁴, то уже к лету следующего 1916 г. количество населения Казани выросла до 215 472. Судя по всему, при подготовке официальных данных для Центрального статистического управления в 1915 г. местные власти не учли количество вынужденных мигрантов.

Между тем, к декабрю 1915 г. число прибывших в Казанскую губернию беженцев достигло 67 тыс. человек⁷⁵. Кроме того, в губернию направлялись военнопленные, прежде всего, бывшие солдаты Австро-Венгерской и Германской армии. В некоторых населенных пунктах число военнопленных порой составляло почти половину жителей. Например, такая картина сложилась в Царевококшайске, где в 1916 г. из 3040 жителей уездного города 1079 человек являлись беженцами, гражданскими и военными пленными⁷⁶.

Менялась и этническая картина региона. Например, согласно официальным данным, этнический состав населения г. Казани с 1915 по 1920 г. г. выглядел следующим образом.

Таблица 2⁷⁷

<i>Народность</i>	<i>Количество населения</i>	
	<i>1915 г.</i>	<i>1920 г.</i>
Русские	146 704 ⁷⁸	108 161
Татары-мусульмане	31 320	28 416
Крещеные татары	68	
Чуваши	1053	536
Мари	245	128
Мордва	633	71
Удмурты	31	53
Евреи	2107	5081
Караимы	14	
Немцы	885 ⁷⁹	
Поляки	1612	1753

⁷⁴ Статистический ежегодник России 1916 г. – Вып.1. – М., 1918. – С.87.

⁷⁵ Земская неделя. – 1916. – 21 февраля. – №8. – С.3.

⁷⁶ НА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.645. Л.9, 14.

⁷⁷ Таблица сост. по: НА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.642. Л.32; Население г. Казани. 1863–1923. – Казань, 1923. – С.33–34. В 1915 г. не были учтены военные, размещавшиеся в городе (29 495 человек).

⁷⁸ Очевидно, эта цифра включала также украинцев, белорусов и представителей других славянских народностей. Например, этнических греков в Казани на самом деле было больше 18 человек. Только на Алафузовских предприятиях трудились десятки представителей греческой диаспоры.

⁷⁹ Судя по всему, в это число были включены подданные Российские империи и интернированное население, а не военнопленные. Так, по этим данным в Казани проживало 706 немецких женщин.

Французы	52	34
Армяне	230	67
Греки	18	59
Латыши	160	604
Литовцы	–	305
Эстонцы	–	87
Мадьяры (венгры)	–	94
Прочие народности	95	–

Война усугубила многие старые проблемы (земельный вопрос, отсутствие единства, гражданская и культурная неразвитость, конфессиональные и этнические противоречия) и прибавила новые: постоянные военные мобилизации и потеря трудоспособного мужского населения страны, транспортный коллапс, дефицит продовольствия и предметов первой необходимости, усиление внутренней миграции (беженцы, интернированные, военнопленные, раненые и отпущенные солдаты). Все эти моменты нашли отражение и в жизни населения Казанской губернии. Несмотря на трудности военной поры, губерния, как тыловой регион, выполняла важную роль по обеспечению фронта промышленными товарами и сельскохозяйственной продукцией.

Февральская революция дала обществу надежду на перемены к лучшему. Одним из министров Временного правительства стал депутат 3-й и 4-й Государственных дум от Казанской губернии – Иван Васильевич Годнев. Однако депутат-прогрессист и министр-контроллер не сумел претворить свое видение нового устройства России в жизнь. Уже в конце июля 1917 г. Годнев подал в отставку вместе с группой министров вслед за А.Ф.Керенским⁸⁰. Точно так же, как стремительная карьера казанского врача Годнева, менялась в 1917 г. ситуация в стране и Казанской губернии. И эти неуловимые перемены во многом были обусловлены разными социальными ожиданиями и отсутствием культуры диалога.

* * *

Ни одна проблема отечественной историографии не пользовалась столь устойчивым научным интересом на протяжении семидесяти лет, как история российской социал-демократической рабочей партии. Молодое Советское государство занималось не только выстраиванием своей системы управления и созданием нового общества, но и тщательно реконструировало собственный вариант истории революции.

⁸⁰ Малышева С. Казанец – министр Временного правительства // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1999. – №1/2. –С.277–278.

1917 год является историческим рубежом, до которого доводились исследования об имперском прошлом, и начинался отсчет научных изысканий о советском времени. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что наши знания о том самом 1917 г. довольно смутные. Прежде всего, это время с февраля по октябрь 1917 г. Следы восьми месяцев действия Временного правительства затеряны в самых различных архивных фондах (иногда, совершенно неожиданных), а из исследовательского фокуса, да и памяти жителей Советской России, события 1917 г. были искусственно вытеснены последующей сакрализацией Великого Октября и формализацией истории. При таком подходе, конечно, не было возможности для развития других историографических традиций. Процесс создания истории революции 1917 г., с точки зрения советов, представлен в монографии С.Ю.Малышевой. «В 20-е – середине 30-х гг. шел процесс селекции нужного и ненужного для создававшейся государственнической, охранительной концепции истории революции (да и страны вообще)», – отмечает она⁸¹. С 1938 г. каждый советский исследователь был вынужден руководствоваться кратким курсом истории ВКП(б).

В этой связи, не стали исключением и работы по истории революции на материалах Казанской губернии. Большинство из них посвящено периоду подготовки «вооруженного восстания пролетариата» – с июля по октябрь 1917 г. Необходимо отметить имена татарстанских исследователей революции И.М.Ионенко, М.К.Мухарьямова, И.Р.Тагирова, Р.К.Валеева, внесших значительный вклад в изучение событий 1917 г. на территории Казанской губернии⁸². Но известная научная парадигма позволяла представить прошлое лишь в схематичном виде. «Человеческого измерения» не было ни в биографических исследованиях⁸³, ни в научных трудах о социальных группах и корпорациях⁸⁴. Поэтому лишь незначительный

⁸¹ Малышева С.Ю. Российское временное правительство 1917 года. Отечественная историография 20-х – середины 60-х годов. – Казань, 1999. – С.94.

⁸² Ионенко И., Тагиров И. Октябрь в Казани. – Казань, 1967; Валеев Р.К. Революционное движение в Среднем Поволжье. Июль-октябрь 1917 г. – Казань, 1972. – 153 с.; Тагиров И. В борьбе за власть Советов (октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале, июль 1917 – март 1918 г.). – Казань, 1977. и др.

⁸³ Мухарьямов М. Камиль Якубов. – Казань, 1964. – 44 с.; Мухарьямов М.К. Труженик революции: общественно-политическая деятельность Ш.Ахмадеева. – Казань, 1988. – 110 с. и др.

⁸⁴ Анисимов Н.Г. Казанский льнокомбинат. 1860–1960. – Казань, 1960; Смирнова В.Н. Женщины Татарии в борьбе за власть советов. – Казань, 1963; Еников Э.А. Деятельность казанских большевиков по революционному воспитанию студенческой молодежи (1905 – февраль 1917 гг.). – Казань, 1973; Назипова К.А. Национализация промышленности в Татарии (1917–1921). – М., 1976. и др.

фактический материал данных трудов представляет определенную ценность при проведении сегодняшних исследований по истории 1917 г. Сборники документов и материалов этого периода также были подчинены логике околопартийного научного поиска⁸⁵.

По иному пути развивалась зарубежная историческая наука, где еще к середине XX в. наметились тенденции по поиску новых методов исследования. В результате, уже во второй половине столетия на арене появились «новая социальная история», «новая культурная история» и многочисленные вариации, вроде истории повседневности, гендерных исследований и т.д. Так, в 1978-м году увидела свет книга Р.Стайтса о «женском вопросе» в Российской империи. Автор рассматривает женскую эмансипацию в тесной связи с идеями нигилизма, с радикальными кружками и т.д.⁸⁶ Позднее эту тему, но немного с другим инструментарием продолжила Б.Пиетров-Энкер, исследование которой базировалось на подробном анализе и типизации биографий десяти российских феминисток⁸⁷.

Заслуживает внимания исследования японского ученого Харуки Вады о народовольцах в 1917 г. и в период советской власти. В 1980-е гг. он опубликовал статьи о В.Фигнер, Л.Тихомирове, где на основе широкого круга биографических документов реконструировал их неофициальное отношение к революции, повседневную жизнь в условиях новой власти, проанализировал взаимосвязь внутренних убеждений протореволюционеров со способностью выживать в экстремальных условиях⁸⁸.

С начала 1990-х гг. политическая, социально-экономическая, культурная история России началась рассматриваться с новых ракурсов. Безусловно, перемены коснулись и культурной темы советской историографии – истории революции. Ревизионистская волна охватила не только известный образ революции и методы их ин-

⁸⁵ Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой октябрьской социалистической революции. Сб. док. – Т.1. – Казань, 1950; За власть советов. Сборник воспоминаний участников октябрьских событий в Татарии. – Казань, 1957; Татария в борьбе за победу пролетарской революции (Февраль – октябрь 1917 г.). Сб. док. и матер. / под ред. М.К.Мухарямова, В.П.Тимофеева, С.Н.Фомичева. – Казань, 1957; Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября: Сб. док. и матер. / сост. Н.М. Силаева. – Казань, 1958; Документы по истории Октября в Татарии (март 1917 – март 1918) / Сост. Л.В. Горохова, Н.М. Силаева, И.М. Ионенко – Казань, 1973; Деятельность Советов Татарии (1917–1978). Док. и матер. /отв. ред. С.Г. Батыев, ред. А.М.Каримов, М.К.Мухарямов. – Казань, 1983.

⁸⁶ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. – М., 2004.

⁸⁷ Пиетров-Энкер Б. «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции.– М., 2005.

⁸⁸ Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды / Пер. с япон. и англ. – М., 1999. – С.87–162.

терпретации, но и документальную базу исследований. Например, содержательная критика мемуаров об Октябрьской революции в Среднем Поволжье содержится в источниковедческой диссертации М.А.Казаковой: автор провела сравнительный анализ опубликованных текстов с архивными материалами⁸⁹.

Отход от традиционной историографической традиции дал возможность восполнить так называемые «белые пятна» событийной истории. Поэтому важным направлением татарстанской историографии стало изучение насыщенной общественно-политической жизни татар начала XX столетия. Безусловно, данная научная задача была продиктована демократическими реформами в постсоветском обществе. Конец XX в. с его идеями национальных суверенитетов во многом был схож с общественными настроениями начала XX в., когда в обществе наблюдался рост правосознания и выдвигались требования о пересмотре положения инородцев и мусульман, все явственнее осознавалась национальная идентичность, которая впоследствии трансформировалась в требование о национально-культурной автономии. Эти страницы истории до перестройки рассматривались лишь как буржуазные отклонения, представляющие собой узкие интересы имущих классов. На рубеже XX–XXI вв. данные исторические пробелы были в определенной степени восполнены. В исследовательском фокусе появились различные сюжеты революционной эпохи: об общественно-политической активности татарских интеллектуалов, о всероссийских мусульманских съездах, военных организациях, проектах татарской автономии, о движении мусульманок за равноправие и т.д.⁹⁰.

В этой связи стоит отдельно выделить исследование С.М.Исхакова, избравшего объектом научного анализа мусульманское общество России в условиях революций 1905 и 1917 гг.⁹¹ Его работы отличает не только насыщенный фактический материал, но и сочетание событийной истории с элементами историко-антропологического анализа. Например, он одним из первых, еще в сере-

⁸⁹ Казакова М.А. Воспоминания об Октябрьской революции в Среднем Поволжье как исторический источник. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 1994.

⁹⁰ Хабутдинов А.Ю. Татарское общественно-политическое движение в досоветский период: 1900–1918 гг. – Казань, 1997; Усманова Д.М. Февраль 17-го в телеграммах от мусульманского населения // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – № 1/2. – С.166–167; Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. – Казань, 2000; Гиззатуллин И.Г. Мусульманские военные организации (1917–1921 гг.). – Казань, 2002; Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. – Н.Новгород, 2005. и др.

⁹¹ Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2004; Его же. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М., 2007.

дине 1990-х гг., обратился к изучению психологии мусульман в контексте революционной эпохи.

Помимо социальных групп, в том числе этноконфессиональных общностей, на рубеже XX–XXI вв. научные силы были направлены на изучение деятельности различных институтов власти. Особое внимание в данный период вызывали как органы самоуправления (земства, городские думы), так и специфические учреждения периода революции⁹². Часть этих работ носила политологический характер, поэтому историческим материалам в них отводилась скорее вспомогательная роль⁹³. Кроме того, в данной исследовательской стратегии превалировал анализ нормативно-правовых актов, но мало внимания уделялось взаимодействию субъектов власти с населением. Этот недостаток во многом можно объяснить особенностями переходного этапа: смена идеологического фасада исследований не всегда влекла за собой полную замену научных инструментов. Осталась привычка к одномерной истории.

Перемены в осмыслении революционной эпохи на региональном уровне в большей степени демонстрируют публикации научно-популярного характера, а также документальные издания. Дневники, письма и воспоминания, пожалуй, являются основными опорными точками в реконструкции многомерной картины прошлого⁹⁴.

⁹² Морозов А.В. Больничные кассы и страхование рабочих в Казанской губернии. 1912–1919. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2000; Диндаров А.И. Земельные комитеты Среднего Поволжья в 1917–1918 гг. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2002; Солдатов Я.В. Казанское земство в период Первой мировой войны: историко-политический анализ. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2004; Мансуров Р.З. Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006.

⁹³ Халилова Т.В. Региональное лидерство и политическая культура (на материалах Казанской губернии). Февраль 1917 – июль 1918 гг. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2000; Румянцев Д.Е. Демократизация органов городского самоуправления в Поволжье в 1917 году: историко-политический анализ. Автореф. дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006.

⁹⁴ Баруди Г. Памятная книжка / пер. с тат. // Казань. – 1998. – №10/11. – С.79–89; Малышева С. Пожар на Пороховом, или «казанская катастрофа» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.288–293; «Мне нужна только свобода и свобода...». Письма И.Казакова с фронта, адресованные Н.Казаковой / публ. Л.Хузеевой // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2002. – №1/2. – С.101–106; Дневник М.В. Нечкиной: Казань и Казанский университет (1917–1924 гг.) / Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации А.Н.Бикташевой. – Казань, 2003; Ильина О.А. Канун Восьмого дня. – Казань, 2003; Кузнецова Л.О. Казань в 1917 году URL: archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/print/?id=8023&type=article (дата обращения 18.11.2016); Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (1898–1916): (автобиографический очерк и воспоминания). – Йошкар-Ола, 2008; Фаезова Г. «Царя нашего с престола прогнали...» (К 95-летию Февральской революции 1917 г. в Казанской губернии) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2012. – №1/2. – С.151–156.

Хотя не менее важны и опубликованные источники другого плана (от материалов делопроизводства до газетных публикаций), отобранные по новому принципу и открывшие неизвестные аспекты общественной жизни революционной эпохи⁹⁵.

С середины 1990-х гг. в отечественной историографии предпринимаются первые попытки понять российское прошлое в «человеческом измерении», в том числе и в изучении революций: событий 1905–1907 гг. как своеобразного пролога, так и революций 1917 г.⁹⁶ Именно в историко-антропологических работах намечается тенденция к общности февраля и октября, как составных частей одного исторического явления.

Исследование В.П.Булдакова посвящено природе и последствиям революционного насилия. Автор расценивает революцию как «исход тяжелой болезни», обращаясь к «катастрофическому прошлому» он не занимается характерным для постсоветского времени разоблачением красного террора, не разграничивает палачей и жертв, а ставит для себя более сложные научные задачи. «Общество всегда охотно осуждает убийц, оплакивает их жертв, но суеверно шарахается от анализа поступков самоубийц. Поведение последних пугает куда больше, ибо за ним кроется генетически обусловленная суицидальность человека. Революцию можно рассматривать как массово-историческое проявление этой склонности», – пишет он⁹⁷. Продолжением данной монографии является целый ряд других работ В.П.Булдакова⁹⁸.

Другим направлением исследований, наметившимся к рубежу XX–XXI вв., стало изучение символики революции 1917 г. Значительный вклад в изучение данного аспекта политической культуры внес Б.И.Колоницкий⁹⁹. В качестве «инструментов самоорганизации толпы» он анализирует известные с 1905 г. революционные песни и

⁹⁵ Тагиров И. Октябрь в Казани: новое прочтение // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2003. – №1/2. – С.73–86; Малышева С. «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2003. – №1/2. – С.87–92; У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917). Сборник документов и материалов. Кн.2. – Казань, 2003; История Казани в документах и материалах. XX век / Под ред. Р.У.Амирханова. – Казань, 2004.

⁹⁶ Подробнее см.: Человек в революции: Казанская губерния: в 2 т. – Т.1. 1905–1907. – Казань, 2015. – С.23–24.

⁹⁷ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – С.6.

⁹⁸ Булдаков В.П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. – М., 2011; Его же. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. – М., 2012.

⁹⁹ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. – СПб., 2001.

красные флаги, революционные ритуалы («праздники свободы», «красные похороны»). Не менее любопытны наблюдения историка о влиянии «языка революции» на ономастику, когда менялись не только названия учреждений и фирм, но и фамилии (Романовы, Николаевы, Распутины и др.), а взамен появились граждане Республиканские, Обновленские, Расцветаевы, Демократовы¹⁰⁰.

Продолжением данной научной проблематики о символах революционной эпохи является монография С.Ю.Мальшевой о праздничной культуре в российской провинции в 1917–1927 гг.¹⁰¹ Исследование базируется на материалах Татарской АССР. Предваряя историю советских праздников, автор останавливается на истоках этой культуры и рассматривает революционный 1917 г. в Казанской губернии.

С.Ю.Мальшеву можно по праву назвать одним из пионеров историко-антропологических исследований в Татарстане. Научный коллектив, в лице Е.А.Вишленковой, С.Ю.Мальшевой и А.А.Сальниковой, подготовил научное издание об университетской корпорации на примере истории Казанского университета за два столетия. В данной книге авторы коснулись и революционного 1917 г. – это и легковесная оценка профессурой новой власти, лояльное отношение к комиссарам Временного правительства, сотрудничество с казанским Советом (они работал и в культурно-просветительской комиссии при Совете). Характерно, что после октябрьских событий университетские ученые воспринимали большевиков как временное явление¹⁰². Этот микроисторический подход прекрасно демонстрирует отношение большинства населения к революции: она расценивалась скорее как временное неудобство, но никак не эпохальное событие с катастрофическими последствиями.

Продолжением сотрудничества авторского коллектива является монография о культуре повседневности Казани в XIX–XX вв. В этой работе затронуты отдельные аспекты культуры потребления, изменения городского пространства в годы революции, но переходному этапу уделено минимальное внимание, в фокусе исследования, прежде всего, «долгий» XIX век и советская действительность. Неслучайно авторы определяют революционное время как «распад повседневности», на пути к коммунальному быту¹⁰³.

¹⁰⁰ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. – 2-е изд., доп. – СПб., 2012. – С.227.

¹⁰¹ Мальшева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). – Казань, 2005.

¹⁰² Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. – Казань, 2005. – С.216–217.

¹⁰³ Вишленкова Е., Мальшева С., Сальникова А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX веках. – Казань, 2008.

Между тем, революционная эпоха с материальной неустроенностью, продовольственным кризисом и проблемами в товарном снабжении, породила так называемую экстремальную повседневность. Эти новые реалии были отмечены собственными механизмами адаптации и новыми социальными ролями. Данная проблематика была обозначена еще П.Сорокиным в его автобиографическом, социологическом исследовании 1920-х гг. «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь». Отечественная историография постсоветского времени на солидной документальной базе продолжила эту традицию сопоставления материальных факторов и социального поведения.

Например, в исследовании А.Ю. Давыдова под новым углом зрения рассматривается проблема мешочничества. Автор относит мешочникам роль, пусть нелегальных, но основных снабженцев населения страны продовольствием и предметами широкого потребления. Он выделяет «потребительское мешочничество», когда все население привыкало обеспечивать себя самостоятельно, и каждый человек, отправляясь по делам в деревню, «запасался мешком»¹⁰⁴. Материальные трудности военной поры и революции коснулись, прежде всего, городов. В монографии другого исследователя – А.А.Ильюхова представлен подробный анализ материального положения городских жителей в годы революции и гражданской войны, где особое внимание уделяется и социально-психологическим характеристикам горожан¹⁰⁵.

Но основная масса населения России в 1917 г. оставалась крестьянской. Прилив в крестьянскую среду «новой крови» в виду военнотружущих (отпускных солдат, инвалидов, дезертиров и т.д.) способствовал аграрным беспорядкам и нарастанию хаоса. В монографии Д.И.Люкшина представлен оригинальный анализ крестьянских волнений («общинной революции») на территории Казанской губернии. Работа базируется на документах НА РТ¹⁰⁶. Агрессивное поведение крестьян в условиях 1917 г. во многом было обусловлено особенностями мышления сельского населения. Поэтому одним из актуальных научных направлений является реконструкция «картины мира» крестьянства. Любопытное исследование по менталитету русского крестьянства Среднего Поволжья было представлено О.А.Суховой¹⁰⁷. Примечательно, что предпринимаются

¹⁰⁴ Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг. Мешочники. – М., 2002. – С.25.

¹⁰⁵ Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. – М., 2007.

¹⁰⁶ Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М., 2006.

¹⁰⁷ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX века) по материалам Среднего Поволжья. – М., 2008.

попытки анализа не только отдельно взятой сословной группы, но и представителей одной социальной группы, объединенных ментальными установками. Например, в работе О.С.Поршневой рассматривается поведение крестьян, рабочих и солдат накануне и в годы Первой мировой войны. Сразу следует отметить, что предметом исследования выбрано православное население¹⁰⁸. Хотя среди уральских рабочих, безусловно, были трудящиеся из мусульман: татары, башкиры и др. народы.

Мероприятия, приуроченные к столетию начала Первой мировой войны, дали импульс целому ряду научных исследований о предреволюционной и революционной эпохе. В этот период были опубликованы документальные материалы¹⁰⁹, прошли научные форумы. Например, 10–11 октября 2014 г. в Казани состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны», организованная Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ¹¹⁰. Кроме проблем фронта, героики и трагедии войны, в ней обсуждались вопросы тыла: региональная экономика и продовольственный кризис, взаимодействие власти и населения, общественные настроения, в том числе в революционный период. Межрегиональная конференция «Первая мировая война в истории народов Поволжья», прошедшая 24 октября 2014 г. в Чебоксарах, затронула многие аналогичные вопросы. Но среди докладов особое внимание было уделено проблеме военнопленных и интернированных в Казанской губернии¹¹¹. Несмотря на серьезные исследования¹¹², история вынужденной миграции в Казанской губернии изучена недостаточно, многие вопросы остаются невыясненными.

Революция 1917 г. является не только следствием, но и составной частью Первой мировой войны. Авторы коллективной монографии «Россия в годы Первой мировой войны: экономическое

¹⁰⁸ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2004.

¹⁰⁹ Казанская губерния в период Первой мировой войны. Сборник документов и материалов. – Казань, 2014.

¹¹⁰ Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, приуроченной 100-летию начала войны (г.Казань, 10–11 октября 2014 г.) / Под общ. ред. Л.Р.Габдрафиковой. – Казань, 2014.

¹¹¹ Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 24 октября 2014 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В.Гусаров. – Чебоксары, 2015.

¹¹² Ниманов Б.И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 гг. в Поволжье. Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 2009; Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922). – М., 2014.

положение, социальные процессы, политический кризис», опубликованной в 2014 г., следовали именно этой логике. Работа носит комплексный, обобщающий характер. Положение Российской империи мало чем отличалось от ситуации в других странах, втянутых в мировую войну и столкнувшихся с аналогичными социально-экономическими трудностями. Однако, как отмечают авторы, в остальных воюющих государствах «проявления социального недоверия были направлены, как правило, не против системы, а на преодоление отдельных, наиболее болезненных, последствий войны». В результате, в Западной Европе повсеместно после 1918 г. наступила эра реформ, тогда как в России – эпоха революции и гражданской войны¹¹³. Тема войны и революции была продолжена в монографии В.П.Булдакова и Т.Г.Леонтьевой. Авторы ставят во главу угла не столько экономический кризис, а не соответствие социальных ожиданий, «связанных с обещанной победой», и реального положения на фронте¹¹⁴.

К столетию Первой мировой войны было приурочено издание монографий, подготовленных сотрудниками Института истории им. Ш.Марджани АН РТ¹¹⁵. Обе книги сочетают смешанный подход, наряду с традиционным событийным изложением в них присутствует историко-антропологический анализ эпохи войны и революции. Большое внимание уделено вопросам межличностного взаимодействия, материальным аспектам жизни, социокультурной истории.

Продолжением этой исследовательской стратегии является представленная вниманию читателя коллективная двухтомная монография «Человек в революции: Казанская губерния», посвященная российским революциям начала XX в. Казалось бы, что нового можно сказать об этих известных еще со школьных учебников революционных днях? Да и историография постсоветского времени внесла значительную лепту в изучение истории с новой точки зрения, с учетом голосов прошлого из другого идеологического лагеря. Однако за борьбой политических групп очень часто забывался сам исторический актер, обычный человек. «Если придет гибель – она придет от обывателя», – пытался предупредить соотечествен-

¹¹³ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. – М., 2014. – С.959.

¹¹⁴ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. – М., 2015.

¹¹⁵ Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Казань, 2015; Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. – Казань, 2015.

ников социолог П.Сорокин еще в сентябре 1917 г.¹¹⁶ Мы не будем так категоричны.

Но признаем, что сегодня важно с новых научно-методических позиций дать объективную оценку революционной эпохе 1917–1918 гг., провести ретроспективу социально-экономических и общественно-политических потрясений начала XX в. с привлечением дополнительной документальной базы.

Как и в первом томе, посвященном первой российской революции, в центре данного исследования – житель Казанской губернии: крестьянин, рабочий, чиновник, студент. Если в первом томе мы особо выделяли расцвет этноконфессиональных культур в Поволжье в начале XX в., то предшествовавшая революционным потрясениям 1917 г. Первая мировая война внесла свои кардинальные изменения в жизнь губернии. Концепция второго тома была построена, прежде всего, с учетом специфики военного времени. Поэтому объектом научного анализа во втором томе стали новые герои: военные, женщины, вынужденные мигранты войны.

При проведении исследования коллектив авторов руководствовался главным образом историко-антропологическим подходом. Основное внимание было уделено социально-психологической составляющей революции: массовому сознанию, «женскому вопросу», взаимоотношениям в коллективах и сообществах, понятию «свой-чужой», как к элементу коммуникации.

В ходе исследования был значительно расширен круг источников, помимо традиционных делопроизводственных документов, в научный оборот были введены материалы личного происхождения: дневники, письма, автобиографии, мемуары. Поиск и сбор библиографического материала проводился в фондах Национального архива Республики Татарстан, Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан, Национального музея Республики Татарстан, Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета, Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Национального музея Республики Марий-Эл, Национальной библиотеки Республики Татарстан.

В первой главе рассматриваются вопросы взаимодействия власти и общества в 1917 году: трансформация региональной и муниципальной власти, отношение населения к новым представителям власти, символика старой и новой власти, общественные настрое-

¹¹⁶ Сорокин П. Заметки социолога. Социологическая публицистика. – СПб., 2000. – С.127.

ния в эпоху революционных перемен. Эта глава написана Е.В.Мироновой, Л.Р.Габдрафиковой, А.Р.Мухамадеевым, И.Е.Крапоткиной.

Во второй главе события 1917 г. в Казанской губернии проанализированы на примере различных коллективов и сообществ, связанных между собой общими интересами и задачами. В каждой группе имелись внутренние противоречия и конфликты, которые обострились в революционную эпоху. Параграфы данной главы написаны Р.Р.Батыршиным, Л.Р.Габдрафиковой, Х.М.Абдуллиным, Л.А.Бушуевой.

Третья глава монографии посвящена положению женщин губернии. Первая мировая война актуализировала вопросы женской эмансипации, которая для представительниц некоторых социальных групп (например, солдаток) стала вынужденной. Февральская революция подарила россиянкам равноправие, наделила их избирательными правами. Но при этом представительницы разных социальных, этноконфессиональных групп реагировали на эти перемены по-разному. Параграфы третьей главы написаны Е.В.Мироновой, Р.Р.Батыршиным, Л.Р.Габдрафиковой.

Четвертая глава исследования посвящена самой уязвимой категории населения губернии, так называемым «чужим»: военнопленным, беженцам из западных губерний империи и мирным гражданам вражеских стран. Эти социальные группы Казанской губернии до сих пор оставались не изученными, впервые в научный оборот вводятся архивные документы по вынужденным мигрантам Первой мировой войны на территории Казанской губернии. Глава написана Л.Р.Габдрафиковой и Е.В.Мироновой.

Заключение и приложения подготовлены Л.Р.Габдрафиковой, иллюстрации подобраны Л.Р.Габдрафиковой и Е.В.Мироновой.

Коллективное научное исследование «Казанская губерния в 1917 году: историко-антропологический анализ» проводилось в 2016–2017 гг. в рамках государственной программы РТ «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2016 годы». За короткий срок молодыми исследователями этой творческой группы был подготовлен оригинальный научный труд, который, безусловно, станет новым словом в региональной историографии. Мы признательны руководству Республики Татарстан за поддержку наших научных исследований.

ГЛАВА 1

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

- 1.1. *«Прошу уведомить меня кому я должен сдать свою должность...»: трансформация власти в Казанской губернии в 1917 г.*
- 1.2. *«... Приказал временно молитву за царя и гимн не петь»: символы власти в Казанской губернии (1917–1918 гг.).*
- 1.3. *«...Население настолько невежественно, что личное благополучие ставит выше всего...»: общественные настроения в 1917 г.*
- 1.4. *«Чувствую, что долго не вынесу лежащей на мне работы...»: попечители Казанского учебного округа в 1917 г.*

1.1. «Прошу уведомить меня кому я должен сдать свою должность...»: трансформация власти в Казанской губернии в 1917 г.

Понятие «власть» весьма многомерно и имеет различные смысловые оттенки. Приняв определение власти Н.Н. Кабытовой как право и возможность одних управлять другими¹, добавим, что в данном параграфе будет рассматриваться управление лишь со стороны общества и государства.

Казанская губерния к 1917 г. представляла собой сельскохозяйственный регион со слабо развитой промышленностью, сосредоточенной, в основном, в губернском городе. Дворянское землевладение было не столь обширным, как, например, в соседней Самарской губернии, но дворянство было сплоченным, играло большую роль в общественной жизни и имело значительное влияние в земских органах. Еще одна особенность заключалась в расположении в Казани управления обширного Казанского военного округа, включавшего в себя Казанскую, Пермскую, Вятскую, Пензенскую, Симбирскую, Саратовскую и Астраханскую губернии. Также стоит отметить полиэтничность региона, что требовало от властных структур учитывать не только потребности различных классов, но и интересы различных национальностей.

¹ Кабытова Н.Н. Власть и общественные организации Поволжья в 1917 году. Дисс. ... д.и.н. – Самара, 1999. – С. 5.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

К началу Февральской революции в губернии, по жандармским отчетам, всё было спокойно. Хотя население и критиковало власть за высокие цены, недостаток продуктов и войну, но весьма умеренно.

Пост губернатора тогда занимал Петр Михайлович Боярский (1870–1944), обладавший большим опытом административного управления. Выходец из Полтавской губернии, он окончил Петербургский университет, в молодости служил в Министерстве юстиции и Сенате, а до казанского губернаторства занимал должности саратовского вице-губернатора и гродненского губернатора². Казанскую губернию Боярский возглавил в 1913 г. В период войны он активно боролся с высокими ценами на товары, обеспечивал мобилизацию на фронт, занимался устройством эвакуационной и санитарной части, поставками продовольствия.

В конце февраля Петр Михайлович оказался в Москве, откуда он собирался ехать в Петроград, чтобы увидеть все новости самому, но революционная неразбериха не позволила выполнить задуманное. 28 февраля через московского градоначальника Шебеко он посылает телеграмму в Казань: «Петрограде кровавая революция, учреждения разгромлены, арестанты выпущены, Москве начинается тоже, приеду второго, прошу Вас, Боратынского позаботиться жене, советую принять меры, студентов освободить, просите Ахматова телеграфировать узловые станции здоровье жены, детей, спокойствию пошлите встретить Зеленом Доле»³. 1 марта он присылает еще одну телеграмму, где говорит о созыве нового правительства и советует поговорить с командующим войсками Казанского военного округа Сандецким, но при этом действовать с осторожностью. Наконец, 2 марта он прибывает в Казань и уже отсюда телеграфирует председателю Государственной думы Родзянко и члену Думы от Казанской губернии Годневу просьбу сообщить, сохраняются ли за ним полномочия губернатора и в таком случае дать необходимые указания. «А если благоугодно будет Вам предложить мне сложить свои обязанности, то прошу не отказать срочно уведомить меня кому я должен сдать свою должность, так как в это тяжелое время оставлять губернию без управления невозможно. Независимо от сего, как гражданин горячо приветствую Государственную Думу, решившую спасти Родину»⁴. В тот же день он рассылает циркуляры во все города и земства губернии с просьбой сохранять спокойствие и усиленно работать. Именно после воз-

² Долгов Е.Б. Боярский Петр Михайлович // Татарская энциклопедия. – Т. 1. – Казань, 2002. – С. 458.

³ НА РГ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 8.

вращения Боярского органы власти в Казанской губернии меняют курс с противодействия революции, на её поддержку. 3 марта Временный комитет Государственной думы признают Казанская городская дума и командующий Сандецкий, а затем следует череда телеграмм с поздравлениями новой власти и от других правительственных и общественных организаций.

Несмотря на заверения в преданности формировавшемуся Временному правительству, Петр Михайлович, несомненно, хотел остаться на своем посту, и местная власть его в этом желании поддерживала. Казанская городская дума в заседании 3 марта постановила не обсуждать вопрос о смене местной власти до особых распоряжений и признавать полномочия Боярского⁵. А губернский предводитель дворянства С.С. Толстой-Милославский просил губернатора от имени земского собрания оставаться на своем посту⁶.

Как губернатор Боярский обладал колоссальным опытом, который мог бы пригодиться в тяжелых переходных условиях, кроме того, он не вызывал неприязни у населения. Но общество требовало перемен, и если старые организации могли быть обновлены путем ввода в них демократических элементов, то с отдельным человеком такой операции проделать было нельзя. Временное правительство также не желало оставлять старых представителей власти, поскольку оно должно было исполнять требования народа и в тоже время иметь на местах преданных людей, обязанных ему своими должностями. В результате 6 марта телеграммами было сообщено об упразднении должности губернатора и передаче его полномочий председателю губернской земской управы⁷.

Боярский, очевидно, был шокирован таким распоряжением. В телеграмме главноуполномоченному Красного Креста в Киеве Б.Е. Иваницкому он пишет: «Прибыв второго марта Казань и ознакомившись с распоряжением Комитета Государственной Думы я немедленно телеграфировал Председателю Думы Родзянко о признании мною Временного Правительства. Тогда же Казанская Городская Дума и Губернское Земское Собрание единогласно постановило просить меня оставаться на своем посту, о чем и было ими телеграфировано Председателю Думы Родзянко и Председателю Совета Министров князю Львову. Сегодня в агентских телеграммах сообщено распоряжение Временного Правительства об упразднении должности Губернаторов о передаче управления Председателю Губернской Земской Управы. Искренно желая работать на Армию и в это тяжелое время послужить дорогой Родине прошу Ваше Высокопревосхо-

⁵ Камско-Волжская речь. – 1917. – 3 марта. – № 49. – С. 3.

⁶ Камско-Волжская речь. – 1917. – 7 марта. – № 52. – С. 3.

⁷ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 35.

дительство предоставить мне какую либо должность в Красном Кресте. Если возможно то желательно устроиться в Киеве или быть помощником уполномоченного Леонтовича в Лубнах»⁸. Хотя обращается Боярский по деловому поводу, в начале телеграммы он как бы жалуется на то, как несправедливо с ним обошлись, но он согласен на даже незначительный пост, чтобы служить обществу.

После отрешения от должности Боярский срочно просит отпуск в Крым для лечения больного ребенка⁹. После поездки на юг ему предстояло отправиться в Петроград к председателю совета министров князю Львову и управляющему министерством внутренних дел Щепкину для получения указаний. Официально он всё еще оставался губернатором вплоть до 1 мая. Тогда, по распоряжению Временного правительства, губернаторы и вице-губернаторы должны были написать прошение об отставке, с назначением пенсии, которую установит правительство.

Возможно, Боярский спешно уехал из Казани, опасаясь репрессий. В 1917–1918 гг. он проживал в Пятигорске и Полтаве. В 1918–1920 гг. он работает в должности главноуполномоченного Российского общества Красного Креста в Новороссийске, а с 1920 г. оказывается в эмиграции в Югославии. Он становится председателем Российского общества Красного Креста в г. Загреб и там же возглавляет Объединение русских общественных организаций¹⁰.

Взамен губернаторов правительством на местах был создан институт комиссаров. По словам председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова, комиссары были лишь посредниками между центральной властью и создавшимися местными органами власти, чтобы облегчить процесс их оформления¹¹. Однако создавшиеся иногда стихийно общественные комитеты не признавались органами власти¹² и над ними ставились комиссары, через которых можно было проводить политику Временного правительства непосредственно. Причем правительство утверждало не только губернских комиссаров, но и уездных, таким образом, стремясь контролировать губернии как можно полнее.

Выбор в качестве комиссаров председателей земских управ был не случаен. С одной стороны, это были демократически из-

⁸ Там же. Л. 35.

⁹ Там же. Л. 65.

¹⁰ Долгов Е.Б. Боярский Петр Михайлович // Татарская энциклопедия. – Т. 1. – Казань, 2002. – С. 458.

¹¹ Кабытова Н.Н. Власть и общественные организации Поволжья в 1917 году. Дисс. ... д.и.н. – Самара, 1999. – С. 65.

¹² Мансуров Р.З. Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006. – С. 31.

бренные представители народа, с другой, – они не были радикально настроенными революционерами и большинство из них придерживались либеральных взглядов, как и министры Временного правительства.

За время нахождения у власти Временного правительства в Казанской губернии сменилось 3 комиссара. Избрание председателя Казанского губернского земского собрания состоялось лишь накануне его назначения комиссаром – 5 марта. Во время выдвижения кандидатур большинство записок было подано за А.Н. Плотникова. Кроме него, выдвинули Н.В. Смирнова, К.А. Соловьева и Л.В. Эннатского. Плотников вначале отказался от баллотировки, но после «частного совещания» изменил своё мнение и избирается 33 шарами против 3¹³. Однако для его вступления в должность требовалось утверждение со стороны министра внутренних дел Львова, что продлилось почти месяц, и к исполнению своих служебных обязанностей Плотников официально приступил только 30 марта.

До этого момента его обязанности исполнял В.В. Молоствов. Владимир Владимирович Молоствов родился 3 мая 1869 г., окончил Николаевское кавалерийское училище, делал военную карьеру, но в боевых действиях не участвовал. В 1908 г. он выходит в отставку в чине полковника и начинает работу в земских и дворянских органах самоуправления в Тетюшском и Спасском уездах, где у него находились имения. Был женат на дочери князя Имретинского, Нине Михайловне, от которой у него был сын Николай, но брак расторгнут в 1897 г. с воспрещением Молостнову навсегда жениться¹⁴. Неизвестно, чем он занимался во время войны, но к 1917 г. опыт управления у него, если и был, то небольшой, но и находился у власти он недолго.

Сменивший его Александр Николаевич Плотников являлся его одногодком, но обладал большим опытом земской деятельности. Он окончил 1-ю Казанскую гимназию и прослушал курс наук в Московском университете. Занимался педагогической деятельностью, бесплатно преподавал гигиену в Сумароковской второклассной школе, за что ему вынесена благодарность от Казанского епархиального училищного совета. С 1895 г. состоял гласным Тетюшского уездного земского собрания, выбирался его председателем, в 1911 г. утвержден заступающим место председателя губернской управы. Был женат на крестьянке А.Е. Вотяковой, что служило в пользу его демократического образа¹⁵.

¹³ Камско-Волжская речь. – 1917. – 8 марта. – № 53. – С. 4.

¹⁴ НА РТ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 939. Л. 1–7 об.

¹⁵ Там же. Л. 123–141.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

Оба комиссара были дворянами со средним землевладением, зрелого возраста, но еще не старые. Разительно отличался от них последний губернский комиссар, который находился в должности дольше всего – с мая по ноябрь 1917 г., – Валериан Андреевич Чернышев. Первое, что бросается в глаза, это его молодость. На момент вступления в должность ему было лишь 24 года. Родился он в уездном городе Козьмодемьянске. Нам неизвестна его сословная принадлежность, но он примыкал к партии эсеров, окончил юридический факультет Казанского университета и до 1917 г. служил лишь присяжным поверенным¹⁶. Такой внезапный взлет был невозможен до революции. Чернышев состоял помощником губернского комиссара Плотникова, и когда тот покинул свой пост из-за болезни, практически без выборов был назначен на его место. Только про него имеются сведения о жизни после отставки. Он был отстранен после октября 1917 г., жил в Самаре, где в 1937 г. был арестован по обвинению в «контрреволюционной пропаганде» и «контрреволюционной организационной деятельности» и приговорён к расстрелу¹⁷.

Согласно указанию Временного правительства, губернские комиссары сохраняли все полномочия губернатора, при этом они оставались на посту председателей губернских земских управ и выполняли свои обязанности¹⁸. В инструкции губернским комиссарам сообщалось, что они должны объединить всё гражданское управление, надзирать за ним, доводить до сведения уездных комиссаров правительственные распоряжения¹⁹. Комиссары выполняли, главным образом, контролирующую функцию: улаживали споры, следили за исполнением законов и обеспечением продовольствием.

На третий день после вступления в должность В.В. Молоствов приказывает вывесить на всех видных местах в городах, селах и деревнях следующее объявление: «По распоряжению Временного правительства я вступил в управление губернией со всеми правами, предоставленными действующим законом губернаторам и по воле нового правительства обязан всеми мерами поддерживать в губернии законный порядок и общественную безопасность.

Зная глубокую и истинную любовь народа к Родине, ведущей упорнейшую борьбу с немцами, я прежде всего призываю население губернии к сохранению полного порядка и спокойствия, к продолжению обычных занятий и к самой энергичной работе на оборону государства.

¹⁶ Татарская энциклопедия. – Т. 6. – Казань, 2014. – С. 308.

¹⁷ Там же. С. 308.

¹⁸ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 49.

¹⁹ Чудаков О.В. Становление института комиссаров Временного правительства в Сибири // Омский научный вестник. – 2013. – № 1(115). – С. 16.

ГЛАВА 1. Власть и общество в год революции

Тот кто любит свою Родину, желает ей добра и искренно хочет победить немцев, тот будет способствовать расцвету Русской жизни на новых лучших началах.

Тот же, кто будет бесчинствовать, грабить жителей, устраивать погромы и насилия как над мирными людьми, так и над их имуществом, – тот всеми будет признаваться изменником Родины, другом Вильгельма и Германии и за свои позорные поступки ответит по всей строгости законов»²⁰.

Этим он хотел довести до сведения населения о смене власти и показать первоочередные задачи – обеспечить безопасность, сохранить спокойствие в губернии и продолжать курс на ведение войны.

Губернские комиссары обязаны были беспрекословно слушаться верховную власть, но самые ответственные вопросы им приходилось решать самим. Так, министр внутренних дел разъяснял, что вопрос о применении вооруженных сил для предотвращения насилия и грабежей находится в ведении губернских комиссаров и должен решаться ими по согласованию с военными властями. Также они занимались разъяснениями спорных вопросов, улаживали конфликты с другими властными органами. Сельские и волостные комитеты действовали зачастую без оглядки на законы и самовольно отбирали землю у помещиков, пользовались близлежащими лугами и лесами. А 13 мая Совет крестьянских депутатов Казанской губернии и вовсе выпустил постановление, согласно которому частновладельческая земля передавалась в ведение крестьян²¹.

Кроме того, на губернском комиссаре лежали обязанности председателя земской управы. Естественно, совмещение этих постов требовало полной самоотдачи, что не всякий мог выдержать. А.Н. Плотников уже во время избрания его председателем губернской земской управы хотел отказаться от баллотировки, назначение же его на пост руководителя губернии оказалось ему явно не по силам. 19 мая он обращается в МВД, где сообщает, что по состоянию здоровья больше не может нести свои обязанности и передает их своему заместителю Чернышеву. Хотя Плотников и предоставил справку от врачей, но вполне возможно, что он просто исполнял её как повод для освобождения от тяготившей его должности.

Весьма показательно, как после него стал губернским комиссаром Чернышев. Плотников писал в МВД, что выборы нового комиссара отложены до 28 мая. В ответе, полученном из министерства, говорится, что губкомиссаром назначен Чернышев, поэтому отпадает необходимость в обсуждении кандидатур. Здесь надо отме-

²⁰ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 120.

²¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.

тить, что Временное правительство стремилось именно назначать губернских комиссаров, где это было возможно. В Казанской губернии, где местные общественно-политические силы не проявляли большой активности, такой прием проходил довольно легко, но в некоторых областях этой тенденции оказывали сопротивление. Так, в Пермской губернии уже в конце марта был отстранен председатель губернского земства Калугин и на собрании представителей земств, городских управ и Советов был избран представитель пермского Военно-промышленного комитета А.Е. Ширяев²².

Но и в Казани назначение Чернышева не проглотили просто так. На заседании Казанского губернского комитета общественной безопасности 28 мая сам Чернышев заявил, что он не считает себя вправе занимать эту должность до избрания его губкомитетом. По этому вопросу завязалась дискуссия. Н.А. Аносов высказался, что необходимо считаться с мнением Временного правительства и предлагал не производить выборов, а просто выразить доверие Чернышеву поднятием рук. Помощник губернского комиссара П.Г. Бергис дал разъяснение, что закона об избрании комиссаров пока нет – он разрабатывался в съезде губкомиссаров в Москве. Там единодушно было принято положение, что назначенные комиссары не пользуются доверием, и если в данном случае и произошло назначение, то лишь потому, что ранее Чернышев был избран помощником комиссара.

Голосование всё же было проведено, в результате которого Чернышев был избран 85-ю избирательными шарами против 4-х неизбирательных²³.

Чернышев и ранее, находясь еще на посту помощника комиссара, несколько осаживал запросы центральной власти. В мае пришел запрос из МВД, не считает ли губернский комиссар князя П.А. Урусова соответствующим кандидатом на открывающиеся вакансии членов административного отделения окружного суда, которое осуществляло надзор за действиями органов местного самоуправления. В то время пост товарища министра внутренних дел занимал князь Сергей Дмитриевич Урусов, вполне возможно состоявший в родственных связях с вышеназванным кандидатом, и который мог похлопотать о выгодной должности для своего родственника. Такое предположение основывается на том факте, что больше подобных предложений нам не встречалось. Как бы то ни было, Валериан Андреевич, который, видимо, замещал тогда Плотно-

²² Фельдман М.А. Становление властных структур на Урале весной 1917 г.: современные подходы // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 12. – Екатеринбург, 2011. – С. 146.

²³ НА РТ. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 1. Л. 63–64.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

никова, дает твердый ответ, что князь Урусов безусловно не соответствует этой должности и назначен податным инспектором, что более соответствует его способностям²⁴.

И, наконец, следует сказать о бытовых условиях губернских комиссаров. Это были обеспеченные люди, владевшие поместьями и получавшие с них доход, позволявший им вести безбедную жизнь. Жалование им не выплачивалось, но существовали суточные при командировках. В пределах губернии губернские комиссары и их помощники получали по 5 рублей в сутки, за пределы губернии – 10 рублей, а при деловых поездках в столицу суточное довольствие составляло 15 рублей. На пароходе и поезде им оплачивалась стоимость билета 1 класса²⁵.

Как мы видим, сама должность дохода не приносила, но комиссары и их подчиненные могли использовать пост для получения маленьких радостей жизни. Так, летом 1917 г., когда в губернии не хватало сахара, и он выдавался только больным, комиссар Чернышев направил в губернскую продовольственную управу запрос на получение этого продукта для служащих комиссариата, поскольку в служебные часы они пьют чай.

Поскольку комиссары часто бывали в отъездах, на эти периоды их заменяли помощники. Эта должность также являлась избираемой, на них проходили не всегда подходящие кандидаты. 28 мая был забаллотирован правительственный ставленник В. Бергис и избран прапорщик Алюнов, но не был утвержден и обязанности помгубкома исполнял Бергис. 23 июля он отказался от должности и его сменил Бартольд, а вторым помощником стал К.Г. Хасанов²⁶.

Калимулла Гумерович Хасанов стал одним из немногих мусульман в управленческом аппарате губернии. Он родился в 1878 г. в деревне Чулпыч²⁷ Мамадышского уезда, окончил Казанскую татарскую учительскую школу и являлся депутатом 2-й Государственной думы²⁸.

Губернский комиссар являлся председателем губернского комитета общественной безопасности (КОБ). Однако это положение было введено позже, между тем сам комитет образовался еще 4 марта, причем по инициативе губернатора Боярского, который предложил казанскому городскому голове В.Д. Боронину создать небольшой общественной комитет из гласных думы. Боярский предполагал, что это учреждение будет только контролировать действия полиции, но

²⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 30. Л. 319, 326.

²⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 30. Л. 390.

²⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 185. Л. 32.

²⁷ Совр. Сабинский район РТ – прим. ред.

²⁸ Айнутдинов Р.А. Хасанов Калимулла Гумерович // Татарская энциклопедия. – Т. 6. – Казань, 2014. – С.205–206.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

оно объединило разнородные общественные силы и стало наиболее демократичным органом власти того времени. Первоначально председателем КОБа стал Боронин, но после создания института комиссаров, они возглавили комитет. На первое организационное совещание 5 марта явились представители Военного комитета, города, земства, Совета рабочих депутатов, университета, адвокатуры, врачей, кооперативов и других организаций.

В президиум были избраны: председателем – городской голова В.Д. Боронин, товарищем председателя – полковник А.М. Поспеев, а также рабочие С.М. Ефимов и Ю.П. Денике, секретарями стали Б.Н. Нелидов и В.Н. Иванов. В состав исполнительного комитета вошли: от военного комитета 2 офицера и 2 нижних чина – подполковник М.А. Руанет, штабс-капитан Н.Г. Каюков, нижний чин К.Н. Ивановский, еще одного члена предстояло избрать; от городской думы – С.А. Ушаков и А.К. Ананаев; от совета рабочих депутатов – Ф.Ф. Феофанов и Ф.П. Лебедев; от университета – профессор Н.Д. Бушмакин; от студенческих организаций г. Казани – А.И. Попов; от земства – К.М. Остров; от биржевого и купеческого обществ – Г.Н. Овчинников; от кооперативов – Г.Н. Рожков; от ремесленников – А.П. Комлев; от мусульман – Ф.Ф. Тухтаров (Фуад Тухтаров – *прим. ред.*)²⁹.

В инструкции по организации временного административного управления Казанской губернии, принятой 15 апреля самим же губернским КОБом, уже четко определялось, кто в него входит. Это были председатель в лице губернского комиссара и два его заместителя. Основную массу составляли представители различных организаций и общественных групп: 2 – от губернской земской управы, 3 – от губернского земского собрания, 5 – от кредитного союза, 5 – от Союза потребительских обществ, 3 – от Кооперативного комитета, 2 – от социал-демократической рабочей партии и примыкающих к ней групп, 2 – от партии социал-революционеров и примыкающих к ней групп, 2 – от Комитета почтово-телеграфных служащих г. Казани, по 1 – от каждой беженской организации, 4 – от Союза рабочих и солдатских депутатов, 4 – от Союза служащих Казанского губернского земства, 2 – от партии народной свободы и примыкающих к ней групп, 2 – от Союза линейных служащих Казанского округа путей сообщения, 2 – от Городского общественного управления, 5 – от крестьянской группы, 1 – от Биржевого комитета, 1 – от Еврейского комитета, 2 – от Мусульманского комитета, 2 – от Мусульманского социалистического комитета, 2 – от Военно-промышленного комитета, 1 – от Совета офицерских депутатов, 3 – от Окружного военного совета, 2 – от городского комитета

²⁹ Камско-Волжская речь. – 1917. – 7 марта. – № 52. – С. 3.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

общественной безопасности, 2 – от Учительского союза, 2 – от Союза железнодорожных служащих, 2 – от организованного сельского духовенства, 2 – от союза железнодорожных служащих, по 2 – от организации местных национальностей, по 6 – от каждого из уездных комитетов общественной безопасности. Председатели земских управ участвовали в губернском комитете с правом совещательного голоса по вопросам своего уезда³⁰.

Комитет общественной безопасности, как и следует из его названия, следил за спокойствием в губернии, контролировал создание полиции, направлял своих членов в уезды, где происходили волнения, занимался агитацией в пользу Временного правительства. Но в целом, КОБ не являлся самостоятельной силой и подчинялся губернскому комиссару³¹. Поэтому после спада революционного энтузиазма, члены комитета перестают посещать собрания. Уже в конце апреля абсентеизм дошел до такой степени, что общее собрание членов комитета откладывалось два раза из-за отсутствия необходимого кворума (он составлял половину всех членов), а на третий он был достигнут только через полчаса после планируемого начала заседания³². 9 июня заседание также не состоялось, поскольку до кворума не хватило 10 человек³³.

Основную тяжесть работы на местах несли уездные комиссары и возглавляемые ими комитеты общественной безопасности. В информационном отделе по местному управлению указывалось на задачи уездных комиссаров: «1) Содействовать новому Временному правительству в установлении нового порядка и проведения в жизнь его распоряжений и директив; 2) объединить и согласовать усилия самого общества к проведению в жизнь нового строя и к скорейшему облегчению населения от ига старого порядка и сословной разобщенности; 3) создать на местах наиболее благоприятные условия для объединенной работы всех учреждений и организаций»³⁴.

Согласно распоряжению Временного правительства, в уездные комиссары должны были назначаться председатели уездных земских управ и утверждаться в Петрограде. Однако уездные комиссары были ближе к населению, чем губернский, и народ реагировал на их решения более чутко, поэтому на эти посты зачастую

³⁰ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 30. Л. 39.

³¹ Мансуров Р.З. Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006. – С. 53.

³² Камско-Волжская речь. – 1917. – 29 апреля. – № 92. – С. 3.

³³ Камско-Волжская речь. – 1917. – 11 июня. – № 126. – С. 3.

³⁴ Мансуров Р.З. Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006. – С. 35.

назначались люди, которые пользовались доверием местных граждан. Отсюда частая смена комиссаров в уездах, так что 28 апреля МВД направило губернскому комиссару циркуляр, в котором говорилось о снижении авторитета Временного правительства в результате частого смещения его представителей на местах. Министерство просит назначать на эти посты людей, пользующихся авторитетом у людей. Также, чтобы сильнее контролировать уездных комиссаров, при назначении следовало сообщать их имя, отчество, фамилию, род занятий, данные прежней и настоящей деятельности представляемого лица, а также необходимо ли просить подлежащие ведомства об освобождении или откомандировании с занимаемого служебного места³⁵.

Однако назначение уездных комиссаров выходило из сферы контроля центральной власти, когда назначенец не соответствовал запросам масс. Например, в Царевококшайске после сложения своих обязанностей председателя земской управы Ящерицына, на должность комиссара был назначен его заместитель Казаков. Для упрочения своей власти он решил распустить местный комитет общественной безопасности, что естественно вызвало возмущение последнего. Члены комитета направили запрос губернскому комиссару, в котором указывали, что выполнение такого предложения противоречит указаниям правительства и может вызвать открытое выступление народа. Также они добавили, что Казаков «служит по назначению, доверием общества не пользуется, малограмотен, забаллотирован на собрании граждан 7 марта, потому [комитет – *Е.М.*] просит назначить комиссаром лицо, облеченное доверием населения»³⁶. Губернский комиссар не стал вступаться за своего ставленника и, ограничившись общими фразами о необходимости единения общественных сил в переживаемое время, разрешил созыв экстренного земского собрания для выбора нового председателя управы³⁷. Но собрание не только избрало нового председателя – известного в городе общественного деятеля и бывшего земского гласного И.А. Дружинина, – но и другого комиссара. Им стал уездный член окружного суда В.П. Барановский³⁸.

Иногда местные органы власти, организованные не указом сверху, а путем народного волеизъявления, практически в открытую противились распоряжениям Временного правительства. В Цивильске 6 марта на чрезвычайном собрании городской думы при участии всех горожан был выбран временный народный комитет из

³⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 30. Л. 72.

³⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 184.

³⁷ Там же. Л. 187.

³⁸ Камско-Волжская речь. – 1917. – 21 марта. – № 63. – С. 3.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

двадцати граждан от всех групп населения, который совместно с градоначальником принял на себя обязанности по охране порядка и спокойствия и по обеспечению продовольствием. Председателем комитета был избран городской голова Максимов, а назначенного комиссара Абалымова комитет находил нежелательным ввиду его непопулярности. Губернский комиссар Молоствов в ответе опять говорил о единстве, и что Абалымова как законного комиссара следовало оставить в должности³⁹.

В Чебоксарах комиссара Эннатского заставили покинуть пост. На митинге, устроенном большевиками И.Н. Ивановым и К.Я. Грасисом, толпа под влиянием их речей начала требовать отставки Эннатского за его реакционность. Тут же были выбраны три представителя: Иванов, Грасис и Николаев, которые отправились на квартиру комиссара. Согласно воспоминаниям Иванова, они просто попросили его написать отречение и тот «побледнел и затрясся, как в лихорадке, взял лист бумаги и с дрожью в руках начал писать под диктовку тов. Грасиса...»⁴⁰. Учитывая такое состояние Эннатского, Иванов, скорее всего, опустил некоторые подробности, которые заставили главу уезда «трястись, как в лихорадке».

Частые смены власти в уездах были характерны не только для Казанской губернии, что заставило заместителя министра внутренних дел Леонтьева сделать заявление, что уездные комиссары не должны оставлять должность и передавать ее кому бы то ни было до получения соответствующего распоряжения от губернского комиссара или в исключительных случаях от МВД⁴¹.

Перед уездными комиссарами стояли практически те же задачи, что и перед губернскими. Они должны были сдерживать инициативу волостных и сельских комитетов, когда те выходили за рамки закона и начинали самостоятельно решать земельный и продовольственный вопросы, захватывая частновладельческие земли, скот и сельскохозяйственную продукцию. Чтобы обладать угрозой применения силы, сразу после назначения комиссарам следовало организовать милицию для охраны порядка, но им предписывалось действовать путем переговоров, объясняя населению, что этот вопрос подлежит ведению Учредительного собрания⁴².

Соединение обязанностей комиссара и председателя земской управы, как и на губернском уровне, приводило к нехватке времени. Козмодемьянский уездный комиссар Павлов писал в Казань, что не будет успевать выполнять комиссарские функции «ввиду

³⁹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 194.

⁴⁰ Иванов И.Н. Как мы работали // Коммунистический путь. – 1923. – № 2(22). – С. 60.

⁴¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 30. Л. 359.

⁴² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 30. Л. 415.

многосложности обязанностей по земству», поскольку состав управы уменьшился с началом войны⁴³. Павлов попросил передать полномочия главы уезда другому лицу по выбору губернского комиссара⁴⁴, что и было сделано, но не решило самой проблемы, в итоге с марта по май в уезде сменилось три комиссара⁴⁵.

Среди уездных комиссаров встречались выходцы из разных слоев. Если назначенцы, как и губернские комиссары, были, в основном, дворянам, то те, кого выдвинули местные органы власти, происходили и из рабочих, и из других непривилегированных и бедных слоев общества. Возможно, поэтому губернский Комитет общественной безопасности 19 мая постановил ассигновать всем уездным комиссарам по 500 р. из аванса в 25000 р. для покрытия расходов, связанных с управлением уездов⁴⁶.

Уездные комиссары являлись председателями уездных комитетов общественной безопасности. Мы уже видели, как в Царевококшайске комитет вышел из повиновения и способствовал отрешению комиссара от должности. Но такие случаи чаще случались, когда комитет образовывался раньше назначения комиссара. С приходом к власти председатель уездного земства должен был организовать временный совет из 9 лиц, в том числе 3 гласных земства, 3 представителей кооперативов и 3 представителей от крестьян, избираемых из деятелей самоуправления, кредитных учреждений и от каждого сельского схода. Выборщики созывались комиссаром на общее собрание и вместе с указанными в первом пункте лицами избирали совет из 9 лиц⁴⁷. В процессе становления новой власти состав комитета расширялся, и к середине апреля в него входили по одному делегату от каждой волости, а также от земства, города, рабочих и других общественных уездных организаций в числе, определенном соглашением между ними⁴⁸. Хотя уездные комитеты обладали меньшими полномочиями, по сравнению с губернским, они пользовались большей самостоятельностью и не всегда подчинялись комиссарам.

В волостях и отдельных селениях также организовывались комиссары и комитеты, но контроль за ними со стороны верховной власти практически отсутствовал. Волостные комитеты заменяли бывшие волостные правления и волостных старшин. Согласно выработанному к 15 апреля положению, волостные комитеты организуются путем введения в его состав не менее 1 лица от каждого

⁴³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.

⁴⁴ Там же. Л. 10.

⁴⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 32. Л. 65.

⁴⁶ Там же. Л. 319.

⁴⁷ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 54.

⁴⁸ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 30. Л. 39.

селения и по 1 представителю от каждого кооператива, работающего в пределах волости⁴⁹. Однако вот как описывает председатель Жедяевского волостного комитета общественной безопасности Василий Тимофеевич Одинцов своё назначение на этот пост.

Он привез из Спасска в родное село Матвеевка телеграмму об отречении царя Николая II и 8 марта стал всенародно читать её, за что его чуть не арестовали стражники, но люди не дали этого сделать. Затем он пошел в село Жедяевку, где с другими сторонниками переворота собрали небольшую группу и ночью пошли обезоруживать полицию, которая сдалась без боя. На волостном комитете 11 апреля председателем комитета общественной безопасности был выбран агроном 2 участка Деменьков, а сам Одинцов – его помощником. Однако Деменьков уехал, возложив всё управление волостью на своего помощника. За то, что Одинцов обязал всех частных торговцев продавать предметы первой необходимости по ценам не дороже кооперативных, на него разозлились кулаки. Деменьков испугался и отказался от председательства и на его пост единогласно избрали Одинцова⁵⁰. По сути, вышестоящие органы власти никак не контролировали его избрание, отдав эту обязанность волостному комитету. Чем дальше от центральной власти, тем демократичней были порядки, но и сильней анархия. Так, в сентябре в Спасском уезде Трехозерский волостной комитет объявил свою республику и перестал слушать уездное начальство. В Лаишевском уезде председатель Урахчинского волостного комитета отказался исполнить распоряжения правительства, а председатель волостного комитета Иванов оказал сопротивление вооруженной команде и арестовал представителя губернского комиссара Степанова⁵¹.

Волостные комиссары из низов встречали противодействие со стороны как зажиточных слоев населения, так и деревенских низов. В.Т. Одинцов под давлением солдат и бедноты вынужден был отобрать у помещиков рабочих лошадей, так как они стояли без работы, а крестьяне в них нуждались⁵².

На волостном собрании 28 мая кулаки стали требовать его смещения, но и сам Одинцов просил отставку, поскольку «сильно истрепался, заболел от тяжести работы»⁵³. В дальнейшем он состоял членом волостного земельного комитета и председателем уездного земельного комитета.

⁴⁹ Там же. Л. 39 об.

⁵⁰ Документы по истории Октября в Татарии. – Казань, 1973. – С. 155–158.

⁵¹ Валеев Р.К. Революционное движение в Среднем Поволжье в период назревания общенационального кризиса (июль – октябрь 1917 г.). Дисс. ... к.и.н. – Казань, 1968. – С. 222.

⁵² Документы по истории Октября в Татарии. – Казань, 1973. – С. 160.

⁵³ Там же. С. 161.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

Институт комиссаров согласно первоначальному замыслу должен был выстроиться в систему власти, пронизывающую губернии сверху донизу, позволяя Временному правительству контролировать положение дел на местах. Однако в Казанской губернии полную лояльность проявляли только губернские комиссары, а на уровне волостей и сел и вовсе проявляли своеволие и неподчинение правительственным указам. Такое положение объясняется отчасти слабостью Временного правительства, отчасти стихийным движением масс. В этот период представителям власти сложно было проявить индивидуальность, так как царила власть толпы. Непопулярные решения вызывали протестные движения, в результате которых должностное лицо могли сместить или даже арестовать. Причем в таком положении оказывались как представители высших слоев общества, так и рабочие и крестьяне, против которых выступали представители буржуазии или их же односельчане.

После Февральской революции продолжали действовать городские и земские органы самоуправления. До 1917 г. они выполняли лишь хозяйственные функции, теперь стали всё активнее вовлекаться в политическую жизнь. С одной стороны, их формирование происходило выборным путем, что удовлетворяло демократическим требованиям того времени, с другой, – у них имелся богатый опыт хозяйствования. Поэтому в первые дни революции во многих городах, в том числе Казани, думы и городские головы стали организаторами комитетов общественной безопасности, а председателей земских управ назначили комиссарами Временного правительства.

Казанский голова Василий Дементьевич Боронин, избранный в 1913 г., поначалу пользовался большим успехом, и в марте новым составом думы был переизбран. Но ему не посчастливилось быть товарищем председателя Казанского губернского и городского продовольственных комитетов. В июне в Казани произошли беспорядки, толпа граждан явилась к зданию продовольственной управы и стали требовать Боронина, которого обвиняли в продовольственном кризисе. Когда тот явился, его самовольно арестовали. Местный Совет выступил в его защиту и признал арест незаконным, но после этого авторитет городского головы сильно пошатнулся⁵⁴.

Хотя гласные городских дум избирались и до революции, но существование довольно высокого имущественного ценза не позволяло большинству горожан участвовать в выборах. Поэтому на протяжении всего периода с февраля по октябрь велась работа по расширению их состава. Уже 21 апреля состоялось первое заседа-

⁵⁴ Мансуров Р.З. Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006. – С. 29.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

ние обновленной Казанской городской думы. Она состояла из 80 гласных и двух представителей от казанского уездного земства и духовного ведомства. Из них 43 гласных имело высшее образование, т.е. 54%. С юридическим образованием насчитывалось 19 человек, техническим – 7, медицинским – 7, историко-филологическим – 3, естественноисторическим – 3, математическим – 2 и богословским – 2. По профессиональному составу в думу входило 8 профессоров, 2 учителя, 5 судей, 6 адвокатов, 7 врачей, 2 фельдшера, 8 техников, 6 чиновников, 3 земских деятелей, 1 агроном, 2 банкира, 21 купец и промышленник, 6 заводчиков, 2 служащих в торгово-промышленных предприятиях и 1 ремесленник⁵⁵. Таким образом, большинство мест в городской думе по-прежнему занимала буржуазия. Поэтому деятельность по демократизации общественных управлений продолжалась. В итоге Временным правительством были выработаны новые правила выборов: на основании прямого, всеобщего, равного и тайного избирательного права, без различия пола, вероисповедания и национальности; избирательный возраст устанавливался в 20 лет; в избирательные списки вносились все проживающие или имеющие оседлость в городе во время составления списков. Лица, состоящие на военной службе, участвовали в выборах на общем основании⁵⁶. Это положение существенно расширило электорат, и в списках избирателей в Царевококшайске 18 июня уже числилось 1200 человек, что составляло почти половину населения города, которое включало и молодых людей до 20 лет, которым не было позволено голосовать. Пришло на выборы чуть больше половины из них. В состав думы избрали 20 гласных, из которых 2 были женщины⁵⁷.

Несмотря на экономические трудности, вызванные войной и революцией, находились средства для повышения жалования даже техническим работникам. Так, секретарю Казанской думы Вегеру подняли оклад до 5000 рублей, но с условием усилить работу. Однако Вегер не только не стал усерднее выполнять свои обязанности, но редко появлялся на заседаниях, не зачитывал докладов, а через месяц после избрания уехал в Петроград, даже не получив разрешения думы⁵⁸.

Городские общественные управления тоже сталкивались с недовольством масс. В Свияжске прапорщик Афанасьев во главе местной воинской команды явился в городскую управу и предъявил требование об увольнении всего состава управы. Городской голова

⁵⁵ Камско-Волжская речь. – 1917. – 23 марта. – № 65. – С. 2.

⁵⁶ Камско-Волжская речь. – 1917. – 22 апреля. – № 86. – С. 3.

⁵⁷ Камско-Волжская речь. – 1917. – 25 июня. – № 138. – С. 4.

⁵⁸ Камско-Волжская речь. – 1917. – 11 июня. – № 126. – С. 3.

Поляков послал об этом случае телеграмму губернскому комиссару, и тот велел временному командующему войсками округа урезонить Афанасьева⁵⁹. Однако Поляков не объяснил, что Афанасьев выступал от лица населения города, где обнаружилось много скрытой муки, в чем и обвинили управу⁶⁰.

Впрочем, такие обвинения могли оказаться клеветой. Корреспондент газеты «Камско-Волжская речь» уличил Чистопольского голову Былинкина в неподчинении новым властям, отказе от создания милиции и избрании продовольственного комитета, состоящего из спекулянтов⁶¹. Однако через несколько дней в той же газете было опубликовано опровержение Былинкина и начальника милиции Дыбова, где сообщалось, что 4 марта было открыто совещание думы с огромным количеством публики, в котором принято решение присоединиться к Временному правительству, а 6 марта частное совещание городской думы обсуждало вопрос об организации Комитета общественного спокойствия и Комитета по борьбе с повышением цен⁶².

Земства после известия о смене власти в Петрограде, в отличие от городских управлений, не стали проявлять инициативы. На заседании чрезвычайного губернского земского собрания 5 марта были избраны кандидаты в Комитет общественной безопасности. Ими стали, в основном, дворяне-землевладельцы: А.Н. Боратынский, А.А. Кропоткин, М.Н. Курбатов, Г.В. Каменев, Н.С. Теренин, Г.К. Гурьянов, Н.Н. Филипсон. Затем приступили к избранию председателя управы, которому предстояло стать губернским комиссаром⁶³.

Отношение населения к земству было двояким: оно было выборным и оказывало помощь крестьянам, но во главе его стояли помещики. В Тетюшах местное население решило посмотреть, как земцы относятся к новой власти, и 10 марта интеллигенция и около 50 крестьян посетили экстренное земское собрание. Естественно, что гласные старались как можно ярче выразить своё почтение к Временному правительству. Председатель собрания, будущий комиссар А.Н. Плотников предложил вставанием признать смену власти, что собравшиеся и сделали с криками «Ура!». Гласный К.А. Соловьев попросил высказаться о перевороте. Он рассказал, как земству было трудно при старом режиме, но теперь Россия – обновленная и свободная, и портрет Николая II был снят управой. Речь была заключена словами: «Да здравствует новое правительство!». Выступление было встречено рукоплесканием. Затем сос-

⁵⁹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 84, 85.

⁶⁰ Камско-Волжская речь. – 1917. – 9 марта. – № 54. – С. 3.

⁶¹ Камско-Волжская речь. – 1917. – 8 марта. – № 53. – С. 3.

⁶² Камско-Волжская речь. – 1917. – 12 марта. – № 57. – С. 4.

⁶³ Камско-Волжская речь. – 1917. – 8 марта. – № 53. – С. 4.

тоялись выборы нового председателя взамен Плотникова, избранного председателем губернской управы, и двух членов управы. Председателем управы стал бывший предводитель дворянства В.Г. Молоствов, которого не было на собрании. Его избрание было встречено публикой гробовым молчанием, поскольку он владел крупным поместьем. Не особенно сочувственно было встречено избрание члена управы Юсупова, но выборы Лаврентьева, протоиерея С.Б. Фролова, бывшего учителя, бывшего члена 1-й Государственной Думы сопровождались громкими аплодисментами. Управа обратилась к нему с особым приветствием. Лаврентьев также был избран начальником уездной милиции⁶⁴.

Инициативу по демократизации губернского собрания взяли на себя Комитет общественной безопасности и губернский комиссар, который являлся также и председателем земской управы. 24 апреля на заседании КОБа решено пополнить состав собрания следующими группами: 1) 12 человек от Советов солдат и рабочих депутатов; 2) 12 – от крестьянского союза; 3) 10 – из союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ; 4) 10 членов союза потребительских обществ; 5) 3 – от губернского кооперативного Комитета; 6) 5 – от союза губерnskих служащих; 7) 2 – от партии социал-демократов; 8) 2 – от эсеров; 9) 2 – от партии Народной свободы; 10) 1 – от города (кроме уже имеющихся представителей); 11) по 2 члена губерnskих национальных организаций; 12) по 2 представителя от губерnskих профсоюзов и уездных комитетов общественной безопасности⁶⁵.

Но такое расширение состава собрания понравилось не всем гласным. Мельников, Трубников и Филиппсон выступили резко против и обвинили комиссара в нарушении предписаний Временного правительства. В частности, они указали, что пополнение произведено в размере 300%, в то время как позволено только до 100%. Также нарушением являлось введение в число гласных представителей организаций и партий, среди которых присутствовали лица совершенно посторонние для губернии. И, наконец, комиссар устранил из состава собрания представителей казны, удела, духовного ведомства, предводителей дворянства и председателей управ по назначению. Гласные прежнего созыва, выборные от уездных земств заявили собранию, что в настоящем составе оно неправомочно решать дела и просили отложить заседание, поручив управе срочно созвать новое собрание в порядке, указанном Правительством. Поскольку собрание решило не обсуждать это заявление, прежние гласные покинули зал заседания, считая себя не

⁶⁴ Камско-Волжская речь. – 1917. – № 66 (24 марта). – С. 3.

⁶⁵ Камско-Волжская речь. – 1917. – № 89 (26 апреля). – С. 3.

вправе брать ответственность перед населением, их избравшим, при решении дел собранием, не имеющим законных правомочий. Телеграмма об этом происшествии была направлена министру внутренних дел и государственному контроллеру Годневу⁶⁶, который являлся выходцем из Казанской губернии и был бывшим гласным земского собрания.

В этом противостоянии верх одержали представители земства, а комиссару было велено созвать экстренное собрание, куда избрать от каждого уездного земского собрания указанное в расписании число гласных, позволив, кроме того, участвовать в собрании гласным прежнего состава. Отмечалось, что представители казны и ведомств не могут быть устранены из собрания, в крайнем случае, оно может быть пополнено членами губернских национальных организаций⁶⁷.

В этом случае комиссар слишком активно взялся за демократизацию земства, между тем Временное правительство не хотело выпустить его из-под своего контроля, что совпало с интересами старых земцев, которым также было не выгодно чрезмерное расширение собрания. В итоге, комиссар отступил.

С помощью земств, правительство также пыталось вернуть контроль над волостями. 21 мая было принято временное положение о волостном земском управлении. Они заменяли различные волостные комитеты, выносившие самовольные решения, служившие постоянной головной болью для центральной власти. Волостное земское собрание состояло из 20–50 депутатов, избранных по округам волости. Выборы проходили на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, лицами, достигшими 20 лет. Обязанности волостного гласного исполнялись бесплатно, но в возмещение расходов по участию в собраниях, комиссиях и т.п. назначались суточные и прогонные⁶⁸. Кроме хозяйственных дел, волостным земствам поручалось следить за исполнением обязательных постановлений правительства, ведение продовольственных дел, наблюдение за исполнением воинской повинности⁶⁹. Если прежние волостные комитеты организовывались практически без участия правительства, то волостные земства должны были утверждать некоторые решения в уездных земствах. Например, вопросы об отчуждении имущества, что позволяло ограничить принятие противозаконных решений об отъеме земли, скота и инвентаря у частных владельцев.

⁶⁶ Камско-Волжская речь. – 1917. – № 107 (19 мая). – С. 3.

⁶⁷ Камско-Волжская речь. – 1917. – № 128 (14 июня). – С. 3.

⁶⁸ Камско-Волжская речь. – 1917. – № 116 (31 мая). – С. 3.

⁶⁹ Вестник Временного правительства. – 1917. – № 62 (108). – С. 2.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

Организация новых земских отделений началась осенью. На первом заседании Кузнечихинского волостного земского собрания Спасского уезда приняли решение упразднить все комитеты, кроме продовольственного. На время первого собрания председателем был назначен старший по возрасту Прохор Алексеев, затем в ходе заседания выбрали постоянного председателя Хрисанфа Корнеева. Ему назначили жалование в 60 р., а двум членам управы – по 50 р. в месяц. В состав новых земских органов входили, в основном, крестьяне, которые не обладали необходимым опытом управления. Их создание началось практически перед Октябрьской революцией, и за этот период они не успели себя проявить.

Земские и городские органы самоуправления показали себя лояльными новому правительству. Но как активная политическая сила они себя почти не проявили, подчиняясь воле комиссаров и выполняя по-прежнему хозяйственные функции. Хотя их состав расширялся, однако во главе оставались старые земцы и городские гласные, во многом благодаря своему опыту в хозяйственных делах.

О деятельности Советов в Казанской губернии сохранилось не так много материала. У Советов не было строго исполнительного аппарата, и они действовали через выборных представителей, ведя больше политическую жизнь⁷⁰.

Казанский Совет рабочих депутатов был создан 2 марта, а 7 марта – Совет солдатских депутатов, которые слились 14 марта. Первым председателем объединенного Совета стал подпоручик Поплавский. Его помощник П.И. Чекунов оказался жандармским осведомителем. Чекунов немедленно был уволен, а его место занял С.М. Ефимов⁷¹.

В Казанской губернии Советы, как и в России в целом, очень часто не признавали указаний Временного правительства. Совет крестьянских депутатов, образованный в мае, уже 13 мая выпускает постановление, согласно которому частновладельческие земли, скот и инвентарь могли конфисковать, не дожидаясь созыва Учредительного собрания. Такое решение противоречило самым основам нового строя и вызвало бурную реакцию со стороны губернского комиссара. В уездах постановление стало реализовываться в июне. Комиссар Чернышев просил уездных комиссаров принять меры, чтобы данная резолюция не приводилась в исполнение и разъяснить населению, что окончательное решение земельного вопроса зависит от Учредительного собрания, до того данным во-

⁷⁰ Мансуров Р.З. Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006. – С. 42.

⁷¹ Там же. С. 40.

просом занимаются Земельные комитеты. Совет рабочих и солдатских депутатов также, в целом негативно, отнесся к этому постановлению. Особенно рьяно оно проводилось в Спасском уезде, где были обширные помещичьи владения. На соединенном собрании Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было принято решение собрать по этому поводу съезд с участием уездных и волостных комиссаров, представителей продовольственных комитетов губернии и земельных комитетов⁷².

Но и сами Советы не всегда могли контролировать население. 2 мая солдаты, возможно, иногородние, самовольно перевели бывшего командующего Казанским военным округом арестованного генерала Сандецкого из лазарета на гауптвахту, при этом оскорбляя его. Председатель Совета рабочих и солдатских депутатов (СРСД) К.Б. Поплавский заявил, что покидает Совет и слагает с себя обязанности председателя, раз солдаты ему не подчиняются⁷³. На этот раз его уговорили остаться на своем посту, но уже на следующий день произошел очередной инцидент, когда вместо тысячи солдат, назначенных к отправке на фронт, явилось лишь триста. Поплавский решил показать на своем примере необходимость продолжения войны, и сам отправился на фронт⁷⁴.

На выборах на пост председателя СРСД претендовало двое: прапорщик Голанов и присяжный поверенный Вегер. Последний снял свою кандидатуру еще до начала выборов, а Голанов получил 158 голосов при 4 против и 2 воздержавшихся. Он родился в простой крестьянской семье, в 16 лет ушел из дома, жил своим трудом, учился. Затем попадает в политехнический институт. Во время войны был призван и служит в 240 полку. До переворота состоял в одной из политехнических организаций, а после революции первый подал мысль о создании СРСД. При существовании Временного военного комитета работал в нем, а затем в Совете. При вступлении на пост начальника милиции Бухова, прапорщик Голанов был назначен его помощником⁷⁵. Таким образом, Голанов тоже практически не обладал опытом управления.

Хотя Советы позиционировались как органы власти, наиболее близкие к низам, но его члены были не прочь воспользоваться своими привилегиями. В конце апреля Советом рабочих и солдатских депутатов было заявлено продовольственному комитету городской управы требование отпускать ежедневно на потребности

⁷² Камско-Волжская речь. – 1917. – № 127 (13 июня). – С. 3.

⁷³ Камско-Волжская речь. – 1917. – № 98 (6 мая). – С. 3

⁷⁴ Мансуров Р.З. Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006. – С. 41.

⁷⁵ Камско-Волжская речь. – 1917. – № 113 (27 мая). – С. 3.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

Совета 2,5 пуда белого хлеба. Продкомитет ответил, что белый хлеб отпускается только больным и детям и то не всем и в очень ограниченном количестве, но если Совет хочет не в пример другим правительственным учреждениям, создавая опасный прецедент, то хлеб будет выдаваться из городской хлебопекарни №1. К чести Совета следует отметить, что хлеб был выдан лишь один раз, 28 апреля, больше ордеров не поступало⁷⁶.

Уездные Советы организовывались позже губернского, в некоторых местностях их не было до Октябрьской революции. В Царевкококшайском уезде Совет крестьянских депутатов образовался 1 июля. На первый съезд были приглашены по два представителя от волости, члены губернского Совета крестьянских депутатов и член исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов. В состав Совета вошли по 1 представителю от волости и от трудового мещанства города. Также с правом совещательного голоса в его работе приглашены представители Учительского съезда. Председателем был избран П.И. Мочалов, бывший руководителем Крестьянского союза в 1905 г. Однако уже на втором съезде Совета 15 августа он отказался от должности и на его место был избран некто Голиков. Но и он продержался лишь полмесяца, и на третьем съезде 1 сентября был отстранен из-за прежней службы. Вопрос о новых выборах был отложен на следующий съезд, а председательствовал по единогласному выбору член исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов И.Н. Коведяев. Через месяц он был избран официально. От назначенного ему жалованья в 180 рублей он отказался, но собрание определило ему в виде вознаграждения 50 р. в месяц⁷⁷.

В начале своей деятельности уездные советы решали, прежде всего, продовольственный и земельный вопросы – направляли своих представителей в продовольственный и земельный комитеты и добивались перехода земли и инвентаря в их ведение. Постоянно не хватало работников на местах, поэтому в некоторых волостях Советы так и не были организованы, и не велась работа по исполнению постановлений вышестоящих отделений. Чтобы восполнить недостачу кадров, председателю и инструкторам часто приходилось ездить самим по всему уезду⁷⁸.

Товарищ председателя Казанского губернского комитета общественной безопасности Нехотяев отмечал, что исполком согласовывал свою деятельность с СРСД и никакого двоевластия нет⁷⁹, на

⁷⁶ Камско-Волжская речь. – 1917. – № 93 (30 апреля). – С. 2.

⁷⁷ НА РТ. Ф. Р-983. Оп. 1. Д. 18. Л. 34.

⁷⁸ Там же. Л. 35.

⁷⁹ Камско-Волжская речь. – 1917. – № 92 (29 апреля). – С. 3.

деле оказывалось, что некоторые противоречия всё же имелись. Самое крупное расхождение во взглядах вышло из-за постановления 13 мая, но были и мелкие разногласия. Советы хотели участвовать в назначении местных органов власти. Лаишевский Совет крестьянских депутатов через Губернский Совет требовал сменить начальника милиции и комиссара, назначенных губернским КОБом на кандидатов, пользующихся уважением народа. Также конфликты выходили из-за отдельных личностей, занимающих ту или иную должность. В целом хорошие отношения между губернским земельным комитетом и Советом крестьянских депутатов были подпорчены неким Барсуковым, являвшимся членом комитета и Совета. Он начал варить кумышку, чем вызвал неудовольствие членов общества, и отрешен от всех должностей. Однако при перевыборах он прошел в члены уездной земельной управы, Совет начал настаивать на его удалении из-за чего проявилось взаимное неудовольствие между управой и Советом. После снятия Барсукова, отношения вновь наладились⁸⁰.

После октября 1917 г. представители Временного правительства утратили власть. В отличие от Февральской революции, когда старое управление менялось на новое согласно постановлениям правительства, теперь инициативу брали в свои руки представители на местах. 8 ноября Казанский совет Крестьянских депутатов в виду фактического отстранения от исполнения своих обязанностей губернского комиссара В.А. Чернышева и его товарищей Бартольда и Хасанова, постановил передать их полномочия Николаю Павловичу Пономареву, Николаю Дмитриевичу Ефремову и Василию Ивановичу Мохову, обязав последнего быть председателем этой коллегии, которая стала называться Губернским комиссариатом при Казанском Совете Крестьянских Депутатов⁸¹.

В первые дни на местах чувствовалась неразбериха, люди не понимали, к кому перешло управление губернией и страной. Например, 9 ноября из д.Шонгуты Тетюшского уезда некий Пьянов посылает запрос в Казань, спрашивая, кто находится у власти⁸².

Поскольку институт комиссаров был ликвидирован, а Советы не сразу взяли всю полноту власти, некоторое время в уездах продолжали действовать земства, порой выступавшие в оппозиции к Советам. 11 ноября на заседании Лаишевского уездного земского собрания председатель управы В.Н. Белькович кратко обрисовал свой взгляд на положение страны, губернии и уезда. По его словам, большевики, захватившие власть находятся в растерянности,

⁸⁰ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 17. Л. 41 об.

⁸¹ НА РТ. Ф. Р-983. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

⁸² НА РТ. Ф. Р-983. Оп. 1. Д. 18. Л. 16.

а Совет, взявший управление губернией на себя, никаких распоряжений в управу не присылал⁸³.

В Лаишеве власть захватила организация, именующая себя Советом рабочих и крестьянских депутатов во главе с В.М. Турсковым. Уездный комиссар и начальник милиции скрылись, а первыми действиями Турскова были аресты некоторых лиц, в том числе Бельковича и разоружение старой милиции и конвойной команды. Затем Турсков потребовал от управы денег на содержание сформированной им милиции. Для этого он выпустил Бельковича, но тот отказал, и его снова отправили в тюрьму. Белькович взывает к собранию, что в таких условиях работать нельзя и лучшим выходом было бы сложить полномочия всему составу управы. Был арестован земский агроном, выехал неизвестно куда бухгалтер управы. Всё это задерживало составление отчета и созыв очередного уездного земского собрания. В заключение он говорит, что пока не будет каких-либо указаний от центрального правительства, давать деньги самочинным местным властям не следует⁸⁴.

По документам оказалось, что Турсков официально занимает только пост инструктора по выборам в волостные, уездные земские собрания и учредительное собрание. В ответном слове, Турсков, также присутствующий на заседании, заявил, что, хотя у него нет доказательств контрреволюционной деятельности Бельковича и других арестованных, но он их подозревает, потому и задержал. А собрать данные должна юридическо-следственная комиссия губернского совета крестьянских и рабочих депутатов. В итоге земское собрание постановило признать власть только тех организаций, которые созданы и признаны общей государственной властью, протестовать против действий групп, захвативших власть в уезде, о чем довести до сведения Казанского Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. Также решено правильно организовать Лаишевский крестьянский Совет, обратившись с призывом ко всем волостным земствам⁸⁵.

От земств продолжали зависеть и назначения должностных лиц. Чебоксарский Совет рабочих и солдатских депутатов 6 ноября обратился к уездной земской управе с просьбой освободить Т.П. Прохорова от должности начальника Чебоксарской уездной милиции и о временном назначении на его место штабс-капитана В.А. Цивилина⁸⁶.

⁸³ Там же. Л. 22.

⁸⁴ НА РТ. Ф. Р-983. Оп. 1. Д. 18. Л. 22 об.

⁸⁵ Там же. Л. 24 об.

⁸⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

Но существование земств, тем более во главе которых продолжали стоять дворяне, большевистские Советы терпеть долго не могли. На заседании Исполнительного комитета Казанского губернского Совета крестьянских депутатов 23 (10) февраля 1918 г. К.Ю. Шнуровский прочитал доклад о земствах. Он считал земские органы пережитками самодержавия, которые обязательно станут в оппозицию Советам. Следовательно, необходимо упразднить земство и передать его функции Советам, но хозяйственный аппарат земств сохранить с переводом в ведомство Совета в качестве хозяйственной комиссии. Согласно предложению Шнуровского, выборы должны происходить прямо в Совет и притом классовые. Членов Губернского земства полагалось постепенно заменить лицами, стоящими на платформе Советов, а потом постепенно преобразовать в Губернскую комиссию по земским делам. Совет прислушался к его мнению и постановил упразднить земства на всех уровнях и передать их функции Советам⁸⁷.

В феврале-марте 1917 г. была коренным образом переустроена система государственного управления страной. Ранее для России был характерен традиционный тип власти, при котором лица, занимающие определенные должности и имеющие определенный статус, считались законными руководителями. После революции политическое лидерство стало важнейшим механизмом формирования органов власти⁸⁸. Однако пережитки прошлого продолжали чувствоваться и в новых условиях. В Казанской губернии местные общественные силы не выдвинули на ключевые посты личностей, способных увлечь за собой народ. Губернские комиссары были назначенцами, следящими за исполнением постановлений Временного правительства, и их положение отличалось от положения прежних губернаторов только меньшей степенью влияния. В уездах и особенно в волостях самостоятельность комиссаров возрастала, эти посты занимали различные по социальному и экономическому положению люди, с разными политическими взглядами, но они вынуждены были подчиняться требованиям толпы, которая могла сместить неугодного ей комиссара. В результате основной институт власти, на который опиралось Временное правительство, комиссары оказались либо простыми исполнителями, либо выходили из-под его контроля. Личностные качества этих людей нивелировались внешними обстоятельствами, делая из них марионеток.

⁸⁷ НА РТ. Ф. Р-983. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

⁸⁸ Халилова Т.В. Региональное лидерство и политическая культура (на материалах Казанской губернии). Февраль 1917 – июль 1918 гг. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2000. – С. 37.

ГЛАВА 1. Власть и общество в год революции

Органы самоуправления в течение весны 1917 г. сделали попытку демократизации. В их состав были введены представители низов, но, не обладая необходимым опытом управления, они продолжали подчиняться буржуазии и землевладельцам, стоявшим во главе этих учреждений. Создание волостных земств могло привести к приобретению необходимых навыков хозяйственной и управленческой деятельности у крестьян, но они просуществовали всего несколько месяцев и не успели раскрыть свой потенциал. Отдельные личности, как казанский голова Боронин, пытались проявить политическую активность, завоевать популярность народа, но их авторитет зависел от воли случая, и любая ошибка могла привести к закату карьеры.

Советы губернии, отстаивавшие интересы крестьян, рабочих и солдат, не были однородны по составу. Первый председатель Совета рабочих и солдатских депутатов К.Б. Поплавский пытался отстаивать справедливость в его понимании, но не справился и ушел на фронт. Совет крестьянских депутатов занял радикальную позицию и прямо нарушал постановления правительства.

На местах не хватало работников, способных разрешать спорные ситуации и членам уездных и губернского Советов приходилось постоянно бывать в разъездах. Частая смена председателей уездных Советов свидетельствовала о степени тяжести нахождения на этом посту. Как и комиссары, они должны были удовлетворять чаяниям крестьян и пролетариев, но и бороться с зажиточной частью населения, не хотевшей усиления революции.

Психология деятелей власти этого периода отличалась от психологии царской администрации. Если последние чувствовали себя хозяевами положения, за спиной которых стоял мощный государственный аппарат управления, то первые ощущали свою зависимость от переменчивого мнения толпы и должны были играть роль «слуг народа».

После Октябрьской революции смена власти пошла по другому сценарию. В некоторых местах её захватывали почти что авантюристы, не имеющие никаких полномочий, полученных высшими учреждениями. Да и само право на власть стало всё больше становиться синонимом грубой силы, позволявшей осуществлять властные функции, а не мандатом со стороны большинства. Рабочие и крестьяне, уже почувствовавшие свою силу, теперь получили возможность взять управление непосредственно в свои руки.

После 1917 г. состав властных органов коренным образом менялся. Вместо чиновничества, буржуазии и дворянства к власти пришли «низы» общества. Получив некоторый опыт управления при Временном правительстве, они уже могли сформировать кадровый состав органов власти. Приучившись к попустительству и

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

слабости правительства, они привыкли полагаться на свои силы. Но это же внушило им и чувство излишней самоуверенности, в результате чего они перестали прислушиваться к доводам оппонентов. Кроме того, авторитарное мышление так и не было изжито, что в дальнейшем и привело к новому витку свертывания демократии.

1.2. «... Приказал временно молитву за царя и гимн не петь»: символы власти в Казанской губернии (1917–1918 гг.)

В первый день весны 1917 г. в Казани получили весть об отмене монархии и смене власти в стране. Тени молодежных грез десятилетней давности о республике стали обретать реальные очертания. Несмотря на революционный характер происходящего, еще наблюдалось искреннее стремление сохранить легитимность власти и обеспечить определенную правопреемственность. «Февральская революция в Казани прошла спокойно, и обыватели мирно ложились спать в начале марта 1917 года уже под властью Временного правительства. Ведь «сам» генерал Сандецкий – это гроза здешних мест, почти сразу присоединился к Временному правительству. Значит этот переворот – вполне законная вещь», – отмечал позднее, современник событий, профессор М.Корбут⁸⁹.

Казанский губернатор Боярский встретил новость о революции немного растерянно, но со смирением. «Независимо от сего, как гражданин, горячо приветствую Государственную думу, решившуюся спасти Родину», – телеграфировал он⁹⁰. В этот день чиновники Казанской губернии продолжали готовить свои прошения на имя губернатора, не обращая особого внимания на разговоры вокруг⁹¹.

В следующем сообщении в адрес Временного правительства губернатор написал о своей полной готовности передать управление губернией новому лицу, назначенному официальной столичной властью. Дождавшись вступления в должность казанского губернского комиссара в марте 1917 г. он отправился с семьей в Крым, получив официальное разрешение на отпущк. Срочную необходи-

⁸⁹ Корбут М. Казанские рабочие перед Октябрьской революцией // Ученые записки Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 1928. – Т.LXXXVIII. – Кн.1. – С. 112.

⁹⁰ История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У. Амирханова. – Казань, 2004. – С.363.

⁹¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.170. Л.48.

ГЛАВА 1. Власть и общество в год революции

мость выехать на полуостров Боярский объяснял серьезной болезнью своего ребенка⁹².

Бывший начальник уехал из города 8 марта, оставив большинство населения губернии в полной растерянности перед лицом новой власти. Она еще не совсем вписывалась в привычную «картину мира» обывателей, поэтому вполне закономерно, что новые хозяева старались опираться на старые знаки и символы власти. Даже в обращениях к губернскому комиссару его уездные подчиненные порой писали «господин управляющий губернией»⁹³.

Центром управления губернией, по-прежнему, оставался казанский кремль. Хотя еще с началом войны некоторые подразделения Губернского правления сменили свое привычное месторасположение. Требовались места для размещения многочисленных раненых и беженцев. Например, в тюремном отделении губернского правления работал военный госпиталь №20. В 1915 г. все губернские учреждения из присутственных мест кремля были переведены в губернаторский дворец, а в освободившихся помещениях были размещены эвакуированные государственные учреждения. В губернаторском дворце были заняты все залы, значительную часть квартиры губернатора пришлось отдать под присутственные места. На прежнем месте осталась только типография губернского правления⁹⁴. Таким образом, война меняла не только характер деятельности органов власти и общественных организаций, но и их местоположение.

Главный символ власти Казанской губернии напоминал саму страну: здесь было много солдат, рабочих-активистов и тех, кто хотел сохранить преэминентность власти. В кремле базировались местные органы власти Временного правительства и новообразованные общественные институты управления. В бывшем губернаторском дворце находилось наибольшее число государственных, партийных и общественных учреждений. Обилие помещений в здании давало возможность проводить, как постоянные, так и разовые мероприятия самых различных политических сил.

Например, в губернаторском дворце находился Казанский городской комитет общественной безопасности⁹⁵. Комитет включал в себя до 260 представителей различных организаций (даже от общества пчеловодов). Наряду с людьми умеренных взглядов, в него вошли последователи леворадикальных учений. В числе таких лиц были большевики В.А.Тихомирнов, А.П. Комлев, В.Журавлев.

⁹² НА РТ. Ф. 1246. Оп.1 Д.27. Л.65.

⁹³ Там же. Л.144.

⁹⁴ Волжско-Камская речь. – 1915. – № 234. – 22 октября.

⁹⁵ Казанская рабочая газета. – 1917. – № 28. – 14 мая.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

В движение общественной милиции подключились М.М. Вахитов, Ш.Ахмадеев, Ф.Хакимов, Т.Салехов и другие «представители национальной революционной демократии»⁹⁶.

В кремле располагался Казанский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. По вечерам, дважды в неделю культурно-просветительский отдел при Совете проводил в бывшем губернаторском дворце собрания своих членов. Здесь же работали бесплатные курсы пропагандистов⁹⁷. При отделе была организована ежедневная библиотека-читальня. Кроме того, производилась продажа книг, как привезенных из Москвы и Петрограда, так и собственного издания⁹⁸.

На часть общества опьяняюще действовал весенний воздух нагрывшей свободы. Казалось, с отменой монархии уйдут все старые заботы, и наступит новый мир. Одни стихийные митинги и собрания сменяли другие, воззвания и требования звучали все громче. Основным цветом 1917 г. и последующих лет стал красный. Кумачовые флаги были обязательными атрибутами всех митингов и демонстраций. Красный цвет, навеянный романтикой французской революции XVIII в., еще со времен первой русской революции вместе с «Марсельезой» был символом борьбы со старым. Поэтому сопровождал он и весь 1917 год, наступая полотнищем пламенного цвета на остатки прежнего порядка.

Однако не так просто было отказаться от привычных ритуалов и символов власти, выполнявших некую нормирующую роль. В революционных условиях еще не были созданы аналоги этих атрибутов власти. Впрочем, многие учреждения продолжали работать в прежнем режиме, а органы власти сменили лишь названия, но штат практически сохранился. В губернской типографии начали выпускать газету «Известия Казанского Губернского комиссариата», с пометкой в скобках «Губерн. Ведомости». Редакция газеты располагалась, как и типография, в здании присутственных мест кремля.

Чиновники продолжали выполнять свои обязанности и обеспечивали ход государственной машины. Собственно кадровая стабильность в органах власти и поддерживала их легитимность в глазах большинства населения и создавала ореол силы. Даже в рядах наиболее революционизированных органов милиции были представлены бывшие служащие царской полиции⁹⁹. В некоторых уездах именно они вызывали доверие общества, комиссары были вынуждены

⁹⁶ Казань орденоносная. Сборник / Гарзавина А.В., Глухов М.С. – Казань, 1987. – С. 76.

⁹⁷ Казанская рабочая газета. – 1917. – № 28. – 14 мая.

⁹⁸ Казанская рабочая газета. – 1917. – № 83. – 22 июля.

⁹⁹ НА РТ. Ф. 1246. Оп.1. Д.90. Л. 104 об.

обращаться к ним¹⁰⁰. «Я предложил им немедленно заменить форменную одежду вольною, оставив лишь на головном уборе изображение губернского герба и переименовать их в милиционеров», – сообщал чистопольский уездный комиссар Нератов в начале марта 1917 г.¹⁰¹ Таким образом, смена власти выразилась в символическом акте – смене полицейской формы на обычную, гражданскую одежду.

Но все же нужны были отличительные знаки. Многие люди, вероятно, помнили о том, как восприняли казанцы общественную милицию с красными повязками на руках в октябре 1905 года: с любопытством, удивленно, и даже агрессивно, но привычного почитания людей власти особо не было¹⁰². Поэтому в Чистополе для милиционеров сохранили губернский герб на фуражке. В Казани с опознавательными знаками для милиционеров определились не сразу. В марте 1917 г. народные защитники ходили с белыми повязками, красные повязки и красные банты на левом плече в тот период были у организаторов «Праздника свободы», членов Совета и районных представителей¹⁰³. Позднее значок казанской народной милиции представлял собой зеленый флажок с номером.¹⁰⁴

Государственная власть во главе с императором и царствующим домом Романовых являлась важной частью общественной жизни. Именем царя начинались все церемонии, во имя монарха и его семьи проводились торжественные молебны и другие ритуалы, собиралась благотворительная помощь, открывались учреждения социального призрения и просвещения. Образ царя Николая II в годы войны сильно поблек в глазах населения, его активно критиковали как в частных разговорах, так и на страницах печати. За оскорбление имени императора обывателей нередко привлекали к судебной ответственности. Своеобразным индикатором общественных настроений стало и то, что некоторые священнослужители в Казанской губернии (как магометанские, так и православные) уже в 1915 г. отказывались проводить богослужения во здравие царя¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Хотя надо отметить, что некоторые активисты левых взглядов сразу подмечали старых служащих и писали различные доносы на них в органы власти. Поэтому уже летом-осенью 1917 г. казанский губернский комиссар был вынужден давать распоряжения о том, что в рядах общественной милиции не допустимы бывшие служащие царской полиции и «по возможности» рекомендовал заменять их другими лицами (НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.42. Л.117).

¹⁰¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп.1 Д.27. Л.205.

¹⁰² Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах. – Т.1. 1905–1907. – Казань, 2016. – С.194–195.

¹⁰³ Малышева С. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). – Казань, 2005. – С.61.

¹⁰⁴ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.368.

¹⁰⁵ Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Казань, 2015. – С.208.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

Однако, даже после свержения монархии, не все священнослужители были настроены так радикально, поэтому еще в начале марта 1917 г. архиепископ Казанский и Свияжский Иаков¹⁰⁶ не представлял, как в новых условиях проводить молебны без упоминания царствующего дома. Император был олицетворением самого государства. Он отправил даже телеграмму на имя члена Синода митрополита Владимира. Но тот не ответил. Тогда он обратился к казанскому губернскому комиссару с этим вопросом¹⁰⁷. Вскоре был получен ответ о том, что «командующий войсками приказал временно молитву за царя и гимн не петь»¹⁰⁸. Хотя в глухих уголках Казанской губернии, некоторые священники еще продолжали упоминать в своих молитвах «царствующий дом». Однако такие публичные высказывания сразу же подмечались их окружением. Так уже в марте 1917 г. жалоба поступила на священника прихода с. Черемышево и Елань Лаишевского уезда, где его обвинили в распространении ложных слухов о новом правительстве¹⁰⁹. Некоторые духовные служители не восприняли всерьез произошедшую революцию. Настоятель мужского монастыря в Свияжске, епископ Амвросий открыто заявлял об этом и своим прихожанам, и монахам. Он был убежден, что настанет время, «когда весь состав Временного Правительства будет перевешен». Более того священник успел даже отправить телеграмму в штаб Казанского военного округа, где выразил надежду на восстановление самодержавия¹¹⁰.

Впрочем, большинство религиозных деятелей довольно быстро адаптировались в новых условиях. Уже первый праздник Русской свободы в Казани, прошедший 15 марта 1917 г., начался с торжественного молебствия на Театральной площади у памятника Г.Державину. Завершилось празднование торжественной панихидой на Арском кладбище «по погибшим борцам за свободу»¹¹¹. Вспоминали жертв революционных дней 1905 года. Таким образом священнослужители, в том числе архиепископ Иаков, служили панихиду по революционерам – «борцам с монархией»¹¹². По сути, религиозные деятели своими действиями провели символический акт легитимизации новой власти и выполняли посредническую

¹⁰⁶ Иван Алексеевич Пятницкий (1844–1922)

¹⁰⁷ НА РТ. Ф. 1246. Оп.1. Д.27. Л.111.

¹⁰⁸ Там же. Л.143.

¹⁰⁹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.33. Л.67.

¹¹⁰ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.37. Л.26.

¹¹¹ Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). – Казань, 2005. – С. 96.

¹¹² Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. – 2-е изд., доп.– СПб., 2012. – С.38.

роль при переходе власти от старого режима к новому. Более того, военные Казанского военного округа в срочном порядке под руководством православных и мусульманских духовных лиц принимали присягу на верность Временному правительству.

Показательно, что в уездах нередко новых представителей власти – уездных комиссаров, особенно при посещении ими богатых землевладельцев, сопровождали местные священники¹¹³.

Однако новая власть на местах, в том числе дублировавшие друг друга учреждения, не вызывала доверия. Например, при решении конфликтных ситуаций между рабочими и работодателями в примирительных камерах, последние иногда требовали рассмотрения дела в несуществующем «коронном суде»¹¹⁴. То есть сохранилась вера в высшие инстанции власти, как самой справедливой. И символом этой справедливой власти оставалась «корона». Если в Петрограде царские портреты и гербы срывали уже в начале марта, то в некоторых провинциальных уголках они оставались на месте. Так в Чистополе в здании местной Городской управы до начала мая висели портреты императоров¹¹⁵. У Казанского университета к осени 1917 г. появляется обозначение «государственный» вместо прежнего «императорского»¹¹⁶.

Владельцы пароходов Камско-Волжского судоходства с началом весенней навигации сообщали, что «остаются в силе» «коммерческие трехцветные флаги» и гербы «как эмблема государства»¹¹⁷. Очевидно, технически не представляло большого труда снятие гербов и флагов. Однако отсутствие замены новым символам, по всей видимости, останавливало пароходовладельцев от этого шага. Любопытно, что другая транспортная компания «Кавказ и Меркурий» в апреле 1917 г. заменила «царские» наименования поволжских пароходов и дала своим кораблям названия российских городов¹¹⁸.

Но за несколько месяцев революции в сознании большинства людей еще не произошло полного принятия новой власти. Многовластие на местах делало еще более привлекательной идею о высшей власти и централизации, особенно в глазах состоятельных граждан, имущественные права которых нарушались все чаще и чаще. «... Крупные землевладельцы привыкли иметь дело с высшими инстанциями правительственных органов, а потому волостные

¹¹³ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.37. Л.214.

¹¹⁴ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.160.

¹¹⁵ Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль – октябрь 1917 г.). Сборник документов и материалов. – Казань, 1957. – С.87.

¹¹⁶ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.90. Л.141.

¹¹⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.53.

¹¹⁸ Колоницкий Б.И. Указ. соч.– С.226.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

комитеты не считают для себя органами власти», – сообщал о ситуации в Лаишевском уезде в июне 1917 г. член исполкома губернского комитета общественной безопасности А.Карпов¹¹⁹.

Поиски справедливости в высших инстанциях власти были характерны не только для простых обывателей, но для законных представителей этой власти на местах. Абсолютно не соблюдалась иерархия власти, за различными уточнениями представители уездной власти обращались напрямую к столичным учреждениям, минуя губернское начальство. Поэтому 27 июня 1917 г. губернский комиссар Казанской губернии был вынужден распространить обращение к уездным комиссарам, начальникам уездной и городской милиции, где просил прекратить «непосредственные сношения» с Министерством внутренних дел, особенно когда дела касались народной милиции¹²⁰. К слову, должность начальника милиции нередко пытались совмещать с обязанностями уездного комиссара. Но МВД выступало категорически против этого, т.к. уездные комиссары являлись представителями Временного правительства, а милиционеры подчинялись муниципальной власти¹²¹.

Обращения представителей милиции и уездных комиссаров к столичным властям характеризуют слабость позиций казанского губернского комиссара, он если и стал символом власти, то только для служащих старой администрации. Комиссары не получали вознаграждения за свой труд, это тоже влияло на престиж должности в глазах населения. Его полномочия постоянно игнорировали неофициальные Советы, создав тем самым двоевластие в губернии.

Новая официальная власть возникла в губернии, как и везде, без подготовки. При этом она уже не могла пользоваться атрибутикой старой власти (бланками, печатями и пр.). Для изготовления этих элементов государственного делопроизводства требовалось время, которое не всегда использовалось в пользу новой власти. Так в Казанской губернии были на ходу «удостоверения», выданные Советами своим агитаторам. Они печатались на машинке от имени губернского комиссара на обычной бумаге, при этом документы были без его подписи. Агитаторы проводили пропаганду среди крестьян, продавали партийную литературу, собирали деньги в пользу партии, призывали выбрать делегатов в Совет крестьянских депутатов. Например, в апреле 1917 г. с «удостоверениями от губернского комиссара» в Козмодемьянском уезде ходили пред-

¹¹⁹ Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой октябрьской социалистической революции. Сборник документов. – Т.1. – Казань, 1950. –С.193.

¹²⁰ НА РГ. Ф.1246. Оп.1. Д.28. Л.31.

¹²¹ Там же. Л.34.

ставители партии эсеров Елена Николаевна Заболотская и Василий Михайлович Архаров¹²².

Ближе к лету 1917 г. как у Казанского губернского комиссара, так и у уездных комиссаров появились собственные, отпечатанные в типографии, бланки, печати и штампы¹²³. Возможно, на их изготовление ушла и часть скромных средств, отпущенных Казанской губернии Временным правительством «на расходы связанные с укреплением нового государственного строя». В телеграмме от 17 мая 1917 г. комиссар Чернышев сообщал о том, что 25 000 рублей полностью израсходованы и просил открыть новый кредит в том же размере.¹²⁴

Впрочем, все эти меры так и не способствовали росту авторитета официального главы губернии. Как отмечает С.Ю.Малышева, «губернские комиссары Временного правительства ограничивались в их полномочиях не только Советами, но и, например, губернскими земельными управами и комитетами, губернскими продовольственными комитетами». Так, казанский губернский комиссар постоянно сталкивался с местной земельной управой. Комиссар выносил резолюции о незаконности постановлений волостных комитетов, а управа выступала резко против его распоряжений. Губернская продовольственная управа считала, что только она имеет право издавать распоряжения по продовольственному вопросу¹²⁵.

Все эти примеры приводили к тому, что законного представителя Временного правительства посторонние лица практически выселяли из его же помещения. В бывшем губернаторском дворце по соседству с рабочими кабинетами комиссара и его помощников заседали самовольно разместившиеся профсоюзы металлистов, портных, солдаток, официантов, кожевников и других рабочих специальностей. Губернский комиссар так и не сумел выселить профсоюзы из бывшего губернаторского дворца, хотя помещения были необходимы для государственных нужд¹²⁶. Рабочая секция Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов отка-

¹²² НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.32. Л.57, 58.

¹²³ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.36. Л.108, 128.

¹²⁴ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.30. Л.318.

¹²⁵ Малышева С.Ю. Российское временное правительство 1917 года. Отечественная историография 20-х – середины 60-х годов. – Казань, 1999. – С.108–109.

¹²⁶ Служащие Тюремного отделения Губернского правления с 1915 г., отдав свое помещение в кремле под военный госпиталь №20, работали в здании тюремных мастерских в Плетенях. Это были нежилые, а потому всегда холодные, помещения. Кроме того, в 1917 г. из-за расстройтва трамвайного сообщения, сотрудникам очень тяжело было добираться до этого района пешком с Нижне-Федоровской и Засыпкиной улиц (именно там квартировало большинство служащих). В сентябре 1917 г. они просили выделить 3–4 комнаты в бывшем губернаторском дворце (НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.221).

зала ему в этом, сославшись, что союзы должны быть «в тесном контакте с Советом» и «ввиду абсолютного отсутствия в городе помещений, годных для союзов»¹²⁷. После этого отказа 19 сентября 1917 г. комиссар пишет письмо в Министерство внутренних дел с вопросом, кто в настоящее время должен распоряжаться дворцом?¹²⁸ В этот период аналогичный захват помещений предпринимался и в отношении зданий Казанского университета, однако ректор учебного заведения настоял на том, что помещения принадлежат Министерству народного просвещения и никакие посторонние учреждения в них размещаться не могут.

Что касается Советов и союзов при них, то они не только отказывались освобождать помещение, но и давали распоряжения о выселении оттуда официальных органов власти. Так, еще до инцидента с профсоюзами начальнику уголовной милиции было направлено постановление Исполкома Советов «о немедленном освобождении помещения при дворце»¹²⁹. В ответ на постановление 11 сентября 1917 г. губернский комиссар направил свое обращение, где просил известить, «на каком основании Совет распоряжается помещением находящимся в ведении Министерства внутренних дел и распоряжаться которым может только комиссар»¹³⁰. Как видим, через неделю он и сам засомневался в этом и решил уточнить у МВД истинное положение дел.

В том же сентябре 1917 г., без ведома губернского комиссара решалась судьба главного символа кремля – башни Сююмбике. В этом случае столкнулись интересы не только старой и новой власти, но представителей двух культур – христианской и мусульманской.

Несмотря на размещение в казанском кремле губернских учреждений власти татарское сообщество всегда хранило память о ханском прошлом этих мест. В кремле когда-то размещался ханский дворец, была мечеть и могилы ханов при ней. Башня Сююмбике, построенная уже после завоевания Казанского ханства, стала символом этой сакральной народной памяти. Например, казанский губернатор М.В.Стрижевский в 1907 г. отмечал, что для мусульман этот памятник имеет не только историческое, но и религиозное значение¹³¹. Неслучайно еще до начала войны татарская общественность Казани собирала деньги на реставрацию башни и была готова полностью взять под свою ответственность охрану па-

¹²⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.225.

¹²⁸ Там же. Л.226 об.

¹²⁹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.214.

¹³⁰ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.215.

¹³¹ Казанско-Волжская речь. – 1908. – 13 августа. – №312.

мятника¹³². Спонсорская поддержка татарского предпринимательства была признана городскими властями как что-то само собой разумеющееся. Башня Сююмбике давно воспринималась горожанами как неофициальный мусульманский символ.

¹³² Татарская общественность в лице предпринимателей и мулл – гласных Казанской городской думы выступила с инициативой о необходимости реставрации башни Сююмбике еще в 1907 г. Однако решение этого вопроса растянулось на долгие годы. Гласные вновь и вновь возвращались к вопросу о ремонте башни. При этом в 1907 г. была сформирована специальная строительная комиссия, куда вошли вице-губернатор, городской голова, губернский инженер, губернский архитектор, городской архитектор и гласные А.Я.Сайдашев, С.С.Галикеев, А.С.Галикеев, М.И.Галеев, Г.Мукминов, С.М.Аитов, З.-А.К.Апанаев, И.Г.Утямышев, С.Мусин (Камско-Волжская речь. – 1908. – 18 сентября. – №340). Комиссией составлена смета ремонта на 7 тысяч рублей. Однако ремонт начался не сразу. Основной проблемой стала финансовая сторона вопроса (Камско-Волжская речь. – 1908. – 13 августа. – №312). Через шесть лет городская управа заявила, что мусульмане города так и не собрали необходимую сумму, и из-за этого ремонт башни был отложен на неопределенный срок (Казанский телеграф. – 1913. – №6118. – 10 октября). При этом особая комиссия инженеров городского технического отдела после осмотра памятника признала, что обнаруженный наклон башни и трещины никакого угрожающего значения для целостности здания в ближайшем будущем не имеют. (Казанская газета. – 1913. – № 5971. – 5 апреля).

В начале 1914 г. с инициативой о необходимости ремонта башни Сююмбике выступил новый казанский губернатор П.М.Боярский. К тому времени сооружение было настолько ветхим, что, по словам начальника губернии, «часть кирпичей из нее вываливается и башня угрожает разрушением». Управа после этого замечания в феврале 1914 года, в целях предупреждения прохожих от несчастных случаев, поручила городскому архитектору Евдокимову оградить башню (Казанский телеграф. – 1914. – №6215. – 11 февраля). Однако служащие городского муниципального управления, похоже, не спешили выполнить указание головного органа. В апреле 1914 г. казанский полицмейстер вновь обратил внимание городской управы на эту проблему. По его словам, кирпичи башни Сююмбике к тому времени падали с самого верха сооружения и, действительно, представляли крайнюю опасность всем посетителям Казанского кремля (Казанский телеграф. – 1914. – №6257. – 4 апреля).

Возможно, игнорирование требований полицмейстера и начальника губернии объяснялось тем, что еще в феврале 1914 г. городские власти начали частичный ремонт здания. Сумма расходов, после очередного технического осмотра башни Сююмбеки, была увеличена до 10 тысяч рублей. Комиссия отмечала, что «ветхое состояние башни требует коренной реставрации памятника» (Казанский телеграф. – 1914. – №6275. – 29 апреля). Начатые весной 1914 г. ремонтные работы были завершены поздней осенью 1915 г. «Кладка цоколя, парапетов и стен улучшена, трещины расшиты, скользкие из кровельного железа полы ярусов заменены цементными, замок свода расклинен, старые и лопнувшие связи соединены и вся башня снаружи в нижней части (устои) обхватываются железным кольцом шириною в 12 вершков», – сообщали журналисты газеты «Волжско-Камская речь» в сентябре 1915 г. Оставалось еще установить водосточные трубы и вставить рамы и двери. При этом на ремонт башни Сююмбеки городская управа потратила гораздо меньшую сумму – около пяти тысяч рублей (Камско-Волжская речь. – 1915. – № 206. – 18 сентября).

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

В революционные дни башня использовалась как своеобразный наблюдательный пункт. Так, корреспондент газеты «Рабочий» в апреле 1917 г. отмечал, что «с вершины Сююмбекиной башни наблюдатели любовались грандиозным зрелищем»: первомайской демонстрацией на Воскресенской улице¹³³.

2 сентября 1917 г. на общем собрании Казанского мусульманского военного комитета было вынесено постановление о снятии двуглавого орла (как символа старой власти) с башни Сююмбеки и установлении на его место полумесяца. Председатель Комитета штабс-капитан Рафиков и секретарь прапорщик Валитов уведомили 13 сентября Казанского губернского комиссара Временного правительства В.А. Чернышева, что полумесяц вместо орла, согласно постановлению, будет водворен на башню в 14 ч. 16 сентября¹³⁴.

На указанное постановление Казанского мусульманского военного комитета последовала реакция Совета Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Университете. В своем постановлении от 16 сентября, копия которого была отправлена Казанскому губернскому комиссару, Совет Общества обращал внимание Комитета, что ремонт памятников древности в Казанской губернии не должен производиться не иначе, как под его руководством (или с разрешения Археологической Комиссии в Петрограде). В документе приводились аргументы, что башня Сююмбеки, в настоящем ее виде, памятник отнюдь не татарского происхождения. Снимать орел с башни, по мнению членов Общества, не было никаких оснований, т.к. в это революционное время орел – эмблема государства вообще, а не империи, не связан он и с династией Романовых. Составители постановления писали, что изображение орла (без короны) имеется и на государственной печати Временного Правительства. Приводились и другие аргументы в пользу запрета на снятие орла и водружение полумесяца (народные волнения, революционные междоусобицы, партийные расслоения, ухудшение межконфессиональной, межнациональной обстановки и т.д.)¹³⁵.

18 сентября Казанская Губернская ученая Архивная комиссия, получив известие о снятии с башни Сююмбеки государственного герба, просила Казанского губернского комиссара передать его на хранение комиссии, как памятник исторического прошлого г. Казани.

¹³³ Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль – октябрь 1917 г.). Сборник документов и материалов / под ред. М.К.Мухарямова, В.П.Тимофеева, С.Н.Фомичева. – Казань, 1957. – С.65.

¹³⁴ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.371; НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 156. Л.1.

¹³⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп.1. Д. 156. Л. 14–15.

Поэтому 23 сентября губернский комиссар с сопроводительной запиской передал снятый мусульманами герб на хранение комиссии¹³⁶.

Информация о планируемой установке мусульманами полумесяца на башне Сююмбеки очень волновала православные миссионерские объединения. Свое недовольство по этому поводу губернскому комиссару выразил епископ Анатолий, руководитель Братства св. Гурия. Он действовал на основании Акта общего собрания миссионерского Братства от 4 октября 1917 г. На это заявление В.А.Чернышев сообщал, что в ближайшее время полумесяц установлен не будет, в случае попытки сделать это, им будут приняты меры к недопущению подобного. Комиссар считал необходимым напомнить епископу о недопустимости пользования в официальных актах непроверенными данными и слухами, т.к. в данном случае они могут приобрести характер достоверности и привести к нежелательным эксцессам¹³⁷.

Губернский комиссар В.А. Чернышев, в свою очередь, сообщал 14 октября Директору канцелярии Министра внутренних дел Российской Республики, обстоятельству снятия с башни Сююмбеки двуглавого орла. Комиссар писал, что 16 сентября им было сообщено мусульманскому военному комитету, что никакие распоряжения принципиального характера, исходящие от партийных и национальных организаций без одобрения Временного правительства осуществляться не могут. Он указал, что по разъяснению революционного Временного правительства, все распоряжения, имеющие важное общественное и государственное значение, приводятся в исполнение не иначе, как с согласия правительственных губернских комиссаров, между тем, данное решение мусульманского комитета доводилось только до его сведения, а не для разрешения на то согласия органов революционной власти. Находя действия мусульманского комитета незаконными, В.А. Чернышев предложил комитету распорядиться немедленно приостановить начатые работы по снятию с башни орла и срочно доставить ему копию мотивированного постановления комитета о предстоящей замене символов.

Чернышев предписал начальнику милиции г. Казани проконтролировать, чтобы работы по снятию орла были приостановлены. Однако с 14 ч. 16 сентября к башне Сююмбеки начали собираться воинские части из солдат-мусульман, во главе со своими офицерами. Эти отряды явились к башне с оркестром военной музыки, для присутствия на торжественной церемонии снятия с башни орла и замене его полумесяцем. Когда стало известно о запрете, к комиссару явилась делегация из мусульманского комитета, с настоятель-

¹³⁶ Там же. Л. 7–8.

¹³⁷ Там же. Л. 10–10 об.

ными требованиями о разрешении назначенного церемониала, В.А. Чернышев ответил отказом, объяснив это ожиданием указаний со стороны Временного правительства. Между тем, к башне собиралось уже все большее количество солдат-мусульман с оружием. В самом кремле, рядом с самой башней также было множество женщин-мусульманок, ожидавших снятия орла и водружения полумесяца. При переговорах с делегацией, как писал позднее губернский комиссар, выяснилось, что «мусульмане настроены воинственно, и даже несколько враждебно, а приостановление исполнения постановления комитета могло вызвать нежелательные вооруженные последствия». Поэтому В.А. Чернышев, пытаясь найти правильное решение, понимая исключительность момента, все же, разрешил снять орла, но категорически запретил водружение полумесяца, объяснив это возможностью сильного возбуждения со стороны русского населения города, что могло породить собой нежелательные последствия. После долгих споров мусульманская делегация согласилась с доводами комиссара, орел был снят, но леса, возведенные на башне для снятия орла, были оставлены на месте. В дальнейшем, этот день прошел без особых осложнений.

По словам В.А. Чернышева, после этого он вызвал представителя бюро мусульманского военного комитета и указал на незаконность постановления комитета и объяснил «важность и серьезность последствий водружения на башне полумесяца, как эмблемы владычества мусульман, вместо знака русской государственности». Особых возражений он со стороны представителя бюро не встретил. Вскоре Общество археологии, истории и этнографии при Казанском Университете обратилось к Чернышеву с протестом по поводу снятия с башни орла, члены общества много писали об этом и в местной прессе. Снятый герб был передан в распоряжение Казанской губернской ученой архивной комиссии. 5 октября Чернышев получил акт общего торжественного собрания братства святителя Гурия с протестом на действия мусульманского населения, намеревающегося водрузить на башне полумесяц. Сообщая обо всем этом в Министерство внутренних дел России, В.А. Чернышев считал своим долгом предупредить, что, по свидетельству помощника губернского комиссара Хасанова, являющегося избранником мусульман, военный мусульманский комитет все же не отказался от мысли увенчать башню Сююмбеки полумесяцем. Вместе с тем, им предложено Казанскому городскому общественному управлению распорядиться немедленно снять леса со стен башни. В связи с изложенным, комиссар просит доложить об этом самому министру, как и министру внутренних дел, чтобы Временное правительст-

во реагировало на это явление должным образом, и тем предупредило нежелательные события в Казанской губернии¹³⁸.

17 октября Казанский губернский комиссар просил Городскую управу не отказать в срочном распоряжении о немедленном снятии с башни Сююмбеки возведенных на ней лесов, дабы этим окончательно прекратить развивающуюся вражду между мусульманским и русским населением¹³⁹.

Между тем, в адрес Казанского мусульманского военного комитета продолжали приходиться многочисленные поздравительные телеграммы из разных уголков России в связи со снятием с башни Сююмбеки двуглавого орла. Так, 15 сентября были получены телеграммы от председателя Мусульманского комитета г. Баку А.Топчибашева, председателя тюркских федералистов и «Мусульманской демократической партии Мусават» М.Расулзаде, 16 сентября – от председателя киргизского общества «Шураи ислам» (г. Токмак) Сатыпалдина, 19 сентября – от Нахичеванских тюркских федералистов, от кавказского муфтия, 22 сентября – от тюркских федералистов Ташкента. В Самаре местными мусульманами была даже учреждена особая «Комиссия Сююмбике», которая также приветствовала снятие двуглавого орла с башни. Во многих этих и других телеграммах предлагалась моральная, материальная и даже военная помощь. Некоторые телеграммы приходили сразу с денежными переводами¹⁴⁰.

Вопрос о мусульманском символе – башне Сююмбике был решен в следующем 1918 г., когда в январе по специальному декрету В.И.Ленина был учрежден Комиссариат по делам мусульман. Комиссаром по делам мусульман Российской Республики был назначен бывший член Учредительного собрания от Казанской губернии Мулламур Вахитов, заместителями бывшие члены Учредительного собрания от Уфимской губернии – Галимджан Ибрагимов и от Оренбургской губернии – Шараф Манатов. 20 января В.И. Ленин одобрил подготовленные комиссариатом проекты декретов о возвращении башкирам и татарам их национальных реликвий – Караван-сарая в Оренбурге и башни Сююмбеки в Казани¹⁴¹.

25 января 1918 г. состоялось общее собрание Казанского Совета РСКД. Сначала прошли секционные заседания, затем общее собрание, с опозданием на 2 часа, начал председатель Совета Я.С. Шейнкман. В виде внеочередного заявления он зачитал телеграмму полученную из Петрограда от М.М. Вахитова, который предлагал передать башню Сююмбеки мусульманскому трудовому наро-

¹³⁸ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.371–373.

¹³⁹ НА РТ. Ф. 1246. Оп.1. Д. 156. Л. 17.

¹⁴⁰ Безнен тавыш. – 1917. – 3 октябрь.

¹⁴¹ История Казани. Книга II. – Казань, 1991. – С.31–32.

ду. Шейнкман предложил собранию приветствовать передачу башни Сююмбеки мусульманам и самого комиссара Вахитова, как защитника трудовых масс мусульманского населения. Также предложил устроить 26 января торжественное заседание по случаю передачи башни¹⁴². В результате, торжественная установка полумесяца на башне Сююмбеки была запланирована на 8 марта 1918 г.¹⁴³

В этот же день на территории Казанского кремля прошло еще одно символическое событие – похороны лидера Ваисова «Мусульманских божьих воинов» Сардара Гайнанутдина Ваисова. Он был похоронен в могиле в саду рядом с бывшим губернаторским дворцом¹⁴⁴. Ваисов был убит и место для его могилы, в центре города, вдали от мусульманского кладбища, выбрали не случайно. Так называемые «красные похороны» «борцов за свободу» и связанная с ним новая обрядность стали важным средством утверждения революционной культуры. Если до октября 1917 г. такие похороны устраивали для борцов с самодержавием, то после «жертв контрреволюции». Церемония включала в себя и религиозные обряды, и похоронный марш, красные флаги и прочую революционную атрибутику. Исследователь революционной символики 1917 г. Б.И.Колоницкий относит «красные похороны» к «новому государственному культу»¹⁴⁵.

Большевики называли С.-Г.Ваисова «социалистом ислама», «выдающимся вождем мусульманской демократии». Среди определенных слоев населения авторитет убитого был в тот период довольно высок¹⁴⁶. В похоронах С.-Г. Ваисова приняла участие боевая дружина учащихся, состоящая исключительно из воспитанников средних учебных заведений. В эту дружину, находящуюся во введении Военной коллегии по управлению Казанским военным округом, входило около 30-и человек¹⁴⁷.

Традиция торжественных захоронений продолжалась и в дальнейшем. В июне 1918 г. на территории Казанского кремля похоронили убитых большевиков Г.Ш. Олькеницкого (к тому времени – член Казанского комитета РКП (б), член Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией), Копко, Лавриновича и пяти рядовых солдат. «К 4 часам дня во дворе Казанского университета и на Лобачевской площади собрались тысячные толпы рабочих и сол-

¹⁴² Знамя революции. – 1918. – № 22 (68). – 27 января.

¹⁴³ За землю и волю. – 1918. – № 43 (81). – 8 марта; Знамя революции. – 1918. – № 43 (81). – 8 марта.

¹⁴⁴ За землю и волю. – 1918. – № 126 (164). – 28 июня.

¹⁴⁵ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. – 2-е изд., доп.– СПб., 2012. – С.45.

¹⁴⁶ Знамя революции. – 1918. – № 38 (84). – 1 марта.

¹⁴⁷ Трудовой путь. – 1918. – № 22. – 15 марта.

дат, пришедших отдать долг павшим борцам за пролетарскую революцию, – писал об этом событии современник. – От Лобачевской площади, в сопровождении броневиков с красными и черными траурными знаменами, под звуки похоронного марша, сменяемого пением «Вы жертвою пали...» процессия двинулась по улице Чернышевского в Крепость (Казанский кремль – *прим. ред.*)¹⁴⁸. В начале июля 1918 г. в саду рядом с бывшим губернаторским дворцом появились новые могилы. Здесь похоронили красноармейцев, погибших при взрыве автомобиля, груженого ружейными патронами на Посадской улице. Церемония повторяла предыдущие, процессия также начала движение от здания Казанского университета¹⁴⁹.

Весной 1918 г. под стенами Казанского кремля бушевали и другие страсти. Наряду с установлением новых символов и обрядов, шла борьба со старыми символами власти. «Трудовому народу давно мозолит глаза памятник царя Александра II. – писала газета «Знамя революции». – «Старым царям место в амбаре» заявляет один из членов Совета и почти единогласно принимается резолюция обратиться в художественную комиссию Городского хозяйства об немедленном удалении с площади царя»¹⁵⁰. Таким образом, памятник императору Александру II был убран не в феврале-марте 1918 г., как утверждает в некоторых современных СМИ, а позднее. Любопытно, что некоторые люди, открыто поддерживавшие монархию еще до начала Первой мировой войны, с радостью воспринимали удаление символов былой власти. Например, известный своими умеренными воззрениями, мусульманский богослов и муфтий Г.Баруди в 1920 г. оставил в дневнике запись по поводу разрушения памятника Александру II в Самаре. «Остались только трон из агата и постамент. Услышав об этом, я сходил посмотреть, чтобы убедиться воочию. Вернулся довольный, убедившись, что памятник убрали, соскребли ненавистные надписи», – записал он.¹⁵¹

30 апреля 1918 г. на заседании исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов было постановлено Ивановскую площадь г. Казани (площадь Александра II) переименовать в площадь Первого мая¹⁵². На старом постаменте, откуда была убрана фигура царя, через два года появилась гипсовая фигура рабочего-металлиста с кувалдой в руке – «Памятник освобожденному труду». Но гипсовое изваяние недолго украшало площадь Первого мая, на подходе был уже культ самого вождя революции.

¹⁴⁸ За землю и волю. – 1918. – № 126 (164). – 28 июня.

¹⁴⁹ За землю и волю. – 1918. – № 132 (170). – 5 июля.

¹⁵⁰ Знамя революции. – 1918. – № 77 (123). – 20 апреля.

¹⁵¹ Баруди Г. Памятная книжка // Казань. – 1998. – №2. – С.72.

¹⁵² За землю и волю. – 1918. – № 108 (146). – 5 июня.

Впрочем, казанская фигура рабочего-металлиста простояла чуть дольше другой гипсовой фигуры революционного времени. 12 сентября 1918 г. в уездном городе Свияжске по поручению Л.Д.Троцкого появился памятник Иуде Искариоту. Его провозгласили первым революционером во всемирной истории. Памятник простоял один день¹⁵³. Об этом фантастическом событии известно лишь по мемуарам служащего Датской дипломатической миссии, Хеннинга Кейлера¹⁵⁴, который прибыл в революционную Россию с целью оказания помощи военнопленным австрийцам и германцам. Других свидетельств нет. Маленький город напрочь забыл об этом событии. Судя по всему, этот странный эпизод новой истории был вытеснен из народной памяти вместе с ушедшими символами царской России.

**1.3. «...Население настолько невежественно,
что личное благополучие ставит выше всего...»:
общественные настроения в 1917 г.**

Два с половиной года войны привели страну к продовольственной катастрофе. Первоначальный патриотизм интеллигенции и буржуа сменился усталостью от войны, социально-экономическими трудностями. «Война затянулась. Уже притупились нервы и нет прежнего энтузиазма, – писал анонимный корреспондент газеты «Казанский телеграф» в конце 1916 г. – Общество устало, и животная мысль о своих повседневных заботах и дрязгах все чаще врывается в серьезное настроение массы. Спекуляция, мародерство и «шкурные» интересы доминируют в нашей жизни, и определяют весь смысл и ее содержание. Таким настроением живет и проникнут наш тыл»¹⁵⁵. В Казани «к концу 1916 года цена на сливочное масло возросла по сравнению с июнем 1914 года на 845%, на говядину – на 700%, на битую птицу – до 349%, на свежую рыбу – на 200%, на молоко – на 254%». Участились случаи фальсификации продуктов питания, ухудшилось их качество¹⁵⁶. Дорожали не только продукты, росли цены на жилье, отопление и промышленные товары.

¹⁵³ Остров Свияжск [электронный ресурс] <http://www.sviyajsk.ru> Дата обращения 30.08.2016.

¹⁵⁴ Kenler H. The Red Garden. – New York: Alfred A. Knopf, 1922. – P. 156.

¹⁵⁵ Казанский телеграф. – 1916. – 12 октября. – №6984.

¹⁵⁶ Вишленкова Е., Малышева С., Сальникова А. Казанское житье (XIX–XX века) // Турнерелли Э. Казань и ее жители. – Казань, 2005. – С.1018–1019.

ГЛАВА 1. Власть и общество в год революции

При этом накануне февральской революции – с конца 1916-го и до начала 1917 г. – охранители правопорядка (исправники) отправляли на имя казанского губернатора шаблонные рапорты о том, что во вверенном им участке (уезде, городе) все спокойно, незаконных выступлений нет, как и никаких «выдающихся происшествий», преступность на прежнем уровне и т.д. Подобные рапорты и отчеты для вышестоящих чиновников, безусловно, серьезно влияли на их бдительность и создавали ложную картину всеобщего патриотического настроения и стабильности. Лишь немногие из представителей уездной и городской власти допускали в своих рапортах некоторые отступления от общей парадной линии. Например, казанский полицмейстер в документе от 14 февраля 1917 г. упомянул о том, что среди населения губернского города «ходит слух волнения недовольства, основанный, главным образом, на экономической почве, высказывается неудовольствие на отсутствие необходимых жизненных продуктов, как то муки, хлеба и пр.»¹⁵⁷. Он указал, что горожане недовольны распоряжениями городского управления, в особенности, долгими очередями за продуктами. Более того, «слышится иногда в единичных случаях и угрозы бить стекла и громить стекла», – писал полицмейстер¹⁵⁸.

В отличие от осторожных рапортов уездных исправников и полицмейстера был откровенен в своих секретных сообщениях начальник Казанского губернского жандармского управления. 18 января 1917 г. он отмечал, что «настроение казанского общества повышенное; огромное большинство настроено против правительства, чего никто и не скрывает, говорят об этом совершенно открыто». В губернском городе в это время ходили слухи о предстоящем государственным перевороте в Петрограде, с участием великих князей. «Все это создает в обществе нервное настроение, – докладывал казанскому губернатору полковник П.Ратников, – подогревает дороговизну жизни толками о грядущей возможности голода». Причем эти настроения были характерны не только для лиц свободных профессий и мелких служащих в органах самоуправления, не говоря уже о рабочем населении, но и для высокопоставленных чиновников¹⁵⁹.

Подтверждали это наблюдение и военные цензоры. «Содержание внутренней русской корреспонденции довольно разнообразно, но интересного в ней с точки зрения военной цензуры, было немного. Однако, замечено, что многие авторы тщательно описывают

¹⁵⁷ НА РТ. Ф. 1246. Оп.1. Д.165. Л.16.

¹⁵⁸ Там же. Л.16 об.

¹⁵⁹ История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У.Амиранова. – Казань, 2004. –С.361.

всякие беспорядки, «голодные бунты» и забастовки», – сообщал 10 февраля 1917 г. казанский цензор, полковник Прогнаевский¹⁶⁰.

Накануне революции на имя казанского губернатора поступали анонимные заявления, где звучали те же жалобы на нехватку продовольствия и угрозы. «...Если на хлеб будет существовать карточный способ, если будем дежурить около городских лавок останемся на весь день голодными и на другой день без хлеба, мы это перенести не можем»; «мы вынуждены будем разгромить всех спекулянтов, у которых гниет запас хлеба», – говорилось в анонимном заявлении от имени «жителей г. Казани», отправленном в январе 1917 г.¹⁶¹

Поэтому, несмотря на «спокойные» отчеты исправников, начальник губернии был осведомлен о сложившейся тяжелой ситуации. Помимо нехватки продовольствия, зимой 1917 г. не менее острой стала проблема с топливом. Во-первых, дров было недостаточно в свободной продаже, во-вторых из-за неполадок в работе железной дороги и отсутствия вагонов, этот товар попросту не могли привезти из других губерний. В телеграмме от 22 февраля 1917 г. в Министерство внутренних дел казанский губернатор П.М. Боярский докладывал, что «погром лесоторговцев и крупные беспорядки могут начаться каждую минуту». Он просил срочно разрешить ему реквизиции восьми тысяч кубов на лесной бирже, т.к. помимо гражданского населения, нужно было еще обеспечить топливом казармы и лазареты¹⁶².

Активно внедряемая в этот период реквизиция – изъятие государством у собственника имущества (товара) с выплатой фиксированной стоимости (что в условиях инфляции всегда приносило убытки владельцу) – была самой непопулярной мерой правительства. Особенно бурно реагировало население на хлебные реквизиции. Например, 8 февраля 1917 г. начальник КГЖУ сообщал о том, что крестьяне Свияжского уезда недовольны правительственной властью, прежде всего, из-за несправедливых закупок зернового хлеба. На рынке пуд ржи стоил 2 руб. 20 коп., а овес покупали по 2 руб. 60 коп. за пуд. Между тем, крестьяне должны были сдать государству на нужды армии рожь по цене 1 руб. 35 коп., а овес – за 1 руб. 50 коп. Конечно, эта несправедливость возмущала сельчан. Более того, не у всех этот хлеб имелся в достаточном количестве, поэтому для выполнения данного задания крестьянские семьи

¹⁶⁰ Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.107.

¹⁶¹ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1631.Л.2.

¹⁶² История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У.Амиранова. – Казань, 2004. – С.70.

были вынуждены покупать зерно у помещиков и купцов по рыночной стоимости, а сдавали государству по сниженной цене¹⁶³. Из-за этой ситуации многие крестьяне уезда направились за хлебом в Свяжск, а городской рынок быстро отреагировал на выросшую потребность в зерновых: цены за короткое время выросли до 3 руб. 50 коп. за пуд¹⁶⁴. Скачки цен на продукты питания и предметы первой необходимости за годы войны стали привычным явлением. Однако ухудшение качества жизни населения влияло на общественные настроения, которые приобрели взрывоопасный характер. Любые очереди могли закончиться межличностными разборками и погромом лавки.

Февральскую революцию страна встретила голодной. На Временное правительство возлагались большие надежды. Общество требовало разрешения, прежде всего, вопроса о войне и продовольственного снабжения. Но в 1917 г. ситуация лишь ухудшилась. Несмотря на анонимные угрозы горожан, в марте 1917 г. в Казани была введена карточная система на ржаной хлеб. Еще раньше горожане получили карточки на белый хлеб¹⁶⁵. Карточная система раздражала людей, в ожидании своей очереди они были вынуждены целый день стоять в «хвостах». К осени 1917 г. в Казанской губернии карточки были введены уже на все виды круп, сахар, чай, мыло, ткани, галоши¹⁶⁶. Голодное состояние добавляло агрессии в поведение, покупатели со злостью смотрели на лавки спекулянтов.

Февральская революция поначалу виделась как долгожданное спасение от этого тяжелого положения. Первые месяцы после Февраля, особенно в городах, прошли в бесконечных митингах и собраниях. Анализируя начало революции, свидетель этих событий и социолог П.Сорокин отмечал, «начало ее характеризуется "расторжением" речевых рефлексов – и с количественной и с качественной стороны. "Язык людей развязывается". Его "перестают держать за зубами". Он получает свободу (то же самое применимо и к письменным речевым реакциям). Начинаются речи, речи и без конца речи. Митинги и собрания, заседания и демонстрации. Широка река газет, брошюр, листовок, плакатов, афиш – затопляет страну»¹⁶⁷.

В обществе наблюдалась эйфория от наступившей свободы. Демонстрации этого периода так и назывались праздниками «Русской свободы». «Восприятие праздничности Февральской революции не было сопряжено для населения с каким-либо болезненным

¹⁶³ НА РТ. Ф. 1246. Оп.1. Д. 165. Л.44.

¹⁶⁴ Там же. Л. 44 об.

¹⁶⁵ История Казани в документах и материалах: XX век. – Казань, 2004. – С.70.

¹⁶⁶ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.118. Л.50.

¹⁶⁷ Сорокин П. Социология революции. – М., 2005. – С. 61–62.

переломом сознания, – отмечает С.Ю.Малышева. – Ведь “новая религиозность” Февраля не только отвергла прежнюю систему православных религиозных празднеств, а лишь официальные светские праздники, связанные с династией, но и открыто опиралась на традиции православной религиозности»¹⁶⁸.

Впрочем никакая революционная эйфория не могла удовлетворить материальные потребности. Поэтому с новой силой вспыхнули рабочие забастовки¹⁶⁹, свои требования выставили даже ямщики и грузчики почтовой станции г.Казани. На несколько дней было приостановлено почтовое сообщение в городе¹⁷⁰. Нараставшая продовольственная проблема и спекуляции оставались постоянными факторами социального взрыва. В условиях междувластия такого рода выступления очень трудно было обуздать, т.к. никто никому уже не подчинялся. Например, 13 марта 1917 г. в Арске толпа крестьян из 300 человек, недовольная высокими ценами на ржаную муку, разгромила лавки местных торговцев Капралова, Колесникова и Капраловой. Новая милиция бездействовала¹⁷¹.

Весть о свержении монархии сельчанами была воспринята неоднозначно. Были те, кто отнеслись с недоверием к этой информации и продолжали верить, что монархия скоро будет восстановлена. Но большая часть крестьянства восприняла революцию как наступление безвластия и разрешение анархии. Те, кто осуждали их действия и не участвовали в беспорядках, предпочли молча наблюдать за происходящим. «Масса же более рассудительная при разговорах не одобряет их действий, но остается совершенно инертной, так как удача первых не приносит им ничего кроме выгоды», – отмечал современник¹⁷².

Для того, чтобы хоть как-то завладеть общественными настроениями в сельской местности казанский губернский комиссар в марте 1917 г. просил архиепископа Казанского и Свияжского Иакова ознакомить всех священников на местах манифестом об отречении царя от престола. По его мнению, именно духовенство должно было взять на себя ответственность по объявлению последней царской воли населению. Комиссар просил, чтобы они рассказали об этом прихожанам в церквях, «при торжественной

¹⁶⁸ Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). – Казань, 2005. – С.139–140.

¹⁶⁹ Корбут М. Казанские рабочие перед Октябрьской революцией // Ученые записки Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина. – Казань, 1928. – Т.LXXXVIII. – Кн.1. –С. 112.

¹⁷⁰ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.69.

¹⁷¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.67. Л.7–7об.

¹⁷² НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.32. Л.130.

обстановке и соответствующим разъяснением», с пастырским призывом к населению «поддерживать порядок и спокойствие и продолжить обычный мирный труд на благо Родины»¹⁷³. В дальнейшем священники, действительно, выступали как посредники между старой и новой властью.

Но, вместе со свержением старого режима, наблюдалось падение и авторитета церкви, призывы духовных лиц не оказывали должного воздействия на основную массу населения. Более того, к весне 1917 г. во время аграрных беспорядков некоторые крестьяне стали претендовать на церковные и монастырские земли. Например, крестьяне приходов сел Порфировка и Лебяжье Спасского уезда захватили причтовую земли и поделили между собой¹⁷⁴. Участились кражи из православных храмов. Только весной-летом 1917 г. были ограблены церкви сел Исаково, Нижний Услон, Бежбатаман, Вязовое Свяжского уезда¹⁷⁵. Представители Чебаевской волости Ядринского уезда на местном съезде крестьянских депутатов в июне 1917 г. требовали отстранения чувашского духовенства от преподавания в церковных школах и просили открыть вместо этих учебных заведений в чувашских селениях «настоящее учение», «без псалтыря и славянского языка»¹⁷⁶. Подобные эпизоды являются яркой иллюстрацией отношения определенной категории населения к церкви и религиозным служителям. В августе 1917 г. казанский губернский комиссар выразил свое недовольство по поводу бездействия священников. Он надеялся, что духовные отцы могли бы призвать крестьян к порядку и выполнению государственных обязательств¹⁷⁷. Но в условиях хаоса, некоторые прихожане считали, что они имеют право сами выбирать себе священника. Так, в селе Гусих Спасского уезда в мае 1917 г. крестьяне решили удалить из прихода священника Нечаева и передать его обязанности дьякону Брызгину, но последний отказался от их предложения¹⁷⁸.

Мусульманская общественность была воодушевлена новыми гражданскими правами. По примеру первой русской революции были организованы мусульманские съезды. По данным жандармерии, съезд планировался еще в 1916 г.¹⁷⁹ Но первый Всероссийский му-

¹⁷³ НА РТ. Ф. 1246. Оп.1. Д.27. Л.109.

¹⁷⁴ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.30. Л.293.

¹⁷⁵ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.37. Л.136.

¹⁷⁶ Макаревский В.В. Политическая и социальная деятельность чувашских организаций партии социалистов-революционеров (1904–1918). – Чебоксары, 2008. – С.46.

¹⁷⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.65. Л.147.

¹⁷⁸ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.30. Л.293.

¹⁷⁹ Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918). – Казань, 2015. – С.211.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

сульманский съезд прошел в Москве в мае 1917 г., второй – в Казани с 21 июля по 2 августа. В этот же период в Казани были организованы Всероссийские съезды мусульманского духовенства и мусульманских военнослужащих. Знаменательным событием стало избрание в мае 1917 г. муфтием Оренбургского магометанского духовного собрания казанского муллы Галимджана Баруди. Мусульмане впервые получили право свободного избрания главы своего духовного ведомства. Этого права они добивались еще с 1915 г.¹⁸⁰

22 марта 1917 г., по инициативе приват-доцента Казанского университета, чуваша Н.В.Никольского, было организовано Общество мелких народностей Поволжья. Основной целью общества было избрано изучение и просвещение народностей Поволжья, издание литературы на национальных языках. Первый съезд организации, где приняло участие более 500 представителей чуваш, мари, удмуртов, мордвы и других народов, прошел в Казани 15–22 мая 1917 г.¹⁸¹, 2-й съезд был проведен 1–4 августа того же года.

Но в целом революционная свобода была воспринята однобоко, и наступила она явно не для всех граждан нового государства. Общество предпочитало делить людей на поклонников старой власти и новой, поэтому началась кампания доносов на монархистов, служителей царских правоохранительных органов и т.п. «бывших людей». Например, 17 марта 1917 г. в квартиру известного казанского монархиста А.Т. Соловьева пришли представители общественной милиции и устроили обыск, изъяли весь архив хозяина квартиры и его револьвер, а самого арестовали¹⁸². Освободили его через несколько дней. Позднее выяснилось, что арест А.Соловьева был произведен из-за поступившей в комитет общественной безопасности информации о «вредной противоправительственной деятельности Соловьева». Документы ему были возвращены¹⁸³.

Упразднение жандармерии и обнародование документов тайной полиции также дестабилизировало общество. Для разбора дел жандармерии были образованы особые комиссии в составе председателя прокурора или товарища прокурора местного окружного суда, губернского комиссара и начальника железной дороги. Дела передавались по назначению: «по строевой и хозяйственной части» – уездным воинским начальникам, а «политические и общеуголовные» – штабы военных округов.¹⁸⁴ Обнародованные доку-

¹⁸⁰ Там же. – С.197–200.

¹⁸¹ Макаревский В.В. Политическая и социальная деятельность чувашских организаций партии социалистов-революционеров (1904–1918). – Чебоксары, 2008. – С.48.

¹⁸² НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.24 об.

¹⁸³ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.31.

¹⁸⁴ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.48–48 об.

менты стали публиковаться на страницах прессы¹⁸⁵. В обществе шла охота на секретных агентов, которые подлежали аресту¹⁸⁶. Люди наводили справки о конкретных лицах в органах власти. Например, в конце апреля 1917 г. в Казанском городском исполнительном комитете общественной безопасности уточняли прошлое казанского фельдшера В.А.Черенкова. Знакомые хотели узнать, не служил ли он в казанском охранном отделении¹⁸⁷.

Оставшиеся без работы бывшие служащие жандармерии и полиции не могли устроиться на новую службу. Сначала многие бывшие полицейские были взяты в ряды общественной милиции. Но из-за общественного протеста, их стали освобождать от должности¹⁸⁸. «Семьи бывших городских Казанской городской полиции уволенных в марте месяце от службы и не принятых в число милиционеров настойчиво просят о выдаче им пособий размере двух месячного содержания. Положение просителей тяжелое», – телеграфировал в Петроград казанский губернский комиссар Плотников¹⁸⁹. Иногда бывшие служители царского правопорядка не могли работать и на обычной гражданской службе, не связанной с новой властью. Население вело настоящую борьбу с бывшими полицейскими. Например, 20 апреля 1917 г. казанскому губернскому комиссару поступила следующая телеграмма от «кружка родителей» Казанского Родионовского института, в которой они просили устранить от должности управляющего хозяйственной частью Казанского Родионовского института П.К.Кульчицкого, «как состоявшегося по прежней его службе начальником одного из карательных отрядов».¹⁹⁰

Если с одной стороны происходили обыски и аресты, с другой в революционной России освобождали политических арестантов. Причем не только из тюрем, подлежали освобождению заключенные, которые в этот период содержались в психиатрических лечебницах. Из Казанской окружной психиатрической лечебницы из 73 заключенных-пациентов, по решению прокурора Казанского окружного суда, подлежали немедленному освобождению 17 человек, еще несколько больных должны были выйти на свободу, после окончания курса лечения, весной 1917 г.¹⁹¹

Часть общества ведь об освобождении заключенных встретила как праздник свободы и торжество революции, другая часть наобо-

¹⁸⁵ Там же. Л.49–50.

¹⁸⁶ Казанское слово. – 1917. – 16 апреля. – №1.

¹⁸⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.76.

¹⁸⁸ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.33. Л.536.

¹⁸⁹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.68.

¹⁹⁰ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.63.

¹⁹¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.13–16.

рот серьезно опасалась этого факта. Состоятельные граждане беспокоились о сохранности своих банковских сбережений. Вероятно, в памяти еще были живы экспроприации первой русской революции. Поэтому после смены власти многие люди стали в срочном порядке закрывать счета и забирать свои сбережения из банков. Активность вкладчиков создавала панические настроения в городе. Уже 6 марта 1917 г. исполняющий обязанности директора Казанской государственной сберегательной кассы просил губернского комиссара о том, что бы он через газеты успокоил граждан и заверил, что «за целостность вкладов отвечает все Государство – Россия, и что нет никакого основания брать денежные суммы из сохранного места – Казанской государственной сберегательной кассы»¹⁹².

Паника вкладчиков была вызвана как сменой власти, так и усиливающимися случаями грабежей и других нарушений закона. По Казани в начале марта распространились слухи о том, что могут насильственно освободить заключенных из пересыльной тюрьмы. Даже военные реагировали на такие слухи и председатель Временного военного комитета Казанского гарнизона, полковник Григорьев дал распоряжение 11 марта 1917 г. о полной боевой готовности взвода юнкеров на случай экстренного вызова¹⁹³.

К лету 1917 г. действительно участились случаи ограбления частных банков. Причем грабители действовали от имени различных общественных организаций и настаивали на законности своих требований. Кроме того, они просили сообщить сведения о банковских операциях (вкладах, переводах), запрещали произвести денежные выдачи клиентам банков и т.д. Некоторые хулиганы требовали от банков увеличения размера социальных пайков. В июне 1917 г. Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан Временного правительства распространило среди губернских комиссаров особый циркуляр, где просило объяснить банкам, что это противоречит уставу банков, существует «тайна счетов и дел клиентов» и такие требования могут исходить только от судебных органов власти¹⁹⁴.

Покушение на частную собственность стало основным признаком революционного времени. Причем происходило это на самых разных уровнях. Например, в условиях продовольственного кризиса казанские служащие организовали на окраине города, за Архангельским кладбищем, собственные огороды. Но урожай собирали не они, а солдаты Казанского гарнизона. По сообщению сторожа, «солдатами ежедневно производится порча огородных посадок, и на его

¹⁹² НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.27. Л.61.

¹⁹³ Документы по истории Октября в Татарии. – Казань, 1973. – С.36.

¹⁹⁴ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.28. Л.27.

просьбу прекратить дальнейшую порчу, солдаты отвечали угрозами». Служащие оказались бессильны в этой ситуации¹⁹⁵. Награбленные овощи солдаты продавали на казанских улицах¹⁹⁶. В том же июле 1917 г. комиссар железнодорожной станции «Казань» М.В.Федуленко опасался за хранящийся в пакгаузах станции сахар, который принадлежал кассе мелкого кредита. «Слышатся угрозы по адресу администрации железной дороги, якобы способствующей укрывательству этого продукта от населения, совместно с продовольственным комитетом, угрожают расправой», – писал он¹⁹⁷.

Основным мотивом различных девиаций была, безусловно, проблема нехватки продовольствия. Политика Временного правительства по реквизиции продуктов питания в пользу армии также сыграла свою роль в нарастании кризиса и распространении слухов, самовольных действий различных сил. Например, в июне 1917 г. Министерство внутренних дел сообщило о том, что участились случаи «вмешательства различных общественных комитетов» в «деятельность кооперативов, заготовляющих продовольственные продукты для армии и населения». Министерство предупредило, что подобные действия местных комитетов носят незаконный характер¹⁹⁸. В сентябре 1917 г. в Казани распространились слухи о том, что Казанский совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов собирается провести обыски в городе¹⁹⁹. Целью обысков объявлялись поиски продовольствия. В начале октября 1917 г. казанский губернский комиссар просил напечатать в газете предупреждение, что «всякие осмотры и обыски в помещениях и квартирах производимы лишь по предъявлении уполномоченными на то лицами надлежащего ордера судебной власти или милиции». Другие обыски и осмотры он считал противозаконным²⁰⁰. Но практика революционного времени уже отличалась от его предписаний.

Казанский совет принимал резолюции, противоположные решениям губернского комиссара. К лету 1917 г. участились угрозы владельцам различных казанских предприятий. Интерес представляли как помещения, так и имущество торговых и промышленных заведений. Например, в кинотеатре «Электра» Казанским мусульманским военным комитетом организовывались показы фильмов для мусульманских солдат²⁰¹. 22 июля 1917 г. исполком солдатской секции Совета принял резолюцию о предоставлении ему помеще-

¹⁹⁵ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.81.

¹⁹⁶ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.212 об.

¹⁹⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.84–84 об.

¹⁹⁸ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.28. Л.20.

¹⁹⁹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.290.

²⁰⁰ Там же. Л.285.

²⁰¹ Ионенко И., Тагиров И. Октябрь в Казани. – Казань, 1967. – С.101.

ния кинотеатра «Электра». Солдатские депутаты считали, что здание театра крайне необходимо им для подготовки к будущему Учредительному собранию и должно перейти культурно-просветительскому отделу солдатской секции Совета²⁰².

Губернский комиссар, конечно же, был против таких решений²⁰³, но его возражения часто игнорировались противоположными ему общественными силами. В том числе муниципальным комитетом общественной безопасности. Так, Казанский торгово-промышленный союз в июле 1917 г. обратился Министерству торговли. Владельцы предприятий жаловались на то, что исполнительный комитет общественной безопасности занимается арестами предпринимателей и угрожает продажей имущества²⁰⁴. Таким образом, покушение на частную собственность в городах выражалось в разной форме: от разгрома лавок, экспроприации коммерческих помещений и до обысков в частных квартирах.

В сельской местности главным предметом спора стала земля. Крестьяне выступали против помещиков и хуторян, отрубников. Покушались они и на земли церковных причтов. 13 мая 1917 г. Казанский губернский крестьянский съезд постановил, не дожидаясь Учредительного собрания, отобрать все земли. Циркуляр об этом разнесся по всей губернии. Исходя от этого документа, волостные комитеты начали выносить собственные постановления, а крестьяне восприняли это как руководство к действию²⁰⁵. В Казанской губернии было зафиксировано 24 случая аграрных беспорядков. Крестьяне захватывали поместья, леса, инвентарь, сгоняли с полей помещиков военнопленных и т.д.²⁰⁶ Остановить этот хаос было уже практически невозможно. Одной из мер по урегулированию аграрных беспорядков Временным правительством рассматривалась организация земельных комитетов. Но к июлю 1917 г. в Казанской губернии было создано менее 20% предполагаемых волостных земельных комитетов. Их учреждение задерживалось, главным образом, из-за равнодушия крестьян²⁰⁷.

Распространившиеся среди солдат слухи о раздаче помещичьих земель привели к тому, что они убегали из действующей армии,

²⁰² НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.53.

²⁰³ Там же. Л.54.

²⁰⁴ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.60.

²⁰⁵ Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль – октябрь 1917 г.). Сборник документов и материалов / под ред. М.К.Мухарямова, В.П.Тимофеева, С.Н.Фомичева. – Казань, 1957. – С.299–300.

²⁰⁶ Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой октябрьской социалистической революции. Сборник документов. – Т.1. – Казань, 1950. – С.4–6.

²⁰⁷ Диндаров А.И. Земельные комитеты Среднего Поволжья в 1917–1918 гг. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2002. – С.47.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

в надежде поспеть к раздаче. Среди участников захватов помещичьих земель немало было и солдат-отпускников.

С открытием навигации на Волге в апреле 1917 г. представители пароходных компаний отмечали «чрезмерное переполнение пароходов солдатами»²⁰⁸. Действительно, образ военного, уже свободного от прежних начальственных оков, с одной стороны подогревал противозаконные действия крестьянства, с другой внушал страх. «...Они отчасти боятся своих живущих в отпуске солдат, к которым относятся с уважением, как к защитникам родины, которые тоже тормозят все распоряжения Правительства», – отмечал Л.Тихонов, товарищ председателя Сотнурской волостной продовольственной управы Царевококшайского уезда о местных крестьянах в сентябре 1917 г.²⁰⁹

Сельские общества, как правило, были настроены очень агрессивно и любые попытки пресечь нарушения мирным способом встречали резкий отпор. «Даже простой выгон скота лесником с культур или посевов, вызывает страшное озлобление, доходящее до угроз сжечь или убить...», – сообщал заведующий Ильинским лесничеством из Козмодемьянского уезда 12 мая 1917 г.²¹⁰ При этом многие крестьяне были убеждены, что лес и земля теперь не казенные, а общественные. Поэтому они считали, что действия их вполне законные²¹¹.

Люди, движимые самыми первичными инстинктами, голодом и недоеданием, направляли свою агрессию на чужую собственность. Но попытки социального переустройства мира влекли за собой покушение не только на собственность, но и на личную безопасность и жизнь человека. Как и в годы революционного террора 1906–1907 гг. многие не ощущали себя в безопасности. «Проживая в Адмиралтейской слободе – на глухой ее окраине, куда приходится возвращаться мне из города после вечерних занятий в кассе мелкого кредита Казанского губернского земства часто в ночное время и через луга по прямому пути, – имею честь просить Вас выдать мне надлежащее разрешение на ношение, в целях самообороны, револьвера системы «Вело-дог», – писал в августе 1917 г. казанский мещанин Михаил Иванович Мухин²¹². Таким образом единственным способом борьбы с беззаконием оставалась самооборона и оружие, которое водилось теперь и в деревнях. «Еще в нашей деревне был случай Велеулла Габидулло Гизятуллу Тухфетуллова нечаянно выстрелом из револьвера убил. Это было в ноябре 1916

²⁰⁸ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.53.

²⁰⁹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.42. Л.144–144 об.

²¹⁰ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.32. Л.130.

²¹¹ Там же. Л.130 об.

²¹² НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.159. Л.11.

года», – сообщал своему сыну-солдату в письме Замалетдин Рахматуллин из деревни Средне-Балтай Буинского уезда в начале 1917 г.²¹³ Советская рефлексия для обозначения революционных лет вывела образ «человека с ружьем»²¹⁴; солдата, сменившего фронтовые поля на катастрофичную жизнь в тылу, порой с отношением к человеческой жизни, как к чему-то обесцененному.

Военный фактор стал определяющим в общественной жизни революционного года. Под лозунгами социальной справедливости народные адепты революции претворяли в жизнь исключительно однобокие схемы, не терпящие возражений и открытой дискуссии, не предполагающие компромиссных решений. Например, полностью под контроль Советов и подчинявшихся ему профсоюзов попали взаимоотношения работодателя и работников. Владельцам предприятий было отказано в праве увольнения рабочих, в явочном, одностороннем, порядке устанавливались часы работы, такими же агрессивными методами решался вопрос о повышении заработной платы. Для разбора конфликтов между работниками и работодателями были созданы согласительные и примирительные камеры. В первой инстанции, согласительной камере были представлены только представители рабочих, поэтому иногда ее заседания превращались в моральное унижение работодателя. «...Самое печальное это сплошное издевательство над личным достоинством, которое позволяют себе там жалобщики и которое поощряется и разделяется членами этого, с позволения сказать, суда», – писала в своей жалобе на эту инстанцию владелица казанской торговой лавки Софья Исаковна Израэлит²¹⁵. За увольнение своей работницы предпринимательницу обязали заплатить за полгода, хотя работала она меньше. За несогласие с этим решением и желание обжаловать его, Софья Израэлит несколько дней провела в тюрьме и только благодаря ходатайствам знакомых и личному участию помощника прокурора она сумела выйти на свободу. «Истерзанная всем предшествующим физически и нравственно, готовая идти на все, лишь бы кончилось это мучительство, я решила согласиться на требования Комитета (Исполнительного комитета Общественной безопасности – *прим. ред.*)...», – писала она²¹⁶.

Давление оказывалось не только на работодателей, но и на самих рабочих. Например, главной причиной забастовок всегда были экономические мотивы. Но Советы пытались привнести в них

²¹³ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.335. Л.44 об.

²¹⁴ Холодов В.А. Война в мировоззрении русского населения и «человека с ружьем» второй половины XIX – начала XX вв.: на материалах Орловской губернии. Автореф. дисс. ... к.и.н. – Орел, 2011. – С.4.

²¹⁵ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.160.

²¹⁶ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.161.

политические вопросы. И когда получившие повышение к жалованью рабочие пытались продолжить работу, представители этой организации агрессивно препятствовали возобновлению производственного процесса. Иллюстративным является случай в шляпных магазинах Казани. После удовлетворения экономических требований работниц владельцы шляпных мастерских столкнулись с требованиями «правового свойства», которые они отказались выполнять и вообще прекратили переговоры. После этого часть работниц была готова возобновить работу, но забастовку включились «неизвестные молодые люди», которые «применяли свою мужскую физическую силу в помощь забастовщицам», «силой не пускали в магазин, хватая за рукав, врываются в помещения магазинов и мастерских с целью проверки, работают ли у нас», «повышенным тоном и угрозами уводили тех девушек, которые добровольно оставались у нас», «навешивали на наши помещения плакаты, в извращенном виде объясняющие происхождение забастовки». Милиция заняла сторону «неизвестных молодых людей»²¹⁷. Владельцы торговых предприятий оказались бессильны перед таким положением и не знали, кому обратиться за помощью. «Таким образом в тисках лжи и насилия с одной стороны и лишенные легальной помощи власти с другой, мы очутились в крайне тягостном положении: не говоря уже о громадных убытках, мы глубоко оскорблены тем, что публика не имеет правильного представления о том, кто действительно виноват в создавшемся положении вещей, мы нравственно потрясены создавшейся вокруг нас атмосферой озлобления», – писали они в своем коллективном заявлении на имя казанского губернского комиссара.²¹⁸

Одной из причин таких примеров агрессии была не только тяжелая социально-экономическая ситуация и полный крах политической системы, но и чрезмерное увлечение частью общества спиртными напитками. Как отмечал современник событий П.Сорокин, революционное время атрофирует многие условные рефлексy человека, в том числе отвечающие за соблюдение социальных норм²¹⁹. Он начинает игнорировать власть и теряет контроль над собой. Катализатором этого социального разложения очень часто служил алкоголь. Власть предвидела эту проблему, но так и не сумела решить. Например, Временный военный комитет Казанского военного округа еще 4 марта 1917 г. обращался к населению г. Казани с предупреждением о запрете продажи вина, браги и дена-

²¹⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.277.

²¹⁸ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.277 об.

²¹⁹ Сорокин П. Заметки социолога. Социологическая публицистика. – СПб., 2000. – С.146.

турата. «Кто будет в эти дни уличен в спаивании солдат и в продаже вина, будет немедленно задержан новым комендантом г. Казани и предан суду по законам военного времени, также будут задержаны все пьяные, как люди крайне опасные для общественного порядка», – говорилось в обращении²²⁰. Но пьянство в городе, в том числе среди солдат, стало привычным явлением.

В уездах наблюдалась аналогичная ситуация. В конце марта 1917 г. старшина Ново-Чурилинской волости с тревогой телефонировал Казанскому уездному комиссару: «в каждом доме к Пасхе заготовлено много браги кумышки. Беспорядков будет много. Прошу командировать из Кукмора десять солдат на всю Пасху, население взволновано»²²¹.

В конце апреля в Козмодемьянском уезде появились слухи о том, что крестьяне собираются разгромить пивной склад в пяти верстах от уездного города. По решению местных властей в ночь на 5 мая 1917 г. были уничтожены все запасы заводского пива²²².

В городах наблюдалась не только тайная торговля спиртными напитками (шинкарство), распитие горячительных напитков практиковалось и в общественных местах. Так, в июле 1917 г. был принято решение о закрытии ресторана «Биржа» Василия Григорьевича Колесникова на Гостинодворской улице в Казани²²³. Главной причиной стала продажа алкоголя в ресторане. Предпринимателю помогло вмешательство рабочей секции Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, где решили, что нельзя допустить закрытия «крупного питательного пункта» и безработицы большого количества служащих заведения. Тем более союз официантов ресторана гарантировал, «что с их стороны будут приняты все меры к прекращению пьянства в ресторане»²²⁴. Однако на деле все осталось по-прежнему. Поэтому 31 августа 1917 г. вновь было вынесено решение о закрытии ресторана Колесникова. Причиной стало «допущение распития спиртных напитков». Это относилось и к ресторану, и чайной, размещающейся на нижнем этаже при ресторане²²⁵.

Если с одной стороны шла борьба с алкоголизацией и незаконными продажами спиртного, с другой некоторые представители власти сами способствовали этому. Например, в конце августа 1917 г. житель Казани Ф.Самигуллин пожаловался на «чинимые безобразия пьянств и бесчинства в доме Пановой на улице Соколо-

²²⁰ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.363.

²²¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.35. Л.65.

²²² НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.32. Л.90.

²²³ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.76.

²²⁴ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.63.

²²⁵ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.156.

вой». По его словам, в них постоянно принимала участия и «сама милиция».²²⁶

Управляющий акцизными сборами Казанской губернии сообщал, что некоторыми сельскими и волостными комиссарами были своеобразно поняты данные им инструкции по борьбе с распространением кумышки и самогонки. Они не только не предпринимали никакие меры к пресечению варки и продажи кумышки, но и поощряли торговлю ею, устанавливали твердые цены на спиртное и пытались таким образом предупредить спекуляции²²⁷.

На фоне пьянства, революционного хаоса, безвластия и безысходности, всевозможных слухов обострялись душевные болезни, активизировались сектантские группы, распространялись мистические учения и суеверия. Печальным символом этого коллективного религиозного транса во главе с царской семьей стал убитый в конце 1916 г. сибирский старец Григорий Распутин. В Казанской губернии в этот период переживает трансформацию и возрождение учение ваисовцев, мусульманской секты так называемых воинов ваисовского Божьего полка, возникшее еще в 1860-е годы²²⁸. 16 марта 1917 г. на родине Ваисовых – в деревне Молвино Свияжского уезда местным имамом был образован мусульманский комитет, таким образом односельчане ваисовцев уже в первые дни революции начали проявлять общественную активность²²⁹. Лидер секты Сардар Гайнанутдин Ваисов был убит в марте 1918 г., но похоронили его в саду рядом с бывшим губернаторском дворцом в кремле²³⁰. Убийство и почетные похороны указывают на усиление его влияния в обществе, вместе с тем это говорит и о неоднозначном восприятии Ваисова. Сектантская пропаганда велась в этот период и среди православных. Так, в г. Казани в феврале 1917 г. были обнаружены последователи московского «братца» Ивана Колосова. Как противодействию такому учению архиепископ Казанский и Свияжский Иаков предлагал миссионерские беседы в Георгиевском храме по воскресным дням в течение всего Великого поста²³¹. «Красная Пасха» 1917 г. и «новая религиозность» революционного времени были продолжением этих общественных на-

²²⁶ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.161.

²²⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.167. Л.163.

²²⁸ Усманова Д.М. Мусульманское «сектантство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг. – Казань, 2009. – С.520.

²²⁹ Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2004. – С.152.

²³⁰ За землю и волю. – 1918. – № 126 (164). – 28 июня.

²³¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.170. Л.44.

строений, когда из-за духовной неустойчивости появлялись новые центры религиозно-морального притяжения.

Еще в годы войны среди мусульманского населения Казанской губернии распространялись различные слухи о конце света. Столкнувшись с масштабной войной, некоторые вспоминали слова из священного писания о судном дне, об усилении роли ислама в мире. Союз османского халифа с Германией лишь укреплял такого рода соображения. Интересно, что слухи доходили не только в результате частных разговоров, но и в письменном виде. В Казанской губернии так называемые письма из Мекки о скором появлении антихриста (Даджаля) появились еще в 1915 г., в которых говорилось о предстоящих грозных событиях в 1916 г. и был призыв к покаянию. Продолжали курсировать подобные слухи и в следующем году. В ноябре 1916 г. Атинское волостное правление Казанского уезда перехватило анонимное письмо, адресованное всем муллам. В конверте лежала записка на татарском языке следующего содержания: «Хазраты, скоро будет светопреставление, объявите народу». Вскрытое письмо было передано земскому начальнику²³².

Ликвидация царской власти породила в обществе новые суеверные слухи. Среди крестьян Борисоглебского сельского общества Каймарской волости Казанского уезда в мае 1917 г. ходили слухи о том, что скоро наступит конец света и появился антихрист, который находится в составе нового Временного правительства²³³. Таким образом люди пытались найти хоть какое-то объяснение происходящему в мире и резким переменам в стране.

Например, неожиданным стало решение Временного правительства от 27 июня 1917 г. о переводе часов на летнее время с 1 июля по 1 сентября²³⁴. Такое вводилось впервые, в Европе с 1916 г. перевод часов на летнее время практиковалось в Германии. Но после 1 сентября время в России так и осталось летним.

Часть православного духовенства муссировала слухи «об отделении церкви от государства». Например, во время проводов Иконы Смоленской Божьей матери 27 июля 1917 г. в Казани раздавались листовки об этом²³⁵. Оказалось, что поводом к таким выводам стало постановление Учительского съезда об отмене обязательного преподавания Закона Божьего во всех светских учебных заведениях. Священники, распространявшие слухи об отмене церкви от государства были арестованы представителями казанских советов²³⁶.

²³² Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Казань, 2015. – С.205–206.

²³³ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.67. Л.189.

²³⁴ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.28. Л.202.

²³⁵ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.61. Л.23.

²³⁶ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.61. Л.25.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

Реагировали в провинции и на сообщения из столиц. Во время июльского кризиса циркулировали слухи об аресте членов Временного правительства²³⁷. А после корниловского мятежа в конце августа 1917 г. казанский Союз офицеров распространял листовки с призывом свергнуть правительство и восстановить монархию²³⁸.

Лето 1917 года казанцам запомнилось взрывами артиллерийских складов Порохового завода и вспыхнувшим пожаром, который начался 14 августа. Сначала взрывы приняли за учебную артиллерийскую стрельбу и испытание заводского пороха. Однако, когда взрывы участились и в домах стали разбиваться оконные стекла, среди населения уже началась паника. Горожане, в поисках безопасного места, стали в массовом порядке убегать из Казани. «По всем улицам, ведущим на Арское поле, бежали женщины с детьми, раненые солдаты из госпиталей, многие уезжали на ломовых извозчиках, бросая на произвол судьбы свое имущество», – писал через два дня старший фабричный инспектор Казанской губернии А.Бадюл. Он сам хорошо представлял устройство порохового завода, поэтому пытался остановить городскую панику, но на его слова о том, что «серьезной опасности для жителей Казани нет» мало кто обратил внимания. «С быстротой молнии распространились всевозможные слухи об удушливых газах, о том, что от Казани ничего не останется...», – свидетельствовал он²³⁹.

15 августа в городе было объявлено военное положение. Из-за паники было прервано телеграфное сообщение с Петроградом и Москвой, перестали выходить местные газеты²⁴⁰. «...Подлинный дантов ад три дня и ночи стоял в предместьях города, вулканами-кострами на Волге горела нефть, а взрывы не прекращались ни на минуту», – писал об этих днях очевидец событий художник П.Радимов. Испуганные горожане оставляли свои дома с «открытыми от сотрясения дверями и разбитыми окнами»²⁴¹. Писатель Ф.Амирхан, прикованный к инвалидному креслу, в эти дни проживал в номерах «Амур» и оказался в трудном положении. Вокруг царила суета, все были озабочены собственным спасением. Выбраться из гостиницы Амирхану помог Мубаракшах Рамазанов,

²³⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.28. Л.153.

²³⁸ Ионенко И., Тагиров И. Октябрь в Казани. – Казань, 1967. – С.128.

²³⁹ Казанская губерния в период Первой мировой войны: сб. документов и материалов. – Казань, 2014. – С.148.

²⁴⁰ Там же. С.149.

²⁴¹ Казань в художественной литературе / Сост. В.В.Аристов и [др.]. – Казань, 1977. – С.151.

владелец номеров «Амур». Уже 16 августа писатель выразил ему свою благодарность на страницах газеты «Кояш»²⁴².

В пожаре погиб начальник Порохового завода, генерал-лейтенант В.В.Лукницкий, возглавлявший его более 30 лет. Были и другие жертвы. Всего пострадало 172 человека, погибли и умерли от полученных ранений 11 человек. Среди пострадавших оказалось не менее 30 детей и подростков. Они получили ранения, главным образом, в последующие дни пожара. Несмотря на приказы начальника Казанского гарнизона дети, а также любопытные взрослые подбирали на улицах города не взорванные снаряды, и провоцировали новые несчастные случаи. Взрывы продолжались вплоть до 24 августа.

Причины «казанской катастрофы» (как нарекли эти события местные власти) так и остались невыясненными. В народе чаще всего циркулировали слухи о шпионаже. Этой же версии придерживались и советские историки²⁴³. Между тем, причиной взрывов могла быть и банальное не соблюдение правил противопожарной безопасности. Показательно, что в этот период большие пожары случались и в других уголках Казанской губернии²⁴⁴. В силу распространившейся вокруг безответственности, массового нарушения дисциплины, не всеми рабочими и служащими соблюдалась техника безопасности. Об этом писал старший фабричный инспектор А.Бадюл 19 августа 1917 г.: «... Рабочими и солдатами не соблюдались даже элементарные требования относительно мер предосторожности при фабрикации взрывчатых веществ»²⁴⁵.

Для пострадавших были отведены временные помещения, планировалась выдача по специальным удостоверениям бесплатного хлеба и обеда для детей²⁴⁶. Уже через неделю после начала взрывов по городу стали распространяться различные листовки с призывом оказать помощь пострадавшим. Они исходили от разных инстанций. Например, известны листовки от Казанской городской управы, от военной секции Чистопольского совета рабочего, солдатского и крестьянского депутатов. «В свободном, сознательном гражданине чувство взаимной поддержки должно быть широко

²⁴² Әмирхан Ф. Әсәрләре: 4 томда. – Т.4. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1986. – Б.296.

²⁴³ Малышева С. Пожар на Пороховом, или «Казанская катастрофа» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.288–289.

²⁴⁴ Например, 21 августа 1917 г. пожаром была уничтожена 1/3 часть жилых построек в уездном городе Лаишеве (НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.118. Л.30).

²⁴⁵ Документы по истории Октября в Татарии. Сборник документов. – Казань, 1973. – С.87.

²⁴⁶ К населению г. Казани / Городская управа. – Казань, 1917 / Коллекция листовок РНБ.

развито. Только в твердой уверенности: «Один за всех и все за одного», черпаются силы для дальнейшей борьбы и работы, – говорилось в чистопольской листовке. – (...) Помните граждане, что никто из нас не застрахован, завтра же очутиться в таком же положении в каком очутились те, помочь которым мы призываем²⁴⁷.

Неизвестно насколько действенными оказались эти призывы и как реагировали на них граждане. Цены продолжали расти, с каждым днем ухудшалась продовольственная ситуация. При таком социально-экономическом положении взаимопомощь и благотворительность вытеснялись из общественной жизни. Хотя профсоюзами организовывались стачечные фонды, куда рабочие и служащие должны были перечислять часть своего жалованья. Некоторые фонды насчитывали по несколько тысяч рублей, но порой идея профессиональной солидарности внедрялась административным способом, фабрично-заводские комитеты пытались действовать через администрации предприятий²⁴⁸.

Между тем, спекуляции с продуктами питания проникли и в общества потребления, которые до определенного времени оставались единственными островками стабильных цен. В июле 1917 г. казанскому губернскому комиссару поступали сообщения о злоупотреблениях в обществах потребителей. Товары, получаемые по специальным ценам для этих обществ, до их членов не доходили, а сбывались торговцам²⁴⁹. Сфальсифицирована была сама идея взаимопомощи.

В городах к осени 1917 г. рабочим и служащим казенных предприятий начали выдавать жалованье облигациями «займа свободы». Например, такая практика была в Казанском пороховом заводе²⁵⁰. Но, ни всевозможные «займы свободы», ни реквизиции хлеба и скота в пользу армии не были приняты обществом. Хотя исходили они непосредственно от государственных органов власти.

«...Население настолько невежественно, что личное благополучие ставит выше всего, и каждый гражданин старается только для себя», – отмечал председатель Сотнурской продовольственной управы Царевококшайского уезда, некий Андреев в начале сентября 1917 г.²⁵¹ Многие члены продовольственных управ отказывались от своих обязанностей из-за повального нежелания на-

²⁴⁷ Граждане! Бедствие, разразившееся над Казанью ... Чистополь, 23 авг. 1917 / Коллекция листовок РНБ.

²⁴⁸ Ионенко И., Тагиров И. Октябрь в Казани. – Казань, 1967. – С.182–183.

²⁴⁹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.28. Л.370.

²⁵⁰ Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль – октябрь 1917 г.). Сборник документов и материалов / под ред. М.К.Мухарямова, В.П.Тимофеева, С.Н.Фомичева. – Казань, 1957. – С.419.

²⁵¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.42. Л.145–145 об.

селения участвовать в подготовке продовольствия. В некоторых случаях они опасались угроз крестьян и физического насилия с их стороны. Порой сами члены продовольственных комитетов пугали население неверной информацией. Например, в с. Чепчуги Казанского уезда, один из членов такого комитета Гизалетдин Хисамудинов распространил среди односельчан слух о том, что у них отберут весь хлеб и будут выдавать только по 1,5 фунта на человека. Результатом такой дезинформации населения стало то, что они отказывались выдавать хлеб и грозились избить продовольственную управу²⁵². Все это иллюстрирует обособление человека от государственных и общественных проблем.

«Обыватель все терпит и все сносит, что не касается интересов его живота. Самые возвышенные лозунги бессильны возбудить его энтузиазм. Самые отвратительные преступления не в состоянии вывести его из равновесия, если только они не затрагивают его благополучия, – писал в сентябре 1917 г. П.Сорокин в статье «Об обывателе и обывательщине» в эсеровской газете «Воля народа». – (...) Это он своим равнодушием гасит священную тревогу в России»²⁵³.

Продолжением всеобщего эгоизма были и забастовки, призывающие к коллективной борьбе с работодателями. Но в результате останавливалась не только промышленная жизнь, но и вся социальная инфраструктура. В 1917 г. работал с перебоями транспорт, из-за этого были постоянные проблемы с продовольственным обеспечением. Крайне неудовлетворительными стало санитарное состояние городов. Например, в Казани к августу 1917 г. не очищались выгребные ямы, были загрязнены мусором и отбросами площади и рынки²⁵⁴. В начале октября 1917 г. объявили забастовку казанские металлисты, в результате которой перестала выходить на работу машинная команда «Центральных бань» С.А.Меркулова (4 человека). Эти рабочие отвечали за водоснабжение бань. Остановилось огромное городское предприятие, обслуживавшее значительную часть города. Ежедневно бани посещали 4000–6000 человек. Вынужденно остались без работы и 100 других работников – банщики и банщицы. При этом у машинной команды не было претензий к работодателю, но они должны были таким образом поддержать стачечный комитет Союза металлистов г. Казани²⁵⁵. Стачка металлистов затронула и многие другие предприятия города. Был парализован транспорт. Остановились заводы и фабрики, металлисты обслуживали их двигатели. Казанский отдел Всероссий-

²⁵² Казанская кооперативная жизнь. – 1917. – №5. – С.56.

²⁵³ Сорокин П. Заметки социолога. Социологическая публицистика. – СПб., 2000. – С.127, 129.

²⁵⁴ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.212.

²⁵⁵ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.296–296 об.

ского общества кожевенных заводчиков сообщал губернскому комиссару 7 октября 1917 г. о том, что из-за приостановки работ на заводах портится сырье²⁵⁶. Металлисты не ограничились лишь игнорированием своих рабочих обязанностей, но и занимались хулиганством. На улицах они обрывали провода к отдельным домам, главным образом, состоятельных граждан и тем самым лишали их электрического света. Например, исполняющий обязанности ректора Казанского университета Д.А. Гольдгаммер 9 октября жаловался губернскому комиссару на то, что профессора учебного заведения не могут подготовиться к своим лекциям²⁵⁷. И только 12 октября 1917 г. стачка металлистов была остановлена²⁵⁸.

Любая забастовка, даже самая мелкая, расшатывала неустойчивое общество. Например, в начале октября 1917 г. забастовали служащие номеров «Казанское подворье», они требовали для себя премии. До этого владельцы номеров выдали вознаграждение работникам других своих предприятий, подлежащих ликвидации. Служащие гостиницы, не разобравшись с обстоятельствами дела, потребовали для себя такой же надбавки. Жертвами забастовки стали жильцы номеров. Бастующие стали угрожать им, лишили постояльцев посуды, «привели в негодность ватерклозет». Хозяева номеров просили охрану для защиты жильцов от бастующих²⁵⁹.

К октябрю 1917 г. положение в центре Казанской губернии становилось критичным. Власти города опасались серьезных беспорядков. В первой половине октября 1917 г., в интересах безопасности населения г. Казани, губернским комиссаром предлагались экстренные меры по немедленному уничтожению пива и других спиртных напитков, имеющихся на складе Булыгина. Исполнить это указание должна была городская пожарная команда²⁶⁰. Из-за циркулирующих слухов о планируемых беспорядках были приостановлены занятия в учебных заведениях г. Казани. Они возобновились после 21 октября 1917 г., «в виду полной несостоятельности слухов», после просьбы управляющего Казанским учебным округом²⁶¹.

Новый этап революции начался в Казани утром 24 октября с восстания Казанского гарнизона. Несколько дней шли бои между юнкерами и солдатами. Одной из причин конфликта среди военных гарнизона стали спекуляции отдельных лиц на антивоенных настроениях солдат. Позднее в советской историографии восстание гарнизона

²⁵⁶ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.298.

²⁵⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.297.

²⁵⁸ Там же. Л.304.

²⁵⁹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.268.

²⁶⁰ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.319.

²⁶¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.331.

будет преподнесено как запланированное политическое событие. Но как отмечает исследователь этого вопроса И.Р.Тагиров, основные зачинщики – Н.Ершов и К.Грасис были случайными людьми и действовали отнюдь не по указанию большевиков²⁶². Восставшие солдаты открыли огонь со стороны Арского поля и метили в первую очередь в Кремль. От обстрелов сильно пострадала Казанская духовная академия. Было повреждено здание и каменная ограда академии, пробиты крыша и потолок в квартире ректора, осколками снаряда убит келейник. Учебные и жилые здания остались без стекол. Кроме того, среди студентов началась паника, они убегали из города, без документов и вещей, в состоянии нервного шока²⁶³. «Я пишу, а в мою комнату доносится гром пушек. Они грохочут близко, близко, в кухню уже попала пуля, около дома человеку оторвало ногу, а в стену коммерческого училища попал снаряд и большая красная рана на светлом фоне. Я сижу и учу физику», – оставила дневниковую запись такого содержания студентка М.В. Нечкина уже на второй день, 25 октября 1917 года²⁶⁴.

При таких противоречивых обстоятельствах: между страхом обывателей и их желанием забыться в повседневных заботах проходили судьбоносные для России дни. Даже некоторые участники казанских боев воспринимали их как рутину. Например, один из алафузовских рабочих вспоминал, что среди большевиков не было должного порядка, а многие из них, не дождавшись окончания боев, вовсе «разбрелись» кто куда²⁶⁵. За два дня в Казани было убито и ранено около 10 человек. В ночь на 26 октября из Петрограда была получена весть о разгоне Временного правительства и установление власти Советов²⁶⁶.

Осознание произошедшего наступило через несколько дней. На этот раз чиновники отказались принять смену власти и не признавали ее легальность. Такая ситуация наблюдалась по всей стране. «Чиновничество» за время большевистского переворота проявило и проявляет такую высоту гражданственности, такую самоотверженность и такой энтузиазм жертвенности, какие едва ли кто ожидал от него. Кто одни из первых не признали власти большевиков? Чинов-

²⁶² Тагиров И. Октябрь в Казани: новое прочтение // Гасырлар авазы=Эхо веков. – 2003. – №1/2. – С.80.

²⁶³ Кузнецова Л.О. Казань в 1917 году / Публикации Национального архива Республики Татарстан. URL: archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/print/?id=8023&type=article (дата обращения 18.11.2016).

²⁶⁴ Дневник М.В. Нечкиной: Казань и Казанский университет (1917–1924 гг.). – Казань, 2003. – С.17.

²⁶⁵ Казакова М.А. Воспоминания об Октябрьской революции в Среднем Поволжье как исторический источник. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 1994. – С.41.

²⁶⁶ Ионенко И., Тагиров И. Октябрь в Казани. – Казань, 1967. – С.220.

ники и служащие», – писал П.Сорокин в статье «От бюрократа – к гражданину» 16 ноября 1917 г.²⁶⁷ В Казани первыми тревогу забили почтово-телеграфные служащие. Уже 31 октября 1917 г. они объявили забастовку. Поводом послужило введение Революционным штабом в Казани контроля над корреспонденцией. Это было расценено как покушение на свободу слова и печати. По сообщению газеты «Казанское слово» от 3 ноября 1917 г. забастовка почтово-телеграфных служащих взволновала многие казанские организации. Все они решили присоединиться к забастовке. В городской управе было организовано общее собрание, где участвовали представители от почтово-телеграфных служащих, Казанской казенной палаты, Губернского казначейства, крестьянского и дворянского земельного банков, канцелярии попечителя Казанского учебного округа, Казанского округа путей сообщения, линейных служащих, эвакуированного Минского отделения государственного банка и других государственных организаций²⁶⁸. Но ноябрьское выступление служащих не увенчалось успехом²⁶⁹.

Общественные настроения 1917 года были напрямую связаны с продовольственной проблемой и военным фактором. Неразрешимость этих вопросов породили всевозможные речевые спекуляции, которые в первые месяцы революции способствовали эмоциональному подъему общества. Весна 1917 г. характеризуется не только большим количеством митингов и демонстраций, но и феноменальным ростом общественных объединений как политических, социально-профессиональных союзов, так и конфессиональных, национальных и т.д. Общественная жизнь народов Казанской губернии в этот период отличалась разнообразием настроений и тенденций, что было определено полиэтничностью и поликонфессиональностью состава ее населения.

Если с одной стороны предпринимались публичные попытки построения свободного гражданского общества (главным образом, создавая различные союзы и объединения), то с другой – отсутствие централизованной власти и опыта местного самоуправления привели к полному игнорированию имущественных и личных прав человека. В системе социальных координат царского времени «господин» занимал позицию некоего регулятора, «гражданин» стал фигурой очень неустойчивой. Ни сословное происхождение, ни финансовое благополучие, ни личные заслуги уже не могли защитить

²⁶⁷ Сорокин П. Заметки социолога. Социологическая публицистика. – СПб., 2000. – С.227.

²⁶⁸ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.374.

²⁶⁹ Белялов У.Б. Начало социалистических преобразований в экономике Казанской губернии (октябрь 1917 – август 1918 г.). – Казань, 1961. – С.9.

его от общественного произвола. Законная власть часто играла номинальную роль, она стала заложником революционной свободы.

Общественные силы были разъединены из-за множества идеологических противоречий. При этом бытовые трудности сближали активистов с обывателями. Социально-политическая непримиримость в самых разных группах²⁷⁰, невозможность аккумуляции общественных порывов в едином потоке, во многом указывает на то, что для ряда акторов привлекательной была сама форма публичной активности. Это был своеобразный уход от социально-экономической неустроенности революционной эпохи. Обывателей же, наоборот, чаще всего обвиняли в равнодушии и преследовании личных интересов. Хотя и среди них встречались случаи социального заражения, когда они становились участниками демонстраций, забастовок, аграрных беспорядков, погромов и т.д. В целом и для первой, и для второй категории населения была характерна неразвитость гражданского сознания.

1.4. «Чувствую, что долго не вынесу лежащей на мне работы...»: попечители Казанского учебного округа в 1917 г.

В истории России первые десятилетия XX в. – это время наиболее сложных и динамичных общественно-политических и социально-экономических процессов, которые нашли непосредственное отражение и в истории отечественного просвещения. Политика в сфере народного образования способствовала дальнейшему развитию школы, благодаря умелой координации действий со стороны министерства просвещения и администрации учебных округов. Учебно-окружной центр, располагавшийся в Казани, являлся одним из старейших в Российской империи, поэтому к началу XX столетия (завершающий период развития округа) сформировались свои традиции и методы работы. Внутриполитические противоречия и об-

²⁷⁰ Например, в Казани на выборы в городскую думу в конце октября 1917 г. были выдвинуты кандидаты сразу от трех мусульманских союзов: мусульманского комитета, мусульманского социалистического комитета и от прогрессивных мусульман (НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.55. Л.176–176 а). Евреи города Казани агитировали за объединение национальных усилий (Граждане и граждане евреи. Казань: Волжско-Камская печатня, 1917 // Коллекция листовок РНБ), однако в итоге на выборы были выдвинуты два списка кандидатов: еврейский национальный и от еврейской социал-демократической рабочей партии «По-aley-Цион» (НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.55. Л.176).

стоятельства внешней политики, в которых оказалась Российская империя, втянули в проблемное поле и администрацию Казанского учебного округа. При этом учебно-окружное руководство продолжало придерживаться выработанного курса в деле организации учебно-воспитательной работы. В округе сформировалась целостная система управления образованием, в которой чётко прослеживалась структура с взаимосвязанными компонентами, каждый из которых выполнял строго определенные функции. Деятельность окружных центров стала прогрессивным элементом, направленным на выявление местной учебной администрацией регионально-территориальных особенностей в системе образования. Результатом выступало использование местных особенностей в организации учебно-воспитательного процесса.

В ведении Управления Казанского учебного округа находились все учебные заведения, относящиеся к ведомству министерства просвещения: Казанский и Саратовский университеты, Казанский ветеринарный институт, высшие женские курсы, средние и низшие учебные заведения. В 1914 г. по Казанскому учебному округу насчитывалось 1 745 учебных заведений, о чём свидетельствует приведённая ниже таблица (см. табл. 3).

После событий 1905–1907 гг. на школу смотрели как на политическое явление, в связи с этим все действия оценивались с точки зрения политической благонадежности, как учителей, так и учащихся.

В связи с этим перед императором Николаем II и его правительством возникла проблема реорганизации существовавшей системы образовательных учреждений путем реализации следующих задач:

- 1) решение университетского вопроса;
- 2) реформа средней школы;
- 3) организация профессионально-технических школ;
- 4) развитие женского образования;
- 5) увеличение количества начальных школ;
- 6) введение всеобщего образования²⁷¹.

²⁷¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. / Под ред. Э.Д. Днепров, С.Ф. Егорова, Ф.Г. Тебиева. – М., 1991. – С. 100–150.

ГЛАВА 1. Власть и общество в год революции

Таблица 3

Учебные заведения Казанского учебного округа
и распределение их по губерниям в 1914 г.²⁷²

	Учебные заведения	Астраханская губерния	Вятская губерния	Казанская губерния	Самарская губерния	Саратовская губерния	Симбирская губерния
Высшие	Казанский университет			1			
	Казанский ветеринарный институт			1			
	Саратовский университет					1	
Средние	Мужские гимназии и прогимназии	2	5	6	5	5	3
	Реальные училища	1	7	3	6	9	3
	Женские гимназии и прогимназии	2	17	13	14	17	9
	Учительский институт			1	1	1	
	Учительские семинарии и школы	1	2	3	2	1	2
	Средние технические училища		2	1			
Низшие	Городские одно- и двухклассные училища	85	59	114	136	174	78
	Сельские одно- и двухклассные училища	176	114	80	148	129	158
	Высшие начальные училища	7	23	20	11	21	11
	Низшие технические и ремесленные учебные заведения	2	7	9	6	9	5
	Частные учебные заведения	2	1	6	4	5	1
	<i>Итого</i>	<i>278</i>	<i>237</i>	<i>255</i>	<i>333</i>	<i>372</i>	<i>270</i>

²⁷² Таблица сост. по: Начальные училища ведомства МНП в 1914 г. – Петроград, 1916. – С.26–30; Список учебных заведений ведомства МНП (кроме начальных) по городам и селениям. Составлен к 1 января 1914 г. – СПб., 1914. – С. 164–165.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

Контроль над системой образования со стороны министерства и учебно-окружного руководства был вполне объясним: развитие системы просвещения сдерживалось с целью не допустить роста демократических идей. Министерство преследует цель не столько управлять учебными заведениями, сколько управлять обществом через школу. Но поставленные задачи не были окончательно решены. Смена министров просвещения привела лишь к путанице вокруг поставленных правительством задач. Как отмечает Д.И. Латышина, «... МНП балансирует и, стремясь не допустить коренных преобразований, разрешает различные нововведения, с одной стороны, и усиливает устаревшие принципы школьной политики, с другой. Обстановка в просвещении зыбкая и характеризуется официальным курсом на сохранение многих архаичных черт школы...»²⁷³. 1917 г. стал переломным в социально-экономической и общественной жизни страны, определенной гранью и в истории просвещения. Революционные потрясения сказались не только на дальнейшей судьбе страны, они коснулись каждого гражданина.

В исследуемые период к задачам Управления Казанского округа было отнесено: 1) координация действий во всех учебных заведениях округа; 2) организация деятельности Попечительского совета и Исполнительного комитета; 3) осуществление контроля за исполнением принятых дисциплинарных норм; 4) содействие в развитии инородческого образования.

Анализ работы Управления Казанского учебного округа и Канцелярии попечителя за первые десятилетия XX в. позволяет выделить сложившиеся особенности в организации деятельности окружного центра.

Во-первых, работа структурных подразделений Казанского Учебно-окружного центра представляла собой согласованный механизм с четким распределением функциональных обязанностей между чинами Управления и Канцелярии попечителя. Администрация округа выработала принципы своей деятельности, согласно принятым в министерстве установлениям в отношении организации учебно-воспитательного процесса в Поволжском регионе.

Во-вторых, наметившийся рост бюрократизации системы управления образованием мог негативно отразиться на функционировании Казанского учебно-окружного центра. Однако подобный процесс сдерживался благодаря сохранению министерством просвещения строгих норм по количеству штатных единиц в Управлении Казанского округа и Канцелярии попечителя.

²⁷³ Латышина Д.И. История педагогики. Воспитание и образование в России (X – начало XX вв.). – М., 1998. – С.253.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

В-третьих, при организации работы администрация учебного округа старалась акцентировать внимание на решении наиболее важных и своевременных задач, стоявших перед региональной учебной властью. Несмотря на определённые трудности, вызванные военным временем, нестабильной социально-экономической и политической обстановкой в целом по стране, функционирование Казанского Учебно-окружного центра в конце XIX – начале XX в. отличалось согласованной работой, в чём была определённая заслуга попечителей, умевших правильно координировать деятельность всех подведомственных структур.

Не все попечители, работая в должности руководителя Казанского учебно-окружного центра, оставили о себе заметный след. Как правило, в административно-хозяйственной работе одни строго придерживались министерских установок, другие – пытались проявить собственную инициативу, третьи – оказались заложниками сложившихся обстоятельств.

Последним попечителем Казанского Учебно-окружного центра стал заслуженный профессор, доктор медицины, действительный статский советник Михаил Михайлович Ломиковский (19 октября 1915 г. – 29 апреля 1917 г.)²⁷⁴. Должность попечителя учебного округа, с одной стороны, была весьма почётной и престижной, но с другой – на руководителя Учебно-окружной администрации возлагалась огромная ответственность. На долю Михаила Михайловича выпало немало трудностей, в том числе, связанных с координацией работы во вверенных учебных заведениях в предреволюционный период.

Ломиковский М.М. происходил из дворянского рода, окончил медицинский факультет Харьковского университета. После окончания вуза в 1874 г., по предложению попечителя Харьковского учебного округа, был определён на службу ординатором при терапевтической клинике Харьковского университета. С 1878 г. начал преподавательскую деятельность. В 1901 г. Михаил Михайлович был назначен деканом медицинского факультета. За годы службы в ведомстве министерства народного просвещения М.М. Ломиковский был награждён орденами Св. Анны 1 степени, Св. Станислава 1 степени, Св. Владимира 3 степени, медалью в память царствования Императора Александра III и в память 300-летия царствования Дома Романовых. Благодаря проявленным организаторским способностям, 19 октября 1915 г. М.М. Ломиковский был назначен на должность попечителя Казанского учебного округа. Ему было определено следующее содержание:

- жалование и столовых – 8 000 руб.;
- квартирных – 2 000 руб.;

²⁷⁴ РГИА. Ф.740. Оп.18. Д.214. 74 л.

– пенсия по званию заслуженного профессора – 3 000 руб.²⁷⁵

В ответном письме Михаил Михайлович выразил признательность и благодарность министру просвещения графу Павлу Николаевичу Игнатьеву за оказанную честь, заверил, что приложит все силы, чтобы оправдать доверие. Из специальных средств мужских средних учебных заведений Казанского округа была выделена сумма в 1 000 руб. для единовременного пособия на покрытие расходов по переезду попечителя М.М. Ломиковского к месту службы²⁷⁶.

Руководителем Казанского учебного округа Михаил Михайлович Ломиковский был назначен в возрасте 66 лет. Его судьба сложилась печально. Переехав в г. Казань, он оставил свою семью – жену Марию Александровну и дочь Марию, – в г. Харькове. В связи с домашними проблемами, М.М. Ломиковский регулярно направлял министру письма-прошения о предоставлении ему внеочередного отпуска, используя его для встреч с семьей. Письма проникнуты тревогой за семью и глубокими переживаниями. Можно предположить, что, с одной стороны, назначение на должность попечителя Казанского учебного округа, было почётным, но, с другой стороны, Михаил Михайлович тяготился служебными обязанностями, он использовал любую возможность, чтобы приехать к семье в г. Харьков.

В письме от 5 декабря 1915 г. М.М. Ломиковский сообщал министру П.Н. Игнатьеву: «Предпринимая служебную поездку в г. Саратов 14 декабря с.г., где пробуду вероятно до 20 числа, управление учебным округом передаю старшему по службе Окружному инспектору г. Богоявленскому.

В округе всё пока обстоит благополучно.

Почтительнейше прошу ваше Сиятельство разрешить мне с 20 декабря по 15 января 1916 г. отпуск. Мне крайне необходимо позаботиться о своей семье, которую я вынужден, вследствие сложных семейных обстоятельств, оставить на постоянное пребывание в г. Харькове.

Прошу Ваше Сиятельство принять уверение в истинном моём уважении и совершенной преданности»²⁷⁷. Данное прошение было удовлетворено министром.

21 июля 1916 г. М.М. Ломиковский направил письмо следующего содержания: «Искренне благодарю Вас, Ваше Сиятельство, за разрешение поехать мне домой, на родину отдохнуть и привести в порядок мои домашние дела. Управление округом сегодня передаю моему помощнику С.И. Любомудрову. Почтительнейше прошу из-

²⁷⁵ РГИА. Ф.740. Оп.18. Д.214. Л.13–19 об.

²⁷⁶ Там же. Л.37.

²⁷⁷ РГИА. Ф.740. Оп.18. Д.214. Л.40.

ГЛАВА 1. Власть и общество в год революции

винить меня, что запоздал присылкой печатного отчёта о Педагогическом съезде, надеюсь прислать его на будущей неделе; вся остановка за типографией, нет ответственных постоянных рабочих, нет возможности справиться и с корректурой.

В округе пока Слава Богу всё благополучно, за исключением некоторых беспокоящих лиц (Директор Народных Училищ Симбирской губернии г. Дивичий и Инспектор Народных Училищ г. Миролобов), о которых в своё время, если позволите, буду просить разрешения Вашего Сиятельства перевести их на соответствующие должности в другие места»²⁷⁸.

Подобные письма М.М. Ломиковский направлял министру П.Н. Игнатьеву, а затем Н.К. Кульчицкому довольно регулярно. Во всех сообщениях Михаил Михайлович уверял министерство в том, что в округе всё благополучно и занятия проходили нормально²⁷⁹. Помощник попечителя С.И. Любомудров успешно справлялся с обязанностями управляющего округом, что, вероятно, и давало возможность М.М. Ломиковскому часто отсутствовать. Помощник попечителя был вторым лицом в Управлении, выполнял функции управляющего округом в отсутствие попечителя, следил за исполнением обязанностей со стороны окружных инспекторов, отдавал распоряжения начальникам и директорам учебных заведений.

Однако это не решало основной проблемы, связанной с семейными делами М.М. Ломиковского. 14 марта 1917 г. Михаил Михайлович направил в министерство такое письмо: «Почтительнейше прошу Ваше Высокопревосходительство разрешить мне отпуск на пасхальные каникулы в г. Харьков, где проживает моя семья. Серьёзная болезнь моей жены и старшей сестры невольно вынуждают меня время от времени посещать их; дочь моя занимается на высших женских медицинских курсах, при таких тяжёлых семейных условиях я не могу перевезти мою семью в г. Казань, а потому и решаюсь беспокоить Вас своей просьбой, глубоко надеюсь, что Вы ... войдёте в моё положение.

Вообще я решаюсь высказать Вам моё искреннее уважение и просить Вас, если к тому не встретится препятствий, перевести меня на родину, в Харьковский учебный округ. Я второй год прохожу свою службу в Казанском учебном округе, климатические же условия г. Казани для меня южанина, слишком тяжёлы.

В вверенном мне Казанском учебном округе всё спокойно и всюду занятия протекают нормально, о чём я и имел честь доло-

²⁷⁸ РГИА. Ф. 740. Оп. 18. Д. 214. Лл. 47 – 47 об.

²⁷⁹ РГИА. Ф. 740. Оп. 18. Д. 214. Лл. 47 об. – 50 об.

жить телеграммой... Управление округом с Вашего разрешения передам моему помощнику г. Любомудрову»²⁸⁰.

Между тем, газетные сообщения этого периода отличались от оценки попечителя. Например, в сентябре 1916 г. «Казанский телеграф» писал о бегстве учащихся из Казани, гимназистки и гимназисты возвращались обратно в свои уезды из-за недоступной дороговизны съемных квартир в губернском центре. «Словом, третий год войны перевернул и спутал все прежние расчёты. И надо сознаться, что осложняющаяся жизнь особенно тяжело отражается на провинциальной интеллигенции, ресурсы которой остались те же, что и до войны», – сообщал корреспондент²⁸¹.

В письме от 25 марта 1917 г. М.М. Ломиковский вновь высказал пожелание о переводе его попечителем Харьковского учебного округа: «...Условия моей семейной жизни сложились крайне неблагоприятно для меня, а поскольку я и позволяю себе беспокоить Вас своей просьбой о переводе в Харьков, если моя служебная деятельность как попечителя, заслуживает того. Я полтора года провёл в Казани при самых тяжёлых условиях жизни, получивши в наследство учебный округ от лиц, которые прекрасно известны Вам.

Тяжело сложившиеся для меня обстоятельства постоянного пребывания вдали от своей семьи, из которой двое тяжелобольных, нередко нуждающихся в моей помощи, нравственно обязывают меня позаботиться и о них. Получив назначение на пост попечителя Казанского учебного округа я был уверен, что при освободившейся вакансии меня переведут в Харьковский округ. В виду этого я ... прошу Вас ... войдите в моё положение и дайте мне возможность продолжить мою работу в Харьковском округе. Поддержанный Вашим сочувствием я приложу всё своё старание и весь свой опыт на благо дорогой нашей Родины, в деле народного просвещения...»²⁸².

Вышестоящее руководство отказало Михаилу Михайловичу в просьбе, предложив со своей стороны написать прошение об отставке, которое последовало от него 10 апреля 1917 г. Согласно указу Временного правительства от 29 апреля 1917 г. М.М. Ломиковский был уволен с должности попечителя Казанского учебного округа²⁸³. Председатели родительских комитетов средних учебных заведений г. Казани провели совещание, на котором было принято решение направить на имя министра просвещения срочную телеграмму с пожеланием оставить Ломиковского во главе округа. Од-

²⁸⁰ РГИА. Ф. 740. Оп. 18. Д. 214. Л. 47 об. – 50 об.

²⁸¹ Цит. по: Новое Время. – 1916. – 14 сентября.

²⁸² РГИА. Ф. 740. Оп. 18. Д. 214. Л. 56–56 об.

²⁸³ Там же. Л. 19 об.

нако исполняющим обязанности Управляющего Казанским учебным округом официально был назначен С.И. Любомудров.

Кратковременное пребывание М.М. Ломиковского в должности попечителя, оставило свой след в истории Казанского учебного округа. 19–22 марта 1916 г. министерство просвещения организовало съезд попечителей. На совещании обсуждались такие вопросы, как: время окончания учебного года, организация экзаменов, постановка учебного дела в отдельных учебных заведениях, проблемы эвакуированных учебных заведений, организация внешнего образования²⁸⁴. Все постановления и циркулярные распоряжения, издаваемые министерством и попечителем учебного округа в этот период времени, содержательно наполнены ведомственным оптимизмом и сухостью канцелярского изложения, отсутствовала критическая оценка и не высказывалось мнение по поводу происходящих событий.

Ко времени вступления в должность Михаила Михайловича, в Управление Казанского учебного округа из министерства просвещения поступило циркулярное предложение, в котором речь шла о дальнейшем расширении полномочий попечителя. Это было сделано для того, чтобы не превратить Учебно-окружной центр в своеобразного посредника, отдав в компетенцию руководителя округа решение вопросов местного характера (например, установление платы за обучение, открытие публичных библиотек при начальных училищах, выдача прогонных и суточных денег)²⁸⁵. Принятие подобных мер могло содействовать дальнейшему упрочению авторитета учебно-окружного руководства в глазах общественности, что было важно с точки зрения воспитательных целей. «Расширяя таким способом компетенцию местных органов и придавая ей ту полноту, которая делает их самостоятельными в обширной области вопросов порученного их управлению дела, министерство оставляет за собой лишь общее наблюдение...»²⁸⁶.

К 1916–1917 учебному году министерство действительно стало только наблюдать за той ситуацией, которая развивалась в учебных округах. Так, 24 марта 1917 г. от товарища министра просвещения Герасимова на имя попечителя Казанского учебного округа пришла телеграмма, в которой отмечалось, что администрация округа и начальники учебных заведений должны предоставлять в

²⁸⁴ Съезд попечителей учебных округов // Школа и жизнь. – 1916. – № 14. – С. 6.

²⁸⁵ РГИА. Ф. 740. Оп. 15. Д. 279. Л. 1–30 об.

²⁸⁶ Перечень дел, решение которых предоставляется попечителям КУО. – Казань, 1915. – С. 1–2.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

министерство сведения о ходе учебных занятий лишь тогда, когда они нарушены²⁸⁷.

С этого времени попечитель учебного округа мог выступать с инициативой организации при Управлении съездов директоров и преподавателей средних общеобразовательных и технических учебных заведений; оставлять неуспевающих учащихся на повторительные курсы; переносить по представлению Педагогического совета на осень выпускные и окончательные испытания для тех учащихся, кто не смог осуществить их весной; допускать к выпускным и окончательным испытаниям тех учеников, которые обучались в каком-либо учебном заведении менее 3-х лет; выдавать денежные пособия не только действующим учителям, но и ранее работавшим (из кредита Дирекций народных училищ)²⁸⁸.

К началу XX вв. с должностью попечителя учебного округа совместились обязанности «троякого» рода:

- самостоятельного начальника отдельного учебного ведомства, осуществлявшего служебное делопроизводство;
- главного наблюдателя за ходом преподавания и руководителя педагогического дела в отдельно взятом учебном округе;
- ревизора.

Слаженная работа в Управлении округа и Канцелярии попечителя позволила М.М. Ломиковскому возложить часть своих обязанностей на ближайших сотрудников.

Учебный процесс в школах округа, в том числе и в Казанской губернии, шёл в соответствии с выработанным расписанием. О случаях волнений или антиправительственных мероприятиях, в которых могли участвовать педагоги и ученики, в официальных документах речи не велось. Дирекция Казанских народных училищ и инспекторы, согласно предписаниям попечителя, любыми способами «отвлекали» учащихся от политических проблем. С 1915–1916 учебного года в средних учебных заведениях министерство просвещения ввело так называемые «репетиции», сдачу пробных экзаменов. Со стороны преподавателей и родителей, а также самих учащихся, высказывались различные мнения по этому поводу. В Управление Казанского учебного округа было направлено циркулярное распоряжение министра провести анализ первых «репетиций», высказать мнение о наиболее целесообразном использовании учащимися своего досуга, как в учебное, так и каникулярное время. В ответном заключении М.М. Ломиковский отмечал, что «репетиции» проходили по расписанию и без срывов. Родители

²⁸⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 25460. Л. 168.

²⁸⁸ Перечень дел, решение которых предоставляется попечителям КУО. – Казань, 1915. – С. 3.

высказывали опасение, что пробные испытания утомляют и запугивают учащихся больше, чем сами экзамены. На практике оказалось, что «репетиции» достигли цели пополнения, закрепления и объединения сведений учеников по отдельным изучаемым курсам, служили для самооценки преподавателя и для выяснения степени эффективности применявшихся во время занятий приёмов и методов обучения. В итоге, «репетиции эти успокоили родителей и вызвали к себе благожелательное отношение»²⁸⁹. Михаил Михайлович также отметил, что дирекция учебных заведений всячески заботится об укреплении здоровья учащихся, организывает подвижные игры на гимнастических площадках, принадлежащих учебным заведениям; в каникулярное время организуется работа ученических библиотек; для неуспевающих учеников спланированы групповые занятия.

Весной 1917 г. возникли сложности, связанные с Казанскими высшими женскими курсами. Они функционировали в 80-х годах XIX в. в «качестве частных бесправных курсов», поэтому министерство просвещения усомнилось, соответствовала ли программа преподавания высшим учебным заведениям. На этом основании попечителю М.М. Ломиковскому было рекомендовано приостановить работу выпускниц Казанских высших женских курсов в средних учебных заведениях²⁹⁰.

Особое внимание Управление Казанского округа уделило пропаганде вопроса о борьбе с дороговизной²⁹¹. Сложная социально-экономическая обстановка, вызванная военным временем, привела к тому, что все правительственные и общественные структуры подключились к выработке соответствующих времени рекомендаций. На учебное ведомство возлагалась задача широко популяризировать среди учащейся молодёжи идею экономии.

Управление округа инициировало и контролировало заказы, выполнявшиеся в учебных мастерских среднетехнических и ремесленных училищ, для нужд фронта; также учащиеся помогали ремонтировать сельскохозяйственную технику²⁹². Так учебное руководство достигало цели гражданского и трудового воспитания среди подрастающего поколения.

В летнее время учебно-окружное начальство организовывало деятельность трудовых дружин из учащихся-добровольцев. Они оказывали помощь в полевых работах семьям, члены которых были призваны на войну²⁹³. Циркулярное распоряжение министра про-

²⁸⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 23973. Л. 47–47 об.

²⁹⁰ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 25277. Л. 32.

²⁹¹ Циркуляр по КУО. – 1916. – №№1–2. – С. 55.

²⁹² НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 23913. Л. 5.

²⁹³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 23913. Л. 7.

свещения от 17 мая 1917 г. содержало информацию с призывом оказать помощь стране: «Дабы обеспечить своевременный засев полей и уборку урожая, Временное правительство мобилизует в настоящее время живые силы страны. В частности, к этому делу, как и в минувшие годы, привлекаются педагогический персонал и учащиеся в учебных заведениях, которые организуются в трудовые дружины, имеющие целью помочь обезсиленной в отношении запаса живой силы деревни... в интересах правильного организации труда учащихся и обеспечения хозяйств рабочими руками в страдную пору до 1 сентября 1917 г.», когда начнётся учебный год²⁹⁴.

Повышался уровень учебно-воспитательной работы в инородческих учебных заведениях Поволжья, организовывались педагогические курсы для учительского состава школ²⁹⁵. Приветствовалось открытие при учебных заведениях Ученических организаций, цель которых заключалась в содействии самообразованию и саморазвитию учащихся²⁹⁶. Таким образом, администрация Казанского учебного округа и начальники учебных заведений старались осуществлять свои прямые обязанности и не поддаваться антиправительственным настроениям.

Но уже летом 1917 г. никакие мероприятия руководящего состава Казанского учебного центра не могли уберечь округ от революционного влияния и последующей реорганизации всей системы просвещения.

С.И. Любомудоров в письме от 4 июля 1917 г. сообщал товарищу министра просвещения О.П. Герасимову, что ситуация в Управлении Казанского учебного округа очень тяжёлая. Привлечь сотрудников на работу в каникулярное время не удалось. Всю работу вели два человека – сам Любомудров и окружной инспектор Васильев. Данное письмо тоже было своеобразным «криком души» о помощи, призывом обратить внимание и помочь справиться с критической ситуацией.

При Управлении округа был образован Комитет по народному образованию. «... при всём доброжелательном отношении его членов и дружной пока работы, которую удалось наладить, (комитет – И.К.) не столько помогает, сколько усложняет работу, требуя руководства заседаниями и исполнения его постановлений. Не остаётся времени для занятия текущими делами, ответов на запросы министерства, просмотра приходящей почты и наложения резолюций.

Перечисленные обстоятельства побуждают меня обратиться к Вам с просьбой о скорейшем назначении попечителя округа на ме-

²⁹⁴ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д.25277. Л. 55.

²⁹⁵ НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1935. Л. 20, 227, 231.

²⁹⁶ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 25460. Л. 177.

сто уволенного М.М. Ломиковского или же ... второго окружного инспектора на место увольняемого В.С. Богоявленского... Если и это является невозможным, то я ходатайствовал бы об откомандировании в помощь округу всеми педагогами и всеми слоями общества уважаемого директора Казанской 2-ой мужской гимназии В.П. Брюханова, что я просил бы сделать возможно скорее.

Что касается меня лично, то я, к сожалению, должен заявить, что мои силы приходят к концу... Что приходится переживать при настоящих условиях службы в Казани, в напряжённых усилиях поддерживать равновесие и установить порядок среди самых противоположных общественных течений, при нежелании подчинённых работать и при повышенных требованиях оценки работы – об этом распространяться нет надобности.

Усиленная и беспокойная деятельность трёх последних лет очень подорвала моё здоровье и нарушила моё душевное равновесие. Чувствую, что долго не вынесу лежащей на мне работы (на приёмах начинаю терять сознание), и потому осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой, – как только управление учебным округом придёт хоть немного в норму, – не отказать мне в продолжительном отпуске для поправления здоровья и восстановления ослабевших сил...»²⁹⁷. Однако министерство оказалось безучастным к судьбе Любомудрова, его просьба не была удовлетворена.

С ноября 1917 г. Управляющий Казанским учебным округом стал получать представления от Педагогических советов учебных заведений г. Казани. В документах говорилось о принятых решениях закрыть училища и отпустить учащихся на Рождественские каникулы²⁹⁸, возобновив занятия с января 1918 г.

29 ноября 1917 г. Управляющему Казанским учебным округом Председатель Педагогического совета Казанской 4-ой женской гимназии, учреждённой В.А. Ряхиной, сообщал, что 27 и 28 ноября занятия не велись. Собрание родителей приняло решение не отпускать детей в гимназию «в эти тревожные дни, тем более что по соседству с гимназией происходили митинги, на которых шла ожесточённая партийная борьба»²⁹⁹. Педагогический совет принял решение о том, что занятия будут завершены 21 декабря 1917 г. Рождественские каникулы продлятся до 8 января 1918 г.

Подобного рода сообщения поступали в Управление Казанского учебного округа от большинства учебных заведений, располагавшихся в губернских городах, где проходили волнения. От родителей всё чаще поступали жалобы на то, что преподаватели укло-

²⁹⁷ РГИА. Ф. 740. Оп. 18. Д. 214. Л. 71–72 об.

²⁹⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 25460. Л. 18, 23, 30.

²⁹⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 25409. Л. 27–28.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

няются от исполнения своих непосредственных обязанностей, плохо знают предмет³⁰⁰. Однако учебное ведомство уже не могло контролировать ситуацию.

Первые десятилетия XX в. оказались трагичными для Российской империи. Это время в отечественной истории чаще всего ассоциируются с революционными событиями, охватившими нашу страну. Однако сложность ситуации выражалась и в перестройке всей системы народного образования.

Временное правительство, придя к власти в результате Февральской революции, было вынуждено приспособлять управленческий механизм к новым условиям. Была сохранена система учебных округов и должность попечителя учебного округа, зарекомендовавшие себя на протяжении XIX – начала XX в.

Пришедшая на смену советская власть ликвидировала систему учебных округов, упразднив институты управления ими (постановление народного комиссариата по просвещению РСФСР от 21 января 1918 г. «Об упразднении попечителей учебных округов и их помощников, главных и окружных инспекторов, состоящих при них секретарей и помощников секретарей, а равно попечительских советов и канцелярий при учебных округах»). Функции упразднённых органов взяли на себя отделы народного образования при губернских советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов³⁰¹. С этого времени начался новый этап в развитии советской системы образования.

³⁰⁰ НА РГ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 24837. Л. 5–7.

³⁰¹ Цит. по: Зайцев Б.П., Посохов С.И. Попечители Харьковского учебного округа. – Харьков, 2000. – С. 13.

ГЛАВА 2

КОЛЛЕКТИВЫ И СООБЩЕСТВА В ЭПОХУ ПОТряСЕНИЙ

- 2.1. *«...Земля не должна выделяться в вечную собственность»: сельская община Казанской губернии в 1917 г.*
- 2.2. *«Фирма снимает с себя нравственную ответственность перед Родиной...»: фабрично-заводской коллектив г.Казани в 1917–1918 гг.*
- 2.3. *«Эти нижние чины не знают даже для чего они призваны на службу...»: Казанский гарнизон в 1917 г.*
- 2.4. *«Решение студентов прервать учение обрекает наш университет на бездействие...»: Казанский университет в 1917 г.*

2.1. «...Земля не должна выделяться в вечную собственность»: сельская община Казанской губернии в 1917 г.

Крушение монархии и смена государственного строя в России в феврале 1917 г. не оставили равнодушным крестьянский мир. Последующие в течение года события стали для государства временем мучительного поиска выхода из глубочайшего системного кризиса, временем исторического выбора из ряда существовавших тогда альтернатив того пути, которому суждено было надолго определить основные тенденции дальнейшего ее развития. И выбор этот во многом определялся позицией крестьянства, его политическими настроениями, социальной активностью, отношением к предлагаемым различными партиями альтернативам. То, как будет принята новая политическая система массовым сознанием народа, основным представителем которого являлось общинное крестьянство, предопределяло расстановку сил и развитие событий от Февраля к Октябрю.

Поземельная сельская община обуславливала характер политического воспитания российского крестьянства. К началу 1917 г. несмотря на формальное отсутствие у большинства подданных Российской империи гражданских прав и свобод, низкий образовательный уровень, крестьяне все же обладали определенным политическим и правовым сознанием, достаточным для должного существования в рамках крестьянского «мира». Домохозяева участвовали в управлении общиной на сходах путем избрания представи-

телей волостной администрации (волостных старшин, писарей и т.д.), в результате реформ 1860–1870 гг. крестьяне получили право участвовать через сельские общества в выборах гласных в уездные и губернские земства. В начале XX века крестьянская ментальность претерпевает наиболее радикальные перемены в сфере государственно-институциональных представлений. Уже в ходе Первой русской революции крестьянство поднимается до уровня политических требований (наличие в Думе фракций, представляющих интересы крестьян, непосредственные выступления в Думе самих крестьян, крестьянские наказы и т. п.) и создания собственной политической организации – Союза трудового крестьянства, потенциально способного перерасти в политическую партию. Дальнейшие непопулярные правительственные действия, подавление народных волнений и Первая мировая война аккумулировали, казалось бы, невыносимое – они подорвали веру в «доброту царя» в крестьянской среде. Как верно отмечали историки Даниловы: «Локализация крестьянских миров, сохранявшийся и в пореформенной России, в условиях военного разорения и усилившегося нажима со стороны государства ожил в порядке естественной и адекватной защитной реакции»¹. Такое изменение привычной «картины мира» крестьянского общества создавало реальную угрозу стабильности «мироустройства», являвшейся базовым условием существования традиционализма.

Накануне 1917 г. аграрный вопрос продолжал оставаться острым вопросом в жизни Российской империи. Сущность его состояла в крайней отсталости сельскохозяйственной инфраструктуры, малоземелье основной массы крестьян, стиснутых рамками общины, концентрации земли в руках небольшого числа крупных землевладельцев. Одной из ключевых составляющих столыпинской аграрной реформы был процесс замены общинной формы хозяйствования на капиталистический способ производства. Однако этот процесс развивался очень болезненно для большей части крестьянских хозяйств. Понятно, что традиционная поземельная община не могла исчезнуть сразу в ходе непродолжительной модернизации аграрного сектора. За десятилетний срок осуществления реформы (1906–1916 гг.) были сделаны лишь первые шаги по пути экономических и социальных преобразований. Землеустройство, агрономическая помощь, усиленное внедрение сельхозмашин и орудий, и перемены в психологии большей части крестьян, сопровождавшие эти процессы, – все это выводило сельское хозяйство страны на новый виток развития.

¹ Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. – М., 1996. – С.38.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

К началу 1917 г. крестьяне представляли самый крупный социальный слой в структуре населения Казанской губернии, разнообразный как по этническому, так и социальному составу. При этом характерной особенностью деревни региона в исследуемый период было подавляющее преобладание общинного землепользования. Крепость и жизнеспособность общины были обусловлены местными социально-экономическими, национальными и бытовыми особенностями, препятствовавшими развитию среди крестьян начал индивидуализма и предприимчивости. В ходе столыпинской модернизации аграрного сектора Казанской губернии началось, хотя и медленно, формирование нового торгово-предпринимательского слоя в многонациональной деревне.

Землеустройство в рамках аграрной реформы в Казанской губернии не всегда проходило последовательно: количество заявлений об укреплениях земельных участков в личную собственность и создании единоличных хозяйств то резко увеличивалось, то также резко сокращалось. Так, согласно статистике по Казанской губернии, в 1907–1911 гг. было подано 13976 ходатайств о личном землеустройстве, в 1912–1915 гг. – 25785². Однако следует признать конструктивный успех реформы. Главную роль в реализации столыпинской аграрной реформы сыграло участковое землеустройство. Оно открывало крестьянину возможности для применения передовых приемов земледелия, усовершенствованных орудий производства, укрепляло в сознании сельских тружеников культ труда.

Трудно представить, что за такой короткий срок – 11 лет – можно было провести все землеустроительные работы без каких-либо осложнений. Переход от общинных земельных традиций к участковому землеустройству, был для крестьянского населения Казанской губернии нелёгким. Им не хватало денежных средств на ведение единоличных хозяйств. Государство пыталось в финансовом плане поддерживать население, однако обеспечить соответствующую материальную помощь всем желающим ему не удалось. Поэтому нередко сельскому производителю приходилось брать от земли все, ничего не давая взамен, вследствие чего снижалась доходность крестьянского хозяйства.

Столыпинские преобразования отразились не только на социально-экономическом положении губернии, они повлияли и на быт, культуру крестьянского населения. Реформа вызвала массовые разделы больших крестьянских семей, что вело к изменению всего образа жизни населения. Менялась и материальная культура крестьянства. Появились новые типы жилищ, создаваемые для ху-

² Давыдов М.А. Статистика землеустройства в ходе столыпинской аграрной реформы (1907–1915 гг.) // Российская история. – М., 2011. – № 1. – С.61.

торян землеустроительными комиссиями. Усиление рыночной ориентации крестьянского хозяйства, специализация на производстве товарных зерновых культур способствовали проникновению в быт семьи покупных фабрично-заводских вещей: орудий труда, тканей, обуви, мебели, посуды.

Землеустроительные мероприятия в Казанской губернии во многом улучшили и общинное землепользование, способствовали установлению определенного порядка в земельных отношениях. Крестьянская община за годы реформы стала быстрее эволюционировать, отказываясь от изживших себя форм организации хозяйства. Однако необходимо признать, что крестьянская поземельная община в годы столыпинской аграрной реформы не только не распалась, но даже окрепла. Из общины выходили главным образом деревенская беднота, кустари-ремесленники, отходники-промысловики и нетрудоспособные владельцы, которые не имели тесной связи с землей.

К 1917 г. в России было около 43 млн крестьян-общинников и 4,5–5 млн крестьян-собственников, из которых на хуторах вели хозяйство около 300 тысяч и немногим более 1,5 млн – на отрубках³. Что касается Казанской губернии, то согласно статистике в 1907–1915 гг. единоличному землеустройству подверглось 13400 дворов. Из этого числа дворов лишь 984 (7,23%) переселились на отведенные им участки и завели на них хуторское хозяйство, остальные 12416 дворов (92,77%) остались жить в селах, пользуясь землей в отрубках. При этом хуторянам принадлежало около 9 тыс. дес. земли, а отрубникам – 83 тыс. дес.⁴ Следует отметить, что к началу Первой мировой войны средняя численность жителей сельского населенного пункта по губернии составляла 99 дворов, а размер его владения – 772 дес., в то время как землеустроенное селение – соответственно 38 и 428 дес., т. е. в 1,5 раза меньше⁵.

Новая форма землеустройства в многонациональной деревне Казанской губернии приживалась очень трудно. Процесс создания отрубков в период реализации аграрной реформы захватил лишь 266 общин из 2,9 тыс., или около 9% от общего количества сельских обществ⁶. Статистические и фактические данные указывают на то, что в Казанской губернии в годы столыпинской реформы так и не удалось полностью перестроить общинную форму землевла-

³ Першин П.Н. Аграрная революция в России: Историко-экономическое исследование: В 2-х кн. – М., 1966. – Кн. I. – С. 95.

⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 7401. Л. 23–24.

⁵ Там же.

⁶ Шайдуллин Р.В., Зайнуллина Ф.Г. Крестьянство Казанской губернии в 1860–1910-е гг.: в экономическом и социокультурном измерении. – Казань, 2013. – С. 60.

дения и создать единую систему землепользования. Отрубное и хуторское землеустройство было далеко не совершенным (в хозяйствах нередко отсутствовало водоснабжение, дороги и другие инфраструктурные коммуникации), часто оно имело чисто формальный характер.

Частым явлением того периода в деревне были конфликты между выделившимися из общины крестьянами и общинниками. В 1911 г. Казанская губернская земская управа провела опрос крестьян нескольких уездов с целью сбора сведений об укреплении в личную собственность наделов⁷. Примечательно, что на вопрос о том, как крестьяне-общинники относятся к лицам, укрепившим наделы в личную собственность, большинство опрошенных крестьян-укрепленцев (около 60%) ответили примерно одинаково: «Общинники относятся не совсем доброжелательно, обижаются, что отрезают участки, лучшую землю и ближнюю к селению»⁸ или «...Относятся враждебно. Они нашу скотину выгоняют из общего стада, берут с нас высокие тарифы, не делают мост через реку на пути к нашим участкам»⁹. Большая часть общинников относилась к укрепленцам завистливо-враждебно: во-первых, их раздражала непривычная хозяйственная активность единоличников, которая нередко позволяла им сохранять свое хозяйство в более лучшем состоянии, чем у других слоев крестьянства; во-вторых, общинники были недовольны приоритетным кредитованием хуторян и отрубников и предоставлением им различных льгот и скидок по налогам, ссудам и другим платежам.

Особое отношение к земельной политике правительства было у коренных народов Казанской губернии. У татар, чувашей и марийцев было достаточно настороженное отношение к правительственным преобразованиям, поскольку большинство из них считало, что только в общине можно найти спасение от разорения и нищеты. Так, чиновник губернской землеустроительной комиссии П.А. Меркулов в своем докладе за 1909 г. отмечал: «Иностранческое население губернии с фанатическим упорством и недоверием относится к изменениям уклада жизни, к восприятию целей и задач земельной реформы, видя в реформе закрепощение каждого выделяющегося из общины в экономическом смысле, и лишение его права в будущем увеличить свой земельный надел»¹⁰.

Статистические и фактические данные по Казанской губернии указывают на слабое распространение среди татарского крестьян-

⁷ НА РТ. Ф.81. Оп.11. Д.134–136.

⁸ Там же. Д.134. Л.57.

⁹ Там же. Д.136. Л.56.

¹⁰ Там же. Ф.1. Оп.4. Д.2995. Л.19–20.

ства единоличных форм землевладения. В татарской деревне община всячески поддерживалась зажиточными, отчасти и середняцкими слоями крестьянства, для которых в определенном смысле было выгоднее сохранять старые формы общинного хозяйствования. Слабое стремление татар к укреплению земли в личную собственность объяснялось также сильно развитыми ростовщическими и клановыми отношениями, нередко имеющими форму взаимных услуг. Не будем забывать и про религиозный фактор, препятствовавший любым попыткам разложения общинных порядков в деревне. Мусульманское духовенство было главным «консервирующим» началом традиционных общинных (джиенных) традиций, которое выполняло охранительную функцию от великодержавного православного посягательства на свою паству.

Благоприятная экономическая конъюнктура и агрикультурные улучшения в аграрном секторе Казанской губернии в предвоенные годы способствовали относительному повышению производительности крестьянских хозяйств. Однако с вступлением России в Первую мировую войну подобно цепной реакции начался постепенный распад их экономики. Достаточно сказать, что в 1914–1917 гг. из Казанского военного округа в российскую армию было отправлено 7950 маршевых рот (около 2,4 млн. солдат и офицеров), в том числе из Казанской губернии свыше 290 тыс. человек¹¹, которые были мобилизованы в основном из деревни. При этом основная тяжесть мобилизационных мер легла на плечи бедняцко-средняцкой части деревни. Массовый отток рабочей силы из многонациональной деревни, особенно из татарской, очень тяжело отразился на мелких крестьянских хозяйствах, которые во многих случаях повергались разорению и самоликвидации.

Война привела к значительному усилению социальной напряженности и конфликтности в деревне, парализовав ее хозяйственную жизнь. В связи с упадком промышленности и нарушением рыночных связей происходило обособление деревни от города. Крестьянское хозяйство лишалось материального стимула, теряя заинтересованность в производстве и продаже своих продуктов. Село было придавлено тяжестью реквизиций и бестоварья, оно объективно не только не могло развиваться, но даже удержаться на достигнутом уровне. После 1914 г. в Казанской губернии значительно сократились посевы сельскохозяйственных культур и снизилась их урожайность, пришла в негодность значительная часть (и без того скудного) крестьянского земледельческого инвентаря. Положение многонационального крестьянства ухудшалось и в связи с сильной

¹¹ Казанский военный округ // Татарская энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. – Казань, 2006. – Т.3. (К-М). – С.80.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

инфляцией российского рубля, быстрым ростом цен на хлеб и промышленные товары первой необходимости.

Затянувшаяся война, связанные с ней негативные социально-экономические трансформации привели к изменениям в устроениях крестьянства. Война породила кризис идентичности внутри сельского общества, разделив его на преуспевающих («спекулянтов») крестьян, которых не затронули мобилизационные компании, и бедных («солдаток»), подчас не имеющих возможности самостоятельно обрабатывать землю. Последние, в свою очередь, превращались в полумаргинальный слой, чье благосостояние зависело от размера пособия, роста цен и дефицита продуктов.

Анализ содержания солдатской корреспонденции в 1915–1917 гг.¹² демонстрирует появление двух устойчивых тенденций: резкое падение патриотических настроений, с одной стороны и столь же стремительное падение интереса к военной тематике вообще и концентрация внимания на аспектах повседневной жизни, выходящей за рамки образа войны – с другой. К началу 1917 г. деревня «не видела нужды в активной поддержке государственных военных усилий»¹³, следствием чего стала постановка на первое место борьбы крестьянства за реализацию своих надежд. При этом что характерно, готовность села к поддержке государства «испарялась» постепенно, по мере затягивания военных действий.

Свержение царя и приход к власти Временного правительства не вызвало у крестьянства Казанской губернии столь бурной и эмоциональной реакции, как у представителей других сословий. Однако стоит отметить, что Февральская Революция разбудила сельчан, вызвав к жизни установку на незамедлительное осуществление социального идеала. Крестьянский идеал – «свободный труд на свободной земле». Он предполагал возможность осуществления его каждым, кто желал и мог обрабатывать землю своим собственным трудом.

Процесс разрушения прежних государственных структур и формирование новых органов власти на провинциальном уровне носил затяжной и противоречивый характер. Помимо отстранения от должности губернатора (казанский губернатор П.М. Боярский сложил свои полномочия 6 марта 1917 г.) и его помощников, были практически упразднены все силовые структуры губернии (ликвидированы корпус жандармов, департамент полиции и институты полицейского сыска). В волостях, в отличие от Казани и крупных

¹² НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1135. Л. 8–16; Ф. 199. Оп. 2. Д. 1492. Л. 32–36.

¹³ Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium) – СПб., 1999. – С.62.

уездных центров обстановка была более спокойной, хотя и не менее напряженной. В селах и деревнях слухи о произошедшем в Петрограде перевороте были поначалу встречены сдержанно, однако уже весной в деревне развернулось широкое движение за преобразование сельской власти. Началось он «снизу» по инициативе крестьянства и выражало стремление последних к полному искоренению старых порядков. Волостная организация наполнилась новым содержанием: устранялись наиболее одиозные фигуры волостной администрации (прежде всего, земские начальники) и вместо волостных правлений учреждались волостные общественные комитеты. В короткое время вся страна покрылась сетью подобных комитетов.

В сельских обществах и волостях образовывались сельские и волостные комитеты, избираемые на сходах жителей; уездные комитеты по большей части избирались косвенным путем – представителями волостных комитетов; губернские общественные комитеты создавались путем кооптации в их состав представителей всевозможных самостоятельных организаций, в том числе и Советов. Правительство считало крестьянские комитеты временными органами, которых должны были заменить всеобщие земства. Однако на практике волостные комитеты, комитеты народной власти и прочие учреждения становятся непосредственными выразителями воли крестьянства. Идея всеобщности, скомпрометированная в земствах, не вызывала энтузиазма у крестьян. В сообщениях с мест, поступавших в Министерство внутренних дел, отмечалось, что малоземельные и безземельные крестьяне при выборе комитетов выражают недоверие помещикам, кулакам, интеллигенции¹⁴. Реальная власть на сельском и волостном уровнях оказалась у тех самых общинных институтов самоуправления, которые прежде рассматривались «верхами» исключительно как инструмент осуществления собственной политики. В дальнейшем, санкционированный правительством процесс создания новых выборных органов местного самоуправления имел весьма неожиданные для действующей власти последствия.

Весной 1917 г. поволжская деревня поднимается до осознания необходимости собственного участия в политических структурах, реализация же этого представления на практике приводит к серьезному разногласию с правительственным курсом. Землевладельцы многих уездов жаловались Временному правительству, что крестьянские комитеты считают себя высшей исполнительной властью, выдвинутой революцией. По их постановлениям отбираются земли,

¹⁴ Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. – М., 2001. – С. 15.

луга, леса, устанавливается разорительная для помещиков арендная плата. Напряженную обстановку, вокруг своего имения, отмечает помещик с. Три-Озера Спасского уезда А.Молоствов, в своем обращении от 29 марта 1917 г. на имя министра-председателя Временного правительства Г.Е. Львова: «...крестьяне решили снять из экономики всех служащих и отпустить военнопленных. В обществе крестьян есть агитаторы погромов, замешанные еще в 1905 г., которые и мутят народ...»¹⁵. Через 2 недели ситуация в этом же селе повторилась. Любопытно, при этом отметить, достаточно короткий, но очень содержательный диалог между землевладелицей Е.С.Молостковой и крестьянином А. Харитоновым, который на вопрос помещицы: «На каком основании общество требует ухода моих служащих?», – ответил, что: «свободные гражданки не должны носить помой»¹⁶. Захваты частновладельческих земель, расхищение хлеба и порча имущества, в марте-апреле 1917 г. были частыми явлениями также в Лаишевском, Свияжском, Чистопольском уездах¹⁷.

В этом аграрном хаосе не всегда имелись лишь две конфликтующие стороны, случались и провокации со стороны третьих лиц. Например, в Козмодемьянском уезде Казанской губернии предприимчивый управляющий имением Зубова, некий Будылин решил воспользоваться аграрными беспорядками. Он начал «тихонько распродавать» весь скот и земледельческие орудия в имении. Нанял работников из соседнего Ядринского уезда для вырубке леса в Зубовском имении. При этом хозяину он сообщил, что лес вырубил крестьяне Мало-Карачкинской волости Козмодемьянского уезда. Следствие показало, что крестьяне не имели никакого отношения к вырубке помещичьего леса¹⁸.

Действия комитетов были направлены не только против помещиков, но и против кулаков, хуторян и отрубников. Так, в обзоре, составленном Временным комитетом Государственной думы, отмечалось: «Мелкий хуторянин, средний землевладелец, крупный помещик одинаково испытывают тяжелые, иногда непоправимые удары волостных комитетов...»¹⁹. В процентном отношении насильственные действия крестьян Казанской губернии в отношении домохозяев, по сравнению с периодом после октября 1917 г, были не столь велики в общем количестве правонарушений: 22% за март-ноябрь 1917 г, против 40% такого рода преступлений в марте-

¹⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 74. Л.90.

¹⁶ Ф 1246. Оп. 1. Д.180. Л.248.

¹⁷ Там же. Ф.406. Оп.2. Д.189. Л.11-12; Ф 1246. Оп. 1. Д. 54. Л. 31; Д.180. Л.148.

¹⁸ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.32. Л.178.

¹⁹ Осипова Т.В. Указ. соч. – С. 16.

апреле 1918 г.²⁰ Однако социальные и экономические последствия были несоизмеримы. На крестьян-единоличников оказывалось всяческое давление. Сообщения о захватах земли у хуторян и отрубников приходили весной-летом 1917 г. из Козьмодемьянского, Свияжского и Цивильского уездов. Председатель Казанского губернского союза сельских хозяев Н.А. Мельников жаловался министру внутренних дел: «У мелких собственников не только отбирают землю, но заставляют их же пахать, для тех, которыми земля отобрадена...»²¹. Хуторяне и отрубники, напуганные агрессивностью общинников, нередко покидали обжитые места и были вынуждены возвращаться в общину.

Крайне негативную роль в нагнетании напряженности между земельными собственниками и крестьянами играли солдаты-фронтовики, начавшие прибывать в деревню в начале 1917 г. Это были демобилизованные и раненные воины, приезжающие домой в отпуск и дезертиры, численность которых постоянно возрастала. Солдаты нередко становились инициаторами конфликтных ситуаций в деревне. Так, 16 марта 1917 г. толпа крестьян д. Казыли Лаишевского уезда, во главе с двумя солдатами, вынудила, под угрозой расправы, покинуть свою должность, земского начальника Берстеля, избив писмоводителя и обезоружила урядника²². Как правило, такие акции носили спонтанный характер и больше были похожи на хулиганские выходки. Динамика прибытия дезертиров в тыловую Казанскую губернию, по выражению Д.И. Люкшина, была впечатляющей: только в январе 1917 г. на территории губернии было задержано и возвращено в строй 222 беглых солдата²³. Появление солдат в деревне во многих случаях становилось прелюдией к началу брожения среди крестьян. К октябрю 1917 г. вместе с распадом армии и неорганизованной демобилизацией военнотружущих приток этих «организаторов движения» в деревню увеличился, что нашло свое отражение в увеличении масштабов крестьянских выступлений²⁴.

Крестьянские комитеты использовали и другие способы борьбы с частным землевладением. Исходной формой ограничения землевладения в распоряжении земель был комитетский контроль. С помощью контроля волостные комитеты точно определяли, сколько

²⁰ Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М., 2006. – С. 106.

²¹ НА РТ. Ф. 406. Оп.2. Д.189. Л.120.

²² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 54. Л. 18–20.

²³ Люкшин Д.И. Указ. соч. – С. 101.

²⁴ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX века) по материалам Среднего Поволжья. – М., 2008. – С. 605.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

земли было у землевладельцев. Самой распространенной формой ограничения землевладельцев в распоряжении землей была принудительная аренда. Комитеты запрещали передачу земли крупным арендаторам и следили за тем, чтобы арендованная земля не скапливалась в руках кулаков. Многие крестьянские комитеты сознательно старались поставить землевладельцев в такие условия, при которых они не могли обрабатывать землю: у них снимали рабочих, реквизировали инвентарь, а затем отбирали землю как вовремя необработанную. Ситуация в деревне Казанской губернии стала неотъемлемой частью докладов и донесений местных чиновников Временного правительства. Сообщения об изъятии земли у землевладельцев, саботаже сельскохозяйственных работ, погромах, хищениях и т.д. поступали Казанскому губернскому комиссару практически ежедневно. Постепенно причастность к категории земельных собственников становится общим критерием названия «враждебных» крестьянству сил, что наглядно проявилось в ходе деятельности земельных комитетов различных уровней, а также в ходе работы крестьянских съездов.

За март-май 1917 г. в Европейской части России состоялось 29 губернских и 67 уездных съездов крестьян. В эти месяцы было принято 229 земельных постановлений²⁵. Съезды нередко были объектом острейшей политической борьбы, поскольку являлись наиболее представительными социальными объединениями. I съезд крестьянских депутатов Казанской губернии состоялся 6–13 мая 1917 г. (как раз в эти сроки (4–28 мая) в Петрограде проходил I Всероссийский съезд крестьянских депутатов). Этот съезд наглядно продемонстрировал активное стремление крестьян влиять на ход политических событий. Несмотря на формальное выражение политического доверия Временному правительству и согласие ждать созыва Учредительного собрания для окончательного решения аграрного вопроса, съезд фактически узаконил то, что явочным порядком уже делали крестьяне в уездах и волостях. В последний день съезда было принято постановление о переходе всех земель в распоряжение волостных крестьянских комитетов, до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием. Для крестьянских комитетов была определена система переходных мер землепользования: ограничение землеустройства для различных групп частных землевладельцев (помещиков, крупных арендаторов из крестьян, хуторян и отрубников), учет неиспользованных земель и сдача их в аренду бедным крестьянам. Координировать деятельность комитетов должны были губернский и уездные съезды

²⁵ Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. – М., 1974. – С. 75.

(советы). Таким образом, в Казанской губернии был формально узаконен «черный передел», а Казанский губернский съезд крестьянских депутатов стал локомотивом аграрной революции в крае. Стремление скорейшего возврата земли в собственное пользование, осуществление которого напрямую увязывалось с крушением основ прежней государственности, только усиливало ощущение справедливости крестьянских требований. В крестьянском представлении право частной собственности на землю отменялось навсегда, а землепользование становилось уравнительным. Как верно отметил публицист Н.Я. Быховский, «...большинство крестьян приехало на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов... с полной уверенностью, что отсюда они вернутся с «землей» и привезут эту радостную весть, пославшей их крестьянской массе...»²⁶.

Крестьянские комитеты, съезды и советы Казанской губернии, проходившие в мае-июне 1917 г. развернули активную дискуссию по земельному вопросу. Решения и постановления делегатов и уполномоченных, на местах можно условно разделить на радикальные, которые выходили далеко за пределы установок Всероссийского крестьянского съезда и съезда крестьянских депутатов Казанской губернии (Спасский уездный крестьянский съезд, волостные и сельские комитеты Лаишевского уезда) и умеренные, суть которых сводилась к тому, что все требования крестьян правомочно удовлетворить лишь Учредительное собрание (Тетюшский и Чистопольский уездный съезд крестьянских депутатов)²⁷. Нередко крестьяне выбирали наиболее радикальные постановления комитетов и съездов и рассматривали их в качестве конкретных указаний по решению аграрного вопроса. Подливали масло в огонь и представители партий (левые эсеры и большевики), которые дезинформировали крестьян на местах, намеренно неверно представляя постановления I Всероссийского съезда крестьянских депутатов (как например, на Спасском уездном съезде, проходившем в конце мая 1917 г.²⁸). Анализ решений и постановлений, принятых уездными и волостными комитетами и съездами Казанской губернии подтверждал факт радикали-

²⁶ Сухова О.А. Указ. соч. – С. 452.

²⁷ Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1917 г.: год 33-й / Казанское губернское статистическое бюро / Секция текущей сельскохозяйственной статистики. – Казань, 1920. – С. 159; Крестьянское движение в 1917 г. / пред. Я.А. Яковлева. – М., Л., 1927. – С. 98; Татария в борьбе за победу пролетарской революции: сборник документов и материалов (февраль-октябрь 1917): Сборник документов и материалов / под ред. М.К. Мухарямова. – Казань, 1957. – С. 296; Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября: Сборник документов и материалов / сост. Н.М. Силаева. – Казань, 1958. – С. 97; Документы по истории Октября в Татарии (март 1917 – март 1918) / Сост. Л.В. Горохова, Н.М. Силаева, И.М. Ионенко. – Казань, 1973. – С. 54.

²⁸ Татария в борьбе за победу... – С. 296.

зации крестьянских масс. Этому способствовало и слишком неспешный ход аграрной реформы, и агитация социалистических партий, призывавших к захвату земель до созыва Учредительного собрания, и ухудшающее положение страны и т.д.

Многочисленные требования, касающиеся земельного вопроса, с полным основанием можно рассматривать как требования многонационального крестьянства. Весной-летом 1917 г. бурные обсуждения аграрного вопроса происходили на различных уровнях межэтнического и межконфессионального представительства. Одной из таких площадок стал 1-й Всероссийский мусульманский съезд, который проходил в Москве (1–11 мая 1917 г.). В нем участвовало около 900 делегатов, в том числе известные татарские общественно-политические деятели (И.С. Алкин, М. Бигиев, Х.-Г. Габаши, Ф. Карими и др.). Ш.З. Мухамедьяров стал автором резолюции по земельному вопросу, согласно которой вся земля должна была перейти в руки народа без выкупа (с оказанием единовременной помощи бывшим владельцам земли). Все желающие обрабатывать землю собственным трудом должны были обладать правом землепользования; купля-продажа земли должна была быть запрещена и т.д. Окончательное решение земельного вопроса откладывалось до созыва Учредительного собрания, до того времени следовало придерживаться решений, принятых Всероссийским крестьянским съездом²⁹. Похожие идеи прозвучали и в резолюции по земельному вопросу 1-го съезда мелких народностей Среднего Поволжья, проходившего в Казанском университете (15–22 мая 1917 г.). Делегаты съезда рекомендовали учитывать специфику повседневной и хозяйственной жизни тех или иных народностей³⁰.

После Февральской революции 1917 г. татарское крестьянство, несмотря на внушительное численное представительство, не имело своего общенационального органа. Для татарского сельского населения важным являлось создание органов на родном языке, имеющих официальный статус и занимающихся их повседневными проблемами. Лишь в начале лета (3–7 июня) 1917 г. по инициативе сразу нескольких организаций (Казанского Совета крестьянских депутатов, Мусульманского социалистического комитета, Мусульманского комитета) в Казани был созван Казанский губернский мусульманский крестьянский съезд. Он собрал свыше 600 делегатов, которые поддержали решение Казанского Совета крестьянских депутатов от 13 мая 1917 г. о передаче всех земель в распоряжение кре-

²⁹ Айнутдинова Л.М., Хайрутдинов Р.Г. Всероссийские съезды мусульман // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2002. – Т.1. (А-В). – С. 642–644.

³⁰ Протокол 1-го Общего собрания представителей мелких народностей Поволжья. – Казань, 1917. – С. 15–18.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

стьянских комитетов. В постановлении съезда особо подчеркивалось, что «... земля не должна выделяться на вечную собственность, а лишь для использования под посевы»³¹. Делегаты также рассмотрели вопросы о народном образовании (в том числе вопрос о создании в Казани Народного университета для татарского населения), о приходских муллах и др. Была создана особая исполнительная комиссия для организации крестьян-мусульман и проведения выборов в Казанский губернский мусульманский комитет³².

В работе губернского и уездного крестьянских съездов в Казани, Свияжске, Мамадыше, Чистополе принимали участие члены Мусульманского социалистического комитета. Организация не скрывала своих целей – консолидация мусульманского пролетариата и трудового крестьянства, распространение социалистических идей. Члены комитета вместе с большевиками и эсерами вели пропагандистскую деятельность в сельских и волостных комитетах, а также среди солдат тыловых гарнизонов.

К лету 1917 г. ситуация в деревне значительно осложнилась. Крестьянские советы и земельные комитеты настойчиво требовали от Временного правительства немедленного издания закона о переходе земли в распоряжение комитетов. Из губерний сообщали, что отстаивать политику Временного правительства очень трудно, что даже к лицам, призывавшим ждать Учредительного собрания, крестьяне относились с недоверием³³. Аграрное движение нарастало с каждым месяцем. В марте крестьянские выступления были зарегистрированы в 34 уездах, в апреле – в 174, мая – в 136, июне – в 280, в июле – в 325³⁴. Все чаще стали поступать сообщения об избяниях представителей власти и обществуности. Так, в 14 июня 1917 г. в г. Спасске «белобилетниками» был избит предводитель дворянства Л.В. Молоствов; 22 июня в г. Чебоксары кронштадтским матросом Халапсиным, солдатом Хабаровым и др. был избит и временно арестован комиссар временного комитета Государственной Думы студент Россоловский; в деревне Кульбаево-Мараса Чистопольского уезда вооруженная толпа крестьян сильно избила представителей уездного комиссара³⁵.

Временное правительство, пытавшееся удержать крестьян от насильственных действий (прежде всего, по изъятию земли у частных собственников), объявляло решения крестьянских съездов незаконными. На места посылались эмиссары и специальные уполномочен-

³¹ Документы по истории Октября... – С. 58–59.

³² Ионенко С.И. Казанский губернский мусульманский крестьянский съезд // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2006. – Т.3. (К-Н). – С.83.

³³ Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции... – С. 25.

³⁴ Крестьянское движение в 1917 г... – С. 111.

³⁵ Революционная борьба крестьян Казанской губернии... – С. 58–61.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

ные Временного правительства, но крестьяне не шли на уговоры и уступки. Таким образом, Временное правительство оказалось в сложном положении: инициатива на местах явно опережала законодательную деятельность центральных органов власти. Медлительность Петрограда в принятии решений по земельному вопросу подталкивала крестьян к анархическим действиям, ставя под сомнение дальнейшее будущее института частной собственности на землю.

Важную роль в осуществлении решений крестьянских съездов сыграли земельные комитеты, организация которых началась в соответствии с постановлением Временного правительства от 21 апреля 1917 г.³⁶ К концу августа в стране было создано 45 губернских и 425 уездных земельных комитетов³⁷. В Казанской губернии уездные и волостные земельные комитеты начали создаваться в мае–июне 1917 г. 19 июня был образован Казанский губернский земельный комитет. Исполнительным органом губернского земельного комитета стала земельная управа (председатель И.И. Штуцер). К осени 1917 г. на территории Казанской губернии действовали 12 уездных и 181 волостной земельные комитеты³⁸. Состав губернского и уездных земельных комитетов являлся левозеро-ским по своей политической направленности и складывался из представителей городского чиновничества и крестьянства. Исключительно крестьянскими, без определенных политических предпочтений оказались низовые земельные комитеты Казанской губернии.

В процессе формирования земельных комитетов большое внимание уделялось их национальному составу. Так, Казанский уездный земельный комитет особо указывал, что при избрании волостного комитета следует соблюдать «пропорциональность, как для членов, так и для заместителей в отношении разных народностей»³⁹. Нередко от волостей со смешанным населением в уездные земельные комитеты направлялись по два представителя. К примеру, 16 мая 1917 г. волостной сход Полянской волости Спасского уезда направил в земельный комитет крестьян И. Рамодина и Х. Ибетуллина⁴⁰. Вместе с И. Христофоровым на организационное собрание Мамадышского уездного комитета из Кляушской волости прибыл Б. Мухаметшин «как представитель татарского населения»⁴¹.

По замыслу Временного правительства земельные комитеты должны были заниматься сбором статистических сведений о земле-

³⁶ Сборник Указов и постановлений Временного правительства. – Пг., 1917. – Вып. №1. – С. 192–197.

³⁷ Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции... – С. 27.

³⁸ НА РТ. Ф. 174. Оп. 1. Д. 4. Лл. 7–14, 72.

³⁹ НА РТ. Ф. 174. Оп. 1. Д. 44. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Ф. Р–512. Оп. 2. Д. 4. Л.34.

⁴¹ Там же. Ф.174. Оп. 1. Д. 45. Л. 32.

владении и землепользовании, но большинство из них вышли далеко за пределы определенного им круга деятельности. К середине лета общим требованием земельных комитетов было скорейшее издание инструкций и законов, регулирующих их права и обязанности. Но, не дожидаясь правительственных директив, волостные земельные комитеты встали на путь самовольного решения аграрного вопроса. Наглядным свидетельством данного положения, стало постановление Казанского губернского земельного комитета от 5 июля 1917 г., в котором отмечалось: «... имея в виду, что события требуют немедленных указаний уездным и волостным комитетам при их работе, а поэтому ждать получения инструкций представляется невозможным, приступить к разработке проекта собственных правил для земельных комитетов»⁴².

Несмотря на то, что политический состав Казанского губернского земельного комитета был эсеровским, его члены не были склонны к принятию радикальных мер в деревне. Как ни парадоксально, но по части решения земельного вопроса, губернский комитет находился скорее на правозсеровских позициях. Ярким примером данного утверждения является инструкция для волостных земельных комитетов Казанской губернии, разработанная губернским комитетом 22–23 июля 1917 года. По существу, инструкция носила достаточно либеральный характер (по сравнению с постановлением Казанского съезда крестьянских депутатов от 13 мая). Так, до Учредительного собрания волостным комитетам предписывалось охранять от захвата хуторские, отрубные, арендуемые земли, а также земли, купленные у Крестьянского Поземельного банка и наделы лесной стражи (если, эти земли обрабатывались)⁴³. В отношении частновладельческих земель волостные комитеты должны были: «... добиваться соглашений между крестьянами и владельцами о предоставлении последним земли в арендное пользование первым и об оставлении им достаточного количества земли для семьи и скота»⁴⁴. Но, тем не менее, все равно инструкция была явно прокрестьянской ориентации. И не будем забывать, что волостные комитеты, по сути, представляли собой общинный орган, а отношения между общинниками и землевладельцами, были, мягко говоря, напряженными.

К концу августа 1917 г. политическая ситуация в стране обострялась, кризисное положение власти, которое остро ощущалось и на местах. Для деревни было достаточно небольшой случайности, чтобы вспыхнул «пожар». Осенний период отличается

⁴² Там же. Д. 1. Л. 27.

⁴³ НА РТ. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1. Л. 66–68.

⁴⁴ Там же. Л. 68–69.

резким изменением форм борьбы крестьян за землю. Если с марта по август в деревне преобладали, в основном, ненасильственные формы решения земельного вопроса, то осенью крестьяне перешли к более жестким методам, характерным для крестьянской войны: вооруженным захватам, поджогам и погромам.

Осенью 1917 г. в Казанской губернии резко ухудшилась продовольственная ситуация. Крайне неблагоприятные погодные условия (холодная весна и июньская жара) нанесли большой урон основным сельскохозяйственным культурам. В результате по сравнению с последним десятилетием снизилась урожайность ржи – на 26%, овса – на 42%, пшеницы – на 50%, картофеля – на 41,4%. По сравнению с 1916 г. на 33,1% уменьшился валовой сбор хлеба⁴⁵. Обеспеченность населения сельскохозяйственными продуктами земледельческого происхождения уменьшилась более чем вдвое, что привело к их подорожанию: цены на рожь, ржаную муку, овес и картофель выросли на 240%, 245,5%, 201,4, 359% соответственно⁴⁶. И без того сложную ситуацию на сельскохозяйственном рынке Казанской губернии осложняли решения Временного правительства, которое еще 25 марта 1917 г. опубликовало постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах». Согласно закону, у сельских производителей изымался так называемый «излишек» хлеба по твердой цене, запрещалась спекуляция хлебом. Владельцы хлеба были обязаны доставлять его на продовольственные склады⁴⁷. Крестьяне всячески сопротивлялись этому решению. Выступавшая еще при царизме против продовольственной разверстки деревня, не желала ограничения своих прав на собственную продукцию и при новой власти.

К лету 1917 г. можно констатировать провал усилий государства по реализации закупок хлеба и других продуктов. Так, 31 июля 1917 г. Казанский губернский комиссар В.А. Чернышев сообщал министру внутренних дел: «... В Казанском, Козьмодемьянском, Мамадышском, Свияжском, Ядринском уездах с упорством не допускается проведение в жизнь хлебной монополии...прошу штаб округа командировать в распоряжение уездных комиссий команды солдат для нужного содействия местным властям...»⁴⁸. В поисках

⁴⁵ Сибгатов Б.И., Шайдуллин Р.В. Особенности трансформации рыночных цен на сельскохозяйственную продукцию в Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – Казань, 2013. – Т. 155. – Кн.3, ч.1. – С. 127.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Сборник Указов и постановлений Временного правительства. – Пг., 1917. – Вып. №1. – С. 69–109.

⁴⁸ Революционная борьба крестьян Казанской губернии... – С. 64–72.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

выхода из тупика Временное правительство 27 августа увеличивает твердые цены на хлеб вдвое. К сбору и охране «излишков» в Казанской губернии были привлечены около 2800 солдат⁴⁹.

Повышение сразу ударило по наименее зажиточным крестьянам, которые были вынуждены прикупать хлеб. Земельные комитеты (прежде всего, волостные) стали стремительно терять кредит доверия со стороны крестьянства. Одной из главных причин этому явлению было недостаточное финансирование волостных комитетов. Так И.И. Штуцер, на заседании Казанского губернского земельного комитета 23 сентября, докладывал, что: «волостные комитеты губернии в течение 3-х месяцев работали без копейки...»⁵⁰. В условиях финансового кризиса, земельные комитеты вынуждены были самостоятельно изыскивать средства к существованию.

Как верно заметил В.П. Данилов, сразу после окончания полевых работ в Европейской части России, «...развернулась настоящая крестьянская война»⁵¹. Первой «жертвой» этой войны стали земельные собственники. Вся мощь общинного негодования обрушилась на частную собственность, причем как на крестьянскую, так и на помещичью. Погромы землевладельцев особо широкий размах приняли в уездах Среднего Поволжья. В Казанской губернии за сентябрь-октябрь 1917 г. было зафиксировано 150 крестьянских выступлений против собственников земли. Временное правительство пыталось реагировать на захватное движение в деревне: создавались особые комитеты по борьбе с аграрными беспорядками, увеличивался милицейский штат и др. Но, как показали дальнейшие события, эти меры оказались напрасными: в ночь с 25 на 26 октября в ходе подготовленного большевиками государственного переворота Временное правительство было арестовано. Возможность мирного разрешения аграрного вопроса была исчерпана.

Большевистское руководство поспешило немедленно удовлетворить крестьянские требования. Неслучайно, одной из первых законодательных инициатив советской власти стал декрет «о земле» от 26 октября 1917, отменявший «без всякого выкупа» помещичью собственность на землю. Также декрет провозглашал: переход помещичьих имений, удельных, церковных, монастырских земель со всем инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов; отмену наемного труда; уравнительное землепользование; формы землепользования (об-

⁴⁹ Сибгатов Б.И. .Деревня Казанской губернии в годы Первой мировой войны: социально-экономический аспект. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2015. – С. 78.

⁵⁰ НА РТ. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.

⁵¹ Данилов В.П. Крестьянская революция в России 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конференции. – М.-Тамбов, 1996. – С. 6.

щинная, хуторская, подворная и артельная) и др.⁵² Поскольку позиции большевиков в органах местного самоуправления, сразу после Октябрьского переворота, были крайне слабыми (например, среди членов исполкома Козьмодемьянского уездного совета крестьянских депутатов имелось 67% левых эсеров и всего 11% большевиков, а в Царевококшайском уездном исполкоме, большевиков вообще не было⁵³), вряд ли стоило ожидать одобрения этого декрета со стороны губернских и уездных земельных комитетов. Так, Казанский губернский земельный комитет 8 ноября 1917 г. получил и направил во все уездные комитеты телеграмму председателя главного земельного комитета А.С. Посникова, в которой последний признавал декрет «О земле»: «... незаконным и недействительным.. так как он может лишь усилить беспорядки и самоличные захваты и привести к совершенной невозможности правильного разрешения вопроса... Учредительным собранием»⁵⁴. Чистопольский уездный комитет в своей резолюции, от 23 ноября 1917 г., был более категоричен: «ни в коем случае не сходить с того пути в разрешении земельных вопросов, на который встали земельные комитеты, согласно инструкции общепризнанного Временного правительства... так называемый декрет о земле, изданный группой мятежных большевиков – приспешников немцев – признать недействительным и незаконным, как недействительно и незаконно само это правительство»⁵⁵.

Известия об октябрьском перевороте и декрете «О земле» были встречены крестьянской общиной достаточно сдержанно. Для крестьян большевистский переворот был продолжением творившейся наверху политической неопределенности. Основная масса крестьян, по-прежнему реагировала не на партии как таковые, а на выгодные им, или соответственно интерпретированные лозунги⁵⁶. Их социальная борьба развивалась в неполитическом измерении. Октябрьский переворот лишь легитимизировал рост неорганизованных акций разгромного и захватного характера. В октябреноябре 1917 г. крестьяне, похоже, были готовы грабить все и всех: хуторян, отрубников, помещиков, различные предприятия и т.д. Все это сочеталось с откровенной уголовщиной и самосудами. Так председатель Казанской земельной управы И.И. Штуцер доклады-

⁵² Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле // Декреты Советской власти. – М., 1957. – Т.1. – С. 17–20.

⁵³ Пашуков В.Ф. Марийский край в годы гражданской войны (1918–1922 гг.). – Йошкар-Ола, 1965. – С. 10.

⁵⁴ НА РТ. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Ф. Р–2036. Оп.1. Д.1. Л.32.

⁵⁶ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – С. 106.

вал 25 ноября 1917 г. в Главный земельный комитет, об обстановке в деревне: «... после событий 25–26 октября, происходящих в Казани, начался, одновременно с разъездом солдат по деревням, стихийный погром и поджоги имений; уничтожался инвентарь, скот расхищался, конские заводы распределялись по отдельным рукам, имущество растаскивалось, усадьбы сжигались или развозились по бревну. В большинстве Казанского, Лаишевского, Спасского уездов почти все экономии сравнены с землей или расхищены. ... Сколько уничтожено экономий, сказать в настоящий момент трудно, но судя по сообщениям, огромное количество... на местах власть от Волостных Земельных Комитетов перешла к Сельским Комитетам, и теперь почти никто не слушает Волостные Земельные Комитеты. Сноситься же с Сельскими Комитетами почти невозможно»⁵⁷.

Под воздействием факторов разного порядка объектами агрессии становились не только «чужие», но и «свои» крестьяне из соседних обществ, тоже становившиеся «враждебной силой». Так председатель Зюзинской волостной земской управы Лаишевского уезда, описывал события в своей волости в начале ноября 1917 г.: «Погромное движение началось с экономии Ф.В. Симбирова при с. Верх. Девлезерах, куда 2 ноября явились крестьяне д. Крещеной серды и Чита Казыльской волости в числе около 50 подвод, но были прогнаны крестьянами д. Екатериновки, Средних Девлезер и с. Верхних Девлезер. Тогда местные крестьяне... приступили к дележу имений между близлежащими селениями...»⁵⁸. 13 ноября 1917 г. Гусихинский волостной земельный комитет сообщал в Спасскую уездную земельную управу о том, что «крестьяне д. Болховской открыто расхищают имение Булыгина, говоря, что если не увезут они, то увезут крестьяне другого села». 15 декабря 1917 г. крестьяне д. Степановки Больше-Фроловской волости Тетюшского уезда «отстранили из других деревень всех покупателей и поделили захваченное, из имения помещика И.П. Аксентьева, между собой...»⁵⁹. Как можно заметить, подобные действия не носили организованный характер. Решения толпы снимали накал социально-психологического напряжения путем прямого действия, борясь не с причиной, а со следствием, пытаясь устранить насущные проблемы собственными силами.

Отправка в деревню воинских команд, которым волостные комитеты должны были оказывать всяческую помощь, окончательно дестабилизировала последних. Во-первых, губернские и уездные власти не успевали своевременно реагировать на участвовавшие

⁵⁷ Чернышев Е.А. Материалы по истории Крестьянской революции в Казанской губернии // Вестник научного общества Татароведения. – Казань, 1925. – № 3 (май-июнь). – С. 51.

⁵⁸ Чернышев Е.А. Материалы по истории... – С. 48.

⁵⁹ НА РТ. Ф. Р.–184. Оп. 1. Д.10. Л. 21.

беспорядки в деревне, и воинские команды, попросту, опаздывали на места, как это было, например, в той же Зюзинской волости. Во-вторых, репрессивные акции, невероятно озлобляли крестьян. Правительственным комиссарам чаще приходилось действовать уговорами. Кое-где они имели успех, а иногда провоцировали крестьянские самосуды над собой. Так, осенью 1917 г. волостной сход Больше-Юнгинской волости выгнал своего комиссара и тот пешком добирался до Козьмодемьянска⁶⁰. 24 сентября крестьяне Петриковской волости Царевококшайского уезда до полусмерти избili нескольких членов волостной управы, которых от смерти спасло лишь вмешательство солдат воинской команды⁶¹. Таким образом, органы демократической власти безнадежно теряли доверие населения, уступая свое место низовым сельским комитетам, которые продолжали методично осуществлять «черный передел».

Между тем, в условиях продолжавшегося хаоса, большевики приступили к формированию новой государственности, одной из причудливых форм которой стало утверждение ценностей низов. Объявив себя «большевистской пролетарской властью», Советское правительство повело курс на единоличный захват власти, не только в центре, но и на местах. При этом ни формально существовавшая многопартийность, ни политическое партнерство с левыми эсерами не могли предотвратить нового кризиса.

Выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся 12–14 ноября 1917 г., ярко продемонстрировали расклад политических сил в стране. Крестьянская Россия отдала предпочтение эсерам. Казанские левые эсеры (в союзе с губернским советом крестьянских депутатов), которые шли самостоятельным от правых эсеров списком на выборах, набрали 31% от общего числа голосовавших⁶². Результаты выборов свидетельствовали о неминуемой конфронтации отдельных политических кругов. Большевики не сидели, сложа руки. В условиях дезорганизации российского общества им было важно утвердить свои позиции в крестьянских организациях. В последние недели 1917 г. Советское правительство повело курс на реорганизацию местных органов самоуправления, с целью утвердить в их составах своих представителей. Так 13 декабря 1917 г. было опубликовано «Положение о земельных комитетах», где принципиально новым условием формирования состава губернских

⁶⁰ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 181. Л. 140.

⁶¹ НА РТ. Ф. 983. Оп.1. Д. 18. Л. 9.

⁶² Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. – С. 363–366.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

и уездных земельных комитетов было наличие в них представителей от уездных Советов рабочих и солдатских депутатов⁶³.

Реорганизация губернских и уездных земельных комитетов, позволила большевикам получить более лояльные составы организаций. Противники новой власти, сторонники Учредительного собрания и другие «неудобные элементы» попросту изгонялись из местных земельных комитетов под разными предлогами. Так, 3 января 1918 г. на заседании Чистопольского уездного земельного комитета в присутствии с правом решающего голоса представителей уездных Советов рабочих и солдатских депутатов было выражено недоверие председателю комитета отцу Ивановскому, на том основании, что последний «своим распоряжением способствовал погромным действиям граждан...»⁶⁴.

Незадолго до открытия Учредительного собрания (26 ноября – 10 декабря 1917 г.), в Петрограде прошел II Всероссийский съезд крестьянских депутатов, который высказался за власть Советов, одобрил декреты II Всероссийского съезда Советов. Правозероветскому исполкомму крестьянских Советов было выражено недоверие. Правые эсеры, которые имели большинство мандатов в Учредительном собрании, обратились к крестьянам с призывом организовать сопротивление власти Советов и не осуществлять ее декретов. Борьба за крестьянство продолжилась на региональной арене. В декабре 1917 г. казанские левые эсеры на III губернском съезде крестьянских депутатов поставили задачу «советизировать» всю губернию, покрыть ее советскими организациями⁶⁵. Агитаторы и эмиссары губернского совета крестьянских депутатов с мандатами разъезжались по уездам. Так в Царевококшайске балтийский матрос В.Т. Дмитриев созвал заседание уездного совета и 23 декабря 1917 г. было заявлено о переходе всей полноты власти в руки уездного совета крестьянских и солдатских депутатов. Никто не сопротивлялся этому решению, поскольку «...не было сил, которые могли бы это сделать»⁶⁶.

Земельные комитеты были вынуждены существовать в условиях острой конфронтации с органами советской власти. Так, председатель Державинского волостного земельного комитета докладывая 5 января 1918 г. в Казанскую губернскую земельную управу

⁶³ Положение о земельных комитетах // Декреты Советской власти. – М., 1957. – Т.1. – С. 218–224.

⁶⁴ НА РТ. Ф. Р.–2036. Оп. 1. Д.1. Л.7.

⁶⁵ Стариков С.В. Царевококшайский уездный совет крестьянских депутатов в период Великой Российской революции 1917–1918 гг. // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья: материалы II Всероссийской (X межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2008 г.) – Йошкар-Ола, 2009. – С. 261.

⁶⁶ Стариков С.В. Царевококшайский уездный совет... – С. 261.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

о том, что Лаишевский уездный Совет крестьянских депутатов предписывает выполнять только свои распоряжения, просил «огрადить волостной комитет от такого двоевластия»⁶⁷. 28 января 1918 г. Колунецкий волостной сход в присутствии члена Тетюшского уездного Совета упразднил волостной земельный комитет, заявив, что «советы есть и должны быть единственной властью... остальные волостные учреждения являются только лишним балластом для народа»⁶⁸.

К началу 1918 г. расстановка сил на волостных и сельских собраниях, выглядела следующим образом (общероссийские данные по 415 волостям): 53,5% волостей высказались за власть Советов, 30% настаивали на передаче власти Учредительному собранию, в 16,5% волостей население колебалось, не определив своей позиции⁶⁹. Некоторым из этих ожиданий, не суждено было сбыться. Разгон Всероссийского Учредительного собрания 6 января и последовавший за ним III Всероссийский съезд Советов (10–18 января) подвели черту под многомесячным кризисом власти, одним из олицетворений которого стало усугубление ситуации в деревне.

В ходе революционных событий 1917 г. крестьянская община вновь ожила и окрепла, сконцентрировав вокруг себя основную массу сельскохозяйственных земель. Одним из главных факторов ее возрождения стало последовательное проведение принципа собственности двора и отрицание личной частной собственности, нашедших выражение во всех последующих земельных законах Советской власти. Радикализация общины была направлена на защиту традиционного уклада и объективно вела не только к углублению локализма, но и усугублению десакрализации власти. Неравенство сил государства и крестьянства ограничивало возможности эволюционного решения аграрного вопроса в России, который крестьяне ошибочно отождествляли с вопросом о земле.

В 1917 г. аграрный вопрос представлявший собой многоузловую систему проблем общественно-политического, социально-экономического, психологического характера, в которой тесно переплелись интересы различных слоев российского общества, являлся важнейшим фактором поляризации всех общественных сил, как в России в целом, так и в Казанской губернии. В широком смысле, крестьянский вопрос вышел за рамки вопроса о праве на землевладение, – это был вопрос о войне и мире, об альтернативах выхода из системного кризиса, – это был вопрос об историческом выборе дальнейшего пути развития страны.

⁶⁷ НА РТ. Ф. 174. Оп. 1. Д.200. Л.9.

⁶⁸ Там же. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 189. Л. 169.

⁶⁹ Осипова Т.В. Классовая борьба... – С. 261.

**2.2. «Фирма снимает с себя нравственную
ответственность перед Родиной...»:
фабрично-заводской коллектив
г.Казани в 1917–1918 гг.**

К 1917 г. торгово-промышленное общество Алафузовских фабрик и заводов оставалось одним из крупнейших военно-промышленных комплексов Поволжья. С начала XX в. компания выполняла военные заказы. Основным направлением деятельности было производство обмундирования для армии. В годы Первой мировой войны фирма Алафузовых на 98% работала на нужды фронта⁷⁰. В этот период значительно выросла численность рабочих. Если в 1905 г. трудовой коллектив Алафузовских предприятий в Казани насчитывал более 4 тысяч человек, то к концу 1916 г. у Алафузовых работало более 10 тысяч человек⁷¹.

Это промышленное предприятие можно рассматривать как модель страны, где распределены социальные роли, существовала строгая служебная иерархия и огромная разница в материальном положении рабочих и администрации. Анализ малого коллектива дает возможность увидеть известные проблемы революции по-новому: через взаимоотношения людей, через личные и корпоративные интересы рабочих и служащих. В этих частных историях – вся трагедия эпохи.

Рост цен и продовольственный кризис стали неизменными спутниками тыловой жизни в годы Первой мировой войны. С каждым годом войны росло народное недовольство, особенно часто с экономическими требованиями выступали рабочие. Их основным источником дохода оставался фабрично-заводской заработок, последний не поспевал за ростом цен. Например, протест работниц прядильной и ткацкой фабрик Алафузовых в Казани в январе 1917 г. был связан с тем, что администрация начала выдавать карточки на получение белого хлеба в расчете не на каждого едока в семье, как раньше, а только на работающих людей. Поэтому без еды остались малолетние дети и другие иждивенцы семьи⁷².

⁷⁰ НА РТ. Ф.1153. Оп.1. Д.444. Л.71.

⁷¹ Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. – Казань, 2015. – С.98.

⁷² НА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.1526. Л.35.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

В январе-феврале 1917 г. число бастующих рабочих в России достигло 676 286 человек, это было в три раза больше показателей января-февраля 1916 г. Стачка на алафузовских фабриках началась 30 января. По приказу губернатора и командующего военным округом на предприятие были направлены полицейские. Власти подозревали рабочих и солдат гарнизона в согласованности действий, поэтому 4 февраля на фабрично-заводском дворе появился дополнительный отряд. Рабочих пытались усмирить силовыми методами⁷³. Однако рабочая масса оставалась неуправляемой. В результате, 8 февраля 1917 г. казанский губернатор П.М.Боярский подписал следующее объявление, адресованное работникам фирмы Алафузова: «О военнообязанных, состоящих на учете, мужьях и родственниках женщин, мешающих работать, за непринятие ими мер воздействия будет докладываться его высокопревосходительству командующему войсками»⁷⁴. Призыв непокорных в армию являлся одним из действенных средств.

Конечно, подавляющая масса участников забастовок не представляла последствий своего неудовольствия, не ожидала, куда могут привести их стихийные выступления. Новость о смене власти, в отличие от бушевавших столиц, для провинциальных районов стала полной неожиданностью. «Это явилось для нас совершенно внезапным. Кто-то зашел в красильно-химический цех, где мы работали, созвал всех на собрание и громко зачитал манифест об отречении Николая II от престола, – вспоминал бывший рабочий Алафузовских предприятий в Казани В.Разин уже в советское время. – Событие это на всех нас, рабочих, произвело радостное впечатление. Все мы пожимали друг другу руки и взаимно поздравляли со свободой»⁷⁵.

Служащие и администрация торгово-промышленного общества Алафузовских фабрик и заводов, очевидно, заняли поначалу выжидательную позицию. Но уже через несколько дней поспешили выразить свою лояльность новому правительству и готовность служить её интересам. Телеграмма об этом была направлена в Петроград. 10 марта в Казани получена ответная телеграмма от военного министра Гучкова, где он благодарил служащих и рабочих за высказанные чувства. «Надеюсь, что напряженная работа на благо народа удвоится», – писал он⁷⁶. К слову, А.И.Гучков возглавлял

⁷³ Анисимов Н.Г. Казанский льнокомбинат. 1860–1960. – Казань, 1960. – С.100–101.

⁷⁴ История Казани в документах и материалах: XX век. – Казань, 2004. – С.69.

⁷⁵ За власть советов. Сб. воспоминаний участников октябрьских событий в Татарии. – Казань, 1957. – С.44.

⁷⁶ НА РТ. Ф.Р–571. Оп.1. Д.4. Л.17.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Центральный военно-промышленный комитет. Он был тесно связан с российской армией, являлся членом думской комиссии по бюджету армии и флота. Поэтому его назначение военным министром приняли вполне спокойно⁷⁷.

Вскоре новая власть была признана всеми местными органами управления. 4 марта 1917 года состоялось экстренное заседание Казанской городской думы. Основной задачей гласные определили обеспечение преемственности власти и недопущение радикализации общества. В этом же заседании, помимо признания Временного комитета Государственной думы как законной власти, было принято решение об учреждении Комитета общественной безопасности под началом городского головы В.Д.Боронина.

Предполагалось, что он станет координирующим органом власти в губернии, сосредоточив на себе контроль над деятельностью политических партий, союзов и объединений⁷⁸. Комитет начал активную деятельность в самых разных сферах. Например, 14 марта 1917 г. заводское управление получило письмо Исполнительного комитета Общественной безопасности о том, что следующий день – 15 марта является выходным, т.к. объявлен Всероссийским праздником народной свободы, «посвященной памяти павших борцов»⁷⁹. Падение старого режима и спешное создание новых органов власти, их дублирование, активизация общественности и появление различных самоорганизаций породили хаос в системе управления на самых разных уровнях.

Фабрично-заводское начальство тоже не справлялось с возникшей общественной ситуацией. 6 марта 1917 г. рабочие чесального отделения избили приказчика Шешнева за его неодобрительные отзывы о новом правительстве, а рабочие механического отделения вывезли на тачке своего мастера за пределы мастерской. В трудовом коллективе продолжалось бурное обсуждение материальных проблем, и единственным решением представлялась забастовка с требованием о новом повышении. По фабрике также гуляли слухи о том, что рабочие собираются разгромить лавку Общества потребления. Пользуясь общим положением, пытались выразить недовольство своим надзирателям и военнопленные: австрийцы, венгры, немцы и др.⁸⁰

⁷⁷ Катков Г.М. Февральская революция / Пер. с англ. – М., 1997. – С.377.

⁷⁸ Мансуров Р.З. Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае. Автореф. дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006. – С.14–15.

⁷⁹ НА РТ. Ф.Р–571. Оп.1. Д.4. Л.24.

⁸⁰ Корбут М. Казанские рабочие перед Октябрьской революцией // Ученые записки Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина. – Т.LXXXVIII. – 1928. – С.112.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Уже 7 марта 1917 г. казанская администрация Алафузовских фабрик и заводов обратилась за помощью к местному городскому голове. Руководство предприятия просило выделить для охраны фабричного имущества и поддержания порядка среди работающих 30 солдат. Управление было обеспокоено тем, что на фабрично-заводской территории находилось «громадное количество казенных материалов, сукна, холста, разных бумажных тканей», которые отпускаясь на изготовление военного обмундирования. Администрация боялась мародерства. Кроме того, начальство фирмы опасалось и того, что в конторе оставлялись крупные денежные суммы для расплаты с рабочими. Многие помнили революцию двенадцатилетней давности, когда радикализованные элементы в разных частях страны нападали на состоятельных граждан, отбирали у них ценные вещи и денежные средства.

Вслед за столичными рабочими и в провинции стали возникать фабрично-рабочие комитеты. Эти стихийные рабочие самоорганизации собирались контролировать основные направления деятельности предприятий: производственный процесс, распределение финансов, кадровую работу. Определенные полномочия в этой сфере были получены рабочими еще в 1915 г. С конца этого года рабочие группы вошли в состав военно-промышленных комитетов⁸¹. Председатель Центрального ВПК А.И.Гучков собирался таким образом держать под контролем рабочее движение. Однако рабочие не проявляли особого рвения в этой работе. От Алафузовских фабрик и заводов в Казанский областной военно-промышленный комитет был выдвинут список депутатов – 29 рабочих от разных мастерских⁸². Лишь часть была отобрана для работы в составе ВПК. Однако общественную активность рабочие стали проявлять только с созданием фабрично-заводских комитетов.

В Алафузовском торгово-промышленном комплексе фабрично-рабочий комитет был организован в первой половине марта 1917 г. «По утрам до работы, в обеденные перерывы и после смены шли оживленные беседы и громкие читки газет. Такие беседы иногда стихийно превращались в митинги. Тут же вскоре было созвано общее собрание рабочих фабрики в Алафузовском театре, где и был избран фабрично-заводской комитет во главе с тт. Евдокимовым и Константиновым, – вспоминал один из бывших рабочих Алафузовых. – Общие собрания и митинги на фабрике были теперь, после выборов фабкома, не редким делом»⁸³.

⁸¹ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. – М., 2003. – С.162.

⁸² НА РТ. Ф.Р–571. Оп.1. Д.4. Л.5–6.

⁸³ За власть советов... – С.44.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Председатель фабрично-заводского рабочего комитета при Алафузовских предприятиях был избран Александр Антропович Константинов. Он работал в сапожной мастерской. На тот момент ему было 29 лет, и происходил Константинов из крестьян села Лаишево Спасского уезда. Его трудовая жизнь на кожевенном заводе Алафузова началась в 14 лет. Короткий период с ноября 1904-го по апрель 1905 г. работал в Самаре чернорабочим, но потом вновь вернулся в Казань и продолжал трудиться у Алафузовых⁸⁴.

Он и еще 7 рабочих вошли в городской комитет рабочих депутатов. «Забудьте мелкие недоразумения и обиды, Ведь теперь у вас есть надежные защитники и представители ваших интересов – фабричный, рабочий комитет и совет рабочих депутатов», – обращался А.А. Константинов к своим коллегам в марте 1917 г.⁸⁵ Его слова повторяли обращение Городского фабричного рабочего комитета от 11 марта 1917 г., где рабочих просили сохранить спокойствие и тишину, работать прилежно и соблюдать порядок. «Фабрично-Рабочий комитет ставит Вам в обязанность аккуратно выходить и начинать работать, кончать и уходить с работы в те часы, которые установлены фабричным правилом. Вежливое обращение с администрацией, которая и с Вами должна быть вежливой. Работать как можно честно и аккуратно. Помните, товарищи, что теперь Вы работаете для нашей доблестной Армии, которая защищает нашу свободную теперь Россию. Докажите, товарищи, что Вы хорошие работники, достойные уважения, а не угнетения», – говорилось в документе⁸⁶. Инициативная часть рабочего сообщества пыталась взять под контроль неподвластную трудовую массу, которая начала проявлять анархические настроения. Комитет заверял рабочих в том, что берет на себя ответственность за них, и будет отстаивать интересы трудящихся перед промышленниками и властями. Представители городского фабричного рабочего комитета для проведения бесед с рабочими приходили прямо в предприятия. Таким образом в фабрично-заводские территории проникали совершенно посторонние лица, что тоже могло стать фактором дестабилизации. Неслучайно, управляющий казанскими предприятиями Алафузовых Д.Н.Пулудис просил от представителей городского комитета удостоверений особого образца, ему не хотелось пускать в фабричный двор всех подряд⁸⁷. По всей вероятности, просьба о выделении для охраны военных и полицейских была обусловлена и этими эпизодами.

⁸⁴ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1565. Л.3.

⁸⁵ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.4. Л.13.

⁸⁶ Там же. Л.12.

⁸⁷ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.4. Л.4.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Тем временем фабрично-рабочий комитет развернул широкую деятельность. Для них было выделено специальное помещение в здании больничной кассы. Поскольку комитет собирался довольно часто, в том числе в рабочее время, его руководство просило не лишать активных участников собраний заработка и оплачивать им среднее жалование, посчитав за рабочие дни и прогулы⁸⁸. Рабочие комитеты были официально признаны Временным правительством лишь в апреле 1917 г. (23 апреля принято «Положение о рабочих комитетах в промышленных заведениях»)⁸⁹, но администрации промышленных предприятий уже в марте выполняли все требования данных самоорганизаций. Руководство казанской конторы Алафузовских фабрик и заводов предоставило комитету помещение для собраний, согласилось выплачивать средний заработок рабочим делегатам, даже если они отсутствовали⁹⁰.

Однако такая сговорчивость администрации, лояльное отношение к рабочим только усилили «аппетиты» фабрично-рабочего комитета. В марте 1917 г. рабочее представительство предприятия выставляло новые требования. На этот раз трудящиеся просили уволить некоторых служащих и мастеров. Они мотивировали свои требования, как правило, личной неприязнью, которая прикрывалась формулировками, вроде «грубого обращения» с подчиненными и т.п. Так на собрании 10 марта 1917 г. были заслушаны жалобы рабочих юфтово-закройной, бельевой, городской шинельной мастерской, 1-го отделения. Все они просили увольнения или же перевода в другие мастерские следующих лиц: Таланова В.Г. (заведующего юфтово-закройной мастерской), Шешина А.Д. (зав. 1-м отделением), Голубкова А.П. (зав. шинельной мастерской), Маркова В.В. (марочник шинельной мастерской). Практически все они обвинялись в ненависти к рабочим, грубом обращении с ними, частых обысках в квартирах и домах рабочих и т.д.⁹¹ Попал в немилость старейший работник предприятия – И.А.Бурмакин. К этому времени его трудовой стаж составлял 51 год. Рабочие прядильной фабрики требовали увольнения прядильного мастера. На что контора торгово-промышленного общества Алафузовских фабрик и заводов уже 11 марта 1917 г. написала ответ, что прядильня не может без этого специалиста, в случае его увольнения тысячи людей могут остаться без работы. Действительно, после остановки прядильной фабрики переставали функционировать ткацкая и химическая, обмундироважные, шорные и амуничные мастерские. «Прядильная фабрика явля-

⁸⁸ НА РТ. Ф.Р–571. Оп.1. Д.4. Л.22.

⁸⁹ Назипова К.А. Национализация промышленности в Татарии (1917–1921). – М., 1976. – С.22.

⁹⁰ НА РТ. Ф.Р–571. Оп.1. Д.4. Л.32.

⁹¹ Там же. Л.16.

ется исходным пунктом всего производства, – писала администрация. Кроме того, она отмечала, что «заменить этих лиц, а особенно Бурмакина совершенно не кем». Делами фирмы на тот момент ведало Управление делами Общества Алафузовских фабрик и заводов в Казани, состоявшее из следующих лиц: А.Стахеева, В.Алафузова, Л.Алафузова и Д.Н.Пулудиса⁹². 11 марта 1917 г. в адрес Казанского городского головы было направлено прошение о содействии в решении этого вопроса⁹³. Просьба о смещении с должности основных кадров фирмы, его костью, стала неким сигналом для изменения той лояльной политики, проводимой представителями администрации предприятия. В результате, вопрос об увольнении заведующих мастерскими адресовали в Примирительную камеру Совета рабочих Депутатов, организованную при Казанском областном военно-промышленном комитете⁹⁴.

Примирительные камеры стали одним из завоеваний февральской революции и представляли собой, что-то вроде промышленных судов. Но в отличие от них, в примирительных камерах был реализован принцип равного представительства от обеих конфликтующих сторон, т.е. и от рабочих, и от промышленников. В апреле 1917 г. в фабрично-районную примирительную камеру со стороны казанской конторы Алафузовских фабрик и заводов были назначены: Д.Н.Пулудис, В.Н.Щеголев, М.З.Заалов, В.М.Алафузов и П.Л.Павлов⁹⁵.

Вслед за местными примирительными камерами, уже весной 1917 г. встал вопрос об образовании Центральной примирительной камеры. Договоренность об этом была достигнута между представителями Общества заводчиков и фабрикантов и Советом рабочих и солдатских депутатов⁹⁶. Обсуждение планов создания судейского органа в сфере производства указывает, прежде всего, на серьезность возникающих конфликтов между работниками и управленцами, на их широкую распространенность.

После первых уступок фабрично-рабочему комитету, администрация фирмы начала воспринимать последующие постановления рабочих с определенной критикой. Вероятно, это происходило и потому, что, вопреки первоначальным намерениям, комитеты наоборот стабилизировали коллектив, и трудовая дисциплина нарушалась все чаще и чаще. Например, в конце марта 1917 г. управление Алафузовскими фабриками и заводами направило в фабрично-рабочий

⁹² НА РТ. Р-571. Оп.1. Д.4. Л.18.

⁹³ Там же. Л.21.

⁹⁴ Там же. Л.33.

⁹⁵ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.4. Л.75.

⁹⁶ Вестник Петроградского общества заводчиков и фабрикантов. – 1917. – 6 июня.

комитет документ о том, как будут учитываться рабочие часы опаздывающих работников. Судя по письму, многие довольно вольно относились к дисциплине и приходили на работу с большим опозданием, а уходили пораньше. Поэтому администрация приняла решение давать опаздывающим лишь средний заработок, лишив их тем самым добавочной платы за сверхурочную работу⁹⁷.

В новых условиях, когда с трудом удавалось сохранить порядок, и нарушилась субординация между рабочими и служащими, руководство фирмы старалось опираться на наиболее авторитетные кадры. Так из военной службы был отозван инженер-механик Николай Филиппович Зеленин. Он проходил армейскую службу в качестве зауряд приемщика в Московской интендантской приемной комиссии. Документ о его отзыве на нужды тыла был направлен Казанским областным военно-промышленным комитетом в Центральный военно-промышленный комитет⁹⁸. Н.Ф.Зеленина освободили от военной службы и он продолжил работу в Алафузовском торгово-промышленном обществе в качестве инженера⁹⁹.

И без того не простые взаимоотношения администрации с рабочими усложнялись со сменой специфики производства. Казенных военных заказов становилось все меньше, поэтому некоторые направления производства значительно сократились, либо вовсе закрывались. Работа останавливалась не только из-за отсутствия заказов, но и из-за неимения казенных товаров для изготовления военного обмундирования. Общественный хаос отразился на работе интендантства. Бюрократизированная и коррумпированная система военных поставок в период смены власти работала еще медленнее. «По наряду вверенного Вам Управления не отпущены, по неимению в вещевом складе, молескин и бумазая для постройке походных рубах, – писал управляющий Алафузовскими фабриками и заводами Д.Н.Пулудис окружному интенданту Казанского военного округа 20 марта 1917 г. – Вследствие этого раскрой рубах остановился, в пошивку сегодня выкрой уже не отпускали, потому в рубашечных мастерских дошивают только то, что есть, люди постепенно освобождаются и занимать их не чем»¹⁰⁰. Это означало только одно – остановку производства, денежных выплат, очередные экономические требования рабочих, новые социальные волнения. Но управляющего еще волновало будущее производства, обеспеченность предприятия кадрами. Ему жалко было распускать

⁹⁷ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.4. Л.39.

⁹⁸ Там же. Л.15.

⁹⁹ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.1. Л.50об.

¹⁰⁰ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.4. Л.34.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

имеющийся персонал, т.к. опасался за работоспособность мастеровских в случае поступления новых казенных заказов.

Однако новых заказов не было. И администрация начала сворачивать некоторые виды производства. В конце марта 1917 г. были окончательно рассчитаны рабочие кожевенно-амуничной мастерской, т.к. полностью прекратили пошив поясных и шейных кавалерийских ремней. Уволенным рабочим фирма предлагала устроиться на вакантные места в других мастерских предприятия, и обещала принять их на работу в случае поступления новых заказов¹⁰¹.

Как и в первые военные годы, после февральской революции, наблюдался постоянный рост цен на продукты питания, предметы первой необходимости. Поэтому требование о повышении жалования оставалось одним из самых злободневных. Между тем, число казенных заказов сокращалось, а имеющиеся контракты были заключены в начале войны, а некоторые даже до 1914 г., поэтому они продолжали выполняться по расценкам тех лет, т.е. без учета инфляции. Постоянно следуя за требованиями рабочих о повышении сдельной платы на выработку того или иного изделия, предприятие по сути начинало работать себе в убыток. Так как условно товар изготавливался рабочим за 2 рубля, а государство покупало его у предприятия за 1 рубль.

Фирма Алафузова совместно с другим крупным казанским владельцем обмундировальных мастерских В.Г.Шабановым в 1916 г. обращалась в интендантство с просьбой об увеличении контрактной стоимости пошивки солдатских вещей на 50%, т.к. рабочие фактически получали заработную плату по новым расценкам. Казанское окружное интендантское управление согласилось с этим ходатайством, но окончательное решение должен был принять Военный совет¹⁰². Однако в условиях смены власти ходатайства так и остались нерешенными вплоть до октябрьских событий. Эту сторону производственного процесса осознавали лишь служащие высшего ранга, вроде доверенных лиц или управляющих.

Принятие Временным правительством в апреле 1917 г. Закона о свободе собраний и союзов дало право на самоорганизацию самым разным социальным группам. Теперь все чаще устраивались митинги рабочих, активизировалось профсоюзное движение. При этом в деятельности фабрично-заводских комитетов случались и периоды сотрудничества с руководством предприятия. Например, одна из активисток казанских фабзавкомов, студентка Высших женских курсов О.Гребнева вспоминала о том, что Алафузовский

¹⁰¹ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.4. Л.37.

¹⁰² За власть советов. Сборник воспоминаний участников октябрьских событий в Татарии. – Казань, 1957. – С.145-146.

фабрично-заводской комитет «принял позорное решение: отработать 1 мая в пользу обороны страны». Такую лояльность по отношению к политике Временного правительства она поясняла преобладанием меньшевиков в составе комитета¹⁰³. Но решение об отчислении заработка одного дня казне можно рассматривать и как уступку в ответ на либеральные законы Временного правительства. Безусловно, в условиях постоянного роста цен и постоянного недоедания – это было не простым решением.

К лету 1917 г. недовольство своим материальным обеспечением стали высказывать служащие Торгово-промышленного общества Алафузовых. Более того, растущая демократизация прессы и самосознания служащих привели к тому, что они просили не только повышения жалования, но и изменения условий труда.

Так, служащие Алафузовских фабрик и заводов в 1917 г. решили учредить свой профессиональный союз «для защиты политических, экономических и общественных интересов». Были избраны представители в Совет рабочих депутатов Казани, в Казанский городской комитет общественной безопасности. В союз вступили 176 человек, было образовано Организационное бюро из 10 человек. В работе участвовал и основной доверенный фирмы в Казани – Д.Н.Пулудис¹⁰⁴. Одним из требований служащих стало увеличение праздничных пособий¹⁰⁵. Но среди служащих не наблюдалось того единства, как в рабочей среде. Служащие объединялись в мелкие самоорганизации в зависимости от сферы службы.

По некоторым данным, в феврале 1917 г. в Казани из профессиональных объединений функционировал только Союз приказчиков, который после революции стал Союзом служащих торгово-промышленных учреждений. После появления апрельского закона о союзах, к концу июня 1917 г. в городе уже насчитывалось до 27 профсоюзов¹⁰⁶.

Если служащие мечтали о 6-часовом рабочем дне, то одним из требований рабочих был 8-часовой трудовой день. Но изначальная лояльность администрации к требованиям фабрично-рабочего комитета вскоре сменилась более твердой позицией по некоторым моментам. Так вопрос о рабочем времени был одним из таких бескомпромиссных. Заявление фабрично-рабочего комитета администрация проигнорировала, поэтому 8-часовой рабочий день рабочие установили явочным порядком. Они отработывали лишь эти часы и отказывались от сверхурочных работ. Администрация фирмы 6 ап-

¹⁰³ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.931. Л.40.

¹⁰⁴ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.4. Л.29.

¹⁰⁵ Там же. Л.42, 44.

¹⁰⁶ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.931. Л.45.

реля 1917 г. вынужденно признала рабочее нововведение. Работа на фабриках и заводах с этого времени начиналась в 7 часов утра и длилась до 4 часов дня, с часовым перерывом на обед. «... Фирма снимает с себя нравственную ответственность перед Родиной за последствия, могущие произойти от недостатка в снабжении Армии, каковые (недостатки) по мнению фирмы могут получиться от введения 8-ми часового рабочего дня в настоящее время», – заявила администрация. При этом она настаивала, что в прядильной фабрике должны производиться и сверхурочные работы, т.к. данное подразделение с трудом удовлетворяло потребности ткацкой фабрики и других отделов¹⁰⁷.

Рабочих тем временем волновали не нужды Армии, а оплата труда. С требованиями о повышении заработка они буквально загоняли служащих конторы в угол, что под угрозой физической расправы те вынужденно принимали самостоятельные решения и выдавали авансы в счет будущих прибавок. Например, весной 1917 г. возле главной фабрично-заводской конторы собралась 10-тысячная толпа рабочих. Они требовали немедленной выдачи 10% военной надбавки к жалованью. Комитет по управлению «под страхом опасности угрожавшей жизни служащих и имуществу предприятия» дал письменное согласие на это. Но необходимой суммы у фирмы не было, хотя фактически она производила выплаты, прибегнув к займу. Руководство предприятия в этой ситуации полагалось на помощь Казанского совета солдатских и рабочих депутатов, и просило «принять со своей стороны какие либо меры к удержанию рабочих в границах законности»¹⁰⁸. Любопытно, что обязательство перед фабрично-рабочим комитетом о выдаче 10% надбавки к заработку от имени конторы было подписано родственниками владельцев торгово-промышленного общества – Валерианом и Леонидом Алафузовыми¹⁰⁹. Очевидно, в этой критической ситуации обязательства родственников предпринимателей Алафузовых вызывали больше доверия, нежели подпись Д.Н.Пулудиса.

Правление фирмы отказывалось постоянно повышать заработную плату рабочим, считая это нецелесообразным в условиях убыточного производства. Однако рабочие продолжали настаивать на повышении оплаты труда. Они ежемесячно возвращались к этому вопросу и периодически устраивали стачки. В июне кроме ткачих и прядильщиц, бастовали работники кожевенного завода, обмундировальных мастерских фирмы Алафузовых. 3 июня 1917 г. рабочие через фабрично-заводской комитет предъявили директору-распо-

¹⁰⁷ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.4. Л.60.

¹⁰⁸ Там же. Л.65.

¹⁰⁹ Там же. Л.74.

рядителю Н.Н.Алафузову очередное требование об увеличении заработной платы. Они просили установить дополнительную плату за сверхурочную работу. Но Николай Николаевич ответил, что ему необходимо посоветоваться с заведующими мастерскими, для чего нужно было не менее 3 дней. Рабочие не хотели ждать. Фабричный инспектор А.Бадюль связывал их неуступчивость с тем, что до этого удалось «путем угроз» добиться 50% прибавки к зарплате, а также 10% надбавки за весь военный период. При этом ни примирительные камеры, ни Совет рабочих и солдатских депутатов для многих рабочих не являлись авторитетными органами. Например, в этой сложной ситуации Н.Н.Алафузов обратился за помощью к Совету рабочих и солдатских депутатов, чтобы они «повлияли и успокоили рабочих». Представители Совета пришли в фабрично-заводской комплекс 5 июня. Однако внушения депутатов подействовали не на всех рабочих¹¹⁰.

Консолидированное движение пролетариев стало возможно благодаря постоянным собраниям и митингам, устраиваемым и в здании Алафузовского народного дома, и в саду этого театра. В них участвовали не только сами работники предприятия, но и посторонние агитаторы. Они рассказывали фабрично-заводским рабочим о невыгодности современного строя, о просчетах Временного правительства во внешней и внутренней политике. Казанский совет рабочих и солдатских депутатов планировал устройство школ грамоты при воинских частях, на заводах и фабриках г. Казани. Помимо обучения грамоте предполагалось вести в них и политические беседы¹¹¹. Значительную агитационную роль в трудовой сфере выполняли газеты «Рабочий», «Казанская рабочая газета», «Аваз», «Кзыл байрак» на русском и татарском языках. Этим внешним влиянием можно объяснить некоторые резолюции общих собраний рабочих фабрик и заводов торгово-промышленного общества Алафузовых, датируемых весной-летом 1917 г. Например, 27 апреля рабочие присоединились к документу о необходимости обнародования тайных договоров старого правительства с другими странами, возвращения политических эмигрантов, лишения пенсий министров старого режима, протестовали против вывода войск из Петрограда и против «Займа свободы»¹¹². Пожалуй, лишь последний пункт о несогласии с новым займом имел непосредственное отношение к среднестатистическому рабочему. Остальные требования скорее навязаны ему партийными

¹¹⁰ За власть советов... – С.162–163.

¹¹¹ Документы по истории Октября в Татарии (март 1917 – март 1918 г.). – Казань, 1973. – С.45.

¹¹² Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль – октябрь 1917 г.). Сб. документов и материалов. – Казань, 1957. – С.79.

деятелями, но мало были связаны с повседневными заботами фабрично-заводских работников.

Ситуация на Алафузовских предприятиях весной-летом 1917 г. оставалась напряженной. Фабрично-заводская администрация с трудом справлялась со стихией рабочего недовольства, помноженного на постоянные нарушения трудовой дисциплины. Иногда рабочие забастовки длились по 7–8 дней. Для производственного процесса это обернулось новыми убытками. Из-за простоя портитись некоторые материалы, например, кожи, мокрая пряжа и т.п. Предприятие не всегда успевало вовремя исполнить заказы по государственным контрактам. Такие задержки влекли за собой штрафные санкции¹¹³.

Свою агрессию рабочие направляли, прежде всего, на служащих. Например, 4 июля 1917 г. рабочие кожевенного завода схватили конторщика Н.Ф. Петрова и спустили его по лестнице, держа за ноги вниз головой. Служащий получил тяжелые травмы головы. Издеваясь над ним, рабочие вынесли Петрова на носилках за ворота фабрики. Этим фактом были очень возмущены в администрации фирмы. «Мы, служащие Алафузовских фабрик и заводов, не видя никакой вины за своим товарищем Н.Ф. Петровым, с чувством глубокой горечи за нарушенное святое право неприкосновенности личности, с чувством возмущения при признании тяжелого и незаслуженного насилия над нашим товарищем, всеми силами своими протестуем перед общественным мнением г. Казани против подобных деяний, допускаемых одними свободными гражданами над такими же другими свободными гражданами в свободной отныне России». Это письмо алафузовских служащих было опубликовано в «Казанской рабочей газете» и «Камско-Волжской речи». Авторы письма отмечали, что они такие же «люди труда, как остальные рабочие» и возмущались «бессмысленным насилием» в новой России, стране «свободных граждан»¹¹⁴. Обстоятельства этого дела оставались невыясненными и через месяц, 19 августа 1917 г. Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан МВД направил на имя казанского губернского комиссара сообщение о необходимости расследования данного дела и наказания виновных¹¹⁵.

Агрессивные настроения в обществе были вызваны и новой политикой Временного правительства в отношении военнообязанных. Было принято решение о пересмотре царских документов о военной мобилизации. Весной-летом 1917 г. действовали специ-

¹¹³ Там же. – С.217.

¹¹⁴ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.176.

¹¹⁵ Там же. Л.170.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

альные комиссии по проверке военнообязанных рабочих и служащих. В них участвовали делегаты от рабочих, служащих, солдат. Подвергались проверке и работники фирмы Алафузовых, часть из них была отпущена на военную службу. Сократили служащих обмундировальных мастерских, поскольку производительность предприятия значительно снизилась¹¹⁶.

В июле 1917 г. был призван в армию и рабочий сапожной мастерской Алафузовых, председатель фабрично-рабочего комитета А.А. Константинов. По его мнению, основными возмутителями тылового порядка были так называемые «крестовики», вернувшиеся с фронта раненные солдаты, очень часто награжденные Георгиевскими крестами. Отсюда и их прозвища. «Вот эти крестовики потребовали от горсовета снятия с учета военнообязанных с фабрик и заводов, работающих на оборону, – вспоминал Константинов. – Причем они ставили вопрос перед Горсоветом так, что если люди не будут сняты с учета с заводов, тогда мы мол сами пойдем и будем выковыривать штыками людей с заводов состоящих на военном учете. Это положение создало очень нехорошие настроение на заводах потому, что рабочие узнали о том, что их собираются ковырять штыками с заводов»¹¹⁷. Вернулся А.А. Константинов в начале февраля 1918 г.

Постоянные мобилизации, призыв в армию даже «белобилетников», вызывали негодование в обществе, росло недовольство населения. Ухудшалась и экономическая ситуация. На этом фоне практически не прекращались забастовки рабочих. 22 июля 1917 г. казанский губернский комиссар Чернышев доложил о критической ситуации на Алафузовских фабриках и заводах в Министерство внутренних дел. Фирма в это время, по его словам, переживала «высшее финансовое напряжение», обусловленное высокими заработками рабочих и очень низкой производительностью их труда. На предприятии не было дисциплины. Администрация просила содействия губернского комиссара в восстановлении рабочего порядка на заводах и фабриках. Чернышев в свою очередь обратился в рабочую секцию Казанского Совета солдатских и рабочих депутатов с просьбой выработать собственные меры в этих условиях¹¹⁸.

Обстановка в промышленном предприятии отражала общее положение в стране. Нарушение трудовой дисциплины было связано не только с материальными претензиями рабочих¹¹⁹. Среди насе-

¹¹⁶ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.7. Л.1-21.

¹¹⁷ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1565. Л.10.

¹¹⁸ Документы по истории Октября в Татарии (март 1917 – март 1918 г.). – Казань, 1973. – С.80.

¹¹⁹ Рабочие, постоянно требовавшие повышения заработной платы и протестовавшие против займов, умудрялись в этот период собирать деньги в пользу

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

ления наблюдался рост агрессивных настроений, увеличилось количество преступлений, различных нападений. Объявление политической амнистии и досрочное освобождение некоторых заключенных способствовало дальнейшей деструктуризации общества. Дезертиры, сбежавшие военнопленные и другие маргинальные группы создавали опасные ситуации. Возник феномен «человека с ружьем». В канцелярию казанского губернского комиссара Временного правительства поступали прошения от разных лиц о разрешении им хранения и ношения оружия. Люди объясняли это необходимостью самообороны¹²⁰.

Лето 1917 года казанцам запомнилось взрывами артиллерийских складов Порохового завода и вспыхнувшим пожаром, который начался 14 августа. Уже на следующий день в городе было объявлено военное положение. Казанский пороховой завод находился недалеко от Ягодной слободы, где размещались основные предприятия торгово-промышленного общества Алафузовых. Поэтому фабрично-заводской комплекс пострадал от взрыва довольно серьезно. Не было практически ни одного здания или помещения без повреждений. Пришлось переложить даже асфальтные полы в некоторых местах¹²¹. «Благодаря энергичным мерам, принятым инженером В.Н.Щеголевым, удалось отстоять запасы топлива (около 300 000 пудов нефти и дров)», – сообщал казанский фабричный инспектор 19 августа в Министерство труда. С его же слов, значительных повреждений фабричных зданий от снарядов не наблюдалось, он упоминал лишь выбитые стекла и оконные рамы¹²².

Между тем, повреждения получили жилые помещения рабочих, деревянная фабрично-заводская мечеть. Во многих зданиях нужно было заменить оконные переплеты, двери, вставить стекла, исправить потолки, отремонтировать пробитые железные крыши, кровли, разобрать и вновь сложить дымовые трубы, побелить, покрасить стены, потолки, карнизы и т.п. Исправительных работ было довольно много. 2-х этажное каменное здание Образовательного дома на Архангельской улице тоже подлежало ремонту. В целом, только на восстановление Алафузовского образовательного дома требовалось 16 891 руб. 84 коп.¹²³ Всего было составлено 49 смет. Общая стоимость ремонтных работ была оценена в 153 368 руб. 71 коп.¹²⁴

бастующих московских рабочих (Казанская рабочая газета. – 1917. – 26 сентября. – №134).

¹²⁰ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.159. Л.11.

¹²¹ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.9.

¹²² Документы по истории Октября в Татарии (март 1917 – март 1918 г.). – Казань, 1973. – С.85.

¹²³ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.9. Л.39–40.

¹²⁴ Там же. Л.73об.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

После взрывов нормальный рабочий режим на фабрично-заводском дворе был возобновлен 21 августа 1917 г. В этот период помимо заказов Военного ведомства и Земгора предприятие работало и на частный рынок. Например, кроме казенной обуви изготавливалась мужская, женская и детская обувь разных размеров для розничной продажи. Для этого в Казани имелись две торговые лавки. Продолжалась выработка пряжи и ниток, тканей, кожи, упряжи, амунических вещей и обмундирования¹²⁵. По-прежнему предприятие работало на нужды армии, ведь война требовала все новых вложений и жертв.

В сентябре 1917 года забастовали 80 женщин. Все они трудились на мокрых ватерах льнопрядильно-ткацкой фабрики. Они требовали увеличения заработной платы на 20–25%. Интересно, что мужчины, работавшие в том же отделе, из-за боязни потерять отсрочку от призыва, не стали прекращать работу, и не присоединились к забастовке. Логичным разрешением рабочего протеста могло бы стать очередное повышение жалованья, однако казанские доверенные фирмы Алафузова не имели на это право. Поэтому каждый раз при таких случаях им приходилось связываться с головной организацией предприятия в Петрограде. С учетом плохой работы различных коммуникаций в этот период вся процедура занимала определенное время, вопрос невозможно было разрешить в короткие сроки¹²⁶.

Более того забастовочное движение на других предприятиях, а также организованные профсоюзами, приводили к тому, что выходили из строя коммуникации во всем городе. Например, 5 октября 1917 года в Казани забастовали так называемые рабочие-металлисты, обслуживающие электрические сети. В результате, без света остался ряд предприятий (в том числе Алафузовых), театры, кинематографы, рестораны, кафе, богатые частные дома, остановились трамваи. Профессиональный союз металлистов «Единение» требовал от предпринимателей-работодателей заключения с рабочими коллективного договора, хотела лишить их права на увольнение сотрудника. Забастовка длилась не менее 5 дней. По некоторым данным, в этот период из-за отсутствия освещения на предприятиях Алафузовых приостановили работу 12 000 рабочих¹²⁷.

Казанская администрация фирмы Алафузовых в это время ожидала приезда директора-распорядителя Николая Николаевича

¹²⁵ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.11. Л.1.

¹²⁶ Казанская губерния в период Первой мировой войны: сб. документов и материалов. – Казань, 2014. – С.134.

¹²⁷ Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль – октябрь 1917 г.). Сб. документов и материалов. – Казань: Таткнигоиздат, 1957. – С.382–384.

Алафузова. Молодой представитель знаменитой фамилии управление семейным делом взял в свои руки в годы Первой мировой войны. По любым вопросам доверенные лица на местах обращались к нему. Он же решал самый актуальный вопрос военно-революционного периода – о прибавке к жалованью. На очередную телеграмму Д.Н.Пулудиса о требовании рабочих повысить расценки, Н.Н.Алафузов 16 октября 1917 г. ответил, что Правление далее не может увеличить размер заработной платы. При постоянном повышении цен он считал это бессмысленным занятием, поэтому предлагал рабочим немного другие варианты социальной защиты. Н.Н.Алафузов считал более целесообразным обеспечить работникам фирмы продажу продуктов и предметов первой необходимости по стабильным ценам.

Кроме того, еще до октябрьских событий 1917 года фирма собиралась перенести свое Правление из Петрограда в Казань. По документам не удалось проследить, чем было мотивировано такое решение. Именно в Казани в этот период были сконцентрированы основные промышленные предприятия фирмы. Возможно, из-за ухудшения работы различных коммуникаций, невозможности поддерживать оперативную связь с филиалами по телеграфу, руководство фирмы хотело быть ближе к предприятиям, в том числе находящимся в Уфимской и Пермской губерниях. Поэтому местом правления торгово-промышленного общества Алафузовских фабрик и заводов осенью 1917 г. была избрана Казань¹²⁸.

Однако до новой смены власти директор-распорядитель фирмы так и не успел приехать в губернский город. В отличие от февральской революции октябрьские события в Казани были отмечены военными столкновениями. Активное участие в них принимали и рабочие, в том числе из предприятий Алафузовых. На улицах города устраивались баррикады, происходило вооружение гражданского населения. Часть боеприпасов повстанцы брали из оружейных складов Порохового завода. Действиями алафузовских рабочих руководил И.Гладилев¹²⁹. 24 октября 1917 г. командующий войсками Казанского военного округа, полковник Архипов ввел в Казани и прилегающих к городу слободах военное положение, «вследствие крайне возбужденного состояния частей Казанского гарнизона»¹³⁰.

¹²⁸ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.1. Л.75.

¹²⁹ Тагиров И. В борьбе за власть Советов (октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале, июль 1917 – март 1918 г.). – Казань, 1977. – С.86.

¹³⁰ Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль – октябрь 1917 г.). Сб. документов и материалов. – Казань, 1957. – С.427.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Рабочие в общей сложности не работали три дня, станки и машины бездействовали 24–26 октября¹³¹. Временное правительство сложило свои полномочия, власть перешла к Советам. «Выехать Казань в скором времени не имею возможности, надеюсь на Ваше благоразумие. В ноябре вопрос о прибавке будет разрешен. Алафузов». Телеграмму такого содержания направил на имя казанских служащих 28 октября 1917 г. директор-распорядитель фирмы Н.Н.Алафузов¹³².

Произошедшая смена власти в стране поначалу мало отразилась на функционировании предприятия. Состав руководства акционерным обществом сохранился, директором-распорядителем оставался Н.Н.Алафузов, делами казанских предприятий управлял Д.Н.Пулудис. На заводах других губерний также все оставалось по-прежнему.

Николай Николаевич Алафузов после октябрьских событий 1917 года отложил свою поездку в Казань, да и обещанный переезд Правления из Петрограда в центр Казанской губернии не состоялся. Директор-распорядитель фирмы Н.Н.Алафузов уехал из Петрограда в Ставрополь и осуществлял контроль над филиалами оттуда. Если легитимность власти Временного комитета Государственной думы была признана практически сразу же, то в случае с Советами представители буржуазии не спешили принять очередную смену власти. Поэтому на активное внедрение рабочего контроля на предприятиях, инициированных фабрично-заводскими комитетами, директор-распорядитель отреагировал отрицательно. «Не установленного законом контроля мы признавать не можем», – заявил Н.Н.Алафузов в своей телеграмме, отправленной в Казань 16 ноября 1917 г.¹³³

Между тем, рабочие предприятия развернули бурную деятельность, они собирались контролировать производственный процесс и финансовые дела фирмы. Служащие держались обособленно, в стороне от этой инициативной группы. Руководством к их действиям послужило предупреждение Д.Н.Пулудиса о противозаконном характере поведения рабочих, он призывал дожидаться созыва Учредительного собрания и окончательного решения вопроса о рабочем контроле. Против введения контроля рабочих на предприятиях выступало и Петроградское общество фабрикантов и заводчиков. Н.И.Алафузов и его сын Н.Н.Алафузов являлись членами этого общества.

¹³¹ Тагиров И. Указ. соч.

¹³² НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.1. Л.40.

¹³³ Назипова К.А. Национализация промышленности в Татарии (1917–1921). – М., 1976. – С.54.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Некоторые служащие предприятия старались оценить сложившуюся ситуацию с рациональной точки зрения. Например, инженер казанских предприятий Алафузовых Н.Ф.Зеленин считал, что необходимо сохранить преемственность форм экономической жизни: организации промышленности и управляющего ею аппарата. Отмена коммерческой тайны, по его мнению, в данный период вряд ли могла дать положительные результаты, а отсутствие частной инициативы и предприимчивости – важнейшего элемента в хозяйственной деятельности – тяжело отразится на всем государственном организме. Н.Ф.Зеленин предупреждал рабочих о том, что закупка сырья для фабрик требует огромного опыта и не может производиться случайными организациями. Поэтому к одностороннему рабочему контролю инженер относился скептически. Он считал, что контроль должен быть государственным¹³⁴. К слову, в 1918 г. Н.Ф.Зеленин работал уже директором фабрики¹³⁵.

Но рабочие придерживались иного мнения. Основным их требованием оставалось повышение заработной платы. Передача власти из рук Временного правительства в Советы ничего не изменило в их материальном положении. Денег по-прежнему не хватало. Между тем, контрактные расценки на изготовление продукции оставались довоенными, некоторые направления деятельности вовсе сворачивались из-за отсутствия заказов. В этих условиях, очередное повышение заработной платы руководству фирмы представлялось нецелесообразным. Осложнялась ситуация и тем, что директор-распорядитель находился в Ставрополе, телеграммы шли неделями или пропадали в пути. Поэтому требования рабочих, перенаправленные казанским управляющим Д.Н.Пулудисом в Ставрополь, долго оставались без ответа. Еще в конце сентября 1917 г. рабочие требовали увеличить расценки на изготовление продукции на 50%. Однако телеграмма об этом так и не дошла до Н.Н.Алафузова. В итоге, не дождавшись ответа, 31 октября рабочие отправили в Ставрополь делегацию, в ее состав вошли Гладилов, Зеленский и Ибатуллин. Они ездили в Ставрополь за счет предприятия, встретились там с директором-распорядителем фирмы и привезли инструкцию о прибавке. Н.Н.Алафузов в этом документе писал о том, что уже с 20 октября 1917 г. фактически сделана прибавка к заработку в размере 40%. Настоящие же требования рабочих ему показались неразумными, «ни одна отрасль нашего производства, при существующих подрядных ценах на изделия, выдержать не может», – писал он. Повышая заработную плату, фирма должна была за каждое изделие доплачивать от 1 до 50 рублей.

¹³⁴ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.1. Л.50 об.

¹³⁵ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2693. Л.1.

По расчету Николая Николаевича выходило, что зарплата рабочих фактически увеличена на 50–60%. Сюда он включил 40% октябрьской прибавки, плюс 10% военную надбавку, удержание твердых цен на продукты и предметы первой необходимости в фабрично-заводской лавке. Таким образом, поездка казанской делегации в Ставрополь дала рабочим лишь юридическое подтверждение существующей по факту прибавки к зарплате¹³⁶. Рабочие, конечно же, надеялись еще больше повысить расценки на изготовление продукции. В ноябре 1917 г. управляющим делами Алафузовских фабрик и заводов Д.Н.Пулудисом дело было передано в Казанскую Центральную примирительную камеру, ибо так и не удалось добиться компромисса между владельцами фирмы и рабочими.

Были недовольны своим жалованьем и служащие. Некоторые из них, желая получить прибавку к жалованью, делали вид, будто собираются уволняться. Администрация каждый вопрос рассматривала в индивидуальном порядке и делала прибавку к жалованью ценного сотрудника. Отсутствие солидарности среди служащих особенно беспокоило некоторых из них, они хотели добиться желаемого от руководства фирмы общими усилиями¹³⁷. В начале декабря 1917 г. служащие казанских предприятий, в числе 138 человек, на своем собрании подписали акт о необходимости прибавки к заработной плате. Доверенный Д.Н. Пулудис убедительно просил их не прибегать к такой крайней мере как забастовка и надеялся разрешить вопрос путем переговоров с директором-распорядителем¹³⁸.

В этот период на предприятии наблюдалось двоевластие. С одной стороны старый аппарат служащих старался поддерживать производственный процесс, финансовые дела в прежнем режиме, избегая явных убытков. В Казани управление над администрацией и производственным процессом предприятий продолжал мужественно нести доверенный фирмы Д.Н.Пулудис. По его словам, среди служащих в это время некоторые с неохотой выполняли свои обязанности, он их охарактеризовал как людей «двойственных», «провокаторов». «Но пока я состою управляющим, прекращения производства допущено не будет», – заявлял Д.Н.Пулудис¹³⁹. С другой стороны, действовал фабрично-рабочий комитет, который все больше расширял свои полномочия и практически не подчинялся управлению.

Например, в декабре 1917 г. Пулудис обратился в фабрично-рабочий комитет с просьбой ограничить развлекательные меро-

¹³⁶ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.11. Л.30, 34–35.

¹³⁷ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.1. Л.40.

¹³⁸ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.13. Л.2.

¹³⁹ Там же.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

приятия в Алафузовском образовательном доме, т.к. из-за постоянных вечерних спектаклей и ночных танцев в предприятии практически не оставались запасы топлива. «В театре продолжают спектакли дольше 11 часов вечера, а после устраиваются танцы до 2–3 часов ночи, я неоднократно просил Комитет о недопустимости подобных явлений и поверьте мне это не мой каприз, а лишь исключительное и катастрофическое положение с топливом, – писал Д.Н.Пулудис, ориентируясь на слова старшего механика Л.Хрщоновича. – Мы должны каждый фунт нефти беречь как зеницу ока, ибо, повторяю, мы топливом не обеспечены и не по причине несвоевременной заботливости, а благодаря общему недостатку топлива по всему государству». Доверенный фирмы просил проводить развлекательные мероприятия максимум до 11 часов вечера, а ночные танцы вовсе прекратить¹⁴⁰. Но его никто не слушал.

Вероятно, с помощью таких развлечений и публичного веселья работники пытались забыть о насущных проблемах, отвлечься от тревожной, нестабильной атмосферы вокруг, сопряженной политическими переменами, экономической разрухой, социальными волнениями.

Представители фабрично-рабочего комитета продолжали вмешиваться в кадровую политику предприятия, по своему усмотрению пытались переместить или даже уволить неугодных служащих. Администрация не всегда мирилась с их решением¹⁴¹. Но иногда по инициативе рабочих все же удавалось уволить некоторых служащих. В конце марта 1918 г. был рассчитан служащий С.И.Бурмакин – представитель уважаемой династии фабричных служащих. Его отец И.А.Бурмакин проработал на прядильной фабрике больше 50 лет. Бурмакина-младшего из фабрики уволили за вторичный отказ от перевода в мастерскую частной обуви¹⁴².

Несмотря на недовольство размером жалованья и рабочие, и служащие дорожили своими должностями. Поэтому самовольное увольнение некоторых служащих фабрично-рабочим комитетом стало одним из факторов для объединения служащих с рабочими в один комитет. До этого, по настоянию руководства фирмы, служащие старались держаться обособленно и не вступали в диалог с рабочими самоорганизациями. Тем временем фабрично-рабочему комитету для осуществления нормального контроля над предприятием требовались квалифицированные специалисты из числа служащих. Им нужны были техники, счетоводы. 15 января 1918 г. Алафузовский фабрично-рабочий комитет в очередной раз обра-

¹⁴⁰ НА РТ. Ф.1153. Оп.1. Д.509. Л.9.

¹⁴¹ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.1. Л.103об.-104.

¹⁴² НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.1. Л.78.

тился к служащим с просьбой выделить из своей среды нужных специалистов для осуществления местного контроля. «Мы обращаемся к Вам последний раз», – предупреждали рабочие¹⁴³.

В результате, на собрании служащих 18 января принимается решение о слиянии комитета служащих с рабочим комитетом по всем вопросам фабрично-заводской жизни. До этого фабрично-рабочим комитетом были уволены со службы служащие Кожевников и Чуенков. Первого уволили из-за его материального достатка (владел недвижимостью), второго за «словесное противодействие проведению в жизнь рабочего контроля над производством». Были случаи увольнения, перемещения и других работников. Комитет служащих беспокоил тот факт, что все эти кадровые решения принимались без их участия. Поэтому служащие приняли решение вступить в действующую фабрично-заводскую самоорганизацию, пусть с доминированием рабочих, отказавшись от своей корпоративной самостоятельности¹⁴⁴.

Система рабочего контроля, несмотря на протесты управляющих, внедрялась на всех предприятиях торгово-промышленного общества Алафузовских фабрик и заводов. Везде был нарушен прежний режим работы, собрания проходили в рабочее время, отсутствующие рабочие получали заработную плату наравне со всеми. Проводилась порой абсолютно неадекватная кадровая политика, несогласованная с основным руководством фирмы. Фабрично-рабочему контролю сопротивлялась не только администрация и специалисты фирмы, но порой мелкие служащие и сами рабочие. Поэтому членам контрольных комитетов иногда приходилось довольно тяжело, они подвергались насилию, над ними издевались и смеялись. Например, 14 марта 1918 г. казанский контролер М.А.Макаровский не обнаружил на месте заводских лошадей и решил сообщить руководству фирмы о безответственности приказчика С.Г.Лопухова. Однако толпа рабочих почти полчаса не пускала его в контору, ему ставили подножки, сталкивали с лестницы. Все это происходило из-за подстрекательства Лопухова. После выяснения всех обстоятельств дела, приказчик был уволен «за постоянное пьянство и замеченные неправильные записи, работающих поденно лошадей, а также за плохое наблюдение за этими подводами»¹⁴⁵.

Моральная обстановка в фабрично-заводском пространстве в это время была не самой благополучной. Рабочие выплескивали свой гнев на служащих, не стесняясь в выражениях и действиях. В центре такого конфликта оказался и Леонид Иванович Алафузов,

¹⁴³ Там же. Л.35.

¹⁴⁴ Там же. Л.29.

¹⁴⁵ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.1. Л.77, 79.

родной брат основателя фирмы. В 1918 г. он продолжал жить в Ягодной слободе, входил в управление торгово-промышленного общества Алафузовских фабрик и заводов в Казани. Рабочий депутат Власов явился к нему домой, когда Алафузова не было дома, и устроил скандал. Достал револьвер, напугал кучера, кухарку и их близких. Кучеру запретил ехать за Алафузовым (он в это время находился в городе) и вообще прислуживать в его хозяйстве. Леонид Иванович проживал в фабрично-заводском жилом помещении. Депутат Власов решил ограничить его поездки и дал приказ выдавать лошадь только один раз в неделю, для закупки провизии. «Одним словом он из себя начал изображать заведующего домом, а не депутатом от рабочих, ведению которого дом не подлежит и не подлежит распоряжение лошадьми и людьми. Если он как депутат является для проверки караула, то во всяком случае делать это в нетрезвом виде не следовало бы», – возмущался Л.И.Алафузов¹⁴⁶.

В целом, политика новоявленной власти на прекращение войны и подписание сепаратного мира в марте 1918 г. обернулась и для рабочих, и для служащих торгово-промышленного комплекса Алафузовых массовым сокращением рабочих мест. Отсутствовали как новые заказы, так и сырье для изготовления продукции. Транспортное сообщение в стране работало с перебоями, поэтому связь между различными регионами поддерживалась с большим трудом. Не работала банковская система, выдача заработной платы рабочим задерживалась из-за отсутствия наличных средств. Например, в декабре 1917 г. Правление общества Алафузовских фабрик и заводов хотело перевести из Петрограда в Казань 500 000 рублей. Вероятно, это было связано и с вопросом об оплате труда рабочих, и с планами перевода Правления из столицы в Поволжье. Однако представители рабочего контроля усмотрели в этом другой подтекст. Фабзавком обратился к народному комиссару труда с просьбой воспрепятствовать данной финансовой операции¹⁴⁷. Все эти факторы вкпе с изношенностью машинного оборудования вынуждало переходить из двухсменной работы на одну смену, в крайних случаях закрывать отделения и мастерские.

Уже в начале 1918 г. в Казани закрылись сбруйная, сыромятно-раскройная, юфтовая и три обмундировальные мастерские. Сократился объем работы в химической мастерской. При этом руководство обнадеживало рабочих тем, что в скором времени должны освободиться с работы 250 военнопленных и на вакантные места администрация надеялась взять на работу часть уволенных работ-

¹⁴⁶ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.1. Л.85.

¹⁴⁷ Назипова К.А. Национализация промышленности в Татарии (1917–1921). – М.: Наука, 1976. – С.80–81.

ников мастерских. Работниц, так называемых «машинисток», занимающихся ранее пошивом шинелей, руководство приглашало приступить к пошиву рукавиц¹⁴⁸. Таким образом, в это время менялась специализация предприятия, процесс перепрофилирования с военных рельсов на мирное производство проходил болезненно, с кадровыми потерями. Неожиданные гражданские заказы могли вернуть обратно уволенных рабочих¹⁴⁹.

Наряду с массовым сокращением рабочих мест, лишались своих должностей и служащие. Их увольнения были напрямую связаны с новой социальной политикой государства. В рамках так называемой «разгрузки предприятий», работающих прежде на оборону, подлежали увольнению служащие, имеющие дополнительные источники дохода. Эта могла быть недвижимость, работа других членов семьи и т.п. обстоятельства. К материально обеспеченным относились и те служащие, которые имели «непосредственную связь с деревней». Анкетный лист включал следующие вопросы: возраст, семейное положение, кто в семье еще работает, есть ли недвижимое имущество. Такие списки начали составляться в марте 1918 г.¹⁵⁰ В мае 1918 г. из казанских предприятий Алафузовых демобилизационной комиссией было уволено 38 служащих¹⁵¹.

В то же время с фронта в этот период возвращались бывшие работники Алафузовских предприятий, многие из них намеревались вновь поступить на завод или фабрику. Наиболее квалифицированных, действительно, брали на службу. Так в 1918 г. были приняты возвратившиеся с фронта «коренные служащие» Цыцын и Назаревский¹⁵².

Несмотря на нестабильную обстановку некоторые сотрудники фирмы были настроены вполне оптимистично: они искали новые пути расширения спектра производственной деятельности, привлекали новых поставщиков сырья, выходили на новые рынки сбыта, решали кадровые вопросы. Например, в письме от 19 февраля 1918 г., адресованном в Ставрополь на имя Н.Н.Алафузова, сотрудник фирмы Алексей Малков сообщал о том, что он приобрел в Яранске лен и кудель.¹⁵³ Вопрос с поставками был очень актуальным. В условиях постоянного роста цен невозможно было купить товар в рассрочку. Старые договоренности, как правило, не соблюдались. Своевременность поставок нарушалась и из-за расстройств транспортного сообщения. При этом технологии изготов-

¹⁴⁸ НА РТ. Ф.1153. Оп.1. Д.509. Л.2–3, 6–8.

¹⁴⁹ Там же. Л.11.

¹⁵⁰ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.13. Л.36.

¹⁵¹ Там же. Л.61.

¹⁵² Там же. Л.46.

¹⁵³ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д. 10. Л.25–26.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

ления тех или иных материалов требовали порой применения сырья разных сортов, не всегда приобретаемых у одних лиц. Но рабочие не хотели вникать в тонкости технологии производства. Для них важным был не результат работы, а скорее сам процесс и получение заработной платы пусть даже за некачественную продукцию. Например, в апреле 1918 г., несмотря на сопротивление мастеров и служащих, казанские ткачи возобновили работу цехов, хотя для производства в тот момент не было нужной пряжи. В советской литературе этот факт интерпретировался как саботаж старых служащих¹⁵⁴.

В середине февраля 1918 г. Н.Н. Алафузов выехал из Ставрополя в Казань. Сразу после приезда директора-распорядителя, рабочие и служащие казанских предприятий напомнили ему об обещанном осенью 1917 г. повышении заработной платы. В счет этой прибавки управляющий Д.Н.Пулудис уже выдавал служащим авансы. Вопрос о повышении, в особенности служащим, оставался по-прежнему неразрешенным даже в конце марта 1918 г. Н.Н.Алафузов отказался принимать участие в общем собрании служащих и предпочитал разговаривать лишь с делегатами от них. Вероятно, отказ Николай Николаевича выступать на общих собраниях был связан и с его опытом публичных выступлений 1905 г. Он мог проводить аналогии с революционными событиями десятилетней давности. В тот период он активно выступал на рабочих митингах, однако его выступления не имели должного воздействия¹⁵⁵.

В 1918 г. в ходе встречи Н.Н.Алафузов заявил представителям служащих о том, что их авансы необходимо считать добавочными суммами. При этом директор-распорядитель собирался повышать ставки с 1 января 1918 г. в индивидуальном режиме, но с условием, что служащие откажутся от коллективного договора¹⁵⁶. Этот документ обозначал конкретные ставки по каждой должности, а на предприятии до этого был принят личностный подход. Жалованье служащего зависело как от его профессиональных качеств, так и личных, учитывалась выслуга лет, приближенность к руководству и прочие факторы. Такой же принцип оценки специалистов поддерживался и Обществом фабрикантов и заводчиков. В итоге договоренность по этому вопросу так и не была достигнута.

К весне 1918 г. предприятия Алафузовых были истощены и финансово, и технически. Вероятно, из-за закрытия мастерских и нехватки средств администрация распорядилась распродавать

¹⁵⁴ Анисимов Н.Г. Казанский льнокомбинат. 1860–1960. – Казань, 1960. – С.120.

¹⁵⁵ Лившиц С. Казань в годы первой революции (1905–1907 гг.). – Казань, 1930. – С.112.

¹⁵⁶ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.13. Л.33, 50, 52.

часть швейных машин предприятия¹⁵⁷. Контрольная комиссия фабрично-рабочего комитета Алафузовских фабрик и заводов в Казани в феврале 1918 г. выступила с инициативой о необходимости выделения правительственной ссуды в размере 5 млн. рублей. С этой целью комитет собирался направить в столицу особую делегацию¹⁵⁸. Однако проект не был реализован.

По заявлению Д.Н.Пулудиса в начале июня 1918 г. фирма находилась в катастрофическом положении: финансы практически отсутствовали, а для производства не было сырья. Фирма удовлетворяла лишь минимальные денежные запросы рабочих и служащих, кроме того она обеспечивала всех работников дешевой мукой. По мнению доверенного, такая политика вела к разорению предприятия¹⁵⁹. В конце концов, плачевность положения фирмы признали и представители рабочего контроля. 12 мая 1918 г. контрольная комиссия Алафузовских предприятий обратилась с воззванием к рабочим и служащим, где призывала к трудовой дисциплине. В этом документе государственные субсидии рассматривались уже как тупиковый путь развития производства. «Можно получить ссуду раз, но это не спасение дела, главное – нужна самостоятельность и энергичная работа», – говорилось в обращении¹⁶⁰.

Уже в следующем месяце, 28 июня 1918 г. В.И. Лениным был подписан декрет о национализации крупной промышленности и частных железных дорог. Согласно этому документу все предприятия фирмы Алафузовых объявлялись народной собственностью¹⁶¹. Казанские отделения торгово-промышленного общества Алафузовых выделялись своей производственной мощью, развитой технической базой. На момент национализации в предприятии насчитывалось более 8,5 тысяч различного оборудования, в том числе станков, машин и других механизмов. Только швейных машин имелось 1539 шт.¹⁶² Опись имущества проводилась уже в начале 1919 г. Возможно, в дореволюционный период их было еще больше. Часть оборудования могла быть растащена служащими и рабочими, перепродана и т.д.

Фактически процесс национализации начался уже в 1917 г., с создания фабрично-рабочих комитетов. С этого времени постепенно урезались полномочия управляющего персонала фирмы, навя-

¹⁵⁷ Назипова К.А. Национализация промышленности в Татарии (1917–1921 гг.). – М., 1976. – С.78.

¹⁵⁸ Там же. – С.83.

¹⁵⁹ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.1. Л.94.

¹⁶⁰ Назипова К.А. Указ. соч. – С.86.

¹⁶¹ Анисимов Н.Г. Казанский льнокомбинат. 1860–1960. – Казань, 1960. – С.125.

¹⁶² НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.52. Л.31–57. Подсчитано автором.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

зывались отдельные решения по кадровым, производственным и, самое главное, финансовым вопросам. В ноябре 1917 г. была произведена экспроприация денежных средств Госбанка и частных финансовых структур, в январе 1918 г. были аннулированы все акции ценных бумаг¹⁶³. Все эти действия ограничивали возможности владельцев фирмы.

Разразившаяся Гражданская война ускорила развал торгово-промышленного комплекса Алафузовых. Вместе с отходом белых Казань покинули многие старые служащие фирмы, а также директор-распорядитель Н.Н.Алафузов. По некоторым данным, в числе служащих, поддержавших бывшее руководство предприятия, были А.Д.Стахеев, Д.Н.Пулудис, Н.Ф.Зеленин, Д.Н.Шипков, Д.Г.Винокуров, В.Г.Анисимов, И.М.Рылов и другие¹⁶⁴. Промышленные объекты в этот период практически не функционировали. С июля 1918 г. не работала прядильно-ткацкая фабрика – основное предприятие комплекса.

С лета 1918 г. во главе Алафузовской империи в Казани стояло коллегиальное управление из 9 человек под председательством бывшего рабочего Александра Антроповича Константинова¹⁶⁵. Символично, что управляющий Алафузовскими предприятиями Д.Н.Пулудис, во время пребывания белых в Казани, практически спас жизнь будущему управляющему, рабочему А.А.Константинову. После занятия Казани войсками КОМУЧа, Константинов отступил вместе с остальными за пределы города. Однако через неделю вернулся обратно. Две недели отсиживался дома, в ожидании ареста. В итоге, решил сходить на фабрику и зашел к управляющему. «Когда пришел к Пулудису, последний меня спросил, сколько у меня детей, – вспоминал в советское время А.А. Константинов. – «Двое ребят и жена» – тогда Пулудис стал говорить, чтобы я не показывался на фабрике, иначе мне угрожает серьезная опасность и даже рекомендовал не находиться в квартире, а где-нибудь скрываться. На заданный ему вопрос, «в чем же дело? – он мне ответил, что нас ищет власть чехов; видя его откровенность, я попытался расспросить его, что может нас ожидать: «Могут расстрелять». Константинов поблагодарил Пулудиса за откровенность. Следуя его предупреждению, он некоторое время продолжал скрываться¹⁶⁶. После отступления белых, именно Константинов возглавил предприятие.

В конце 1918 г. в коллегиальное управление входил бывший доверенный, бухгалтер А.Д.Стахеев, а также один из представите-

¹⁶³ История татар с древнейших времен в семи томах. – Т.7. – Казань, 2013. – С.282.

¹⁶⁴ Анисимов Н.Г. Указ. соч. – С.136.

¹⁶⁵ НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.52. Л.40б.

¹⁶⁶ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1565. Л.24–25.

лей Алафузовых. К сожалению, в документах не фиксировались инициалы этого человека. Возможно, это был Леонид Иванович Алафузов. Судя по всему, Стахеев вернулся обратно. После некоторых колебаний, остался в Казани и механик Л.Л. Хрщонович предприятия. Вместе с И.А. Бурмакиным они вновь запускали прядильную фабрику¹⁶⁷. Таким образом, у истоков зарождающегося советского предприятия стояли старые служащие. Льнопрядильная и ткацкая фабрики в Казани стала базой Казанского льнокомбината им. В.И. Ленина.

Революция 1917 г., в призме трудового коллектива Алафузовых, во многом была повторением революции 1905–1907 гг.¹⁶⁸ Продолжали звучать те же экономические требования, рабочие также были недовольны своими мастерами и другими служащими. Но теперь рабочие могли их уволить за «грубое обращение». В этом противостоянии третья сторона в лице директора-распорядителя фирмы практически заняла нейтральное положение, и почти весь 1917 год не участвовала в управлении предприятием. При этом восприятие «хозяина» торгово-промышленного общества рабочими долгое время было сродни образу справедливого царя в народе.

История промышленной империи Алафузовых является наглядным примером отсутствия консенсуса в разноликом обществе, где каждый, начиная от владельца фирмы до простого рабочего, преследовал собственные интересы, почти полностью отсутствовали корпоративная культура и солидарность, не было уважения личности. Все эти моменты сопутствовали социальной катастрофе 1917 года и определили крах существующей системы.

2.3. «Эти нижние чины не знают даже для чего они призваны на службу...»: Казанский гарнизон в 1917 г.

К 1 февраля 1917 г. численность призванных на воинскую службу подданных Российской империи составила 14,3 миллиона человек, а к 1 марта 1917 г. эта цифра достигла 14,9 миллионов. По разным данным, всего за годы Первой мировой войны в армию было призвано от 15,1 до 15,8 миллионов военнослужащих. Всего к сентябрю 1917 г. в действующей армии находилось около 7 миллионов человек, с различными тыловыми службами – около 9 миллионов, во внутренних округах – около 1,8 миллионов¹⁶⁹.

¹⁶⁷ НА РТ. Ф.94. Оп.2. Д.437. Л.25, 65.

¹⁶⁸ Подробнее см.: Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х т. – Т.1. 1905–1907 гг. – Казань, 2016. – С.82–105.

¹⁶⁹ Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). – М., 1925. – С.4, 17–19, 100.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Казанский военный округ являлся одним из крупнейших в стране. Его общая площадь составляла почти 2 миллиона квадратных верст, населения – около 25 миллионов человек. На 1 января 1917 г. войска Казанского военного округа дислоцировались в 98 населенных пунктах. Крупные гарнизоны располагались в городах Казань, Самара, Екатеринбург, Царицын. В Поволжье находилось 60 гарнизонов, в состав которых входили 53 запасных пехотных, 4 артиллерийских и 2 пулеметных полка, 1 казачье войско, 8 отдельных казачьих сотен, 3 полка кавалерийского запаса, 9 дружин ополчения, а также десятки других военных учреждений; в их составе находилось свыше 500 тысяч солдат и офицеров (около 70% личного состава округа). На Урале размещались 38 гарнизонов: 26 запасных пехотных полков, Сибирский стрелковый полк, 2 казачьих войска, 8 дружин ополчения, 180 других военных подразделений; общая численность военнослужащих составляла свыше 250 тысяч человек. На территории округа находилось более 30 военных заводов, свыше 20 госпиталей и лазаретов¹⁷⁰.

Являясь главным городом округа, Казань сосредоточила в себе большее количество из всех управленческих военных подразделений. В состав Казанского гарнизона входили:

- Штаб Казанского военного округа;
- Окружное Интендантское управление;
- Местное Интендантское управление;
- Казанская интендантская приемная комиссия;
- Казанская войсковая приемная комиссия;
- Казанский вещевого интендантский склад;
- Окружное управление по квартирному довольствию войск;
- Казанский отдел по квартирному довольствию войск;
- Окружное военно-санитарное управление;
- Окружное военно-ветеринарное управление;
- Казанский военный госпиталь;
- 93-й госпиталь;
- Казанский военно-аптечный склад;
- Окружное артиллерийское управление;
- Казанский артиллерийский склад;
- Штаб инспектора инженерной части Казанского военного округа;
- Военно-окружной суд;
- Военно-прокурорский надзор;
- Управление начальника казанской местной бригады;
- Управление казанского уездного воинского начальника;
- Казанская конвойная команда;

¹⁷⁰ Татарская энциклопедия. – Т.3: К-Л. – Казань, 2006. – С.80.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

- Казанское военное училище;
- 1-я и 2-я казанские школы прапорщиков;
- Казанский пороховой завод;
- Казанский военно-сухарный завод;
- Местная пехотная команда в районе Казанского порохового завода;
- 2-я запасная артиллерийская бригада.

И наконец, самая многочисленная военная структура – 13-я пехотная запасная бригада, в которую входили 94-й, 95-й, 164-й и 240-й пехотные запасные полки, а также некоторые другие воинские подразделения.

Если говорить о численности, то здесь не было постоянных цифр в связи с непрерывной отправкой маршевых рот на фронт, набором новобранцев и прибытием раненных с фронта в тыловые гарнизоны. И все же, контрольные данные для Казанского военного округа могут дать представление о количестве военнослужащих в интересующий период. К 7/20 декабря 1916 в Казанском военном округе насчитывалось 45741 человек постоянного состава и 615590 человек переменного, всего 661331 военнослужащий. К 15/28 сентября 1917 г. – 28876 человек постоянного состава и 248731 человек переменного, всего 277607 военнослужащих¹⁷¹.

Такой многотысячный военный коллектив за период более чем трехлетнего военного времени накопил в себе огромные противоречия сословного, классового, национального и религиозного характера. В этом, конечно, казанский гарнизон не был уникален, к началу 1917 г. царская Россия превратилась в политически нестабильного, обескровленного войной и уставшего от нее аутсайдера, ее верховная власть начала утрачивать контроль над ситуацией, высшее командование – волю к борьбе, а войско, «зараженное» антиправительственным духом, – разлагаться и разбегаться¹⁷².

В начале 1917 г. казанский военный округ возглавлял генерал от инфантерии А.Г. Сандецкий (1851–1918), неуважаемый в среде офицерства и ненавидимый солдатскими массами. Генерал-лейтенант А.С. Лукомский, с июня 1917 г. ставший начальником штаба Верховного главнокомандующего, назвал его в своих воспоминаниях «безобразно грубым начальником»¹⁷³.

7 января 1917 г. в приказе по Казанскому военному округу №30 А.Г. Сандецкий как нельзя лучше охарактеризовал восприятие дей-

¹⁷¹ Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. – М., 2014. – С.230.

¹⁷² Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. – М., 2014. – С.181.

¹⁷³ Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания / составл., предисловие, комментарии С.В. Волкова. – М., 2012. – С.47.

ствительности нижними чинами казанского гарнизона, и их отношении к идущей уже третий год войне: «5-го сего января осмотрел команды, выделенные из первого и второго дивизионов 2-й запасной артиллерийской бригады для особого назначения. Нижние чины по своему внешнему виду, отсутствию всякой выправки у большинства из них и по незнанию даже самых главных сведений, обязательных каждому рядовому, представляют собою новобранцев, прибывших в часть не более одной недели. Эти нижние чины не знают даже для чего они призваны на службу, когда окончится война, какие неблагоприятные последствия ожидают нашу родину в случае неблагоприятного исхода, совершенно не проникнуты духом дисциплины и присяги...»¹⁷⁴. Апатия, давно уже охватившая все слои российского общества, постепенно перерастала в недовольство, особенно у самых низших слоев населения, к которым относились и нижние чины, призванные на воинскую службу. Недовольство и протест приобретали самые разнообразные черты.

Одной из форм протеста, несомненно, являлось дезертирство, и оно прогрессировало. Если с начала войны в июле 1914 г. и до революции в феврале 1917 г. число официально зарегистрированных дезертиров составило немногим более 195 тысяч человек, то к ноябрю 1917 г. число явных и «скрытых» дезертиров достигло более двух миллионов человек¹⁷⁵. По свидетельству Председателя Государственной Думы М.В. Родзянко, пополнения из тыловых батальонов прибывали на фронт уже с «25%-ной утечкой солдат, разбегавшихся по дороге»¹⁷⁶. Приказом №14 по Казанскому военному округу от 4 января 1917 г. было объявлено, что еще 25 октября 1916 г. при осмотре маршевых рот 141-го пехотного запасного полка, оказалось, что из состава 94-й очередной роты пополнения самовольно отлучились 73 нижних чина, за что командованию был объявлен выговор¹⁷⁷.

Усталость от войны, рассказы вернувшихся с фронта об ее ужасах, подталкивали военнотружущих на различные ухищрения с целью избежать отправки на передовую. В секретном донесении на имя начальника штаба Казанского военного округа, местное жандармское управление 9 января 1917 г. указывало, что в Казанском военном округе существует организованная группа лиц, занимающаяся освобождением от воинской повинности состоятельных лю-

¹⁷⁴ Приказы по Казанскому военному округу. 1917 г. №1-511. – Казань, 1917. – С.51.

¹⁷⁵ Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. – М., 2014. – С.246.

¹⁷⁶ Базанов С.Н. К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество. 1900–1941 годы. Статьи, документы. – М., 1999. – С.51–76.

¹⁷⁷ Приказы по Казанскому военному округу. 1917 г. №1-511. – Казань, 1917. – С.34.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

дей, и что один из членов преступной группы нижний чин 248-го пехотного запасного полка получил телеграмму из Главного Штаба, «что освободить можно за 9 тысяч рублей»¹⁷⁸.

Кроме денег в ход шли и родственные связи. Например, старший адъютант управления 31-й пехотной запасной бригады прапорщик Крылов, используя свое служебное положение перевел на должность писаря того же управления своего родственника рядового Подъяпольского. Вся эта история возможно и осталась бы незамеченной, однако, последний, видимо уверовав в свою безнаказанность и покровительство родственника-офицера перестал появляться на службе вообще. В результате разбирательства командующий бригадой получил выговор, провинившийся офицер – 10 суток на гауптвахте, а рядовой Подъяпольский был отправлен на фронт. Вся эта история была объявлена в приказе по округу №40 от 7 января 1917 г.¹⁷⁹

Придание гласности таким фактам не спасало от общих упаднических настроений. Рядовые военнотружущие еще на стадии призыва и медосмотра сталкивались с взяточничеством и узакониванием уклонения от службы для избранных. К примеру, в январе 1917 г. в уездном Чистополе была раскрыта преступная группировка, занимавшаяся освобождением от воинской повинности за вознаграждение. Главным действующим лицом группы являлся доктор уездного по воинским делам присутствия Неклепаев, действовавший через писаря присутствия И.Г. Королева и «погоревшего купца» Нургалея Мансурова. Документы по этому делу интересны, прежде всего, раскрытием схем такого уклонения, а именно «1) подлежащий призыву является к доктору и последний подготавливает его различными лекарствами; 2) вместо подлежащего призыву освидетельствованию подвергается заведомо больной подставной человек и 3) просто выдают оформленные документы о признании не годным к военной службе или на время»¹⁸⁰. При этом подчеркивалось, что особенно услугами данной «шайки» пользуются богатые татары, в том числе и приезжавшие из других регионов.

Как отмечают исследователи, различные виды симуляции по-прежнему составляли серьезную проблему. В 1917 г. членовредители, также как и «укунтуженные», ставшие своего рода новой формой симуляции, вели себя вызывающе, не считались с большим персоналом. Современники свидетельствовали, что среди

¹⁷⁸ НА РТ. Ф.119. Оп.2. Д.1636. Л.71.

¹⁷⁹ Приказы по Казанскому военному округу. 1917 г. №1-511. – Казань, 1917. – С.59-60.

¹⁸⁰ НА РТ. Ф.119. Оп.2. Д.1636. Л.32-32об.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

раненых, поступающих с фронта, «половина дезертиров, примазавшихся к больнице»¹⁸¹.

Все эти многочисленные истории о незаконном освобождении от воинской службы, бытующие среди военнослужащих и призывников, приводили к решению об уклонении от службы. В январе 1917 г. в Казани был задержан крестьянин деревни Мироновой Зыковской волости Яранского уезда Вятской губернии Василий Ефимович Журавлев, призванный по мобилизации в г. Яранске 15 декабря 1916 г. Однако он «оттуда скрылся и проживал в Казани без прописки, надеясь получить здесь подложный вид на жительство». По итогам расследования В.Е. Журавлев 21 января 1917 г. был отправлен на службу в 95-й пехотный запасный полк, дислоцированный в Казани¹⁸².

К началу 1917 г. не помогало уже и религиозно-милитаристское обеспечение войны. Отчасти это было связано с тем, что уровень религиозности офицеров был невысок¹⁸³. В одном из январских приказов по Казанскому военному округу отмечалось, что при осмотре «рот пополнения нередко замечается, что на развитие религиозного, нравственного и патриотического чувства призываемых обращается очень мало внимания. Вся подготовка нижних чинов в этом отношении выражается зачастую лишь в требовании заучивания тех немногих мест, которые имеются в общеобязательных сведениях для рядового, при чем даже и эти, сами по себе конспективные сведения не разъясняются во всей полноте, не передаются понятным языком, почему и зазубриваются только самые слова, без понимания заключающегося в них внутреннего содержания»¹⁸⁴. Можно констатировать, что к началу 1917 г. прежние ценностные ориентации солдат сместились. Это явственно выявилось, когда уже после Февральской революции Временное правительство отменило обязательность причастия и удельный вес причастившихся резко упал. Однако, как отмечают исследователи, чаще солдаты требовали от священников изменения привычных текстов молитв, вплоть до включения в них мольбы за мир «без аннексий и контрибуций». Участились случаи откровенного богохульства, либо желание помолиться «кабы знать» за кого¹⁸⁵.

¹⁸¹ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. – М., 2014. – С.835.

¹⁸² НА РТ. Ф.119. Оп.2. Д.1636. Л.11, 25.

¹⁸³ Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. – Омск, 2011. – С.78.

¹⁸⁴ Приказы по Казанскому военному округу. 1917 г. №1–511. – Казань, 1917. – С.31.

¹⁸⁵ Вильямс А.Р. О Ленине и Октябрьской революции. – М., 1960. – С. 127–128; Прайс М.Ф. Русская революция. Воспоминания о 1917–1919 годах // Вопросы истории. 1967. –№ 11. – С. 136.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Разительные перемены произошли и в российском офицерском корпусе. За годы войны представлявший элиту российского общества офицерский корпус был значительно размыт выходцами из низших слоев общества. В военных училищах и школах прапорщиков удельный вес выходцев из крестьян составлял 38%, мещан – около 25%¹⁸⁶. Эти выходцы из среды мещан и крестьян имели гораздо больше общего с солдатскими массами, нежели чем с относившимися к ним свысока аристократическими офицерскими и генеральскими кругами. Многие представители старого офицерства и не скрывали своего отношения к новым командирам. Так, известный боевой генерал В.И. Гурко негативно отзывался о новом офицерстве, «вышедшем из среды банщиков и приказчиков», утверждая, что оно «восприняло от старого самые нехорошие стороны»¹⁸⁷.

При этом аристократические командные круги не понимали новых реалий, усталости военнослужащих, чаяния нового офицерства, не говоря уже о солдатских массах. Например, 10 января 1917 г. командующим Казанским военным округом А.Г. Сандецким был подписан приказ №55, замечательно характеризующий пропасть между старой военной аристократией и основной массой военнослужащих, преимущественно из нового офицерства: «По дошедшим до меня сведениям, в некоторых полках округа устраиваются танцевальные вечера. По условиям настоящего времени, когда Отечество требует напряжения всех сил, когда каждый из нас по долгу присяги обязан всю свою энергию посвящать исполнению служебных обязанностей, устройство танцевальных вечеров считаю положительно неуместным и приказываю воспретить подобные увеселения в полках и вообще участие офицеров в танцах в общественных местах. Кроме сего вновь подтверждаю о том, чтобы полковые оркестры не играли вне полка»¹⁸⁸.

Комплектование армии на основе всеобщей воинской повинности, многократное увеличение ее численности и расширение состава по сравнению с принятыми в довоенном Уставе о воинской повинности принципами, ускоренные темпы комплектования офицерского корпуса с включением в него представителей всех сословий привело к тому, что армия стала, по сути, соответствовать общей структуре населения страны. В то же время армия объединила и социализировала мужскую часть населения, в особенности молодежь, дала ей в

¹⁸⁶ Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М., 1993. – С.353.

¹⁸⁷ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. – М., 2014. – С.838.

¹⁸⁸ Приказы по Казанскому военному округу. 1917 г. №1–511. – Казань, 1917. – С.74.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

руки оружие, позволила использовать ее не только в интересах государства, но и различных партийно-политических сил¹⁸⁹.

Противоречиями в повседневной жизни военнослужащих были наполнены и отношения к представителям национальных меньшинств. За годы войны в действующую армию было призвано не пропорционально большое количество представителей разных народов Российской империи. С одной стороны война показала героизм представителей многих нацменьшинств во время боевых действий, причем как среди офицеров, так и среди солдат¹⁹⁰, с другой стороны статус представителя национального меньшинства сохранялся даже на фронте, не говоря уже о тыловых подразделениях, со всеми вытекающими отсюда последствиями, характерными для армии царской России¹⁹¹. О том значении какое имели для военнослужащих их религиозные и национальные особенности, говорит тот факт, что после Февральской революции представители национальных меньшинств поставили вопрос о создании национальных воинских подразделений для латышей, поляков, украинцев, «мусульман» и др. и добились организации этих частей, в том числе и в Казанском военном округе.

В январе-феврале 1917 г. продовольственное снабжение гражданского населения составило менее четверти намеченного объема. Продовольственные проблемы в эти два месяца приобрели наибольшую остроту. Правительство не могло обеспечить продовольственное снабжение даже рабочих оборонных предприятий, которые состояли на особом учете и пользовались преимуществами по сравнению с другими¹⁹². Приказ по Казанскому военному округу №374 от 28 февраля 1917 г. как нельзя лучше характеризует экономическое положение простых солдат в эти дни: «За последнее время установлено, что значительное число нижних чинов отправляемых из запасных частей в составе рот и команд пополнения, прибывают на театр военных действий, не имея, не редко, до двух третей выданного им обмундирования, каковое они продают во время остановок в пути и на станциях назначения эшелонов»¹⁹³.

¹⁸⁹ Россия в годы Первой мировой войны... – С.218.

¹⁹⁰ См., например, о героизме военнослужащих-татар в годы Первой мировой войны: Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Казань, 2015. – С.58–61, 90–93.

¹⁹¹ См.: Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.189.

¹⁹² Россия в годы Первой мировой войны... – С.322.

¹⁹³ Приказы по Казанскому военному округу. 1917 г. №1–511. – Казань, 1917. – С.539.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Говоря о продовольственном снабжении необходимо отметить – несмотря на то, что валовой урожай хлеба в 1916 г. уменьшился на 17% по сравнению с предыдущим годом, а по сравнению с 1913 г. и вовсе на 25%, имевшиеся в стране запасы могли обеспечить потребности населения. Тем не менее, расстройство транспортной системы страны затрудняло доставку уже заготовленного хлеба в районы потребления, в том числе и тыловые гарнизоны, такие как Казань. Поэтому не удивительно, что произошло ухудшение снабжения армии продуктами питания. В октябре 1916 г. армия недополучила 45% продовольственных грузов, в ноябре – 46,3%, в декабре – 67,1%, в январе 1917 г. – 50,4%, в феврале – 57,7%¹⁹⁴. Солдаты с ростом дороговизны все чаще получали просьбы и сообщения от близких и населения защитить их от «хриstopродавцев» и «мародепов». В их сознании укреплялась мысль об уничтожении внутренних врагов, в число которых включались «спекулянты, купцы и прочие, забывшие родину и действующие в руку врагов». Для рядовых военнослужащих тревога за родных и близких, хозяйство стали неотделимыми от вопросов экономики и политики¹⁹⁵. При этом стоит подчеркнуть, что в годы войны число женщин-солдаток сильно возросло. Если женатые составляли примерно 64% призванных в армию, то количество жен солдат, таким образом, составило около 9788 тыс. человек (при общем числе всех мобилизованных 15 798 тыс. человек и доли солдат среди них 97,6%). Имеются данные и о количестве полученных ими казенных пайков. Их общее число с начала войны по 1 сентября 1917 г. составило 36 671,1 тыс. в 76 губерниях Европейской России, Кавказа, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. При этом в уездах было выдано 33 376,8 тыс. пайков (91,3% общего числа), в городах – 3192,3 тыс. (8,7%). Число выданных пайков в 47 губерниях Европейской России составляло 31611,6 тыс. (86,4%), в том числе в городах – 8,5%. Общая сумма продовольственных пособий с начала войны до 1 сентября 1917 г. составляла 2 957 584 тыс. руб., при этом в ней на сельскую местность приходилось 91,4%, на города – 8,6%. Однако месячная стоимость одного пайка увеличилась с 3 руб. в 1914 г. до 3,10 р. – на 1 марта 1915 г., 3,50 руб. – на 1 марта 1916 г., 4,08 руб. – на 1 марта 1917 г. и 6,84 руб. – на 1 сентября 1917 г. Если принять за 100 стоимость пайка на 1 января 1915 г. (3 руб.), то его подорожание на 1 марта 1916 г. составило 17%, на 1 марта 1917 г. – 36%, а на 1 сентября 1917 г. – 128%¹⁹⁶.

¹⁹⁴ Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну. – М., 1956. – С.202.

¹⁹⁵ Россия в годы Первой мировой войны... – С.836.

¹⁹⁶ Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). – М., 1925. – С.49–51.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Солдаты также в полной мере испытывали трудности гражданской жизни: дороговизну товаров и бытовое неустройство. К этому следует прибавить и армейские проблемы: усталость от службы, недовольство офицерами, занятиями, плохое продуктовое и вещевое довольствие. Солдаты стали чаще уходить в отлучки, возросло количество спекуляций, пьянства, хулиганства и беспорядков¹⁹⁷.

При этом солдат вряд ли можно было отнести к здоровой части общества. Самым частым диагнозом тех, кто успел повоевать, был психоневроз и «снарядный шок». Большое количество солдат было подвержено депрессивному состоянию. Использование новых технологий привело к психосоциальным стрессам. Их последствия проявлялись по-разному, однако большинство сходилось к мысли о прекращении войны и возвращении к мирной жизни¹⁹⁸.

С февраля 1917 г. в гарнизоны внутренних военных округов, в том числе и в Казань, стали прибывать новобранцы 1898 г. рождения, которых «по закону» было положено призвать только в октябре этого года. Позже в армию отправились уголовники, амнистированные в связи с желанием «защитить свободную Россию». Все это умножало недовольство и увеличивало противоречия в среде военнослужащих¹⁹⁹.

Вся совокупность экономического кризиса, микро и макроконфликтов в среде военнослужащих послужила питательной средой для поддержки и участия военных в Февральской революции. Это было характерно не только для двух столиц, но в полной мере касалось и Казанского гарнизона. Конечно, командующий Казанским военным округом А.Г. Сандецкий 28 февраля 1917 г. приказал начальникам гарнизонов не допустить разглашения среди солдат известий о победе революции²⁰⁰. Подобная позиция старого, монархически и аристократически ориентированного военного командования, естественно, не могла остановить объективные процессы преобразования, но вполне объясняла последующие шаги революционных, в том числе и военных масс по отношению к ней. Такие

¹⁹⁷ См.: Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года). Дисс. ... к.и.н. – Орел, 2005. – С.197–204; Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. – М., 2014. – С.834.

¹⁹⁸ Асташов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война: Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. – М., 2004. – С.416.

¹⁹⁹ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М., 2010. – С. 220–221.

²⁰⁰ Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. – Самара, 2002. – С.33.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

процессы проходили по всей стране: в первые дни марта «солдатские депутаты» под угрозой убийства вынудили уехать из Воронежа командира 8-й пехотной запасной бригады генерал-майора К.Д. Тимковского; в Луге был арестован, а затем убит солдатами генерал Г.Г. Менгден; в Выборге – арестован комендант генерал-лейтенант А.К. Петров; были арестованы командующие войсками Московского, Иркутского, Омского, Приамурского и Казанского военных округов. В Казанском военном округе, кроме того, были отстранены от должности 8 из 13 начальников запасных бригад (один из них, генерал-майор М.А. Бем, был убит, 5 арестованы)²⁰¹.

Еще 2 марта 1917 г. в политической демонстрации на Театральной площади Казани вместе с рабочими и студентами приняли участие и солдаты Казанского гарнизона, по тем или иным причинам оказавшиеся в центре города. На следующий день командующий округом А.Г. Сандецкий вынужден был признать Временное правительство и сообщить об этом специальной телеграммой по военному округу. Однако он опоздал. Военные массы были настроены крайне решительно по отношению к командующему, скомпрометировавшему себя поддержкой старого режима в первые дни революции. Казанский гарнизон восстал в ночь с 3 на 4 марта²⁰².

4 марта в 9 часов вечера состоялось первое заседание Временного военного комитета Казанского гарнизона. На собрании присутствовали офицеры и нижние чины, представлявшие военнослужащих из 94-го, 95-го, 164-го, 240-го пехотных запасных полков, 2-й Казанской школы прапорщиков, Казанского артиллерийского склада, 686-й пеший Казанской дружины государственного ополчения, 2-й артиллерийской бригады, Штаба Казанского военного округа и 93-го госпиталя. В приказе №2 Временного военного комитета Казанского гарнизона по поводу собрания отмечалось, «что настроение солдатских масс крайне возбуждено и требует немедленного принятия мер для локализации этого возбуждения. Первыми и настоятельными требованиями частей гарнизона были – немедленное арестование: командующего войсками округа генерала от инфантерии Сандецкого, состоящего для поручений при командующем войсками генерал-лейтенанта Язвина, начальника 13-й пехотной запасной бригады генерал-майора Файдых и коменданта города Казани генерал-майора Комарова». Собрание по этому поводу постановило их «немедленно арестовать». Кроме того был избран исполнительный комитет Временного военного комитета Казанского гарнизона. Председателем этого комитета и одновре-

²⁰¹ Суряев В.Н. Офицеры русской императорской армии. 1900–1917. – М., 2012. – С.196.

²⁰² Кабытова Н.Н. Указ. соч. – С.35.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

менно комендантом города был избран командир 94-го пехотного запасного полка полковник Дмитрий Николаевич Григорьев. После чего общее собрание было закрыто и продолжилось заседание исполнительного комитета, завершившееся составлением и отправкой в Петроград телеграммы следующего содержания: «4-го марта в Казани организован временный военный комитет по охране безопасности города. Командующий войсками округа Сандецкий по настоятельному требованию войск всего гарнизона арестован. Командование войсками округа им передано начальнику штаба Добрышину. В городе спокойно. Просим назначения командующего войсками округа»²⁰³.

5 марта в 12 часов состоялось второе заседание Временного военного комитета Казанского гарнизона. На собрании присутствовали офицеры и нижние чины, представлявшие военнослужащих из 94-го, 95-го, 164-го, 240-го пехотных запасных полков, 2-й Казанской школы прапорщиков, Казанского артиллерийского склада, 93-го госпиталя, 686-й пешей Казанской дружины государственного ополчения, 2-й запасной артиллерийской бригады, Казанской местной бригады, Казанского окружного интендантского управления, управления местного интендантства, 3-го отдельного дивизиона, Штаба инспектора инженерной части, Штаба Казанского военного округа, Казанского военно-сухарного завода, управления 13-й пехотной запасной бригады, команды Казанского военного госпиталя, 24-го легкого мортирного паркового дивизиона, Казанского военно-окружного суда, Казанского военного училища и Казанского окружного артиллерийского управления. Среди наиболее важных решений этого дня Временным военным комитетом Казанского гарнизона следует выделить:

«2) В заседания Комитета общественной безопасности, организуемого при Казанской городской Думе, послать весь состав исполнительного комитета.

3) Вопрос же об организации постоянной охраны города предоставить комитету общественной безопасности.

4) По вопросу об организации полковых комитетов для обсуждения внутренних полковых нужд – немедленно организовать во всех войсковых частях, управлениях и заведениях из равного числа офицерских и нижних чинов особые комитеты для разбора возникающих в части потребностей и недоразумений бытового характера.

²⁰³ Приказ №2 от Временного военного комитета Казанского гарнизона // Приказы по Казанскому военному округу. 1917 г. №1–511. – Казань, 1917. – Без указ. стр.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

5) По вопросу о допущении в казармы к нижним чинам частных лиц с целью политической агитации – таковых лиц не допускать.

7) Ввиду совершенной не допустимости нарушения правильного течения служебной деятельности штаба округа, полковых канцелярий и других учреждений военного ведомства, вменить в обязанность всем воинским чинам точно и безусловно исполнять все служебные распоряжения и приказания высших инстанций и начальников по команде со строгим соблюдением военной дисциплины.

8) Ввиду возможности провокаций со стороны темных элементов, обязать всех воинских чинов иметь при себе: господам офицерам – удостоверения о личности, а нижним чинам – увольнительные записки.

9) Признавая за делегатами от солдат большую моральную силу, в смысле воздействия на товарищей солдат, собрание постановило: объявить в приказах по частям войск списки делегатов от рот и команд, указав, что делегаты эти имеют право в полном составе или по отдельности вести беседы с нижними чинами в свободное от занятий время по вопросам текущего момента; причем начальникам частей войск не только не чинить препятствий в этом отношении, а по возможности содействовать делегатам»²⁰⁴.

Говоря об этих революционных днях в Казанском гарнизоне, невольно обращается внимание, в принципе, на единое положительное отношение к происходящим событиям среди высшего и среднего командного состава и нижних чинов. В заседаниях Временного военного комитета Казанского гарнизона почти от каждого военного управления, учреждения и заведения участвовали полковники, средние офицеры и нижние чины. Например, от Казанского военного училища в работах комитета участвовали полковник Геркен, подполковник Трофимов, капитаны Карпович и Качинский, а также юнкера Ивыгин, Крюгер, Озерецковский, Неаполитанов и Нехлебаев. В октябре 1917 г. от этого единодушия ничего не осталось – офицеры и юнкера Казанского военного училища активно выступили против захвата власти большевиками²⁰⁵.

Февральская революция привела к демократизации в армии, ныне по-разному оцениваемой в исторической литературе. Отменялись чинопочитания, отдавание чести офицерам и генералам, «тыканье» офицерами солдатам, массово срывались с пагонов и штандартов ненавистные царские вензеля. Солдаты получили право

²⁰⁴ Приказ №2 от Временного военного комитета Казанского гарнизона // Приказы по Казанскому военному округу. 1917 г. №1–511. – Казань, 1917. – Без указ. стр.

²⁰⁵ Абдуллин Х.М. Военные учреждения и заведения Казанского кремля в XVIII – первой половине XX вв. – Казань, 2013. – С.51.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

ездить в трамвае, курить в общественных местах, прогуливаться в парках, заниматься политической, культурной образовательной, духовной, общественной деятельностью, читать разную, в том числе и политическую литературу, посещать общественные собрания и театры, участвовать в работе благотворительных и иных обществ, что, прежде всего, было актуально для военнослужащих таких тыловых гарнизонов как Казань. Еще одним важным правом, завоеванным в февральские дни 1917 г. стала возможность создавать свои организации и выдвигать требования.

Именно в Казанском гарнизоне, где было значительное количество военнослужащих-татар, возникло первое в России объединение татарских солдат – Казанский гарнизонный мусульманский комитет. Уже на общем собрании татар Казани, состоявшемся 7 марта в здании большого театра, присутствовали солдаты и офицеры Казанского гарнизона из татар. Именно здесь прозвучали первые требования о необходимости создания татарских полков. Озвучил эту идею солдат 94-го запасного пехотного полка Газиз Монасыпов – в будущем видный деятель мусульманской военной организации всероссийского масштаба. 10 марта в здании того же театра состоялся гарнизонный митинг солдат-татар, в котором участвовали представители всех из воинских частей, учреждений и заведений Казанского гарнизона. Возглавили создание гарнизонной мусульманской военной организации боевой офицер поручик Ильяс Ахмеров и прапорщик 2-й артиллерийской запасной бригады Илияс Алкин. Позже была выработана структура Казанского мусульманского военного комитета, определено представительство ее делегатов в общевоинских и городских организациях²⁰⁶.

Комитет был сформирован и начал свою работу 16 марта 1917 г. Тогда впервые были озвучены результаты опросов среди военнослужащих-мусульман Казанского гарнизона. Абсолютное большинство поднятых солдатами тем носили религиозно-национальный характер: назначение в каждый полк по одному мулле, отведение в казармах специальных мест для чтения пятикратного намаза, объявление пятницы днем отдыха для мусульман, организация отдельного питания с использованием мяса мусульманского забоя, соблюдение исламских обрядов при похоронах мусульман на фронте и т.д. При этом комитет пришел к выводу о невыполнимости этих требований без организации национальных военных формирований²⁰⁷. Примерно в это же время среди солдат-мусульман начинает распространяться брошюра под названием «Зачем

²⁰⁶ Гиззатуллин И.Г. Мусульманские военные организации (1917–1921 гг.). – Казань, 2002. – С.47–48.

²⁰⁷ Там же. – С..50.

нужны татарские полки?», поднимавшая те же вопросы²⁰⁸. В целом проблема организации регулярных национальных военных формирований, а, следовательно, и более полное удовлетворение религиозных потребностей мусульман в течение 1917 г. становится одной из главных задач мусульманского движения в России. Известный публицист того периода А. Тамарин в одной из своих работ, вышедшей в 1917 г. пишет: «Единственное чего требуют мусульмане – формирование мусульманских полков со своими офицерами и духовниками. Это немногое – их законное право. Во всем остальном они – русские солдаты, на которых всегда может опереться российская республика»²⁰⁹. Примечательно, что 16 марта 1917 г. приказом по военному ведомству были отменены все «вероисповедные и национальные ограничения, касающиеся прохождения службы воинскими чинами»²¹⁰. К середине июня относится решение Военно-окружного комитета Казанского военного округа о том, чтобы мусульмане, служившие в разных частях, командах и учреждениях округа, освобождались по пятницам от всех строевых занятий и по возможности нарядов²¹¹.

С 17 по 26 июля 1917 г. в Казани проходил 1-й Всероссийский мусульманский военный съезд, главным итогом которого явилось создание Всероссийского мусульманского военного совета (Харби Шура, Вошуро), ставшего высшим политическим органом воинов-мусульман. За активное участие в подавлении мятежа генерала Л.Г. Корнилова Временное правительство в сентябре 1917 г. разрешило Вошуро создавать в армии мусульманские военные формирования²¹². Именно для них и в целом для мусульманских военных организаций Вошуро подготовило ряд приказов, разработанных агитационно-организационным отделом. Согласно приказу №9, местные мусульманские военные организации должны были обратить особое внимание на религиозные потребности солдат-мусульман, в частности, заботиться о том, чтобы в полках при наличии в них солдат-мусульман имелись муллы. Муллы в свою очередь должны были выполнять свои функции добросовестно, добываясь через командование, чтобы солдаты-мусульмане отдыхали в дни религиозных праздников, а свинина в еде заменялась им барани-

²⁰⁸ Миңнуллин Ж. «Татар полклары ни өчен кирәк» // Мирас. – 1994. – №4. – Б.114–117.

²⁰⁹ Тамарин А. Мусульмане на Руси. – М., 1917. – С. 31.

²¹⁰ Приказы по военному ведомству. – 1917. – №135. – Петроград, 1917. – С.124.

²¹¹ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. – М., 2004. – С.225.

²¹² Татарская энциклопедия. – Т.1: А-В. – Казань, 2002. – С.643, 645.

ной или говядиной²¹³. На основании приказа начальника Генштаба от 11 октября 1917 г. началась национализация (мусульманизация) трех запасных полков: 32-го (Симферополь), 95-го (Казань) и 144-го (Уфа), которые предназначались соответственно для 77-й (Юго-Западный фронт), 75-й (Западный фронт) и 13-й (Румынский фронт) пехотных дивизий²¹⁴. Таким образом, многолетние чаяния мусульман иметь свои регулярные полки с духовенством в составе начинали воплощаться в жизнь.

Однако у процесса демократизации армии были и негативные стороны. Чувства апатии и недовольства, присущие солдатским массам до Февральской революции, сменились вседозволенностью, издевательствами и даже убийствами офицеров, откровенным дезертирством. Современники отмечали, что солдаты повсеместно лугали семечки, усыпая шелухой мостовые, именно мостовые, так как по тротуарам они ходить перестали. А поволжские города провоняли усердно поедаемой воблой²¹⁵. Солдаты словно дорвались до так желаемой ими свободы, одним из проявлений которой стало дезертирство. Общее число дезертиров до февраля 1917 г. составляло 195 130 человек, к 1 августа 1917 г. их количество возросло до 365 137 человек²¹⁶. В апреле гражданские жители ужаснулись: устремившиеся на «побывку» солдаты высаживали пассажиров, а битком набитые ими вагоны проседали, их крыши ломались²¹⁷.

Известный участник российского революционного движения, экономист и публицист Н.Н. Суханов (1882–1940) в своих воспоминаниях очень ёмко и образно охарактеризовал наступившее время: «В "больших" газетах появились постоянные рубрики и крупные заголовки: "Анархия". Эта пресса была ныне переполнена описаниями всевозможных эксцессов и беспорядков. "Произвол", "самосуд", "развал", "погромщики". Газеты не только описывали, но и смаковали, любовались, подчеркивали и размазывали в злорадных комментариях...

Эксцессов на самом деле было много, может быть, стало больше, чем прежде. Суды Линча, разгромы домов и магазинов, насилия и глумления над офицерами, над провинциальными властями, над частными лицами, самоличные аресты, захваты и расправы ежедневно регистрировались десятками и сотнями. В деревне участились поджоги и погромы усадеб. Крестьяне начинали по-своему "регулировать" землепользование, запрещали порубки лесов, уго-

²¹³ Гиззатуллин И.Г. Мусульманские военные организации (1917–1921 гг.). – Казань, 2002. – 78–79.

²¹⁴ Исхаков С.М. Указ. соч. – М., 2004. – С.337.

²¹⁵ Россия в годы Первой мировой войны... – С.767.

²¹⁶ Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). – М., 1925. – С.26.

²¹⁷ Россия в годы Первой мировой войны... – С.767.

няли помещичий скот, брали "под контроль" хлебные запасы и не давали вывозить их к станциям и пристаням... Но больше всего "нарушали порядок и государственную жизнь", конечно, разгулявшиеся солдаты.

Среди бездействующих столичных и провинциальных гарнизонов, в атмосфере неслыханной свободы, военная дисциплина, разумеется, пала. Железные цепи ослабли. Несознательность и распущенность серой массы давали себя знать. В тылу вся гарнизонная служба более или менее расстроилась, ученье почти не производилось, наряды нередко не выполнялись, караулы частенько не держались. Появились массы дезертиров – и в тылу, и на фронте.

Солдаты безо всяких разрешений огромными потоками направлялись на побывку домой. Они заполняли все железные дороги, совершая насилия над администрацией, выбрасывая пассажиров, угрожая всему делу транспорта и становясь общественным бедствием. Дезертирам назначались сроки обратной явки, затем эти сроки отодвигались, подкреплялись угрозами. В Советании по созыву Учредительного собрания, открывшемся наконец (только) 25 мая, дезертиров постановили лишить избирательных прав: Керенский проектировал лишить их и права на землю. Но все это помогло мало. Солдаты текли по деревням из тыла и фронта, напоминая великое переселение народов. А в городах они переполняли и разрушали трамваи, бульвары, заполняли все общественные места. Там и сям сообщали о пьянстве, бесчинстве, буйстве»²¹⁸.

Например, в Казанском гарнизоне солдаты артиллерийского дивизиона, расквартированные в д.Борисково недалеко от фермы Казанского сельскохозяйственного училища, постоянно покушались на имущество фермы. Они увозили скошенное сено с полей, не стесняясь, сами косили траву на ферме. Объясняли они свое поведение необходимостью кормить артиллерийских лошадей, но нередко основной причиной солдатской активности была перепродажа сена и травы крестьянам. В конце лета солдаты начали рубить и лес фермы, мотивируя тем, что это нужно «для надобностей артиллерии». На протесты служащих фермы солдаты отвечали «угрозами произвести насилие и даже убить»²¹⁹. И таких примеров было множество.

Отсутствие дисциплины привело в августе 1917 г. к «Казанской катастрофе» – пожару и взрывам на Казанском пороховом заводе. Он был начат небрежным караульным, бросившим окурочок около станции Пороховой (ныне станция Лагерная). Солдаты и рабочие с

²¹⁸ Суханов Н.Н. Записки о революции. Книга четвертая. – Берлин-Петербург-Москва, 1922. – С.136–137.

²¹⁹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.67. Л.220.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Казанского порохового завода и других заводов Заречья бежали в пригородные посёлки, что привело к панике в городе. Большая часть жителей Казани покинула город пешком и на поездах.

В рапорте Казанского уездного комиссара на имя губернского комиссара по этому поводу отмечалось: «По случаю катастрофы в г. Казани, бывшей 14 и 15 августа, население города главным образом пришло в панику при виде бегущих солдат из казарм и лазаретов. Предполагая, что военные получили сведения об опасности от Порохового завода, все ожидали взрыва пороха и бежали за город дорогами и полями. Прибывшие вперед беженцев солдаты, конные распространили слухи в деревнях: в Караваеве, Кадышеве, Царицыне, Киндерях, Высокой Горе и др., – что Казань всю взорвет и что опасность грозит соседним деревням в окружности на 80 верст, и советовали спастись. Какой-то офицер верхом на лошади распространял слухи в деревнях, что крепость, Пассаж, башня Сумбеки, Кизический монастырь, Пороховая слобода взорваны, Казанский монастырь и Богоявленская колокольня провалились. Ехавшие на телегах и шедшие рядом пешие солдаты и крестьяне распространяли слух, что из Казани всех жителей гонят и что в 9 часов вечера ожидают самый главный взрыв: взорвется склад с удушливыми газами, и все задохнутся, а так как ветер был на город Казань, то этот слух усиливал бегство. В Чепчуги пришли около 200 солдат с ружьями и без ружей и обратились с просьбой к участковому начальнику милиции 4-го участка: с требованием об отводе квартиры и хлеба и отправить их дальше в Вятскую губернию, объясняя это тем, что ротные командиры их выстроили с винтовками и приказали бежать, кто куда может спастись. Солдаты были из разных частей, но большинство из 164-го пехотного запасного полка. Солдатам были отведены квартиры, роздан хлеб, яйца, молоко, и затем были отправлены участковым начальником на станцию Куркачи, посажены в вагоны, провезены до г. Арска, откуда при помощи патрулей отправлены по ж. дор. в г. Казань»²²⁰.

Всего в ходе пожара и взрывов погибло тринадцать человек, включая командира Казанского порохового завода генерал-лейтенанта В.В. Лукницкого, восемь человек умерли от ран, а 172 человека, в том числе и 30 детей, были ранены. Пожар уничтожил 12 000 пулемётов (при том что за весь период Первой мировой войны было произведено и доставлено на фронт около 30 000 пулемётов), был уничтожен один миллион снарядов на складах (78 500 пудов). Кроме того были разрушены 542 здания, из которых 152 – полностью. К потерям необходимо отнести и утрату 1,8 миллиона пудов (29,5 тысяч тонн) нефти. Безусловно, одной из вер-

²²⁰ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.77. Л.30–30об.

сий, циркулировавших в городе, была германская диверсия. Трагедия на Казанском пороховом заводе оказала огромный негативный эффект на всех военнослужащих и жителей города²²¹.

Однако с наступлением осени 1917 г. и эта, казалось бы, ужасная трагедия вскоре отошла на задний план. Установление советской власти в Казани – многократно изученный и описанный историками вопрос. Поэтому отметим здесь лишь некоторые моменты. Во-первых, то, что именно экономическая катастрофа лета-осени 1917 г. расчистила большевикам путь к власти – неспособность Временного правительства решить экономические проблемы подталкивало военнослужащих и гражданское население в объятья радикалов, предлагающих простые решения сложных вопросов. Во-вторых, нижние чины Казанского гарнизона за текущий 1917 г. прошли сложный путь от апатии и недовольства царской военной администрацией, до восхищения Февральской революцией и вседозволенностью в последующие месяцы. Наконец, офицерство, и прежде не являвшееся сплоченным, за прошедшие месяцы было окончательно дезориентировано, а по многим вопросам просто связано нормативными актами революционного времени. Клубок противоречий, сложившийся к началу 1917 г. за истекший период не только не разрешился, но еще более усугубился, с каждым днем приближая начало Гражданской войны.

2.4. «Решение студентов прервать учение обрекает наш университет на бездействие...»: Казанский университет в 1917 г.

К началу 1917 г. Казанский университет являлся одним из десяти университетов Российской империи. Он входил в число старейших учебных заведений страны и являлся одним из крупнейших провинциальных научных и образовательных центров. В этот период здесь работали такие известные ученые – химики А.Е. Арбузов и А.Я. Богородский, медики А.В. Вишневский и Н.А. Миславский, историки Д.А. Корсаков, Н.Н. Фирсов и М.М. Хвостов, филолог Е.Ф. Будде, В.А. Богородицкий и Н.М. Петровский и многие другие.

Университет состоял из четырех факультетов: историко-филологического, медицинского, физико-математического и юридического. В 1917 г. здесь числилось 79 профессоров и 74 приват-доцента. Как и другие аналогичные учебные заведения, он обла-

²²¹ Малышева С. Пожар на Пороховом, или «казанская катастрофа» // Гасырлар авазы = Эхо веков – 1998. – № 3/4. – С.288–293.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

дал определенной автономией в управлении. Она основывалась на Уставе 1884 г., Временных правилах 27 августа 1905 г. и сенатском указе министру народного просвещения от 28 ноября 1908 г. Главным органом управления в корпорации был университетский совет во главе с ректором, состоящий исключительно из профессоров – ординарных и экстраординарных. Совет имел право свободного выбора членов коллегии: профессоров, приват-доцентов, а после выхода «Временных правил» и администрации университета: ректора, проректора, деканов факультета. В совете обсуждались и утверждались учебные планы, ученые степени и многие другие вопросы университетской жизни. Решения профессорского совета по законодательству могло опровергнуть Министерство народного просвещения²²². В начале 1917 г. ректором университета являлся профессор юридического факультета Григорий Федорович Дормидонтов.

Монопольное право профессоров регулировать кадровый состав, присуждать ученые степени, распределять учебную нагрузку и решать другие важные вопросы университетской жизни приводило к возникновению противоречий с другими группами университетского сообщества, в частности с младшими преподавателями²²³. В Казанском университете приват-доценты составляли почти половину преподавательского состава, несли существенную учебную и исследовательскую нагрузку. Однако они не имели права даже присутствовать на заседаниях факультетов. Нужно отметить, что в начале XX в. претензии на участие в управлении университетом время от времени звучали и в студенческой среде.

Участие Российской империи в Первой мировой войне повлияло на строй университетской жизни. Изменилась структура научно-исследовательской деятельности. В годы войны в первую очередь она была ориентирована на практические цели, нежели на фундаментальные исследования²²⁴. На физико-математическом факультете широкий размах приобрели химические исследования. Стимулом их развития послужила потребность Российской империи в срочном

²²² Общий устав Императорских Российских университетов 1884 г. с приложением узаконений, на которые в Уставе делаются ссылки. – Саратов, 1913; Ростовцев Е.А., Баринев Д.А. Столичный университет и мировая война: теория и практика «академического патриотизма» // Былые годы. – 2014. – № 34(4). – С. 592.

²²³ См.: Зацепя Г. Пасынки университета. Материалы по вопросу о положении в университете младших преподавателей. – М., 1907.

²²⁴ Иванов А.Е. Российское «Ученое сословие» в годы «Второй отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории, естествознания и техники. – 1999. – №2. – С. 108–127; Он же. Наука и высшая школа России в период Первой мировой войны и революции // Российская история. – 2014. – №5. – С. 153.

развитии фармацевтической промышленности, ранее полностью отсутствовавшей. Ученые-химики Казанского университета, работавшие в лаборатории под руководством профессоров А.Я. Богородицкого и А.Е. Арбузова, разрабатывали средства против применения Германией отравляющих газов и, что не менее важно, методику организации службы противохимической защиты²²⁵.

Ставшая очевидной во время войны нехватка врачей способствовала росту медицинских факультетов российских вузов. Министрство народного просвещения подготовило в августе 1915 г. циркуляр об ускоренной подготовке врачей. Теперь в число вольнослушателей на медицинские факультеты стали без ограничений допускаться евреи²²⁶. Весной 1916 г. было принято решение о сокращении срока обучения врачей с 5 до 4 лет²²⁷. В эти годы подготовка военных врачей рассматривалась в качестве важнейшей задачи Казанского университета²²⁸. Наряду с юридическим факультетом, медицинский факультет еще со второй половины XIX в. был здесь самым многочисленным. С началом Первой мировой войны его численность еще более увеличилась. Так, в 1917 г. профессора медицинского факультета составляли более трети всего профессорского состава²²⁹. Практически все они были задействованы в исследованиях в области военной медицины и в работе Красного креста²³⁰.

Служение неотложным целям во имя победы первоначально во многом сгладило межличностные противоречия университетского сообщества. В этот период практически не прослеживаются конфликты между представителями различных общественно-политических течений, временно отступили неразрешенные разногласия профессоров со студентами и младшими преподавателями.

Если в начале Первой мировой войны университетское сообщество демонстрировало патриотические настроения, то к 1917 г., вме-

²²⁵ Иванов А.Е. Российское «Ученое сословие» в годы «Второй отечественной войны» ... – С. 108–127; Султанбеков Б.Ф. Эволюция политических взглядов профессоров и преподавателей высших учебных заведений Поволжья (1905–февраль 1917 г.) // Ученые записки КГПУ. – 1977. – Вып. 173. – С. 21–22.

²²⁶ Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. К вопросу об образовании медицинского факультета Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2015. – №5. – С. 58.

²²⁷ Там же.

²²⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13406. Л. 3.

²²⁹ Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. 1905 – 1917. – Казань, 1986. – С. 53–78.

²³⁰ Иванов А.Е. Российское «Ученое сословие» в годы «Второй отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории, естествознания и техники. – 1999. – №2. – С. 108–127; Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер, А. Дмитриева. – М., 2009. – С. 549–550.

сте с неудачами российских войск на фронте и катастрофическим ухудшением экономического положения в стране, патриотическая эйфория сменилась тягостными тревожными ожиданиями. О них нелегко было открыто говорить даже в кругу «своих». Так, поздравляя с наступившим новым 1917 г. профессора Д.А. Корсакова, декан историко-филологического факультета С.П. Шестаков писал: «Спешу, в свою очередь, сердечно пожелать ... в этом году здоровья и душевного спокойствия, столь необходимое в наше время... Что касается войны и политики, два раза принимался писать Вам на эти темы, взявшись за это письмо, [нрзб]... Наверное мудрее теперь: терпеть, ждать, молиться ... Богу за Россию и Царя и гораздо больше молчать, чем говорить, если это слово не имеет практического применения, а есть только взрыв накопившегося чувства. Сию мудрую политику все более и более признаю ... правильной»²³¹.

Сложившаяся кризисная ситуация негативно сказывалась и на воспитанниках университета. В 1916 г. министр народного просвещения П.Н. Игнатьев публично признал, что «исключительные обстоятельства переживаемого времени, вызвавшие подъем цен на все продукты первой необходимости и недостаток квартир и дороговизну их, особенно в столицах и в некоторых других университетских центрах, тяжело отражаются на положении материально необеспеченной учащейся молодежи»²³².

Сложная обстановка во многих образовательных центрах вынудила министерских чиновников ввести территориальные ограничения на прием в университеты²³³. С 1916 г. состав студентов университета Казани ограничился выпускниками средних учебных заведений только Казанского учебного округа, за исключением историко-филологического и физико-математического факультетов, куда могли попасть выпускники гимназий, духовных семинарий Сибири и Туркестанского генерал-губернаторства²³⁴.

В этот период в среде студенчества неуклонно возрастает влияние студенческих организаций, как легальных, так и нелегальных. В Казанском университете в это время функционировали землячества. Этот давний вид студенческих корпораций долгое время находился на нелегальном положении и был узаконен только в 1907 г. постановлением «О студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений»²³⁵. В

²³¹ НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. Ш2. КППи-123666/2784. Л. 106-2.

²³² НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13415. Л. 9.

²³³ Там же.

²³⁴ Там же. Л. 10 об.

²³⁵ Баринов Д.А. Этнокофессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884-1917 гг.). Дисс. ... к.и.н. – СПб., 2015. – С. 64.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

университете работали научные кружки, студенческие кооперативы, столовые, организованные для оказания материальной помощи воспитанникам²³⁶. На базе этих легальных организаций действовали подпольные студенческие организации, находившиеся под влиянием партий социалистического толка²³⁷.

В воспоминаниях Иосифа Волкова об одном из лидеров студенческого движения 1917 г. Иване Волкове отражен процесс создания подпольного «Коалиционного комитета» и его превращения из небольшого кружка на базе Вятского землячества в строго законспирированную, революционную организацию, а его лидера – из скромного студента физико-математического факультета в профессионального революционера. И. Волков пишет: «по окончании гимназии (в 1913 г.) Ваня поступает в Казанский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Здесь лицом к лицу сталкивается он с революционной молодежью. Избирается в члены правления Вятского землячества, так называемого «кружка взаимопомощи», где группируются революционные элементы студентов-врачей... Сходки и забастовки в университете шли при ближайшем участии Вятского землячества. Политические кружки впервые возникли в Вятском землячестве. Первый кружок, возникший в недрах этого землячества, был кружок глазцовцев. Ваня в этом кружке играл активную роль... Вскоре возникает целый ряд кружков, которые объединяются советом представителей политических кружков. В числе первых представителей в этот совет входит и Ваня. Совет координирует работу кружков, принимает участие в организации сходок, забастовок в университете... Но Совет, как сконструированный из представителей политических кружков, не мог быть конспиративной организацией и более ответственная работа в нем была обречена на гибель. Ваня выходит из Совета и при его ближайшем участии составляется редакционная коллегия [«Коалиционный комитет» – Л.Б.]»²³⁸.

Несмотря на то, что большинство студентов были далеки от «революционного подполья» и даже не догадывались о принадлежности своих товарищей к революционным партиям, они, безусловно, ощущали на себе влияние ведущейся исподволь антиправи-

²³⁶ Еникеев Э.А. Деятельность казанских большевиков по революционному воспитанию студенческой молодежи (1905 – февраль 1917 гг.). – Казань, 1973. – С. 175.

²³⁷ Сизова А.Ю. Российская высшая школа в революционных событиях 1917 г. Дисс. ... к.и.н. – М., 2007. – С. 149.

²³⁸ Волков И. Ваня Волков (воспоминания товарища) // Пути революции. – 1923. – №3. – С. 31–32.; Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30: в 2 т. – Т. 2. – Казань, 1930. – С. 275–276.

тельственной пропаганды и впитывали демократические идеи. Слушательница Высших женских курсов Петрограда Екатерина Олицкая в связи с этим писала: «Мы, первокурсницы, конечно, только знакомимся с курсовой жизнью, с ее организацией, мы не имели представления о том, что студенческие организации через отдельных своих членов связаны с нелегальными организациями. Нас просвещали, и мы глотали сведения: о расколе во II Интернационале, о съезде в Циммервальде, о конференции в Кинтале и Кинтальском манифесте»²³⁹.

Как отмечают исследователи оппозиционного движения начала XX в., именно среда интеллигентской молодежи, преимущественно состоящая из студентов, сыграла важную роль в формировании российских революционеров²⁴⁰. Несмотря на свою малочисленность, представители радикального студенчества Казани отличались довольно высокой активностью. Можно сказать, что нелегальные студенческие организации, включавшие в себя представителей различных течений социалистической идеи, представляли собой почву, из которой после Февраля 1917-го выросли местные организации большевиков, меньшевиков и эсеров. Именно в этой среде происходило становление таких будущих лидеров революционного движения края, как И.Н. Волков, Г.О. Олькеницкий, К.Ю. Шнуровский²⁴¹.

О революционных событиях в Петрограде и падении монархии в Казани стало известно 1 марта 1917 г. Главы бывших императорских органов власти Казани и Казанской губернии (губернатор П.М. Боярский, высший армейский состав, жандармские управления и другие) не стали сопротивляться революционному натиску и поспешили выразить свою лояльность новой власти²⁴². 2 марта состоялось экстренное заседание совета Казанского университета, уже переставшего быть императорским, на котором члены коллегии также заявили о полной поддержке Временному комитету государственной думы.

Свою главную задачу в новых условиях преподавательская корпорация видела в первую очередь в сохранении порядка внутри университета. Как отмечал ректор университета Г.Ф. Дорми-

²³⁹ Олицкая Е.Л. Мои воспоминания: в 2 кн. – Кн.1. – Frankfurt/M., 1971. – С. 63.

²⁴⁰ Морозов К.Н. Феномен, тенденции развития и трансформации субкультуры российского революционера (вторая половина XIX – первая половина XX в.) // Социальная история: Ежегодник. – 2011. – СПб., 2012. – С. 159.

²⁴¹ Мансуров Р.З. Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006. – С. 115.

²⁴² Там же. – С. 28.

донтов в своем обращении к коллегам, «Мы переживаем события столь чрезвычайные, находимся при обстоятельствах столь исключительных, что, считая себя ответственными за судьбу родного нам университета и фактически не имея в руках ни власти, ни достаточного авторитета для охраны нашей *almae matris* от могущих ныне угрожать ей опасностей, я позволил экстренно созвать вас сегодня, чтобы общими силами обсудить создавшееся положение и предусмотреть угрожающие университету опасности, а также изыскать средства избежать таковых»²⁴³.

Профессорский совет также обратился и к воспитанникам университета с настойчивым пожеланием, «чтобы они последовали призыву исполнительного комитета воздерживаться от всяких выступлений и продолжали с неослабной энергией свои научные занятия на пользу всем нам дорогого, обновленного отечества»²⁴⁴.

Пытаясь предотвратить массовые беспорядки внутри университета, ректор Г.Ф. Дормидонтов добился решения властей сделать главной площадкой для городских митингов здание театра. «В виду тесноты университетских помещений, – сообщил совету ректор, – и необходимости обеспечить правильный ход университетским занятиям, нарушаемых постоянными собраниями не только студентов, но и посетителей, по просьбе моей г. Голова согласился предоставить для подобных собраний более удобное и обширное помещение в Городском театре»²⁴⁵.

Однако уберечь университетские стены от манифестаций не удалось. С самого начала мартовских событий в городе часть радикального студенчества активизировало свою деятельность. Помимо уже ранее существовавшего Коалиционного комитета, на всех факультетах были созданы временные органы или президиумы по организации сходок, представители которых были связаны с Коалиционным комитетом²⁴⁶.

В университете был организован Совет студенческих представителей как выборный орган всего казанского студенчества. В отличие от социалистического Коалиционного комитета, у него была широкая социальная база. Кроме представителей университета, сюда входили слушательницы Высших женских курсов, Духовной академии, Ветеринарного института. Это были приверженцы самых

²⁴³ Цит. по: Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30: в 2 т. – Т. 2. – Казань, 1930. – С. 292.

²⁴⁴ Цит. по: Там же.

²⁴⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13395. Л.13.

²⁴⁶ Мансуров Р.З. Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006. – С. 44.

различных политических партий – кадеты, «независимые социалисты», меньшевики и другие²⁴⁷. Однако и в общестуденческой организации членам Коалиционного комитета удалось создать довольно значительное радикальное крыло²⁴⁸. Коалиционный комитет и Совет студенческих представителей фактически руководили студенческим движением этого времени²⁴⁹.

Для взаимодействия с новоявленными студенческими организациями профессорский совет спешно создал специальный профессорский комитет в составе А.А. Симолина, Ф.Я. Чистовича, Е.А. Болотова, А.Д. Гуляева, Н.М. Ноинского, Е.Ф. Будде, Н.В. Никольского, А.Е. Арбузова, В.А. Ульянина, А.Я. Богородского, Н.Н. Парфентьева²⁵⁰. Его председателем был избран профессор медицинского факультета Н.Д. Бушмакин. Хотя данная организация не была предусмотрена университетским законодательством, именно она вплоть до своего роспуска в конце апреля 1917 г., выполняла важнейшие функции по взаимодействию со студентами, в определенной степени оттеснив ректора и профессорский совет.

Профессорам удалось договориться с Советом студенческих представителей, о том, что его члены могут проводить заседания в стенах университета, но с условием, что на его заседаниях будут присутствовать только члены комитета, являющиеся учащимися высших учебных заведений г. Казани²⁵¹. Вскоре университетская администрация также возобновила занятия.

Однако удержать разгоревшуюся студенческую активность, подогреваемую бурными событиями, происходящими в губернии и стране в целом, естественно, было невозможно. Уже в конце марта 1917 г. студенты, вдохновленные кардинальным изменением государственного строя страны, потребовали переустройства университетской жизни, подняв вопрос о своем участии в управление университетом. Сначала они попытались добиться участия в факультетских заседаниях²⁵². Первыми эти требования озвучили студенты третьего курса самого «беспокойного» медицинского факультета, приняв следующую резолюцию: «В виде одного из принципов университетской автономии требуем немедленно предоставить право представителям

²⁴⁷ Волков И. Из недавнего прошлого казанского студенчества // На путях к высшей школе: рабочий факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ленина. 8 лет работы. 1919–1927. К 10-й годовщине Октябрьской революции. – Казань, 1927. – С. 136.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30: в 2 т. – Т. 2. – Казань, 1930. – С. 298.

²⁵¹ Там же. С. 292.

²⁵² НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13407. Л. 27.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

курса присутствовать на заседаниях совета факультета и с правом решающего голоса принимать участие в обсуждении дел, касающихся медиков вообще и товарищей по курсу в частности»²⁵³.

Эти претензии профессорский Совет отклонил. Однако вскоре последовали ультиматумы студентов других факультетов, уже с требованием решающего голоса в профессорском совете. Так, юристы заявляли в резолюции от 12 апреля: «Решено постановить Совету профессоров в Казанском университете ультиматум. Впредь до введения в русской высшей школе полной автономии требовать дополнительных представителей от студентов заседаниях факультетов и в совете профессоров с правом решающего голоса по вопросам, касающимся всей внутренней жизни Университета... С настоящего дня студенты-юристы всех курсов прекращают занятия и экзамены... Студенты – юристы всех курсов разъезжаются и не приступают к занятиям и экзаменам впредь до полного удовлетворения выполненных резолюций»²⁵⁴.

Президиум историко-филологического факультета выступил с такими же претензиями, при этом открыто пригрозив бойкотом своим товарищам, если те осмелятся «нарушить постановление» об ультиматуме²⁵⁵.

Требовали участия в управлении высшей школой не только казанские учащиеся. Волна студенческих забастовок прокатилась по университетам в Киеве, Одессе, Харькове²⁵⁶. В Казанский профессорский совет поступали телеграммы из Московского университета о том, что студенческое движение вышло здесь из-под контроля, и занятия практически не ведутся²⁵⁷.

Администрация Казанского университета получила четкие указания от нового министра образования Временного правительства А.А. Мануйлова до проведения особых совещаний по реформированию высшей школы ни в коем случае не делать уступок студентам. Так, министерская телеграмма, полученная 14 апреля 1917 г., гласила: «вопрос о непосредственном подчинении университета министерству с соответствующим расширением компетенции органов университетского управления подлежит разрешению в ближайшее время. ... Объясните студентам, что отсрочка переходных испытаний на целый год неизбежно ставит вопрос об утрате ими

²⁵³ Корбут М.К. Казанский государственный университет ... – С. 294.

²⁵⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13407. Л. 15.

²⁵⁵ Там же. Л. 17.

²⁵⁶ Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. – Berkeley; Los Angeles, 1989. – P. 384.

²⁵⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13407. Л. 14.

льгот воинской повинности. Участие студентов с решающим голосом в университетских коллегиях не допустимо»²⁵⁸.

Большинство казанских профессоров были солидарны с Министерством народного просвещения. Требования молодых людей разрешить им выбирать преподавателей, присваивать ученые степени, утверждать учебные программы и т.д. являлись, по мнению преподавателей, возмутительным легкомыслием и ребячеством. За участие студентов во всех университетских делах открыто высказывался только профессор физико-математического факультета В.В. Лепешкин. Призывая коллег быть более гибкими и следовать велению времени, он отмечал: «жизнь не ждет, мы видим, что различные общественные учреждения, носящие временный характер, конструируются без какого-либо особого законопроекта (комитет общественной безопасности в Казани, например). Поэтому, как временную меру, мне кажется, вполне целесообразно ввести представителей от студентов в факультетские и советские собрания»²⁵⁹. Однако коллегия отвергла это предложение, категорически не желая нарушать порядок университетского управления. Привлекать учащихся казанские преподаватели намеревались только по студенческим вопросам²⁶⁰.

Затяжной конфликт с учениками тяжело переживался профессорами. Их растерянность проявилась и в начавшемся кадровом беспорядке. 14 апреля 1917 г., когда конфликт с учащимися еще не был разрешен, декан медицинского факультета профессор Н.А. Миславский, заявил, что «по причине болезни не может выходить из дома» и попросил передать обязанности декана кому-либо из коллег²⁶¹. Просьба временно возглавить факультет была послана семи профессорам (А.Н. Казем-Беку, А.А. Панормову, Л.О. Даркшевичу, И.Г. Савченко, В.С. Груздеву, Д.А. Тимофееву, А.Г. Агабобову). Однако все они отказались, ссылаясь, главным образом на нездоровье²⁶².

26 апреля «вследствие болезни» ректор университета Г.Ф. Дормидонтов обратился с прошением к декану физико-математического факультета Д.А. Гольдгаммеру «вступить в исправление должности ректора», от которой ранее уже отказался декан историко-филологического факультета С.П. Шестаков²⁶³. Таким образом, встать во главе университета в это непростое время вместо Г.Ф. Дормидонтова пришлось профессору Д.А. Гольдгаммеру²⁶⁴.

²⁵⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13407. Л. 13.

²⁵⁹ Там же. Д. 13409. Л. 14.

²⁶⁰ Там же. Л. 9–11.

²⁶¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13499. Л. 4.

²⁶² Там же. Л. 5–12.

²⁶³ Там же. Л. 14.

²⁶⁴ Нужно отметить, что в июне обязанности ректора университета исполнял уже декан юридического факультета В.В. Ивановский. В августе 1917 г. обязан-

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Не в силах самостоятельно справиться со студентами, профессорский совет решил вынести разгоревшийся конфликт на обсуждение общественности. Исполняющий обязанности ректора Д.А. Гольдгаммер объяснял этот шаг следующим образом: «мы должны попытаться влиять на благоразумную массу студентов при помощи общества и прессы... мы должны прессе сказать, как мы понимаем автономию высшей школы, а обществу мы должны рассказать всю историю конфликта и его подлинные причины. В такое время, какое мы переживаем, надо быть храбрым»²⁶⁵.

Члены совета подготовили обращение для публикации в городских газетах, в том числе и для официального органа Совета солдатских и рабочих депутатов Казани «Казанской рабочей газеты»: «Студенты-медики ... проучившись в весеннем полугодии всего полтора-два месяца и недели полторы после революции ... сочли себя в праве к пасхе явочным порядком объявить преподавателям конец семестра и требовать условного перевода на следующий курс без экзаменов, с предоставлением им в течение всего будущего осеннего полугодия отвлекаться от прямых своих занятий... Когда факультет отказал, студенты явили срочный ультиматум с требованием решающего голоса в факультете и угрожали бойкотом. ... Вскоре к ним присоединились студенты других факультетов.

Решение студентов прервать учение обрекает наш университет на продолжительное бездействие и на перерыв подготовки врачей и образованных граждан. Своим решением студенты присваивают себе, и только себе, право прекратить ту работу, к которой их призывает Отечество в грозные и тяжелые дни, и ради которой народ сохраняет за медиками их исключительную привилегию не отбывать общую воинскую повинность. Народ пусть и рассудит»²⁶⁶.

Отчуждение «учеников» и «учителей» остро переживали не только казанские преподаватели. Драматизм этого эпизода университетской жизни хорошо передан в мемуарах профессора Киевского университета Е.В. Спекторского, который даже в эмиграции болезненно вспоминал о столкновениях в 1917 г. с радикальными студентами²⁶⁷. «Первая встреча комиссии со [студенческим] коалиционным комитетом протекала очень драматично. Один студент, потрясая кулаками, кричал нам: "Мы вас никогда не уважали, и не будем уважать". На [геолога профессора] Лучицкого это произвело такое впе-

ности Г.Ф. Дормидонтова снова возложил на себя декан физико-математического факультета Д.А. Гольдгаммер (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13499. Л. 31).

²⁶⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13407. Л. 22.

²⁶⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13407. Л. 27-27об.

²⁶⁷ Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 4(122). – С. 128.

чатление, что он расплакался и отказался от участия в собрании. Вместо него председателем от профессоров был выбран я...

В нашей соединенной комиссии начались тягостные препирательства со студентами по поводу их требований. Они настаивали на включении в заседания факультетов и совета их представителей, хотя бы всего одного... Мы уже объясняли им, представитель, хотя и в единственном числе, всегда будет говорить от имени всей студенческой массы, что ему будет трудно участвовать в принятии педагогических мер против его неуспевающих в учебных занятиях товарищей и что ему придется признать свою полную некомпетентность при обсуждении ученых достоинств кандидатов на вакантные кафедры»²⁶⁸.

Окончательное решение о представительстве студентов в университетском управлении было вынесено в июне 1917 г. на совещании представителей высших учебных заведений России. Совещание постановило, что «студенты не могут быть допускаемы в качестве постоянных членов» в совет, факультеты и правление, а для взаимодействия с учащимися преподавателям было рекомендовано создавать специальные комиссии²⁶⁹.

Таким образом, студентам не удалось добиться расширения своих академических прав. Неудачи в борьбе за «демократические» преобразования высшей школы повлекли за собой разочарования в политике Временного правительства и спровоцировали «полевение» определенной части студенчества. В это время такие лидеры казанских учащихся, как И. Волков и Г. Олькеницкий, окончательно порывают с университетской средой и посвящают себя профессиональной революционной деятельности в радикальных социалистических партиях²⁷⁰.

Казанские преподаватели продолжали настойчиво отстаивать академические традиции и в других вопросах, касающихся студентов. В апреле 1917 г. Министерство народного просвещения в рамках подготовки к будущим преобразованиям в высшей школе, начало обсуждение изменений условий приема учащихся²⁷¹. Оно предлагало расширить студенческий контингент, допустив в университеты не только выпускников классических гимназий, но и

²⁶⁸ Цит. по: Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 4(122). – С. 108–133.

²⁶⁹ Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30: в 2 т. – Т. 2. – Казань, 1930. – С. 295.

²⁷⁰ Волков И. Ваня Волков (воспоминания товарища) // Пути революции. – 1923. – №3. – С. 32; Шнуровский К. Воспоминания о товарище Олькеницком // Пути революции. – 1923. – №3. – С. 27–29.

²⁷¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13415. Л. 1.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

воспитанников коммерческих, сельскохозяйственных и земледельческих училищ, а также «открыть доступ в университет» женщинам «при условии обладания ими таким же образовательным цензом», который требуется от мужчин²⁷².

Все факультеты Казанского университета, кроме физико-математического, формально согласившись с предложениями правительства, высказались за обязательное вступительное испытание по латинскому языку, обучали которому только в классических гимназиях²⁷³. Историко-филологический факультет вообще открыто заявил о приоритетном принятии в число студентов исключительно юношей, ссылаясь на то, что в Казани функционируют Высшие женские курсы, где девушек обучают университетские преподаватели по программе историко-филологического факультета²⁷⁴. Эти правила приема студентов и были узаконены на следующий 1917–18 учебный год, позднее распространились на медицинский факультет и в дальнейшем строго соблюдались²⁷⁵.

Безоговорочно поддержали казанские ученые только ревизию Временного правительства кадрового состава вузов. Это одно из первых мероприятий Министерства народного просвещения Временного правительства восстанавливало в правах на преподавательскую деятельность «лиц, уволенных за политическую деятельность при прежнем режиме». Преподаватели, назначенные после 27 августа 1905 г. в учебные заведения без представления факультетов и совета, напротив, подвергались увольнению²⁷⁶.

Инициатором этого шага являлся министр народного просвещения А.А. Мануйлов. Будучи ректором Московского университета, он сам был уволен в 1911 г. в числе других профессоров по приказу Л.А. Кассо²⁷⁷. А.А. Мануйлов признавался профессору Н.А. Котляревскому, что «первоначально у него была мысль уволить всех ..., но потом он отказался от такой расправы и решил уволить лишь тех профессоров, которые были назначены после указа 27 августа об автономии»²⁷⁸.

²⁷² Там же. Л. 1–2.

²⁷³ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13499. Л. 19, 20б, 6, 7.; Сальникова А.А. Революционные потрясения: 1917 – 1922 гг. // Очерки истории Казанского университета. – Казань, 2002. – С. 149.

²⁷⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13415. Л. 4.

²⁷⁵ Сальникова А.А. Революционные потрясения: 1917 – 1922 гг. // Очерки истории Казанского университета. – Казань, 2002. – С. 149.

²⁷⁶ Циркуляр попечителям учебных округов // Дело народа. – 1917. – 17 марта. – С. 3.

²⁷⁷ История Московского университета: в 2 т. – Т. 1 – М., 1955. – С. 540.

²⁷⁸ Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917. – М.; СПб., 2015. – С. 438.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Нужно отметить, что если Московский университет в 1911 г. в один момент покинуло 130 преподавателей, а в Петербургском университете в результате перемещений Л.А. Кассо значительно поменялся состав юридического факультета²⁷⁹, казанским преподавателям удалось избежать серьезных кадровых потерь. В это время Казанский университет лишился профессоров Д.А. Зейлингера, К. Мейера и Н.Н. Фирсова²⁸⁰. Однако благодаря настойчивости коллег, последний вернулся на историко-филологический факультет уже в 1916 г. Если Л.А. Кассо активно практиковал назначение преподавателей в столичные университеты помимо воли факультетов и совета, то провинциальным вузам в целом удалось этого избежать. В Казанском университете министерскими назначениями были исполняющий должность профессора философии И.И. Ягодинский, профессор Д.П. Шестаков и профессор К.В. Харлампович, при этом последние были выбраны историко-филологическим факультетом, но не прошли выборов в совете²⁸¹.

Не дожидаясь предложения администрации, И.И. Ягодинский поспешил подать прошение об отставке. Профессора К.В. Харлампович и Д.П. Шестаков остались в университете, так как были переизбраны на свои же кафедры. На заседании совета 10 мая вместо И.И. Ягодинского на кафедру философии историко-филологического факультета избран приват-доцент Московского университета В.Н. Ивановского. В 1903–1914 гг. В.Н. Ивановский уже преподавал в Казанском университете и имел репутацию приверженца политических убеждений «левее кадетских»²⁸². В 1914 г. он покинул Казань, переехав в Москву, где начал преподавать на Высших женских курсах и вел небольшое количество часов в Московском университете. Профессор А.Н. Савин называл В.Н. Ивановского в числе лидеров младших преподавателей Московского университета²⁸³. Однако все эти годы не порывал связей с казанскими коллегами. Например, из писем Ивановских семье профессора Д.А. Корсакова получала известия об обстановке в Москве. Так, в апреле 1917 г. супруга В.Н. Ивановского Екатерина Александровна, рас-

²⁷⁹ История Московского университета: в 2 т. – Т. 1 – М., 1955. – С. 541.; Ростовцев Е.А. 1911 год в жизни университетской корпорации (Власть и Санкт-Петербургский университет) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. – Т. III. – СПб., 2012. – С. 505.

²⁸⁰ Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов. Очерк жизни и деятельности. – Казань, 1976. – С. 54.

²⁸¹ Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30: в 2 т. – Т. 2. – Казань, 1930. – С. 298.

²⁸² Там же. С. 258.

²⁸³ Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917. – М.; СПб., 2015. – С. 438.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

сказывая в письме Варваре Дмитриевне Корсаковой о беспорядках, вызванных «Нотой Милюкова» и начале голода в Москве, заключала: «при всем сочувствии перевороту приходится с глубокой тревогой смотреть на ближайшее будущее. Впрочем, признаки анархии заметны были уже с самого начала. А если большевикам удастся свергнуть Временное правительство, то должно быть совсем полетим в бездну...»²⁸⁴.

Кризисное положение, в котором оказалась древняя столица после Февральской революции, страх перед разгулом анархии, беспокойство за жизнь и здоровье семьи заставили бывшего казанского преподавателя принять предложение коллег и вернуться обратно в Казань, в надежде, что жизнь в провинции окажется безопаснее. 16 августа 1917 г. он писал профессору Д.А. Корсакову: «Пока я держусь такого плана, что я поеду в Казань один и поищу себе где-нибудь комнату. ...У нас в Москве зимой предвидится голод. И вот, если дело дойдет до крайности, мы хотим умолять Вас вот о чем: разрешите нам в течение голодного времени пользоваться продуктами вашего хозяйства... Екатерина Александровна приедет тогда с детьми в Казань и так или иначе будет с ними кормиться из житниц арышхаздинских!²⁸⁵ А то голодная смерть!»²⁸⁶.

Жизнь казанцев, по-видимому, действительно была более защищенной, в связи с тем, что Казань находилась вдали от военных действий и градус накала революционных событий здесь был ниже, чем в столицах. Однако мало кто из казанских преподавателей отличался оптимистичным взглядом на будущее. О критичной оценке ученых в определенной степени говорит и их слабая активность в органах новой власти. Так, в числе членов Комитета общественной безопасности было всего четыре профессора: Н.Д. Бушмакин, В.А. Ульянов и Д.А. Гольдгаммер, членом юридической комиссии Казанского комитета общественной безопасности являлся А.А. Симолин. При этом все они неоднократно отказывались от участия в работе этого органа²⁸⁷.

Среди профессоров вне университета политическую активность проявлял профессор А.А. Симолин. С февраля 1917 г. он стал одним из лидеров казанских кадетов, в апреле 1917 г. был избран председателем нового состава Казанского комитета Партии народной свободы. Профессор был председателем на всех трех губернских партийных съездах в июне, августе и октябре 1917 г. В состав

²⁸⁴ НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. ЗИ. Б/н. Л. 1–10б.

²⁸⁵ В селе Арышхазда Кулаевской волости Казанского уезда (совр. Пестречинский район РТ) располагалось имение В.Корсаковой – прим. ред.

²⁸⁶ НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. ЗИ. Б/н. Л. Зоб.–4.

²⁸⁷ Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30: в 2 т. – Т. 2. – Казань, 1930. – С. 296.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Казанского комитета ПНС входили тогда, кроме него, также директор Высших женских курсов, профессор М.М. Хвостов, профессор А.Е. Арбузов, приват-доцент Л.И. Пономарев и другие. А.А. Симолин оставался в центре общественно-политической жизни губернии вплоть до октября 1917 г., когда кадетам удалось собрать больше всего голосов по партийным спискам на выборах в городскую думу, несмотря на критику и нападки со стороны большевиков и эсеров. Сам А.А. Симолин по кадетскому списку был выбран гласным городской думы²⁸⁸.

Новый 1917/18 учебный год начинался для высших учебных заведений в обстановке тяжелейшего кризиса²⁸⁹. В связи с непростой ситуацией во многих университетских центрах Министерство народного просвещения перенесло его начало на 2 октября 1917 г. Студенты, растерявшие революционный пыл, разъехавшиеся на летние каникулы, не спешили возвращаться в Казань, опасаясь голода и зная о нехватке жилья в городе.

Осенью 1917 г. в связи со стремительным наступлением германских войск началась частичная эвакуация учебных заведений Юрьева и Петрограда. Юрьевский университет переправил свое имущество в Пермь, Нижний Новгород, Воронеж²⁹⁰. В Перми же началась организация отделения Петроградского университета²⁹¹.

Министерство народного просвещения срочно пыталось решить вопрос о продолжении обучения студентов Петрограда и Юрьева в других российских вузах. В телеграмме от 20 сентября 1917 г. товарищ министра народного просвещения В.И. Вернадский просил администрацию Казанского университета в «пределах фактической возможности» допустить таких лиц к занятиям и зачетным работам и экзаменам в качестве вольнослушателей», а также срочно сообщить о числе вакансий для студентов Петрограда и Юрьева²⁹².

Казанский университет готовился принять 100 человек на первый и второй курсы физико-математического факультета, на 4–5 курсы медицинского факультета, и до 100 слушателей на историко-филологический и юридический факультеты²⁹³.

²⁸⁸ Ионенко С.И. А.А. Симолин и деятельность Казанского комитета партии народной свободы // Интеллигенция Татарстана в период реформ и революций первой трети XX века. Материалы Республиканской научной конференции, посвященной 100-летию Г.Шарафа, 3–4 декабря 1996 г. – Казань, 1997. – С. 62.

²⁸⁹ Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 4(122). – С. 108–133.

²⁹⁰ Иванов А.Е. Наука и высшая школа России в период Первой мировой войны и революции // Российская история. – 2014. – №5. – С. 151.

²⁹¹ Там же. – С. 152.

²⁹² НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13415. Л. 30–32.

²⁹³ Там же. Л. 33об.–34.

ГЛАВА 2. Коллективы и сообщества в эпоху потрясений

Осенью на факультетские заседания и в совет университетов были допущены доценты. Однако эта перемена в университетской жизни, которую младшие преподаватели ждали долгие годы, казались незначительным событием, в сравнении с происходящим вокруг. «Мы живем в новом мире, вернее, в аду. Произошла одна из величайших исторических катастроф. Война и революция разоблачили нищету, темноту, дрянность России и русского народа. Падение России было головокружительно; мысль, чувство отказывались мириться с ужасом крушения ... со звериными призраками нашего ближайшего будущего. Мы дошли до голода, холода, военного разгрома, трусливого бегства перед слабым неприятелем, гражданской войны, и трудно сказать, где кончатся стерегущие нас ужасы. Я теперь готов ко всему, и в личной, и в общественной, и в народной жизни. Я не удивлюсь решительно ничему», – писал 4 сентября 1917 г. в своем дневнике профессор А.Н. Савин, во многом предугадав ход последующих событий²⁹⁴.

Реакция Казанского университета на свершившийся Октябрьский переворот последовала далеко не сразу. В первые месяцы Казанский университет игнорировал новую власть. В это время он практически жил самостоятельной жизнью. Профессорский совет и факультетские собрания продолжали обсуждать планы приема студентов на следующий год, кандидатов на вакантные кафедры, распределяли учебную нагрузку, фиксируя свои решения на бланках уже не существующего Министерства народного просвещения Временного правительства. С другой стороны, как отмечает А.А. Сальникова, самим большевикам «не было никакого дела до высшей школы. Они были слишком озабочены решением политически более важных, более неотложных и животрепещущих проблем, чтобы немедленно заняться вопросами университетского образования...»²⁹⁵. 9 декабря 1917 г. появилась известная резолюция преподавателей Казанского университета в поддержку харьковских коллег, которая осуждала «группу фанатиков и темных дельцов», захвативших власть «с помощью обманутой ими вооруженной толпы»²⁹⁶.

Первые контакты Казанского университета и новой власти начались только в начале 1918 г. Большое влияние на их дальнейшие взаимоотношения оказала Гражданская война, одним из драматичных эпизодов которой являлось бегство профессоров и преподавателей вместе со сторонниками Комитета Учредительного собрания в

²⁹⁴ Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917. – М.; СПб., 2015. – С. 453.

²⁹⁵ Сальникова А.А. Революционные потрясения: 1917–1922 гг. // Очерки истории Казанского университета. – Казань, 2002. – С. 152.

²⁹⁶ Там же. – С. 150.

сентябре 1918 г.²⁹⁷ Эти события и приблизили «красногвардейскую атаку» на Казанский университет, итогом которой стала его кардинальная перестройка²⁹⁸.

Таким образом, университетское сообщество Казани с воодушевлением восприняло перемены в стране, наступившие после Февральской революции, в том числе и ряд мероприятий демократического характера в высшей школе. Однако эти меры повлекли за собой конфликты между различными группами университетской корпорации, в первую очередь между преподавателями и студенчеством. Казанские студенты с революционным задором развернули борьбу за расширение академических прав со своими учителями и накалили обстановку в университете до такой степени, что учебный процесс здесь практически остановился. Однако профессорско-преподавательская коллегия Казани проявила удивительную стойкость в отстаивании давно сложившихся академических традиций, отклонив притязания студентов на участие в университетском управлении. Отсутствие поддержки со стороны Министерства народного просвещения привели к разочарованию учащихся в образовательной политике Временного правительства. Это, в свою очередь, повлекло за собой отход от общественно-политической деятельности одной части студентов и резкое «полевение» другой.

Сложившуюся непростую обстановку в Казанском университете обостряла общая кризисная ситуация в стране, сводившая на нет все положительные начинания Временного правительства. В этот период в среде ученых начинают доминировать пессимистические настроения. Об этом отчасти свидетельствует слабая активность профессуры и преподавателей (за исключением профессора А.А. Симолина) в деятельности городских и губернских органов новой власти. Ученые Казанского университета, недавно считавшиеся лидерами либеральной оппозиции губернии, оказались чуть ли не на правом фланге стремительно «левешего» общества. Октябрьский переворот университетское сообщество Казани проигнорировало. Тесные взаимодействия Казанского университета с властью большевиков начнутся только после 1918 г., когда в стране развернется болезненный процесс «советизации» высшей школы.

²⁹⁷ Малышева С.Ю. «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2003. – №1/2. – С. 87–92.

²⁹⁸ Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Старый мир при новой власти: Казанский университет в советском политическом пространстве // Мир клио. – Т.2. – М., 2007. – С. 97–114.

ГЛАВА 3

РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИН

- 3.1. *«Сажаем, сеем, как будто и нет на свете революции и войны»: дворянки Казанской губернии в эпоху революции*
- 3.2. *«Зачем берут наших детей и мужей, а полицию не берут...»: крестьянки Казанской губернии в начале XX в.*
- 3.3. *«Нас хотят сделать большевиками, вероотступниками...»: мусульманки Волго-Уральского региона в 1917 году*

3.1. «Сажаем, сеем, как будто и нет на свете революции и войны»: дворянки Казанской губернии в эпоху революции

«Высшие слои общества» – понятие размытое. Его синоним «элита» имеет так же множество значений. Определение, данное в Большой советской энциклопедии, как «лучшие представители общества», не подходит как излишне субъективное и не имеющее четких границ. В «Российской социологической энциклопедии» элита определяется как «наиболее видные представители какой-либо части общества, высшие слои в системе социальной иерархии»¹. Официально в России к 1917 г. еще продолжали существовать сословия, однако в правовом отношении границы между ними были практически стерты, и общество по сути стало классовым². Но и среди сословий и классов существовали прослойки. Дворянство, обычно относимое к верхушке общества, не являлось однородным, и многие дворяне, растеряв земли и богатства, слились с представителями чиновничества, буржуазии или крестьянства. Поэтому для определения элитных слоев выделим несколько критериев. Прежде всего, основываясь на понятиях того времени, можно сказать, что негласно к ним относились дворяне, чиновники и буржуазия. Из этих классов состоял костяк элиты. Несомненно, одним из главнейших показателей влияния человека в обществе является богатство. Поэтому мы будем рассматривать, прежде всего, жен-

¹ Российская социологическая энциклопедия – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psyoffice.ru/6-619-yelita.htm>, свободный. – Проверено: 26.12.2016.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). – Т. 1. – СПб., 2003. – С. 147.

щин, обладавших существенным капиталом, как своим, так и членов семьи. Это будет основным критерием, поскольку деньги давали большое влияние в обществе и особое отношение. Можно было бы выделить и степень близости к власти, но в Казанской губернии это, как правило, совпадало с уже перечисленными признаками, а женщины, которые получили доступ во власть после революции, еще не успели себя проявить. Итак в качестве элиты мы выделили богатых представительниц дворянства, чиновничества и буржуазии. Конечно, эти слои были неоднородны по культурным традициям, мировосприятию и условиям жизни, поэтому будем рассматривать их по отдельности, выявляя сходства и различия.

После Февральской революции эмансипированные женщины восприняли её с восторгом, ожидая от новой власти разрешение женского вопроса. Однако Временное правительство сосредоточилось на решении исключительно классовых, национальных и религиозных противоречий, что вызвало неудовольствие Российской лиги равноправия женщин. Организованная ею 19 марта в Петрограде демонстрация собрала не только феминисток, но и женщин, не состоявших ни в каких организациях, желавших равноправия полов. Спустя два дня премьер-министр князь Львов принял делегацию Лиги, среди которых была и уроженка Казанской губернии Вера Фигнер. В итоге 20 июля правительство издает постановление о выборах в Учредительное собрание, согласно которому женщины наделялись как активным, так и пассивным избирательным правом³.

В Казанской губернии также велась борьба за женские права, которая принимала организованные формы, например в виде Союза казанских женщин. Но он объединял в своих рядах представительниц различных сословий, а воспоминаний и документальных сведений о его существовании нами найдено не было, в результате политическое участие представительниц высшего общества Казанской губернии будет представлено лишь эпизодически.

Наиболее полное отражение в источниках получили казанские дворянки. С началом Первой мировой войны большинство мужчин ушли на фронт, но, поскольку дворяне обычно занимали офицерские должности, вероятность быть убитым у них была меньше. Оставшимся дома женам и дочерям по-прежнему шел доход с поместья, но им пришлось взять ведение хозяйства на себя. Кроме того, они занимались благотворительностью, оказывая помощь фронту и раненым.

Однако после февральской революции положение дворян стало меняться. Носить офицерскую форму с погонями было опасно,

³ Пиетров-Энкер Б. «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / пер. с нем. – М., 2005. – С. 292.

участились случаи нападений крестьян на имения, а иногда местная власть вставала на их сторону и вопреки постановлениям Временного правительства одобряла отъем помещичьей земли и имущества в пользу сельских обществ.

Такое внезапное изменение своего положения стало для дворян шоком. Особенно тяжело пришлось женщинам, большинство которых в такой кризисный момент оказалось без поддержки мужей, оставшихся в армии.

Хотя большинство опубликованных воспоминаний о событиях 1917 г. составляют мемуары рабочих, большевиков, которые были востребованы в советское время, до нас дошли описания того периода и казанских дворянок. Прежде всего, это автобиографический роман Ольги Ильиной (в девичестве Боратынской) «Канун восьмого дня»⁴. Написанный много позже, он наполнен авторской рефлексией мыслей и чувств, которые она тогда переживала и является очень ценным источником. Также остались дневники её тети, Ксении Николаевны Боратынской⁵. В них больше бытовых вопросов, чем философских, и в совокупности с книгой Ильиной позволяют нам увидеть, как жилось дворянкам в Казани в тот непростой период.

Семья Боратынских даже в период войны не осталась без главы семейства. Александру Николаевичу Боратынскому в 1914 г. было 47 лет, и он уже не подлежал призыву, но оставался полным сил. Поэтому его дочери Ольге и сестре Ксении, муж которой также остался рядом, не приходилось волноваться о хозяйственных делах. Однако даже они отметили удорожание товаров. Ксения Николаевна приводит цены в разное время – до войны, к марту 1917 г. и к октябрю того же года на продукты, которые, очевидно, имели для неё немаловажное значение. К ним относятся масло, молоко, курица, ржаной и белый хлеб, мясо, яйца, ржаная мука, нитки, штопальная бумага, чулки и ситец. Так, стоимость фунта ржаного хлеба взлетела с 2,5 копеек в предвоенный период до 18 копеек накануне октября 1917 г. Белый хлеб исчезает с прилавков еще весной этого года, то же происходит с постным маслом, яйцами, ситцем и штопальной бумагой к октябрю. Но надо отметить, что такой сравнительно небольшой набор необходимых товаров может объясняться образом жизни Ксении Николаевны. Она по собственной инициативе организовала школу для крестьянских детей в деревне, где сама вела уроки и занималась их воспитанием, вышла замуж также за крестьянина (хотя и с высшим образованием) и вела простой образ жизни. Другим требовались многочисленные наряды для выездов в свет, более богатый продовольственный на-

⁴ Ильина О.А. Канун Восьмого дня. – Казань, 2003. – 400 с.

⁵ Боратынская К.Н. Мои воспоминания. – М., 2007. – 538 с.

бор, что в условиях отсутствия даже белого хлеба, несомненно, порождало некоторые неудобства.

Непосредственно перед революцией многие дворянки уже чувствовали её дыхание. Даже для абсолютно индифферентных к политике женщин был очевиден закат старого мира. Еще в конце 1916 г. Ксения Николаевна Боратынская, с восторгом прославляя дворянство, словно чувствовала окончание его эпохи: «Я ощутила самую душу нашей общечеловечности, ее преданности России, с ее идей служения народу без всякой фанфары, без самопрославления, без всякого афиширования своей работы и часто жертвенности. Все, что в нас, как в классе русского земски настроенного дворянства, есть лучшего, встало передо мной так рельефно, так живо! Потрясающе живо, как жив для вас становится дорогой друг, которому, вы знаете, суждено завтра умереть. Вы помните все его ошибки и грехи, но они становятся только тенями!»⁶. Её сестра Екатерина имела схожие взгляды, говоря: «...судя по тому, как всё идет, наше дворянские выборы могут быть последними»⁷.

Большинство дворянок сходились во мнении, что их сословие играет ведущую роль в духовной жизни общества, и поэтому они имеют право на те богатства, которыми обладают. Без них дворяне не смогут безвозмездно выполнять работу по окультуриванию низших классов. Естественно, не все разделяли эту позицию. Ксения Боратынская призывала отказаться от всяких экономических привилегий, доказывая, что только так они будут иметь моральное право отстаивать свои ценности и учить других⁸.

И всё же свержение монархии и установление власти Временного правительства стало неожиданностью. Ольга Ильина готовилась выйти замуж за офицера Кирилла Ильина и в конце февраля отправилась в Москву, чтобы повидаться с женихом, получившим кратковременный отпуск. Здесь её и застала революция. Видя массы народа, приходившие в восторг от революционных лозунгов, офицеров, еще вчера носивших погоны императорской армии, а сегодня сменивших их на красные банты, девушка испытала негодование от такой разительной перемены. «Пусть время для революции созрело, пусть необходим был сильный толчок, чтобы поставить Россию на правильный путь. Но они все играли! ... Все эти радующиеся люди ничего не знали, ничего не думали, не понимали о своем отечестве. Они были за революцию. Не за Россию, не с ней. И я была не с ними»⁹. Но в целом Ильина не стремится осмыслить революцию, выра-

⁶ Ильина О.А. Канун Восьмого дня. – Казань, 2003. – С. 227.

⁷ Там же. С 219–220.

⁸ Там же. С. 228.

⁹ Там же. С. 240.

ботать к ней беспристрастное отношение, она воспринимает её как данность, обстоятельство, которое уже невозможно изменить, но приходится принимать его в расчет. В Москве она, хоть и больная, но пытается найти жениха, боясь, что он не снимет офицерские погоны и с ним может что-то случиться. Узнав, что Кирилл (в романе она называет его Игорь) остался на фронте и с ним всё в порядке, она возвращается в Казань на поезде, забитом дезертирами. В Казани Ильина, кипя энергией, бросается в общественную жизнь, протivoдействует красным студентам сорвать экзаменационную сессию, посещает какие-то собрания, но эти события описывает вскользь, как нечто маловажное. В мае она выходит замуж, что открывает новую страницу её жизни. Прежде её защитником и самым близким человеком был отец, который помогал не только физически, но и подсказывал в вопросах более абстрактных, о поиске пути в жизни, которые поднимались в душе перед лицом перемен. В самый канун Февральской революции между Ольгой Александровной и её отцом состоялся практически случайный разговор о духовных устремлениях девушки. Они обсуждали отсрочку свадьбы Ольги, и та заметила, что с теми, кто «кооперирует с жизненным Смыслом», не может произойти случайности, а всё направляется Богом. Другой бы человек, даже образованный, но более грубый, мог бы назвать её мысли глупыми мечтами, но Александр Николаевич отнесся к этим словам серьезно и они немало проговорили на эту тему. Такое внимание позволяло забыть о трудностях внешнего мира и ощутить заботу родных. После свадьбы все мысли Ильиной будут посвящены мужу и вместе с ним она покинет сначала Казань, а потом Россию¹⁰.

Ольга Ильина относилась к типу «столичных» дворянок. Хорошо образованная, энергичная, размышляющая, она вела активную светскую жизнь и наиболее близка к тому образу, который представляют, когда говорят о «высшем сословии». Между тем казанское дворянство представляло значительное разнообразие в стиле жизни, имущественном положении и мировоззрении.

Даже тётка Ольги – Ксения Боратынская – разительно отличалась от племянницы. Также получившая хорошее образование, она направила его не в творческое русло, как Ольга, которая тяготела к поэзии и прозе, а на помощь крестьянам. Эта тяга к крестьянам проявлялась также у её брата, Александра Николаевича. Он не раз выручал жителей сел и деревень по соседству с его имением в Шушарах, но в то же время держал дистанцию с ними, считая, что крестьяне еще не готовы к самостоятельной жизни без попечения со стороны дворянства из-за низкого уровня образованности. Боратынский организовывал сельские школы, чтобы исправить этот

¹⁰ Ильина О.А. Канун Восьмого дня. – Казань, 2003. – С. 235–252.

недостаток, а его сестра решила непосредственно учить крестьянских детей. Ею вместе с братом была организована школа недалеко от Шушар, где она сама вела уроки. Вышла замуж она за крестьянина Архипа Кузьмича Алексеева, которому помогала подготовиться в учительский институт и затем в университет. Постоянное общение с простым народом и саму её приучили к простоте. Имевшая обширные теоретические знания, она слабо разбиралась в политике. Так, она говорила, что склоняется к конституционной монархии, но 20 июля 1917 г. в её дневнике появляется запись «у власти Керенский, Кропоткин и Плеханов»¹¹. Если Кропоткин хотя бы участвовал в работе Государственного совещания и ему предлагали войти в состав Временного правительства, то Плеханов к органам власти никакого отношения не имел.

Ксения Николаевна ходила и на митинги, где её охватил азарт, и она хотела говорить, но испугалась своего волнения¹². Этим её участие в политической жизни того периода и ограничилось. На лето Ксения Николаевна с мужем и детьми уехали в деревню Крутояр: «сажаем, сеем, как будто и нет на свете революции и войны»¹³. И действительно, в этот период в дневнике Боратынской основное место занимают описание природы, мысли о детях, лишь иногда перемежаемые чрезвычайными происшествиями, такими, как слухи об отнятии имения, приход крестьян с просьбой дать спирта. Но все они оканчивались благополучно, лишь в декабре 1917 г. Крутояр перешел в ведение государства.

Развитие революции шло параллельно продолжающимся боевым действиям. Дворянки воспринимали войну двойственно. С одной стороны, на фронте находились их близкие, которые подвергались опасности, с другой, в них был силен дух патриотизма, который требовал вести войну до победного конца. Кроме того, большинство представителей дворян были офицерами, и угроза смерти для них чувствовалась не так сильно, как для рядовых. Поэтому между высшими и низшими слоями существовали большие различия в этом вопросе. Среди представительниц буржуазии, интеллигенции, чиновничества и дворянства преобладали патриотические настроения, а для крестьянок и мещанок, мужья которых были оторваны от хозяйства и подвергались наибольшей опасности, более близка была пацифистская идеология, которую пропагандировали большевики. Это расхождение во взглядах ярко проявилось во время митинга за избирательное право для женщин 20 марта в Петрограде. Тогда феминистки толкнули на ступени Таври-

¹¹ Боратынская К.Н. Мои воспоминания. – М., 2007. – С. 400.

¹² Там же. – С. 398.

¹³ Там же. – С. 399.

ческого дворца большевичку, пытавшуюся обратить внимание на проблемы войны¹⁴.

В Казани дворянки рассматривали идею окончания войны как нечто позорное, а победа и судьба страны сливались в их сознании в одно целое: «Закончить войну, не изменив союзникам, помочь России как-то протянуть до ноября, то есть до Учредительного собрания, и тогда истинная воля народа скажется»¹⁵. Женщины «с интеллигентными проникновенными лицами» тренировались на Театральной площади перед отправкой в добровольческие женские батальоны¹⁶.

Но проблемы войны отступали на второй план, выступая фоном, на котором разворачивались более насущные проблемы тревожного периода весны – осени 1917 г. Причем, хотя большинство дворянок были настроены против революции, или, в крайнем случае, нейтрально, находились и такие женщины, для которых выступление против правительства являлось одним из немногих способов донести свою позицию и утвердиться в качестве полноправной фигуры в обществе. Известная по событиям первой русской революции 1905–1907 гг. революционерка Вера Булич (по мужу Брауде) показала свой характер еще в детстве, отказавшись посещать уроки закона божьего, за что была исключена из гимназии. В последующем она включилась в революционную деятельность и сблизилась с большевиками, в итоге неоднократно бывала в ссылках и лишена дворянских привилегий, став мещанкой. Хотя формально к 1917 г. она и не была дворянкой, но родилась и воспитывалась она в дворянской среде.

Если для Ольги Ильиной одним из главных событий революционного времени стало замужество, которому она посвятила свою дальнейшую жизнь, то Вере Петровне Брауде, которая в феврале 1917 г. родила дочь, было не до семейных дел. Оставив ребенка родителям, она немедленно включилась в революционную жизнь и взялась за организационную работу на партийном поприще¹⁷.

Кроме Брауде, известна еще одна «бунтарка» – Лидия Николаевна Коротнева-Закржевская, еще в 1906 г. сосланная в Вологодскую губернию за хранение брошюры, изданной Казанским комитетом партии социалистов-революционеров. В 1917 г. она, вернувшись из ссылки, организовала в Казани группу анархистов-коммунистов¹⁸.

¹⁴ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / пер. с англ. – М., 2004. – С. 400.

¹⁵ Ильина О.А. Канун Восьмого дня. – Казань, 2003. – С. 250.

¹⁶ Там же. С. 251.

¹⁷ ЦГАИПД РТ. Ф. 30. Оп. 3. Д. 518. Л. 5.

¹⁸ ЦГАИПД РТ. Ф. 30. Оп. 3. Д. 519. Л. 52, 53.

Точно неизвестно, что стало причиной такого нестандартного поведения. Возможно, это был бунт против неравноправного положения женщин или же обостренное чувство справедливости заставило их выступить против своего окружения. Хотя такие случаи были редкостью и этих дворянок считали маргинальными персонами, в то же время они иллюстрируют неоднородность сословия.

Другие, например Наталья Петровна Куприянова, использовали более миролюбивые способы проявить свою активность. Она являлась дочерью крупного помещика Петра Куприянова, еще до революции занималась общественной работой, была попечителем XXIV городского начального училища, одной из старшин Общества любителей изящных искусств под Высочайшим Его Императорского Величества государя императора покровительством, членом правления Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Казанской губернии¹⁹. В период неурожая 1906–1907 гг. Наталья Петровна помогала голодающим, пыталась организовать столовые для них, но правительство не дало для этого разрешения²⁰. В 1917 г. ей исполнилось 49 лет, но энергия дворянки продолжала бить ключом. В марте она открывает первый женский митинг в Казани, где предлагает вспомнить «великих борцов за свободу народа, своей кровью запечатлевших достижения народные»²¹. А в октябре баллотируется в Казанскую городскую думу от блока эсеров и меньшевиков²². Если в дореволюционной России за попытку организации благотворительности без официального разрешения за ней был установлен полицейский надзор, то в 1921 г. за созыв нелегального собрания Комитета помощи голодающим Куприянова была арестована²³.

Но всё же большинство дворянок были жертвами революции. Архивные материалы пестрят случаями, когда в 1917 г. женщинам приходилось отстаивать свои имения от посягательств со стороны новых органов власти. Так произошло с женой полковника Константина Владимировича Молостова, который находился в действующей армии. Она проживала в имении при селе Три Озера Спасского уезда Казанской губернии, заведя устроенным ею лазаретом для раненых и занимаясь сельским хозяйством. В начале апреля 1917 г. Молостов был вызван супругой в Спасск по причине аграрных беспорядков. Так, 5 апреля в молодостовское имение

¹⁹ Федотова А. В борьбе за право на благотворительность: помощь Н.П. Куприяновой пострадавшим от неурожая 1906–1907 гг. в Казанской губернии // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1916. – № 1/2. – С. 157.

²⁰ Там же. С. 158.

²¹ Камско-Волжская речь. – 1917. – 28 марта.

²² НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.55. Л.176.

²³ Федотова А. Указ. соч. – С. 160.

приехала уездная продовольственная комиссия, совместно с волостным комитетом и под руководством трех-озерского комиссара Вдовина она сняла в имении управляющего и всех служащих. Вскоре крестьяне самовольно стали обрабатывать землю и забрали хранившиеся в имении 15 тысяч пудов семян. Когда же супруга Молостова отказалась явиться в трех-озерский волостной комитет²⁴, прибывший милиционер и один крестьянин схватили ее за руку и за ногу, чтобы потащить в комитет, но раненые солдаты из лазарета отстояли ее силой. В последующем беспорядки в имении Молостовых продолжались²⁵.

Для защиты своих земель приезжали даже дворянки из других губерний. Например, товарищ министра внутренних дел Урусов прислал казанскому губернскому комиссару А.Н. Плотникову рекомендательное письмо, в котором просит помочь Любове Владимировне Хитрово, отправившейся в Казанскую губернию, защитить её права, так как, по слухам, крестьяне самовольно реквизируют принадлежащий ей живой инвентарь, захватывают луга и требуют удаления с работ военнопленных²⁶.

А княгине Грузинской, арестованной Урахчинским волостным комитетом, не помогло даже заступничество уездного комиссара и пришлось вмешаться главе губернии. Только после его просьбы комитет освободил дворянку²⁷.

Такое положение создавалось в результате неповиновения центральному правительству волостных и сельских органов власти, формировавшихся стихийно. Если губернский и большинство уездных комиссаров являлись выходцами из дворянства и чиновничества, то на уровне волости и отдельных деревень местные комитеты состояли из крестьян, которых агитировали представители левых партий и поддерживали Советы. Так, 13 мая Совет крестьянских депутатов Казанской губернии издал постановление, согласно которому частновладельческая земля передавалась в ведение крестьян²⁸. Губернский комиссар потребовал отменить его, но слухи об этом акте уже расползлись среди крестьян и будоражили сельскую местность еще в течение нескольких месяцев.

Перед лицом толпы помещицы оказались совершенно бессильны. Милиция бездействовала или становилась на сторону грабителей. Комиссары старались помочь попавшим в беду дворянкам, но кроме материального ущерба, беспорядки причиняли и ущерб мо-

²⁴ НА РТ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 64. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 2 об.

²⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 30. Л. 413.

²⁷ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 33. Л. 608–609.

²⁸ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.

ральный. Женщин, ранее считавшихся элитой общества, таскали за ноги, сажали в тюрьму, поносили.

Помимо прямых угроз со стороны революционно настроенного населения, стало ухудшаться и материальное положение дворянства, особенно среди незащищенных слоев. Уже в апреле 1917 г. одним из основных вопросов, которыми занималось собрание предводителей и депутатов дворянства, являлись прошения с просьбой выделить средства на жизнь от вдов²⁹. Однако даже в чрезвычайных условиях, в которых оказалось российское общество, и дворянство в частности, многие повседневные заботы сохраняли свою первостепенную значимость. Дворянки старались дать своим детям возможность поступить в учебные заведения или завершить уже начатое образование, кто-то нуждался в лечении или элементарно в средствах на существование. В дворянское собрание и другие общественные организации, полномочные выдавать пособия, дворянки и жены чиновников подавали соответствующие ходатайства. Например, вдова коллежского секретаря Калерия Фридриховна Мокрушина по случаю смерти мужа получила различные пособия на детей, а также пенсию за службу покойного супруга. Так, Александровский комитет о раненых выдавал ей пособие на воспитание сына до достижения им 7-летнего возраста, затем для получения такой же выплаты она обратилась в Главное управление военно-учебных заведений³⁰. Совет Родионовского института благородных девиц удовлетворил прошение о зачислении дочери потомственного дворянина Дмитрия Владимировича Пенинского Елены на свободную стипендию имени Чемесовой³¹. Иногда прошения оставались без удовлетворения. К примеру, 27 июня 1917 г. собрание предводителей и депутатов казанского дворянства рассматривало прошение дворянки Ольги Николаевны Парамоновой о назначении ей денежного пособия, поскольку муж Дмитрий Георгиевич оставил ее без содержания. Но эту просьбу отклонили без разъяснения причин³².

Некоторым дворянкам даже из богатых семейств приходилось становиться самостоятельными и зарабатывать на существование. Жизнь Александры Валериановны Молостковой еще до 1917 г. сложилась неблагоприятно. В 1909 г. скончался её отец, а спустя пять лет, после тяжелой десятилетней болезни, – мать. К тому времени ей было двадцать восемь лет, но она посчитала своё гимназическое образование недостаточным и продолжила обучение. В

²⁹ НА РТ. Ф. 350. Оп. 2. Д. 389. Л. 4 об.

³⁰ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 156. Л. 34.

³¹ НА РТ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 3227. Л. 99 об.

³² НА РТ. Ф. 350. Оп. 2. Д. 389. Л. 28 об.

годы, предшествующие революции, Молостова являлась вольнослушательницей курсов иностранных языков в Петрограде, затем вступила в Петроградское общество содействия до- и внешкольному воспитанию, одновременно посещала организованные им краткосрочные педагогические курсы, а также участвовала в устройстве яслей и клуба молодежи в рабочем районе столицы в 1915–1917 гг. Закончив учение и практику, Александра Валериановна вернулась в Казань, где с июля 1918 г. жила безвыездно. Она взяла на иждивение двух престарелых одиноких теток, а в дальнейшем ей пришлось работать на заводах, в различных конторах, библиотеке и в 1924 г. переключилась на педагогическую работу³³.

После октябрьской революции положение дворянок ухудшилось, власть заняла откровенно враждебную позицию к бывшему высшему сословию. Стало опасно даже просто появляться на улице. Однажды Ольга Ильина с мужем поехали на свадьбу друзей, и их сани случайно въехали в толпу демонстрантов. Увидев хорошо одетую женщину и офицера, один из них подскочил и крикнул: «Недолго вам так разъезжать!». Неизвестно, чем всё закончилось бы, ответ ему Кирилл Ильин, но его опередила Ольга, со смехом бросив: «Да мы знаем, знаем это». Вместо ярости этот ответ вызвал в толпе хохот, и сани пропустили³⁴.

Начали нарастать и бытовые неудобства. Кроме лишения доходов с имений, Боратынским пришлось потерпеть и тесноту в своем городском доме после выхода декрета о насильственном уплотнении жилья. К их счастью, благодаря приехавшим из Петрограда семьям их родственников, не пришлось жить с посторонними людьми.

Чтобы прожить зиму 1917–1918 гг. пришлось продавать вещи, некоторые предприимчивые родственники Боратынских пытались зарабатывать деньги, продавая дрова из деревень, открывая небольшие лавочки и кафе. Ольга и Кирилл Боратынские стали делать ржаной кофе и продавать его знакомым³⁵. Такие заработки не приносили большого дохода, но судя по всему, дворяне и не бедствовали.

Настоящие бедствия начались в конце лета 1918 г. 6 августа Казань была захвачена белогвардейцами, но долго им удержаться не удалось, и 10 сентября город вновь переходит в руки большевиков. Многие дворяне перед этим успели уйти вместе с войсками «белых», в том числе и Кирилл с Ольгой и Архип Кузьмич, муж Ксении Боратынской.

³³ НА РТ. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об.

³⁴ Ильина О.А. Канун Восьмого дня. – Казань, 2003. – С. 257.

³⁵ Там же. – С. 271.

Однако сама Ксения Николаевна осталась. В октябре 1917 г. ей пришлось пережить несколько неприятных дней во время большевистского переворота, но всё обошлось. Однако уже через год, в сентябре 1918-го, её брата, Александра Николаевича расстреляют, а мужа она так и не увидит.

Несмотря на дворянское происхождение, Ксения Боратынская и в советские годы продолжит работу в школе, благополучно переживет сталинские репрессии и умрет в 1958 г. Возможно, именно её увлечение педагогической деятельностью и семьей помогло ей в трудное время после двух революций. Она смиренно принимала удары судьбы, в дневнике не заостряет внимание на бытовых неудобствах и, вопреки принадлежности к дворянскому сословию, приняла даже большевистский переворот³⁶.

Хотя восприятие двух революций 1917 г. у дворянок не было однозначным, варьируясь от полного неприятия до абсолютной поддержки и вступления в ряды революционеров, есть нечто объединяющее их в это тревожное время. Они оказались одним из наименее защищенных слоев общества, поскольку им было, что терять. Имения, доходы, положение в обществе – всё это было утрачено в течение короткого периода. Уже после февраля стали происходить инциденты с попытками завладения землями и имуществом дворян, а с наступлением октября, бывшее высшее сословие и вовсе стало изгоем, и многие его представители потеряли родину и даже жизнь. Если мужчины могли сражаться за свои интересы и убеждения, то у женщин практически не было для этого возможностей. Законы не исполнялись, мужья на фронте, а толпы крестьян хоят земли. В результате дворянки либо бежали со своими супругами, либо принимали новую власть с надеждой на лучшее. Но, несмотря на обстоятельства, многие из них с честью выдерживали многочисленные испытания, не уступая мужчинам, а порой даже превосходя их в силе воле и смелости.

Если взрослые женщины, даже слабо разбирающиеся в политике и индифферентно относящиеся к революции, отмечали её как одно из важнейших событий в их жизни, то для молодежи всё происходившее как будто не имело никакого значения. М.В. Нечкина, в будущем ставшая академиком, в 1917 г. поступила в Казанский университет. Она являлась дочерью директора Казанского промышленного училища статского советника Василия Ивановича Нечкина, а её мать, Надежда Николаевна Северова, закончила Петербургские высшие курсы³⁷. В интеллигентной семье и Ксенинской гимназии ей

³⁶ Боратынская К.Н. Мои воспоминания. – М., 2007. – С. 407.

³⁷ Дневники М.В. Нечкиной: Казань и Казанский университет (1917–1924 гг.). – Казань, 2003. – С. 7.

привили вкус к образованию и наукам. В её дневниковых записях преобладает описание научных занятий, восторг перед открывшимся миром новых знаний, а грандиозные перемены, происходящие в городе и стране, описываются как бы нехотя. Краткое внимание уделено лишь восстанию большевиков³⁸ и то потому, что не замечать стрельбы, стало просто невозможно. В одном месте она прямо говорит, что старается избежать описания «ужасного времени». На миг приоткрывая завесу, скрывающую бытовую жизнь, Милица Васильевна пишет: «уже давно мы едим почти одну картошку, воблю и черный хлеб. Уже не помню, когда мы видели сахар, мяса почти не видим»³⁹. Нечкина хочет скрыть тяжелое положение от самой себя, стремится отрешиться от голодной и тяжелой жизни, с головой уйти в науку, которая стала альтернативой реальному, но безрадостному миру. Вместе с тем, этот же случай показывает, что для женщин из высшего общества описываемый период представлял не только череду тревог и забот революционного времени, но и был наполнен мечтаниями, работой над собой, проблемами, никак не связанными с политической ситуацией.

Казанские гимназистки также как будто жили в ином мире. В стенгазете «Атом», вышедшей осенью 1917 г., нет ни одного упоминания о революции! Писали об отъезде учителей, о темах рефератов, есть заметка и о смерти их одноклассницы, однако не указана её причина⁴⁰. Они словно считали, что стены гимназии защищают их от ужасов извне, которые не стоит привлекать, упоминая их.

Летом ученицы 3-й Казанской женской гимназии во главе с учительницей Н.А. Еллинской участвовали в сельскохозяйственных работах в Лаишеве на добровольных началах. Они работали по 8 часов в день под палящими лучами солнца, а потом еще дежурили в столовой и делали уборку в помещении, но при этом не унывали и трудились, напевая песни⁴¹.

О судьбе своей и страны девушки стали задумываться позже, когда поняли, что тяжелые времена пришли надолго. Вечером 6 сентября 1918 г., когда Казань вот-вот оставят белочехи и войдут красноармейцы, М.В. Нечкина размышляла: «Ясно, что так жить нельзя. Ясно, что не надо, чтобы были голодные, больные, грязные. Что же делать, что же делать? Ведь прежде, как будто все знали, что. Я знаю, что не имею права умереть, не разрешив этого вопроса»⁴². Она заболевает туберкулезом позвоночника и еле мо-

³⁸ Там же. – С. 17.

³⁹ Там же. – С. 25.

⁴⁰ ОРРК НБ КФУ. Ед. хр. 9662(1).

⁴¹ Камско-Волжская речь. – 1917. – 23 июня.

⁴² Дневники М.В. Нечкиной: Казань и Казанский университет (1917–1924 гг.). – Казань, 2003. – С. 27.

жет ходить. В этот момент положение Нечкиной похоже на то, в котором оказалась Ольга Боратынская, попав в Москву в начале революции. Но Боратынская преодолевала болезнь, чтобы найти своего жениха, а Милица Васильевна же встает с кровати, что посетить университет и продолжать учиться. В этом усматривается их различное мировоззрение. Если Боратынская, хоть и занималась творчеством, но лишь в виде хобби, не представляя свой путь без создания семьи, то Нечкина прямо высказывает противоположную мысль: «Моим девизом будет – «Любовь и Наука», но если придется выбирать, я выберу последнее»⁴³. Воспитанная в семье, где науки были в почете, она отбросила традиционные ценности и выбрала свой путь. Причем, случай с Нечкиной был не исключением, а скорее правилом. Первая мировая война способствовала развитию самостоятельности у девушек, поиску общественно полезной профессии. Опрос, проведенный в 1916 г. среди гимназисток разных городов, показал, что 55% учениц желает стать учительницами. Они стремились реализовать новую модель поведения, стать самостоятельными⁴⁴.

Другим примером ухода от неблагоприятных внешних обстоятельств в какую-либо деятельность может послужить случай с Е.Н. Архангельской-Емельяновой. Она переехала в августе 1917 г. в Казань из Екатеринославской губернии, где работала ординатором нервного отделения Военного госпиталя. У неё недавно умер четырехмесячный ребенок, который освобождал её от военной службы, и Архангельская-Емельянова сама написала заявление о призыве её в качестве врача в один из казанских госпиталей. Её прошение было удовлетворено⁴⁵.

Конечно, не все молодые девушки были аполитичны. Слушательницы Казанских высших женских курсов в апреле стали требовать представительства в совете профессоров по ряду вопросов. Но и они, не желая дестабилизировать обстановку, отвергли методы бойкота и забастовки и заявили, что будут вести мирные переговоры⁴⁶.

Революция принесла женщинам высшего света не только невзгоды, но и новые возможности. После февраля 1917 г. начался

⁴³ Там же – С. 27.

⁴⁴ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – С. 173.

⁴⁵ Афонина Е.В. Участие женщин-врачей Казани в Первой мировой войне // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны: сборник материалов Всероссийской научной конференции с междунар. участием, приуроченной 100-летию начала войны. – Казань, 2014. – С. 156.

⁴⁶ Камско-Волжская речь. – 1917. – 16 апреля.

подъем феминистского движения, стало исчезать гендерное неравенство. Помощник присяжного поверенного Ольга Алексеевна Вегер подала в городскую управу заявление о своем намерении баллотироваться на пост мирового судьи⁴⁷. Тот факт, что заметка об этом событии была опубликована в прессе, свидетельствует о его необычности для современников. Помощником присяжного поверенного Вегер была назначена еще в 1912 г., сразу после окончания Московского университета, однако вскоре отчислена по протесту прокурора, который, видимо, посчитал, что эту должность не может занимать женщина. Но фактически она продолжала работать в сфере юриспруденции, участвуя в судебной практике мужа. В 1917 г. Ольга Алексеевна вновь зачислена в присяжную адвокатуру на основании распоряжения министра юстиции, но решила пойти дальше. Так, она считала, что при реформировании института мировых судей необходимо учредить должность судьи для малолетних, которую она и думала занять впоследствии⁴⁸.

Революция открыла женщинам и долгожданную для многих возможность принять участие в политических делах. На октябрьских выборах в расширенную Казанскую городскую думу наравне с мужчинами баллотировались и дамы разных слоев общества, среди которых значились дворянки Вера Петровна Брауде и Наталья Петровна Куприянова, а также юрист Вера Исаковна Рапопорт и врач Елена Владиславовна Залесская-Сухова – дочь профессора Владислава Францевича Залесского⁴⁹. Надо отметить, что все они выдвигались от левых партий, социал-революционеров и социал-демократов. Такое политическое направление, нетипичное для представителей дворянства и интеллигенции, может рассматриваться, как заявление о независимости не только от мужчин, но и своего социального круга.

Один 1917 г. настолько изменил Россию, что от сословной монархии произошел переход к курсу на построение бесклассового общества. Кроме трансформаций на макроуровне, революции затронули судьбу каждого отдельного человека. В провинции события происходили не так стремительно, как в Москве и Петрограде, но тем ярче были те перемены, которые доходили со временем из столиц.

Рассматривая судьбы женщин из высших слоев общества Казанской губернии, можно отметить как общие черты, так и существенные различия. Как и всем женщинам, им были дарованы избирательные права, открылись более широкие возможности получать образование и делать карьеру. Но как представительницы богатых

⁴⁷ Камско-Волжская речь. – 1917. – 4 июня.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.55. Л.176.

и власть имущих классов, они многое потеряли. Огромная разница в социальном статусе и экономическом положении элиты и огромного большинства населения, породила стремление последних взять своё силой. Революции, пошатнувшие или разрушившие прежние правовые и социальные нормы, способствовали реализации этих стремлений.

Но если для интеллигенции, буржуазии и чиновничества Февральская революция была скорее благом в долгосрочной перспективе, то для дворянок она стала катализатором беспокойств, связанных с попытками захвата их имений. Особенно пострадали те из них, кто был лишен поддержки мужчин, находившихся на войне. Благодаря поддержке местных комиссаров, многие из которых сами были дворянами, в губернии удалось избежать кровавых столкновений крестьян и помещиков, но некоторые дворянки всё же подверглись физическому насилию, хоть и в мягкой форме. Другие, например, Боратынские, пользуясь авторитетом отцов, мужей и братьев, пережили период до октября относительно спокойно.

Для недворянок Февраль тоже не всегда приносил положительные плоды. Многие, особенно среди молодежи, не успели вникнуть в ситуацию и продолжали жить по-прежнему, сосредотачиваясь на учебе или любимом деле.

После Октябрьской революции потери понесли все представительницы элиты. Хотя равноправие полов было закреплено, имущественное положение резко снизилось. Живущие в частных домах подверглись воздействию политики уплотнения, изменившиеся социальная структура и законодательство убрали ряд должностей, приносивших прежде значительный доход.

В целом, можно сказать, что революции были восприняты представительницами элиты скорее негативно. Из рассмотренных нами женщин, не так уж много было нацелено на получение политических и иных прав, уравнивающих их с мужчинами. В отличие от крестьянок, мещанок и солдаток, они имели хорошее обеспечение, не испытывали давления со стороны патриархального общества. Хотя изменения были ими ожидаемы, но лишь как неизбежность. Сама сущность революции заключалась в исправлении неравномерного распределения благ и влияния между классами, но пошла еще дальше и возник обратный крен в ущерб прежней элите. В итоге, невзгоды, принесенные их классу, преобладали над теми плюсами, которые были получены женщинами в целом.

**3.2. «Зачем берут наших детей и мужей,
а полицию не берут...»: крестьянки
Казанской губернии в начале XX в.**

Российское общество в своем большинстве, несмотря на войны и социальные потрясения, сохранило традиционный менталитет. Основой его служили крестьянское самосознание и ценности, присущие простому образу жизни, которое мало менялось на протяжении поколений. Наиболее убежденными и последовательными приверженцами традиционного образа жизни были сельские женщины, которые и по сей день являются примером трудолюбия, упорства и терпения.

Формирование представлений о жизни крестьянки и ее социальной роли в период революционных потрясений 1917 г. невозможно без демонстрации повседневности. Жизненный уклад женщин, как и других членов крестьянского социума, определяли два института – община и семья. В них концентрировались главные структурные компоненты крестьянского мировосприятия, установки и ценностные ориентации.

Как верно заметили историки Даниловы: «Ментальность крестьянства – это общинная ментальность, сформированная в рамках замкнутого локального сообщества, в сельской соседской организации»⁵⁰. В начале XX в. община имела широкое влияние на все стороны крестьянской жизни: от быта и религиозных отношений до административно-хозяйственных проблем. Сельская община выступала как социальный институт, регулировавший внутреннюю жизнь крестьянства и его связь с внешним миром.

Российская крестьянская семья представляла собой уменьшенную копию общины. Основной характеристикой такой семьи являлась коллективная собственность ее членов на средства производства, коллективный труд и потребление. Так, земля, скот, дом, хозяйственные постройки, инвентарь и прочее составляли собственность всей семьи. Каждый член семьи вкладывал свой труд в упрочение общесемейной собственности. Из общесемейных доходов исполнялись подати и повинности, обеспечивалось содержание всех членов семейного коллектива.

Семейный уклад крестьян Казанской губернии в начале XX в. характеризовала патриархальность (традиционность). Она была результатом доминирования не нормативной традиции: передачи опыта от поколения к поколению и безоговорочного авторитета

⁵⁰ Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. – М., 1996. – С.22.

стариков, старейшин, носителей обычаев. Основы традиционного русского быта сложились в основном под влиянием церкви, ее религиозных догм, которые предусматривали главенство старших в семье. В сознание русского крестьянства со временем укоренилось устойчивое представление, что «хозяин в доме мужик». Оно стало чем-то незыблемым и прочно вошло в нормы обычного права, которым руководствовались крестьяне в повседневной практике.

Женщина в этой семейной иерархии находилась на заднем плане, она должна была беспрекословно слушаться своего мужа и других старших мужчин в семье. Уже с ранних лет девочек в крестьянской среде приобщали к трудовым навыкам, релевантным их будущей роли матери и домохозяйки: 5–6 летние девочки мыли посуду и полы, носили воду, нянчили младших братьев и сестер. Нередко девочкам дошкольного возраста приходилось заниматься и более серьезными работами: «пасти телят, овец, гусей, учиться прясть и ткать, помогать матери по хозяйству»⁵¹. В подростковом возрасте их подключали к выполнению всех женских работ. В весенне-летний период, когда взрослые зачастую отсутствовали дома, на девочках оставалось все хозяйство. Девочек учили грести сено, собирать колосья при жатве, помогать в вязании снопов и т.д. Уже в юном возрасте девочка приобретала все знания, необходимые крестьянской женщине, будущей хозяйке дома.

При переходе из одной социовозрастной группы в другую приобретался новый статус, а вместе с ним и новые возрастные стереотипы, что находило свое выражение во внешнем облике, поведении, семейных, трудовых и религиозно-обрядовых функциях. Девушки активно помогали матери и невесткам в домашнем хозяйстве и полевых работах (боронили землю, молотили зерно и убирали урожай). Приобретенный девушками трудовой опыт вместе с физиологическими переменами определяли их зрелость, являлись показателем совершеннолетия и готовности к браку. Замужество было главной доминантой для крестьянской девушки. Оно освобождало их от положения временного, лишнего человека в семье отца, в которое они попадали по достижении брачного возраста. Даже несмотря на исключительно тяжелое положение женщины в семье мужа, замужество было заветной мечтой каждой крестьянской девушки.

Переход в группу замужних женщин являлся поворотным пунктом для каждой крестьянской девушки. Этот переход, связанный с репродуктивной функцией женщины, был важен и для крестьянского общества. Считалось, что брак – единственная форма полноценной, добропорядочной жизни, которую благословил Бог. Брак составлял фундамент крестьянской семьи и считался обязательным

⁵¹ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – С. 330.

для человека, а безбрачие воспринималось как неполнота, неисчерпанность жизненного цикла⁵². Мужчины и женщины, не вступившие в брак в установленное обычаем время, вызывали всяческое осуждение односельчан. На них смотрели либо как на неудачников, либо как на безнравственных людей, уклоняющихся от соблюдения законов крестьянской жизни. За такими людьми в народе закрепились обидные прозвища: неженатых мужчин называли «бобылями», «трутнями», «непутевыми» и т.п.; женщин оставшихся вне брака – «старыми девами», «вековушками», «пустоцветами» и пр.⁵³

По материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в браке состояло абсолютное большинство взрослого населения Российской империи. Доля состоящих в браке мужчин и женщин была почти равной (66,3% и 65,9% соответственно)⁵⁴. По Казанской губернии цифры были близки к общероссийским показателям: женатых мужчин – 65%, замужних женщин – 61,2%⁵⁵. Если анализировать семейное положение населения губернии по возрастным критериям, то оптимальным, для вступления в брак, возрастным отрезком был период с 20 до 29 лет (у мужчин – 55,9%, у женщин – 72,9%). Тенденция к повышению брачного возраста в начале XX в. была связана, с одной стороны, с развитием в деревне товарно-денежных отношений, с другой введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности, согласно которой все пригодные к воинской службе мужчины по достижении 21 года обязаны были отслужить в армии от 3 до 6 лет⁵⁶.

Женщины гораздо чаще мужчин, почти в 3 раза, вступали в ранние браки (в возрасте до 20 лет): 14,4% против 4,9% соответственно⁵⁷. И хотя такие браки становились редкостью они, по-прежнему, соответствовали нуждам крестьянской семьи: кто-то торопился избавиться от лишнего едока в доме, а кто-то приводил новую работницу. Некоторые родители попросту не хотели затягивать замужество своих дочерей, опасаясь добрачных связей, которые значительно осложняли выход девушки замуж.

С замужеством для крестьянки начинался новый этап в ее жизни. Изменение общественного статуса влекло за собой обретение ею

⁵² Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. – М., 2012. – С.9.

⁵³ Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. – М., 2004. – С.22.

⁵⁴ Общий свод по Империи результатов разработанных данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – Т.1. – СПб., 1905. – С.78–79.

⁵⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – Т.ХIV. Казанская губерния. – СПб., 1904. – С. XI.

⁵⁶ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. – Тамбов, 2004. – С.170–171.

⁵⁷ Там же.

функций, обусловленных традициями семейного быта. Уделом замужней женщины становился повседневный изнурительный труд и безропотное подчинение супругу. Власть мужа, его отношение к жене определялись традиционными взглядами и стереотипами поведения. В деревне существовали неписанные правила, регламентирующие поведение замужней женщины (участие в посиделках, разговоры на публике с холостым мужчиной и пр.). В начале XX в. корреспондент «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева сообщил из с. Три Озера Спасского уезда Казанской губернии, о неограниченной и бесконтрольной власти мужа над женой. По его словам: «... супруг мог выгнать жену из дома и отказать в содержании, был вправе требовать полного повиновения, работы»⁵⁸. Супруга была обязана безропотно смириться со своей долей, и неукоснительно подчиняться устоявшейся норме, что «жена должна мужу служить». К вышесказанному нужно добавить, что мужу по православным канонам поручалась ответственность за «воспитание», или так называемую «учебу» супруги⁵⁹, которое среди прочего не исключало применения физической силы. Рукоприкладство в деревне было, чуть ли не нормой семейных отношений, но особенно оно было характерно для семей, в которых хозяином был деспот, самодур, психически неуравновешенный человек или алкоголик. Как верно заметила этнограф О.П. Семенова-Тян-Шанская: «... более всего бьют жен пьяницы: бьют либо за то, что жена скажет что-нибудь «поперек»... бьют из ревности. Бьют и палкой, и рогачом (ухват), и сапогами, и ведром, и чем попало – кулаками, пинком»⁶⁰.

Причинами такого неадекватного поведения были: непослушание распоряжениям по работе или неумение работать, ревность, нежелание жены продолжать совместную жизнь, стремление скрыться от нелюбимого супруга. Помимо этого, у мужа находилось множество других поводов сорвать гнев на жене. Одним из показательных тому примеров может служить эпизод, произошедший в одной из крестьянских семей Чистопольского уезда Казанской губернии. По сообщению местного крестьянина муж избил больную роженицу после рождения девочки перед переделом общинной

⁵⁸ Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX вв.). – Казань, 1973. – С.101.

⁵⁹ О христианском браке и об обязанностях мужа и жены. Учение Св. Иоанна Златоуста (кн. подг. и выпущ. по изд. И.А. Морозова в тип Вильде. – М., 1905). – М., 1990. – С.17.

⁶⁰ Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний // «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX вв. В 3 кн. Кн 1 / Изд. подгот. Н.Л. Пушкарева, Л.В. Бессмертных. – М., 2004. – С. 645.

земли (последней наделялись только мальчишки) и два дня не давал ей есть, и отказывал в помывке в бане⁶¹. Особенно жестоко наказывалась жена в случае, если мужу становился известен факт супружеской измены. Обычное право крестьян не только разрешало, но прямо и категорически требовало, чтобы муж покарал жену, нарушившую супружескую верность⁶². В противном случае общество всячески издевалось и порицало бы мужа за то, что тот не сумел «проучить» непокорную супругу.

Как ни парадоксально это прозвучит, но сами крестьянки, нередко воспринимали всевластие мужа как нечто должное. С малых лет девушка видела обращение отца к матери, помнила неоднократные наставления последней о покорности в грядущем замужестве. Была свидетелем сцен публичной расправы над строптивыми женами. В сознании сельской женщины, страдающей от мужского насилия, закрепилось устойчивое представление о предопределенности судьбы

Случаи рукоприкладства со стороны мужа по отношению к жене допускались также и у марийских семей. Но при этом, в отличие от русских, глава марийского семейства по традиции обязательно должен был советоваться с супругой по имущественным и семейным вопросам, более того, требовалось ее согласия в случае женитьбы детей. Учитывалось мнение супруги и при назначении приданного за дочерей в случае выдачи их замуж, а также при обсуждении того, кому из членов семьи идти в рекруты или на отхожий промысел⁶³. В чувашской семье муж, как правило, ограничивался устным внушением и порицанием, поскольку применение физического насилия по отношению к жене по установленной традиции резко подрывало его авторитет в общественном мнении деревни⁶⁴. Наверное, будет не совсем правильно утверждать, что природа семейного насилия имеет какие-то национальные и конфессиональные корни, поскольку взаимоотношения супругов в повседневной деревенской практике значительно варьировались, несмотря на существующие нормы. Бесспорно, даже в чувашских и татарских крестьянских семьях Казанской губернии, положение жены главы семейства не всегда можно было назвать завидным, порой ей приходилось терпеть бесчеловечное к себе отношение и подвергаться

⁶¹ Кр. Лаврентьев [Лаврентьев И.Е.]. Справедливое распределение наделов // Казанская газета. – 1905. – №10 (6 марта). – С.9.

⁶² Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т.4. Нижегородская губерния. – СПб., 2006. – С.150.

⁶³ Износков Л.А. Обычаи горных черемис. – Казань, 1869. – С.8–9.

⁶⁴ Чуваши. Этнографическое исследование: В 2 ч. Ч. 2. Духовная культура. – Чебоксары, 1970. – С.38.

физическому насилию со стороны супруга. Однако фактор религиозности, почитание народных традиций, уважение к труду имел важную сдерживающую функцию и способствовал укреплению семейно-брачных отношений. В семьях, где царили «мир да лад, и божья благодать», муж за редким исключением поднимал руку на жену, предпочитая «обучать» ее словом. В русских деревнях встречались семьи, где мягкий по характеру муж прислушивался к совету властной по натуре супруги. Более того, если жена происходила из богатой семьи, а муж – бедной, супруга могла полностью подчинить его своей воле⁶⁵.

В начале XX в. семья как институт социализации обладала своей структурной и функциональной дифференциацией. В структурном отношении она была представлена: главой семейства, хозяином (большаком), его женой (большухой), мужем, его братьями с женами и сестрами (снохами и золовками). Иерархичность строго соблюдалась только по отношению к большаку и большухе, между остальными членами семьи были непростые отношения. Глава семейства задавал общий тон в семье, другие мужчины в меньшей степени пересекались с молодой невесткой. Отношения снохи со свекром и свекровью были одними из самых напряженных в крестьянской семье. Острое противостояние большухи и снохи, борьба за право быть «первой на кухне», упреки и нередкие сексуальные притязания со стороны свекра – все это являлось обыденностью.

В многонациональной Казанской губернии положение снох по нормам обычного права несколько различалось. Так, в русских семьях они считались полностью зависимыми от воли своих мужей, свекрови и старшего в семье⁶⁶, тогда как у татар старшая сноха пользовалась уважением. Однако даже это обстоятельство не гарантировало невестке спокойной семейной жизни. Постоянные наговоры свекрови и золовок были обычным явлением, а в случае, если она не нравилась родителям и родным супруга, то каждый шаг, слово, невинная шутка молодой женщины всячески переиначивались и передавались с искажениями мужу. Последний, в свою очередь, играл пассивную роль, он сам был на правах вечно несовершеннолетнего, нередко без права голоса, пока жил с родителями⁶⁷.

В крестьянской семье существовало половозрастное разделение труда. Вся хозяйственная деятельность двора традиционно подразделялась на «мужскую» и «женскую» работы. Труд крестьянки был неимоверно тяжелым. Женщины пахали, копали, возили

⁶⁵ Соловьев Е.Т. Очерки народного юридического быта. – Вып.1. – Казань, 1888. – С.15.

⁶⁶ Соловьев Е.Т. Указ. соч. – С.9.

⁶⁷ Новиков А. Записки земского начальника. – СПб., 1899. – С. 17.

в поле навоз, иногда даже косили, сгребали и увозили сено с лугов. Помимо полевых работ, на них лежали обязанности по уходу и содержанию скота, приготовлению пищи, уборке избы и стирке одежды. Сельские женщины производили все необходимые для семьи заготовки на зиму: солили огурцы, сушили грибы, квасили капусту и т.д. В период с поздней осени до ранней весны крестьянки, помимо основных домашних работ, занимались прядением и шитьем. Характеризуя занятость сельских женщин на рубеже XIX–XX вв., З.З. Мухина, констатирует, что: «... женщины были загружены работой больше мужчин. Женским трудом был охвачен почти весь комплекс крестьянских работ. ... Традиционно сев был единственной полевой работой, которая могла обходиться без женщин»⁶⁸. Не было большой редкостью, когда муж выполнял только те работы, которые оказывались женщине не под силу, все остальное взваливал на нее⁶⁹. Выполнять мужчине, даже мальчику, работу по дому считалось зазорным. Жители деревни в повседневной жизни старались придерживаться этих правил из-за боязни осуждения и насмешек со стороны односельчан.

Важнейшим событием в жизни сельской женщины было рождение ребенка. Репродуктивная функция женщины имела высокую социальную значимость для всего крестьянского сообщества, беременность становилась явлением, привлекавшим внимание окружающих. Любое отклонение от нормы рождало всевозможные сплетни и пересуды. Недаром рождение ребенка воспринималось как милость Божья, а отсутствие детей у супругов считалось наказанием за грехи.

Как правило, рождение ребенка в крестьянской семье не было событием исключительным. Долгое время считалось, что чем больше детей в семье, тем больше рабочих рук, которые необходимы в хозяйстве. Так в пореформенный период крестьянки в среднем рожали 6–8 раз⁷⁰. Однако в начале XX в., в связи с социальным расслоением в деревне, представления крестьян о количественном составе семей несколько поменялись. Материальные соображения стали оказывать сильное влияние на вопросы деторождения. Для многодетной и бедной семьи рождение очередного ребенка могло быть обременительным явлением. Данное положение подтверждается статистикой: в 1910 г. в Европейской России на каждый заключенный брак приходилось в среднем 5,3 рождений. По Казанской губернии показатели

⁶⁸ Мухина З.З. Трансформация статуса женщины в русской крестьянской семье середины XIX – начала XX века. Дисс. ... д.и.н. – М., 2014. – С. 213.

⁶⁹ Новиков А. Указ. соч. – С. 16.

⁷⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2-х т. Т. 1. – СПб., 2003. – С. 179.

были близки к среднестатистическим (5,1 рождений на каждый заключенный брак)⁷¹.

Стихийным регулятором воспроизводства сельского населения была высокая младенческая смертность. Согласно статистике по младенческой смертности в Казанской губернии с 1908–1910 гг.: на 1000 родившихся детей в возрасте до 1 года приходилось 236 умерших⁷². Средний коэффициент младенческой смертности по Казанской губернии в 1912 г. равнялся 24,8%. При этом в некоторых уездах края, по-прежнему, около 50% всех смертей составляли дети до 1 года рождения (Казанский, Цивильский и Свияжский уезды)⁷³. Такая высокая детская смертность, особенно у русских крестьян в определенной степени объясняется императивами, заложенными в сознании матери-крестьянки, неразрывно связанными с принципом выживаемости семейного коллектива. Поскольку у крестьянки не было твердой уверенности в том, выживет ли ее новорожденный, она в ущерб внимания к нему, проводила значительное время за работой, чтобы обеспечить стабильное существование себе и другим членам семьи. Нередко во время беременности женщине приходилось участвовать в тяжелых полевых работах (прополка, жатва и пр.). Суровые реалии крестьянской жизни требовали скорейшего ее возвращения к активному труду, особенно в страдную пору. В деревенской практике возникали случаи, когда мать спустя несколько дней после рождения ребенка отдавала его на воспитание тетке, у которой спустя какое-то время он умирал. Причем после очередного рождения подобный цикл мог неоднократно повторяться⁷⁴. Безусловно, смерть ребенка накладывала определенный эмоциональный отпечаток на родителей, особенно на его мать. Но в целом к детской смертности в деревне относились спокойно. Об этом красноречиво свидетельствовала поговорка: «Бог дал – Бог взял». Это было красноречивым оправданием того, что крестьянки не могли в течение продолжительного периода эмоционально выражать горечь потери ребенка, ввиду постоянной занятости работами по хозяйству.

Сокращение численности членов крестьянских семей в результате семейных разделов на фоне обезземеливания крестьянских хозяйств в результате общего роста крестьянского населения, в совокупности с неурожайными годами конца XIX – начала XX вв. (1891–1892, 1897–1898, 1901, 1905, 1907, 1911 гг.), вынуждали крестьян

⁷¹ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. – М., 1956. – С. 182–183.

⁷² Там же. – С. 195.

⁷³ НА РТ. Ф.359. О.1. Д.590. Л.4–5.

⁷⁴ Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая. – Казань, 1896. – С.124.

чаще использовать альтернативные источники дохода. Крестьяне все чаще уходили в торговлю, на заводы и фабрики, в кустарную промышленность, на отхожие промыслы. В основе крестьянского уклада жизни обозначились новые ценностные ориентиры, главными из которых были стремление к наживе и рост индивидуального сознания. Крестьянин стал смотреть на мир другими глазами.

По данным Б.Н. Миронова, к 1900 г. число крестьян, занимавшихся неземледельческими промыслами по месту жительства, достигло 6,6 млн. человек, а число лиц занимавшихся отхожими промыслами, т.е. уходивших из своей деревни на заработки далее, чем на 30 км, – 3,8 млн. человек, т.е. в 4,7 раза больше, чем в 1857–1859 гг.⁷⁵ Численность крестьян-отходников в Казанской губернии стала неуклонно расти с середины 1890-х гг. Об этом красноречиво свидетельствует количество выданных населению паспортов. Так, в 1895 г. было оформлено 127124 паспорта, в 1913 г. – 228317⁷⁶, соответственно число отходников выросло за это время с 6,21% до 11,78% от всего населения губернии. В 1907 г. постоянно отсутствовавших крестьян в Казанской губернии насчитывалось 4,38%⁷⁷.

Отходничество крестьян стало выступать одним из факторов экономического расслоения внутри семейного коллектива. Не контролируемая со стороны других членов семьи личная собственность мужчин, появлявшаяся в результате сторонних заработков, усиливала стремление к ее умножению, разжигала чувство независимости от отцовского хозяйства, приводила к экономической самостоятельности. Экономическое расслоение расшатывало патриархальные устои в первую очередь в русских семьях, влияя на характер семейного быта и взаимоотношений ее членов. В частности, имели место тенденции к игнорированию возрастной структуры в управлении семьей. Главы семей были вынуждены считаться с мнением своих сыновей или братьев. Помимо существовавшего правила смены главы семьи в случае его недееспособности, в семьях смешанного типа появлялись прецеденты смены глав семей женатыми членами, упрочившими свое материальное положение на отхожем промысле, если первые неумело или «спустя рукава» вели хозяйство⁷⁸. В этих случаях за главами семейств сохранялось лишь право совещательного голоса при новом хозяине, жена которого, как правило, становилась

⁷⁵ Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 466.

⁷⁶ Обзор Казанской губернии за 1895 год. Приложение к всеподданнейшему отчету казанского губернатора. – Казань, 1896. – С.24; Обзор Казанской губернии за 1913 год. – Казань, 1915. – С.32.

⁷⁷ Крестьянское землевладение Казанской губернии. – Казань. – Вып.13. Свод по губернии. – Казань, 1909. – С.12.

⁷⁸ Соловьев Е.Т. Указ. соч. – С.11; Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Указ. соч. – С.112.

главной хозяйкой в доме⁷⁹. Дух противоборства, желание сына и снохи не подчиняться общесемейному укладу, общим устоям, только усиливал тенденцию к семейным разделам.

Происходившие структурные и функциональные изменения влекли за собой изменения в социальном положении членов семьи. Ярким показателем подрыва патриархальных порядков вследствие отходничества были изменения в положении женщины. У крестьянки, муж которой отправлялся на заработки, менялся весь уклад жизни. Женщины приходилось брать на себя функции, традиционно принадлежавшие мужчинам. Жена в отсутствие мужа погружалась в новые заботы, она самостоятельно вела хозяйство, платила подати, справляла все повинности, на ней были покупки и продажи, наем работников⁸⁰. В уездах, охваченных отхожими промыслами (в начале XX в. это Казанский, Мамадышский, Чистопольский, Тетюшский и Лаишевский уезды), мужья, нередко, теряли власть над женами. Это позволяло женщине временно выполнять функции главы семьи. Так, в Ильинской волости Казанского уезда русскими женщинами возглавлялись около 8% хозяйств⁸¹. Хозяйками в семье женщины становились и во время военных конфликтов, в которых участвовала Россия (русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая мировая война). Этнографами было отмечено, что у русских крестьян в семьях смешенного типа возникали ситуации, когда после смерти родителей-стариков, управление домом переходило снохам. Это происходило в том случае, если по каким-либо обстоятельствам (по нетрудоспособности или отсутствия на сторонних заработках и т.п.) сыновья не могли возглавить хозяйство⁸².

Нередким явлением для сельской жизни становился уход крестьянок на отхожие промыслы. И хотя женское отходничество не являлось самостоятельным и было привязано к мужскому, необходимо отметить, увеличение доли участия женщин в сторонних заработках, по сравнению с показателями последней четверти XIX в. Так, в 1913 г. женщины от общего количества крестьян-отходников составляли 10,9%⁸³. В Казанском и Тетюшском уездах по данным за 1914 г. эта цифра была равна 13,1%, что в 2 раза превышало аналогичный показатель за 1876–1878 гг.⁸⁴ В сельскохозяйственном обзоре Казанской губернии за 1917 г. можно встретить следующую описание женского отходничества: «... о том, чтобы женщины исполняли тяжелые работы и в частности такие, при которых

⁷⁹ Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Указ. соч. – С.112.

⁸⁰ Мухина З.З. Указ. соч. – С. 228.

⁸¹ Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Указ. соч. – С.113.

⁸² Там же.

⁸³ Обзор Казанской губернии за 1913 год. – Казань, 1915. – С.33.

⁸⁴ Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Указ. соч. – С.111.

приходится управлять лошадью, мы в довоенное время редко слышали: теперь же это наблюдается сплошь и рядом. Типичными работами этого рода можно считать валку и распилку леса, возку лесных материалов на пристань, сбор их в плоты, погрузку на баржи или на железнодорожные платформы, сплав плотов по рекам... такие виды работ распространены в Казанском, Козьмодемьянском, Спасском, Чебоксарском уездах... Женщины в некоторых местностях ходили с обозами (Мало-Карачкинская волость Козьмодемьянского уезда, Старо-Шешминская волость Чистопольского уезда)...гнули дуги, ободья (Ядринская волость Ядринского уезда, Шеморбашская волость Мамадышского уезда) и т.д.»⁸⁵

На отхожие промыслы женщин отпускали очень неохотно. Для свободного передвижения и получения паспорта от замужней женщины требовалось согласие мужа, для незамужней – согласие родителей⁸⁶. Крестьянки шли на поденные работы: сгребали сено, копнили его, пололи и жали хлеб, работали на молотилке. Также они занимались привычным для себя ремеслом: ткали, вязали, шили, плели и т.д. Направляясь в города, сельские женщины нередко шли работать кухарками, няньками, прислужой. И все же для большинства крестьянок отхожие промыслы были кратковременным явлением. Очень немногие подолгу отрывались от дома и земли. Женщины, подолгу уезжавшие на заработки, были обычно старыми девами или бездетными вдовами, которые впоследствии оставляли землю навсегда. Большинство женщин следовало по пути матерей: они выходили замуж за отходников, оставались в деревнях и вели хозяйство семьи⁸⁷.

Отходничество расширяло кругозор и обогащало мировоззрение женщин. Жена отходника должна была быть грамотной. Ей нужно было переписываться с мужем, советуюсь о домашних делах и хозяйственных нуждах. Грамотность также помогала женщине иметь дело с местными властями, вести хозяйство и выполнять различные обязанности в отсутствие мужа. В целом, степень грамотности женщин в губерниях с существенно развитым отходничеством была намного выше, чем в губерниях, где преобладало сельское хозяйство⁸⁸.

Косвенным свидетельством возросшего самосознания женщин стали участвовавшие случаи их жалоб в волостные суды, прежде всего на своих мужей. Обращение крестьянки в суд, не вытерпев-

⁸⁵ Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1917 год. – Казань, 1921. – С. 192–193.

⁸⁶ Мухина З.З. Указ. соч. – С. 235.

⁸⁷ Энгел Б.А. Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. – М., 1996. – С.88–89.

⁸⁸ Там же. – С. 83.

шей оскорблений и побоев, требовало от нее немало мужества, поскольку такие действия в крестьянской среде не поощрялись. Мужья, как правило игнорировали решения судов, а за сам факт обращения жены могли еще более жестоко ими преследоваться. В практике волостных судов Казанской губернии конца XIX – начала XX вв. можно было встретить немало исков от крестьянок в отношении супругов. Так среди документов Кузнечихинского волостного суда Спасского уезда встречаются исковые заявления по поводу отказа мужьями предоставлять женам еду, одежду, по отъему личного имущества, а также жалобы на выдворение из дома и угрозы совершения убийства⁸⁹. Нередко жены подавали жалобы в волостной суд и на родителей мужа, обвиняя их в жестоких побоях. Во время Первой мировой войны, судя по заявлениям сельских женщин (как правило, молодых), со стороны свекра и родственников мужа, находившегося на фронте, усилилась тенденция к нежеланию держать в доме «нахлебниц». Так, крестьянка с. Верхнее Колчурино Спасского уезда Елена Долганова заявила полицейскому уряднику, что 23 января 1915 г. ее свекор Матвей Строжнев нанес ей побои за то, что она просила у него хлеба⁹⁰. Встречалась практика подачи жалоб на супругов и в окружной суд, хотя она была не частой, поскольку иски женщин принимались к рассмотрению только в тех случаях, когда нанесенные им побои со стороны мужа приводили к серьезным физическим увечьям и травмам, угрозавшим жизни. Однако такие явления в деревне продолжали оставаться очень редкими.

В начале XX в. женщины уже имели больше реальных прав по сравнению с дореформенным периодом. Волостные суды осуждали мужей не только за побои и оскорбления, но и за расточительство и пьянство. Если муж выпивал, распутничал и разорял хозяйство, то сама община становилась на сторону жены, мужа могли устранить, или крестьянская община с такой просьбой обращалась к суду⁹¹. В решениях волостных судов ясно проступает особенность обычного права, когда руководствовались не четкими формулировками закона, а зачастую решали дела, смотря по обстоятельствам.

Особую категорию женщин в крестьянском мире представляли вдовы. Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Казанской губернии среди женского населения вдовы составляли 94744 чел. (13,7%), тогда как замужних женщин было 423994 чел. (61,2%), а мужчин-вдовцов – 34000

⁸⁹ Там же. Ф.1002. Оп.1. Д.88. Л.9; Д.70. Л.1–1 об.; Д.88. Л.22.; Д.88. Л.42; Д.50. Л.1.

⁹⁰ НА РТ. Ф.1002. О.1. Д.88. Л.57.

⁹¹ Русские крестьяне. Жизнь, Быт. Нравы: В 7 т. Т.3 – СПб., 2003. – С. 318; Там же. – Т. 4. – СПб., 2006. – С.157; Там же. – Т. 5. Ч. 2. – СПб., 2007. – С. 97.

чел. (5,2%)⁹². Общероссийская статистика того же периода, в процентом соотношения была следующая: вдовы-крестьянки 7,8%, доля замужних женщин 40,1%, мужчин-вдовцов 3,4%⁹³. Согласно этим данным и статистике других авторов⁹⁴ доля мужчин-вдовцов была вдвое меньше женской, что соответствовало европейским показателям⁹⁵.

Главной причиной вдовства была высокая смертность населения. По данным Б.Б. Прохорова средняя ожидаемая продолжительность жизни сельского населения России в 1896–1897 гг. составляла 30,63 лет, при этом мужчины жили в среднем 29,66 лет, а женщины 31,66⁹⁶. По этому показателю Российская империя заметно отставала от многих европейских стран. Так, продолжительность жизни мужчин в России была на 21 год ниже, чем в Норвегии и Швеции, у женщин эта разница была еще выше – 22 года⁹⁷! Мужчины не торопились с вступлением в брак, в результате чего мужья, как правило, были старше своих жен и, следовательно, последние имели больше шансов пережить своих супругов. Женщины, насколько это применимо к началу XX в., больше мужчин заботились о своем здоровье, прежде всего, в отношении к вредным привычкам (курение, алкоголизм и т.д.). Большая доля вдов среди всех женщин, чем вдовцов среди мужчин, объясняется и тем, что последние имели больше шансов на повторный брак. Так, согласно Б.Н. Миронову, в конце XIX в. в повторный брак вступало около 23% мужчин и лишь 4% женщин⁹⁸.

Потеря мужа и соответственно кормильца, влекла за собой изменение статуса женщины в различных отношениях. Вдовы считались неполноценными членами общества, что проявлялось в ограничении их ритуальных функций. В то же время отсутствие половой жизни сближало их с положением девушек и пожилых женщин. Поэтому с вдовами ассоциировалась чистота, невинность, что вело к повышению их религиозного статуса.

Большое значение для определения дальнейшего устройства жизни вдовы было наличие у нее детей. Позиции вдовы с детьми и позиции бездетной вдовы существенно различались. Как отмечал

⁹² Первая всеобщая перепись населения Российской империи... – С. XI.

⁹³ Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). – М.-Тула, 2009. – С.65.

⁹⁴ Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 178.

⁹⁵ Никольский В.И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. – М., 1885. – 72.

⁹⁶ Прохоров Б.Б. Здоровье россиян за 100 лет // Человек. – М., 2002. – №2. – С. 54–57.

⁹⁷ Там же. – С. 57–59.

⁹⁸ Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 172.

С.С. Шашков «Бездетная вдова считалась сиротой, личностью беззащитной и беспомощной, и, если не возвращалась в семейство своих родителей, то поступала на попечение церкви, шла в монастырь или богадельню...Свою силу и значение женщина получала только от семейства, за неимением которого у нее не оставалось в обществе никакой опоры, кроме благотворительных заведений»⁹⁹. Наличие детей у вдовы было своего рода гарантией определенной поддержки, как со стороны крестьянской общины, так и со стороны родителей покойного мужа. Вдову никто против ее желания не имел права удерживать в доме свекра. Женщина могла уйти из дома родителей мужа или остаться в нем по собственной воле, так как ее ребенок в этом случае приобретал некоторые права в семье мужа.

Другой альтернативой, которая имела у вдовы, было возвращение в дом родителей. Здесь ее статус не был однозначно определенным. Она могла быть в положении, в котором находилась еще до замужества (т.е. под контролем родителей), а могла быть неподвластна ни отцу, ни матери. В любом случае, оставшись в доме родителей, вдова должна была сама зарабатывать на содержание себе и детям. Как правило, женщина, обремененная детьми, могла прибегать лишь к заработку, не требовавшему от нее длительных отлучек из дому: подрабатывала стиркой, мытьем полов, шитьем одежды и пр.

Безусловно, определенная часть вдов старалась выйти замуж, чтобы найти «кормильца» или «заступника». К скорому выходу замуж толкали, в первую очередь, экономические причины, бедность. Если даже вдова получала в свое распоряжение дом и хозяйство, далеко не всегда это удавалось содержать в надлежащем состоянии, особенно при малых детях¹⁰⁰. Но крестьянское общество, в целом, относилось неодобрительно ко вторым бракам, прежде всего, по религиозным соображениям. Повторный брак вызывал понимание, если к нему побуждала хозяйственная необходимость или устройство детей. Нередко вдова сама передумывала повторно выходить замуж, опасаясь за судьбу своих детей, которым предстояла бы в таком случае нелегкая жизнь в доме отчима. Все это уменьшало шансы замужества, как показала статистика, женщины редко шли на повторный брак. Устройство своей жизни после смерти мужа оказывалось для вдовы непростым делом.

Другой социальной группой вынужденной отстаивать свои интересы были солдатские жены, так называемые солдатки. Этот

⁹⁹ Шашков С.С. Очерк истории русской женщины. – СПб., 1872. – С.119.

¹⁰⁰ Мухина З.З. Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Женщина в российском обществе. – Иваново, 2012. – №4. – С. 64.

термин отражал не только новый социально-правовой статус, но и особый тип повседневной жизни солдатской жены. По словам П.П. Щербинина: «В XVIII–XIX вв. для многих женщин трансформация в солдатку приводила к личной трагедии, обрекала на нищету и бесправие... До реформы 1874 г. рекрутские наборы в армию означали судьбу, похожую на вынесение смертного приговора рекруту и его жене... Судьба солдатки считалась худшей даже, чем судьба вдовы...»¹⁰¹. Действительно, социальный статус солдатки был своеобразным. Жена солдата выпадала из привычного, традиционного уклада крестьянской жизни. После отправки мужа в армию рассчитывать на помощь со стороны сельского общества солдаткам не приходилось. Отсутствие основного работника в семье в течение нескольких лет пагубно сказывалось на крестьянском хозяйстве. Нередко, даже после возвращения солдата со службы вернуть прежнее благосостояние семьи было уже невозможно¹⁰².

Положение солдаток значительно усугублялось в период войн. Для большинства сельских женщин уход кормильца на войну становился началом краха собственного хозяйства и повседневного уклада жизни. Войны ломали судьбы людей и лишали семьи, чьи отцы и мужья уходили воевать, самого необходимого, обостряя и без того напряженные противоречия в российской деревне в начале XX в. Развернувшиеся мобилизационные мероприятия царского правительства в Первую мировую войну, прежде всего, коснулись людских и материальных ресурсов деревни. Изъятие из сельского хозяйства значительного количества людской и тягловой силы, продовольствия, сырья, усиление налогового пресса и т.д. – все это поставило крестьянский мир на грань хозяйственного развала и экономической катастрофы.

Такое положение, не смотря на патриотический подъем в первые месяцы войны, явно не устраивало крестьянское общество. Уже во время мобилизации среди крестьянского населения возникали беспорядки и волнения. В этих выступлениях деятельное участие принимали солдатки, провожавшие мужей на сборные пункты. Так, во время проводов новобранцев 9–10 августа 1915 г. в Казани произошли беспорядки, в которых участвовала толпа до 600 человек. Одними из самых активных участников выступлений были именно солдатки. По словам казанского полицмейстера, женщины-крестьянки оказывали сопротивление полиции с криками: «Зачем берут наших детей и мужей, а полицию не берут... пусть сами идут и воюют на войне»¹⁰³.

¹⁰¹ Щербинин П.П. Указ. соч. – С. 27–28.

¹⁰² Новиков А. Указ. соч. – С. 211–214.

¹⁰³ НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1544. Л.1–12.

Солдатки, охваченные тревогой за судьбы своих семей, искали любой помощи от государства. Так, в июле 1915 г. 25 крестьянок-солдаток с. Никольское Ядринского уезда обратились в Казанское губернское присутствие с прошением о помощи при обработке и уборке полей. Правда помощь была оказана только 3 женщинам¹⁰⁴. Некоторые обивали пороги земских и правительственных учреждений в поисках пособий. Как, например солдатка Х. Хисаметдинова, проживавшая в с. Черки-Кильдуразы Тетюшского уезда с 7 детьми. Ей, в 1915 г., положенное пособие не выплачивалось в течение 5 месяцев. Выплата была возобновлена только после ее жалобы казанскому губернатору¹⁰⁵. Таким образом, Первая мировая война породила широкую социальную и общественную инициативу крестьянских женщин. Война, как ни парадоксально, меняла женщину и представления о ней, открывая возможности для самореализации, внося новый импульс в крестьянскую повседневность.

Важным моментом проявления женской самостоятельности в военные годы было обретение солдатками экономической, а в ряде случаев и общественной самостоятельности. Видя безвыходность положения, и не имея реальной поддержки со стороны государства, солдатские жены брали хозяйство в свои руки. Потеря мужских рабочих рук в деревнях вела к быстрой феминизации сельскохозяйственных работ¹⁰⁶. Теперь уже женщины возлагали на себя практически все мужицкие работы и все чаще стали появляться на сельских сходах, которые в период войны зачастую становились «бабьими сходами». В ряде центральных и поволжских губерний России в 1914–1917 гг. отмечались случаи «бабьих бунтов». Разгневанные ростом цен на основные продукты питания, женщины демонстрировали способность проводить коллективные действия исходя из распространенных и усвоенных ими представлений о справедливости. Нередким явлением становились погромные выступления солдаток против проведения землеустроительных работ, а также выделившихся на хутора и отруба односельчан. Солдатки старались обезопасить свои земли от переделов земли во время отсутствия дома мужей и заявляли, что никаких землеустроительных работ во время войны они не допустят¹⁰⁷. Такие выступления были отмечены и в Казанской губернии в 1915–1916 гг. Наиболее ожесточенный характер носили столкновения солдаток и землемеров в Ядринском уезде Казанской губернии в 1915 г.¹⁰⁸ Как правило, такие беспорядки

¹⁰⁴ Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 676. Л. 3–4.

¹⁰⁵ НА РТ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 675. Л. 94–102.

¹⁰⁶ Щербинин П.П. Указ. соч. – С. 233.

¹⁰⁷ Там же. – С. 227.

¹⁰⁸ Царская армия в период мировой войны и февральской революции: (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) /

проходили по одному сценарию: крестьянки собирались в уездном или волостном центрах, для подачи жалоб или получения пособий, затем происходило бурное обсуждение текущих проблем. Апогеем таких собраний были погромы местных магазинов, лавок или складов с товарами, а также нападения на хозяйства зажиточных и выделившихся из общины крестьян. Эти беспорядки носили кратковременный характер, отличаясь эмоциональным подъемом и накалом страстей. Как правило, после задержания женщины раскаивались в содеянном и умоляли их простить. Такие выступления чаще всего превращались в акт мести непосредственным виновникам этого положения – лавочникам и торговцам, нежели являлись попыткой изменить к лучшему условия своего существования. «Бабы бунты» возникали на экономической почве, но со временем начинали отражать и происходившие в связи с усугублением кризиса изменения в социальной психологии и сознании масс.

В 1917 г. крестьянство, как и все население страны, было втянуто в стремительный водоворот революционных событий. Свержение монархии, смена государственного строя, учреждение новых органов власти – все это внесло значительные изменения в традиционный ритм жизни крестьянской общины. Прежде непривычные крестьянскому слуху словосочетания «женское равноправие», «равноправные гражданки» стали активнее звучать на сельских и волостных сходах. Так, в крестьянском наказе населения Старо-Челнинской волости Чистопольского уезда делегату губернского совета крестьянских депутатов (апрель 1917 г.) провозглашалось: «Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах в законодательное собрание (Государственную думу), так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок, достигших 18 лет»¹⁰⁹. Подобные пожелания звучали и в наказе Больше-Шигаковского волостного схода Царевококшайского уезда¹¹⁰. Во многом это было связано с усилением движения за права женщин, чему немало способствовал быстрый рост доли женщин в общественно-производительном труде. По выражению Смирновой В.Н.: «К моменту Февральской революции работницы, представительницы трудовой интеллигенции и крестьянки составляли большую часть забастовщиков, манифестантов, участников крестьянских выступлений»¹¹¹.

Вступ. статья М. Вольфович; сост. А. Максимов и др.; под ред. А. Максимова. – Казань, 1932. – С. 181.

¹⁰⁹ Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября: Сборник документов и материалов / сост. Н.М. Силаева. – Казань, 1958. – С. 204.

¹¹⁰ Там же. – С. 336.

¹¹¹ Смирнова В.Н. Требование женского равноправия в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март-октябрь

ГЛАВА 3. РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИН

С 6 по 13 мая 1917 г. в Казани проходил I съезд крестьянских депутатов Казанской губернии. Он обобщил уже имевшийся опыт борьбы крестьян за землю, постановления прошедших в некоторых уездах съездов, наказы крестьян своим делегатам. В итоговом постановлении съезда от 13 мая 1917 г. отмечалось: «... чтобы правильно организовать волостной комитет надо в каждой деревне, собрать сельский сход из лиц обоего пола, достигших 18 лет, и избрать депутата»¹¹². Некоторые волостные земельные комитеты последовали этим указаниям. Так, 4 июня 1917 г. в Тораевской волости Ядринского уезда, в земельный комитет была избрана преподаватель двухклассного училища Пелагея Петрикова, которая к тому же представляла волость на организационном заседании уездного комитета. Также 30-летняя Петрикова была включена в Ядринскую уездную земельную управу¹¹³.

Однако, в целом присутствие женщин в составе земельных комитетов было весьма редким явлением. Как отмечала местная пресса: «... крестьяне ни за что не хотели видеть женщину секретаря и считали это за позор...»¹¹⁴. В некоторых уездах Казанской губернии крестьяне, узнавая о возможном включении в выборные списки женщин, попросту, начинали бойкотировать дальнейший предвыборный процесс. Так, летом 1917 г. крестьяне Старо-Юмьинской и Букмышевской волостей Мамадышского уезда отказались составлять выборные списки в волостные земства, поскольку: «... население этих волостей ставит составление списков в связи с производящейся хлебной монополией и уклоняется от выдачи необходимого для этого материала. В этих же волостях население не согласно на включение в списки женщин. Эти обстоятельства не дают возможности приступить к работам по составлению списков в указанных волостях, а также в двух селениях Ядыгерской волости и завершить работы по уезду»¹¹⁵.

Весной-летом 1917 г. одним из часто обсуждаемых крестьянских вопросов стал вопрос о праве крестьянок на землю. Нередко наделение женщин землей становилось одной из частей уравнительного передела земель. Так, в одном из пунктов постановления крестьянского схода Казыльской волости Лаишевского уезда от 21 мая 1917 г., говорилось: «... все граждане и гражданки, без всякого различия национальности, имеют на пользование землей полное

1917 г.) // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Сборник статей. – Казань, 1969. – Вып. II-III. – С. 168.

¹¹² Революционная борьба... – С. 46.

¹¹³ НА РТ. Ф. 174. Оп. 1. Д. 59. Л. 8, 66.

¹¹⁴ Казанская рабочая газета. – 1917. – 29 июня.

¹¹⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д.55. Л. 38.

право в пределах той нормы, которую каждый может обрабатывать своим личным трудом»¹¹⁶. Население Кукморской волости Казанского уезда 11 июня 1917 г. записало в наказе делегату, избранному в уездный земельный комитет: «На землю имеют право все ее обрабатывающие личным трудом, как мужчины, так и женщины кроме иностранных подданных»¹¹⁷ (правда, позже волостное собрание изменило этот пункт: «При наделении земли на татарское население на всех наличных жителей предоставить право сельским обществам признавать владельцами лишь мужское население ввиду магометанской религии»¹¹⁸). Вопрос о предоставлении женщинам-крестьянкам равных прав на владение общинной землей ставился делегатами 1-го и 2-го Всероссийского съезда мусульман (май 1917, Москва и июль-август 1917 г., Казань, соответственно). Однако, никаких решений по нему не последовало¹¹⁹. В решении земельно-хозяйственных вопросов крестьянки, по-прежнему, полностью зависели от мужчин. Такое положение устраивало и крестьянскую общину, для которой привычной и понятней была забитая и безмолвная женщина, которая не смела, перечить мужчине и принимать самостоятельные решения.

Революционные события 1917 г. вместе с непрекращающейся войной ломали привычный уклад российской повседневности, внося нестабильность в общественное сознание, и пробуждали в населении чувство неуверенности в завтрашнем дне, обостряли недовольство властями, усиливали протестные проявления. Так, около 300 женщин-солдаток сс. Старая и Новая Рясь, Кындырлы Студено-Ключинской волости Казанского уезда обратились 15 июня 1917 г. к волостному правлению с требованиями: «Нам нечего кушать, у нас некому работать... пусть вернут наших мужей и сыновей... хватит напрасно проливать кровь, долой войну!»¹²⁰. По сообщению корреспондента газеты «Аваз»: «Это был первый случай выступления сельских женщин»¹²¹. В июне 1917 г. солдатки с. Русская Сорма Асакасинской волости Ядринского уезда «во главе с Клавдией Николаевой препятствовали сбору данных о скоте, грозили убийством председателю комитета Разумову, делегатов-солдат не

¹¹⁶ Революционная борьба... – С. 162.

¹¹⁷ Там же. – С. 313.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Айнутдинова Л.М. Женское движение // Татарская энциклопедия: В 6 т./ Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. – Казань, 2005. – Т.2. (Г-Й). – С.374–376.

¹²⁰ Казанская губерния в период Первой мировой войны: сб. документов и материалов / под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. – Казань, 2014. – С.146–147.

¹²¹ Там же.

допускали к переписи (скота)...»¹²². Нередко во время крестьянских выступлений, односельчане использовали женщин в качестве «живого щита», надеясь, что войска не будут стрелять в безоружных крестьянок. Так, например, поступили крестьяне Козьмодемьянского уезда, где по сообщению уездного комиссара «при выступлении женщин солдаты попросту разбежались»¹²³. Женщины были вынуждены идти на крайние меры не только из-за усталости от войны, обостренного чувства несправедливости и недовольства аграрной политикой правительства, они были озлоблены всем укладом российской действительности, свои правовым статусом, которым постоянно приходилось доказывать свою самостоятельность, добиваться равноправия в профессиональной сфере и в общественном восприятии.

Таким образом, в период революционных потрясений 1917 г. сельские женщины продолжали оставаться твердыми и последовательными приверженцами традиционного образа жизни. Их поведение определялось взглядами на брак, семью и детей, которые отражали нормы обычного права и этические нормы. Своим происхождением и существованием эти взгляды были обязаны комплексу социально-экономических факторов, в числе которых важное место занимала невозможность существования крестьянского хозяйства в традиционном обществе вне семьи. Крестьянская община держалась в первую очередь на физической силе семейного коллектива, что исключало самостоятельное значение женщины. Вместе с тем, в начале XX в. роль и место женщины в крестьянском мире постепенно трансформировались. В результате отходничества и войн крестьянка получила беспрецедентные возможности для прорыва в трудовой и социальной сфере и для освоения новых профессий. В крестьянской среде происходило новое моделирование отношений, коррекция поведения в связи с нормативными предписаниями и ожиданиями, которые предъявляло общество. Постепенно менялись правила и нормы поведения между мужчинами и женщинами. С женщинами стали больше считаться. Однако переосмысление социальных ролей, осознание своих новых возможностей женщиной происходило очень медленно. Поворотным в этом смысле стало первое десятилетие советской власти.

¹²² Революционная борьба... – С. 398.

¹²³ Там же. – С. 436.

3.3. «Нас хотят сделать большевиками, вероотступниками...»: мусульманки Волго-Уральского региона в 1917 году

Войны всегда нарушают общественный баланс, вместе с искаженной демографической картиной меняются социальные роли, ценности и моральные ориентиры общества. Первая мировая война не стала исключением, она заставила женщин примерять на себя новые общественные роли. Повседневность татарской женщины в конце XIX – начале XX вв. и трудности ее жизни в годы Первой мировой войны уже не раз становились объектом наших исследований¹²⁴, поэтому в данной публикации остановимся лишь на периоде после февраля 1917 г. и попытаемся раскрыть внутренние мотивы будущего советского женского движения. Иными словами как национально-буржуазный «женский вопрос» превратился в пролетарский «женотдел».

В качестве основного источника нами были взяты автобиографии и воспоминания активисток женского движения, написанные в советские годы. Эти материалы личного происхождения представляют особый научный интерес, т.к. большая часть данных эго-документов осталась не введенной в научный оборот. Не все авторы воспоминаний писали нужные тексты, обличавшие язвы старого общества. Если отбросить идеологические наслоения текста, то в них мы увидим и горечь повседневности, и наивную женскую веру в лучшее.

Большинство из героинь родились в конце 1890-х гг. Лишь Аbruй Сайфи, одна из самых ярких деятельниц дореволюционного женского движения, была 1889 года рождения. Но ее случай скорее уникальный, типичными были как раз героини, которым на момент февральской революции едва исполнилось 20 лет. Их подростковый период пришелся на период Первой мировой войны, они росли уже в других условиях. Кумирами для этого поколения явля-

¹²⁴ Габдрафикова Л.Р. Буржуаз жәмгыятьтә татар хатын-кызларының яңа мәркинлекләре (XX гасыр башы) // Габдулла Апанаев (1862–1919) – известный татарский педагог и общественный деятель: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Казань, 29 марта 2012 г.). – Казань, 2012. – С.210–215; Ее же. Татарская интеллигенция и «женский вопрос» в условиях модернизации империи (конец XIX – начало XX века) // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XX вв.: специфика регионального развития. – Казань, 2012. – С.108–116; Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). – Казань, 2015. – С.277–322; Ее же. Татарские женщины в годы Первой мировой войны // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2014. – №3/4. – С.61–69; Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Казань, 2015. – С.267–288.

лись не скромные общественные деятельницы, вроде Фатихи Аитовой или Лябиби Хусаинии, сумевшие кроме семейного очага, зажечь еще и огонь просвещения для молодых татарок. Они посвятили себя сфере женского образования и не претендовали на что-то большее. Хотя для женщин-татарок среднего возраста, рожденных в 1860–1870-х гг. в семьях духовенства и буржуа, любая деятельность вне дома (работа в школе или публикация в прессе) была сродни революционной активности. Но в годы войны не почтенные руководительницы женских школ, а образы других героинь волновали татарское общество.

Пожалуй, самым радикальным стал образ мугаллимы (учительницы). В первую очередь, из-за ее независимого социального статуса. Учительницами работали, как правило, незамужние молодые девушки. «Летом 1914 г. мачеха с моим отцом хотели насильно выдать меня замуж. Я решила не подчиниться им и сказала, что я собираюсь стать учительницей, а если станете насильно выдавать замуж, то я вынуждена буду принять христианство и пусть позор упадет на вас», – вспоминала одна из татарских активисток 1920-х гг. Былбыл Ильясова о своей юности¹²⁵. Сбежавшая в 1915 г. из родительского дома, другая активистка Захида Бурнашева работала в Москве учительницей, это был основной источник ее дохода. Кстати, ее духовной наставницей можно считать Абруй Сайфи. До получения известности в качестве певицы и общественно-политической деятельницы, она некоторое время работала в Азеево мугаллимой¹²⁶. С 1915 г. зарабатывала себе на учебу частными уроками и студентка юридического факультета Казанского университета, одна из видных деятельниц женского движения – Амина Мухитдинова¹²⁷. Таким образом, почти каждая татарская феминистка начала XX в. нашла профессиональную реализацию, прежде всего, в сфере просвещения.

В августе 1914 г. писатель Гаяз Исхаки представил литературный образ независимой татарской женщины-учительницы в драме «Мугаллима», она была напечатана в московской газете «Иль». Критики приняли ее неоднозначно, образ мугаллимы Фатимы находили идеализированным. Впрочем, это не мешало популярности «Мугаллимы» на театральных подмостках. Да и сам текст пьесы пользовался спросом читателей. Например, 7 декабря 1917 г. молодая гимназистка из Бугульмы Фатима Кашафутдинова отметила в своем дневнике: «У меня ночует Асма, мы с ней прочитали очень интересную книгу «Мугалима» и много говорили». Асма училась в медресе, Фа-

¹²⁵ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1301. Л.18.

¹²⁶ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2406. Л.38.

¹²⁷ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2028. Л.12.

тима – в гимназии. «Она говорила мне о своем учении, – продолжала гимназистка. – Я ужасно рада тому, что у нас, у татар, так скоро и так энергично принялись за просвещение. У них проходят все, что проходят у нас в гимназии. Я не могу сказать, как я рада. Ведь мы об этом даже мечтать не смели. И я совершенно не ожидала, что мы так можем»¹²⁸. Г.Исхаки очень верно подметил наметившиеся перемены: во главе татарского женского движения были уже не благотворительницы из дворянско-буржуазных семейств, а женщины из менее привилегированных кругов: обычные учительницы.

Эмансипация татаро-мусульманских женщин стала необходимым, но в то же время вынужденным шагом. Судьбы солдаток Первой мировой войны наглядно доказывали обществу всю несостоятельность традиционных гендерных ролей. Если часть солдатских вдов (особенно женщины без детей) поспешно снова выходили замуж, то другие солдатки, оставшиеся без мужской поддержки, учились жить и выживать самостоятельно, невзирая на свою половую принадлежность, на традиции и общественное мнение. Тяготы германской войны заставили татарскую женщину отбросить прежние жизненные привычки, она начала выполнять мужскую работу. Такая рабочая активность мусульманки в конце войны в деревнях воспринималась уже как обыденное явление. Первая мировая война стала рубежом между домашней жизнью татарки и ее деятельностью вне дома (поле, завод, фабрика, торговля и другие промыслы), многие женщины именно в данный период изменили стиль поведения и стали более независимыми. Однако женщины мещанских и крестьянских сословий, в силу необразованности и отсутствия профессиональной квалификации, претендовали лишь на самые низкооплачиваемые должности. Этот факт еще больше повышал престиж образования и профессии мугаллимы. Она была доступна для образованных женщин из самых разных социальных кругов. «... Я мечтала стать учительницей и вести среди людей полезную работу», – писала о себе Б.Ильясова, родившаяся в 1898 г. в станице Форштад в пригороде Оренбурга. Родители ее развелись в 1906 г. и мать после развода работала прачкой. Как уже отмечалось выше, воспитывалась Былбыл в семье отца и мачехи. В 1917 г. Б.Ильясова поступила на учительские курсы, организованные Оренбургским земством¹²⁹. Многочисленные татарские женские курсы, открываемые в годы войны в самых разных уголках империи, еще раз подтверждают популярность данной профессии.

¹²⁸ Кашафутдинова Ф. Записки гимназистки // Тарнапольский Р.И. Наш Двадцатый век. – Казань, 2013. – С.23.

¹²⁹ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1301. Л,45, 47.

К 1917 г. работающая женщина, будь она учительница или работница фабрики – уже не воспринималась как предательница религиозных устоев. Женщины могли посещать библиотеки, театры, литературно-музыкальные вечера. В Казани выпускался даже специальный женский журнал на татарском языке «Сююмбике». После февральской революции аналогичное издание для женщин появилось в Астрахани, журнал «Азат ханым» издавался с октября 1917 по май 1918 г.¹³⁰ Еще в 1916 г. стараниями Фатыхи Аитовой в Казани открылась первая татарская женская гимназия. Однако эти изменения еще не говорили о культурном и политическом равенстве между полами в мусульманском сообществе, многие стереотипы сохранились. Например, мусульманкам предписывалось соблюдение определенных правил поведения в обществе. В публичной жизни сохранялось разделение на мужскую и женскую сферу. В читальнях выделяли отдельные дни и часы для женщин, чтобы они не пересекались с лицами противоположного пола. При устройстве каких-то городских мероприятий (например, сабантуев) организовывались отдельные буфеты для дам и кавалеров. Старались разграничивать зрительские места при просмотре татарских представлений. Если в городах частную жизнь женщины ограничивали с помощью определенных предписаний, но при этом принимали ее профессиональную занятость в сфере образования и медицины, торговли и промышленности, то в сельской местности приехавшие учительствовать мугаллимы встречали откровенно враждебное отношение. Их педагогическая деятельность большинством населения воспринималась как что-то предосудительное.

«Мне было 19 лет. Произошла революция, а здесь в Утяшево по-прежнему властвовал главный мулла – «досточтимый Хакимжан – хазрет». Он встретил меня в стыки, чинил всякие препятствия в открытии школы (...). Он не хотел сдавать своих позиций, говорил верующим в мечети, что я крещеная и собираюсь открыть миссионерскую русскую школу, чтобы обратить детей мусульман в православную веру...», – так вспоминала о начале своей карьеры учительница Ханиса Габитова, уроженка деревни Кулбаково (совр. Кигинский район РБ). В 1917 г. она окончила Месягутовскую прогимназию и была назначена Златоустовским уездным земством на должность учительницы в новую начальную школу в селе Утяшево Белокатайской волости. На первые занятия молодой мугаллимы пришли всего несколько мальчиков, девочек вообще не было. Кроме детей, на всякий случай, уроки посещали и бдительные родители. Лишь после того как взрослые убедились в том, что ничего

¹³⁰ Рәми И.Г., Даутов Р.Н. Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәданияте буенча кыскача белешмәлек). – Казан, 2001. – Б.7.

предсудительного в земской школе не происходит, они начали отпускать на занятия своих отпрысков. К новому году в школе учились и мальчики, и девочки¹³¹. В сельской местности почти каждую учительницу ожидали подобные трудности.

Таким образом, в 1917 г. в татарском мусульманском обществе сохранялось двойственное восприятие роли женщины в обществе. Даже в самых образованных семьях пылливость ума, наблюдаемая у женского пола, воспринималась как проявление маскулинных черт характера. Например, вспоминая о своей родной тётке Адиле Айда отмечала: «Отец говорил, что она соответствует своему имени: Меншуре по характеру больше походила на мужчину, чем на женщину, была рассеяна, несобранна и унаследовала от деда философскую настроенность. Уже будучи взрослой и замужем, она могла задавать окружающим вопросы о сотворении мира или будущем, в то время, как ее ребенок плакал в колыбели, или в кастрюле подгорела еда»¹³². Меншура являлась дочерью сельского муллы Низамутдина из д.Ташсу Казанского уезда, а ее родными братьями были издатель газеты «Юлдуз», знаменитый педагог Ахметхади Максуди и выпускник Сорбонны, юрист и депутат Государственной Думы Садри Максуди. Как видим, несмотря на особую культурную среду, Меншура посвятила себя семье и никак не реализовала свои умственные способности. Но даже те женщины, которые получили профессиональное образование, обеспечивавшие себе пропитание и работавшие наравне с мужчинами не могли претендовать на равноправие в мужском мире. Появление мусульманки в мужском обществе рассматривалось как осуждаемое действие, поэтому женщина оказывалась в западне двойных стандартов поведения.

Иллюстрацией этой двойственности могут быть первые месяцы 1917 г. Временное правительство, гарантировавшее гражданское равенство независимо от сословия, религии и национальной принадлежности, проигнорировало женский вопрос. В мире мужских преобразований просто не нашлось места проблемам женского общества. Хотя «женский вопрос» назревал уже давно. Примечательно, что в революционном хаосе первыми обратили на него внимание именно мусульмане. В частности, в приветственной телеграмме в адрес нового правительства от собрания московских мусульман (состоялось в начале марта) говорилось и о необходимости гражданских и политических прав для всех женщин¹³³. Чуть позднее проблема была обозначена уже самим женским сообществом.

¹³¹ Женщины Башкирии. Сборник материалов. – Уфа, 1968. – С.129–130.

¹³² Айда А. Садри Максуди Арсал / Пер. с тур. – М., 1996. – С.19.

¹³³ Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2004. – С.134.

вом. В Петрограде прошла демонстрация по этому поводу. Организатором этих выступлений была Российская лига равноправия женщин. Широкая агитационная активность женского движения вскоре была вознаграждена заявлением премьер-министра князя Г.Е.Львова от 21 марта 1917 г. о том, что правительство поддержит всеобщее женское избирательное право и подготовит новые законы, касающиеся равноправия женщин¹³⁴.

Многие образованные дамы восприняли эти заявления с одушевлением, но не все мужчины, особенно традиционно настроенные мусульмане, были готовы к таким уступкам. «... Казанские татары сильно ссорятся из-за того, что устроители русской революции дали свободу не только лицам мужского пола, но и женщинам, почему казанские татарки, по русскому обычаю, стали ходить, не закрывшись от мужчин на общественные гулянья и даже на разные собрания. А этого мусульманская религия не допускает», – записал свои наблюдения в дневнике известный миссионер Е.Малов в 1917 г.¹³⁵ «... Представителей феодализма и реакционно-го духовенства... одна мысль о равноправии женщин под влиянием более передовых татарок бросала в холодный пот», – отмечал историк-эмигрант Т.Давлетшин¹³⁶.

Женщины начали посещать публичные собрания, в том числе митинги, не только в губернской Казани, но и в маленьких городках. Так, 22 марта 1917 г. в Мамадыше, из-за дам появившихся на митинге, возник даже скандал. Один из мужчин попросил их удалиться, но женщины не стали ему подчиняться. Утихомирить толпу сумел некий Надиулла, заявивший, что в эпоху свободы уже неуместно контролировать женщин. Об этом случае было напечатано в казанском женском журнале «Сююмбике», где отмечалось, что одна из девушек на митинге даже произнесла небольшую речь в свою защиту¹³⁷. Одним из авторов этой заметки была Кояш Джаббарова (Валитова). Подписали обращение мамадышских женщин также Фахрия Селимова, Мариам Джаббарова, Галия Фазыйлуллина¹³⁸. Скорее всего, выступала на митинге сама Кояш туташ. Именно она стала активисткой женского движения. Дочь шахтера, рабочего золотых приисков Рамеевых, она выросла в Оренбургской губернии. Получила благодаря помощи работодателей отца джадидское образование и некоторое время учительствовала в местной

¹³⁴ Пиетров-Энкер Б. «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / пер. с нем. – М., 2005. – С.292.

¹³⁵ ЦПИМН ИЯЛИ АН РТ. Ф.56. Оп.1. Д.5. Л.61.

¹³⁶ Давлетшин Т. Советский Татарстан. – Казань, 2005. – С.95.

¹³⁷ Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. – Нижний Новгород, 2005. – С.24.

¹³⁸ Там же. – С.87, 91, 92.

женской школе. Она отмечала, что Рамеевы хотели выдать ее замуж за муллу в качестве второй жены и не хотели отпускать учиться дальше. Но Кояш все же уехала к родным в Казанскую губернию. В Казани она давала частные уроки и готовилась к поступлению в гимназию. Об учебе в одной из татарских женских школ в этот период К.Валитова упоминала лишь вскользь, как об учебном заведении «с уклоном в сторону рукоделия». В конце концов, ей удалось стать гимназисткой, но не в губернском городе, а в уездном Мамадыше. В 1917 г. она училась в 6-м классе Мамадышской женской гимназии¹³⁹. В этой связи нельзя считать, что Кояш была типичной представительницей мамадышского женского сообщества. Да и М.Джаббарова (возможно, сестра Кояш) на самом деле постоянно проживала в Казани и работала на Алафузовской фабрике¹⁴⁰. Подруга и соратница К.Валитовой – Галия Фазыйлуллина (Фазлуллина) являлась женой местного учителя Мухаммедхана Ашрафзяновича Фазлуллина. Поэтому, либеральность ее взглядов можно связать с принадлежностью к особому социально-профессиональному сообществу¹⁴¹. Но благодаря именно таким дамам менялись обывательские представления о положении женщины в семье и обществе.

Например, одна из активисток мусульманского женского движения, тоже учительница, Зухра Баимбетова¹⁴² летом 1917 г. объездила многие отдаленные уголки исторической Башкирии в качестве агитатора гражданских прав женщин. При этом ей самой было всего 18 лет. За год до этого она была назначена заведующей-учительницей мужского начального училища в большом татарском селе Арсланово Караякуповской волости Уфимского уезда. Ранее мальчиков в этом селе обучал мужчина, но после того как его призвали на войну, уездное земство решилось направить в мусульман-

¹³⁹ ЦГАИПД РТ. Ф.30 . Оп.3. Д.627. Л.10.

¹⁴⁰ Смирнова В.Н. Женщины Татарии в борьбе за власть советов. – Казань, 1963. – С.21.

¹⁴¹ ЦГАИПД РТ. Ф.30 . Оп.3. Д.627. Л.11.

¹⁴² Зухра Ахтямовна Баимбетова (1899–1986) родилась в Уфе в семье рабочего-татарина Ахтяма Зигангировича Муслимова (урожд. д. Салихово Караякуповской волости Уфимского уезда) и работницы-башкирки Фархи Валиулловны Рахманкуловой (д. Сартчишма Стерлитамакского уезда). Отец в молодости работал на золотых приисках в Сибири, после получения производственной травмы вернулся на Родину и работал плотником. Мать работала прислугой в разных уфимских семьях. Благодаря поддержке ее работодателей дочь Зухру отдала в Уфимское русско-башкирское женское училище. Училась она за казенный счет и окончила училище в 1913 г. В 1913–1916 гг. проходила обучение на Уфимских женских педагогических курсах, в 1916 г. была назначена учительницей в сельскую земскую школу. В 1918 г. приехала в Казань и стала принимать активное участие в организации женотделов. Была замужем за общественно-политическим деятелем Г.С. Баимбетовым [ЦГАИПД РТ, Ф.30. Оп.3. Д.332. Л.2]

ское село в качестве преподавателя маленьких шакирдов 17-летнюю выпускницу педагогических курсов. Судя по всему, З.Баимбетова (тогда еще Муслимова) за учебный год успешно справилась с возложенной на нее задачей. Неслучайно, именно ее направили в самые отдаленные уголки губернии. «Это была интересная и довольно рискованная поездка агитатора, ввиду того, что мусульманское духовенство в деревнях было настроено вовсе не в пользу прав для женщин, – вспоминала она в советские годы, – мне даже пришлось взять из Духовного собрания мусульман в Уфе нечто вроде охранной грамоты, в которой было написано, что мне разрешается вести агитацию о равноправии женщин не только от имени властей, но и от Духовного собрания, на той грамоте стояла подпись самого муфтия Баязитова!»¹⁴³.

«Мы видим женщин-врачей, юристок, педагогичек. Правда, их мало; правда, за спинами этой «звездной сотни» интеллигентных девушек – пятнадцать миллионов трепещущих, не раскрепощенных русских мусульманок...», – писал современник событий публицист А.Тамарин¹⁴⁴. Действительно, энергии «звездной сотни» интеллигентных девушек было недостаточно для пробуждения многомиллионного мусульманского женского мира. Даже не все образованные женщины были готовы распрощаться с привычной моделью поведения.

Учительница Фатима Девлеткильдеева (уроженка Уфимской губернии), вспоминая казанские годы своей жизни, отмечала трудности в организации работы «Союза учащихся мусульман», образованного в мае 1917 г. Организаторы пытались привлечь к работе мусульманского профсоюза татарских учительниц, однако не все из них соглашались участвовать в собраниях, из-за присутствовавших там мужчин. Хотя еще в апреле того же года большинство этих женщин участвовали в работе Всероссийского съезда мусульманок, где говорили о равенстве мужчин и женщин. «В Казани многие учительницы татарки бывших религиозных школ никогда не участвовали на собраниях совместно с мужчинами, как в бытовых условиях, так и в обществе, поэтому они сразу не решались посещать собрания учащихся вместе с учителями, – писала Ф.Девлеткильдеева. – По просьбе группы учительниц временно необходимо было организовать профсоюзные отделения для учительниц. Председателем выбрали меня. (...) Специально для учительниц устраивались профсоюзные собрания, проводились политические доклады и беседы, доклады методические по предметам школьного препода-

¹⁴³ ЦГАИПД РТ, Ф.30. Оп.3. Д.332. Л.2.

¹⁴⁴ Тамарин А. Мусульмане на Руси. – М., 1917. – С.24.

давания»¹⁴⁵. Женщины, еще недавно проголосовавшие за свои права, на самом деле не были готовы к кардинальным переменам. Неслучайно в одном из пунктов решений мусульманского женского съезда о предоставлении избирательных прав женщинам, специально оговаривалось, что «для подачи голоса женщинам должны быть оборудованы особые места, отдельные от мужчин»¹⁴⁶.

Всероссийский съезд мусульманок, прошедший в Казани 24–27 апреля 1917 г., показал насколько татарские женщины, даже образованные, разные в своих убеждениях и действиях. Всего на съезде присутствовало около 400 женщин¹⁴⁷. Делегатки представляли самые разные регионы России, кроме них в зале присутствовали более 300 женщин-гостей. В Президиум вошли Зайнаб Ахмерова, Фатима Алкина, Сара Ахмерова, Марьям Губайдуллина, Хадича Мустафина, Зухра Салихова, Хадича Таначева. На съезде обсуждались вопросы равноправия мужчин и женщин, отмена многоженства и калыма, право женщин на развод и другие социальные проблемы. Схожие вопросы поднимались и в женской секции Всероссийского мусульманского съезда в Москве, в мае того же года¹⁴⁸.

Первое собрание мусульманских женщин не раз становилось предметом научных исследований, поэтому мы не будем останавливаться подробно на обсуждаемых вопросах и героинях. Отметим лишь, что собравшиеся дамы по-разному представляли положение мусульманской женщины. Молодые учительницы были за решительные перемены, но большинство делегатов являлись сторонницами умеренных реформ. Поэтому съезд проголосовал за отмену хиджаба, равенство политических прав мужчин и женщин, но так и не решил вопрос с многоженством¹⁴⁹.

Либеральных идей придерживались, прежде всего, девушки 1890-х гг. рождения. Среди них много было выпускниц гимназий, курсисток и студенток. Например, одной из делегатов была Кояш Джаббарова (Валитова) из Мамадыша. Среди участниц были также Абруй Сайфи, Захида Бурнашева, Амина Мухитдинова. К Всероссийскому съезду мусульман, организованному в мае 1917 г. в Москве, Мухитдинова подготовила обстоятельный доклад, где разобрала тонкости шариата с точки зрения исторического развития общества. В частности, одним из аргументов против сохранения многоженства

¹⁴⁵ НА РБ. Ф. Р-4767. Оп.1. Д.2. Л.221.

¹⁴⁶ Давлетшин Т. Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики. – Казань, 2005. – С.114.

¹⁴⁷ Hablemitoğlu Ş., Hablemitoğlu N. Şefika Gaspıralı ve Rusyada Türk Kadın Hareketi (1893–1920). – Ankara, 1998. – S.153.

¹⁴⁸ Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. – Нижний Новгород, 2005. – С.25–28.

¹⁴⁹ Фаизов С. Указ. соч. – С.27.

и законов о наследовании она привела пример изжившего себя наказания, когда вора, ссылаясь на Коран, отрубали пальцы. По мнению будущего юриста Мухитдиновой, если мусульмане XX в. в уголовных делах руководствуются гражданскими законами, можно допустить такую практику и в семейном праве. Для соратниц Амины и ей самой была характерна идеализация социальной справедливости и стремление к рациональному переустройству мира.

Радикально настроенные девушки-интеллигентки идейно были близки с городскими солдатками. При этом сами солдатки не проявляли общественной активности и не стремились отстаивать свои права. Их в этот период заботили вопросы пропитания семьи, а не тонкости совмещения требований шариата и гражданских законов. Все они, в основном, относились к крестьянско-мещанским сословиям, а по социальному положению являлись работницами различных городских предприятий. В фабрично-заводских условиях, естественно, мало кто мог обеспечить себе обособленное женское пространство. Более того мастера-мужчины порой ставили женщин-работниц в унизительное положение. Поэтому эмансипация мусульманок из рабочей среды стала вынужденным шагом и была обусловлена материальными трудностями.

Например, одна из таких солдаток Гизиниса Тазетдинова родилась в 1894 г. в деревне Татарская Айша в Заказанье. В крестьянской семье воспитывали 6 девочек, из-за малоземелья ее родители в 1908 г. уехали в Казань. Брат ее отца работал переплетчиком в типографии Каримовых, поэтому девочку-подростка Гизинису обучили переплетному делу, и она также начала трудиться в этой типографии. Через четыре года Гизиниса вышла замуж за своего коллегу – переплетчика З.Тазетдинова. Когда мужа забрали на фронт, у молодой женщины было уже трое детей. Она получала солдатский паек и продолжала работать у Каримовых. Правда, после отъезда мужа, ей пришлось пройти аттестацию на право самостоятельной работы. Если бы она была неграмотной, то не сумела бы пройти эту процедуру и могла остаться даже без этой работы. Образование женщина получила вполне традиционное. По ее собственному выражению, училась два года «у муллихи» в своей родной деревне и научилась читать и писать по-татарски. Благодаря этим знаниям в годы войны и революции молодая солдатка сумела обеспечить себя постоянным заработком. Кроме того, Тазетдинова немного владела разговорным русским языком, поэтому ее часто другие женщины приглашали в качестве переводчицы.¹⁵⁰

Фактором солидарности солдатских жен стали общие проблемы. Они проводили время в одних очередях, ходили на вокзал, в

¹⁵⁰ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2621. л.7.

надежде встретить среди раненых солдат своих мужей. Кроме того, их объединял одинаковый социальный статус, материальные трудности, а порой и малограмотность. Поэтому особым уважением среди них пользовались люди, умеющие читать и писать. Ведь некоторые солдатки не могли ни прочесть письма мужей, ни донести им свои мысли на бумаге. Например, Ш.Бабич упоминал такой случай в Нижегородской слободе г.Уфы, когда он был вынужден целый день читать и писать письма, оказавшись в компании татарских солдаток. Поэт в этот период собирал татарский фольклор, поэтому переписывал для себя и байты из солдатских писем¹⁵¹. Неудивительно, что порой даже прошения в местные органы власти вместо солдаток писали их мужья¹⁵².

Солдатки часами ожидали у казенных учреждений выдачи социальных пайков. «За мужей, ушедших на войну солдатки получали пособие от городской управы, а солдатки, живущие в татарской части города получали пособие в 5-й части на Плетеневской улице. Часто приходилось собираться для получения пособия и ждать по много часов», – вспоминала о своей жизни в годы войны Г.Тазетдинова¹⁵³. Поскольку она работала в типографии Каримовых, она приносила с собой номера газеты «Юлдуз» и читала вслух остальным солдаткам.

В годы войны читки газет были распространены и среди мужчин, но они обычно собирались в татарских чайных города. Время от времени такие чтения вызывали подозрение правоохранительных органов. Их беспокоили, прежде всего, комментарии чтецов к прочитанному материалу¹⁵⁴. Так произошло и с Тазетдиновой. «... Меня вызвали к начальнику этой части, который посмотрел газету, расспросил, что и как я читаю, – писала она о таком эпизоде, – допросил, что я рассказываю и отпустил, предупредив, чтобы я никаких читок не устраивала. Но я не поняла значения и смысл

¹⁵¹ Хангильдин В. Бабич белән үткән бер жәйнең истәлеге // Совет әдәбияте. – 1959. – №5. – Б.101.

¹⁵² Например, летом 1917 г. рядовой 164-го пехотного запасного полка Садрутдин Саутаров обратился с прошением к Казанскому губернскому комитету общественной безопасности. 5 июля 1917 г. его жена Биби-Камиля Хуснутдинова купила на базаре в Чистополе более 39 пудов полбенной крупы по 10 руб. 50 коп. за пуд, всего за 355 рублей. Но унести сама она, безусловно, покупку не смогла. Поэтому оставила дорогой товар временно в на постоялом дворе. Но пока солдатка искала подводу для крупы, местная продовольственная комиссия реквизировала ее покупку причем по заниженной стоимости – 2 руб. 94 коп. за пуд товара. Но даже положенную сумму – 114 руб. 66 коп. Б.Хуснутдиновой сразу не отдали. Муж ее с августа 1916 г. состоял на военной службе. Но даже вдали от семьи он пытался защитить ее от обидчиков (НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.36. Л.133).

¹⁵³ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2621. Л.7.

¹⁵⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5765. Л.7 об.

предупреждения, т.к. революционером и большевиком себя не считала и решила, что громкая читка мешает полицейским, отдыхающим после смены. Уровень политической сознательности у меня, как и у других работниц-татарок был низким»¹⁵⁵.

Тазетдинова не участвовала во Всероссийском съезде мусульманок в Казани. В марте 1917 г. окончательно вернулся из фронта ее больной туберкулезом муж. До этого еще в 1916 г. он пытался бежать с военной службы, но дезертира поймали в Казани и отправили обратно на фронт. Уже тогда он был серьезно болен, к 1917 г. его состояние ухудшилось. Вернувшись в семью, бывший солдат прожил чуть больше полугода, в ноябре 1917 г. мужа Тазетдиновой уже не стало. Туберкулез не пощадил и детей Гизинисы. К 1918 г. у нее остался лишь один ребенок, двое умерли от туберкулеза. Видимо, при таком тяжелом моральном и материальном фоне эта женщина постепенно втягивается в профсоюзное и женское движение. Нельзя сказать, что она сознательно начала интересоваться социал-демократическими идеями, скорее пришла в эту среду через трудности своей жизни и быта.

В начале 1917 г. молодую солдатку поддерживал друг мужа, русский переплетчик из типографии И.Н. Харитонов. Фамилии этого агитатора Тазетдинова в советские годы уже не помнила, но отметила, что именно он познакомил ее с профсоюзным движением. По его приглашению весной 1917 г. она посетила собрание печатников, где ее в числе многих приняли в члены профсоюза.

В это время в Казани при местном мусульманском военном комитете появилась «Организация мусульманок-солдаток» (известна также под названиями «Бюро солдаток-мусульманок», «Союз солдаток-мусульманок»). Союз солдаток г. Казани образовался раньше. Как известно из литературы, организационное собрание союза мусульманских солдаток проходило 12 мая 1917 г. на Юнусовской площади, где присутствовало более 1 тыс. солдаток. Было избрано бюро из 11 человек и руководительница организации Фахридиган Еникеева¹⁵⁶.

Гизиниса Тазетдинова тоже была на этом митинге. По ее словам, организатором митинга стала председатель Союза солдаток г. Казани М.А.Панфилова¹⁵⁷, она же выступала перед татарскими

¹⁵⁵ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2621. Л.8.

¹⁵⁶ Миннуллин З. С. Деятельность «Организации мусульманок-солдаток» в г. Казани (1917–1918 гг.) // Вестник ЧГУ им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 2 (70). – Ч. 2. – С.172.

¹⁵⁷ М.А. Панфилова была профессиональной революционеркой, пострадавшей за подпольную деятельность еще во время первой русской революции. Однако после ареста и ссылки бывшая актриса вернулась не на театральные подмостки, а к революционной работе и взялась за организацию женского движения

солдатками, а речь ее на татарский язык переводил один из солдат¹⁵⁸. Таким образом, среди самих мусульманок не нашлись активистки, готовые выступить перед публикой и взяться за организационную работу. Именно из-за этого, созданная по инициативе русских активисток, мусульманская организация на деле оказалась практически безжизненной. К июлю 1917 г. союз почти распался. Но М.А. Панфилова все же была настроена решительно и всеми силами она пыталась вдохнуть жизнь в эту организацию. Из Уфы к ней подоспела помощь в лице известной татарской активистки, учительницы и певицы Абруй Сайфи¹⁵⁹.

в Казани [Галиуллина Г.Р. Женский вопрос в России: региональный аспект (1900–1917 гг.). Дисс. ... к.и.н., – Казань, 1995. – С.93].

¹⁵⁸ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2621. Л.7.

¹⁵⁹ Абруй Салахутдиновна родилась 15 марта 1889 г. в деревне Кульбаево-Мараса Альметьевской волости Чистопольского уезда Казанской губернии. Эта деревня дала целую плеяду татарских деятелей начала XX века. Здесь родился и вырос в семье Фасаха муллы публицист, юрист и общественно-политический деятель Фуат Туктаров; уроженцем Кульбаево-Марасы является актер и режиссер, один из основоположников татарского театра Габдулла Кариев.

В 8-летнем возрасте маленькая Абруй вместе с матерью уехала в Астрахань. Скорее всего, ее родительнице было тяжело в сельских условиях без мужской поддержки, поэтому она надеялась найти заработок в городе. Занимались они с дочерью очень традиционным для татарских женщин промыслом – изготовлением национальных головных уборов. Однако эта работа всегда была малооплачиваемой, вышитые калфаки и каляпуши татарские мастерицы сдавали торговцам, а получали взамен какой-либо товар из лавки по завышенной стоимости. Через восемь лет, в 1905 г. мать с дочерью вернулись обратно в свою родную деревню. Причиной возвращения могли быть и мало прибыльность городского промысла, и возраст дочери. Абруй исполнилось уже 16 лет, скорее всего мать ее думала и о будущем замужестве наследницы. После возвращения в Кульбаево-Мараса 16-летняя девушка организовала женскую школу. Это очень любопытный момент из ее биографии. Поскольку мы ничего не знаем о ее образовании и учителях. Везде отмечается лишь то, что Абруй была самоучкой. Да и самостоятельная организация школы в столь юном возрасте выглядит не очень убедительной. Для официальной регистрации такого учебного заведения в 1905 г. потребовалось бы очень много хождений по различным бюрократическим инстанциям. Возможно, существовал какой-то неофициальный женский кружок у нее дома, который уже в советское время обозначили как целую школу. Но нельзя исключать и поддержки односельчан-интеллигентов, вроде Ф.Туктарова, который к тому же был сыном муллы. Поэтому женская школа А.Сайфи могла работать и при мечети.

Весть об образованной и решительной девушке разнеслась по всему уезду. Вскоре к юной мугаллиме отправили сватов от имени молодого учителя. В 1908 г. Абруй вышла замуж за Муртазу Гильманова из деревни Адам-Су в родном Чистопольском уезде [ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2406. Л.38]. Он был выпускником казанского медресе «Марджания» и в том же 1908 г. в Оренбургском магометанском духовном собрании получил свидетельство на право преподавания [Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVII – начало XX веков). – Казань: Изд-во «Фест», 1994. – С.228.]. Переехав в Адам-Су Абруй вновь взялась за дело про-

Она очень отличалась от своих единокровных довольно смелым поведением. В формировании характера этой женщины, безусловно, сыграли особую роль трудное детство и ее женская судьба. Воспитывалась будущая активистка татарского женского движения только матерью. Из-за материальной неустроенности, семейных обстоятельств, преследований жандармерии она часто переезжала

свещения. В своей биографии она указывала, что поддержку в деле организации женской школы ей оказал казанский служащий Шагит Ахмадеев. К слову, он тоже был уроженцем Чистопольского уезда.

В 1911 г. Абруй Сайфи уехала вновь в Астрахань. Возможно, ее семейная жизнь с Гильмановым оказалась недолгой или же наоборот супруги отправились в этот губернский город вместе. Нет точных данных, когда пути супругов Гильмановых разошлись. Но уже через пять лет Абруй вышла замуж за журналиста и педагога Фатиха Сайфи-Казанлы. В 1911 г. в уже знакомую Астрахань она приехала не в качестве вышивальщицы каляпушей, а как учительница. В губернском городе кипела национальная жизнь: издавались газеты, работали общественные собрания, открывались школы. В городе находился в ссылке азербайджанский доктор Нариман Нариманов, который стал играть ключевую роль в мусульманской культурной среде Астрахани. В газете «Идел» в это время работал поэт Сагит Рамеев. Мусульманское благотворительное общество «Шураи ислам» во главе с эксцентричным Мустафой Лутфи Измайловым открыло женскую школу «Намун тарракий». Именно в этом учебном заведении и начала работать Абруй Сайфи [ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2406. Л.2]. Однако в годы реакции усилились жандармские преследования против мусульманских деятелей, особенно прогрессивных взглядов, которых чаще всего обвиняли в панисламизме. Поэтому и успешная женская школа, и сама преподавательница Абруй попали под надзор жандармерии. В 1912–1913 гг. в ее квартире два раза проводились обыски. Уже в 1914 г. ей пришлось уехать из Астрахани. Но этот год стал определенным рубежом не только для Абруй Сайфи. Накануне Первой мировой войны в Астрахани закрылся целый ряд мусульманских организаций: школы, газеты, общества. Один из лидеров джадидского движения в Астрахани, издатель газеты «Идел» и руководитель медресе «Низамия» Абдурахман Умеров был сослан в Казань. Уехал из этого города и Сагит Рамеев вместе со своей супругой-учительницей.

Абруй сначала направилась в Казань, где после встречи с Ш.Ахмадеевым, Ф.Сайфи и Ф.Амирханом, по их совету уехала учительствовать в село Азеево Рязанской губернии. В этом большом селе она проработала до апреля 1915 г. В своей биографии она писала о том, что в этом населенном пункте вновь «начались преследования со стороны жандармерии». Однако именно в этот период в Азеево произошла скандальная история в семье Бурнашевых. В результате домашнего конфликта, дочь сбегала из дома. Пока родители разыскивали ее, сбегавшая Захида Бурнашева попросила через газету защиты от темных родителей [Подробнее см.: Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – С.280–281]. Конечно, гнев родителей и сочувствующих им жителей села в этот момент мог быть направлен, прежде всего, на молодую учительницу Абруй, которая, несомненно, рассматривалась большинством населения как человек, разрушающий старые устои. Из Азеева Абруй вновь едет в Казань, а оттуда уезжает в Уфу. Там она брала частные уроки пения, а также организовала уже 4-х годовичные женское учительское училище. Именно в Уфе ее застала Февральская революция [ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2406. Л.38].

из одного города в другой. Конечно, такая жизнь закалила ее. Сама жизнь заставила избавиться ее от старых стереотипов. Современники сохранили в памяти следующий поступок А.Сайфи. «На одном собрании, состоявшемся в Екатеринбурге, религиозные националисты отдельно посадили женщин, пришедших на собрание и, чтобы не показать мужчинам их лица, повесили занавес. Со словами: «Какие занавесы могут быть во время революции? Хватит, и так годами нас держали взаперти!» – Абруй сорвала занавес и стала выступать». В зафиксированном в уже советское время воспоминании говорится еще и о том, что «герои нации «в каляпушах» бросились на певицу с криками и даже «начали избивать»¹⁶⁰. Но насколько это правда мы не беремся судить. Возможно, дело ограничилось лишь руганью.

С ранней юности Абруй посвятила себя педагогической работе. С середины 1915 г. она жила в Уфе, в 1916 г. вышла замуж за преподавателя медресе «Галия» Фатиха Сайфи. Татарская общественность в это время узнала ее как певицу Абруй Сайфи. Февральскую революцию она встретила в Уфе, и сразу же начала участвовать в митингах и собраниях. Уже в мае 1917 г. Абруй стала организатором союза мусульманских солдаток в Уфе и была избрана председателем этого союза¹⁶¹. Хотя супруг ее Фатих Сайфи не служил в армии, но, вероятно, среди настоящих солдаток не нашлось активной, надежденной организаторскими и ораторскими талантами, женщины.

На общем собрании «Организации мусульманских женщин» Уфы в июне 1917 г. часть мусульманок в качестве делегата на 2-й Всероссийский мусульманский съезд в Казани предложили отправить Абруй Сайфи. «Кандидатура старушки Мустафии, выдвинутая правлением организации, женщинами-работницами была отвергнута и поддержана кандидатура Абруй ханум. Они кричали: «Мы устали, выдвигая жен баев и мурз, в дальнейшем хотим посылать людей, которые смогут защитить наши интересы!», – сообщала одна из местных газет. В заметке говорилось о том, что крики переросли в драку, поэтому пришлось разогнать женское собрание с помощью приглашенной милиции. После этого случая татарская газета «Ирек» констатировала, что «богатые женщины не могут сработаться с бедными женщинами»¹⁶². Эта разобщенность наблюдалась везде. Например, Б.Ильсова вспоминая об апрельском митинге в Оренбурге, отмечала, что «буржуазным женщинам-интеллигенткам мое выступление не понравилось, и они стали шуметь и

¹⁶⁰ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2406. Л.6.

¹⁶¹ Там же. Л.38.

¹⁶² Женское движение в Башкортостане. 1900–1941: Сб. документов и материалов. – Уфа, 2008. – С.38.

мешать, прерывая мою речь, и даже стали окружать меня, но я не испугалась. Представители большевиков, солдаты и другие громко аплодировали, подошли вплотную к трибуне, желая в случае необходимости защитить меня. На другой день газета «Вақыт», в отчете о прошедшем митинге, с иронией писала обо мне, что якобы я «молодая девочка, подкупленная социалистами, выступила об их учении»¹⁶³. Интересно, что в это время Ильясова училась на учительских курсах, но себя она никак не ассоциировала с «интеллигентками» из состоятельных семейств.

В женском сообществе социальная дифференциация чувствовалась острее, причем она была связана с материальными атрибутами. Это можно увидеть по тому, как они расценивали внешний вид, наряды друг друга. Например, Амина Мухитдинова отмечала, что участницы Всероссийского съезда мусульманок в Казани утонули «в жемчугах и шелках»¹⁶⁴. Очевидно, дочь небогатого учителя¹⁶⁵ не могла себе позволить такие наряды, хотя она никогда не была из тех революционерок, которые сознательно скрывали свою женственность¹⁶⁶. Не менее любопытной представляется фотография исполнительного бюро Союза мусульманских солдаток г. Казани¹⁶⁷. Большинство женщин, несмотря на бедное происхождение, предстали перед объективом фотографа в образах татарских барышень (туташлар): в расшитых калфаках. Судя по всему, для них было очень важно соответствие стилю богатых татарок. Хотя, следуя за своими наставницами, русскими революционерками, они могли бы отказаться от «буржуазных» национальных нарядов и сфотографироваться в более демократичном виде.

В годы Первой мировой войны наметился раскол в русском женском движении. Если часть женщин условно можно обозначить патриотками, то другая часть к концу войны поддерживала идеи паци-

¹⁶³ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1301. Л.19.

¹⁶⁴ Мухитдинова Э. Из истории революционного движения среди татарок // Коммунистический путь. – 1922. – №5(12). – С.40.

¹⁶⁵ В своей автобиографии А.Мухитдинова придавала особое значение доходам своей семьи: «... отец мой прослужил 40 лет народным учителем в татарских школах, получая в месяц 35–40 руб., в течение нескольких лет он исполнял обязанности муллы в войсковых частях, получая за что 6 рублей в месяц», – отмечала она [ЦГАИПД РТ, Ф.30.Оп.3. Д.2028. Л.12].

¹⁶⁶ В некоторых современных публикациях в СМИ ошибочно в качестве портрета Мухитдиновой указывают портрет другой студентки университета, молодой Гайши Апанаевой [Султанбеков Б.Ф. Неоптимистическая трагедия // Звезда Поволжья. – 2015. – 6 февраля [Электронный ресурс] <http://zvezdapovolzhya.ru>. Очевидно, такая путаница возникла из-за ошибки в подписях к фотографиям, опубликованным в монографии С.Фаизова. В целом, известны две дореволюционные фотографии А.Мухитдиновой: в европейском и восточном стиле.

¹⁶⁷ Государственный центральный музей современной истории России. КП-6673(21); Азат хатын. – 1958. – №12. – Б.3.

физма, в этой связи, импонировали им и обещания социалистов о мире. Среди «патриоток» было много представительниц буржуазно-чиновничьих и интеллигентских кругов. Для них по-прежнему актуальным оставался вопрос о женском равноправии. Агитаторы советского времени всегда связывали феминизм с буржуазным прошлым, классовая борьба не предполагала гендерных различий.

Между тем в годы революции пацифистские идеи стали доминировать не только среди солдаток, отправивших на войну мужей и сыновей, но недавних сторонниц феминизма из интеллигенции. Этот раскол четко проявился уже в день всеобщей женской демонстрации – 20 марта 1917 г. в Петрограде, когда феминистки, устроившие марш и требовавшие право голоса, прервали выступление и даже толкнули женщину-большевичку на ступени Таврического дворца. Она попыталась обратить внимание толпы на непосредственные проблемы войны. Не всем участницам демонстрации понравился грубый жест со стороны активисток, часть толпы была абсолютно солидарна с пострадавшей женщиной¹⁶⁸.

Если вернуться к истории татарского женского движения, то здесь разница состояла в большей степени в отношении женщин к религии и традициям. Часть женского сообщества, из образованных кругов, выступала за развитие женского просвещения, за политические права, но когда дело касалось частной жизни и семьи, они не готовы были к резким переменам. Поэтому действительными феминистками были молодые интеллигентки, происходившие, как правило, из бедных семей. Наряду с идеями феминизма они разделяли и убеждения социалистов. Если придерживаться терминологии Р.Стайтса, то в этом случае их можно обозначить как феминисток-пацифисток. Например, А.Сайфи, избранная в начале июля 1917 г. гласной Уфимской городской думы, представляла социалистический блок народных избранников¹⁶⁹.

Изменения в муниципальном законодательстве стали одним из первых конкретных шагов по расширению гражданских прав женщин. Так, в июне 1917 г. гласными Астраханской городской думы стали Г.Г.Насыбуллина и Ш.Д.Каримова¹⁷⁰. Отсутствие в Казанской городской думе татарок можно объяснить юным возрастом большинства мусульманских феминисток и возрастным цензом, а также отмеченной выше традиционностью в поведении их старших подруг. Впрочем, уже осенью 1917 г. в списках кандидатов в гласные

¹⁶⁸ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 пер. с англ. – М., 2004. – С.400.

¹⁶⁹ Уфимская жизнь. – 1917. – 12 июля.

¹⁷⁰ Имашева М.М. Женщина-мусульманка и общественное движение в Астрахани в начале XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные Отношения. – 2014. – №4. – С.27.

Казанской городской управы были включены четыре женщины: мусульманским комитет представляла врач Хадича Таначева (Ямашева), от мусульманской социалистической партии – фельдшер Уммугульсум Мухаметьярова, учительница Абруй Сайфи и работница Гаян Мустакаева (см. Приложение №11)¹⁷¹.

Для мусульманской среды даже включение женщин в качестве кандидатов было большим достижением, т.к. большинством населения наделение женщин избирательными правами воспринималось болезненно. Особенно тяжелой была ситуация в уездах, где при подготовке к выборам новых муниципальных органов власти – волостных земств – крестьяне некоторых татарских селений отказывались подавать сведения об избирателях-женщинах. Например, из-за этого в августе 1917 г. оставались неполными списки избирателей в Мамадышском и Чебоксарском уездах¹⁷².

Уже 20 июля 1917 г. все российские женщины, достигшие 21-летнего возраста, получили избирательные права. Россия стала первой крупной державой, принявшей закон о всеобщем избирательном праве. Ни женщины Великобритании, ни Франции, ни Австро-Венгрии и Германии еще не были наделены такими правами¹⁷³.

Приехавшая на 2-й Всероссийский мусульманский съезд А.Сайфи, в июле 1917 г. участвовала и в собраниях казанских солдат. Она была избрана председателем бюро мусульманских солдаток, а бывшая председательница Ф.Еникеева стала секретарем. По свидетельству Тазетдиновой, Ф.Еникеева «через некоторое время отказалась от обязанностей председателя, вышла из состава бюро»¹⁷⁴. «Новое руководство энергично взялось за работу. Были рассмотрены вопросы обеспечения солдаток топливом, упорядочена уплата членских взносов, открыт специальный магазин для солдаток», – пишет в своей статье об этой организации З.Миннуллин. Но осенью того же года А.Сайфи уехала обратно в Уфу и союз солдаток вновь остался без председателя. К тому же, и во время нахождения в Казани Абруй не оставляла свою основную деятельность. Так, в сентябре она поехала в Чистополь, для участия в спектакле, сборы от которого шли в пользу Казанского мусульманского военного комитета. 3 октября 1917 г. ее место занял представитель Казанского мусульманского военного комитета – Г. Исмагилов¹⁷⁵. Этот факт очередной раз доказывает отсутствие на тот момент активисток среди солдаток.

¹⁷¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.55. Л.176.

¹⁷² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д.55. Л.38., 211.

¹⁷³ Стайтс Р. Указ. соч. – С.401–402.

¹⁷⁴ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2621. Л.9.

¹⁷⁵ Миннуллин З. С. Деятельность «Организации мусульманок-солдаток» в г. Казани (1917–1918 гг.) // Вестник ЧГУ им. И. Я. Яковлева. 2011. № 2 (70). Ч. 2. – С.172.

Единственной местной солдаткой, которую рассматривали в качестве потенциальной активистки, была Гизиниса Тазетдинова. Видимо, для того, чтобы и эта председательница не сложила свои полномочия, Панфилова постоянно поддерживала связь с Тазетдиновой: приглашала ее к себе домой, вела с ней беседы. Аналогичное идеологическое воздействие на татарскую солдатку оказывал и упомянутый выше «русский переплетчик», который к тому же не забывал поддерживать семью Гизинисы еще и материально¹⁷⁶.

Вообще среди женщин-работниц легче всего подключались к общественно-политической борьбе те, кто испытывали не только материальные трудности, но и пережили личные трагедии. Например, из активисток-мусульманок алафузовской фабрики выделялась Х.Гимедетдинова. Супруг этой женщины был арестован за революционную агитацию и умер в тюрьме¹⁷⁷. Г.Тазетдинова пережила в ноябре 1917 г. не только смерть мужа, но и смерть детей от туберкулеза.

При этом борьба порой носила даже физический характер. Гизиниса Тазетдинова официально была принята в ряды социал-демократов в сентябре 1917 г. Ее избрание в Казанский совет было воспринято старшим поколением мусульманской общины довольно негативно. Активистка упоминает о «гнусных нападках» в свой адрес. «Когда была избрана в Горсовет первого созыва на квартиру явился торговец Мухамедзян Хафиз с солдатом из «Милли Шуро» и потребовал объяснения – действительно я ли избрана в Горсовет, угрожая и говоря, что живя в мусульманском приходе (мусульман махэллэсендэ) «продалась русским», – писала она об этом эпизоде своей биографии¹⁷⁸.

Одной из форм общественной активности татарских девушек в годы войны и революции были театральные представления. Внутренний порыв женщины, ее вызов обществу часто скрывался за театрализованными формами. Поэтому неудивительно, что гимназистка Кояш Джаббарова (Валитова) в 1917 г. оказалась в числе организаторов театральных постановок в Мамадыше. Театром в это время были увлечены не только в городах, но и в отдаленных деревнях. Еще недавно запрещаемые развлечения вместе с революционной свободой завоевывали и деревенскую аудиторию. Во главе этих культурмассовых акций стояли, в том числе, молодые учительницы. Так, мугаллима Гайникамал Калимуллина, уроженка с. Альметьево Бугульминского уезда, вспоминала о том, как осенью 1917 г. сельская молодежь организовала драмкружок и поставила

¹⁷⁶ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2621. Л.9.

¹⁷⁷ Смирнова В.Н. Женщины Татарии в борьбе за власть советов. – Казань, 1963. – С.21.

¹⁷⁸ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2621. Л.10.

спектакль в деревенском амбаре у одного бая. «... Из девушек я была одна, и нам угрожали, что зальем керосином и сожжем амбар, – отмечала учительница. – Мы, конечно, не пугались, продолжали свою работу. Это была моя первая общественная работа». На тот момент, Г.Калимуллиной было 20 лет¹⁷⁹.

Иногда эти угрозы переходили в реальные действия. Например, Г.Тазетдинова вспоминала о том, как ее избili во время митинга, посвященного выборам в Учредительное собрание, на Юнусовской площади. «Тогда меня спас тов. Хайруллин (приказчик Утямышевых), который сам был избит, ему выбили все зубы», – отмечает она. Впрочем, ее дальнейшие действия (уборщица учительской семинарии, где она скрылась, передела ее в другое платье, и женщина сумела дослушать выступавших на митинге) указывают на то, что пострадала она не сильно¹⁸⁰.

Характерной чертой новой эпохи стало посещение женщинами мечетей. Вопрос о праве женщины посещать общественные намазы обсуждался еще во Всероссийском съезде мусульманок в апреле 1917 г. Большинство делегатов было за разрешение посещения. Однако выступили против этого нововведения две группы с совершенно разными убеждениями. При этом каждая из них руководствовалась собственными мотивами. Социалистки хотели абстрагироваться от религиозной практики, а женщины умеренно-консервативных взглядов (например, одной из таких дам была Лябиба Хусаиния) хотели оставить все как прежде. Они «опасались покушения на благочестие вследствие резкой, как им казалось, модернизации норм религиозной жизни», – отмечает С.Фаизов¹⁸¹.

Действительно, до 1917 г. посещение мечети женщинами не практиковалось, представительницы прекрасного пола молились дома и поэтому были лишены религиозных проповедей. Однако после избрания на Всероссийском съезде мусульман в мае 1917 г. в Москве первой женщины-казыя (судьи) в Оренбургском духовном магометанском собрании было бы странным запрещать посещение мечетей обычным прихожанкам. Избранная казыем (там были еще другие кандидатки) Мухлиса Буби и до революции отличалась активной общественной позицией. Она руководила одним из самых знаменитых женских медресе в с. Иж-Буби Вятской губернии. Конечно, все эти годы она всегда опиралась на поддержку семьи – братьев, знаменитых педагогов Буби.

¹⁷⁹ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1366. Л.1.

¹⁸⁰ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2621. Л.10.

¹⁸¹ Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. – Нижний Новгород, 2005. – С.28.

Избрание женщины-казыя полностью было продиктовано самой революционной эпохой. Вряд ли бы такое было возможно еще годом ранее, весной 1916 г. После падения монархического режима и наступления хаотических перемен в структуре власти в 1917 г. постоянно появлялись новые социальные институты, претендующие на особую роль в управлении массами. Например, уже в ноябре 1917 г. при мусульманском бюро Союза солдаток г. Казани был образован народный суд, где активистки женского движения разбирали дела солдаток, жертв домашнего насилия. Поэтому женщина-казый стала своеобразным ответом будущим «женотделам», которые выросли из таких бюро и союзов при социалистических организациях. Таким образом мусульманское духовенство пыталось сохранить за собой женский «электорат», в период многовластия можно было привлечь большую часть женского населения в свою сторону лишь путем уступок. Вместе с появлением женщины-казыя следующим радикальным шагом стало приглашение женщин на общественные намазы. «Женщин допустили на религиозные моления в кафедральную мечеть Уфы. Женщина-казый начала выступать здесь с увещательными речами, – вспоминала активистка женского движения Уфимской губернии А.Нухрат, – Она выезжала в крупные села, где имелись две-три мечети, привлекала к «просвещению» верующих жен духовных лиц»¹⁸².

Мужчины реагировали на это по-разному. Были и те, кто открыто критиковал хождение мусульманок в мечеть. «Народ это не принимает, говорят, что прежде одна мечеть оставалась местом, куда не ступала нога женщины, а теперь и там женщины», – писал о чистопольских мусульманах муфтий Галимджан Баруди. Сам он одобрял такую практику и считал, что когда «нравственность стала более подверженной порокам», тем более нужно просвещать женщин, помочь им ориентироваться в новых условиях. И даже совместные молитвы в мечети муфтий признавал допустимыми, если «женщина со вниманием относится к соблюдению необходимых правил»¹⁸³. Но для женщин особенно ценными были проповеди. Собственно в мечеть мусульманки отправлялись именно из-за желания послушать наставления духовных деятелей. Вероятно, в условиях хаоса и смены нравственных ориентиров общества они особенно нуждались в проповедях религиозных деятелей.

Если разрешение на посещение мечети было воспринято женщинами с радостью, то гораздо сложнее было заставить их собираться на общественные собрания. Первые активистки советского женского движения особо подчеркивали, что татарскую женщину

¹⁸² Женское движение в Башкортостане. 1900–1941: Сб. документов и материалов. – Уфа, 2008. – С.142.

¹⁸³ Баруди Г. Памятная книжка // Казань. – 1998. – №2. – С.67.

невозможно было вовлечь не только в общественную работу, но и просто прийти на собрание¹⁸⁴. Поэтому приходилось не только уговаривать их, но и устраивать для привлечения внимания различные представления и концерты. Карима Азметова, 1898 г.р., работавшая учительницей в д.Байкыбашево Бирского уезда (Уфимская губерния), вспоминала как она через учеников приглашала на концерты их родителей. «Женщины приходили с детьми, устраивались на передних скамьях и с удовольствием слушали пение, декламацию, весело смеялись, удивлялись, как ловко пляшут озорники-мальчишки, – писала она. – (...) Но стоило в перерыве выступить с короткой политической речью, как женщины вставали с места и, подхватив ребят, удалялись. – Нас хотят сделать большевиками, веротступниками, противниками Аллаха, – говорили они»¹⁸⁵.

Пожалуй, это был массовый женский страх. Большевики, к тому времени (1920-е гг.) олицетворяли грозную силу, которая за короткий срок беспощадно вторглась в их женское пространство и продолжала ломать привычные представления о мире. В этой «картине мира» женщина многое могла сделать сама (когда заставляла нужда), однако очень сложно было поверить в то, что общественная работа не испортит женскую природу, предназначенную, прежде всего, для брака и семьи. Крестьянок, которых выдвигали в качестве делегатов или же кандидатками в члены сельсоветов в деревнях высмеивали¹⁸⁶. Женщины-общественницы, а в деревнях эта роль чаще всего была возложена на молодых учительниц, воспринимались как существа из другой планеты. Даже сельское духовенство отделяло учительниц от обычных женщин, которых оно считало нужным уберечь от влияния извне. «Выступают мулла и доказывает, что в Коране написано, что женщина должна закрывать лицо при мужчинах, а учитель Сарым Фахри доказывает, что можно. Мы, учительницы сидели в задних местах, – вспоминала Гайникамал Калимуллина о работе культурного кружка в д.Зай-Каратай Бугульминского уезда (Самарская губерния) в 1919 г. – Я встала перед кружковцами и говорю: «Я перед Вами открываю лицо, если в Коране записано, что женщина должна закрывать лицо перед мужчиной, то почему Габдурахман мулла здороваается с нами за руку, нельзя быть двуличным». После моего выступления встает старик Хамидулла-бабай и подтверждает, что я говорю правильно и все соглашаются с ним»¹⁸⁷. Конечно, не все

¹⁸⁴ ЦГАИПД РТ, Ф.30. Оп.3. Д.2406. Л.8.

¹⁸⁵ Женщины Башкирии. Сборник / сост. Х.М.Вафина, А.Н.Киселева, А.И.Нухрат. – Уфа, 1968. – С.113–114.

¹⁸⁶ Морозова. Татарки пробуждаются // На новом пути. Журнал женотдела О.К. Татареспублики, посвященный 8-му марта. – Казань, 1923. – С.19.

¹⁸⁷ ЦГАИПД РТ, Ф.30. Оп.3. Д.1366. Л.3.

было так просто и не все одобряли наступившие перемены. Зверские расправы над молодыми татарками-учительницами в ходе Вилочного восстания служат наглядным доказательством накопившейся в определенной части общества ненависти. «Если мятежникам удавалось захватить учительниц, то с ними расправлялись со зверской жестокостью: живыми загоняли в костер, обливали водой, постепенно замораживали в виде ледяных столбов...», – отмечала одна из первых профессиональных исследовательниц женского вопроса в Татарии В.Н. Смирнова¹⁸⁸. В автобиографиях учительниц, как правило, этот период характеризуется общими предложениями. Лишь заметки о том, что приходилось скрываться в других деревнях, указывает на серьезность угрозы.

Поэтому отчаянных общественных деятельниц из татарских женщин в это время было совсем немного. В этом ряду особняком стоит фигура Абрый Сайфи, постоянно разрывавшейся между Уфой и Казанью, избранная в обоих городах в муниципалитеты, а также в Учредительное собрание, организатор местных бюро мусульманских солдаток. Она фигурировала в составе национального законодательного собрания – Миллэт Меджлисе¹⁸⁹.

Еще одной представительницей прекрасного пола в национальном парламенте была Амина Мухитдинова. В своей автобиографии этот эпизод своей жизни она объясняла необходимостью «разгона и срыва национального собрания, освобождения татарских трудовых масс из-под влияния мулл и буржуазной интеллигенции»¹⁹⁰. Безусловно, здесь надо отдать должное шаблонам партийного стиля автобиографий конца 1920-х гг. и вряд ли можно вести речь о настоящей провокаторской работе молодой девушки. Скорее разобщенность татарского политического сообщества, она уже в советские годы пыталась показать как результат спланированного действия мусульманского социалистического комитета.

Со сменой власти в октябре 1917 г. в жизни А.Сайфи ничего не поменялось, она продолжала энергично работать на том же поприще. В ноябре, после разгона Миллэт Меджлисе в Уфе, она вернулась в Казань и вновь подключилась к работе Союза мусульманских солдаток. К тому времени при организации на Плетенях был открыт (в октябре 1917 г.) приют для татарских детей и дом престарелых. Уже к весне 1918 г. там находились более 80 старушек и детей¹⁹¹. А.Сайфи ее современницы называли одним из организа-

¹⁸⁸ Смирнова В.Н. Женщины Татарии в борьбе за власть советов. – Казань, 1963. – С.79–80.

¹⁸⁹ Фаизов С. Указ. соч. С.58.

¹⁹⁰ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2028. Л.12.

¹⁹¹ Миннуллин З. С. Деятельность «Организации мусульманок-солдаток» в г. Казани (1917–1918 гг.) // Вестник ЧГУ им. И. Я. Яковлева. 2011. № 2 (70). Ч. 2. – С.172–173.

торов «татарского детдома». Любопытно, что заведовала приютом не женщина, а некий Абдрахман Искандеров¹⁹².

Первая мировая война значительно ускорила запущенные еще в конце XIX века процессы по раскрепощению татарских женщин. Если представительницы состоятельных семей в этот период завоевывали себе пространство в политической и культурной жизни и тем самым по-своему разрешали свой «женский вопрос», то женщины, материально нуждавшиеся, сталкиваясь с реальной нуждой, шли работать наравне с мужчинами и уже на этом поприще видоизменяли свои гендерные роли. Но с окончанием войны положение многих женщин не изменилось. Осталось много вдов, а среди вернувшихся домой солдат немало было инвалидов. Безногие и безрукие они уже не могли помогать по хозяйству, работать где-то. По данным Д.М.Исхакова, по переписи 1926 г. в крупных городах на 100 татарок приходилось лишь 98 мужчин. По сравнению с 1897 г. число вдов к этому времени только среди городских татарок выросло в 1,8 раза¹⁹³. В этих условиях и военное поколение женщин вело себя уже иначе, и их дочери воспитывались немного по-другому.

Отдельным испытанием для татарских активисток стала Гражданская война. Большинство из них в это время пребывала в лагере красных, где они служили сестрами милосердия, ставили спектакли и концерты для красноармейцев. Например, К.Валитова умудрялась с грудным ребенком выезжать в военный лагерь в нескольких километрах от Казани для участия в спектаклях и концертах¹⁹⁴. «В дни наступления белочехов на Казань я была зачислена в коммунистический отряд. Наша часть размещалась в доме Земляновых (ныне ул. Кирова)», – писала Г.Тазетдинова. Затем она уезжает вместе «с товарищами» к своим родителям в Заказанье. На тот момент у нее на руках был ее единственный 4-х летний ребенок. Именно наличием ребенка она объясняет, что не сумела уйти на фронт сестрой милосердия, а занималась «госпитализацией раненых бойцов» в Арске¹⁹⁵. Как видно из ее воспоминаний и этот ребенок Тазетдиновой умер от туберкулеза.

В будущем для многих женщин участие в Гражданской войне стало символическим капиталом при продвижении по службе. Те активистки, которые не оставили обычную жизнь и предпочли по разным причинам не участвовать в боевых действиях, вызывали определенные подозрения. Например, З.Баимбетова вспоминала о

¹⁹² ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2406. Л.38.

¹⁹³ Исхаков Д.М. Динамика численности и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI – начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С.290–291.

¹⁹⁴ ЦГАИПД РТ, Ф.30. Оп.3. Д.627. Л.34.

¹⁹⁵ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2621. Л.10.

том, как приехав в Казань уже после освобождения города от белых, она стала свидетельницей того, как в клубе на Московской улице группа татарских фронтовиков-большевиков окружила Амину Мухитдинову и в жесткой форме потребовала объяснения, почему она не спасла Муллачура Вахитова от гибели. По их мнению, она должна была договориться с Ильясом Алкиным, т.к. хорошо его знала. «...Она преспокойно отсиживалась у своего отца дома, на Первой горе, и ее никто и пальцем не трогал, хотя она тоже состояла в этом социалистическом комитете, организованном Муллачура Вахитовым», – писала Зухра Ахтямова в 1960-е гг.¹⁹⁶ К тому времени имя жертвы политических репрессий – Амины Мухитдиновой уже было реабилитировано. Но, видимо, она продолжала восприниматься как звезда дореволюционного буржуазного татарского феминизма. Многих раздражала ее блестящая профессиональная карьера уже в советские годы. Любопытно, что в автобиографии, составленной в конце 1920-х гг., сама Амина Мухитдинова отмечала, что «весь период гражданской войны работала в рядах Красной Армии в качестве старшего политрука»¹⁹⁷.

Несмотря на такую оценку в воспоминаниях, и А.Мухитдинова, и сама З.Баимбетова, как и А.Сайфи, сыграли особую роль в развитии женского движения Советской Татарии¹⁹⁸. Помощницей Абруй в организации первых татарских детских садов в Казани и уезде стала К.Валитова.

Новое административное устройство страны, появление вместо Казанской губернии Татарской республики, стало своеобразным стимулом для активизации татарских женщин. Дело в том, что некоторые русские активистки уехали из Казани, не смирившись с этническим характером автономии¹⁹⁹. Поэтому в местные женотделы партии вместо русскоязычных революционерок стали избирать вчерашних татарских учительниц и работниц, их же отправляли в качестве делегатов в столичные съезды, направляли в партийные учебные заведения. Так в конце 1919 г. уехала учиться в Москву бывшая переплетчица Г.Тазетдинова²⁰⁰. Позднее к ней присоединилась и К.Валитова. Делегаткой от Татарии в Центральный женотдел в 1920 г. поехала бывшая учительница Б.Х.Ильясова, весной 1917 г. высмеянная за свои ораторские попытки в Оренбурге. Еще одной делегаткой стала опытная общественная деятельница из Уфимской губернии – З.А.Баимбетова²⁰¹. Посвятившая себя с юных лет педаго-

¹⁹⁶ ЦГАИПД РТ, Ф.30. Оп.3. Д.332. Л.3.

¹⁹⁷ ЦГАИПД РТ, Ф.30. Оп.3. Д.2028. Л.12 об.

¹⁹⁸ Смирнова В.Н. Женщины Татарии в борьбе за власть советов. – Казань, 1963. – С.71–72.

¹⁹⁹ ЦГАИПД РТ, Ф.30. Оп.3. Д.332. Л.4.

²⁰⁰ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2621. Л.11.

²⁰¹ Смирнова В.Н. Указ. соч. – С.74.

ГЛАВА 3. РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИН

гической работе А.Сайфи²⁰², в 34-летнем возрасте поступила на казанский рабфак, где проучилась пять лет. Лишь А.Мухетдиновой не потребовалось дополнительное образование, она занималась юриспруденцией и даже в годы советской власти продолжала бороться с многоженством, калымами и другими бытовыми преступлениями, распространенными в мусульманском сообществе. В 1929 г. вышла даже ее специальная брошюра посвященная этой теме²⁰³.

Дело активисток эпохи революции продолжили уже представительницы следующего поколения, рожденные в начале XX в.а, комсомолки 1920-х гг. Отношение населения к общественной активности девушек изменилось не сильно. По-прежнему, такое поведение женщины рассматривалось как отклонение от нормы. Например, одна из таких комсомолок Рокыя Ахметшина занималась просветительской работой среди заводских рабочих, приносила газеты и книги, читала вслух. «Помню один такой день: до гудка осталось 5 минут. Я со своей подружкой Бикой Вахитовой у заводских ворот ждем выхода рабочих с работой. Вдруг из ворот появляется здоровенный толстяк и поднимает шум: «Опять бессовестные безбожницы-девчонки пришли! Что вы делаете здесь? Отец, мать есть у вас или нет?». «Хоть и нет у нас отца с матерью, зато есть комсомольская организация!» – С гордостью ответили мы»²⁰⁴. Другая девушка 1903 г.р., Зейнаб Баширова вспоминала о том, как она со своими подружками с рабфака договорилась «не выходить замуж», т.к. семья может помешать учебе. Более того уже отучившись и став сотрудником Центриздата народов СССР, эта девушка подвергла критике пьесу Х.Такташа «Потерянная красота» (1928). Постановки по ней, шедшие в Казани и Астрахани, срочно сняли с репертуара театров²⁰⁵. Выдающийся татарский поэт всего лишь попытался намекнуть своим ровесницам-комсомолкам, что излишнее увлечение женщины общественной деятельностью лишает ее женственности и мешает материнской роли.

Вероятно, лишь тонкая поэтическая натура Такташа могла в этом бравом комсомольском марше 1920-х гг. услышать поминальную молитву по феминистическим идеалам революционной эпохи, лейтмотивом которых были когда-то мечты о гармоничной семье и женском счастье.

²⁰² В 1930-е гг. А.Сайфи работала в системе образования. В 1936 г. была репрессирована. После освобождения в 1960-е гг. она уже была больной, пожилой и одинокой женщиной. Детей у нее не было. Проживала у знакомых. Умерла 5 февраля 1960 г.

²⁰³ Мухитдинова Э. Революционная законность и бытовые преступления на Востоке. – М.-Л., 1929. – 38 с.

²⁰⁴ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.272. Л.4.

²⁰⁵ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.381. Л.9–10.

ГЛАВА 4

«ЧУЖИЕ» В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

- 4.1. *«Надеялись избавиться от работ...»: жизнь военнопленных в период революции*
- 4.2. *«Надоели народонаселению своими просьбами в подаянии...»: положение беженцев в 1915–1918 гг.*
- 4.3. *«Совсем не заслужил на таковое выселение, я мирный житель...»: состояние интернированного населения*

4.1. «Надеялись избавиться от работ...»: жизнь военнопленных в период революции

Первую мировую войну от всех предыдущих военных кампаний отличали невероятные масштабы пленения. За все годы военных действий в плену оказалось 8 миллионов военнослужащих и более 200 тысяч гражданских лиц. Таким образом, в положении пленника был каждый девятый мобилизованный. Например, из рядов российской армии попали в неволю 2 млн. 417 тыс. солдат и офицеров¹. В свою очередь, во всех тыловых регионах России проживали военнопленные офицеры и солдаты германской, австро-венгерской и османской армий. По данным на 1 января 1916 г. в Казанском военном округе содержалось 95 213 военнопленных, из них 3990 человек были офицерского звания, остальные относились к нижним чинам². В Казанской губернии находились в основном, бывшие военнослужащие австро-венгерской и германской армий. Турецких военнопленных на территории Казанской губернии практически не было. Очевидно, опасаясь так называемого «панисламизма», власти старались селить бывших солдат османского султана подальше от российских мусульман. Много турецких военнопленных, как из числа офицеров, так и солдат находилось в Иркутском военном округе. В Казанской губернии они находились, в основном, временно, в местных госпиталях.

Первые военнопленные в Казанской губернии появились уже в 1914 г., 10 августа в губернский центр были доставлены 908 плен-

¹ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. – М., 2005. – С.629.

² Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922). – М., 2014. – С.415.

ных солдат германской армии. Из-за того, что Казань и другие города губернии служили транзитными пунктами, данные по количеству военнопленных постоянно менялись. Например, в 1915 г. общая численность военнопленных составляла более 26 тыс. человек³. Однако уже в следующем 1916 г. на территории Казанской губернии насчитывалось 8855 военнопленных, из них 2725 человек были заняты на сельскохозяйственных работах. Особенно много бывших солдат из лагеря противника проживали в Чистополе (2403 чел.) и Паратском заводе вблизи Свияжска (2708 чел.), далее шли города Казань (754), Лаишев (679), Спасск (646). Меньше всего военнопленных было в таких уездных центрах как Царевококшайск (43 чел.) и Козмодемьянск (15)⁴.

Большая группа военнопленных прибыла в Казанскую губернию в конце 1916 г. из Средней Азии. В Троицком лагере недалеко от Ташкента началась эпидемия малярии и по рекомендации Международной комиссии Красного креста военнопленных отправили в Поволжье и Сибирь. При распределении пленных солдат по другим лагерям их старались делить по этнической принадлежности. Например, славян направляли в Поволжье. «Многие венгры и австрийцы знали чешский, словацкий и кроатский (хорватский – Л.Г.) языки, таким образом попали в эвакуацию в Поволжье в первую очередь. Характерно, что никто из славян не выдавали венгров и австрийцев, приписавшихся к славянам. Это удавалось потому, что у чехов много фамилий немецких, а у словаков венгерских», – вспоминал бывший военнопленный Жебровский⁵ Эдмунд Станиславович, поляк из Австро-Венгрии⁶.

Судя по всему, после прибытия большой группы военнопленных славянского происхождения в начале января 1917 г. последовали указания казанского губернатора П.М.Боярского земским и городским управам о необходимости замены пленных «эльзас-

³ Абдрашитов Э.Е. Пленные россияне в информационной политике России в 1914–1917 гг.: внутривполитические и внешнеполитические аспекты. Дисс. ... д.и.н. – Ставрополь, 2014. – С.521.

⁴ Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922). – М., 2014. – С.412–415, 98.

⁵ Эдмунд Станиславович Жебровский родился в 1887 г. в селе Оструки Владимир Волынской губернии в семье служащего. Отец был архитектором. В 1892 г. как политический польский деятель вынужден был эмигрировать в Австро-Венгрию и поселился в городе Тлумаг, где принял австро-венгерское гражданство. Эдмунд окончил реальное училище в 1904 г., лесную школу в 1908 г. Служил 3 года в Вене, стал младшим унтер-офицером. В армии стал членом австрийской социал-демократической партии в 1910 г. В 1911 году вернулся из армии, работал на металлургическом заводе, потом был помощником лесничего у помещика. Умер в СССР в 1973 г.

⁶ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1147. Л.7.

лотарингцев» на пленных других национальностей. Хозяева должны были освободить от работ военнопленных-немцев и вернуть их в местное военное ведомство. Циркуляр губернатора был основан на распоряжении Главного управления Генерального штаба⁷. Но планы по созданию этнических лагерей военнопленных не были реализованы из-за новой политической ситуации в стране.

Военнопленные подразделялись на офицеров и солдат. Условия содержания нижних чинов были значительно хуже. Для солдат всегда находились трудовые задания, вроде сельскохозяйственных, фабрично-заводских и строительных работ, а также ремесленных занятий. Поэтому они трудились в самых разных предприятиях и учреждениях. Так, в конце 1916 г. штаб Казанского военного округа разрешил военнопленному Фрацису Немец работать в Казанской художественной школе на должности формовщика. Школа предлагала пленному и жилье, но власти запретили ему пользование служебной квартирой⁸.

В Казани военнопленных привлекали к работе крупные промышленные предприятия. Например, в Торгово-промышленном обществе Алафузовских фабрик и заводов в 1916 г. трудился 501 бывший солдат австро-венгерской и германской армий, что составляло 15% от общего числа военнопленных в городе на тот момент (3169 чел.). Всех их перевели в губернский центр из г. Тетюши, именно туда они были вначале определены местными властями. Среди рабочих-военнопленных преобладали солдаты из Австро-Венгерской империи (418 чел.)⁹. Они работали, в основном, в обмундировальных мастерских. В 1917 г. число занятых в казанских мастерских военнопленных достигло 519 человек. Все они трудились в раскройном отделении, в Адмиралтейской слободе¹⁰. Некоторые работали кучерами. У Алафузовых содержались мадьяры, немцы, австрийцы, итальянцы, боснийцы.

Военнопленные работали не только у Алафузовых. Например, Э.С.Жебровский отмечал, что его товарищи были направлены на работу в предприятия Крестовникова, мастерские Гамма и в различные кожевенные заводы, в том числе Четвергова, Шабанова и Готлициера. Он вспоминал, как его будущий работодатель Илья Готлициер, владелец кожевенного завода в Адмиралтейской слободе, пришел к ним в сопровождении солдат-конвоиров. «Видимо, ему было разрешено выбирать себе людей по своему усмотрению. Этот пожилой юркий человек с места в карьер приступил к подбору лю-

⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.82. Л.2.

⁸ НА РТ. Ф. Р-1431. Оп.1. Д.12. Л. 1-3.

⁹ НА РТ. Ф.94. Оп.2. Д.396. Л.1об.-33об.; Ф.482. Оп.1. Д.38. Л.41.

¹⁰ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.117. Л.35, 59об.

дей, начал присматриваться к людям и приступил к допросу на немецком языке, – писал он. – (...) Готлицер отобрал 40 человек самых сильных, плечистых. Четыре конвойных солдата нас привели во двор кожевенного завода Готлицера. Дело было к вечеру, нас поместили в бараке с грязными, никогда не мытыми полами. В бараке было уже около сорока пленных и 10 человек русских рабочих-сезонников»¹¹. Неудовлетворительные условия содержания пленных военных признавались всеми, в том числе и сторонними наблюдателями. Например, «у некоторых офицеров и интеллигентных нижних чинов – военнопленных, живущих на заводе Петцольда, ведутся дневники для того, чтобы по возвращении на родину опубликовать, как плохо жилось в плену», – сообщал тайный агент «Случайный» представителям Казанской губернской жандармерии 31 августа 1915 г.¹² Но такие заявления побуждали не к улучшению условий содержания рабочих-военнопленных, а являлись причиной усиления надзора за ними.

Военнопленным, работавшим на городских предприятиях разрешали ходить в гражданской одежде с белой повязкой на рукаве левой руки. На повязке были нарисованы красной краской буквы В.П.¹³

В уездных городах, за неимением крупных промышленных объектов, военнопленных направляли чаще всего на работы, организованные земскими и городскими управами, а также находились в распоряжении местного военного ведомства. Например, в Мамадыше пленные солдаты участвовали в строительстве водопровода. Для них специально был выстроен временный переносной барак с кухней. При этом для караула рабочих-военнопленных требовалось от 10 до 12 десятников, т.е. по 1 охраннику на каждые 15 человек¹⁴. Кроме того, военнопленные раз в неделю, после базара по четвергам убирали площадь. Занимались благоустройством дорог. 13 человек работали в сапожной мастерской при Мамадышском полицейском управлении. 232 человека были направлены на строительство железной дороги Казань-Екатеринбург. Всего же, по данным на 15 февраля 1917 г. в Мамадыше проживало 398 военнопленных¹⁵.

Занятия в уездах не отличались большим разнообразием. Например, по данным на январь 1917 г. в Козмодемьянском, Цивильском, Ядринском уездах пленные солдаты в основном были заняты на лесных работах. В местных лесничествах каждого уезда трудилось по 400–500 человек. В Лаишевском, Свияжском и Тетюшском

¹¹ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1147. Л.8.

¹² НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1517. Л.56.

¹³ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1147. Л.9.

¹⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6063. Л.116, 127.

¹⁵ Там же. Л.147.

уездах военнопленных чаще всего привлекали в помещицьи хозяйства¹⁶. В целом, в Казанском военном округе 70% военнопленных были заняты на сельскохозяйственных и лесных работах¹⁷.

Среди солдат много было больных людей. У большинства военнопленных, содержащихся в госпиталях, имелись огнестрельные и сквозные пулевые ранения разной степени тяжести¹⁸. Нередко они давали дополнительные осложнения. Инвалидов, например, после ампутации ног, отправляли в Москву¹⁹, оттуда они могли быть направлены домой. Пленные тяжело переносили непривычные для них климатические условия, инфекционные заболевания. Среди военнопленных очень высокой была смертность. Например, в феврале 1915 г. в прессу попало сообщение о том, что в Самаре ежедневно умирает около 100 пленных турок. Местных жителей из числа татар возмутило то, что при их погребении не соблюдались мусульманские обряды. По ходатайству оренбургского муфтия, самарскому мусульманскому духовенству разрешили хоронить пленных по исламскому обычаю, а также они должны были фиксировать в метрических книгах основные данные умершего: фамилия, имя, отчество, полк и роту²⁰.

Проблема неудовлетворительного состояния здоровья военнопленных была свойственна всем регионам страны. «Больных и совершенно к труду неспособных военнопленных нередко оказывается около 15% и даже до 50%», – говорилось в циркуляре казанского губернатора П.М. Боярского земским и городским управам Казанской губернии от 24 января 1917 г. По требованию Военного министерства, планировалось установление обязательного порядка приема и сдачи командированных на работы военнопленных. Лицо, принимавшее на работу, должно было произвести медицинский осмотр и при обнаружении неудовлетворительного состояния здоровья, составить акт на больных военнопленных, «с указанием причины отказа в принятии таких военнопленных»²¹.

В маленьких населенных пунктах, где содержались военнопленные офицеры, не находили соответствующие их гражданской профессиональной квалификации трудовые занятия. Например, в уезде Царевококшайске на конец 1915 г. проживало 27 офице-

¹⁶ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.117. Л.1–16.

¹⁷ Ниманов Б.И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 гг. в Поволжье. Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 2009. – С.17.

¹⁸ НА РТ. Ф. Р–1113. Оп.1. Д.2. Л.1, 5, 6, 11,14, 15, 18, 21, 22, 25, 27, 28, 31, 33, 39, 41, 55, 57, 59, 61, 63, 65, 67, 70, 74, 78.

¹⁹ НА РТ. Ф.Р–1113. Оп.1. Д.2. Л.84, 86.

²⁰ Уфимский вестник. – 1915. – 11 февраля. – №32.

²¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.82. Л.26.

ров и 16 нижних чинов австрийской армии, последние часто являлись денщиками при офицерах. В феврале 1918 г. в городе было уже 90 офицеров и 28 солдат. До войны они работали учителями, инженерами, юристами, врачами, журналистами, нотариусами. Были среди военнопленных офицеров бухгалтер и геолог. В маленьком городке для них не было занятий. Лишь два медика Теодор Манн и Юзеф Катона работали в медпункте для военнопленных. Они оба уже в августе 1916 г. были репатриированы на родину и после этого медпункт закрыли. Остальные царевкокшайские военнопленные офицерского звания, свободные от трудовой повинности, по-своему распоряжались своим временем. Они постоянно гуляли по городу. В конце концов, местные власти в 1916 г. решили, что если военнопленный «праздно шатается без конвоя», то его необходимо задерживать²².

Военнопленные стали частью повседневности местного населения. Как отмечают некоторые авторы, «не было отторжения их, хотя зачастую факт их хорошей жизни вызывал раздражение»²³. Особенно, когда дело касалось офицеров. «Прибывшие в Казань военнопленные австрийские офицеры из Перемышля чувствуют себя очень хорошо; денег у них очень много, так как за непродолжительностью пребывания в Казани (2–3 дня) они разменяли на русские деньги свыше 40 тысяч крон, – докладывал один из тайных агентов казанской жандармерии 31 марта 1915 г. – Очень многие из них приобрели фотографические аппараты и пленки к ним, имея в виду сделать в России много снимков»²⁴. Схожие сообщения о праздной жизни военнопленных офицеров появлялись в этот период и на страницах прессы, издаваемой в Казанском военном округе²⁵.

Между основным населением губернии и бывшими военнослужащими вражеского лагеря возникали контакты различного характера. Так немецким и австрийским солдатам местные жители обращались, когда нужны были знания немецкого языка. Иногда они помогали подписывать адреса на письмах и посылках, предназначенных российским военнопленным в Германии и Австро-Венгрии²⁶. Хотя такое взаимодействие не приветствовалось. Например, в Царевококшайске имели место специальные указания от властей о запрете на общение с военнопленными. Тем не менее, контакты

²² Рокина Г.В. Иностранцы пленные Первой мировой войны в Марийском крае // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – №1. – С.74–75.

²³ Абдрашитов Э.Е. Указ. соч. – С.521.

²⁴ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1517. Л.8.

²⁵ Уфимский вестник. – 1915. – 17 апреля. – №84.

²⁶ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.335. Л.43.

приводили даже к семейным союзам²⁷. Работавший на заводе И.Готлицера в Казани, военнопленный Жебровский называл своей женой Щербакову Александру Васильевну, работницу Алафузовских заводов. К слову, она жила недалеко от завода Готлицера.²⁸

В октябре 1916 г. была уволена с работы телефонистка Чистопольской телефонной станции 16-летняя Варвара Гаврилова. Причиной увольнения были ее «письменные сношения с военнопленным офицером австрийской армии Гродзицким». У телефонистки нашли почтовую карточку от этого офицера с надписью «на память»²⁹. Однако уже к весне 1917 г. выяснилось, что в Чистопольской телефонной станции не хватает работниц. Многие телефонистки болели и находились в отпуске по болезни, поэтому заведующая техническим отделением 27 апреля 1917 г. просила разрешить вернуть бывшую работницу Гаврилову³⁰. Сама виновница в мае этого же года получила справку о своем «нравственном поведении» от чистопольского уездного комиссара, где говорилось о том, что в «выяснившихся обстоятельствах ее дела, ничего предосудительного в ее переписке с военнопленными и порочащего не найдено»³¹. В итоге телефонистку взяли обратно на работу³².

Отношение местного населения к плену в целом и вражескому лагерю пытались регулировать с помощью пропаганды. Например, издавались специальные приказы, где описывали зверские обращения германцев или австро-венгров с русскими военнопленными³³. Эти документы часто создавались на основе рассказов бывших военнопленных. В апреле 1916 г. уездные исправники Казанской губернии занимались сбором такой информации, где отмечались плохие условия содержания, побои, тяжелая работа³⁴. Выходили брошюры о положении российских военнопленных в Австро-Венгрии и Германии, в том числе на языках народов России. Например, в 1917 г. в Казани была издана брошюра «О жизни русских пленных в Германии и Австрии» на марийском языке³⁵. Кроме этих материалов, о положении российских военнопленных гражданское население узнавало из листовок благотворительных орга-

²⁷ Комелина Л.Н. Первая мировая война и город Царевококшайск (по материалам Музея истории города Йошкар-Олы) // Запад – Восток. – 2014. – №7. – С.133.

²⁸ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1147. Л.12–13.

²⁹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.167. Л.156–157.

³⁰ Там же. Л.158.

³¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.167. Л.160.

³² Там же. Л.161.

³³ Зверев С.Э. Военная риторика Нового времени. – СПб., 2012. – С.335.

³⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6650. Л.9–23.

³⁵ Кузэ илат мэмнан салтак: шамыч полыншшто Германия дэнэ Австрияштэ. – Казань, 1917. – 47 с.

низаций. Например, в 1917 г. проводил сбор благотворительных средств в пользу российских пленных отдел военнопленных Всероссийского союза городов³⁶.

Между тем, в 1917 г. условия содержания и материальное положение военнопленных на территории России оставляли желать лучшего. Поэтому в 1917 г. активизировалась деятельность различных международных благотворительных организаций, в первую очередь миссий Красного Креста. Например, в феврале 1917 г. Казанскую губернию посетил американец Горло-Александр Мак-Канногей. Его сопровождал поручик штаба Казанского военного округа Родштен-Боровский. 16 февраля они посетили военнопленных офицеров в г. Тетюши, им были розданы подарки: семь скрипок, несколько книг на немецком языке, пять ватных одеял³⁷, белые холщевые рубахи и панталоны, несколько аршинов сукна. С аналогичной миссией Мак-Канногей выехал потом в г. Спасск³⁸. В этом городе военнопленным солдатам он оставил более 200 книг на немецком, французском, английском языках. Среди них были грамматика, словари, беллетристика, а также много книг духовного содержания. Кроме того, для нужд солдат он передал прапорщику Лихоте 175 рублей, офицерам – 200 рублей. Также Мак-Канногей подарил офицерам теплые перчатки и носки, одеяла, гармонь и две скрипки, машинку для стрижки волос³⁹.

К слову, музицирование было любимым занятием пленных офицеров, ежедневно они посвящали этому по несколько часов. Играли не только на скрипках и гармониках, но и на балалайках и духовых инструментах. Исполняли чаще всего берлинские марши и венские вальсы. Но местное население не всегда относилось к музыкальному досугу военнопленных доброжелательно. Например, в Царевококшайске музицирующие офицеры так надоели горожанам, что уездный исправник был вынужден просить воинского начальника прекратить эти «безобразия». После этого в городе ввели ограничения на такие музицирования⁴⁰.

³⁶ Граждане! Откликнитесь на призыв: несите каждый что может нашим дорогим братьям, томлящимся во вражеском плену... Петроград: Типо-литография Ю. Барит, 1917 // Коллекция листовок РНБ.

³⁷ Российские военнослужащие всегда укрывались своими шинелями, поэтому власти считали, что и военнопленные могут обойтись без постельных принадлежностей, в том числе без одеял. Между тем, вопрос об одеялах очень часто фигурировал в жалобах военнопленных (Ниманов Б.И. Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2009. – №2. – С.54).

³⁸ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.113. Л.1-1 об.

³⁹ Там же. Л.12.

⁴⁰ Рокина Г.В. Указ. соч. – С.76.

ГЛАВА 4. «Чужие» в КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Любили петь и пленные солдаты, у каждой этнической общности были свои песни. «Они (немцы – Л.Г.) пели немецкие песни: “Германия превыше всего”. Венгры заглашали вместе с чехами их песни, своими, венгры шуточной песней: “Утром красивая девочка...”, а чехи народной песней: “Листечку дубови, передай до воды”, – вспоминал один из военнопленных свое пребывание в Казани. – Немцы-австрийцы пели песню о национальном тирольском герое Вильгельме Теле, погибшем в обороне Тироли от германцев, в средние века на мотив песни: “Молодая гвардия рабочих и крестьян”»⁴¹.

Военнопленных офицеров, как правило, старались размещать не в бараках, а в других помещениях. Они могли находиться в жилых районах города. Например, в Царевококшайске пленные офицеры жили на Кирпичной и Тихвинской улицах, а также в Воздвиженской слободе (совр. ул. Красноармейская слобода, д.15). Большой одноэтажный деревянный дом из шести комнат был недавно выстроен в слободе земским служащим И.Н. Антоновым. В фондах НМ РМЭ сохранилось изображение этого десятиконного дома. В уездном Буинске (Симбирская губ.) 23 офицера вражеского лагеря проживали в новом просторном здании местного приходского училища⁴².

Военнопленным офицерам в особых случаях могли разрешить даже смену места жительства. Например, в 1916 г. из Ярославской губернии переехал в Казань военнопленный офицер австро-венгерской армии, профессор Краковского университета, специалист по английской литературе Роман Дыбоский. Целью его переезда стала возможность посещения университетской библиотеки в Казани для продолжения своих научных изысканий. О переводе военнопленного офицера ходатайствовало Российское общество Красного креста⁴³.

Жизнь военнопленных из нижних чинов была немного другой. Они постоянно работали, да и условия их проживания порой были антисанитарными. Например, по словам Э.С.Жебровского, поселили их в конце 1916 г. в бараке, напоминавшем винный погреб. Он вспоминал о «невыносимых условиях погреба-лагеря» в Адмиралтейской слободе. Там помещались около 1000 человек. «Несмотря на сильные морозы, двери нашего погреба никогда не запирались,

⁴¹ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1147. Л.8.

⁴² Ниманов Б.И. Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2009. – №2. – С.55

⁴³ Подробнее см.: Рафикова Г.Э. Первая мировая война: из жизни военнопленных ученых в российском плену. 1915–1917 гг. // Вестник архивиста. – 2016. – №2. – С. 109.

ибо это был источник свежего воздуха и света», – писал он в своей автобиографии⁴⁴.

Условия жизни при предприятии, в доме или хозяйстве работодателей порой были более привлекательными, чем существование в лагерном бараке. Особенно если работодателей и военнопленных объединяла конфессиональная или этническая близость. Например, среди 24 бывших солдат османской армии в Паратском затоне Сви-яжского уезда было 16 греков. Заведующий одной из казанских кондитерских на Большой Проломной улице, грек по национальности, хотел поддержать своих соплеменников и просил разрешения у военных властей взять всех греков-военнопленных к себе на службу.

Эта новость не оставила равнодушным казанского торговца Курбан-Галея Кашаева. Он считал, что мусульмане города должны взять под свою опеку остальных османских военнопленных, 8 человек мусульманского вероисповедания⁴⁵. Однако местные татарские предприниматели⁴⁶ не торопились брать к себе мусульман-военнопленных, главным образом, из-за того, что в 1915–1916 гг. жандармскими органами было развернуто целое расследование по делу о поддержке татарскими купцами турецких военнопленных офицеров. В начале 1916 г. казанская жандармерия провела обыски у издателей братьев Каримовых и купца З.Шафигуллина. Но так и не сумела выявить ничего предосудительного; за неимением доказательной базы обвинение с них было снято⁴⁷. «Самая неустрашенная группа пленных была немногочисленная группа турок и курдов, – писал современник о жизни в казанском бараке военнопленных. – Это люди неграмотные и не знавшие других языков, кроме своего. Они сидели на полу, как изваяние, курды в чалмах и турки в фесках, ели только лук и хлеб, чай пили без сахару. Сидели так целыми днями, ничего не говоря»⁴⁸. По данным 1918 г. во

⁴⁴ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1147. Л.7.

⁴⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп.1. Д.84. Л.161.

⁴⁶ В январе 1917 г. в Казани из 3265 военнопленных лишь 41 человек работали у татарских хозяев. Из них 15 пленных солдат трудились в мыловаренном заводе Арасланова. Остальные работали у содержателей ломовых извозчиков (Булатов – 3, Садыков – 2, Сабитов – 1, Ахтямов – 4), а также у различных домовладельцев (М-Р. Юнусов – 2, А-К. Юнусов – 1, Галикеев – 1, Максудов – 1, Апанаев – 1, Шагиахметов – 1, А-В. Юнусов – 4, Апанаев – 2, Максудов – 3) (НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.117. Л.54–66). В феврале 1917 г. количество военнопленных, работающих в татарских домах и предприятиях г. Казани выросло до 77 человек. Из них 27 военнопленных были взяты для работ в мыловаренном заводе Апанаева на Екатерининской улице (Там же, Л.157–161 об.).

⁴⁷ Подробнее см.: Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918). – Казань, 2015. – С.215–220.

⁴⁸ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1147. Л.9.

всей территории Казанского военного округа насчитывалось всего 18 турецких военнопленных⁴⁹.

Практически с самого начала войны наблюдалось особое отношение к пленным славянского происхождения. 30 октября 1914 г. было создано Всероссийское попечительство о пленных славянах⁵⁰. Однако заботы попечительства коснулись, главным образом, свободного времяпрепровождения славян. На территории Казанской губернии действовало Общество чешско-славянского единения. Еще до революции, в феврале 1917 г. они получили разрешение на распространение среди пленных славян издаваемую обществом еженедельную газету «Славянский вестник»⁵¹. 30 июня 1917 г. Всероссийским попечительством о пленных славянах были приняты «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных чехов и словаков на территории Европейской части России». Но изменения охватывали, в основном, культурно-образовательную сферу жизни пленных. Им разрешали читать газеты, посещать курсы русского языка, участвовать в богослужениях военнопленных⁵². Известно, насколько были популярны эти мероприятия среди пленных солдат Казанской губернии. Но, надо отметить, что большинство бежавших военнопленных хорошо владели русским языком.

Отдельные льготы предоставлялись и пленным полякам. Так, 17 октября 1917 г. из штаба Казанского военного округа было получено разрешение на жительство в частных квартирах Казани для военнопленных поляк Збигнева Ивановича Паздро, Алоиса Петровича Ваньчуре, Леона Карловича Шепут, Войцеха Ивановича Гладыша, Альфреда Иеронимовича Соколовского, Ивана Иосифовича Бартеля и Францишка Ивановича Мошоро. Ходатайствовали об этом Центральный отдел совета польских организаций и профессор Казанского университета, доктор медицины Орловский. Поселили военнопленных в частных квартирах под его ответственность⁵³.

Если культурные права пленных славян опекались отдельно, то немного сложнее обстояло дело с их религиозными потребностями. Особенно когда они принадлежали к католической или протестантской церкви. Например, в феврале 1916 г. курат казанского костёла В. Францкевич писал о том, что уездные ксёндзы не могут вести пастырскую деятельность среди военнопленных и интернированных из-за ограничений со стороны местных властей. В ходе

⁴⁹ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – С.40.

⁵⁰ Устав Всероссийского попечительства о пленных славянах. – Петроград, 1914. – 16 с.

⁵¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.82. Л.168.

⁵² Остроухов А.И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны. – М., 2011. – С.24–25.

⁵³ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.90. Л.141.

проверки выяснилось, что препятствия исходили в первую очередь от военных, охранявших пленных солдат⁵⁴.

Ограничения такого характера могли быть обусловлены языковым барьером. Охранники не знали, о чем беседуют пленные солдаты и пасторы. В некоторых случаях, свои политические беседы военнопленные как раз прикрывали религиозными проповедями. Например, активист кружка социал-демократов Э.С.Жебровский, вспоминая о нелегальных встречах по воскресеньям, отмечал, что охранники, присутствовавшие на этих политических дискуссиях, не понимали немецкого языка. «... Они нас спрашивали, о чем мы говорим. Мы отвечали, что мы лютеранского вероисповедания и ведем религиозные проповеди и диспуты»⁵⁵.

На промышленных и сельскохозяйственных работах военнопленные проявляли себя по-разному. Безусловно, в 1917 г. они видели разложение системы управления и реагировали на это по-своему: в этот период значительно ослабла дисциплина среди них. Но определенная часть военнопленных проявляла недовольство и устраивала саботаж еще до революции. Например, в феврале 1916 г. в Лаишевском уезде стали уклоняться от работы в имении Демерт австрийские военнопленные Макс Шпирер и Франц Уайль. По заявлению управляющего имения Чернова, они портили сельскохозяйственный инвентарь, грубо обращались с животными, бросали рабочие инструменты и рано прекращали работу. На замечания управляющего военнопленные не реагировали, в том числе и на его угрозы о суде. Они были уверены, что их действия не могут быть расценены как нарушение закона. «За такие действия не судят и такого суда нет», – считали австрийцы. В итоге, Чернов был вынужден отправить неуправляемых рабочих обратно в г.Лаишев, в местную земскую управу. Но сметливые солдаты сумели отвлечь конвоира и заменили сопроводительное письмо от управляющего другой бумагой, и вернулись обратно в имение⁵⁶. В итоге, недовольный поведением военнопленных Чернов предъявил им самое распространенное обвинение – «оскорбление царя» и по этой статье они были преданы суду⁵⁷.

Вызывающее поведение военнопленных встречалось и в других уездах Казанской губернии. Например, из Тетюшского уезда в январе 1917 г. в губернское жандармское управление поступила информация о том, что военнопленные нижние чины австро-

⁵⁴ Машковцев А.А. Католики Казанской и Вятской губернии в годы Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сборник материалов. – Казань, 2014. – С.431.

⁵⁵ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1147. Л.7–11.

⁵⁶ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.1121. Л.10–10 об.

⁵⁷ Там же. Л.48.

венгерской армии, работающие в экономике Калсаново, большими группами (до 12 человек) свободно гуляют по селу, заходят в крестьянские дома и покупают себе у них пиво (бражку). Причем спиртное они покупали у местного сельского старосты Степана Якимова⁵⁸. В январе 1917 г. в Свияжском уезде самовольно ушли из Софийского хутора маркизы Паулуччи военнопленные нижние чины Деметр Иозеф, Югович Иозеф и Руштяк Бела. Они направлялись в Казань к воинскому начальнику, «надеясь избавиться от работ». Но в результате беглецов вернули обратно, а становой пристав арестовал их на семь суток⁵⁹.

Поведение военнопленных отражало общий кризис в стране, наступившая революция усилила их протестные настроения. После февраля 1917 г. работавшие военнопленные включились в профсоюзное движение и начали по-новому оценивать свое положение, что отразилось на их взаимоотношениях с работодателями. Например, Э.С.Жебровский стал секретарем фабрично-заводского комитета кожевенного завода И.Готлициера. Таким образом, бывшие солдаты вражеских стран вошли в состав альтернативной администрации завода.

В это время появился комитет военнопленных социал-демократов интернационалистов. Председателем стал венгр Арнольд Гофман, кроме Эдмунда Жебровского членами были Гандшух, Бонди, Апати, Динда и др.⁶⁰ Александр (Шандор) Апати, венгр по национальности, работал в Казани столяром на заводе⁶¹. Со временем в составе комитета стали появляться военнопленные из других городов. Например, в начале 1918 г. перебрался из Чистополя в Казань для работы в этом комитете венгерский офицер Янош Майтени. Он родился в многодетной семье рабочего-мебельщика и единственный из детей получил хорошее образование, до начала войны окончил физико-математический факультет университета в г. Коложвар⁶². Э.С.Жебровский в 1918 г. в качестве уполномоченного Казанского губкома РКП (б) был направлен в Мамадышский уезд для организации комитета деревенской бедноты в с. Соколки Троицко-Ситинейской волости⁶³.

Советы вместе с интернациональными подразделениями отстаивали собственные интересы, порой сильно отличавшиеся от основной линии внутренней политики государства. В то время как

⁵⁸ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1612. Л.11.

⁵⁹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д. 283. Л.25.

⁶⁰ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1147. Л.11.

⁶¹ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.206. Л.7.

⁶² ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1825. Л.2.

⁶³ Деятельность Советов Татарии (1917–1978). Документы и материалы. – Казань, 1983. – С.39.

официальные органы власти пытались разграничить граждан России и поданных других государств, в том числе военнопленных, советы требовали одинаковых условий, прежде всего оплаты труда, для рабочих и военнопленных. Например, согласно циркуляру военного министерства Временного правительства от 4 августа 1917 г., пленные рабочие могли получать от 20 до 50 копеек за рабочий день. Остальная часть дохода должна была направляться в казну. Это решение очень возмутило рабочие секции советов⁶⁴.

Между тем, в 1917 г. военнопленные промышленных предприятий выказывали недовольство своими надзирателями⁶⁵. Так в Алафузовских обмундировальных мастерских в 1917 г. трудились около 500 военнопленных, их охраняли сторожи пожилого возраста. В этом же году администрация предприятия попросила у городских властей специальной охраны для пленных солдат: полицейского надзирателя и 15 городовых. Наши охранники «совершенно или почти незнакомы с воинской дисциплиной» и не могут «оказать на пленных никакого влияния», – отмечал в своем прошении управляющий Д. Пулудис⁶⁶.

Летом 1917 г. на имя казанского губернского комиссара В. Чернышева поступила жалоба от владельца ассенизационного обоза г. Казани Богаткина. Его поддержали и другие предприниматели, которые жаловались на «незаконмерные действия и несообразные требования» работавших на городских предприятиях военнопленных⁶⁷.

В 1917 г., из-за ухудшения продовольственной ситуации в стране, активизировали свою деятельность международные благотворительные организации. Например, после февральского визита американца Мак-Канногея, в Казанской губернии с марта по сентябрь 1917 г. побывали делегаты шведской миссии Красного Креста Майя Ветерлинг, граф Карл Фонде, граф Густав Гамильтон и полковник Аксель Генберг, представитель шведского генерального консульства в Москве, доктор Людвик Бакман, особый делегат комитета Красного Креста Тормейстр Бланш, профессор Львовского университета Станислав Грабовский, уполномоченные датского посольства в Петрограде – капитан Даннскиольд и доктор Эрнст-Виктор Рендторф, представитель датской миссии граф Самсе⁶⁸. Целью этих визитов бы-

⁶⁴ Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922). – М., 2014. – С.183.

⁶⁵ Корбут М. Казанские рабочие перед Октябрьской революцией // Ученые записки Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина. – Т. LXXXVIII. – 1928. – С.112.

⁶⁶ НА РТ. Ф.Р–571. Оп.1. Д.4. Л.8.

⁶⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.188.

⁶⁸ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.113. Л.3, 7, 9, 19,32, 39, 58, 66,67.

ла благотворительная помощь военнопленным. Делегаты, как правило, интересовались какой-то одной категорией бывших военнослужащих. Шведские и датские миссии работали с германскими и австро-венгерскими военнопленными. Особый делегат комитета Красного Креста Тормейстр Бланш интересовался исключительно бывшими солдатами османской армии⁶⁹. Профессор из Львова Станислав Феликсович Грабовский в апреле 1917 г. получил разрешение на допуск к военнопленным-полякам⁷⁰. В ходе бесед они старались разузнать о материальном положении пленных, осматривали условия содержания. Например, в сентябре 1917 г. граф Даннскиольд в Лаишеве осматривал «расположения пленных, остался доволен»⁷¹. Представителей международных миссий не допускали в предприятия, «изготавливающие предметы государственной обороны». По законам военного времени, практически каждое второе предприятие работало в пользу обороны, вплоть до мелких мастерских.

Вскоре на фоне саботажа и бегства военнопленных активность некоторых благотворительных миссий была расценена как представляющая опасность государственной безопасности. В июле 1917 г. появилось сообщение Главного управления генштаба о создании «германскими агентами» особой организации, которая собиралась переправлять в Германию через Финляндию германских военнопленных и интернированных граждан Германии для привлечения их к службе в рядах германской армии. По этой версии, организация, базирующаяся в Стокгольме, снабжала таких лиц подложными паспортами и помогала пресечь границу. В Казанской губернии сообщение об этом было распространено по различным инстанциям власти 25 июля 1917 г.⁷² Уже через два дня, 27 июля в канцелярии казанского губернского комиссара получили распоряжение от штаба Казанского военного округа о немедленном прекращении допуска к посещению военнопленных всех представителей Союза христианской молодежи, организованной в США. В документе не было никаких дополнительных разъяснений о причинах такого запрета⁷³. Но, судя по всему, это решение было связано с предыдущим сообщением Генштаба о «германских агентах».

Тем временем в уездах военнопленные оказались в центре аграрных беспорядков, которые получили широкое распространение с весны 1917 г. Частой практикой стало снятие военнопленных с сельскохозяйственных работ. Иногда наоборот крестьяне заставляли работать военнопленных на себя. Например, помещик А.П. Горталов

⁶⁹ Там же. Л.7.

⁷⁰ Там же. Л.3.

⁷¹ Там же. Л.66.

⁷² НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.913. Л.171.

⁷³ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.113. Л.37.

из Чистопольского уезда 26 апреля 1917 г. направил жалобу на имя казанского губернского комиссара о том, что крестьяне деревень Александровка, Малый Красный Яр, Кутлушкино и Степная Шентала «заставили пахать на экономических лошадях живущих в экономии пленных австрийцев отнятую в пользу крестьян землю...»⁷⁴.

Военнопленные являлись дешевой рабочей силой, поэтому их услугами пользовались не только в богатых имениях, но и в крепких крестьянских хозяйствах. Особенно в тех семьях, где основные работники находились на фронте⁷⁵. Это вызывало раздражение у широких масс крестьянства, которые видели в военнопленных конкурентов на трудовом рынке. Тем более многие из пленников зарекомендовали себя как хороших работников. Кроме того, у большинства крестьян были реквизированы лошади, тогда как владельцы имений не знали такой проблемы, да еще и рабочая сила у них стоила теперь в разы дешевле. Успешное земледелие с одной стороны и нужда с другой стали причиной социального взрыва и аграрных беспорядков. «...Пользование военнопленными крупными землевладельцами очень большой вопрос для крестьян, так как им очень обидно, что богатые люди пользуются очень дешевой рабочей силой, тогда как крестьянам, не имеющим лошадей, приходится платить за обработку земли очень высокую плату», – отмечал в июне 1917 г. член исполкома комитета общественной безопасности А.Карпов о ситуации в Лаишевском уезде⁷⁶.

Безусловно, среди военнопленных были и те, кто наоборот отказывался работать. Причиной этих протестов могло стать и агрессивное отношение со стороны местного населения. Циркуляром казанского губернского комиссара от 25 мая 1917 г. за уклонение от сельскохозяйственных работ была разрешена отправка военнопленных на рудничные работы⁷⁷. Весной 1917 г. были отмечены массовые случаи побега пленников из поместий. Например, в Свяжском уезде 4 человека убежали из экономии В.Ф.Гагаариной, 7 – из поместья А.Г.Ухтомской⁷⁸. Военнопленные отказывались работать не только в сфере сельского хозяйства, но и пыта-

⁷⁴ Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль – октябрь 1917 г.). Сборник документов и материалов / под ред. М.К.Мухарямова, В.П.Тимофеева, С.Н.Фомичева. – Казань, 1957. – С.279.

⁷⁵ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.55. Л.179–179 об.

⁷⁶ Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой октябрьской социалистической революции. Сборник документов. – Т.1. – Казань, 1950. – С.193.

⁷⁷ Козлов Ф.Н. Австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии // Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 24 октября 2014 г.). – Чебоксары, 2015. – С.106.

⁷⁸ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.283. Л.68, 76.

лись бежать из промышленных объектов. В отличие от аграриев, промышленные рабочие предпочитали действовать отдельно⁷⁹.

Особенно часто военнопленные оставляли работу в лесных хозяйствах. Так, в апреле 1917 г. 24 человека убежали из Норусовского лесничества Цивильского уезда⁸⁰. Такая же ситуация наблюдалась в Шихрановском, Яншиховском лесничествах этого уезда, в Юксарском и Кумьинском (Козмодемьянский уезд), Юшутском (Царевококшайский уезд). Аналогичные случаи побега были зафиксированы в Кирском лесничестве Алатырского уезда Симбирской губернии⁸¹. Причиной бегства могли быть как ухудшение материального положения военнопленных, так и ослабление режима охраны и агрессия со стороны местного населения. Крестьяне, увлеченные идеями общественной земли, весной-осенью 1917 г. активно вырубали леса и не обращали внимания на предупреждения лесничих. Солдаты, охранявшие военнопленных, требовались для разгона аграрных беспорядков, при реализации мероприятий по реквизиции хлеба. Например, 17 августа 1917 г. царевококшайский уездный комиссар сообщил о том, что в Юшутском лесничестве 6 солдат, охранявших до этого военнопленных, направлены в помощь эmissару Еремину, «для поддержания порядка при проведении в жизнь хлебной монополии»⁸². Поэтому некоторые военнопленные старались воспользоваться этой ситуацией.

Беглецов чаще всего задерживали вблизи железнодорожных линий. Например, в апреле 1917 г. на территории Казанской губернии были задержаны два военнопленных австрийца, переодетые в формы российских солдат. Они самовольно оставили работу в поместьях. После их допроса, представители правоохранительных органов выяснили, что беглых военнопленных «должно собираться в Казани весьма много». Казанский губернский комиссар опасался, что есть между ними предварительный сговор и могут быть «какие-либо злонамеренные покушения, как на железнодорожные сообщения, так и на предприятия, работающие на государственную оборону и прочее». Сообщение об этом было распространено 21 мая 1917 г. начальникам милиции и председателям губернской и уездных земских управ⁸³.

Это опасение комиссара не получило никакого подтверждения. Однако после взрывов и пожара в Казанском пороховом заводе распространились слухи о специальных действиях неизвестных лиц, которыми могли быть и иностранные агенты. Поэтому подоз-

⁷⁹ Там же. Л.63.

⁸⁰ Там же. Л.102.

⁸¹ Там же. Л.68, 76.

⁸² НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.42. Л.104.

⁸³ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.283. Л.125.

рения вызвали, прежде всего, военнопленные. 15 августа 1917 г. в Казани было объявлено военное положение и военнопленным запретили «всякие отлучки в город». Их отпускали только на работу, но при этом за ними должны были постоянно следить. Милиционеров обязали задерживать всех военнопленных, замеченных в городе и «препровождать в распоряжение коменданта города»⁸⁴. Э.С. Жебровский отмечал, что после взрыва «военнопленных начали немного прижимать в смысле свободного передвижения»⁸⁵.

Впрочем, ограничения были связаны не только с подозрениями в шпионаже и вредительстве, но и с ухудшением продовольственной ситуации. Военнопленные из офицерского звания выделялись среди основной массы населения своим материальным достатком. Помимо помощи различных миссий, они даже в плену получали жалованье. Эти средства передавались им через местных воинских начальников. В условиях постоянного роста цен и недостатка продовольствия пленные офицеры делали себе запасы продуктов. Поэтому их поведение на базарах стало вызывать раздражение у местного населения. В результате появились специальные распоряжения, которые назначили определенное время посещения базара военнопленными⁸⁶. Например, согласно постановлению Царевококшайского исполнительного комитета общественной безопасности пленным военнослужащим покупка мяса разрешалась только в течении 3 дней в неделю, при этом не более 2-х фунтов на едока и исключительно по продовольственным карточкам. Кроме того, в пятничные дни до 2-х часов дня им запрещалось совершать покупки на базаре, в воскресенье ограничения на покупки действовали до 12 часов дня⁸⁷.

Подозрения в политической неблагонадежности, постоянные конфликты с местным населением, массовые побеги и неспособность хозяев обеспечить полноценную охрану военнопленных, судя по всему, стали причиной указаний официальных органов власти о необходимости сдать занятых на различных работах пленных воинским начальникам. «...Обращает на себя внимание фиксируемое в рапортах уездных воинских начальников прекращение использования труда военнопленных в работах у частных лиц и на предприятиях», – отмечает исследователь Ф.Н.Козлов, анализируя

⁸⁴ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.369.

⁸⁵ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1147. Л.12–13.

⁸⁶ Козлов Ф.Н. Австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии // Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 24 октября 2014 г.). – Чебоксары, 2015. – С.102.

⁸⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.90. Л.28.

ситуацию в ряде уездов Казанской губернии⁸⁸. При этом хозяева не хотели отдавать своих рабочих. Например, жители г. Лаишева И.И. Котов и М.А. Малов 20 сентября 1917 г. просили местную городскую управу пересмотреть свое решение о возвращении военнопленных воинским начальникам. Просители отмечали, что без помощи пленных работников их хозяйства придут в упадок. Трудом военнопленных они пользовались с 1915 г., с тех пор, как на военную службу были взяты их члены семьи: у Котова – братья, у Малова – сыновья. Они считали, что не стоит опасаться военнопленных и подозревать их в чем-то предосудительном. По их мнению, среди крестьян Лаишевского уезда наблюдался большой спрос на труд военнопленных из-за того, что не все солдатские семьи могли себе позволить пригласить для работ местных рабочих. Военнопленные обходились дешевле⁸⁹.

Октябрьские события не изменили положения военнопленных. Наоборот, некоторые группы оказались забытыми в этой ситуации. «Ноябрь 1917 года застал меня и моих товарищей в местечке Ядрин бывшей Казанской губернии. Вначале мы никак не могли понять, почему вдруг сбежали наши хозяева, почему чуваши стали ходить по улице с красными флагами и называть друг друга новыми словами «товарищи», почему с фронта возвращаются воинские эшелоны?»..., – вспоминал бывший солдат Австро-Венгерской армии Притта. Через какое-то время к ним явился представитель советов («незнакомый человек с красной повязкой на рукаве») и объявил о переменах в стране⁹⁰.

В период нестабильности участились побегі. Бежали не только пленные солдаты, но и офицеры. Например, 21 ноября 1917 г. из Чистополя скрылись военнопленные офицеры, работавшие в винном складе: Юлиус Газель, Хацат Христ, Альберт Орон-Конья, Александр Фишер, Франц Курмаш⁹¹. Но основная масса сбежавших работала в сельской местности: в поместьях, хуторах и лесных хозяйствах. Например, в октябре-ноябре 1917 г. были отмечены побегі из имения Волконской в Тетюшском уезде, из дд.Клыковские стройки, Большие Отары Воскресенской волости Казанского уезда, лесосеки Сюктерка Чебоксарского уезда и т.д.⁹²

В конце декабря 1917 г. в приказе по Казанскому военному округу были обнародованы правила, устанавливающие льготы для военнопленных славянского происхождения: более свободное содержание, большую свободу передвижения, разрешение объеди-

⁸⁸ Козлов Ф.Н. Указ. соч. – С.106.

⁸⁹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.55. Л.179–179 об.

⁹⁰ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2281. Л.4.

⁹¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.8. Л.64.

⁹² Там же. Л.86, 71, 93, 82.

нений и т.д. На основании этих правил военнопленные всех национальностей начали через своих представителей добиваться большей свободы содержания⁹³.

Вместе с тем продолжались и побеги, в том числе в следующем 1918 году. Обращает на себя внимание, что среди беглецов особенно много было немцев, австрийцев и мадьяр. Судя по всему, особые правила по поводу содержания военнопленных-славян они восприняли как ущемление собственных прав и предпочли нарушение всех правовых норм. Например, в декабре 1917 г. ушли из учебно-показательной мастерской в Чебоксарах два военнопленных австрийца. Карл Сигизмунд и Карл Немец были в русской военной форме и хорошо говорили на русском языке⁹⁴. 22 декабря 1917 г. около 3 часов дня из артели военнопленных, находящихся на работах в распоряжении Казанского губернского союза учреждений мелкого кредита, ушел военнопленный Фридрих Юнг. Но сообщение об этом происшествии Казанский совдеп направил начальникам уездных полиций только 1 января 1918 г.⁹⁵ В ночь на 28 декабря 1917 г. убежал из г. Тетюши 28-летний мадьяр Франц Барабаш, сапожник по профессии. Искавшие его службы, составили приметы беглеца: высокого роста, худощавый брюнет, хорошо владел русским, немецким и польским языками. Одет был в черные суконные брюки, меховой пиджак с серым воротником, суконную черную тужурку и такой же жилет, на ногах были ботинки с галошами, на голове – черная меховая шапка⁹⁶.

В январе 1918 г. военнопленные немцы и мадьяры оставляли работу, как в сельской местности, так и мастерских, торговых домах в Казани⁹⁷. Сами работодатели в этот период, на фоне разговоров о заключении мира, ожидали скорого освобождения военнопленных. В этот период закрывались предприятия, выполнявшие ранее военные заказы. Например, в начале 1918 г. казанская администрация Алафузовского торгово-промышленного общества обнадееживала уволенных рабочих тем, что в скором времени должны освободиться с работы 250 военнопленных и появятся новые вакантные места⁹⁸. Но, в апреле 1918 г. в Алафузовских фабриках Казани продолжали работать 239 военнопленных. Из них венгров было 143 чел., австрийцев – 37, румын – 31, немцев – 28 чел.⁹⁹

⁹³ Рокина Г.В. Иностранцы пленные Первой мировой войны в Марийском крае // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – №1. – С.76.

⁹⁴ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.8. Л.26.

⁹⁵ Там же. Л.157.

⁹⁶ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.8. Л.103.

⁹⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.8. Л.14–17, 25.

⁹⁸ НА РТ. Ф.1153. Оп.1. Д.509. Л.2–3, 6–8.

⁹⁹ НА РТ. Ф.Р–571. Оп.1. Д.11. Л.36.

В некоторых уголках Казанской губернии в начале 1918 г. уже не было военнопленных. Например, в феврале 1918 г. из Больше-Атнинской, Больше-Менгерской и Мульминской волостных комитетов Казанского уезда сообщали, что в этих волостях нет никаких военнопленных¹⁰⁰. Здесь надо отметить, что в татарских населенных пунктах традиционно относились с недоверием к пленным солдатам и часто целыми деревнями отказывались от их услуг.

Тем временем в Казани и некоторых уездных городах военнопленные, в ожидании репатриации, терпели все тяготы революционного времени: недоедание, тяжелые жилищные условия, нехватка топлива и одежды. Например, описывая Свяжск летом 1918 г., атташе датской дипломатической миссии Хеннинг Кейлер отмечал большое количество бедствующих пленных солдат Австро-Венгерской армии, голодных и в лохмотьях¹⁰¹. В условиях хаоса о пленниках войны порой просто забывали или закрывали глаза на их проблемы. В случае побега военнопленного, интересовала не столько судьба человека, а его казенная одежда: сапоги и верхняя одежда. Во время тотального дефицита, это казалось большей утратой.

В безвременье, когда одни учреждения упразднились другие только создавались, служащие различных иностранных организаций, а также самоорганизации (например, летом 1918 г. существовал Свяжский комитет помощи австрийским пленным) иногда выступали в качестве представителей власти, давали распоряжения о переводе больных военнопленных в госпитали (например, из уездов в Казань), а также выдавали «удостоверения» с правом на передвижение. В Казанской губернии в июле 1918 г. на этом были уличены представители датского консульства и шведской благотворительной миссии, а также Свяжского комитета помощи австрийским пленным. Надеясь на эти «документы», пленные солдаты и офицеры, а также гражданские лица пытались выехать на родину¹⁰². Многих из них задерживали. В Казани таких «дезертирующих военнопленных» собралось немалое количество. Часть из них была помещена в здание 15-го городского начального училища на 3-й Поперечно-Большой улице¹⁰³. Для беглых военнопленных власти собирались освободить бывшие военные строения в той же Суконной слободе¹⁰⁴.

В мае 1918 г. была создана Казанская губернская коллегия о пленных и беженцах, в уездах начали работать ее филиалы. Эта организация до начала 1920-х гг. занималась возвращением быв-

¹⁰⁰ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.8. Л.20–22.

¹⁰¹ Kenler H. The Red Garden. – New York: Alfred A. Knopf, 1922. – С.147–148.

¹⁰² НА РТ. Ф.Р–638. Оп.1. Д.20. Л.30–32.

¹⁰³ НА РТ. Ф. Р–638. Оп.1. Д.22. Л.39.

¹⁰⁴ Там же. Л.7.

ших пленных на родину. Впрочем, не все дождалось репатриации. Некоторые пленные предпочли побег и во второй половине 1918 г.¹⁰⁵, немало солдат австро-венгерской армии приняли участие в Гражданской войне. «Я и мои товарищи по лагерю вступили добровольцами в красногвардейский отряд под командованием Гарина, и вскоре направились в Казань сражаться частями эсеров, меньшевиков и впоследствии с чехословацким корпусом», – вспоминал, содержащийся в Ядрине, бывший военнопленный Притта¹⁰⁶. Военнопленные, поддержавшие советскую власть и «пролетарское движение», могли претендовать на «красноармейский паек», остальные находились на положении арестованных¹⁰⁷.

Некоторые из этих бывших солдат Первой мировой войны оказались лишними у себя на родине. Их социалистические убеждения, сформированные в нелегальных кружках военнопленных, вызвали сильные подозрения, вплоть до ареста. Поэтому они возвращались обратно в страну Советов. Так случилось с поляком Эдмундом Жебровским, венгром Шандором Апати¹⁰⁸. Кто-то из участников Гражданской войны остался сразу в СССР. Например, преподавателем факультета физвоспитания и спорта Казанского государственного педагогического института долгие годы работал бывший военнопленный из Венгрии Юлий Адамович Вашш (см. Приложение № 22). Еще до начала войны он окончил педагогический институт и преподавал физкультуру и гигиену в гимназии в Будапеште. В 1915 г. в 23-летнем возрасте он попал в Россию как военнопленный и прожил в этой стране оставшиеся пятьдесят два года своей жизни¹⁰⁹.

Но большинство бывших военнопленных не представляло жизни без родины. Поэтому, как и венгр Янош Майтени, несмотря на арест и заключение, продолжали жить на своей земле. Бывший австро-венгерский офицер Я.Майтени полтора года провел в тюрьме¹¹⁰. Очевидно, что после долгих скитаний на чужбине и испытаний военным пленом жизнь в кругу родных людей была самой большой наградой для него.

¹⁰⁵ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.8. Л.102.

¹⁰⁶ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2281. Л.4.

¹⁰⁷ НА РТ. Ф. Р-3009. Оп.1. Д.1. Л.51.

¹⁰⁸ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1147. Л.22; Д.206. Л.3.

¹⁰⁹ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.694. Л.1.

¹¹⁰ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1825. Л.2-4.

4.2. «Надоели народонаселению своими просьбами в подаянии...»: положение беженцев в 1915–1918 гг.

Вскоре после начала Первой мировой войны в тыловых губерниях России появились беженцы из приграничных с фронтом районов. Их массовое прибытие началось в июле-августе 1915 г. и продолжалось до окончания года. Уже в сентябре 1915 г. количество беженцев было примерно 750 тыс. человек, а к концу года число вынужденных переселенцев достигло 2 млн. Эти показатели продолжали расти. Основную массу беженцев составляли поляки, евреи, белорусы, латыши и прочие народности. Неслучайно, на местах возникали различные благотворительные комитеты, в том числе и по национальному признаку¹¹¹.

Первые партии беженцев приехали в Казанскую губернию в начале августа 1915 г. Сначала их было немного, но число эвакуированного населения постоянно росло. Они прибывали в основном по железной дороге, но были и так называемые лошадные беженцы. «Кто был в эти дни в Казани, тот знает, сколько скорби, нравственных страданий и физических лишений несли с собой беженские поезда. Голодные, оборванные, придавленные обрушившимся несчастьем люди сразу предъявили такую массу индивидуальных запросов и желаний, что удовлетворить все их нужды оказалось совершенно не под силу многочисленным общественным организациям, возникшим в эти дни», – писал очевидец событий¹¹². Многие родственные группы и даже отдельные семьи потерялись в пути, это создавало определенные трудности после их прибытия на место назначения.

Местные учреждения власти и общественность были заняты вопросами питания и обустройства беженцев. Обеды для них отпускались в особые часы в столовых, устроенных для детей военнослужащих. Не сразу были отведены помещения для вынужденных мигрантов. Первое время они ютились в бараке для погорельцев, построенном когда-то в Забулачной части Казани¹¹³. Часть беженцев проживала недалеко от Ягодной слободы Казани. Условия их проживания были временными. Поэтому в конце сентября 1915 г. из-за наступления холодов они требовали предоставления отопляемого помещения. По сообщению тайного агента Казанской жандармерии, с этой просьбой беженцы собирались всей тол-

¹¹¹ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. – 1999. – №8. – С.104.

¹¹² Земская неделя. – 1916. – 21 февраля. – №8. – С.3.

¹¹³ Обзор деятельности по Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. // Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии за 1916 год. – Казань, 1916. – С.LXXV.

пой, «с женами и детьми», идти к губернатору¹¹⁴. По замечанию самого губернатора Боярского, в городе и губернии в этот период находились «массы войск огромного числа беженцев» и городские службы «дошли до полного переутомления». В сентябре 1915 г. он просил Департамент Полиции МВД увеличить штат городской и уездной полиции, главным образом, для обслуживания запросов прибывшего населения¹¹⁵.

Опасения казанского губернатора о недостатке представителей правопорядка были вполне обоснованными. В некоторых уездных городах беженцы составляли заметную часть населения, как, например, в Козьмодемьянске или Чебоксарах. На 1 ноября 1915 г., в Казани находилось 7155 чел. (3,7% от общего количества населения города), в Козьмодемьянске 891 (15%), Чебоксарах – 1067 (18,6%), Чистополе – 1654 (5,8%), Царевококшайске – 158 (8%)¹¹⁶.

К декабрю 1915 г. число прибывших в Казанскую губернию беженцев достигло 67 тыс. человек¹¹⁷. Хотя изначально планировалось принять до 100 тыс. беженцев. В итоге, большая часть вынужденных мигрантов оказалась в Чистопольском (9119 чел.), Спасском (6195 чел.) и Чебоксарском (5921 чел.) уездах. Больше половины являлись жителями Гродненской губернии (35 165 чел.)¹¹⁸. Для сравнения в соседней Уфимской губернии на 1 ноября 1915 г. проживало более 63 тыс. беженцев. При этом около 5 тыс. переселенцев проживали в самом губернском центре¹¹⁹.

Казань являлась промежуточным пунктом: большую часть беженцев отправляли в уезды. Но они с неохотой уезжали туда, например, если семья на тот момент была не в полном составе, и кто-то отстал в пути. Кроме того, многих вынужденных мигрантов пугало путешествие по Волге. Они отказывались добираться до уездов по воде «ибо в их представлении Волга являлась вечно бушующим морем, путешествие по которому сопряжено с чрезвычайными опасностями». Приходилось долго разъяснять, что это наиболее удобный и достаточно безопасный вид транспорта. Между тем пароходы часами ждали нерешительных пассажиров¹²⁰.

¹¹⁴ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1517. Л.77.

¹¹⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.1139. Л.2.

¹¹⁶ Семенова Е.Ю. Взаимодействие горожан и беженцев на территории тылового города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) // Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – Т.16. – №3 (2). – С.441.

¹¹⁷ Земская неделя. – 1916. – 21 февраля. – №8. – С.3.

¹¹⁸ Солдатов Я.В. Казанское земство в период Первой мировой войны: историко-политический анализ. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2004. – С.138.

¹¹⁹ Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. Сб. документов и материалов. – Уфа, 2014. – С.285.

¹²⁰ Земская неделя. – 1916. – 21 февраля. – №8. – С.3.

Несмотря на постоянный приток, в Казани редко находилось более 5–6 тыс. беженцев. Например, на 16 января 1916 г. в городе проживало 5737 чел. Из них мужчин – 1362 чел., женщин – 1780, детей – 2595 чел.¹²¹ В городе оставляли больных людей и беженцев пожилого возраста. После закрытия навигации, с конца октября, эвакуированное население селили только в пределах Казанского, Свяжского и Цивильского уездов¹²².

По рекомендации Всероссийского земского союза при распределении вынужденных переселенцев следовало горожан оставлять в городах, а сельских жителей размещать в уездах. Также было рекомендовано селить в одном месте не только семьи, но и жителей одного прихода, сельского общества, волости (гмины)¹²³. Очень важно было сохранение довоенной «внутренней связи» общества беженцев.

В целом, местное население встретило беженцев спокойно и благожелательно. Так, унтер-офицер Казанской жандармерии в Мамадышском уезде Тогашев в октябре 1915 г. докладывал о том, что население уезда относится к прибывшим беженцам «сочувственно» и оказывает им материальную поддержку. Беженцев, отправленных в селения Абдинской волости, разместили вместе с крестьянами. Всего до октября 1915 г. только в этой волости Мамадышского уезда было расселено 381 человек¹²⁴.

Определенным маркером адаптации беженцев в новой среде являются матримониальные союзы. За полтора года пребывания беженцев в Казанской губернии, к началу 1917 г. было совершено немало браков между ними и местными жителями. Отдельные подсчеты проводились по метрическим книгам Царевококшайского уезда. В основном, браки заключались среди христианского населения¹²⁵.

Лишь в отдельных случаях, местные жители проявляли недовольство из-за прибытия беженцев. Например, в августе 1915 г. должностные лица из Кошачковского волостного правления напугали предстоящим приездом эвакуированного населения крестьян д. Эстачи Казанского уезда. Они говорили им, что скоро будут выселять крестьян из их изб, а в освободившихся помещениях разместят беженцев¹²⁶. Таким образом, неверная информация, переданная слу-

¹²¹ НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.38. Л.41.

¹²² Земская неделя. – 1916. – 21 февраля. – №8. – С.3.

¹²³ Руководящие положения по устройству беженцев. – Казань, 1916. – С.8.

¹²⁴ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1570. Л.77 об.

¹²⁵ Комелина Л.Н. Первая мировая война и город Царевококшайск (по материалам Музея истории города Йошкар-Олы) // Запад–Восток. – 2014. – №7. – С.134.

¹²⁶ НА РТ. Ф.99. Оп.1. Д.1725. Л.9.

жащими волостного правления, привела к различным слухам и тревожным настроениям среди крестьянства Кошачковской волости.

Между тем, причиной недоверия местного населения могли стать и разговоры среди беженцев. Так, в некоторых донесениях казанскому губернатору говорилось о том, что нежелающие работать беженцы требовали от органов власти содержания и угрожали земельными захватами. Мотивировали они свои настроения тем, что «правительство разорило» и сигнало их с «насиженных мест», и они могут претендовать на аналогичные земельные участки в тыловых губерниях¹²⁷. Но, в целом, такие угрозы не носили массового характера. Большинство беженцев старались найти себе работу на новом месте.

Дети беженцев устраивались в местные учебные заведения, где-то открывались вторые смены. Только в Казани в начальные училища в октябре 1915 г. было принято 112 детей беженцев. Нередко учителями в них служили педагоги из числа вынужденных переселенцев.

Общественными объединениями учреждались специальные школы. Например, в октябре 1915 г. в Казани Обществом вспомоществования бедным семействам поляков была открыта польская школа для беженцев. Она работала в две смены, в каждой смене обучались по 40 детей. Занятия вели учительницы Варшавского учебного округа¹²⁸. Осенью 1916 г. школы (в том числе вечерние занятия), организованные Казанским отделом Общества вспомоществования бедным семействам поляков, посещали 255 учеников. Размещались они в Суконной, Академической слободе и центральной части г. Казани. В центре Казанской губернии работали также начальные школы для латышский и литовских детей. Занятия вели учителя-беженцы П.Кращунас, Б.Сырутис, К.Янсон, А.Видуц¹²⁹.

Работали учителя-беженцы и в сельской местности. Так, учитель из деревни Вулька-Реновецкая Холмской губернии 25-летний Иосиф Михайлович Левчук стал заместителем старшего учителя 2-х классного начального училища в селе Федоровская Азелеевской волости Свияжского уезда. Жил И.М.Левчук в этом населенном пункте вместе со своей семьей¹³⁰.

Среди эвакуированных учреждений были учебные заведения. Так, в Чистополь была переведена Прибалтийская Рижская учительская семинария во главе с директором семинарии Памфиловым и 10 преподавателями. В октябре 1915 г. Рижская учительская се-

¹²⁷ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.1139. Л.6–6 об.

¹²⁸ НА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1865. Л.7.

¹²⁹ Казанская губерния в период Первой мировой войны: сб. документов и материалов. – Казань, 2014. – С.138–139.

¹³⁰ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1768. Л.7.

минария начала функционировать в здании Чистопольской мужской гимназии, продолжили свои занятия в этом учебном заведении 70 студентов¹³¹.

Весной 1916 г., с открытием навигации, беженцев, оставшихся в Казани, отправляли в уезды. При этом переселению подлежали те из них, кто не имел в городе определенного заработка. В Казани оставляли пожилых людей, так как они не могли участвовать в сельскохозяйственных работах и считались «обузой трудовому населению»¹³², а также больных. Например, в Ново-Татарской слободе размещался холерный барак для беженцев, имелись отдельные бараки для больных дифтерией и скарлатиной в других частях Казани¹³³.

Из-за резкого роста численности населения губернии, обусловленного прибытием не только беженцев, но и раненых солдат, военнопленных и интернированных, стала ощущаться нехватка кадров в правоохранительных органах. В сентябре 1915 г. казанский губернатор просил командировать в местные полицейские службы 20 околоточных надзирателей и 50 городских для работы в Казани. Для уездов требовалось не менее 3 околоточных надзирателей на каждый и по 10 городских для городов¹³⁴. Но губернатору отказали, сославшись на отсутствие свободных классных чинов¹³⁵. В октябре 1915 г. он опять просил увеличить штат полиции, тем более, по его мнению, в Казанской губернии были необходимые кадровые резервы для этого.

В этот период в канцелярию губернатора обращались эвакуированные полицейские служащие Гродненской губернии с просьбой принять их на службу. Они помнили П.М.Боярского как гродненского губернатора. Он управлял Гродненской губернией до 1913 г., до своего назначения на должность казанского губернатора. «Многие хотели бы снова служить под моим начальством и с этим ходатайством ко мне ныне обращаются», – отмечал Боярский¹³⁶. Но просьба губернатора о необходимости принятия гродненских полицейских в ряды казанской полиции была вызвана не только его желанием поддержать бывших подчиненных. Вскоре после прибытия в Казань, беженцы в полицейской форме стали представлять опасность для местного общества. Эвакуированные полицейские нижние чины были недовольны отсутствием казенной

¹³¹ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1570. Л.81.

¹³² Земская неделя. – 1916. – 13 марта. – №11. – С.7.

¹³³ Казанская губерния в период Первой мировой войны. Сб. документов и материалов. – Казань, 2014. – С.91.

¹³⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.1139. Л.2.

¹³⁵ Там же. Л.6–6 об.

¹³⁶ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.1139. Л.6 об.

помощи¹³⁷ и поэтому вели себя вызывающе. В их практику вошло хождение по городским торговым лавкам и частным домам с требованием «пособия». По замечанию губернатора, беженцы-полицейские таким образом «дискредитируют казанскую полицию», т.к. из-за формы жители города принимали их за служащих местной полиции. В этой ситуации Боярский считал разумным либо прикомандирование прибывающих полицейских в штат Казанского городского полицейского управления, либо запрет на ношение полицейской формы беженцам из числа нижних чинов¹³⁸. Положение с полицейскими-беженцами стабилизировалось к концу октября 1915 г. Часть из них была отправлена в другие губернии, оставшаяся часть пополнила ряды казанской полиции¹³⁹.

В октябре 1915 г. в Казанскую губернию прибыл губернатор Холмской губернии вместе со штатом подведомственных ему учреждений. Этих служащих казанский губернатор также рассматривал как потенциальных чиновников местных органов власти. К этому времени часть сотрудников Казанского губернского правления и губернаторской канцелярии были призваны на военную службу, поэтому оставшиеся служащие не справлялись с рабочей нагрузкой. В октябре 1915 г. казанский губернатор просил Департамент общих дел МВД прикомандировать высококвалифицированных служащих Холмской губернии (с классными чинами), эвакуированных в Казань, в свое распоряжение¹⁴⁰. В итоге из эвакуированного Холмского губернского правления в распоряжение казанского губернатора было направлено 10 служащих из учреждений Холмской губернии. Среди них был делопроизводитель Губернского правления и его помощник, кассир, бургомистры и секвестраторы городов и уездов¹⁴¹. Чуть позже секвестраторов заменили на архивариусов¹⁴².

Не все прикомандированные служащие из числа эвакуированных чиновников оправдали надежды казанского губернатора. Довольно часто их упрекали в индифферентном отношении к выполняемой работе, некоторые не ходили на службу. Иногда это было связано с тем, что служащие продолжали выполнять свои обязанности и по делам эвакуированной губернии. Например, так случилось с бургомистром г. Щебрещина Замойского уезда Холмской губернии Мануилом Петровичем Федоновичем. Он работал в канцелярии казанского губернатора. С апреля 1916 г. перестал посещать губернскую канцелярию. После его месячного отсутствия

¹³⁷ Многие из них были без документов – *прим. авт.*

¹³⁸ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.1139. Л.17.

¹³⁹ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.1139. Л.21.

¹⁴⁰ Там же. Л.15.

¹⁴¹ Там же. Л.25.

¹⁴² Там же. Л.31.

17 мая казанский губернатор обратился к местному полицмейстеру¹⁴³. За него заступился холмский губернатор. По его личной просьбе, бургомистр Федонович был обратно откомандирован «для успешного исполнения текущей переписки по Холмскому губернскому правлению».¹⁴⁴

В этот же период холмский губернатор Л.М.Савелов попросил вернуть в подведомственные ему учреждения еще нескольких сотрудников. Он это объяснял тем, что накопилось много дел о «денежных ассигнованиях войсковым частям и земской страже, и предоставлением отчетов в Контрольную палату»¹⁴⁵. В июле-августе 1916 г. были отозваны два сотрудника Холмского губернского правления¹⁴⁶. Казенное имущество эвакуированных учреждений Холмской губернии, в том числе губернского правления, с 1 октября 1916 г. находилось в арендованном доме Лихачевой на Ново-Комиссариатской улице г. Казани¹⁴⁷. Именно в этом здании очень часто проходили заседания Ссудной и Оценочной комиссий по оценке убытков и оказанию материальной помощи пострадавшему от войны населению Холмской губернии, разбросанному по разным уголкам страны¹⁴⁸. Поэтому объем выполняемых работ эвакуированных учреждений был достаточно внушительным.

Иногда отстранение чиновника от делопроизводства было связано с личными обстоятельствами. 20 апреля 1916 г. взял двухмесячный отпуск прикомандированный к канцелярии казанского губернатора секвестратор Холмского магистрата Лука Степанович Мархев. Он обосновал это тем, что супруге требуется радикальное лечение на минеральных водах на льготных основаниях. После курса лечения на Сергиевских минеральных водах Самарской губернии, он вместе с женой уехал в Киев для обследования и прохождения лечения. Оттуда чиновник прислал просьбу о продлении отпуска еще на один месяц. Казанским губернатором были удовлетворены все его просьбы¹⁴⁹. Некоторые прикомандированные служащие уезжали вообще без предупреждения, просили отпуск уже из нового места пребывания¹⁵⁰.

Казанская губерния являлась местом размещения основных органов власти Холмской губернии. К 1917 г. в городе функционировало свыше 40 эвакуированных учреждений этой западной губер-

¹⁴³ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.1139. Л.95.

¹⁴⁴ Там же. Л.100.

¹⁴⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.1139. Л. 103.

¹⁴⁶ Там же. Л.107–108.

¹⁴⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.179.

¹⁴⁸ Там же. Л.179 об.

¹⁴⁹ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.1139. Л.89–92.

¹⁵⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.1139. Л.94.

нии¹⁵¹. Встретил Февральскую революции в Казани и последний холмский губернатор Леонид Михайлович Савелов. Уже в эмиграции, в 1928 г. он написал воспоминания об этих днях. «Я был поставлен в невероятно глупое положение, распоряжений из министерства не было никаких, земских учреждений в Холмской губернии не было, единственным выборным лицом был еврейский раввин, которому, пожалуй, при составе временного правительства лучше всего и было сдать должность, но я все же телеграфировал кн. Львову, прося указаний, но ответа не получил, очевидно, у них самих шла голова кругом, т.к. взялись за дело, в котором понимали столько же, сколько понимала свинья в апельсинах, недаром русская пословица говорит, что «беда, коли пироги начнет печи сапожник». А в то время мои чиновники взволновались тем, что не выразил своих верноподданных чувств гг. Львовым, Милюковым и всей той дряни, которая захватила власть, ко мне явилась депутация от моих подчиненных и просила меня предпринять что-либо, т. к. в городе начали уже говорить, что холмский губернатор не признает временного правительства и что могут быть какие-нибудь неприятности им и их семьям. Это заявление вынудило меня послать кн. Львову следующую телеграмму: "Все чины и служащие подведомственных мне губернских и уездных административных учреждений, эвакуированные в Казань, просят доложить Вашему Сиятельству, что в момент образования нового правительства признали и подчинились таковому, трудились и продолжают трудиться на благо дорогой родины в соответствии с указаниями нового правительства". В этой телеграмме я умышленно не упомянул о себе, т. к. считаю возникновение временного правительства актом чисто революционным, не вытекавшим из акта отречения Государя»¹⁵².

С усложнением социально-экономической и политической ситуации в стране ухудшилось и положение беженцев. Пайки, выделяемые государством, не поспевали за ростом цен. При размере пайка в 20 коп. в день на человека и 2 рубля в месяц за квартиру, хлеб стоил уже до 40 коп. за фунт, а сажень дров доходил до 50 рублей¹⁵³. Кроме того, согласно инструкции по устройству беженцев, продовольственный паек выдавался в полном размере лишь на четырех членов семьи, а на каждого последующего полагалась лишь половина пайка¹⁵⁴. Однако и эта помощь была урезана в конце 1916 г.

¹⁵¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.299 об.

¹⁵² Цит. по: Любимов А. Отголоски из русского зарубежья: Савелов Леонид Михайлович // Русский вестник [Электронный ресурс] <http://www.rv.ru/content.php3?id=708> Дата обращения 28.12.2016.

¹⁵³ Отчет Казанского еврейского комитета помощи жертвам войны за время с 1 августа 1915 по 1 июля 1917 года. – Казань, 1917. – С.4.

¹⁵⁴ Руководящие положения по устройству беженцев. – Казань, 1916. – С.12.

ГЛАВА 4. «Чужие» в КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Местное население к концу войны было настроено не так доброжелательно как в первое время. Из-за роста цен, а в связи с этим и расходов на постой и содержание подселенных людей, к беженцам начали относиться как к некой обузе.

Усугублялось это задержками в выплате пособий. Из-за нестабильных цен, сметы на содержание беженцев постоянно корректировались, но на их утверждение уходило до 2–3 месяцев. Например, к 1 августа 1916 г. в Казанской губернии задолженность государства перед беженцами доходила уже до 240 тысяч рублей. Это были средства, выделяемые для квартирных и продовольственных пособий¹⁵⁵.

Вместе с тем, в условиях непрекращающейся шпиономании, из-за национальной принадлежности многие из беженцев вызывали подозрение. Так, по замечанию председателя Казанского еврейского комитета помощи жертвам войны В.Э.Тицнера, «в таких русских уездных захолустьях как в Цивильске и отчасти Чистополе еврею беженцу устроиться (на работу – *прим. ред.*) весьма трудно»¹⁵⁶. Испытывали трудности и представители других национальностей. Например, в апреле 1916 г. поступил анонимный донос на проживавших в Казани беженцев-дворян 59-летнего Антона Устиновича Домейко и его супругу Викторию Валериановну. Они были поляками лютеранского вероисповедания. Прибыли супруги в Казань 25 ноября 1915 г. из г. Ковно. В губернском городе они снимали квартиру, нигде не работали и жили на сбережения от продажи своего имения в Ковенской губернии. Супруги ухаживали за тяжелобольным сыном Антоном Домейко, который почти не вставал с кровати. Авторы доноса писали, что семья симпатизирует немцам и собирает сведения для них. «...Как только услышат, что про немцев говорят хорошо, то они видимо страшно рады и тут же все записывают себе, нужно бы их обыскать и по закону привлечь к ответственности», – говорилось в сообщении¹⁵⁷. Однако проверка не выявила ничего подозрительного. Супруги Домейко вели замкнутый образ жизни и посвящали все свое время ухаживанию за больным сыном. Проверяющие лица выяснили, что они даже не ведут ни с кем переписки и вообще «поведения хорошего»¹⁵⁸.

Такое отношение со стороны местного населения тыловых губерний формировалось и под влиянием настроений самих беженцев. Они мечтали скорее уехать домой и не стремились устраи-

¹⁵⁵ Доклад №17 Казанской губернской земской управы 95-му чрезвычайному Губернскому Земскому собранию о временных позаимствованиях из оборотных средств Губернского Земства на оказание помощи беженцам. – Казань, 1916.

¹⁵⁶ Отчет Казанского еврейского комитета ... – С.4.

¹⁵⁷ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.1195. Л.2.

¹⁵⁸ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.1195. Л.5.

ваться на работу, налаживать быт в местах вынужденного пребывания¹⁵⁹. В 1916 г. проводимая государством социальная политика в отношении беженцев претерпела некоторые изменения. При выдаче пособий стали учитываться заработки членов семей беженцев. Государственная помощь полагалась детям до 14 лет и нетрудоспособным беженцам, в том числе присматривающим за детьми. Остальные беженцы освобождались от продовольственных и квартирных пособий. В Казанской губернии 40% беженцев были признаны трудоспособными¹⁶⁰.

Тем временем после февральской революции 1917 г. положение беженцев лишь ухудшилось. Например, в марте 1917 г. в Арске¹⁶¹ беженцы вместе с местными крестьянами разгромили на базаре лавку с бакалейными, железными, москательными и другими товарами. Их возмутили высокие цены и нехватка муки¹⁶². Задерживалась высылка казенных пособий из столицы. Как сообщал член казанской губернской земской управы С.А.Бекетов в марте 1917 г., к этому времени выдача пайков была сокращена на 50%¹⁶³. Не надеясь на чужую помощь некоторые категории беженцев (ремесленники, чернорабочие и торговцы) временно устраивались на работу. Таких людей особенно много было в городах. Например, по свидетельствам современников, в числе рабочих Алафузовских предприятий много было беженцев, в основном, поляк и евреев¹⁶⁴.

Некоторые люди пытались воспользоваться трудным положением беженцев в своих корыстных целях. Например, в начале мая 1917 г. корреспондент газеты «Камско-Волжская речь» сообщал о случае мошенничества в Казани. «26 апреля ко мне явился юноша и, назвавшись бывшим учеником 1 виленской гимназии, представил подписной лист от имени бедствующей матери». Но автор корреспонденции быстро установил самозванство «гимназиста». Мошенник тут же убежал, а длинный список его жертвователей был передан милиции¹⁶⁵.

¹⁵⁹ Курцев А.Н. Указ. соч. С.110–111.

¹⁶⁰ Доклад №16 Казанской губернской земской управы 95-му чрезвычайному Губернскому Земскому собранию об уменьшении правительственного кредита на выдачу пособий беженцам. – Казань, 1916. – С.2–3.

¹⁶¹ В Арске по данным на начало 1916 г. беженцев было немного – всего 61 человек (из них детей – 24, женщин – 23). Основное количество беженцев (4550 чел.) проживало в Казанском уезде. Почти половину эвакуированного населения составляли дети – 1871 человек (НА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.642. Л.22).

¹⁶² НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.67. Л.7–7об.

¹⁶³ Земская неделя. – 1917. – 23 марта. – №12. – С.12.

¹⁶⁴ За власть советов. Сборник воспоминаний участников октябрьских событий в Татарии. – Казань, 1957. – С.80.

¹⁶⁵ Камско-Волжская речь. – 1917. – 2 мая. – №94.

При этом в новых условиях некоторые беженцы проявляли общественную активность. Например, член латышской социал-демократической партии Эмилий Иванович Элиас стал гласным новой Казанской городской думы, пережившей так называемую демократизацию весной 1917 г. Среди лиц, баллотировавшихся в гласные Казанской городской думы в октябре 1917 г., были представители польских, еврейских, латышских социал-демократических и социалистических партий¹⁶⁶.

В уездах беженцы оставались на иждивении государства и частных благотворителей. Но пожертвования частных лиц уменьшались с каждым месяцем 1917 г.¹⁶⁷ «... Мы должны с грустью констатировать повсеместное явление, что в связи с рядом общих причин интерес к беженскому делу значительно ослабел...», – отмечали члены Казанского еврейского комитета помощи жертвам войны летом 1917 г.¹⁶⁸ Вместе с тем надо отметить, что нетрудоспособные беженцы получали социальные пайки в волостных земских управах и в декабре 1917 г.¹⁶⁹

На фоне ситуации с хлебной реквизиций крестьяне некоторых уездов вели себя очень агрессивно как по отношению к представителям власти, так и к приезжему населению. Например, по сообщению козмодемьянского уездного комиссара от 31 июля 1917 г., крестьяне Больше-Юнгинской волости выгоняли из своих деревень беженцев. Особенно враждебно были настроены жители с. Петнурь, где 20 июля власти применили даже оружие. Под угрозами крестьян был распущен Больше-Юнгинский волостной комитет, комиссар написал заявление об уходе, а секретарь и члены комитета просто разошлись. Сами крестьяне собирались громить земскую и продовольственную управу в Козмодемьянске¹⁷⁰. Таким образом, беженцы в этой ситуации стали жертвами сложившихся обстоятельств. Впрочем, были случаи, когда беженцы олицетворяли власть на местах и принимали активное участие в работе волостных комитетов. Так, учитель Иосиф Левчук в 1917 г. работал старшим помощником секретаря Азелеевского волостного комитета Свяжского уезда¹⁷¹.

Отдельную группу беженцев составляли польско-литовские татары, мусульмане по вероисповеданию. В силу исторических и географических условий две группы татар – поволжских и польско-

¹⁶⁶ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.55. Л.176.

¹⁶⁷ Земская неделя. – 1917. – 6 августа. – №31. – С.13.

¹⁶⁸ Отчет Казанского еврейского комитета помощи жертвам войны за время с 1 августа 1915 по 1 июля 1917 года. – Казань, 1917. – С.3.

¹⁶⁹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.8. Л.186.

¹⁷⁰ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.65. Л.113.

¹⁷¹ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1768. Л.7.

литовских долгие столетия были разобщены, хотя, конечно, на задворках сознания обеих этнических общностей сохранилась память об общем историческом прошлом и культурном наследии Золотой Орды. Первые примеры взаимодействия появились лишь на рубеже XIX–XX вв.¹⁷² Единственным барьером в общении между поволжскими мусульманами и польско-литовскими был язык. Тем не менее, единая религия являлась мощным фактором солидарности. Это подтвердил печальный опыт Первой мировой войны. Часть эвакуированных мусульман из западных окраин империи нашли временный приют в Поволжье и на Урале.

В Казани Мусульманский комитет помощи беженцам был организован в сентябре 1915 г. Движущей силой комитета вначале являлась молодежь, в том числе студенческая¹⁷³. Однако к 1917 г. многие из них уже были призваны на фронт. Председателем являлся известный казанский адвокат Саидгарей Алкин. Ежедневно взрослым беженцам комитет выдавал по 20 коп., детям – по 10 коп. на каждого. Дополнительные средства собирались как по подписке, так и с помощью различных благотворительных культурных мероприятий¹⁷⁴. Комитет продолжал работать и в период действия Временного правительства. Например, есть документы, свидетельствующие о работе в мае 1917 г., в марте еще продолжали выдаваться пособия¹⁷⁵. Однако списков за остальные месяцы нет.

По данным 13 сентября 1915 г. в центр Казанской губернии прибыли 111 беженцев-мусульман, уже 15 сентября их число достигло 135. В основном, это были старики, женщины и дети. Среди них был будущий польский писатель Мустафа Александрович (родился в 1911 г.). Он вернулся домой в Виленскую губернию с родителями, братом и сестрой только в 1918 г.¹⁷⁶

Среди первого потока мусульманских беженцев, прибывших в Казань, лишь 41 чел. считался работоспособным. Что касается социального статуса эвакуированных польских татар, то преимущественно они относились к простым слоям населения: в мирное вре-

¹⁷² Мухлинский А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. – СПб., 1857. – С.50; История татар с древнейших времен в семи томах. – Т.VI. – Казань, 2013. – С.137.

¹⁷³ У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917). Сб. документов и материалов. Кн.2. – Казань, 2003. – С.116.

¹⁷⁴ Камско-Волжская речь. – 1915. – 8 сентября. – №199.

¹⁷⁵ Там же. Л.354.

¹⁷⁶ Червинский Г. Польско-татарские писатели в годы Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, с международным участием, приуроченной к 100-летию начала войны (Казань, 10–11 октября 2014 г.) / под общ. ред. Л.П. Габдрафиковой. – Казань, 2014. – С.83.

мя многие трудились на фабриках и заводах. Среди детей немало было тех, кто совсем не умел читать по-русски. Нашлась лишь одна девочка, которую устроили в 6-й класс гимназии, еще несколько человек стали обучаться в городских училищах¹⁷⁷. Таким образом, столкнувшись со своими единоверцами из западных окраин империи в условиях войны, поволжские татары открывали для себя их с иной стороны. Если раньше в различных публикациях фигурировали преимущественно образы польско-литовских мусульман из просвещенных дворянских кругов, то в качестве беженцев прибыли простые слои населения, не всегда имевшие возможность и средства для обучения. При этом все беженцы являлись искренне верующими мусульманами, они готовы были отдать своих детей в мусульманские школы.

Казанский женский журнал «Сююмбике» в 1915 г. сообщал о том, что 46 мальчиков и 46 девочек учатся в мусульманских учебных заведениях, т.е. в мектебах и медресе при мечетях¹⁷⁸. В том же 1915 г. в казанском медресе «Мухаммадия» был открыт специальный класс для обучения польских татар. Однако из-за трудностей с языком обучения, этот класс просуществовал совсем недолго. И уже в 1916 г. его распустили¹⁷⁹. Впоследствии многие дети мусульман были устроены в русско-татарские школы города. Например, по данным 1916 г. 28 человек обучались в четырех разных учебных заведениях. Думаю, нужно перечислить некоторые, встречаемые в документе, фамилии: Вороновичи, Шагдиевичи, Александровичи, Халецкие, Якубовские, Богданович, Курмаев, Асанович, Лебедь и другие. Обращает на себя внимание, что у всех детей были мусульманские (коранические) имена: Измаил, Галий, Якуб, Рамазан, Мустафа, Зугра, Марьям, Ханифа, Суфия, Амина, Танзиля, Гайша, Халима. Русско-татарские школы размещались в татарской части города, поэтому и проживали эти семьи, как правило, в Татарской слободе Казани. Практически все они квартировали в татарских домах. Вероятно, одинаковые имена (а в это время большинство казанских татар носили именно арабские (коранические) имена) стали одним из факторов для сближения двух мусульманских общностей.

Отцы многих детей трудились чернорабочими в кожевенных заведениях, а также в стеариново-мыловаренном заводе братьев Крестовниковых. Последнее предприятие находилось в Новотатарской слободе и там традиционно работало очень много местных татар. Некоторые беженцы устроились на службу в полицию,

¹⁷⁷ У милосердия древние корни... – С.113–114.

¹⁷⁸ Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. – Казань, 2011. – С.132.

¹⁷⁹ Әмирхан Р. «Мөхәмәдия» мәдрәсәсе // Мәдрәсәләрдә китап киштәсе. Мәшһүр мәғрифәт үзәкләре тарихынан. – Казан, 1992. – Б.19.

почту и другие государственные учреждения. Семьи без отцов, жили за счет благотворительной помощи от мусульманского комитета (например, Криницкие, Шагадевичи), поскольку женщины не работали¹⁸⁰. Но, по замечанию казанской газеты «Кояш» (8 сентября 1915 г., №794), «большинство женщин заняты на казенных работах и получают в день 60 коп.»¹⁸¹.

По данным января 1917 г. в Мусульманском отделе городского комитета помощи беженцам получали пособия 142 семьи польско-литовских татар. Всего в этих списках значилось 416 человек¹⁸². Однако получали пособия, в основном, старики и дети, иногда молодые женщины. Поэтому есть основание полагать, что число мусульманских беженцев только в Казани в 1917 г. составляло около 600 человек. Среди получавших пособие были и почтенные старики (например, Ивану Якубовскому из местечка Свинцианы Виленской губернии было 100 лет), и новорожденные дети¹⁸³.

На Всероссийском съезде мусульманок, прошедшем 24–28 апреля 1917 г. в Казани, принимала участие представительница литовских татар – госпожа Марьям Криницкая (из Минска). Она и еще восемь участниц этого съезда были избраны в качестве делегатов на предстоящий Всероссийский мусульманский съезд в Москве¹⁸⁴. Среди польско-литовских мусульманских беженцев тоже была семья Криницких. Возможно, делегатка Криницкая также находилась в Казани в этом статусе и сумела проявить себя как активный общественный деятель, подключилась к общемусульманскому движению. Уже после октября 1917 г. заведовал первыми Казанскими мусульманскими пехотными командными курсами генерал-майор из польско-литовских татар Искандер Тальковский¹⁸⁵. И это, безусловно, далеко не единичные примеры сотрудничества лидеров двух тюркских сообществ.

Аналогичное единение наблюдалось среди казанских и эвакуированных поляков-католиков. К концу XIX в. в Казанской губернии проживало 2014 католиков, из них 80,2% (1615 чел.) составляли поляки. За годы Первой мировой войны количество католиков в гу-

¹⁸⁰ НА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1982. Л.44–48.

¹⁸¹ Инородческое обозрение, приложение к журналу «Православный собеседник» за сентябрь и декабрь 1916 года. – Казань, 1917. – Т.2. – № 4–5. – С.297.

¹⁸² Подсчитано автором по: НА РТ. Ф.98. Оп.9. Д.11. Л.317–353.

¹⁸³ НА РТ. Ф.98. Оп.9. Д.11. Л.344 об.

¹⁸⁴ Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. – Казань, 2011. – С.137.

¹⁸⁵ Гришин Я.Я., Шарафутдинов Д.Д. Безупречный генерал Искандер Тальковский // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – №1/2. – С.147–153; Абдуллин Х.М. Военные учреждения и заведения Казанского кремля в XVIII – первой половине XX вв. – Казань, 2013. – С.129–130.

бернии увеличилось до 20 тыс. чел.¹⁸⁶ В Казани одним из активистов польского единства стал местный инженер Л.Хрщонович, который стоял во главе Общества казанских техников-поляков. Леонид Львович Хрщонович работал механиком в «Торгово-промышленном обществе Алафузовских фабрик и заводов», а его отец Лев Казимирович Хрщонович был известным казанским архитектором и спроектировал Алафузовский народный дом (открыт в 1900 г.)¹⁸⁷. Деятельность общества польских техников-инженеров во многом носила просветительский характер. В начале 1918 г. лекции общества проходили в так называемом «Польском интернате» в доме Афанасьева на Рыбнорядской улице. К обществу техников примыкало «Товарищество взаимопомощи польских рабочих».

Другим местом встреч поляков стал дом казанского поляка Матвиевского¹⁸⁸ на Воскресенской улице, получивший название «Дом польский». В 1917 г. в Казани действовало просветительское общество под таким названием («Польский дом»), которое содержалось на пожертвования местного населения. Так, 22 апреля 1917 г. в Новом клубе был организован показ польского спектакля «Цветут сирени» по пьесе Сигизмунда Пржибыльского. В антракте военный оркестр исполнял польский народный гимн, полонез и марсельезу. Прибыль от спектакля должна была поступить в пользу польских учащихся г. Казани и кассу общества «Польский дом»¹⁸⁹.

Именно в «Доме польском» размещалась редакция польского журнала «Przyszlose» («Будущее»), которая издавалась с весны 1918 г. В редколлегии журнала состояли эвакуированные профессора Максимилиан Хубер (Львов), Хенрик Мианковский (Краков), Збигнев Паздро (Львов), Максимилиан Каминский (Варшава), Алоиз Ванчура (Львов), Витольд Орловский и Казимир Станишевский

¹⁸⁶ Машковцев А.А. Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века. – Киров, 2015. – С.53.

¹⁸⁷ Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. – Казань, 2015. – С.172–173.

¹⁸⁸ В Казанской губернии был известен купец 1-й гильдии Лаврентий Арефьевич Матвиевский. Он родился в 1841 г. в Мариинском Посаде в купеческой семье. Занимался лесоторговлей. Являлся гласным Чебоксарского уездного земства, некоторое время был городским головой в г. Чебоксары. С середины 1870-х гг. переехал в Казань. По вероисповеданию Матвиевский был православным, с 1879 по 1917 г. выполнял обязанности ктитора Владимирского собора в Казани. Предприниматель был известен широкой общественной и благотворительной деятельностью. К началу XX в. считался одним из самых состоятельных людей г. Казани. У Л.А. Матвиевского было 2 сыновей (Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р., Хайрутдинова Л.Ф. Очерки истории Национального банка Республики Татарстан. – Казань, 2000. – С.49–50).

¹⁸⁹ Камско-Волжская речь. – 1917. – 22 апреля. – №86.

(Казань). Редактором являлся Леон Ференцевич, а секретарем – Казимир Вязовский. Журнал стал продолжением культурной работы, начавшейся еще до революции и продолжавшейся уже после февраля 1917 г. В частности, одним из направлений деятельности польской интеллигенции стала работа по выявлению и сохранению польского историко-культурного наследия за пределами Польши, в районах эвакуации.

Так, А.Ванчура составил каталог рукописей и книг по польской истории, хранящихся в библиотеках Казанского университета и Казанской духовной академии. С обнаруженных документов по истории Польши ученым были сняты копии. Помимо документальных материалов польскую общественность интересовали предметы искусства. Так, в Казани была найдена картина, принадлежащая перу польского художника XIX в. Яна Матейко. Немало культурных ценностей оказалось во внутренних губерниях России в годы войны. Например, во время эвакуации из Польши были вывезены костельные колокола. В Казани они хранились в артиллерийских складах в Адмиралтейской слободе. Активисты-поляки в 1917 г. произвели опись колоколов. Но после взрыва на Пороховом заводе доступ к ним был затруднен¹⁹⁰.

Летом 1917 г. органы власти Казанской губернии получили сообщения о планируемой отправке новых партий беженцев. В условиях продовольственного кризиса и обстоятельств военного времени в центр страны направлялось население Петрограда. Временное правительство запретило въезд в Петроград и было принято решение об освобождении столицы от части населения¹⁹¹. Между тем, на местах встретили эту весть настороженно. 24 августа 1917 г. в Петроград была направлена телеграмма о том, что Казань не может принять ни эвакуированные учреждения, ни частных лиц¹⁹².

28 августа 1917 г. в Казанской городской управе состоялось заседание имеющейся при управе комиссии, которая рассматривала вопросы о возможности принятия в Казань эвакуируемых учреждений и частных лиц. Комиссия пришла к выводу, что «за предыдущие два года Казань и без того переполнена пришлым элементом». Кроме того, после августовского взрыва на Пороховом заводе и городского пожара в Казани очень остро стоял жилищный вопрос. Как возможное место для размещения новых беженцев комиссия указала на городские театры, хоть они и не были приспособлены для жилья¹⁹³. В сентябре 1917 г. казанский губернский

¹⁹⁰ Субаев Н. Польский журнал в Казани // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1996. – №3/4. – С.226–228.

¹⁹¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.118. Л.1–2.

¹⁹² НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.118. Л.8.

¹⁹³ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.118. Л.5.

комиссар дал распоряжение произвести обмер и составить план для нужд Временного правительства домов, принадлежащих Дворянскому собранию, Учительскому институту, Новому клубу. Аналогичные мероприятия должны были провести и в некоторых частных домах на Грузинской улице (Илинского, Александра, Окошников) и доме Чепурина по Большой Красной¹⁹⁴.

Сообщении о новых беженцах еще больше расстроило руководителей уездных органов власти. Так, из Чебоксар 28 августа 1917 г. местные власти просили освободить их от этой нагрузки. Объяснялось это тем, что в Чебоксарском уезде был сильный недостаток продовольствия и предметов первой необходимости¹⁹⁵. К этому времени в Чебоксарском уезде проживало около пяти тысяч беженцев, что было намного выше количества эвакуированного населения в других уездах Казанской губернии¹⁹⁶.

Отказались принимать беженцев и в Лаишеве. Там 21 августа 1917 г. случился большой пожар, в котором сгорела 1/3 городских построек, поэтому абсолютно не было свободных жилых помещений¹⁹⁷. Схожий ответ был получен от козмодемьянского и царевкошайского уездных комиссаров, которые ссылались на отсутствие места для размещения и переполненность уезда беженцами, военными и гражданскими пленными¹⁹⁸.

В результате, на просьбу губернского комиссара о подготовке помещений для возможных беженцев откликнулись лишь власти Тетюшского и Цивильского уездов. Из Тетюшей сообщили, что в городе могут быть размещены от 500 до 800 беженцев, а в уезде до 800 человек¹⁹⁹. Цивильск оказался уже переполнен интернированными, иностранных военнопленных граждан в этом уездном городе насчитывалось 404 человека. Местные власти могли предоставить помещения для беженцев, лишь освободив школы. Поэтому в качестве места расселения было указано имение Курбатова, в селе Иванов, в пяти верстах от города. В Курбатовском поместье ранее содержались до двух сотен военнопленных²⁰⁰.

Власть Советов продолжила политику жесткой экономии средств, начатой еще в 1916 г. царским правительством. Беженцы окончательно уравнивались с местным населением. С этого времени была прекращена выдача социальных пособий. На них могли претендовать лишь нетрудоспособные беженцы, доказавшие свою

¹⁹⁴ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.118. Л.17.

¹⁹⁵ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.118. Л.23–23 об.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.118. Л.30.

¹⁹⁸ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.118. Л.31, 38.

¹⁹⁹ Там же. Л.37.

²⁰⁰ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.118. Л.39.

материальную несостоятельность и право на получение социальной помощи в комитетах бедноты²⁰¹.

Большинство беженцев мечтало о скорейшей реэвакуации. Заявления об отправке домой поступали уже в первой половине 1918 г. Например, проживавшие в д. Савино Царевококшайского уезда крестьяне из Холмской губернии Михаил Онух и Михаил Судак в июне этого года просили у Советов разрешения на отъезд за свой счет. При этом помимо мелкого груза у них имелись еще две лошади. Они просили выделить им товарный вагон²⁰². Но в условиях политического хаоса, развала системы управления и транспортного коллапса, такие просьбы оставались без внимания, а организация реэвакуации задержалась на несколько лет.

В мае 1918 г. была создана Казанская губернская коллегия о пленных и беженцах, в уездах начали работать ее филиалы. Курировал работу губернских коллегий Центропленбеж. Эта организация до начала 1920-х гг. занималась возвращением эвакуированного населения на родину. Несмотря на такие организационные мероприятия, некоторые беженцы пытались доехать до родных мест частным образом. Их попытки пресекались органами новой власти. В октябре 1918 г. Центропленбеж распространил распоряжение о запрете продажи пассажирских билетов в Вязьму и Смоленск. «Беженцы отправленные под видом пассажиров нарушают плановое движение и задерживают выполнение задач лежащих на Центропленбеже», – говорилось в телефонограмме. Власти предупреждали, что всех частных пассажиров-беженцев будут возвращать обратно на место эвакуации²⁰³.

В это время некоторые районы страны продолжали оставаться в зоне боевых действий²⁰⁴. Беженцы устанавливали связь со своими близкими, оставшимися на родине, и после получения сообщений о целостности домов и об освобождении территорий от сил неприятеля, отправляли прошения в органы власти. Например, в начале 1919 г. в Ульяновский волостной совет крестьянских депутатов Свяжского уезда поступило заявления от 26 глав семейств, проживавших в с. Ульянов. Все они были выходцами из Брестского и Кобринского уездов Гродненской губернии. Они писали о том, что за четыре года «надоели народонаселению своими просьбами в подавании куска хлеба», «а в последнее время само-то население стало нуждаться в продовольствии и не в силах больше содержать нас». Беженцы жаловались на невозможность трудоустройства, на

²⁰¹ НА РТ. Ф.Р-3009. Оп.1. Д.1. Л.17.

²⁰² НА РТ. Ф.Р-638. Оп.1. Д.20. Л.115.

²⁰³ НА РТ. Ф.Р-638. Оп.1. Д.20. Л.79.

²⁰⁴ НА РТ. Ф.3009. Оп.1. Д.1. Л.311.

недостатки в питании, на отсутствие одежды. «Донашиваем последние остатки», – отмечали они. Единственным их желанием было отправление на родину, тем более беженцы получили известия об освобождении местности²⁰⁵. Аналогичное заявление в это время поступило от беженцев, проживавших в д. Улановой той же Ульяновской волости. До эвакуации они проживали Брест-Литовском и Верховичском уездах Гродненской губернии²⁰⁶. 13 февраля 1919 г. похожее заявление было составлено от имени 82 беженцев из Татаркасинской волости Козмодемьянского уезда. «Беженцы оставлены на произвол судьбы в настоящее время», «пособия беженского не получаем уже второй год», – писали они²⁰⁷. Заявления с такими просьбами поступали из разных концов Казанской губернии. Просили о скорейшей отправке в родные места и имевшие постоянный заработок²⁰⁸.

В 1919 г. особенно активизировалась работа Казанской губернской коллегии Центропланбежа. Перед отправкой на родину беженцев помещали в специальные общежития – эвакуационные пункты. Согласно инструкции по эвакуации, предписывалась дезинфекция одежды и скарба беженцев, мытье в бане и прививка. В дорогу им разрешалось брать с собой 3 пуда багажа на человека и 1 пуд продовольствия. Беженцы могли проехать только по документам, выданным коллегией. Любые другие документы на право проезда считались недействительными²⁰⁹.

В Казани беженцы проживали в бывших гостиницах и военных бараках. В их числе были «Славянские номера» на Вознесенской, Владимирское подворье, номера «Кавказ», «Россия», «Метрополь», бараки 24-го запасного полка, дом Семиозерной пустыни²¹⁰, а также помещение на Лево-Булачной и дом Пекина на Право-Булачной улице. Практически во всех казанских общежитиях, за исключением бывших номеров «Метрополь», были абсолютно антисанитарные условия проживания. Выгребные ямы не чистились годами, в сырых, почти не отапливаемых помещениях постоянно стоял зловонный запах, кругом была грязь²¹¹. Ужасающий быт отражался, прежде всего, на здоровье детей. Вкупе с плохим питанием они становились первыми жертвами различных заболеваний. С февраля

²⁰⁵ НА РТ. Ф.Р-638. Оп.1. Д.132. Л.10–10 об.

²⁰⁶ НА РТ. Ф.Р-638. Оп.1. Д.132. Л.12.

²⁰⁷ НА РТ. Ф.Р-638. Оп.1. Д.132. Л.14.

²⁰⁸ НА РТ. Ф.Р-638. Оп.1. Д.132. Л.35.

²⁰⁹ НА РТ. Ф.Р-3009. Оп.1. Д.1. Л.9.

²¹⁰ Скорее всего, у монастыря имелось здание в Удельной слободе.

²¹¹ НА РТ. Ф.Р-638. Оп.1. Д.130. Л.15.

1919 г. в Казани на ул. К.Маркса, 62 работала амбулатория для беженцев, проживавших в общежитиях²¹².

В этот период организовывались различные трудовые артели, куда приглашали и беженцев. Но соглашались на трудоустройство не все. Например, из анкетированных 92 беженцев, проживавших в Казани, на временную занятость (до отправки домой) согласились 75 чел. Среди анкетированных были чернорабочие, грузчики, сапожники, портные, плотники, пекари, приказчики, крестьяне-хлебопашцы. Из опрошенных беженцев лишь 6 чел. согласились на постоянное трудоустройство и связывали дальнейшую жизнь с Казанской губернией. Из них лишь 2 человека были родом из западных губерний. Это 35-летний письмоводитель из Холмского уезда одноименной губернии Иван Хорук²¹³, 18-летняя чернорабочая из Бельского уезда Гродненской губернии Евдокия Хомонюк²¹⁴. Кроме них, надеялись найти постоянную работу в Казани семья письмоводителей Ивановых, эвакуированных из г. Оханска Пермской губернии и 15-летний чернорабочий Туров из Воткинских заводов Вятской губернии. Категорически отказались работать 11 чел., среди них были либо домохозяйки, либо хлебопашцы (11 чел.), которые мечтали о работе на земле только на родине²¹⁵.

Не соглашались идти работать в трудовые артели, сельскохозяйственные коммуны и беженцы в уездах. «Путем объезда некоторых волостей, я заметил, что некоторые беженцы желали бы остаться и получить землю, – отмечал представитель губернской коллегии В.Сухорученко, изучивший положение беженцев в Чистопольском уезде в апреле 1919 г. – На мое предложение записаться в сельскохозяйственную коммуну, не смотря на то, что им гораздо будет легче работать, они отвечали категорическим отказом и вместе с тем боятся брать землю по одиночке, мотивируя тем, что если мы возьмем барскую землю и придут белые и все равно отберут, а если взять общественной земли, то крестьяне им жить не дадут. Отношение местного населения к беженцам враждебное...»²¹⁶.

Он отмечал тяжелое положение беженцев, большинство голодало, дети умирали от недостаточного питания и не посещали школы. Кроме того, проверяющий подчеркивал конфликты беженцев с местным населением²¹⁷. В Чистопольском уезде весной 1919 г. насчитывалось до 8 тыс. беженцев, из них в самом Чистополе проживало свыше 2 тыс. чел. В городе они могли заработать,

²¹² НА РТ. Ф.Р-638. Оп.1. Д.132. Л.16.

²¹³ Там же. Л.86.

²¹⁴ Там же. Л.87.

²¹⁵ Подсчитано нами: НА РТ. Ф.Р-638. Оп.1. Д.132. Л.1-92.

²¹⁶ НА РТ. Ф.Р-638. Оп.1. Д.130. Л.26.

²¹⁷ НА РТ. Ф.Р-638. Оп.1. Д.130. Л.7.

кроме того безработные получали социальное пособие, а нетрудоспособные и инвалиды помещались в доме престарелых и детских приютах²¹⁸. Между тем положение беженцев в сельской местности оставалось плачевным, в деревнях не было никакой работы, социальная помощь оказывалась не во всех волостях²¹⁹.

В.Сухорученко сокрушался над тем, основная масса беженцев неграмотная и среди них не проводилось никакой агитационной работы в пользу новой власти. «В общем настроение беженцев к Советской власти сочувственное, но к происходящим событиям – выжидающее. Не довольствуются только тем, что их долго не отправляют на родину», – отмечал он в своем докладе. Поэтому на 22 апреля 1919 г. было запланировано проведение «Дня беженца»²²⁰.

Недовольство местного населения беженцами он связывал с позицией представителей власти на местах. Они заявляли, что беженцы приравнены к обычному населению и оказание помощи эвакуированным не считали своей обязанностью. Это отношение было распространено в волостных и сельских советах²²¹.

Такое поведение местного населения и представителей органов власти вынуждало беженцев предпринимать попытки отъезда без соответствующих документов. Некоторые исполкомы поощряли отъезд беженцев. Например, в мае 1919 г. беженцы из Спасского уезда заявляли, что готовы отправиться домой своим ходом, «лагерем», «дабы избежать всякого рабства и гнета»²²². Но подобная активность эвакуированных создавала лишь дополнительные трудности для Центропленбежа. Весной 1919 г. по губерниям была разослана телеграмма из Наркомата внутренних дел, где напоминали о категорическом запрете на неорганизованную перевозку беженцев из-за ограниченных возможностей железных дорог. Рекомендовалось беженцев «всячески стараться задерживать на местах»²²³.

Исход беженцев Первой мировой войны продолжался до начала 1920-х гг. Например, к 1920 г. население Удельной слободы г. Казани, где проживали беженцы, по сравнению с 1917 г., сократилось более чем на 3,5 тыс. человек²²⁴. Казанская губернская коллегия о пленных и беженцах была реорганизована в апреле 1920 г. в Казанское губернское управление по эвакуации населения. Организация была ликвидирована лишь в конце 1921 г.

²¹⁸ НА РТ. Ф.Р-638. Оп.1. Д.130. Л.26.

²¹⁹ Там же. Л.8.

²²⁰ НА РТ. Ф.Р-638. Оп.1. Д.130. Л.26 об.

²²¹ НА РТ. Ф.Р-638. Оп.1. Д.130. Л.27.

²²² НА РТ. Ф. Р-3009. Оп.1. Д.1. Л.303.

²²³ Там же. Л.322.

²²⁴ Население г. Казани. 1863–1923. – Казань, 1923. – С.18–19.

**4.3. «Совсем не заслужил на таковое
выселение, я мирный житель...»:
положение интернированного населения**

В ходе Первой мировой войны в городах и уездах Казанской губернии наряду с беженцами и военнопленными появилась такая категория лиц, как интернированные. Ими стали подданные стран, против которых велись военные действия, но которые проживали в Российской империи. Положение представителей этой группы регламентировалось «Временными правилами для военнообязанных, водворенных в Казанской губернии»²²⁵. Поскольку иностранные граждане рассматривались как потенциальная угроза безопасности государства, потому что могли заниматься шпионажем, вести подрывную деятельность внутри страны и даже выступить с оружием, то они оказались объектом пристального внимания со стороны властей.

С началом войны подданные «вражеских государств» были интернированы из западных губерний, находившихся непосредственно у линии фронта, во внутренние районы страны. Невзирая на семейное положение, возраст и социальный статус человека, переселенцы обязаны были, бросив все, оставить родной город. Нередко случалось так, что у держателя иностранного паспорта жена, дети и другие родственники являлись российскими подданными. Соответственно им позволялось не покидать место проживания, в то время как глава семьи подлежал интернированию. Так, например, произошло с германским подданным Иоганном Горном, водворенном в селе Молвитино Костромской губернии. В то время как вся его семья продолжала жить в Терской губернии. Когда же сыну Горна исполнилось 16 лет, то он также был принудительно выселен, но не к отцу, а в Казанскую губернию. Тем самым юноша был брошен на произвол судьбы. «Сколько скорби и заботы приносит это расторжение с родным сыном! – с отчаянием писал Горн о своих моральных переживаниях казанскому губернскому комиссару Временного правительства. – Он мог бы нам оказать и материальную помощь, работая здесь в сельскохозяйственном деле»²²⁶. Супруга Горна с остальными детьми, неспособная самостоятельно добыть средства к существованию, переехала к Иоганну, а старший сын как германский подданный так и не сумел воссоединиться с родными²²⁷.

Разлука несовершеннолетних с семьей была особенно трагичной, так как помимо оставления дома и родителей, детям приходилось терпеть тяготы, связанные с неспособностью трудоустроиться.

²²⁵ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 76.

²²⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 91–91 об.

²²⁷ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 91 об.

Выселенный в Тетюши 16-летний житель Минска Погоржельский Станислав не владел никакими профессиональными навыками и нуждался в материальной поддержке. Он просил о разрешении ему совместного проживания со старшим братом, который с 1915 г. был интернирован в Харьков, где занимался слесарным мастерством и мог обеспечить пропитанием и жильем не только себя, но и нуждавшегося родственника²²⁸.

Прежде чем пленные оказывались в Казанской губернии, они успевали пожить в других районах страны. Поляк Александр Владимирович Гниевш, владевший имением Злоты Поток в Бучацком уезде в Галиции, в июне 1915 г. выехал в Киев, а с ноября того же года жил в Свяжске²²⁹.

Среди ссыльных находились политически неблагонадежные или подозреваемые в преступной деятельности люди. Например, в Лаишеве был поселен 26-летний поляк А.С. Пиотровский. Живя в Варшаве и не имея определенных занятий, он вел на окраине города картежную игру, вовлекая в нее проходящих в одиночку военных²³⁰. Еще один молодой человек, дворянин из города Юрьева, как убежденный германofil был выслан в селение Морки. Находясь в административной ссылке вместе с неблагонадежными людьми, иностранцев переполняла обида на власти. «Совсем не заслужил на таковое выселение, – писал 55-летний германский подданный Иосиф Гамбич о своем водворении в Лаишеве, – я человек благородный, мирный житель, мастеровой каменщик, в шпионстве не замечен»²³¹.

По прибытии в губернский или уездный город Казанской губернии иностранные подданные обязаны были явиться в полицейское управление для предъявления документов. Тех же, у кого не было денежных средств на транспортные расходы, отправляли «этапным порядком». На каждого выдавалась особая книжка, заменявшая вид на жительство, а документы о личности передавались на хранение в местной полиции. Таким способом прибывшее лицо становилось на учет.

Для удобства надзора за прибывшими их селили в определенной части города, удаленной от центра, или в домах, указанных начальником полиции. Внутри уезда – по указанию начальника полиции. Интернированными и другими группами пришлое население в Казанской губернии были переполнены четыре города – Чистополь, Свяжск, Цивильск, Мамадыш. Поскольку города не вмещали всех прибывающих, то местные власти с разрешения губернатора на-

²²⁸ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 46.

²²⁹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1032. Л. 129.

²³⁰ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.

²³¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 29.

правляли их на жительство в окрестных селениях. Так, еще в конце 1915 г. всех направляемых в Свияжск стали размещать сначала в селе Введенское в 30 верстах от города, а затем – в деревне Петропавловской слободе и выселке Шевлягином. В самом городе к этому времени находилось 229 военнообязанных и их семей²³².

До определения места поселения гражданские пленные находили временное жилье по своему усмотрению. Часто они останавливались на центральных улицах города, хотя и запрещалось снимать лучшие номера и гостиницы. В первой части Казани интернированные занимали номера Щетинкина на углу Большой-Проломной и Гостинодворской улиц, купеческие номера на Большой Проломной, во второй части города – номера «Свет» на Владимирской, Кавказские номера близ вокзала, гостиницу «Казань» на Поперечно-Мокрой²³³. Так, к примеру, 40-летний австрийский подданный Павел-Август-Фридрих Дитрих остановился на углу Мочальной площади и Ново-Троицкой улицы в номерах Ашаева²³⁴.

Бытовые трудности стали главной проблемой в повседневной жизни гражданских пленнх. Жалобы и просьбы касались дороговизны продуктов продовольствия, плохих санитарных условий, отсутствия подходящей работы, разлуки с женами и детьми, оставшимися без отцовского воспитания²³⁵. Не все выдерживали резкую смену жительства, сопровождавшуюся испытаниями уже на новом месте. Так, германский подданный православного вероисповедания Василий Барт был выслан в Уфимскую губернию, откуда ему разрешили вернуться в Харьков, но уже через 7 месяцев в ноябре 1915 г. был выслан вторично – в Цивильск. «Все перенесенные лишения и мытарства довели меня до туберкулеза, – констатировал он в своем ходатайстве. – При усиленном питании и улучшенном уходе за мной, я мог бы еще значительно дольше прожить, но все это в городе Цивильске неосуществимо...»²³⁶. Через четыре месяца Барт скончался²³⁷.

Интернированные получали материальную помощь из Австро-Венгерского (до 1917 г.), Шведского и Датского консульств, из Американского генерального консульства. Кроме того, существовали различные общественные организации, как, например, Минское общество вспомоществования бедным евреям и другие. Для распределения помощи, поступавшей от консульств, в каждом городе был образован комитет с участием одного германского и австрийского подданного и чиновника полиции. По данным на 1917 г.,

²³² НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1032. Л. 22.

²³³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 921. Л. 2, 3 об.

²³⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 921. Л. 1.

²³⁵ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1219. Л. 44, 80.

²³⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 111.

²³⁷ Там же.

только по Мамадышскому уезду от Американского генерального консульства поступило 180505 рублей 50 копеек, из них 163535 рублей было выдано германским гражданам, 16970 – австрийским. От родственников было получено и выдано 42820 рублей 64 копейки, ценных посылок поступило на сумму 1937 рублей 70 копеек²³⁸. Но помощь, как следует из жалоб интернированных, была чисто символической, и ее не хватало даже на еду. Ежемесячное пособие составляло по 25 рублей на взрослого немца и 10 – на ребенка, австрийские подданные получали по 12 и 6 рублей соответственно, еще по 7 рублей на человека получали австрийские евреи²³⁹. Отдельно от этих сумм выдавались деньги на лечение, прогоны, крестины, а также поступали переводы от родных. Экстремальные условия жизни, в которых оказались интернированные, вызывали проявление агрессии даже по отношению к представителям иностранных консульств. Так, при получении ежемесячного пособия несколько германских подданных обозвали делегатов жуликами и ворами. И даже пытались задержать одного из агентов за то, что он якобы украл деньги, подлежащие раздаче. Только благодаря вмешательству правоохранительных органов удалось уладить дело без дальнейших эксцессов²⁴⁰.

Гражданским пленным, с целью добычи средств к существованию, дозволялось заниматься ремеслом, поступать на частную службу или сельскохозяйственные работы, но с разрешения начальника полиции и под ответственность нанимателя. Так, землевладелец Евгений Александрович Мясников взял к себе в имение «Золотое Дно» Чистопольского уезда двух военнообязанных для садовых работ, посева и уборки хлебов²⁴¹. В имении наследников И.Я. Молоткова при селе Кулаево Казанского уезда машинистом служил германский подданный, специально переведенный сюда из Царевококшайского уезда²⁴². Интернированные также находились в имениях Чельшовой (1 маслодел, с сентября 1914 г.) и Корсакова (2 чернорабочих, с июня 1916 г.)²⁴³. Известны случаи удачного трудоустройства. Например, австро-венгерский подданный М.К. Грабок с 7 ноября 1915 г. был ассистентом в Энгельгардтовской обсерватории²⁴⁴. Из сочувствия к положению, в котором оказались иностранцы, еще до войны воспринимавшиеся как сограждане, некоторые жители брали их к себе в дом. Например, казанский домовладелец П.П. Зарубин

²³⁸ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1219. Л. 419.

²³⁹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 112. Л. 16.

²⁴⁰ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 86. Л. 60.

²⁴¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 59.

²⁴² НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1308. Л. 108.

²⁴³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 115. Л. 65–65 об.

²⁴⁴ Там же.

нанял к своим детям в качестве гувернантки германскую подданную Аделаиду Шульц. А летние каникулы вместе с этой семьей она провела в деревне в Чебоксарском уезде²⁴⁵.

Среди выходцев из западных губерний страны было немало специалистов, которые не могли устроиться по профессии. Например, австрийский подданный Михаил Модестович Крыжановский, живший ранее в Киевской губернии и служивший на местном сахарном заводе электротехником, после ссылки в Лаишев оказался не востребованным²⁴⁶. Но были и другие случаи, когда работники нужны были, но их просто не разрешали нанимать. Так, чистопольский уездный исправник в своем рапорте сообщал, что в числе военнообязанных австрийских и германских подданных, прибывавших на жительство в Чистополь, были лица, обладавшие специальными знаниями – агрономы, врачи и другие. И один из них на днях был принят Чистопольской городской управой на службу в качестве медицинского фельдшера. Однако губернатор ответил, что принятие военнообязанных на службу в правительственных учреждениях и у должностных лиц недопустимо²⁴⁷.

Одного лишь поручительства работодателя, как оказывалось, было недостаточно. От кожевенного заводчика Василия Григорьевича Шабанова на имя губернатора поступила просьба выслать к нему в Москву для осмотра покупаемого им катка для кож грека И.П. Мильтоса. Но это ходатайство не было удовлетворено²⁴⁸. Двух германских женщин пригласили на суконную фабрику, переведенную из города Белосток Гродненской губернии в Москву. Еще до эвакуации они работали на этом предприятии, но их не отпустили²⁴⁹.

Если же дело касалось оборонных предприятий, то власти разрешали нанимать иностранных военнообязанных. Например, на жительство в Чистополе были оставлены 4 австрийских и 10 германских подданных, зарекомендовавших себя как незаменимые специалисты по изготовлению военного снаряжения²⁵⁰. Такое же разрешение получил мещанин из города Околицы Лемешевич Абель Мовшевич Иошпа. Будучи специалистом по выделке овчины, он был принят на Казанский овчинный завод торгово-промышленного товарищества «М.М. Гликин и Братья», изготовлявший полушубки для нужд армии²⁵¹. Вероятно, это было связано с острой нехваткой квалифицированных работников в оборонной сфере.

²⁴⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 91. Л. 12.

²⁴⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 87.

²⁴⁷ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 12.

²⁴⁸ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 197.

²⁴⁹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1032. Л. 251.

²⁵⁰ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 28.

²⁵¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1032. Л. 38.

Трудности, с которыми сталкивались иностранцы в поисках пропитания, вели к тому, что чаще всего приходилось наниматься чернорабочими и земледельцами. Так, артист драматического театра Фердинанд Иванович Гаузер занимался тяжелым физическим трудом, в том числе перетаскиванием грузов и пр.²⁵²

Перенаселение внутренних районов империи ухудшало условия жизни местных граждан – росли цены на продукты первой необходимости, квартиры и т.п. К примеру, в 1917 г. в Лаишевском насчитывалось 622 неприятельских подданных, из них 129 детей до 12 лет, в Мамадышском – 756 взрослых и 211 малолетних²⁵³. С увеличением количества прибывающих усиливалось недоброжелательное отношение к ним. Председатель Царевококшайского уездного комитета общественной безопасности возмущался: «Неприятельские подданные находятся в лучшем положении, чем местное население, особенно солдаты-беженцы. Чиновники удивляются заботам в первую очередь о врагах отечества и считают необходимым напомнить о нужде беженцев, солдаток...»²⁵⁴. Поэтому местные власти иногда совершенно не учитывали нужды интернированных. Под давлением жителей в марте 1917 г. Тетюшский комитет общественной безопасности ограничил военнообязанных и военнопленных в покупке товаров и продуктов. На базарах дозволялось покупать продукты только после 11 часов утра²⁵⁵. Мануфактуру и обувь им не продавали до августа 1917 г. Была избрана комиссия для выработки нормы потребления военнообязанных²⁵⁶. Местные интернированные, посчитав такие условия неисполнимыми, избрали комиссию, которая должна была объяснить комитету, что это постановление грозит им голодом. Когда КОБ не принял во внимание этих доводов, гражданские пленные заявили о неподчинении приказу, и что будут обходить его «всеми правдами и неправдами»²⁵⁷. В обход введенного запрета стала осуществляться тайная торговля. Например, был пойман австрийский денщик, закупавший яйца в частном доме²⁵⁸.

На время ссылки свобода передвижения иностранных подданных ограничивалась. Для кратковременных поездок в пределах губернии до 7 дней требовалось разрешение начальника полиции (до упразднения этой должности в марте 1917 г.). При незаконных отлучках беглецы подлежали водворению обратно. Так, в декабре 1915 г. германская подданная Екатерина Александровна Вилле са-

²⁵² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 91. Л. 180.

²⁵³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 112. Л. 16, 22.

²⁵⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 112. Л. 23.

²⁵⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 302.

²⁵⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 302 об.

²⁵⁷ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 30. Л. 469 об.

²⁵⁸ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 305.

мовольно уехала из Свяжска, чтобы перебраться в Калугу. В Казани она была задержана и возвращена в Свяжск²⁵⁹.

При рассмотрении ходатайств об отлучках немаловажное значение играло вероисповедание человека. Например, турецкий подданный Сергей Левкопуло незамедлительно получил паспорт для выезда с драматической труппой в город Сарапул Вятской губернии, поскольку он был христианином²⁶⁰. Известен и прямо противоположный пример, когда по религиозному признаку даже русского подданного выслали в Казанскую губернию. Так произошло с пастором из Эстляндской губернии. Приказ о выбытии без разъяснения причин он получил в марте 1915 г. Свою ссылку он связывал с тем, что при его участии была создана церковно-приходская школа с преподаванием на немецком языке, и на этой почве недруги сеяли против него недоверие. Только по амнистии Временного правительства от 6 марта 1917 г. с него были сняты административные ограничения²⁶¹. В письме к своему брату он с радостью писал об этой радостной весте: «Дорогой брат! Сегодня утром я прибыл в Ревель. На основании амнистии меня освободили. [...] обязательно освободят и тебя. Иди с прошением в Казанский Временный комитет. Мне выдали паспорт и свидетельство о моем освидетельствовании, но нигде их с меня не требовали. – Нельзя оспаривать, чтобы амнистия и касалась тебя»²⁶².

К середине 1917 г. заметна тенденция на удовлетворение прошений об отлучках или даже смене места жительства по состоянию здоровья. Например, Елена Брониславовна Завадская на 10 дней выехала из Казани в Москву для сопровождения больной матери на лечение²⁶³. А в июне 1917 года австрийские граждане В.Э. Брюллер и Л.И. Эдингер получили разрешение на переезд в Свяжск из Цивильска, болотистая местность которого на протяжении двух лет приводила к заболеванию малярией²⁶⁴. Иностранцы абитуриенты беспрепятственно получали разрешения на переезд в Казань. Поляк Станислав Казимирович Гасинский в августе 1917 г. отправился в губернскую столицу для поступления на юридический факультет Казанского Императорского университета²⁶⁵. Австрийская подданная Надежда Вячеславовна Янак получила от губернского комиссара

²⁵⁹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1032. Л. 9, 11.

²⁶⁰ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 151, 153.

²⁶¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1250. Л. 4–5.

²⁶² Там же. Л. 6.

²⁶³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 136.

²⁶⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 92. Л. 6.

²⁶⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 97.

Временного правительства удостоверение о допущении ее в государственную испытательную комиссию в том же университете²⁶⁶.

Тем не менее, даже после объявления амнистии большинство просьб о переезде оставались без удовлетворения. Бюрократические препоны власти использовали с целью подстраховаться и никого из иностранных подданных не выпускать за пределы губернии. Даже если человек представлял справку о медицинском освидетельствовании, в которой признавалась его непригодность к военной службе, выяснялось отсутствие у просителя технических познаний, при наличии поручительств хотя бы двух лиц в лояльности и преданности к России, уплаты гербового сбора и пр. При соблюдении всех необходимых условий администрация все же находила причины для отказа просителю. Например, Иоганну Гардеру, желавшему переехать из Тетюш в город Солигалич, отказали по причине продовольственного кризиса в Костромской губернии²⁶⁷.

Надежды, которые интернированные связывали с новой властью в лице Временного правительства, прежде всего, касались свободы передвижения. Цеховой Карл Иванович Мессер на протяжении 37 лет жил в Казани. С началом войны он подал прошение о приеме в русское подданство. Жена имела русское гражданство, а сыновья, как и он, по документам были иностранцами. Как германские подданные они были высланы в Вятскую губернию. На новом месте выпускники 2-го реального училища не смогли трудоустроиться и сильно бедствовали. После Февральской революции 1917 г. старший Мессер просил за своих сыновей, чтобы им позволили вернуться в Казань. Но ходатайство было отклонено²⁶⁸. В октябре 1917 г. в Чистополь были водворены 44 человека, среди них старики, 12 женщин и 3 ребенка. От них сразу же стали поступать прошения об освобождении от административной ссылки. Но удовлетворительный ответ так и не был получен²⁶⁹. А когда общественный раввин Казани Е.Г. Лейкин стал просить губернского комиссара разрешить евреям-галичанам свободно перемещаться по губернии, тот дал ему разъяснение, что разрешение для переезда из одной местности в другую для военнообязанных иностранцев входит в компетенцию губернского комиссара, причем, если испрашивается разрешение на переезд в другую губернию, разрешение дается по соглашению с губкомиссаром другой губернии. А к евреям-галичанам применяются те же правила, что и ко всем интернированным²⁷⁰.

²⁶⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 91. Л. 63.

²⁶⁷ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 125.

²⁶⁸ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 49.

²⁶⁹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1333. Л. 79, 81.

²⁷⁰ НА РТ. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

Для военнопленных и военнообязанных вводились ограничения по выходу на улицу из своих квартир – не позднее 7 часов вечера зимой и не после 8 – летом. В некоторых населенных пунктах эти меры могли быть ужесточены местным комитетом общественной безопасности. К примеру, в Тетюшах появление на улицах разрешалось только с 8 часов утра и до 5 часов вечера²⁷¹. Также запрещалось посещать клубы, общественные собрания, театры, кинематограф и рестораны, ездить по губернии на пароходах и поездах первого класса.

Из-за притеснений, которым подверглись иностранные подданные, некоторые задумались над сменой гражданства и вероисповедания. Так, 25-летний поляк римско-католического вероисповедания Юзеф Ледовицкий за 9 месяцев пребывания в Чистополе принял православие²⁷². Если религиозная переориентация не вызвала трудностей, то получить российское подданство в военное время стало невозможным. Например, Иван Кузьмич Бондарь, достигнув совершеннолетия, стал хлопотать о переходе из германского подданства в русское. С его слов, 21 ноября 1914 г. ему объявили, о том, что его ходатайство может быть удовлетворено, однако он вовремя не исполнил обряд²⁷³.

По прибытии интернированных в губернию особое внимание обращалось на багаж, ценные вещи, письма и книги. Их также досматривали, о чем делались соответствующие пометки в книге полицейского управления, а обнаруженные золотые монеты обменивались на кредитные билеты²⁷⁴. В последующем входящая корреспонденция поступала из почтово-телеграфного учреждения к полицейскому надзирателю или заведующему военнообязанными для предварительного просмотра. Вся переписка должна была быть только на русском языке, иностранные письма направлялись к начальнику полиции и переводились. А с марта 1917 г. проверку осуществлял начальник милиции. Доступ в помещения почты, телеграфа, телефона запрещался²⁷⁵. С осени 1917 г. все посылки, адресованные военнообязанным, подлежали передаче почтовым ведомствам в ближайшие таможи для досмотра и начисления пошлин на общем основании. Такие посылки могли быть выдаваемы по назначению лишь по оплате их причитающимися пошлинами, с соблюдением всех общеустановленных правил. А вот посылки военнопленных с

²⁷¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 302.

²⁷² НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1219. Л. 244.

²⁷³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 72.

²⁷⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 76.

²⁷⁵ Там же. Л. 76 об.

этого времени не подвергались досмотру, для них был сохранен лишь цензурный досмотр²⁷⁶.

Все военнообязанные должны были вести себя прилично²⁷⁷, в обращении с населением вежливо и неукоснительно подчиняться всем требованиям полиции и дважды в неделю являться в участок для регистрации. Вместе с тем, некоторые подданные все же вели подозрительный образ жизни, лишняя раз привлекая к себе внимание полиции. Так, австрийский подданный Сигизмунд-Андрей Владиславович Коржениовский, проживавший в городе Виннице Подольской губернии, как неблагонадежный был выслан в Казанскую губернию с семьей²⁷⁸. Его жену часто посещали разные личности, с которыми она вела себя конспиративно, и сама часто отлучалась под предлогом необходимости давать уроки английского. Вокруг них упорно группировались соотечественники, замечалось также враждебно недружелюбное отношение к русским²⁷⁹.

Иностранным подданным запрещалось общаться с местным населением. И сами жители следили за тем, чтобы никто из их соотечественников не вступал в контакт с гражданскими пленными. К примеру, в 1917 г. на имя мамадышского уездного исправника стали поступать от населения сведения о том, что русская подданная Мария Андреевна Костроминская сожительствует с немцем Георгием Беренсем и получает от него содержание. А тот, в свою очередь, живет в хороших номерах татарина Шагиахметова. В ходе дознания выяснилось, что живет Беренс в неудобном помещении, окна которого выходят на выгребную помойную яму, а Костроминская еще до войны стала его невестой, а потому приходила разделить с ним обед. И хотя запрет на общение с военнообязанными неприятельскими подданными действовал только в период с 30 марта 1915 г. до 12 августа 1916 г., Беренсу было предписано подыскать в течение четырех дней другую квартиру. Мотивировано это было тем, что его проживание с русской гражданкой порождает у населения разные подозрения и чувство брезгливости из-за общения с врагом России²⁸⁰.

Поскольку с августа 1916 г. запрет на общение с иностранными подданными перестал действовать, то стали поступать прошения и о совместном с ними проживании. Еще в сентябре 1916 г. германскому подданному Матвею Осипову Шкультетти не было разрешено выехать из Свяжска в Казань для лечения зуба²⁸¹. Уже январе 1917 г. он смог переехать в город Богучар Воронежской губернии к своей

²⁷⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 213.

²⁷⁷ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 76.

²⁷⁸ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 921. Л. 87.

²⁷⁹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 921. Л. 87 об.

²⁸⁰ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1219. Л. 370–370 об.

²⁸¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1032. Л. 220 об.

теще – мещанке Варваре Ивановне Гуляевой²⁸². В Царевококшайском уезде в 1917 году случился целый парад свадеб между иностранными подданными и представителями местного населения²⁸³.

В основном, как показывают статистические данные, интернированные соблюдали наложенные на них ограничения, и каких-либо серьезных правонарушений не было. Так, из 835 военнообязанных, находившихся в Мамадыше с момента войны и до 1 января 1917 г., были привлечены к ответственности за самовольный отъезд – 4 человека, за кражу – 4, за оскорбление императора – 1 (приговорен к 8-летнему наказанию на каторжных работах), за пьянство – 3, за самовольную сдачу на почту посылки – 1, за появление на улице после установленного часа – 5²⁸⁴.

В иностранных подданных видели возможных шпионов, а потому им запрещалось выписывать газеты, журналы, карты военных действий без особого разрешения начальника полиции²⁸⁵. Тема шпионажа достаточно часто фигурировала в официальной переписке, однако реальных фактов подтверждения в документах по Казанской губернии мы не встретили. 25 июля 1917 г. губернские, областные и городские комиссары были оповещены о создании находящимися в России германскими агентами особой организации. Ее цель заключалась в отправке в Германию через Финляндию возможно большего числа годных к военной службе военнопленных и военнообязанных. Последние снабжались подложными шведскими паспортами и затем направлялись через Петроград в Финляндию и далее за границу в Стокгольм²⁸⁶. Пристальное внимание было обращено к делегатам иностранных консульств, которые, по некоторым сведениям, передавали поддельные документы²⁸⁷.

Преследованиям подверглись даже представители нейтральных государств. Китай до августа 1917 г. не присоединялся ни к одной из воюющих сторон, но после объявления войны китайский подданный Михаил Федорович Кау-Тень-Чжи с женой и детьми был арестован в станице Темиргоевской Кубанской области и препровожден в город Майкоп, а затем в Казанскую губернию в Царевококшайск. Здесь он держал цирк, столовую и хлебопекарню. За четыре года он прожил все заведения, наличный капитал и даже белье и одежду, оставшись ни с чем. Не будучи способным к физическому труду по

²⁸² НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1032. Л. 102.

²⁸³ Комелина Л.Н. Первая мировая война и город Царевококшайск (по материалам Музея истории города Йошкар-Олы) // Запад – Восток. Научно-практический ежегодник. – 2014. – №7. – С. 134.

²⁸⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1219. Л. 418 об.–419.

²⁸⁵ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 77.

²⁸⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 161.

²⁸⁷ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 89. Л. 1, 8.

причине 53-летнего возраста и расстроенного здоровья, он не мог заработать средства на жизнь. Не являясь военнообязанным какой-либо из воюющих держав, Михаил просил освободить от ссылки и обеспечить семью пособием на четыре человека²⁸⁸.

Полных сведений о том, как гражданские пленные встретили Октябрьскую революцию, нет, имеются только единичные примеры. В частности, австрийский подданный Элик Борисович Шверт-Фингер, проживавший в Царевококшайске, пытался разузнать, как примкнуть к большевистскому движению: «[...] ввиду [...] попытки контрреволюции Россия нуждается в искренних защитниках свободы и революции. Многострадальный российский пролетарий не знает как обратиться и к кому примкнуть в данное время, чтобы улучшить будущую жизнь ибо не везде есть большевистские агитаторы. Товарищи солдатские и крестьянские депутаты, я рабочий и верьте воистину моих слов. После 1905 г. при народном восстании в Кишиневе, я остался круглой сиротой. Нужда заставила меня при 12-летнем возрасте идти к богатым людям работать. Много горя, мук и нужд пришлось мне встретить в своей жизни, пока я научился работать. По открытии войны в 1914 г. в августе-месяце я был сослан царским правительством как австрийский подданный из города Кишинев в город Царевококшайск [...]»²⁸⁹.

Но хотя большевики и были противниками войны, в конце 1917 и начале 1918 г. милиция продолжала разыскивать интернированных, нарушивших выездной режим. Так, в декабре 1917 был объявлен в розыск исчезнувший из Чистополя еще в июле журналист, член австрийского парламента Михаил Константинович Петрицкий. Он отправился в Казань на семь дней, по слухам, с просьбой о выезде в город Колеченцы Львовского уезда, но так и не вернулся²⁹⁰. Исчезали даже целыми семьями, как Георгий Бартов и Генрих Царн с женой и детьми²⁹¹.

В Казанской губернии иностранные подданные жили и до Первой мировой войны. Многие из них родились и выросли в губернии, окончили местные учебные заведения, состояли в браке с местными гражданами. Большинство из местных подданных других держав были рабочими и земледельцами, но также встречались служащие банка, литейщики, сапожники, монтеры, лесничие, бухгалтер, кассиры, гончары, булочники, кондитеры, мечники, кафельмейстеры, преподаватели.

²⁸⁸ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 89. Л. 92–92 об.

²⁸⁹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 88. Л. 149.

²⁹⁰ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

²⁹¹ Там же. Л. 12.

Живя в России, некоторые иностранцы принимали крещение и русские имена, но записанные в метрических книгах как подданные других государств, они проживали по билетам. Последние содержали подробные сведения о личности человека – место рождения, вероисповедание, возраст, профессия, семейное положение и даже могло быть описание его внешности – роста, цвета волос и глаз, формы носа, бровей, рта, подбородка. По истечении сроков билетов следовало обратиться в канцелярию губернского комиссара (губернатора – до 1917 года) по месту жительства, представив прежний документ вместе с национальным паспортом. За просрочку билетов следовало денежное взыскание²⁹².

С началом войны статус иностранцев, живших в Казанской губернии, изменился, – как и выходцы из западных районов России, они оказались на положении интернированных. Особенно много в Казани и уездах было граждан Османской империи, количество которых продолжало расти. Ко времени вступления в войну турецкого султана в губернии проживали 28 подданных этой страны, которые тут же были интернированы²⁹³. Так, 17-летний житель Казани Мемед-Хали был отправлен в город Ветлуга Костромской губернии²⁹⁴. Османских граждан, которые постоянно жили в губернии и по возрасту не подходили под категорию военнообязанных, не ставили в те строгие условия, как других интернированных. Судя по всему, это объясняется тем, что среди них были и татары, в конце XIX в. эмигрировавшие в Османскую империю, но вернувшиеся обратно. Некоторые из таких переселенцев продолжали жить в статусе иностранцев. Так, 68-летний османский подданный Ахмет-Мурад-Оглы, живший в деревне Маметова Пустошь уехал из Стамбула в 1907 г., успел пожить в Уфимской, Оренбургской губерниях, в Казани, где в течение пяти лет занимался мелкой торговлей. В Маметовой Пустоши его отец, казанский мещанин, служил азанчеем и здесь же родился и сам Ахмет-Мурад-Оглы. После смерти отца он в 15 лет уехал в Казань, где прожил до 50 лет, а в 1897 г. отбыл в Стамбул. Поскольку он происходил из Казанской губернии и находился уже в почтенном возрасте, его лишь взяли под полицейский надзор²⁹⁵.

Однако губерния продолжала служить местом ссылки османских подданных. Казанский губернатор писал: «...Если водворение германских и австрийских подданных не вызывало опасений за спокойствие в губернии, то совершенно другое положение создаст-

²⁹² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 109. Л. 2.

²⁹³ Абдрашитов Э.Е. Восприятие войны и пленных Тройственного союза татарами Казанской губернии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2014. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 22.

²⁹⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 115. Л. 56.

²⁹⁵ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 50.

ся в губернии, если сюда будут водворяться на жительство турецкие подданные – магометане, так как Казань являлась центром умственной жизни для мусульман, привлекала сюда лучших националистических работников мусульманства, имела живое общение с зарубежным мусульманским миром и в частности с Турцией и нередко заимствовала оттуда директивы для постановки разных политических вопросов в то или другое положение, конечно зачастую враждебное для русской государственности. Наконец, в Казанской губернии треть населения составляют татары-мусульмане, чутко прислушивающиеся к жизни своих зарубежных единоверцев. Прошу сделать распоряжение о закрытии Казанской губернии для водворения турецких военнообязанных»²⁹⁶. В ответной телеграмме из министерства внутренних дел от 3 декабря 1914 г. сообщалось о прекращении высылки турок в Казанскую губернию²⁹⁷. Поэтому, когда своему единоверцу, турецкому подданному Али Шарафутдинову, высланному в Вятку, хотел помочь казанский мещанин Мухамет Шакир Зарифов Бинкенин, взяв к себе в мастерскую по шитью головных уборов и обуви, ему отказали²⁹⁸.

Несмотря на этот запрет, из западных и южных губерний Российской империи то и дело интернировали османских подданных. Так, например, четверо булочников, выселенные из Кубанской области, были водворены в Царевококшайск. Но, поскольку Казанская губерния не была назначена для поселения подданных турецкого султана, губернатор сделал распоряжение об отправлении их этапным порядком в соседнюю Вятскую губернию²⁹⁹.

Исключение составляли османские граждане – христиане. Еще накануне вступления в войну Османской империи, 14 октября 1914 г., министр внутренних дел Н.А. Маклаков писал казанскому губернатору, что нет необходимости высылать из губернии османских подданных-немусульман, если они не подозреваются в шпионстве³⁰⁰. Тем не менее, некоторые ограничения в их положении имелись. К примеру, над семьей османского подданного, грека по национальности, Афанасия Саввовича Левкопуло был установлен гласный надзор полиции, на выезд из города или губернии требовалось соответствующее разрешение как ему самому, так и жене с сыном. Супругой его была Надежда, урожденная русская подданная Терентьева. Она родилась в Ориенбауме Петербургской губернии, жила в Казани и работала машинисткой Казанского отделения Русско-Азиатского банка. Их сын Сергей учился на драматических

²⁹⁶ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 24.

²⁹⁷ Абдрашитов Э.Е. Указ. соч. – С. 22.

²⁹⁸ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 172, 172 об.

²⁹⁹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 56, 64, 71.

³⁰⁰ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 14.

курсах при Санкт-Петербургской консерватории³⁰¹. Свобода передвижения каждого из них была ограничена и в полицейских сводках фиксировались все нелегальные выезды из города. Под гласный полицейский надзор был взят профессор историко-филологического факультета Казанского университета Александр Дмитриевич Бей-Иунидуня, живший в Казани с августа 1908 г.³⁰² А после революции 1917 года он уехал в Стамбул, где преподавал в Роберт Колледже – одном из лучших высших учебных заведений в Турции.

Если османские подданные – христиане покидали Казанскую губернию, то они самостоятельно могли выбрать место жительства, куда они переезжали, только получив соответствующее разрешение. Так, османскому гражданину, 25-летнему греку Георгию Хадеменесу, жившему в Ставрополе, а с 10 октября 1915 г. – в Мамадыше, по его прошению, позволили переехать в Царицын³⁰³. Но православный армянин Усеп Агоп не получил разрешения перемещаться по уездам губернии для ведения мелочной торговли, видимо, из-за удобства таких перемещений для шпионской деятельности³⁰⁴. Причем его дети, бывшие рабочими на Алафузовском заводе, как иностранные подданные были уволены. А мастер кожевенного отделения того же завода Иван Павлович Мильтос, тоже подданный турецкого султана, будучи востребованным на заводе как специалист, не был уволен, а лишь взят под гласный надзор полиции³⁰⁵.

Феномен интернированных является одним из эпизодов Первой мировой войны. Он почти незаметен на фоне тех ужасов и несправедливостей, которые сопровождали эту грандиозную бойню. С одной стороны, содержание под наблюдением иностранных подданных было закономерно в тех условиях, когда они могли поставить интересы своей родины выше интересов страны, в которой жили, и вести шпионскую или диверсионную работу. С другой, – репрессиям подверглась целая социальная группа, отличавшаяся от остальных жителей только документом, указывающим на иное гражданство. Многие из них провели всю жизнь в России, обзавелись здесь семьей, работой, имуществом и не стали её гражданами только потому, что не видели в этом особой необходимости, считая себя и так русскими.

По сути положение гражданских пленных было близко к положению ссыльных. Только если последних отправляли на поселение в другую местность за конкретные поступки, то наказание интернированных было превентивным. При этом разрушались семьи, людей посылали в непривычную им среду, лишали работы, не бы-

³⁰¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 106–107 об.

³⁰² НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 107–107 об.

³⁰³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 127, 184.

³⁰⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 131.

³⁰⁵ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 107–107 об.

ло создано необходимых условий для жизни и, сверх того, многие окружающие относились к ним как к предателям.

После Февральской революции иностранные военнообязанные ждали облегчения своей участи. И действительно, весной 1917 г. наблюдаются послабления в запрете на перемещение. Однако Временное правительство продолжало курс на ведение войны и, выбирая между демократическими свободами и необходимостью в безопасности, сделало выбор в пользу последнего. Кроме того, в условиях продовольственного кризиса обычные граждане стали смотреть на пришельцев из других губерний как на лишние рты и укоряли власти, что те живут лучше, чем местные жители, хотя факты не подтверждают это мнение. Октябрь также мало, что изменил в судьбе интернированных, Советы продолжали в отношении них политику своих предшественников.

Таким образом, революция не имела большого влияния на судьбу этой социальной группы. Как богачи, так и бедняки продолжали находиться в ограниченных правах. Причем, низшим слоям было даже легче, потому что привычные к тяжелому физическому труду они могли найти себе заработок, в то время как представители престижных профессий зачастую не имели возможность работать по специальности. Возможно, только окончание войны позволило интернированным почувствовать себя свободными, но к тому времени, это уже была совершенно иная страна, чем та, в которой они жили до 1914 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революция 1917 года стала продолжением социальных ожиданий первой русской революции и нерешенных задач постреволюционного периода. Неравномерное развитие регионов, разница в менталитете различных групп населения привела к тому, что попытки изменить традиционный уклад не всегда имели успешный исход. Именно так произошло с проведением столыпинской реформы в Казанской губернии. С одной стороны крестьяне требовали решения земельного вопроса, с другой – речь шла не о непосредственной приватизации земли. Они претендовали скорее на бесплатную аренду земли в меру своих трудовых возможностей. Эта неразвитость сознания частного собственника оказывала влияние на поведенческие установки обывателя, где не было четких границ между частным и общественным. Нужно было время для постепенных перемен в мировоззрении большинства общества. Однако такого ресурса у страны не оказалось.

Потрясения 1905–1907 гг., в ходе которых были нарушены все границы (между частным и общим, властью и народом, учителем и учениками...), нанесли серьезный удар по патриархальным представлениям и установкам, которые долгое время служили социальными регуляторами. С этого времени особенно очевидным стало, что пошатнулся авторитет отцов, начальства, царя и церкви. В сельской местности среди молодежи получило распространение хулиганство. Это было своеобразным эхом революционных беспорядков начала века.

Тенденции постреволюционных лет по ограничению прав человека: подозрение всех в политической неблагонадежности и поиски «внутренних шпионов» не лучшим образом сказались на настроениях образованной части общества. Например, в Волго-Уральском регионе по анонимным доносам в этот период был закрыт ряд татарских медресе, отправлены в административную ссылку известные представители мусульманского духовенства. Все это привело к разобщению социума (конфликт татарских джаидов и кадимистов отчасти подпитывался именно жандармской поддержкой), породило недоверие к высшей власти и ее представителям на местах.

Первая мировая война обострила имевшиеся социально-экономические вопросы и прибавила новые. Активизация внутренней миграции, транспортные проблемы и последовавший продовольственный и товарный дефицит, постоянный рост цен усложнили экономическую ситуацию военного времени. Война еще сильнее подчеркнула социальное неравенство и порочность коррумпированной

системы управления. На фронт были отправлены запасные солдаты и призывники преимущественно из бедного крестьянства, тогда как состоятельные лица искали пути обхода призыва. Фронтовые условия высветили религиозную дискриминацию в царской армии, в полках долгое время не было военных мулл. Письма об этих случаях социальной несправедливости, несмотря на усиленную работу военной цензуры, доходили до солдатских семей и создавали определенные настроения в обществе. Неясность цели войны и ее затянувшийся характер стали еще одним фактором общественного недовольства. С одной стороны продолжались военные мобилизации, с другой – широкое распространение получило дезертирство. Многие семьи потеряли близких или же постоянно с тревогой ждали вестей с фронта. Неутешительным было положение большинства инвалидов, обивавших пороги различных комиссий в надежде получить социальные пособия.

С таким социально-психологическим багажом население Казанской губернии встретило февраль 1917 г. Торжественные телеграммы, манифестации и праздники свободы подтверждают эмоциональный подъем начального периода. В этот период только в одной Казанской губернии было проведено множество съездов: Всероссийский мусульманский, мусульманского духовенства, мусульманских военнослужащих, татарских учителей, Всероссийский съезд мусульманских женщин, малых народностей Поволжья и т.д. Наконец-то было устранено половое, сословное, религиозное, национальное неравенство. Впервые, после завоевания Казанского ханства, среди руководства Казанской губернии появился представитель татарского народа. Бывший страховой агент и учитель по образованию, имевший опыт работы в Государственной думе, Калимулла Гумерович Хасанов стал помощником губернского комиссара. «Очень рад тому, что в сотрудничестве со мной по управлению губернией, в роли помощника Губернского комиссара, принимает участие избранник мусульманского населения, – заявлял 3 июня 1917 г. губернский комиссар В.А.Чернышев, – с которым надеюсь достигнуть ожидаемых демократией благ и расцвета завоеванных нами свобод»¹. Уполномоченным Казанского уездного комиссара в августе 1917 г. был утвержден Л.А.Мустафин, помощниками уездных комиссаров в Лаишеве, Спасске и Чистополе с лета 1917 г. были назначены М.Латыпов, К.Фахрутдинов, С.Салехов (см. Приложение №1). Многонациональный состав населения губернии отражали и списки кандидатов в муниципальные органы власти этого периода (см. Приложение №11). Эта была своеобразная попытка укоренного строительства гражданского общества.

¹ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.120.

Но общественные силы были разъединены из-за множества идеологических противоречий. Поэтому декларирование одних прав обернулось ограничением других. Общество стало делить людей на сторонников старой власти и новой, началась кампания доносов, продолжающая традиции царской жандармерии. Требование равных условий для всех нарушило ход производственных, учебных и иных процессов, поставив под сомнение существующую субординацию в различных коллективах и сообществах. Отстаивая свои права, некоторые забывали о непосредственных обязательствах. Практически остановился учебный процесс в Казанском университете (из-за требований студентов), рабочие-активисты большую часть рабочего времени проводили на митингах, заседаниях и других общественных собраниях. В фабрично-заводские комитеты вошли даже некоторые военнопленные-рабочие.

Хаос в производственной сфере, игнорирование всяких правил, в том числе техники безопасности, приводил к различным чрезвычайным происшествиям: пожарам и взрывам. В течение трех августовских дней 1917 г. тыловая Казань пережила ужасы от взрывов и пожара на Пороховом заводе. Массовый страх и паника, подогреваемые всевозможными слухами, превратила эти дни в подобие апокалипсиса. Горожане окрестили событие «казанской катастрофой». Возможно, как раз из-за августовского сильного потрясения, большинство казанцев не придали особого значения октябрьским перестрелкам в городе.

Легитимная власть часто играла номинальную роль, она стала заложником революционной свободы. Ситуацией управляла толпа, а не представители официальной власти. Основная масса общества была заинтересована в решении своих материальных проблем, проявляла равнодушие к происходящим политическим преобразованиям. Эта индифферентность способствовала нарастанию революции и захвату власти отдельными заинтересованными группами, предлагающими популистские лозунги. Например, 13 мая 1917 г. Совет крестьянских депутатов Казанской губернии издал постановление, согласно которому частновладельческая земля передавалась в ведение крестьян. Это стало руководством к действию для множества крестьян, и усилила волну аграрных беспорядков.

Революционным вихрем были охвачены и новоиспеченные гражданки России. Получив равные права с мужчинами, некоторые барышни были готовы отправиться на фронт в составе добровольческих женских батальонов. Их собирали на Театральной площади Казани. Но большинство женщин сохранило свой повседневный уклад, а если и случались публичные выступления, то они были связаны с материальными вопросами. Во время аграрных волнений коллективные эмоциональные выпады женщин останавливали да-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

же военные отряды (солдаты не смели идти оружием на толпу бунтующих крестьянок), но одиночные сопротивления помещиц лишь усиливали агрессию местного населения. Несмотря на условное равноправие, женщины не могли ответить на насилие и угрозы. Работницы некоторых казанских предприятий, под давлением представителей местного совета, были вынуждены продолжать забастовку, даже после удовлетворения работодателями всех экономических требований.

Амбивалентность дворянства – высокомерие и чувство вины перед нищей Россией – пренебрежение и жалость – подготовили гремучую смесь революции. Эмоциональные реакции казанских дворянок на революционную ситуацию колебались от отчаянных попыток защитить свое имущество, усиленного игнорирования происходящего до революционной активности молодых особ. Среди последних были и бунтарки эпохи первой русской революции.

В татарско-мусульманском сообществе джадидско-кадимистские споры вокруг «женского вопроса» в 1917 г. вышли на новый уровень. Если каких-то 12 лет назад мусульманские мужчины собирались на съезд, опасаясь судебных преследований, то теперь в них принимали участие и мусульманские женщины. Общественная активность дам эпохи революции вытеснила многие традиционные представления о поведении татарки-мусульманки. Но большая часть населения не была готова к таким переменам. Отдельные эпизоды Гражданской войны на территории Казанской губернии подтверждают трагедию мировоззренческого разлома в татарском обществе.

Различные протестные выступления в регионе, в целом, указывают на отсутствие этнической или конфессиональной обособленности в обществе. Единственным публичным межнациональным конфликтом 1917 г. стал вопрос о снятии двуглавого орла и установке полумесяца на башне Сююмбике в Казани. Татарское сообщество всегда хранило память о ханском прошлом этих мест. Башня Сююмбике, построенная уже после завоевания Казанского ханства, стала символом этой сакральной народной памяти, и поэтому для татар было очень важно установление мусульманского полумесяца. Но это пожелание народа было осуществлено лишь в начале 1918 г., и это был еще один стратегический ход Советов.

Экстраординарные условия жизни данной исторической эпохи стали общим испытанием для представителей различных национальностей и вероисповеданий, постоянных жителей Казанской губернии и вновь прибывших, дали импульс чувствам толерантности и взаимопомощи. В ходе взаимодействия местного населения Казанской губернии с беженцами Первой мировой войны, так называемые «чужие» (беженцы, гражданские и военные пленные) за

годы испытаний чаще всего стали уже «своими». Особенно показательной является история взаимоотношений казанских и польских татар–беженцев, носителей разных языков и культур, но сплоченных идеей единства татарской нации. Совершенно неожиданные сюжеты истории открылись при изучении интернированного населения Казанской губернии. Среди гражданских пленных оказались и татары, эмигрировавшие в конце XIX в. в Турцию, но вернувшиеся обратно на Родину уже через несколько лет. Юридически эти лица оставались поданными османского султана.

В целом, в 1917 г. для широких слоев населения Казанской губернии была характерна неразвитость гражданского сознания и корпоративных традиций, недостаточным был опыт функционирования системы местного самоуправления. Все эти моменты усиливали революционный хаос на локальном уровне. Пожалуй, самой главной трагедией общества было отсутствие базового понятия – уважения личности, без привязки к половым, возрастным, классовым, этноконфессиональным признакам. Усилия отдельных личностей и групп по построению гражданского общества в условиях революции, конечно же, не могли преодолеть этот массовый барьер, который выковывался вековыми устоями сословного государства.

История революции 1917 г. не исчерпывается вышеобозначенными сюжетами. Человеческая природа гораздо глубже, поэтому и эпоха социальных катастроф начала XX в. скрывает много вопросов. Каждый человек выживал в этих условиях по-своему. Кто-то уходил в религиозные практики и духовные учения. Поэтому актуальным остается такой аспект изучения массового сознания как мистическое восприятие революционного времени. Огромный интерес представляет рефлексия революции в литературе и искусстве, в том числе в контексте локальных особенностей. Составляющей гражданского долга человека является его отношение к профессии, своему призванию и делу. Это не яркая жизнь революционера, но именно честное выполнение «маленьким человеком» своей работы иногда является залогом стабильного общественного развития. Поэтому все эти вопросы эпохи революции ждут своих будущих исследователей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОД РЕВОЛЮЦИИ

Приложение №1

Уездные комиссары Временного правительства и их помощники в Казанской губернии октябрь 1917 г.

	<i>Уезды</i>	<i>Уездные комиссары</i>	<i>Помощники уездного комиссара</i>	<i>Уполномоченные уездного комиссара</i>
1.	Казанский	Новицкий (освобожден от должности) Остров Клавдий Михайлович (с 24 мая 1917 г., с июня переведен на должность комиссара комитета общественной безопасности) Бать Александр Григорьевич (с 25 августа 1917 г.)	Бать Александр Григорьевич (с 17 июня 1917 г.) – служил до этого помощником присяжного поверенного Сорокин Иван Архипович (с 4 августа 1917 г.)	Мустафин Л.А. (с 24 августа 1917 г.)
2.	Козмодемьянский	Шумов Сергей Александрович (с 7 июня 1917 г.), до этого работал преподавателем Козмодемьянской мужской гимназии	Бурмистров Степан Яковлевич (с 19 июня 1917 г., но уже в июле отказался от должности из-за отъезда в Костромскую губернию (НА РТ, ф.1246, оп.1, д.65, л.95)), бывший секретарь Землеустроительного комитета Родионов Николай Александрович (с 26 июля 1917 г.)	
3.	Лаишевский	Белькович (освобожден от должности 6 августа 1917 г.) Терентьев И.И. (исп. обязанности с авгу-	Латыпов Мирзагадулла (с 22 августа 1917 г.)	

ПРИЛОЖЕНИЯ

		ста 1917 г.) Бандин Александр Павлович (исп. обяз. с 19 октября 1917 г.)		
4.	Мамадышский	Чаблин (март 1917) Билюкович Александр Дмитриевич Воинов Василий Ефимович (исп. обязанности с 8 сентября 1917 г.)	Воинов Василий Ефимович (с 19 июня 1917 г.)	
5.	Свияжский	Майоров Паленин Виктор Алексеевич (с 11 июля 1917 г.)		
6.	Спасский	Геркен Владимир Жуков Константин Артемьевич (с 14 июня 1917 г.) Мохов (с 25 июня 1917 г.)	Жуков Константин Артемьевич. Фахрутдинов Камалетдин (с 25 июня 1917 г.)	
7.	Тетюшский	Плотников А.Н. Молоствов Губин Николай Васильевич (исполняющий обязанности с 4 июля 1917 г.)	Бочкарев Иван Семенович (с 1 июля 1917 г.)	
8.	Царевококшайский	Барановский (с 15 марта 1917 г.)	Воздвиженский (до 8 июня 1917 г.).	
9.	Цивильский	Абалымов Николай Александрович (с марта 1917 г.), председатель уездной земской управы Плющевский Плющик Лев Николаевич (исполняющий обязанности с 24 марта 1917 г.) Ольшановский Константин Михайлович (с 10 апреля 1917 г.)	Сорокин Владимир Андреевич (с марта 1917 г.), судебный пристав	
10.	Чебоксарский	Энатский (с 7 по 20 марта 1917 г.) Прохоров Алексеев Марк Алексеевич	Залесский Николай Константинович (со 2 июля 1917 г.) Петров Николай	

ПРИЛОЖЕНИЯ

		(с 27 июля 1917 г.)	Петрович (с 16 июля 1917 г.)	
11.	Чистопольский	Ложкин Николай Лазаревич (с 30 мая 1917 г.), до этого работал инспектором мелкого кредита Чистопольского отделения Государственного банка	Салехов Самигул-ла Валиуллович (с 18 июля 1917 г.)	
12.	Ядринский	Ашмаринов Хазинский Арсений Алексеевич (с 24 июня 1917 г.), помощник акцизного надзирателя		

Таблица сост. по: *НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.188. Л.4-16.*

Приложение №2

Заявление Лаишевского уездного комиссара Владимира Николаевича Бельковича¹ о своих социалистических убеждениях Казанскому губернскому комиссару В.А. Чернышеву

Июнь 1917 г.

По воле Временного правительства и с одобрения местных общественных организаций состоя в должности Уездного Комиссара с самого начала Великой Русской революции, я полагаю, что задача местной временной власти заключается в том, чтобы всемерно содействовать, в соответствии с указаниями центральной власти, скорейшему образованию местных общественных демократических органов, и чтобы, опираясь на таковые, всеми силами способствовать восстановлению на местах повседневной, будничной работы в целях ликвидации той государственной хозяйственной разрухи, которая тяжелым наследием легла на новую власть.

Само собой разумеется, что такая планомерная, повседневная работа может наладиться только при уверенном, спокойном настроении всего народа, а в нашей местности, главным образом, крестьянского населения. Между тем такого настроения в крестьянстве теперь нет, так как с первых же дней революции в мысли крестьянства поселилось совершенно непоколебимое и справедли-

¹ Освобожден от должности 6 августа 1917 г. – *прим. ред.*

вое убеждение, что теперь уже наступил момент, когда земля должна быть, наконец, достоянием трудящегося на нем крестьянского населения. Совершенно естественно, что вместе с основной мыслью о будущем разрешении земельного вопроса в крестьянской массе встал особенно жгуче вопрос и о временном пользовании земельными угодиями не принадлежащими крестьянству. Понятно, что дальнейшая мысль народа подсказывала ему, что теперь уже наступил момент, когда частным землевладельцам следует немедленно приступить к ликвидации своих хозяйств и передаче земельных угодий в руки крестьянства. Этому способствует в значительной степени и то, что многие частные землевладельцы в сознании неизбежности этого, сами передают свои земельные угодия в пользование крестьян, а также и усиленная устная и в печати агитация как отдельных партий, так и, главным образом, столь солидных профессиональных организаций как советы крестьянских, солдатских и рабочих депутатов.

Вся эта совокупность обстоятельств неизбежно влечет за собой постоянные самочинства захваты земель и другие эксцессы. Борьба с этими явлениями в конечном результате, по моему мнению, никаких положительных результатов не принесет, а только все более и более будет отдалять и власть, и народ от неотложных задач будничного созидательного труда и в то же время разъединять власть с народом.

Три месяца моего пребывания на должности Уездного Комиссара привели меня к непоколебимому убеждению в том, что пресечь такое ненормальное течение сельской жизни, по крайней мере для нашей местности, может лишь одна мера, а именно немедленная передача всех частных владельческих земель в ведение организованных теперь земельных и продовольственных комитетов.

Сознавая вполне, что это мое убеждение не вяжется с современным распоряжением центральной власти, я почитаю себя обязанным заявить свое убеждение открыто для выяснения моего личного служебного положения – могу ли я занимать при таком положении возложенный на меня ответственный пост.

К этому считаю необходимым добавить, что по складу своих душевных убеждений я также решительно не в состоянии прибегать к распоряжениям о применении вооруженной силы в борьбе с указанными эксцессами, хотя бы они и требовали применения таких мер. Это мое личное душевное качество также должно иметь, мне кажется, решающее значение в судьбе моего дальнейшего пребывания на должности Комиссара.

Доводя об изложенном до Вашего сведения, Господин Губернский Комиссар, прошу Вас войти по вопросу о моем дальнейшем пребывании на должности, или об освобождении меня от таковой

безотлагательно с представлением Господину Министру Внутренних Дел с тем заключением, которое Вам будет угодно сделать по сему. Считаю разрешение этого вопроса, возможно незамедлительно, для меня существенно важным, прошу в предоставлении Вашем Господину Министру ходатайствовать о телеграфном ответе на Ваше представление.

Если по изложенным соображениям я должен быть устранен от должности, то надеюсь Вы не замедлите своим распоряжением об этом.

НА РТ. Ф.1246. Оп. 1. Д.33. Л.352–353.

Приложение №3

Телеграмма-приветствие Казанского губернского комиссара В.А. Чернышева в адрес участников 2-го Всероссийского мусульманского съезда в Казани

3 июня 1917 г.
Казань. Помещение Нового клуба,
Мусульманский комитет

Сердечно приветствую первый свободный Казанский Делегатский Съезд мусульман обновленной свободной России. Искренне желаю полного успеха начинаниям Съезда; глубоко уверен в том, что продуктивная работа Съезда послужит могучим вкладом в фундамент народного строительства нашей страны. Весьма сожалею, что за обременением служебных дел лишен возможности лично принести поздравление с началом работ Съезда. Очень рад тому, что в сотрудничестве со мной по управлению губернией, в роли Помощника Губернского Комиссара, принимает участие избранник мусульманского населения², с которым надеюсь достигнуть ожидаемых демократией благ и расцвета завоеванных нами свобод. Да здравствует мусульманский народ, да здравствует демократическая республика

НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.120.

² Хасанов Калимулла Гумерович – прим. ред.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №4

Прошение казанского губернского комиссара в Казанскую губернскую продовольственную управу о выделении сахара для служащих Губернского комиссариата

4 июля 1917 г.

В служебные часы служащие в Губернском комиссариате пьют чай, но так как сахару нет, то поэтому прошу Управу не отказать в распоряжении об отпуске для этой нужды соответствующего количества сахара по размеру на 16 человек служащих в Комиссариате.

НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.28. Л.197.

Приложение №5

Заявление Председателя комитета Казанского общества трезвости А.Соловьева Прокурору Казанской судебной палаты о незаконном обыске в его квартире, по указанию Исполнительного комитета Общественной безопасности г. Казани

19 марта 1917 года

17 марта в квартиру мою явился Губанов, помощник начальника милиции 3-го района, и Лебедев, член Исполнительного комитета, в сопровождении вооруженных солдат, и предъявил мне отношение Исполнительного комитета Общественной безопасности о том, чтобы в квартире моей произведен был обыск; и арестовать меня безусловно, независимо от результатов обыска; причем они потребовали выдачи имеющегося у меня револьвера и начали собирать дела обществ, в которых я состою председателем; мои документы и частную переписку. Я хотел по телефону № 5-78 заявить председателю Всероссийского общества попечения о беженцах А.Н.Баратынскому, чтобы он взял дела комитета о беженцах, где я состою секретарем совета, но мне это позволено не было, меня оттолкнули от телефона и посадили на стул с угрозой принять энергичные меры. Перерыв все мои дела, они увязали их в 8 кип, запечатали шкаф с книгами, после чего отвели в третью часть, оттуда отправили в первую, а затем в тюрьму для заключения в одиночную камер. Дела же и револьвер куда отправили – неизвестно. Ни арестовавшие меня, ни начальник милиции г. Геркен, ни товарищ прокурора г. Шамарин не могли объяснить мне причины моего

ПРИЛОЖЕНИЯ

ареста, документов, дел и револьвера мне не возвратили и до сих пор шкаф с книгами остается запечатанным.

Заявляя о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство произвести расследование о незаконном аресте меня, возвратить мне дела обществ, документы и револьвер, приказав снять печати со шкафа и возвратить ключ от него.

Председатель А.Соловьев.

Копия.

НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.24 об.

Приложение №6

Объяснительная записка имама Оренбургской 1-й соборной мечети Мухаметвалия Абдулганиевича Хусаинова на имя муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания о своей лояльности к новой власти

10 мая 1917 г.

В ответ на сообщение Духовного собрания от 14 апреля с/г за №2733, что я распространяю якобы среди народа и солдат-магометан противозаконные и противошаригатные агитации с целью тормозить упорядочение и укрепление нового строя имею честь сообщить, что все это неправда и не на чем не основано. Неосновательность вышесказанного могут подтвердить те части войска, которые я 16 марта с/г приводил к присяге Временному правительству, убеждая их служить Временному правительству.

(...) Доказательством могут служить и издаваемые мной нумера журналов «Дин ва магишат».

Ссылаясь только на голословные газетные сообщения, Духовное собрание приписывает мне деяния, каковых на самом деле не было. Все это с начала до конца клевета. (...).

НА РБ. Ф. И-295. Оп.6. Д.4166. Л.28.

Приложение №7

Телефонограмма Лаишевскому уездному комиссару от Губернского комиссара о ситуации в Рыбной Слободе

12 марта 1917 г.

Из Рыбной слободы Мамонов Орлов телефонирует. «Желательно введение милиции ввиду могущих произойти эксцессов. Удешевление продуктов первой необходимости. Обуздание мародеров. Среди местных элементов желающих вступить в состав милиции

ПРИЛОЖЕНИЯ

никого не находится. Ожидаем распоряжений». Означенную телефонограмму сообщаю Вам на распоряжение.

НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.33. Л.5.

Приложение №8

**Телефонограмма Казанского губернского комиссара
Свияжскому уездному комиссару о повреждениях
телефонной линии в Свияжском уезде**

24 июня 1917 г.

Губернская Земская Управа телефонограммой 206 сообщает, что на земских телефонных линиях Соболевской Урмары и Соболевское Вязовые приходится производить непрерывное исправление повреждений телефонной линии происходящих от производящейся татарами вырубки Куприяновской рощи расположенной вдоль телефонной линии. Есть опасность повторения повреждений увещания техника не помогает, милиция бездействует, бронзовые провода похищены виду большой стоимости бронзовой проволоки и невозможности местным условиям замены ее железной Губернская Управа при дальнейших повреждениях и хищении лишена возможности производить исправления, почему просит моего содействия охране линии точка. Настоятельно прошу Вас принять срочные и решительные меры восстановлению законности и порядка Куприяновской рощи, равно по линии телефона расположенного Вашем уезде, принятых мерах срочно меня известить.

Губкомиссар

НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.38. Л.235.

Приложение №9

**Сообщение Свияжского уездного комиссара
Казанскому губернскому комиссару об участившихся
кражах из православных храмов**

26 июля 1917 г.

В вверенном мне уезде за последнее время участились кражи из храмов, так обокрадены храмы сел Исакова, Нижнего Услона, Бежбатаман, Вязовых, и опять Нижнего Услона.

Явления эти я отношу к слабому надзору местных настоятелей за караулом храмов.

Церковные сторожа не редко нанимаются из лиц старых, неблагонадежных и пришлых. А главное настоятели и церковные

старосты хранят в храмах значительные суммы, тогда как последние следовало бы помещать в Кредитные Учреждения.

В виду этого, прошу Вас Милостивый Государь не найдете ли возможным преподать настоятелям и церковным старостам к принятию действительных мер к охране храмов и не хранении в них излишних сумм и ценных церковных вещей.

НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.37. Л.136.

Приложение №10

Из воспоминаний бывшего земского деятеля Казанской губернии, эмигранта Н.А. Мельникова о заседании Казанского губернского земского собрания весной 1917 года

1936–1937 гг.

«Не помню, какие именно вопросы были поставлены на повестку. Открывал Земское собрание А.Н.Плотников, избранный после моего ухода³ заступающим место Председателя Управы и по известной телеграмме князя Г.Е.Львова автоматически сделавшийся Начальником губернии вместо уволенного Губернатора. Мы были предупреждены, что на заседание явятся делегаты местного «совдепа», чтобы «пополнить состав Земского Собрания демократическими элементами». Они не заставили себя ждать и, ввалившись в зал через несколько минут после отъезда А.Н.Плотникова, развязно, одной кучей, уселись за стол Земского собрания. В моем мозгу запечатлелись лишь обрывки того, что произошло после этого позорища. Помню, как тряслись руки и дрожал голос у С.С.Толстого. Помню, как некоторые Гласные, а в том числе и я, горячо протестовали против «беззаконного вмешательства посторонних в занятия Земского собрания» и предлагали послать жалобу Временному правительству; помню, как злобно, с перекошенными ненавистью физиономиями, смотрело на нас все это грязное, косматое и вонючее стадо; помню и краткую речь одного из них. «Товарищи, – зарорал он полупьяным, сиплым голосом, – мы пришли сюда не болтать. Это помещики да буржуа занимались здесь болтовней 50 лет, а нам некогда! Предлагаю ассигновать 500 тысяч из страхового капитала на революционную пропаганду».

«Правильно, согласны», – неистово замычало стадо.

³ В мае 1916 г. Н.А. Мельников покинул пост председателя Казанского губернского земства, в связи с назначением на должность члена Совета министерства земледелия.

Как будто именно после этого дебюта, одной из первых ласточек «бескровной» С.С.Толстой заявил, что не находит возможным продолжать заседания Земского Собрания и по уполномочию Начальника губернии объявляет его закрытым. Стадо с некоторым недоумением вытаращило глаза, а мы дружно встали и через столовую, чтобы не смешиваться с «товарищами», направились к выходу. «Вот судьба, – подумалось мне, когда я спускался с широкой выходной лестниц нашего Дворянского дома. – Мой дед 53 года тому назад поднимался сюда на торжество рождения Русского Земства, я спускаюсь сегодня с его похорон». Это были действительно Похороны: Временное Правительство князя Г.Е.Львова взмахом пера отменило существующий закон о земских выборах, призвав к участию в Земских собраниях «всех, всех, всех». Иными словами, в условиях того времени Временное Правительство отдавало местную жизнь не заботам Земщины, а на растерзание отребьев населения и политических проходимцев».

Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (1898–1916): (автобиографический очерк и воспоминания). – Йошкар-Ола: [МарНИИЯЛИ], 2008. – С.287–288.

Приложение №11

**Список кандидатов в гласные Казанской
городской думы, заявленные в Городскую управу
по выборам 8-го октября 1917 г.**

Не ранее октября 1917 г.

Список №1 мусульманского комитета

1. Туктаров Махмуд-Фуад Фасахович, помощник присяжного поверенного. – Касаткина ул., д. №11.
2. Курбангалеев Мухутдин Хафизетдинович, народный учитель – Екатеринин. ул., д. Юнусова.
3. Алкин Саид-Гирей Шагиахметович, присяжн. Поверенный – Воскресенская ул., св. дом.
4. Губайдуллин Абдул-Газис Салихович, педагог – Поп. – Екатерининская ул., д. С.Губайдуллин.
5. Терегулов Абу-Бекер Батыр-Гиреевич, ординатор клиники – старая клиника Казанского университета.
6. Таначева Хадича Зарифовна, зубной врач – Тихвинская улица, д. Сабитова.
7. Мустафин Мухамет-Амин Мухамет-Рахимович – член Казанской Городской Управы – Екатерининская ул., д.№101.

ПРИЛОЖЕНИЯ

8. Альметев Гелязетдин Зеялетдинович, торговец – Ново-Татарская ул., св. дом.
9. Халфин Назиб, юрист – Лев. набер. Кабана, кв. Губернск. Мусульманского Совета.
10. Искаков Абдурахман, торговец – Адмиралт. сл., Большая ул., св. дом.
11. Шакуров Шакир, официант – Московская ул., Апанаевское подворье.
12. Даминов Рахимзян Мухаметзянович, распорядитель тарифного бюро – Большая Мещанская ул., д.№89.
13. Камалетдинов Ахмет-Назиб Шагвалеевич, член Казанской городской управы – Бол. Мещанская ул., д. №58.
14. Рафиков Абдурахман Валиевич, народный учитель – Адмиралтейская сл., д. Чугунова.
15. Ахмадуллин Мухамет-Валей Мухамет-Ситдинович, распорядитель Т-ва Умид – Казанская ул., д. Харитонова.
16. Аблиев Латыф, рабочий – Ягодная сл., Сомолинская ул., д. Ждановой, кв. №5.
17. Саликов Мухамед-Касим Абдул-Галямovich, мулла при 2-й мечети – 3-я Попер. – Екатерининская ул., св. дом.
18. Минли-Валиев Зямалетдин, ремесленник – Евангелистовская ул., д. быв. Назирова №2.
19. Кильдишев Абдулла Исмагилович, торговец – Вторая Мало-Николаевская ул., д. №10.
20. Ахмеров Шигабутдин Шарафутдинович, книгоиздатель – Варламская ул., д. Волковой.

*Список №2 кандидатов, рекомендованный
партией Народной Свободы*

1. Степанов Измаил Измаилович – Б.Красная ул., св. д.
2. Смолин Александр Александрович – Б.Лядская ул., д. Сушенцова.
3. Макаров Николай Александрович – Малая Красная ул., д.№15
4. Бать Александр Гедеонович – Б.Красная ул., д.№50.
5. Набоков Павел Петрович – ул. Гоголя, св. д.
6. Годнев Иван Васильевич – Б.Лядская ул., д.№3.
7. Гусев Николай Павлович – Вознесенская ул., д. №78.
8. Хвостов Михаил Михайлович – Б.Лядская ул., д.№28.
9. Зайцев Петр Герасимович – 1-я Солдатская ул., д.№11.
10. Венецианов Миней Соломонович – Б.Красная ул., св. д.
11. Иванов Василий Федорович – Попова Гора, д.№31.
12. Ушаков Сергей Александрович.

ПРИЛОЖЕНИЯ

13. Сапожников Константин Михайлович – Петропавловский пер.
14. Фармаковский Юрий Николаевич – Черноозерская ул., д.19.
15. Горяев Николай Константинович – Пушкинская ул., д.1/68.
16. Поспеев Александр Михайлович – Поперечно-Академическая, д.5.
17. Юшков Николай Николаевич – 1-я Гора, д.№52.
18. Порфирьев Николай Иванович – Солдатская ул., св. д.
19. Дубровин Парфен Андреевич – 1-я Солдатская ул., св. д.
20. Рождественский Петр Александрович – крепость, д. Духовной Семинарии.
21. Чернояров Алексей Дмитриевич – Ново-Комиссариатская ул., д.№15.
22. Барчан Анна Алексеевна – Воскресенская ул., д.№5.
23. Полянин Алексей Прокофьевич – 3-я Гора, св. д.
24. Попов Алексей Захарович – Б.Лядская ул., д.№55.
25. Никитский Владимир Иванович – Георгиевская ул., д. Лукина.
26. Бирилев Александр Васильевич – Б.Проломная ул., д. Оконишникова.
27. Сурин Иван Андреевич – Б.Лядская ул., д.№42.
28. Крестовников Александр Григорьевич.
29. Парфентьев Николай Николаевич – М.Лядская ул., д. №41.
30. Манассеин Сергей Вячеславович – Грузинская ул., д.№49.
31. Овчинников Иван Никифорович – дача Новикова, д.№48.
32. Гольдгаммер Дмитрий Александрович – Грузинская ул., д. Ге.
33. Брюно Ипполит Ипполитович – Попова Гора, д. Гаркави.
34. Ложеницы Андрей Аркадьевич – Лобачевская ул., д. Подуруевой.
35. Арбузов Александр Эрмингельдович – Переулок 3-й гимназии, д. Алексеевой.
36. Шмелев Сергей Васильевич – Б.Красная ул., д.№56.
37. Абдрин Николай Иванович.
38. Масленников Василий Иванович – Ново-Горшечная ул., д. №18.
39. Круглов Николай Федорович – Покровская ул., д. Персон.
40. Первушин Всеволод Прокофьевич – Б.Красная ул., д. Дворянства.
41. Ярцев Николай Леонтьевич.

ПРИЛОЖЕНИЯ

42. Кузнецов Петр Владимирович – Посадская ул., д. Трофимовой.
43. Новиков Николай Александрович – Одностронка М.Красной, св. д.
44. Миролубов Никандр Иванович – Попова Гора, д. 36.
45. Матвеев Павел Лазаревич – Ново-Комиссариатская ул., св. дом.
46. Чигарин Леонид Петрович Гостинодворская ул., д. Цимхес.
47. Брюханов Владимир Павлович – Фуксовская ул., д. №1.
48. Корсаков Константин Дмитриевич – Петропавловская ул., д. 6.
49. Пономарев Леонид Ипполитович – Вознесенская ул., д. Владимировой.
50. Петровская Екатерина Николаевна – Грузинская ул., д. Ге.
51. Агабабов Александр Григорьевич – Ново-Комиссариатская ул., д. №22.
52. Дагаев Тихон Владимирович – Лобачевская ул., д. №18.
53. Глушков Сергей Михайлович.
54. Володин Георгий Феодорович.
55. Тимофеев Николай Александрович – 1 Гора, д. Заболотской.
56. Липина Антонина Николаевна – 2 Гора, свой дом.
57. Баранов Владимир Андреевич – Б.Красная ул., д. №57.
58. Богданов Иосиф Терентьевич – Щербаковский пер., д. №7.
59. Салищева Александра Николаевна.
60. Нечкин Борис Васильевич – Грузинская ул., д. Промышленного уч.
61. Иванов Юрий Алексеевич – ул. Чехова, д. Попова.
62. Болотов Евгений Александрович – 2-я Гора.
63. Демерт Николай Александрович – Ново-Комиссариатская ул., д.№12.
64. Глен Владимир Владимирович – Б.Казанская ул., д. Дворянской Богадельни.
65. Бушмакин Михаил Дмитриевич – Б.Лядская ул., д. Вараксина
66. Зурина Екатерина Михайловна – Ново-Горшечная ул. д. 16.
67. Осипов Михаил Адольфович – Б.Лядская ул., д.№65.
68. Стратонов Иринарх Аркадьевич – 1 Гора, д.№42.
69. Жданов Михаил Григорьевич – 2 Гора, д.№32.
70. Герштейн Сергей Юлианович – Воздвиженская ул., свой дом.
71. Архангельский Василий Николаевич – Воскресенская ул., д.№18.

ПРИЛОЖЕНИЯ

72. Плетнев Дмитрий Александрович – 2-я Солдатская ул., св. дом.
73. Курбатов Сергей Васильевич – Пушкинская ул., свой дом.
74. Марко Дмитрий Мильтиадович – Ново-Комиссариатская ул., д. №24.
75. Писарев Леонид Иванович – 3-я Гора, дом №33.

Список №3 лиц, баллотирующихся в гласные от блокирующихся партий социал-демократ меньшевиков, Польской партии С.-Д. Бунд, Латышской С.-Д. и организации независимых социалистов с одной стороны и социалистов революционеров и объединенцев Еврейской социалистической рабочей партии – с другой.

1. Ефимов Сергей Михайлович, рабочий-печатник, Председатель Рабочей Секции С.Р. и С.Д., председатель проф. Союза «Печатник», член Городской управы, член партии С.-Д. с 1902 г. – 1-я Гора, д. Ефремова.
2. Ефремов Лавр Александрович, крестьянин, член 2-й Государственной Думы, член Казанского комитета партии С.-Р. – Плетени, Екатерининская ул., д. быв. Дмитриевской, кв. №11.
3. Иванов Виктор Николаевич, присяжн. повер., Председатель Городской продовольственной управы, член Городской управы, член партии С.-Д. с 1903 г. – Университетская ул., д. Чарушина.
4. Фирсов Николай Николаевич, проф. Университета, член партии С.-Р.
5. Денике Юрий Петрович, профессорский стипендиат, редактор «Казанской Рабочей Газеты», член Исполнительного комитета Рабочей секции С.Р. и С.Д., член Комитета Общ. безопасности, гласный Думы, член партии, С.-Д. с 1904 г. – Поперечно-Казанская ул., д. Лаптева.
6. Рудко Федор Петрович, председатель Казанского комитета партии С.-Р., редактор «Голоса Труда» – 3-я Гора, д. Полянина.
7. Остров Клавдий Михайлович, присяж. повер., уполномоченный Главного земельного комитета, председатель Уездной земской управы, председатель Казанского бюро партии, работает в партии с 1894 г. – Касаткина ул., д. Лисовского.
8. Бартольд Борис Владимирович, член Казанского комитета партии С.-Р., член Совета Р. и С.Д., помощник Губернского комиссара, член партии С.-Р. с 1905 г. – бывший дворец губернатора.
9. Нелидов Борис Николаевич, редактор «Казанской рабочей газеты», член Исполнительного комитета Рабочей секции С.Р. и С.Д., секретарь Городской думы, член партии С.-Д., работает в партии с 1896 г. – Крепость, дворец.

ПРИЛОЖЕНИЯ

10. Куприянова Наталия Петровна, член Городской управы, заведующая школьным отделом, председательница Казанского общества народных университетов – Казанская ул., д. Аристова.

11. Феофанов Филипп Филиппович, рабочий-печатник, член Городского комитета общественной безопасности, помощник начальника милиции 6 района, гласный думы, член партии С.-Д. с 1901 г. – Кошачий пер., д. Яхонтова.

12. Винокуров Константин Петрович, член Казанского комитета партии С.-Р., с 1905 г. – Попер. 2-Горы, д. Вишневого.

13. Калашников Федор Иванович, ветеринарный фельдшер, член Губернского продовольственного комитета, гласный Думы, член партии С.-Д. – Плетени, Городская скотобойня.

14. Житов Григорий Александрович, химик Порохового завода, заведующий приоксел. Отделением, член партии С.-Р. – Дача Новиковой, д.№20.

15. Исакович Давид Абрамович, присяжн. повер., член Губернского и городского комитета общ. безопасности, гласный Думы, товарищ председателя Казанского бюро партии С.-Д. – ул. Жуковского, д.Макарова.

16. Бухов Михаил Сергеевич, присяж. повер., начальник милиции г. Казани, член партии С.-Р. с 1904 г. – Кошачий пер., д.Дружинина.

17. Аносов Николай Алексеевич, инжен. химик, член Правления кассы мелкого кредита, член Губернского комитета общественной безопасности, гласный Думы, член партии С.-Д., работает в партии с 1896 г. – Малая Красная, д.№13.

18. Сорокин Иван Архипович, крест. член С.С. и Р.Д., помощ. Уездн. Комиссара, член Казанск. Комитета партии С.-Р., член партии С.-Р. с 1905 г. – 3-я Гора, д.№35, кв.2.

19. Бергис Петр Рембертович, помощн. присяжн. повер., председ. Правления Кассы мелкого кредита, член Губернск. Комитета обществ. безопасности, независимый социалист – 2-я Гора, д.Сиверса.

20. Якобсон Вениамин Исхакович, член Казанского комитета партии С.-Р., член партии с 1900 г. – Попова Гора, д. Стрельниковой, кв. №1.

21. Ершов Петр Андреевич, чертежн., член 1-й Государственной Думы, председатель продовольственного комитета Порохового завода, член партии С.-Д. с 1902 г. – Адмиралтейская сл., 2-я Зилантовская ул., соб. дом.

22. Борголышкинский Сергей Николаевич, техник, служащий округа путей сообщения, член партии С.-Р. с начала основания партии, член Казанского комитета С.-Р. – 3-я Гора, №35, кв.2.

23. Агарков Михаил Михайлович, прив.-доцент Казанского университета, присяжный поверенный, нез. Социалист – Фуксовская ул., д. Симоновой.

24. Рапопорт Соломон Осипович, конторщик, член партии С.-Р. с 1905 г. – Попова Гора, д. Стрельниковой.

25. Краевский Юзеф-Витольд Станиславович, бухгалтер, член Исполнит. Комитета Рабочей Секции С.С. и Р.Д., секретарь исполнительного комитета общественной безопасности Польского С.-Д. – Старая Горшечная ул., д. Зурина.

26. Лаврентьев Федор Степанович, секретарь професс. Союза служащих фабрик и заводов, член партии С.-Р. – Ягодная слобода, д. Шабанова.

27. Борок Михаил Рувимович, врач, член партии С.-Д. (Бунд) с 1903 г. – Проломная ул., номера Щетинкина.

28. Кудрявцев Виктор Иванович, присяж. повер., член Городского комитета общественной безопасности, член партии С.-Р. с 1902 г. – Правая сторона Булака, д. Кудрявцева.

29. Элиас Эмилий Иванович, гласный Думы, член Латышской С.-Д. партии.

30. Коршаков Зельман Авсеевич, член исполнительного комитета С.Р. и С.Д., член Объедин. Еврейской социал. рабочей партии – Рыбнорядская ул., д. Алфимова.

31. Феофилактов Александр Матвеевич, солдат, рабочий типограф, член партии С.-Д. – Типография штаба, Черноозерская ул.

32. Макарошкин Николай Васильевич, солдат, секретарь Союза эвакуированных воинов, член партии С.-Р. – Плетени, 686 дружина, завод Петцольда.

33. Лепский Ефим Моисеевич, докт. медиц., член Городской управы, член партии С.-Д. – Черноозерская ул., д. Лопатина.

34. Иванов Александр Александрович, тов. Председателя Союза эвакуированных воинов, член партии С.-Р. – Университетская ул., д. Губайдуллина.

35. Козырев Ефим Никифорович, приказчик, член городского комитета общественной безопасности, член партии С.-Д. – Попереч. Горшечн. ул., д.Савиных.

36. Склюев Николай Петрович, председатель Союза служащих торгово-промышленных гор. Казани, гласный Думы, член партии С.-Р. – позади церкви Георгия, д. Мевнина.

37. Наумов Александр Захарович, эмиссар Губернского продовольственного комитета, член партии С.-Д. – Попова Гора, д.Рачинина.

38. Рапопорт Вера Исаковна, юрист, член партии С.-Р. – Попова Гора, д. Стрельниковой.

39. Манс Герберт Юлианович, прив.-доцент Казанского университета, член городской училищной комиссии, незав. социалист – Университетская ул., д. Губайдуллина.

40. Коржец Александр Владимирович, землемер, член партии С.-Р., 2-я Гора, д.№20.

41. Алексеев Филипп Алексеевич, рабочий Алафузовского завода, член партии С.-Р. – Адмиралтейская сл., Тимофеевка, д.Лапаринского.

42. Калашников Борис Иванович, помощник бухгалтера Государственного банка, член партии С.-Р. – Московская ул., д.Фоминой, кв. Максимова.

43. Федотов Иван Васильевич, рабочий Порохового завода, электро-монтер, член Исполнительного комитета рабочей секции С.Р. и С.Д., член партии С.-Д. – Засыпкиной ул., д. Колесникова, кв. №1.

44. Кроль Гирша Ханонович, красильщик мехов, член партии С.-Р. с 1904 г. – Покровская ул., д. Доброва.

45. Рожков Федор Васильевич, рабочий, гласный Думы, член партии С.-Д. – 1-я Гора, д.Белова.

46. Ефимов Сергей Яковлевич, приказчик, член президиума союза служащих торгово-промышленных заведений гор. Казани, член партии С.-Р. – Успенская ул., д. Софронова, кв.10.

47. Аверьянов Матвей Семенович, рабочий слесарь дрожжевого №7 винокур. Завода, член рабочей секции С.С. и Р.Д., член партии С.-Д. с 1904 г. – Казанский дрожжевой, №7 винокуренный завод.

48. Крестовский Борис Александрович, ученый агроном, член партии С.-Р. – 2-я Гора, д.Кузьминой.

49. Нехотяев Алексей Николаевич, присяжный поверенный, товарищ председателя Исполнительного комитета общественной безопасности, член партии С.-Д. – Б.Проломная ул., д. Софронова.

50. Шеин Исаак Захарович, земский врач, член партии С.-Р. – ул. Жуковского, уездная земская управа.

51. Штейн Август Иванович, учитель коммерческого училища, товарищ председателя губернского комитета помощи беженцам, председатель Латышского комитета помощи беженцам, Латышск. С.-Д. партии – Муратовская ул., д. Белилина.

52. Карягин Дмитрий Андрианович, студент, товарищ председателя крестьянской организации партии С.-Р. – Университетская ул., д. Немирович-Данченко.

53. Горнштейн Карл Генрихович, нотариус, независимый социалист. – Черноозерская ул., д.Венецианова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

54. Попов Павел Александрович, фельдешр, секретарь казначей Казанского губернского союза фельдшеров, член партии С.-Р. с 1904 г. – Воскресенская ул., д. Духовной семинарии.

55. Фосс Эдуард Христианович, врач Алафузовского завода, член партии С.-Д. с 1903 г.

56. Пономарева Прасковья Алексеевна, учительница, член партии С.-Р. – Попова гора, д.Стрельниковой, кв.6.

57. Коровин Алексей Евгеньевич, учитель, гласный Думы, председатель союза линейных служащих округа путей сообщения, член партии С.-Д. – Арское поле, дача Новиковой.

58. Червяков Петр Тихонович, председатель союза увечных воинов, член партии С.-Р. – Одност. М.Красной ул., д. Клыковско-го, д.3.

59. Комиссаров Федор Митрофанович, рабочий завода Александра председатель городского комитета, член С.Р. и С.Д., член партии С.-Д. – Плетени, з. Александра.

60. Мусин Осип Павлович, учитель, член партии С.-Р. – 1-я Академическая ул., д. Беззубова.

61. Гильдин Илья Матвеевич, рабочий казенного винного склада, член партии С.-Д. – Суконная сл., Узенькая ул., д. Густовой.

62. Георгиевский Александр Петрович, учитель, член партии С.-Р. – Ново-Горшечная ул., д. Васильева.

63. Соколов Николай Николаевич, инженер путей сообщения, помощник инспектора судоходства, член партии С.-Д. с 1901 года – 2-я Гора, д. Лапина.

64. Колесников Тимофей Васильевич, помощник бухгалтера городской Продовольственной управы, член партии С.-Р.

65. Брук Марк Михайлович, студент, товарищ председателя военных чиновников, член Исполнительного комитета С.-Р. и С.-Д., председатель Губернской продовольственной управы, член партии С.-Д. – Односторонка Ново-Горшечной ул., д. Алексеева.

66. Прокофьева Мария Евлампиевна, учительница, член Казанского комитета партии С.-Р. – Овраг между 1-й и 2-й горами, дом №38 Мошкова.

67. Москвин Петр Михайлович, контролер Азовско-Донского Банка, товарищ председателя союза счетоводства, член партии С.-Д. – Кошачий пер., д. Мусина.

68. Козлов Николай Иванович, химик порохового завода, член партии С.-Р.

69. Григорьев Иван Прокофьевич, городской ветеринарный врач, член партии С.-Д. – Плетени, городская скотобойня.

70. Кириллов Иван Николаевич, капитан, помощник начальника милиции, член С.-Р. и С.-Д., член партии С.-Р.

71. Аносова Елена Александровна, врач, член партии С.-Д. с 1900 г.

72. Глумов Иоаким Александрович, служащий канцелярии податного инспектора, член партии С.-Р. – Односторонка Малой Красной улицы, д. Тягиной.

73. Никитин Гавриил Фролович, прапорщик, почетный председатель совета кр. д., товарищ председателя Казанского окружного комитета, гласный Думы, член партии С.-Д. – Правая сторона Булака, д. Пекина.

74. Кузьмин Алексей Михайлович, ассистент минералогического кабинета, член партии С.-Р. – Рыбнорядская улица., №№ Уральское Подворье.

75. Лосев Иван Платонович, учитель Коммерческого училища, член городского комитета общественной безопасности, член партии С.-Д. – Институтский спуск, д.Кораблева.

76. Пригожин Юлий Григорьевич, студент, член объединенной еврейской социалистической партии – Университетская улица, дом Афанасьева.

77. Шергов Михаил Исаевич, врач, казначей Совета Р. и С.Д., член президиума С. и Р.Д., член партии с 1898 г. – Б.Проломная ул., д. Горзиной.

78. Новиков Борис Григорьевич, поручик, член партии С.-Р.

79. Дудин Иван Степанович, конторщик, член военно-промышленного комитета, член партии С.-Д.

80. Потехин Михаил Александрович, техник, член Исполнительного комитета совета кр. деп., член партии С.-Р. – Б.Лядская ул., округ путей сообщения.

81. Войдинова Александра Михайловна, эмиссар губернского продовольственного комитета, член Исполнительного комитета С.Р. и С.Д., член партии С.-Д. с 1903 г. – Попова Гора, д. Рачинина.

82. Ширинкин Василий Васильевич, служащий Казанского губернского земства, член исполнительного комитета Казанской крестьянской организации партии С.-Р. – Калугина Гора, Воскресенская ул., д.№43.

83. Бармин Павел Михайлович, рабочий, пекарь, член партии С.-Д. – Бл.-Архангельская ул., д. Лагунова.

84. Забродин Константин Иванович, крестьянин, служащий-швейцар, член исполнительного комитета крестьянской организации партии С.-Р. – Родионовский институт.

85. Огородников Владимир Иванович, приват-доцент Казанского университета, независимый социалист – 1-я Академическая ул., д. №23.

86. Спирин Иван Сергеевич, приказчик, член партии С.-Р. – Некрасовский пер.

87. Староверов Михаил Егорович, рабочий порохового завода, член рабочей секции С.Р. и С.Д., гласный думы, член партии С.-Д. – Адмиралтейская слобода, ул. Жуковка, дом Дикарева.

88. Денике Всеволод Петрович, помощник присяжного поверен., независимый социалист – Казанская улица, д. Лаптевой

89. Ратте Генрих Адольфович, инж. строитель. производ. работ по сооруж. канализации и водопровода. Представитель Польской С.-Д. партии.

90. Карташев Александр Васильевич, ассистент Казанского университета, нез. Социалист – Черноозерская ул., №№ Банарцева.

91. Стам Моисей Шлемович, рабочий столяр, член партии С.-Д. (Бунда) с 1902 г. – Задне-Георгиевская ул., д. Брудзеля.

92. Рябов Яков Степанович, крестьян., член союза служителей. Член крестьянской организации партии С.-Р.

93. Свентковский Игнатий Сильверстович, рабочий кожевенного завода Готлицер. Польск. С.-Д.

94. Архангельский Николай Иванович, студент, член партии С.-Р. – Мостовая ул., д. Соколовой, кв. Дмитриевой.

95. Малахов Иван Иванович, помощник губернского агронома, член партии С.-Д. – Лядская, №№ Волга.

96. Залесская-Сухова Елена Владиславовна, врач, секретарь союза врачей. Член партии С.-Д. – Лядская, №№ Волга.

97. Смирнов Алексей Алексеевич, конторщик-солдат, член партии С.-Д. – Адмиралтейская слобода, Тимофеевка, д. Курилкиной.

98. Куницын Федор Михайлович, член военно-промышленного комитета, член рабочей секции Сов. С. и Р.Д. Член партии С.-Д. с 1900 г. – Госпитальная ул., №№ Понамарева.

99. Дамперов Николай Иванович, врач, член городского комитета общественной безопасности, независимый социалист. – Покровская ул., д. Адоратской.

100. Видонов Егор Федорович, счетовод губернского продовольственного комитета, член партии С.-Д. с 1900 г. – 2-я Проломная.

101. Войдинова Ольга Михайловна, врач, член С.-Д. – Попова Гора, д. Рачинина.

102. Чуенков Василий Николаевич, конторщик завода Алафузова. Член партии С.-Д.

103. Антропов Иван Александрович, приват-доцент Университета. Нез. социалист. – ул.Гоголя, д.Ильиной.

104. Прошунин Василий Николаевич, рабочий типограф, член Сов. Р. и С.д., член центрального Бюро професс. Союзов г. Казани. Член партии С.-Д. – Черноозерская ул., типография штаба.

ПРИЛОЖЕНИЯ

105. Козин Федор Васильевич, рабочий токарь по металлу. Член партии С.-Д. – 1-я городская электрическая станция.

106. Соколова Анна Павловна, окончившая высшие женские курсы, член партии С.-Д. с 1903 г. – 2-я Гора, д. Липиной.

107. Павлычев Тимофей Васильевич, рабочий, член партии С.-Д. – Поперечно-Казанская ул., д. Харитонова.

108. Муравьев Александр Григорьевич, учитель, архивариус Университета, нез. Социалист – Петропавловский пер., №№ Соболева.

109. Григорьева Александра Степановна, служащая городской электрической станции, член партии С.-Д. – Верхне-Федоровская, д.№9.

110. Бебуров Михаил Емельянович, фельдшер завода Александра, член партии С.-Д. с 1902 г. – Плетени, завод Александра.

Список №4 еврейский национальный

1. Ротенберг Александр Федорович, присяжный поверенный – Грузинская ул., д.№67

2. Майзель Давид-Генох Ицкович, купец – Малая Проломная ул., д. Ахмерова.

3. Тицнер Владимир Эдуардович, кончивший курс юридических наук – Вознесенская ул., д. Булычева.

4. Сагалович Вульф Беньяминович, дантист – Грузинская ул., д.№61.

5. Биргер Даниил Борисович, присяжный поверенный – Вознесенская улица, д. Романова.

6. Рахлин Мордух Абрамович, курский мещанин. – Петропавловская ул., д. Общественного банка.

Список №5 Казанской организации Еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей-Цион»

1. Кривин Мовша Менделеевич – Б.Проломная ул., д. Соломина.

2. Шур Бер Кеселевич – Б.Проломная ул., д. Стародубцев, кв. №10.

3. Зильберман Хаим Ефремович – Некрасовская ул., д. Булгакова, кв.№4.

4. Илютович Марк Моисеевич – Некрасовская улица, д.№14, кв. №2.

5. Пренский Исаак Давидович – 175 перевязочный Санитарный отряд.

6. Цукерман Шимон Шимонович – Рыбнорядская ул., д. Магницкого.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список №6 кандидатов демократического внепартийного союза домовладельцев и жителей окраин г. Казани

1. Писарев Леонид Иванович, (4 район) профессор – 3 гора, свой дом.
2. Козлов Константин Никифорович, (4 район) химик порохового завода.
3. Новиков Николай Александрович (3 район), член окружного суда – против Фуксовского сада.
4. Заседателев Николай Иванович (1 район) преподаватель – Поперечно-Покровская.
5. Дворников Степан Иванович (6 район) М.Игумнова, Ст.Московский тракт, д.№10.
6. Сергиевский Валериан Валерианович (1 район) нотариус – Проломная ул.
7. Лидвал Иван Иванович (5 район) домовладелец – Екатеринбургская ул., св. д.
8. Сапожников Николай Дмитриевич (1 район) кооператор – Нижне-Федоровская ул., №81.
9. Плетнев Дмитрий Александрович (3 район) член окружного суда – 2-я Солдатская ул.
10. Смирнов Иван Иванович (3 район) управляющий бывшим удел. Имением – Академическая слобода.
11. Лаврентьев Михаил Степанович (6 район) – Угол Смоленской, Царевококшайской и Ягодной ул., д.№17–30.
12. Удовиченко Александр Иванович (3 район) податной инспектор. Председатель общественной комиссии по снабжению обуви для населения – 2-я Солдатская ул., д.№12.
13. Херувимов Степан Петрович (1 район) член правления взаимного Стр. О-ва – Б.Проломная ул., д. Щетинкина.
14. Егоров Василий Алексеевич (4 район) – Заводская ул., св. д.№11.
15. Курбатов Сергей Васильевич (3 район) – коммерсант, ул. Пушкина, св. дом.
16. Иванов Дмитрий Александрович (1 район) преподаватель – Засыпкина ул., св. дом.
17. Манасеин Сергей Вячеславович (3 район) мировой судья – Грузинская ул., св. дом.
18. Черганов Александр Васильевич (5 район).
19. Григорьев Дмитрий Николаевич (1 район), начальник 13 пех. зап. Бригады – Пушкинская ул., св. дом.
20. Дементьев Алексей Григорьевич (4 район) коммерсант – Большая ул., д.№15 свой.
21. Гяркин Николай Степанович (1 район).

ПРИЛОЖЕНИЯ

22. Григорьев Степан Степанович (5 район).
23. Малов Григорий Федорович (4 район) – Суконная слобода, Большая ул., д.№4.
24. Мусатов Николай Петрович (2 район). Варлаамская ул., д.9.
25. Юшков Николай Николаевич, (4 район) податной инспектор – 2-я Гора, св. дом.
26. Банковский Михаил Кузьмич, (1 район). Н.-Федоровская ул., д.№48.
27. Мотягин Андрей Иванович, (5 район) – Старая Поповка, д. №142.
28. Ершов Петр Андреевич (6 район).
29. Марко Дмитрий Мильтиадович (3 район)
30. Золотов Виктор Вячеславович (1 район) – Дальне-Архангельская, №135.
31. Мельников Николай Александрович, (3 район).
32. Поликарпов Никанор Поликарпович, (5 район). – Односторонка скотобойн. пл. №21.
33. Смеловский Григорий Николаевич, (1 район) священник – Касаткина ул., д.№37.
34. Буртасов Петр Матвеевич, (5 район).
35. Семенов Федор Семенович, (4 район).
36. Лопаткин Михаил Иванович, (4 район).
37. Малиновский Сергей Михайлович, (1 район).
38. Федоров Андрей Федорович, (4 район) – 2-я Гора, соб. дом.
39. Мухамедов Хасан Тазитдинович (4 район) – 2-я гора, соб. дом.
40. Чистов Прохор Петрович, (1 район) – односторонка В.Федоровская ул., св. д.
41. Сахновская Ольга Устиновна, (1 район) – правая сторона Булака.
42. Нефедов Василий Прохорович, (4 район) – 3-я Поперечно-Большая ул., св. д.
43. Никольский Михаил Николаевич, (1 район) – Н.-Федоровская ул., д.№59.
44. Харитонов Иван Николаевич, (1 район). – Воскресенская улица, №№ Франция.
45. Данилов Николай Федорович, (5 район).

Список №7 кандидатов Казанского комитета Российской социал-демократической рабочей партии – большевиков

1. Рудов Сергей Ефимович, слесарь электро-механ. части Порохового завода, член Совета Р., С. и К. Д-ов – Пороховая сл., на второй Грязнушке, д. Романовой.
2. Шеваров Глеб Наумович, рабочий завода Бр. Крестовниковых – завод Крестовникова.
3. Бочков Андрей Иванович, портной, член Совета Р., С. и К.Д. – Воскресенская ул., д. Воскресенской церкви.
4. Бисярин Иван Дмитриевич, рабочий.
5. Вихорев Алексей, рабочий 3-го производст. Каз. порох. Завода, член завода К-та рабочих Каз. пор. Завода – Пороховой барак №1.
6. Тихонов Василий Аркадьевич, служащий завода Крестовникова, председатель продвольств. К-та 20 района – завод Крестовникова.
7. Панфилова Мария Антоновна, работница, Председательница союза солдаток г.Казани – Поперечно-Покровская ул., д. Лихачева.
8. Большаков Дмитрий Семенович, портной, член исполнит. комитета совета Р., С. и К. Д. – Большая Лядская ул., д.№6, кв. 4.
9. Шейнкман Яков Семенович, студент Каз. университета – Поперечно-Горшечная ул., д. №4, кв. 4.
10. Северов Михаил Михайлович, конторщик, секретарь Казанского комитета Р.С.Д.Р. партии, член С.Р.С. и К.Д. – левый Булак, д. Войлошникова, конт. склада.
11. Курятников Дмитрий Григорьевич, конторщик милиции Каз. порохового завода, член заводского комитета – Ягодная слобода, Мало-Песочная, д.Гелебезова.
12. Никольцев Михаил Емельянович, служащий завода Крестовникова, член Город. Комитета Обществен. Безопасности – завод Крестовниковых.
13. Сторожев Петр Никанорович, рабочий-портной, секретарь профессионального союза портных – Засыпкина ул., д. бывш. Еникеева, кв.8.
14. Брауде Самуил Максимович, помощник присяжн. повер. член Сов. Р.С.Д., секретарь центр. Бюро профес. Союзов – Ст.Горшечная ул., д. Хорькова, кв. Егорова.
15. Гурьянов Александр Андреевич, слесарь, член Казанского порох. завод. К-та. – Пороховая сл., д. Гурьянова.
16. Зиновьев Матвей Яковлевич, рабочий, завод Крестовникова.
17. Лазарев Василий Васильевич, рабочий-портной, казначей союза портных – Подлужная ул., д. Иванова, кв. 5.

18. Потехин Сергей Яковлевич, литейщик, член завод. к-та Каз. порох. Завода – Адмирал. Сл., 2 Екатерининская ул., д. Жданова.

19. Минеев Федор Иванович, слесарь город. электрич. Станции, член завод. к-та, член союза металлистов, член Ц.Б. союзов – Подлужная ул., д. Леонтьева, кв. №8.

20. Мешков Степан Мартемианович, модельщик механич. завода Сапожникова, член Правл. больничн. кассы №9, член президиума Бюро больнич. Касс – Засыпкина ул., д. №20.

21. Горшунов Андрей Иванович, рабочий зав. Крестовника – зав. Крестовникова.

22. Дейлидович Наталья Максимовна, портниха, член Правления профес. союза портн. – Воскресенская ул., д. Крупина, кв.№5.

23. Сидоров Кондратий, чернорабочий, член завод. к-та порохов. Завода – Банная ул., д. Гаврилова.

24. Гусев Прохор Иванович, рабочий завода Крестовникова – зав. Крестовникова.

25. Верстаков Филипп Леонтьевич, слесарь порохового завода – Пороховая слобода, 1-я Грязнушка, д. Кокушкина.

26. Никольский Александр Дмитриевич, рабочий, Тихвинская ограда, д. Латыпова.

27. Егоров Федор Павлович, служащий завода Крестовникова – завод Крестовникова.

28. Калинин Александр Григорьевич, слесарь Каз. порох. Завода – 4-я Поперечная ул., д. Гребнева.

29. Пичкасов Иван Андреевич, рабочий зав. Крестовникова – зав. Крестовникова.

30. Самохин Георгий Евстафьевич, рабочий –портной – Пороховая слобода, Горох. ул., д.Иванова.

31. Недоспасова Ольга Михайловна, работница, Воскресенская ул., д. Крупеникова, №5.

32. Корюкин Михаил Андреевич, токарь.

33. Соколов Зенон Николаевич, модельщик зав. Козлова, член Правл. профессион. союза металлистов – сл. Жировка, дом Паракина.

34. Казначеев Александр Афанасьевич, фармацевт – Георгиевская ул., №89, кв.7.

35. Карпов Александр Иванович, студент Казанского университета, председатель Центрального бюро профес. Союзов, член Сов. Р.С.Д. – Университет.

36. Трапизонцян Арташес Петросович, аптекарский помощник, член союза служащих аптек, Односторонка Федоровская, д. Маркелова, кв.2.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список №8 лиц предлагаемых прогрессивными мусульманами

1. Максудов Садретдин Низамутдинович, присяжный поверенный – Вознесенская ул., свой дом.
2. Ибрагимов Валиулла Гильмутдинович, казанский купец – Екатерининская ул., соб. дом.
3. Мустафин Абдулла Абдулкабирович, техник – Екатерининская ул., д. №100 Апанаева.
4. Апанаев Абдулла Юсупович – Захарьевская ул., свой дом.
5. Яхъян Ибрагим Музафарович (бухгалтер) – Б. Мещанская ул., соб. д., 5 часть.
6. Хабибуллин Ахмед-Загир Зарифович – Екатерининская ул., д. Н-ов Сагадеева.
7. Мустафин Ш. Ахкем Шайхул-Исламович – Тихвинская ул., д. Галеева.
8. Гизетуллин Гайнулла, торговец – Б.Симбирская ул., д. №14.
9. Ахтямов Хафиз, приказчик – Фуксовская ул., д. Ахтямовой.
10. Габдулвалеев, он же Абдулвалеев Нигметзян, телеграфист – М.Симбирская ул., 2 пер., д.№2.
11. Сайдашев Абдулкадир Мухамедвафич, торговец – Б.Мещанская ул., свой дом.
12. Юсупов Вазих, – Екатерининская ул., д. Н-ки Сагадеева.
13. Хусаинов Замалетдин – Б.Мещанская ул., св. дом.
14. Утяганов Габдрахман – 2-я П.Екатерининская ул., св. дом.
15. Максудов Ахмед-Гади Низамутдинович – 4-я П.-Екатерининская ул., д. Апанаевой-Мишкиной.
16. Вафин Тохватулла – Евангелистовская ул., д.Анакаевых.
17. Шарафетдинов Фаридетдин м. торгов. – М.Симбирская ул., д.№6.
18. Азимов Ахмед-Герей Мухамедшич – Сенная ул., соб. д., торговец.
19. Апанаев Исмагил Мухамедшич, помещик – Левая набережн. Кабана, св. дом Апанаевых.
20. Адгамов Ибрагим, шапочник. – Б.Симбирская ул., соб. дом.

Список №9 кандидатов от Демократического союза квартирантов и комнатоанимателей в городе Казани

1. Кузьмин Михаил Васильевич, председатель демократического союза квартирантов, член гор. Комитета обществ. безопасности, тов. Председателя К-та, Губ. и город. к-тов по топливу и др., левый соц.-революц. – Рыбнорядская ул., д.51, Губайдуллина, кв.3, он же Кузьминский.

ПРИЛОЖЕНИЯ

2. Столбов Иван Егорович, член К-та демокр. Союза квар. лев. соц.-революцион., – Нагорная ул., д.15, кв. №4.

3. Хисамутдинов Ахметвалей Зайнуллин, член К-та демократ. союза квартир., соц.-демократ. – Тихвинская ул., д.№5 соборной мечети, кв.10.

4. Климова Софья Ивановна, член К-та демокр. союза квартир., соц.-революц., член 17 район. К-та, – Дегтярная ул., д. Малахова, кв.№8.

5. Гусев Парфирий Иванович, секретарь и член к-та демокр. Союза квартир., соц.-революц. – Варламская ул., д. Недорезова.

6. Морозович Леонид Гаврилович, член К-та демокр. Союза квар. гор. К-та по топливу, соц.дем. – Суконная сл., 2-я Проломная, д. 132, кв. №1.

7. Горский Николай Владимирович, член К-та дем. союза квар., тов. Председ. Союза и член К-та общ. безоп. с.-р. – Засыпкина ул., д.15 кв. №13.

8. Тихонов Андрей Сергеевич, член К-та дем. союза кварт., член 20-го район. продов. к-та, с.-д.

9. Галиуллин Гайфулла Галиуллинович, член К-та демокр. союза квартир., с.р. – Б.Симбирская ул., д. №14.

10. Богоявленская Мария Ивановна, член К-та дем. союза квар., с.р. – Н.Федоровская ул., д. 33, кв. №36.

11. Гришин Василий Алексеевич, член к-та дем. союза кварт., с.р. – угол Дегтярн. Георгиевской, д. Бердинского.

12. Семенов Виктор Семенович, член к-та дем. союза квартир., с.р. – Суконная сл., Узенькая ул., д.№121.

*Список №10 лиц предлагаемых демократической
внепартийной группой окраинных жителей г. Казани*

1. Горбунов Михаил Васильевич, прапорщик – Адмиралтейская сл., д.Кокориной.

2. Горинов Матвей Тимофеевич, фельдшер, – Адмиралтейская сл., д.Якутова.

3. Анисимов Илларию Александрович, штабс-капитан, – Адмиралтейская сл., д.Меринг.

4. Антонова Зинаида Матвеевна, секретарь союза солдаток, – Козья сл., свой дом.

5. Иванов Александр Тимофеевич, рабочий завода Ушкова, – Большое Игумново, завод Ушкова.

6. Дубинин Николай Герасимович, мастер зав. Алафузова – Ягодная слобода.

7. Золотов Виктор Вячеславович, ветеринарный врач, – Архангельская слобода, свой дом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

8. Николаев Петр Степанович, бухгалтер – Адмиралтейская слобода, д. Чебаксовой.
9. Ключев Дмитрий Иванович, бухгалтер, слобода Гривка, д. Епархиального свечного завода.
10. Бутенин Федор Васильевич, доверенный Булыгина, – Академическая слобода, св. дом.
11. Белоусов Василий Алексеевич, инспектор высш. нач. училища – Суконная слобода, III училище.
12. Кузьминых Александр Никандорович, подрядчик – Ягодная слобод, свой дом.
13. Сигорский Николай Иванович, электро-химик, – Адмиралтейская сл., д.Симоновой.
14. Пономарев Петр Алексеевич, учитель – Адмиралтейская сл., дом Дубровина.
15. Мошков Петр Иванович, доверен. зав. Шабанова, – Ягодная сл., д.Шабанова.
16. Щеголев Владимир Николаевич, инженер, – Ягодная слобода, д. Алафузова.
17. Миловидов Виктор Викторович, учитель, – Козья сл., свой дом.
18. Жажин Николай Михайлович, электро-монтер, – Б.Игумново, д.Ушкова.
19. Прибыткова Вера Константиновна, конторщица, – Адмиралтейская слобода, дом Прибытковской богадельни.
20. Смирнов Иван Емельянович, инспектор высшего начального училища, – Адмиралтейская сл., дом Ярцева.
21. Жестков Иван Абрамович, бухгалтер. – Архангельская слобода, свой дом.
22. Боговаров Константин Исаакович, фельдшер – Козья сл., д. Казанского городского общества.
23. Денисов Сергей Александрович, диакон – Адмиралтейск. Сл., д. Шмеловой.
24. Орлеанский Федор Ильич, член Городской управы, – Адмиралтейская сл., св. дом.
25. Бяков-Шевнинский Степан Григорьевич, – Адмиралтейская сл., свой дом.
26. Четвергов Андрей Семенович, домовладелец – Адмиралтейская сл., свой дом.
27. Щеглов Павел Васильевич, доверенный Ширшова, – Архангельская сл., д.Ширшова.
28. Шуралев Иван Ефимович, служащий зав. Наумова, – Б.Игумново, д. Наумова.
29. Букетов Семен Трофимович, доверенный Любимова Сольве и К-о, – Адмиралтейская сл., свой дом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

30. Алексеев Александр Антонович, судебный пристав, – Адмиралтейская сл., свой дом.
31. Чернов Сергей Антонович, домовладелец, – Адмиралтейская сл., свой дом.
32. Лаврентьев Феодор Степанович, бухгалтер, – Ягодная сл., д.Шабанова.
33. Тимофеев Петр Семенович, приказчик Алафузова – Ягодная сл., д.Алафузова.
34. Михайлов Михаил Трофимович, страховой агент – слобода Гривка, свой дом.
35. Иванов Александр Иванович, чиновник – Архангельская сл., свой дом.
36. Павлов Григорий Леонтьевич, торговец – Архангельская сл., свой дом.
37. Пичугин Сергей Артемьевич, фармацевт, – Архангельская сл., свой дом.
38. Бовин Иван Александрович, преподаватель Речного училища, – Адмиралтейская сл., д.Афанасьева.
39. Филимонов Константин Анфимович, заводчик, – Козья слобода, свой дом.
40. Сушков Иван Алексеевич, служащий Остерман, – Архангельская сл., д. Елесина.
41. Слесарев Владимир Иванович, столяр – слоб. Гривка, свой дом.
42. Стрельников Александр Иванович, – Архангельская слобода, д.Викторова, чиновник.
43. Сапожников Петр Васильевич, чиновник, Архангельская слобода, д. Бахтина.
44. Михайлов Илларион Александрович, служащий зав. Александрова, – Архангельская слобода, свой дом.

*Список №11 кандидатов Казанской организации
партии социалистов революционеров*

1. Колегаев Андрей Лукич, землемер электротехник – Мало-Лядская ул., д.Николаи.
2. Косолапов Николай Иванович, старший ревиз. Казанской Контрольной палаты. – Подлужная ул., д. Лиманова.
3. Шамов Иван Моисеевич, рабочий – Мало-Проломная улица, д. №74 Богданова, кв. №7.
4. Виноградов Николай Васильевич, ветеринарный врач – 48 Мортирный парковый дивиз.
5. Грачев Степан Арсеньевич, рабочий – Ягодная сл., ул. Кокуй, д. Ильина.

ПРИЛОЖЕНИЯ

6. Абакумов Сергей Иванович, педагог – Мочальная, №28.
7. Батуров Петр Николаевич, рабочий – Ягодная слобода, Большая Песоч., д. Иконникова.
8. Ефремов Николай Дмитриевич, прапорщик – Воскресенская ул., здание Городской думы.
9. Архаров Василий Михайлович, студент – Попова гора, д. №30, кв. №2.
10. Бахорин Алексей Дмитриевич, мыловар инструктор – Подлужная ул., д.№13.
11. Васильева Вера Федоровна, ткачиха – Ягодная слобода, Большая Песочн. ул., д.Усеинова.
12. Розенков Иван Петрович, врач военный – 48 Мортирный парковый дивизион.
13. Пономарев Николай Павлович, студент – Б.Лядская ул., д.Логинова, кв. №6.
14. Кудряшов Никандр Михайлович, помощник присяжн. повер. – Военное училище.
15. Калашников Борис Иванович, чиновник банка – Б.Варламская ул., д.№9
16. Татаринев Александр Ерофеевич – 1 батарея 2 Артиллерийской бригады.
17. Васильев Андрей Васильевич, студент – Дегтярная ул., д.№27.
18. Востинский Владимир Николаевич, студент – 2 Солдатская ул., д.№27.
19. Топанцев Адрейан Яковлевич, рабочий – Ягодная слобода, Б.Песочная ул., д. Булдаковой.
20. Хомутов Семен Спиридонович, счетовод – Казанская городская электрическая станция.
21. Шевнин Григорий Андреевич, рабочий – Суконная сл., Лаврентьева ул., д. Удалова.
22. Петорин Алексей Андреевич, рабочий – Плетени, ул. Поповка, д. Полянина.
23. Соколов Григорий Петрович, юнкер – 1-я школа прапорщиков.
24. Каткова София Николаевна, завед. Каз. городск. Библиотекой – Воскресенская ул., зд. Городской думы.
25. Крюков Прохор Петрович, десятник – 2-я Гора, д.№16.
26. Лбов Александр Петрович, народный учитель – 2-я Промная ул., д. №156, кв. №4.
27. Астафьев Владимир Максимович, электротехник – Ягодная слобода, Архангельская ул., д. Тупоносова.
28. Титов Николай, солдат – 95 пехотный запасной полк.

ПРИЛОЖЕНИЯ

29. Романов Федот Митрофанович, рабочий – Ягодная сл., Царевококш. ул., д.Мокеева.

30. Владимиров Иван Платонович, крестьянин – Нижне-Федоровская ул., д. Севастьянова, кв.№1.

31. Рахамов Иван Осипович, рабочий – Ягодная сл., Мало-Песочная ул., д. Осокина.

32. Востинский Александр Николаевич, земский служащий – 2-я Солдатская ул., д.№27.

33. Ершов Николай Евгеньевич, прапорщик – 2-я запасная Артиллерийская бр. 2 дивиз.

34. Надейнов Леонтий Артемьевич, солдат – Сукон. сл., Дект. ул., д. Праукина, кв. Романова.

35. Феодоров Порфирий Никитич, рабочий – Адмиралтейская сл., Большая ул., д. Шахмаева.

36. Авдеев Павел Феодорович, рабочий – Вознесенская ул., д. Романова.

37. Клевнов Григорий Николаевич, солдат – 48 Мортирный парковый дивизион.

38. Улямский Михаил Яковлевич, рабочий – Плетени, Екатерининская ул., д. Дмитриева.

39. Артемьев Николай Иванович, народный учитель – Госпитальная улица, д.№9.

40. Костров Алексей Александрович, рабочий – Ягодная сл., Царевококшайская ул.

41. Цацын Петр Васильевич, рабочий – Ягодная сл., Царевококш. ул., д. Полушкина.

42. Веретенников Александр Михайлович, рабочий – Адмиралтейская сл., 2 Екатерин. Ул., д. Кочнева.

43. Щербаков Григорий Романович, солдат – 1 батарея запасн. Артил. Бригады.

44. Коробов Иван Петрович, рабочий – Ягодная сл., Архангельская ул., д. Тряпичкина.

45. Павлов Николай Михайлович, рабочий – Ягодная сл., Царев. ул., д.Марасанова, кв.№4.

46. Яслев Григорий Филиппович, конторщик – Адмиралтей. сл., Набереж. Р. Казанки, бывш. рес. Чугунова.

47. Майоров Илья Андреевич, земский деятель – Свяжск. Каз. губ. № Женского монастыря.

48. Комков (Кац) Борис Давыдович, литерат. – Мало-Лядская ул., д.Николаи.

49. Гвоздарев Александр Семенович, служащий у Зингера – Адмиралтейская сл., Большая ул., д. Кусанова.

50. Ковычкин Степан Архипович, рабоч. – Ягодная сл., Бакин пер., д.Калугина.

ПРИЛОЖЕНИЯ

51. Герасимов Григорий Васильевич, крестьянин, Большие Сибирские номера №24.

52. Колпаков Григорий Григорьевич, солдат – 1 батарея 2 зап. Артил. бригады.

53. Утятников Василий Ионович, крестьянин Верхне-Федоровской ул., д.№12, кв. №2.

54. Голенков Андрей Алексеевич, крестьянин – Верхне-Федоровская ул., д. Васильева.

55. Сипчугова Мария Григорьевна, ткачиха – Ягодная сл., Б.-Песочная ул., д.Базякова.

56. Каргин Иван Федорович, рабочий – Адмиралтейская сл., Московская ул., д. Семенова.

57. Васильева Анна Тимофеевна, портниха – Ягодная сл., Офицерская ул., д. Устинова.

58. Крылов Роман Семенович, солдат – Георг.ул., Осокинские казармы Литография.

59. Гурфинкель Элио Геселев, фельдешр. уч. – Военный госпиталь.

60. Челноков Василий Кузьмич, электротехник – Адмиралтейская сл., Больш. ул., д. Долгушина.

61. Ларионов Степан Федорович, рабочий – Ягодная сл., Смоленская ул., д. Попова.

62. Мельников Леонид Михайлович, телефон. – Вознесенская ул., д. Меркулова.

63. Егоров Иван Трифонович, рабочий – Пороховая сл., Большая ул.

64. Шушков Иван Павлович, прапорщик – Рыбнорядская ул., д.№58, кв. №12.

65. Австриевский Петр Григорьевич, рабочий – Адмиралтейск. сл., д. Масленкин.

66. Басков Василий Григорьевич, рабочий – Плетени, Екатеринин. ул., д. Юнусова.

67. Потапов-Кузнецов Георгий Евдокимович, рабочий – Суконная сл., Малое Польцо, д. Амбул. Губер. Земст.

68. Коршунов Иван Иванович, бухгалтер – Ново-Горшечная ул., д.№27.

69. Кузнецов-Герасимов Александр Васильевич, рабочий – Ягодная сл., Большая ул., д.Мухина.

70. Кутузов Никита Иванович, рабочий – Ягодная сл., Смоленская ул., д. Попова.

71. Цацурин Алексей Павлович, электротехник – Адмиралтейская сл., Большая ул., д. Масленикина.

72. Шнуровский Казимир Юманович, студент – село Ильинской Каз. губ.

73. Кузенков Спиридон Максимович, электрот. – Ягодная сл., Царевок. ул., д. Соловьева.
74. Строганов Николай Иванович, народный учитель – Малая Лядская ул., д. Николаи.
75. Архангельский Константин Александрович, студент – Рыбнорядск. ул., д. Орлова, кв. №4.
76. Брауде Вера Петровна, секретарь – Старо-Горшечн. ул., д. Хорькова, кв. Егорова.
77. Останин Анатолий Иванович, солдат – Рыбноряд. ул., д. Муллина, кв. №8.
78. Жилинский Василий Иануариевич, студент – Рыбноряд. ул., д. №51, кв. №4.

*Список №12 кандидатов мусульманской
социалистической партии*

1. Вахитов Мулланур Муллазянович, член губернской земской управы – Апанеевское подворье, №44.
2. Абдрашитов Исмагил Ахмадуллович, военный – Б.Мещанская ул., д. Султана Яхьи́на.
3. Ахмадеев Шагид Гимадутдинович, редактор газ. «Ауаз» – Мостовая ул., д. Забелина, кв.3.
4. Сафаргалеев Мух-Зариф Сафаргалеевич, рабочий – Ягодная сл., Бабыкина пер., д. Тупоногова.
5. Багаутдинов Абдулла Сабинович, ремесленник – Екатерининская ул., д. Галеева.
6. Баязитов Залялетдин Багаутдинович, рабочий – Ново-Татарская сл., М.Симбирская, д. Утямышева.
7. Сафиуллин Халиулла Гатауллович, военный – Екатерининская ул., д. Галиева.
8. Мамышев Якуб Садретдинович, приказчик – Сенная ул., д. Бр. Каримовых.
9. Мухаметярова Уммукульсум Мухамет-Зяновна (фельдшерица – Евангелистовская улица, д. Суворова.
10. Сейфи Аброй Салахутдиновна, учительница – П.-Екатерининская ул., д.Ямашева.
11. Мухутдинов Хатыб Камоллович, учитель – Екатерининская ул., татарская учительская школа.
12. Фахрутдинов Хайретдин Гайнетдинович, рабочий – Николаевская ул., д. Баязитова.
13. Абдрашитов Абдулла Гайнуллович, военный – Б.Проломная ул., №№ Бристоля.
14. Гайнуллин Хасиатулла Зайнуллович, конторщик – Мельников. дамба, д. Софронова, кв. 2.

15. Зайнутдинов Ибрагим Зайнуллович, рабочий – Ягодная сл., Б.-Песчаная ул., д.Габбязова.
16. Шафигуллин Вали Салимуллович, солдат – уг. Тихвинской и Варламской ул., д. Маркелычева.
17. Валитов Садри Хайретдинович, военный – Екатеринбургская ул., д. Алина Мустафина.
18. Губайдуллин Гильман Губайдуллович, приказчик, – Екатеринбург. ул., д. бывш. Адамышевой (Рахметуллиной).
19. Ахмадуллин Сигбатулла Ахмадуллович, рабочий – Ягодная сл., Царевок. ул., д. Хусаинова.
20. Мангулов Сабгатулла Мангулович, рабочий – Н.-Татарская сл., М.-Симбирская ул., д. Чукина.
21. Сейфи Фатых Камалович, журналист – Поп. Екатерин. ул., д. Ямашевой.
22. Камалетдинов Галяутдин Камалетдинович, ремесленник – Захарьевская ул., д. Апанаевой.
23. Мустакаева Гаян Садыковна, работница – Николаевская ул., д.Мустакаева.
24. Сайфутдинов Фазылжан Зямалетдинович, конторщик – Посадская ул., д.Нелидова.
25. Искандеров Искак Идрисович, приказчик – Б.Мещанская ул., д. Шам. Хуснутдинова.
26. Сабирзянов Юсуф Сабирзянович, рабочий – Ягодн. сл., В.-Архангельская ул., д. Тупоногова.
27. Бурнаев Юсуф Якубович, рабочий – Б.Мещанская ул., д. Казакова, кв.17.
28. Козлов Абдулхай Галиевич, рабочий – Николаевская ул., д. Усманова.
29. Баширов Камиль Фаттахович, конторщик – Наб. Кабана, д.Мусина.
30. Садыков Ибрагим Хусаинович, рабочий – Ново-Татарская сл., Б.-Симбирская ул., д.№70.
31. Биккинин Шакир Мирза-Зарифович, военный – Николаевская ул., соб. д.
32. Биктагиров Гимран Битагирович, приказчик, – 2-я Мещанская ул., д.Мусина, кв. №3.
33. Хуснутдинов Садык Хуснутдинович, рабочий – Ягодн. сл., Царевокок. ул., Миндубаева.
34. Зиганьшин Габдуллазян Рахимзянович, приказчик – Тихвинская ул., д.Галима Галеева, кв. №2.

Список №13 кандидатов, ремесленно-торгово-промышленников

1. Мельников Николай Александрович, – Ново-Комиссариатская ул., д.Орловой.
2. Степанов Дмитрий Егорович, – Правя ст. Булака, дом свой.
3. Демидов Степан Васильевич – Сенная площадь, дом свой.
4. Боронин Василий Дементьевич – Красная ул., дом свой.
5. Никитин Петр Филипович – Воскресенская ул., д.Войлошниковова.
6. Чибриков Василий Федорович – Евангелистовская ул., дом свой.
7. Смирнов Николай Васильевич – Жуковская ул., дом Смирнова.
8. Караганов Павел Иванович – Гостинодворская ул., собственный магазин.
9. Ибрагимов Валиулла Гильмутдинович – Захарьевская ул., собственный магазин.
10. Готлицер Илья Яковлевич – Ново-Комиссариатская ул., д.Иванова.
11. Яковлев Василий Ефимович – Суконная слоб., Большая ул., соб. дом.
12. Зиновьев Федор Абрамович – Вознесенская ул., дом свой.
13. Кропоткин Алексей Алексеевич – Европейские номера, Воскресенская ул.
14. Старостин Александр Иванович – Проломная ул. номера «Москва».
15. Антонов Вячеслав Васильевич – Нижне-Федоровская ул., д.Степанова.
16. Софронов Николай Егорович – Мостовая ул., собственный дом.
17. Клягин Алексей Павлинович – Ново-Комиссариатская ул., д. Клягиной.
18. Кудряшев Иван Никифорович – Георгиевская ул., собств. Дом.
19. Акимов Василий Алексеевич – Рыбнорядская ул., номера Музурова.
20. Геркен Петр Иванович – Воскресенская ул., Европейские номера.
21. Муллов Иосиф Александрович – Посадская ул., Городской Александровский родильный приют.
22. Козочкин Михаил Петрович – Малое Польцо, собств. дом.
23. Козлов Герасим Ильич – Плетени, Екатерининская ул., свой дом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

24. Кашеваров Афанасий Феоктистович – Пушкинская ул., собств. дом.
25. Кешнер Адольф Васильевич – 3-я Гора, дом Плотникова.
26. Боратынский Александр Николаевич – Лядская ул., свой дом.
27. Шадрин Степан Андреевич – Торгово-москательный ряд, свой дом.
28. Горбунов Михаил Васильевич.
29. Орлов Михаил Степанович – Вознесенская ул., свой дом.
30. Кац Нахим Гиршевич – Проломная ул., д. Стадлер.
31. Жемчугов Александр Тихонович – Ново-Горшечная ул., д. Дворянского общества.
32. Теренин Николай Степанович – Мало-Красная ул., д. Макаровой.
33. Берябисов Василий Романович – Грузинская ул., д. Брокмиллер.
34. Апанаев Халим Апсалямович – ... ул., дом свой.
35. Пермьяков Леонид Петрович – Ни... ровская ул., д.№52.
36. Полудис⁴ Дмитрий Николаевич – Ягодная Архангельская ул., д. О-ва Алафуз. фабр.
37. Козлов Леонтий Ильич – Суконная сл., Малое Польцо, дом свой.
38. Арефьев Зиновий Никанорович – Попер.-Воскр. ул., дом свой.
39. Эннатский Леонид Васильевич – Воскресенская ул., номера «Франция».
40. Алексеев Василий Иванович – П.Владимирская ул., дом Петрова.
41. Щербakov Александр Николаевич – Георгиевская ул., д.№3.
42. Сенников Иван Максимович – П.Владимирская ул., свой дом.
43. Бердников Федор Сергеевич – Георгиевская ул., д. Тихомирнова.
44. Курицын Александр Александрович – Вознесенская ул., свой дом.
45. Ковалев Александр Владимирович – Университетская ул., д. Немирович-Данченко.
46. Борисов Федор Филиппович – Б.Варламская ул., д.Оконишникова.
47. Счастливцев Александр Михайлович – Адмиралтейская сл., Московская ул., свой дом.

⁴ Правильное написание фамилии – Пулудис – *прим. ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

48. Тюфилин Александр Михайлович – Засыпкина ул., дом свой.
49. Сенкевич Викентий Иванович – Булак, дом свой.
50. Шабанов Василий Григорьевич – Ягодная слобода, дом свой.
51. Кувшинов Ефим Павлович – овраг между 1-й и 2-й горами, свой дом.
52. Матвеев Василий Зиновьевич – Екатерининская ул., дом Халитова №144.
53. Щеглов Владимир Николаевич – Ягодная сл., главная контора О-ва Алафуз. фаб. и зав.

*Список №14 от служащих и рабочих в Казанском
Городском общественном самоуправлении*

1. Котляровский Алексей Иванович – Театральная ул., д. Городского самоуправления.
2. Бирилов Петр Семенович – Вторая гора, д. №22.
3. Тимонин Гавриил Клементьевич – Воскресенская ул., д. Городского самоуправления.
4. Захарьевский Алексей Иванович – Малая-Красная ул., соб. дом.
5. Березкин Федор Федорович – Вторая Проломная ул., д. Чернышева.
6. Никифор Петр Филиппович – Рыбнорядская ул., Демидова №44.
7. Карпов Николай Корнилович – Суконная сл., Малое Польцо, д.Карповой.
8. Распопов Владимир Гаврилович – Большая Красная, д. Распоповой.
9. Бажанов Тихон Иванович – Правая Черноозерская, Александровская лечебница.
10. Царегородцев Борис Николаевич – Армянская ул., д.№46.

Городской голова В.Д.Боронин
Секретарь Городской думы Б.Н.Нелидов

НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.55. Л.176–176 а.

Приложение №12

**Из воспоминаний Шагита Ахмадеева
о Муллануре Вахитове**
(на татарском языке)

1919 г.

(...) Шул Беренче Май көне Казан ярлысы, эшчесе өчен бик зур бэйрәм булды. Манифестация вакытында, мөселман комитеты манифестациясеннән килеп, бергә кушылып йөрүне үтенгән вәкилләргә Пороховой, Алафузов эшче-хатыннары: «Долой буржуй хатыннары. Революциягә кадәр алар безгә сәлам дә бирмиләр иде. Исләренә төшкән, инде без алар белән кушылмыйбыз!» – дип кычкырдылар. Шул вакыт Мулланур иптәш мыек астыннан гына елмаеп: «Аз гына вакыт эшлэнгән эшнең дә жимеше күренде», – дип үз артындагы эшчеләр армиясен күреп шатлана иде.

II

Шуннан озак үтмәде, Мулланур иптәш Казанның читендәрәк матур гына зур бер бинада Социалистик комитеты хозурында беренче мәртәбә башлап эшчеләр клубы ачты.

Ул барлык көче белән бу клубны тышкы һәм эчке ягыннан яхшы итеп куярга тырышты. Клубның эчен, стеналарын бизәкләү, зиннәтләү өчен ул күзенә күренгән матур картиналар, матур савыт, статуя, мебельләр алып кайта иде. Шулай итеп, акчасы да, ярдәмчесе дә булмаган клуб курчак кебек матур бер хәлгә кергән иде.

Клубның мәгънәви ягын күтәрү өчен Мулланур клубта үз вакытына күрә бай гына кыйраәтханә (уку залы – *прим. ред.*) ачтырды. Мәйданда булган һәм яңа чыккан китаплар белән генә канәгатьләнмичә, комитет исемненән вак-вак сәяси брошюралар да тәржемә кылдырып бастырта иде. Мондый комитет, клубның гына тәэсире күп даирәгә жәелә алмаганын, уң матбугат, мөселман комитетчылары белән көрәшү өчен, бер «Аваз» житмәгәннен, үзенә башка бер комитет органы кирәк булганлыгын игътираф итеп, «Кызыл байрак» исеммендә газета чыгарды. Ләкин ул анда, сәяси кискен, ачы, усал көрәшкә күп урын бирүгә караганда, фәнни-әдәби, сәяси мәкалә, фельетоннар басуны артыграк күрә иде. (...).

Әхмәдиев Ш. Сайланма әсәрләр. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1959. – Б.235–236.

ГЛАВА 2. КОЛЛЕКТИВЫ И СООБЩЕСТВА В ЭПОХУ ПОТРЯСЕНИЙ

Приложение №13

**Документы о конфликте землевладелицы В.И.Беликович
и Ульяновского волостного комитета (Свияжский уезд)**

1.

4 июля 1917 г.

Землевладелица при с. Турминском Вера Илариевна Беликович заявляет, что вследствие болезни и преклонного возраста, не имея возможности жить в Казани⁵, ей желательно вернуться в имение, но так как местные жители не разрешают жить в имении ее прислуге Яковлевой, без которой по слабости здоровья она обойтись не может, просит разрешить оставить в имении означенную Яковлеву.

Сообщая об этом, прошу волостной комитет распорядиться не вмешиваться в частную жизнь гражданки Беликович, которой предоставляется иметь прислугу по собственному усмотрению. О сделанном по сем распоряжении меня уведомить.

Губернский комиссар

НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.38. Л.253.

2.

25 августа 1917 г.

Желая возвратиться на жительство в свой дом, находящийся в селе Турминском, Свияжского уезда, Ульяновской волости, я 28-го июля 1917 г. со своей прислугой Любовью Яковлевой, приехала в Турминск. На другой же день по моему приезду ко мне в дом явились местные крестьяне, в числе 2-х человек, и одного солдата и потребовали прогнать прислугу Яковлеву, в противном случае угрожали ей самосудом. Тем не менее, после этого, мы прожили довольно спокойно с неделю.

8-го августа ко мне в дом явились крестьяне, местный священник о. Соловьев и неизвестный мне человек, которого Соловьев представил как Комиссара; последний заявил мне, что мой дом теперь принадлежит Комитету и чтобы я, в виду предполагаемого ремонта для приспособления дома под училище, очистили его. Я протестовала против незаконного захвата моей собственности, однако мой протест положительного результата не имел, и они, т.е. священник и Комиссар (по словам священника) пошли осматривать

⁵ В Казани жила в номерах Щеткина (ул. Большая Проломная).

ПРИЛОЖЕНИЯ

все помещения моего дома. Этим временем находящиеся в доме крестьяне, пришедшие вместе со священником, стали искать по дому мою прислугу Любовь Яковлеву, чтобы разделаться с нею самосудом. Зная их злые намерения, она была спрятана нами в сундук, в котором была заперта и находилась в нем 3 ½ часа. Поиски их остались тщетными. На требование крестьян выдать Яковлеву, остальная моя прислуга заверила, что Яковлевой в доме нет. Во время поисков Любовь Яковлева, находясь в сундуке, слышала как они говорили: «только бы нам ее найти, мы ее на куски разорвем и т.д.» и кто-то из присутствующих предложил брать из моего дома все то, что может поместиться в карманах, последствием чего оказалась пропажа следующих вещей: двое черных часов, девять серебряных ложек и нитка янтаря. Одни часы принадлежали, живущей у меня Александре Аристарховне Подвершинниковой – бедной старушке, которая обратилась с просьбой к находящемуся вместе с крестьянами, сыну священника о. Соловьева – Николаю о возвращении ей ее часов, что он и сделал – часы были возвращены ей. Осмотрев дом Комиссар категорически мне заявил, чтобы я уехал из дома. Мы стали собираться. В это время приехал к нам брат моей прислуги Яковлевой – Василий Яковлев, взявшийся отвезти некоторые вещи своей сестры. Когда Яковлев вывез со двора вещи, на него напали местные крестьяне, его самого избили, а вещи все отобрали. На другой день мы втихомолку из Турминска уехали, оставив всю обстановку дома и все имущество на попечение старушки Подвершинниковой, которая прислала мне телеграмму, при сем прилагаемую. В виду такого незаконного захвата моей собственности и полного разграбления моей усадьбы, о которой я неоднократно сообщала Вам на распоряжение, вновь обращаюсь к Вам г. Комиссар с просьбой, окажите надлежащее содействие, принятием соответствующих мер для ограждения моей собственности. Кроме того, прошу выдать мне разрешение на продажу оставшейся в селе Турминском скотины и на вывоз моего имущества и продажи некоторых материалов.

Землевладелица Вера Илариевна Беликович, а за нее – ввиду слепоты, росписался Л.Пермяков.

НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.37. Л.214.

Приложение №14

Прошение на имя казанского губернского комиссара В.А. Чернышова от хуторян 1-й и 2-й Машлаковской казен. оброчной статьи при дер. Верхнем и Большом Машляк, Шеморбашской волости Мамадышского уезда о прекращении аграрных беспорядков и расхищения их имущества жителями д. Верхний Машляк.

27 июня 1917 г.

7-го по 19-е июня с.г. наши однообщественники дер. Верх. Машляк и Больш. Машляк самовластно разделили нашу купленную у казны землю на который мы все завели хуторское хозяйство с 1908 г. своими собственными трудами, у первых трех по 12 дес., у Трошина 25 дес., у Халитова 12 дес., которую в период этого времени обрабатывали, удобряли и улучшали, половина из нее удобрино, сыновья наши которые стоят и защищают благо своей родины, а мы в настоящее время остались совершенно бессильными: защитников и завоевателей этой свободы семейство должно остаться без куска хлеба обездоленными и обиженными, а те которые совершенно не участвуют в этой ужасной компании громят и бесчинствуют, подрывая последнее благосостояние нашего семейства, подобные беспорядки приведут нашу дорогую родину к верной гибели. Возмутители нашего общества дер. Верхних Машляк 1. Комиссар Семен Андреев, 2. Павел Бозин, 3. Сергей Григорьев и 4. Иван Архипов и 5. Петр Флегонтов. Дер. Больш. Машляка 1. Ульдян Усманов, 2. Рахимзян Хуснутдинов, 3. Рахимулла Хайруллин, 4. Гарифулла Сафиуллин. В виду вышеизложенного обращаемся к Вам с покорнейшей просьбой о принятии серьезных необходимых мер о прекращении таких бесчинств в нашем обществе и приостановке вышеизложенных возмутителей и прекращении подобных беспорядков впредь до учредительного собрания.

При разделе нашей земли описали наше движимое и не движимое имущество по дешевой оценке, благодаря этих возмутителей наши однообщественники расхищают наше трудовое имущество.

Покорнейше просим Вашей скорой помощи о принятии необходимых мер потому, что начался сенокос и вспашка парового поля, а в настоящее время сами не пашут и нам не дают, в случае нашей работы на этой земле, то они нас всех перебьют. Покорнейше просим о скорейшем принятии мер от такого насилия.

В том и подписуемся.

Поликarp Григорьев, Семен Матвеев, Димитрий Егоров, Сидтик Хамитов, Василий Торошин.

НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.35. Л.297.

ГЛАВА 3. РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИН

Приложение №15

**Из дневника вольнослушательницы исторического
отделения историко-филологического факультета
Казанского университета Милицы Васильевны Нечкиной⁶**

1917 г.

24 октября.

Слышен грохот пушек. Это идет сражение правительственных войск с большевиками. Почему я ничего не чувствую?

25 октября

Я пишу, а в мою комнату доносится гром пушек. Они грохочат близко, близко, в кухню уже попала пуля, около дома человеку оторвало ногу, а в стену коммерческого училища попал снаряд и большая красная рана на светлом фоне. Я сижу и учу физику.

28 октября.

Работаю до отупения. Минутами кажется, что работа – средство самозащиты от всего, что происходит вокруг. Ни на минуты не прекращала работы даже во время обстрела. Неживая я.

6 ноября.

Сегодня шесть часов напряженного внимания ушло на физику и латынь. Если из мук моих над собой что-нибудь, дающее мне ключ к жизни, к цели всего, что я думаю, я согласна мучиться еще столько же. Но если они пропадут, погибнут? Боже, что тогда делать, для чего жить?

15 ноября.

Вероятно, занятия в университете будут продолжаться на Рождество. Для меня это большой удар, т.к. я мечтала сдать в январе аттестат зрелости и все второе полугодие употребить на серьезные

⁶ М.В. Нечкина (1901–1985) – историк, академик АН СССР. По другим данным 1899 г.р. В 1918 г. сдала экзамен на аттестат зрелости за курс мужской гимназии. В 1921 г. окончила Казанский университет. Работала преподавателем в различных учебных заведениях Казани. В 1924 г. переехала в Москву. Занималась педагогической и научной работой. С 1936 г. работала в Институте истории АН СССР. Основное направление исследований – история декабристского движения (Вандалковская М.Г. Высокое служение богине истории. К 100-летию со дня рождения академика М.В. Нечкиной // Вестник Российской академии наук. 2001, том 71, № 2, с. 155–167).

университетские занятия. Я решила заниматься во второе полугодие только логикой и введением в философию. Сейчас все время рвется на три части – университет, музыка и аттестат. Особенно этот аттестат ест много времени.

Дневник М.В. Нечкиной: Казань и Казанский университет (1917–1924 гг.) / Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации А.Н. Бикташевой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – С.17.

Приложение №16

Автобиография Мухитдиновой Амины Фасаховны⁷

Конец 1920-х гг.

Родилась я в Казани в 1898 г., отец мой прослужил 40 лет народным учителем в татарских школах, получая в месяц 35–40 руб., в течении нескольких лет он исполнял обязанности муллы в войсковых частях, получая за что 6 рублей в месяц; но основной профессией его было учительство. Я окончила женскую гимназию с золотой медалью и поступила в 1915 г. на в юридический факультет Казанского университета, в то время я была первая из татарских женщин поступившая в университет. Училась на свои средства, которые зарабатывала частными уроками. Окончила Университет 1919 г.

Моя революционная работа начинается с первых дней Февральской революции, в начале марта 1917 г. совместно с тов. Мулланур Вахитовым мы организовали Мусульманский социалистический комитет, который вел активную борьбу с национал-шовинистическими течением татарской буржуазии и интеллигенции, возглавляемый Алкиным, Туктаровым и др. Мусульманский социалистический комитет стоял на платформе «Вся власть советам», «борьба с временным правительством» и работал совместно с Каз.

⁷ Мухитдинова Амина (Эмине) Фасаховна – юрист, общественно-политический деятель. Член Мусульманского социалистического комитета в Казани, депутат Национального собрания («Миллэт Меджлиси») в Уфе. С января 1918 г. работала в Центральном мусульманском комиссариате при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР. С 1919 г. член РКП (б). В 1920–1921 гг. – заместитель наркома юстиции ТАССР, наркома просвещения и начальник Академцентра. С 1922 г. работала в Крыму, где занимала посты прокурора Симферопольского ревтрибунала, прокурора Главного суда Крымской АССР. В 1928–1930 гг. – член коллегии Верховного суда РСФСР. Окончила Институт красной профессуры. С 1936 г. работала в аппарате ЦК ВКП(б). Репрессирована в 1938 г. Умерла в 1944 г. Реабилитирована посмертно (Махмутова А. «Учите нас – равны мы их ученым будем...» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2004. – №2).

ПРИЛОЖЕНИЯ

большевистской организацией, под этим лозунгами мы организовали татарские рабочие массы вокруг нашего комитета. (...)

Работала по организации работниц татарок и от имени Соц. Комитета была делегирована в Москву на Всероссийский съезд мусульманских организаций 1 мая 1917 г. На этом съезде я выступила с докладом «Роль женщины татарки в социальной революции» – после доклада правая часть съезда (меньшевики, кадеты, националисты) потребовали удаления моего со съезда, часть революционных солдат и рабочих, присутствовавшая на съезде, устроила мне овацию и высказали одобрение. В июне 1917 г. на 2 съезде мусульманских организаций я была выбрана от имени социалистической группы среди татар, борющейся с татарскими шовинистами членом национального собрания. (...)

Наша группа работала в целях разгона и срыва национального собрания, освобождения татарских трудовых масс из под влияния мулл и буржуазной интеллигенции. Действительно национальное собрание было разогнано по инициативе соц. Комитета и мусульм. Комиссариата во главе с тор. Вахитовым. (...)

Весь период гражданской войны работала в рядах Красной Армии в качестве старшего политрука.

ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2028. Л.12–12 об.

ГЛАВА 4. «ЧУЖИЕ» В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Приложение №17

**Сведения о числе трудоспособных и вставших
к 1 августа на сельскохозяйственные работы беженцев,
подготовленные Казанской губернской земской управой**

1916 г.

Уезды	Трудоспособность	% к общему числу беженцев	Число вставших на сельскохозяйственные работы
Казанский	2011	40,6	1308
Свияжский	1294	41,7	555
Чебоксарский	2515	46,7	1213
Цивильский	85	41,4	25
Лаишевский	1830	39,3	1755
Мамадышский	1864	40,7	870
Царевококшайский	1415	31,1	1489
Чистопольский	2967	34,3	2562
Тетюшский	1642	35,7	1658

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ядринский	508	34,7	250
Спасский	2757	44,7	1193
Козмодемьянский	1734	48,9	373
Всего	20 622	39,9	13 363

Приложение к Докладу №16 Казанской губернской земской управы 95-му чрезвычайному Губернскому Земскому собранию. Казань, 1916.

Приложение №18

Семьи мусульман-беженцев⁸, получавших пособия от Мусульманского отдела Казанского городского комитета помощи беженцам

январь 1917 г.

№	Семья	Члены семьи	Прежнее местожительство
1.	Абдулбасырова	1) Иоанна, 25 лет 2) Усман, 6 лет 3) Карим, 10 месяцев	г. Рига
2.	Адамович	1) София, 20 лет 2) Елизавета, 50 лет 3) Али, 6 лет 4) Селима, 3 лет 5) Елена, 22 лет	г. Соколки, Гродненская губерния
3.	Александрович	1) Халима, 43 лет 2) Степан, 13 лет 3) Рамазан, 9 лет	м. Свислочи, Гродненская губерния
4.	Александрович	1) Ибрагим, 6 лет	м. Свислочи, Гродненская губерния
5.	Александрович	Айша, 17 лет	Рига
6.	Александрович	1) Елена, 62 года 2) Софья, 38 лет	Новая-мышцы, Минская губерния
7.	Александрович	1) Иван, 60 лет 2) Якуб, 12 лет 3) Софья, 15 лет	г. Слоним, Гродненская губерния
8.	Александрович	1) Фатьима, 42 года 2) Айша, 13 лет 3) Ханифа, 11 лет 4) Амина, 4 года 5) Зюгра, 2 года 6) Зайняб, 6 лет	г. Новогрудок, Минская губерния

⁸ Польско-литовские татары.

Приложения

		7) Сулейман, 3 месяца	
9.	Александрович	1) Тензиля, 54 года 2) Яхья, 58 лет	г.Слоним, Гродненская губерния
10.	Александрович	1) Тензиля, 80 лет 2) Зинаида, 58 лет	м. Трибли, Виленская губерния
11.	Александрович	Фатыма, 75 лет	г.Слоним, Гродненская губерния
12.	Александрович	1) Марьям, 46 лет 2) Амина, 11 лет	Минск
13.	Александрович	1) Амалия, 46 лет 2) Александр, 58 лет	Минск
14.	Александрович	Фатыма, 68 лет	м. Ляхович, Минская губерния
15.	Александрович	1) Марьям, 13 лет 2) Азыма, 10 лет	г. Соколки, Ковенская губерния
16.	Александрович	1) Марьям, 30 лет 2) Якуб, 10 лет 3) Алим, 8 лет	г. Новогрудок, Минская губерния
17.	Амевич	1) Марья, 7 лет 2) Фелиция, 4 года 3) Фурша, 2 года 4) Давид, 10 лет	г. Новогрудок, Минская губерния
18.	Асанович	1) Марьям, 60 лет 2) София, 5 лет	м. Араны, Виленская губерния
19.	Асанович	1) Марьям, 40 лет 2) Амина, 15 лет	г. Новогрудок, Минская губерния
20.	Асанович	1) Фелиция, 48 лет 2) Азым, 14 лет 3) Халиф, 12 лет 4) Елена, 10 лет	г. Сморгон, Виленская губерния
21.	Асанович	1) Марьям, 40 лет 2) Яхья (Иван), 9 лет 3) Али (Александр), 7 лет 4) Самуил, 5 лет 5) Марьям, 2 года	Василишк, Виленская губерния
22.	Асанович	1) Софья, 47 лет 2) Амалия, 13 лет 3) Сулейман, 50 лет	г. Новогрудок, Минская губерния
23.	Асанович	Юсуф, 62 года	м. Бутерманцы, Виленская губерния
24.	Асанович	1) Галима, 21 год 2) Галима, 9 лет	м. Араны, Виленская губерния
25.	Асанович	1) Софья, 30 лет 2) Марьям, 6 лет 3) Фатыма, 4 года	м. Айшишки, Виленская губерния
26.	Базаревич	1) Халима, 39 лет 2) Елена, 13 лет 3) Якуб, 12 лет	г. Кайланы, Виленская губерния

Приложения

27.	Байрашевская	1) Марьям, 13 лет 2) Софья, 11 лет 3) Али, 8 лет 4) Бекир, 6 лет	м. Бутреманич, Виленская губерния
28.	Беганская	1) Марьям, 12 лет 2) Александр, 10 лет	Рига
29.	Беганская	1) Халима, 31 год 2) Айша, 6 лет	Минск
30.	Богданович	Емилия, 63 года	г. Новогрудок, Минская губерния
31.	Богданович	1) Ибрагим, 5 лет 2) Жанна, 3 года 3) Иван, 1 год	м. Соколки, Грод- ненская губерния
32.	Богданович	1) Аминя, 50 лет 2) Айша, 13 лет 3) Мустафа, 7 лет	г. Петкинешки, Виленская губерния
33.	Богданович	1) София, 51 год 2) Марьям, 14 лет 3) Хасан, 12 лет 4) Али, 9 лет	м. Сорок-Татар, Виленская губерния
34.	Богданович	1) Фелиция, 41 год 2) Иван, 36 лет 3) Хавва, 14 лет 4) Хадича, 7 лет	м. Олькиники, Виленская губерния
35.	Воронович	1) Марьям, 30 лет 2) Бекир, 12 лет 3) Эмилия, 10 лет 4) Самуил, 8 лет 5) Елена, 4 года 6) Разалия, 1,5 года	м. Ошмянъ, Виленская губерния
36.	Гембицкая	1) Хасан, 9 лет 2) Азыма, 5 лет	м. Ошмянъ, Виленская губерния
37.	Гембицкая	Марьям, 50 лет	г. Видзы, Ковенская губерния
38.	Гембицкая	1) Фатыма, 22 года 2) Али, 3 года	м. Ораны, Виленская губерния
39.	Гембицкая	Зайнаб, 5 лет	г. Свинцианы, Виленская губерния
40.	Гембицкие	1) Сулейман, 78 лет 2) Разия, 60 лет	м. Араны, Виленская губерния
41.	Гембицкий	1) Халима, 14 лет 2) Мустафа, 12 лет 3) Салих, 6 лет	м. Свислоч, Грод- ненская губерния
42.	Гембицкий	1) Фатыма, 30 лет 2) Юсуф, 11 лет 3) Амина, 5 лет 4) Мустафа, 3 года	м. Ораны, Виленская губерния

ПРИЛОЖЕНИЯ

43.	Гибадуллина	1) Айша, 75 лет 2) Хадича, 2 месяца 3) Марьям, 3 года 4) Тензиля, 22 лет	г. Двинск
44.	Джаббаров	1) Софья 2) Файруза 3) Фатыма 4) Аминя (новорожденная)	Двинск
45.	Ельеяшевич	1) Айша, 26 лет 2) Ханифа (новорожденная)	г. Новогрудок, Минская губерния
46.	Зданович	1) Елена, 30 лет 2) Марьям, 7 лет	г. Ошмяны, Виленская губерния
47.	Избек	Аминя, 40 лет	м. Ашишки, Виленская губерния
48.	Изофович	1) Айша, 66 лет 2) Халима, 4 года	м. Бугриманич, Виленская губерния
49.	Конопацкая	1) Халима, 34 года 2) Аминя, 14 лет 3) Розия, 8 лет	м. Ошмяны, Виленская губерния
50.	Коньковы	1) Айша, 35 лет 2) Темир, 8 лет 3) Айша, 2 года	Минск
51.	Корицкая	Зоня, 70 лет	г.Слоним, Гродненская губерния
52.	Корицкие	1) Айша, 42 года 2) Марьям, 18 лет 3) Зайнаб, 7 лет	г.Слоним, Гродненская губерния
53.	Корицкий	1) Фелиция, 73 года 2) Михаил, 9 лет	Вильно
54.	Криницкие	1) Елена, 34 года 2) Софья, 17 лет 3) Софья, 13 лет 4) Разалия, 8 лет 5) Али, 6 лет 6) Мустафа, 4 года	м. Трокиники, Виленская губерния
55.	Криницкий	1) Халиль, 70 лет 2) Марьям, 55 лет 3) Айша, 4 года	г. Пески, Гродненская губерния
56.	Курмаев	1) Давид, 7 лет 2) Файзы, 4 года 3) Мустафа, 11 лет 4) Али, 6 лет	Минск
57.	Лебедь	1) Розалия, 39 лет 2) Яхья, 15 лет 3) Левук, 13 лет 4) Мустафа, 11 лет	г. Новогрудок, Минская губерния

Приложения

58.	Лебедь	1) Ева, 40 лет 2) Халима, 12 лет 3) Аминя, 9 лет 4) Салих, 5 лет	г. Новогрудок, Минская губерния
59.	Ледзинский	1) Эмилия, 56 лет 2) Юсуф, 16 лет 3) Яхья, 14 лет 4) Исмагил, 12 лет	
60.	Милькаманович	1) Эмилия, 24 года 2) Зинаида, 4 года 3) Александр, 2 года 4) Жанна, 1 год	Гродно
61.	Милькаманович	1) Марьям, 65 лет 2) Амина, 3 года	м. Дуброва, Гродненская губерния
62.	Милькаманович	1) Ибрагим, 42 года 2) Ева, 15 лет 3) Рамазан, 13 лет 4) София, 12 лет 5) Аминя, 9 лет 6) Сабир, 3,5 года 7) Темира, 1 год 8) Фатыма, 43 года	г. Слоним, Гродненская губерния
63.	Миськевич	1) Айша, 39 лет 2) Елена, 10 лет 3) Самуил, 7 лет 4) Юсуф, 4 года 5) Михаил, 12 лет 6) Яков, 15 лет	Минск
64.	Муравская	1) Алима, 30 лет 2) Степан, 40 лет	д. Крушинян, Гродненская губерния
65.	Муравский	Илья, 69 лет	д. Крушинян, Гродненская губерния
66.	Мухарская	1) Али, 11 лет 2) Жанна, 2 года 3) Софья Шуцкая, 24 года	д. Крушинян, Гродненская губерния
67.	Мухарские	1) Фелиция, 32 года 2) Мустафа, 12 лет 3) Давид, 58 лет 4) Айша, 15 лет	г. Слоним, Гродненская губерния
68.	Мухля	Фатыма, 55 лет	м. Суховол, Гродненская губерния
69.	Мухля	Селима, 13 лет	м. Свислочи Гродненская губерния
70.	Мухля	1) Фелиция, 13 лет 2) Степан, 6 лет 3) Марьям, 4 года	м. Свислочи, Гродненская губерния
71.	Мухля	1) Елена, 39 лет	м. Свислочи,

Приложения

		2) Юнус, 11 лет 3) София, 9 лет 4) Лут, 7 лет 5) Ильяс, 5 лет	Виленская губерния
72.	Мухля	1) Мустафа, 11 лет 2) Разия, 6 лет 3) Айша, 8 лет 4) Али, 6 лет	м. Свислоч, Гродненская губерния
73.	Полторжицкие	1) Шарифа, 35 лет 2) Якуб, 13 лет 3) Разия, 11 лет 4) Софья, 2,5 года 5) Ибрагим, 7 недель	м. Ширвинка
74.	Полторжицкий	1) Ибрагим, 7 лет 2) Марьям, 12 лет 3) Давид, 14 лет 4) Фатыма, 32 года	г. Новогрудок, Минская губерния
75.	Полторжицкий	1) Адам, 14 лет 2) Рафаэль, 5 лет	г. Соколки, Ковенская губерния
76.	Полторжицкий	1) Хавва, 44 года 2) Алаутдин, 12 лет 3) Айша, 10 лет 4) Фатыма, 8 лет	м. Суховолос, Гродненская губерния
77.	Поплавская	1) Фатыма, 30 лет 2) Разия, 3 года 3) Али, 9 лет 4) Яхья, 7 лет	м. Соколки, Гродненская губерния
78.	Поплавская	1) Фатыма, 48 лет 2) Зулейха, 9 лет 3) Юсуф, 7 лет 4) Михаил, 57 лет 5) Марьям, 18 лет	д. Крушинян, Гродненская губерния
79.	Родецкие	1) Хадия, 60 лет 2) Мухарям, 8 лет 3) Роза, 1 год	м. Свислочи, Гродненская губерния
80.	Родецкий	1) Матвей, 77 лет 2) Разалия, 60 лет	г. Слоним, Гродненская губерния
81.	Родкевич	Алья Смайкевич, 68 лет	г. Слоним, Гродненская губерния
82.	Родкевич	Шарифа, 65 лет	Минск
83.	Родкевич	1) Александр, 51 год 2) Зулейха, 45 лет 3) Айша, 7 лет	г. Видзы, Ковенская губерния
84.	Родкевич	1) Марьям, 30 лет 2) Сулейман, 10 лет 3) Шарифа, 1 год 4) Адам, 3 года	Минск
85.	Родкевич	1) Александр, 57 лет	Ново-Сви... (нрзб),

Приложения

		2) Разалия, 54 года 3) Мустафа, 10 лет	Виленская губерния
86.	Родкевич	1) Халима, 42 года 2) Соня, 12 лет 3) Хавва, 11 лет 4) Хадича, 6 лет	м. Ошмяны, Виленская губерния
87.	Родкевич	Мустафа, 60 лет	г. Новогрудок, Минской губернии
88.	Рызванович	1) Шарифа, 30 лет 2) Александр, 6 лет	г. Сморган, Виленская губерния
89.	Рызванович	1) Марьям (Женя) 15 лет 2) Хасан, 10 лет 3) Али, 8 лет	м. Ошмяны, Виленская губерния
90.	Садыков	1) Ханифа, 38 лет 2) Алима, 9 лет 3) Исмаил, 5 лет	г. Новогрудок, Минская губерния
91.	Сафаревич	1) Амина, 50 лет 2) Яхья, 13 лет	г.Слоним, Гроднен- ская губерния
92.	Селимович	1) Айша, 45 лет 2) Адам, 15 лет 3) Елена, 13 лет 4) Марьям, 21 год	Вильно
93.	Смольская	Азыма, 50 лет	г. Дуброва, Грод- ненская губерния
94.	Фадылдановы	1) Марьям, 22 года 2) Таифи, 8 лет	м. Араны, Виленская губерния
95.	Халецкая	1) Софья, 65 лет 2) Али, 8 лет 3) Фатыма, 13 лет 4) Махмуд, 2 года	ок. Рейжи, Виленская губерния
96.	Халецкий	1) Розалия, 23 года 2) Матвей, 9 лет 3) Бекир, 6 месяцев 4) Адам, 42 года	ок. Рейже, Виленская губерния
97.	Халецкий	1) Зинаида, 54 года 2) Зюгра, 12 лет 3) Мустафа, 13 лет 4) Марьям, 8 лет 5) Али, 8 лет 6) Жанна, 6 лет 7) Рамазан, 2 года	г. Круглое, Гродненская губер- ния
98.	Халецкий	1) Азыма, 28 лет 2) Степан, 5 лет 3) Елизавета, 3 года	м. Круглое, Грод- ненская губерния
99.	Халецкий	Махмуд, 54 года	м. Рейжи, Виленская губерния
100.	Чембаевич	Айша, 49 лет	Минск
101.	Чимаев	1) Марьям, 35 лет	м. Бобруйск,

ПРИЛОЖЕНИЯ

		2) Софья, 14 лет 3) Якуб, 12 лет 4) Давид, 2 года 5) Мустафа (новорожденный)	Минская губерния
102.	Шегедевич	1) Айша, 35 лет 2) Альмира, 20 лет 3) Амина, 23 года 4) Софья, 2 месяца	г. Слоним, Гродненская губерния
103.	Шегедевич	1) Исмаил, 52 года 2) Ханифа, 11 лет 3) Мурали, 12 лет 4) Халим, 41 год 5) Ибрагим, 17 лет	г. Мир, Минская губерния
104.	Шегедевич	1) Айша, 33 лет 2) Алима, 12 лет 3) Али, 10 лет 4) Марьям, 2 года	г. Новогрудок, Минская губерния
105.	Шегедевич	1) Сулейман, 25 лет 2) Марьям, 7 лет	г. Слоним, Гродненская губерния
106.	Щуцкая	Разия, 70 лет	Минск
107.	Щуцкая	1) Галия, 2 года	Сумиллички, Виленская губерния
108.	Щуцкий	1) Фатыма, 45 лет 2) Якуб, 13 лет	Минск
109.	Щуцкий	1) Фатыма, 65 лет 2) Хадича, 13 лет	г. Сумелешки, Виленская губерния
110.	Щуцкий	1) Разалия, 50 лет 2) Софья, 13 лет 3) Елена, 8 лет	м. Ганушилки, Виленская губерния
111.	Щуцкий	1) Бекир, 52 года 2) Айша, 37 лет 3) Яхья, 1 год	Вильно
112.	Щенснович	1) Фатыма, 40 лет 2) Мустафа, 7 лет 3) Тензиля, 2 года	м. Корелич, Минская губерния
113.	Щенснович	1) Айша, 34 года 2) Сулейман, 42 года 3) Разия, 14 лет 4) Бекир, 8 лет 5) Якуб, 11 лет 6) Мустафа, 5 лет 7) Яхья, 1,5 года	г. Новогрудок Минская губерния
114.	Щенснович	1) Темира, 17 лет 2) Алаэтдин, 15 лет 3) Али, 12 лет 4) Фатыма, 8 лет	м. Бутреманич, Виленская губерния
115.	Щенснович	1) Разалия, 63 года	г. Слоним, Гроднен-

Приложения

		2) Азыма, 56 лет	ская губерния
116.	Щенснович	1) Елизавета, 9 лет 2) Константин, 7 лет 3) Марьям, 3 года 4) Мухарям, 6 месяцев	г. Соколки, Гродненская губерния
117.	Щенснович	Ибрагим, 74 года	м. Крушинян, Гродненская губерния
118.	Щенснович	1) Розалия, 65 лет 2) Яков, 63 лет 3) Бекир, 12 лет	г. Соколки, Гродненская губерния
119.	Щуцкий	1) Осман, 21 год 2) Амина, 18 лет	м. Евья, Виленская губерния
120.	Якубовская	Марьям, 20 лет	г. Двинск
121.	Якубовская	Азыма, 20 лет	м. Слоним, Гродненская губерния
122.	Якубовская	1) Азыма, 58 лет 2) Разия, 14 лет	д. Кайланы, Виленская губерния
123.	Якубовская	1) Разия, 45 лет 2) Ибрагим, 8 лет 3) Азиза, 6 лет	г. Кореслав, Виленская губерния
124.	Якубовская	1) Альмира, 12 лет 2) Александр, 7 лет 3) Азыма, 5 лет 4) Марьям 5) Фатыма (новорожденная)	г. Свинцианы, Виленская губерния
125.	Якубовская	1) Разия, 48 лет 2) Марьям, 14 лет 3) Мустафа, 12 лет 4) Мухаррям, 8 лет 5) Адам, 6 лет	м. Поставы, Виленская губерния
126.	Якубовские	1) Амалия, 37 лет 2) Зелиха, 10 лет 3) Альмира, 8 лет 4) Фатыма, 2 года 5) Яхья, 12 лет	г. Двинск
127.	Якубовские	1) Якуб, 11 лет 2) Зуля, 6 лет 3) Мустафа, 3 месяца	м. Ширвинка, Виленская губерния
128.	Якубовские	1) Эмилия, 50 лет 2) Албирт, 12 лет 3) Елизавета, 10 лет 4) Канишлер, 9 лет 5) Софья, 6 лет	м. Жадшике, Виленская губерния
129.	Якубовские	1) Асия, 55 лет 2) Марьям, 27 лет 3) Разия, 14 лет	г. Видзы, Ковенская губерния
130.	Якубовские	1) Елена, 40 лет	г. Видзы,

Приложения

		2) Зулейха, 13 лет 3) Али, 10 лет	Ковенская губерния
131.	Якубовские	1) Иван, 100 лет 2) Альжуна, 5 лет 3) Разия, 30 лет	м. Свинцианы, Виленская губерния
132.	Якубовский	Рамазан, 2 года	г. Слоним, Гродненская губерния
133.	Якубовский	Софья, 69 лет	НовоГруд, Минская губерния
134.	Якубовский	1) Ибрагим, 11 лет 2) Хасан, 14 лет	Минск
135.	Якубовский	1) Азыма, 4 года 2) Ибрагим, 2 года	Ошмяны, Виленская губерния
136.	Якубовский	1) Азия, 25 лет 2) Адам, 13 лет 3) Марьям, 10 лет 4) Хадича, 5 лет	г. Видзы, Ковенская губерния
137.	Якубовский	1. Фатыма, 13 лет 2. Айша, 9 лет 3. Зюгра, 5 лет	м. Ширвинты, Виленская губерния
138.	Якубовский	1) Аминя, 34 года 2) Елена, 12 лет 3) Яхья, 8 лет 4) Рамазан, 5 лет 5) Разия, 3 года 6) Бронислав, 1 месяц	м. Араны, Виленская губерния
139.	Янович	1) Юлия, 50 лет 2) Марья, 17 лет	м. Свислочи, Гродненская губерния
140.	Янушевская	1) Хавва, 52 года 2) Разия, 12 лет 3) Юсуф, 12 лет	
141.	Ясинский	1) Яков, 30 лет 2) Айша, 29 лет 3) Галия, 12 лет 4) Фурша, 40 лет	Минск
142.	Ясинский	1) Мурат, 9 лет 2) Марьям, 7 лет 3) Халима, 4 года 4) Ибрагим, 3 года	ак. Троицкого уезда, Виленская губерния

НА РТ. Ф.98. Оп.9. Д.11. Л.317-353.

Приложение №19

**Прошение от начальника Казанского управления
земледелия и государственных имуществ Министерства
земледелия на имя казанского губернатора П.М.Боярского
о рабочих-сартах в Казанской губернии**

1 марта 1917 г.

При усиленной организации в текущем году в лесничествах Казанской губернии хозяйственной заготовки дров Управлению пришлось считаться с недостатком и дороговизной рабочих рук, вследствие чего Управление вынуждено было возбудить ходатайство о предоставлении Управлению, кроме имеющихся в его распоряжении 1894 человек военнопленных, еще до 400 человек, но ходатайство это не увенчалось успехом; просимых 400 военнопленных не дали, а взамен их, по распоряжению Уполномоченного Министра Торговли и Промышленности по обеспечению иностранными рабочими промышленных предприятий, присланы 300 человек инородцев (сартов).

Сарты эти прибыли в Казань во второй половине декабря 1916 года и распределены на лесные работы:

1) 50 человек в селе Кожла-Солы, Царевококшайского уезда, в распоряжении Лесничего Лушмарского лесничества;

2) 50 человек в селе Керебеляки, Царевококшайского уезда, в распоряжении Лесничего Юшутского лесничества;

3) 40 человек на пристань Шуйка близ деревни Шимшурга, Чебоксарского уезда, в распоряжение Кужмарского лесничества;

4) 100 человек в селе Кумью, Козмодемьянского уезда, в распоряжении Лесничего Кумьинского лесничества.

5) 60 человек на станции Вурнаре вновь строящейся железнодорожной линии Арзамас-Шихраны в распоряжении Лесничего Вурнарского лесничества.

На практике оказалось, что присланные сарты к лесным работам совершенно не пригодны. Производительность их труда настолько незначительна, что они, работая из сдельной платы, установленной для вольных рабочих, большей частью не зарабатывают себе необходимой суммы на содержание и, таким образом, оказывая лишь самую ничтожную помощь в деле заготовки дров, являются, вместе с тем, лишь обременением для администрации и лесничеств. К тому же присланные сарты, совершенно не приспособленные к местному климату, подвергаются частым заболеваниям, вследствие чего содержание больших ложится на заготавливаемые лесные материалы лишь излишним накладным расходом.

В виду изложенного Управление вместе с сим вошло с представлением к Уполномоченному Министра Торговли и Промышленности о передаче обратно совершенно ненужных Управлению 300 сартов.

НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.170. Л.48–48 об.

Приложение №20

**Заметка «Военнопленные в Уфе»
из газеты «Уфимский вестник»**

17 апреля 1915 г.

За последнее время внимание публики привлекает массовое появление на улицах города австрийцев, дефилирующих с беспечным видом туристов.

По этому поводу среди публики циркулируют различные предположения, в большинстве случаев совершенно не отвечающие истине. По сведениям из компетентного источника, эти «туристы по неволе» все исключительно военно-пленные штаб и обер-офицеры австрийской армии, взятые в плен на Карпатах и в Перемышле. Пользуются они относительной свободой на «честное слово» офицера и дачу особой подписки. Которой они обязуются не покидать определенного района и вообще черты города и беспрекословно выполнять все требования администрации, в ведении которой они находятся.

Фланировать по городу им разрешено до 9 ч. вечера. Кроме этого, генералам, штабс-офицерам и славянского происхождения обер-офицерам разрешено жить на частных квартирах, при соблюдении вышеуказанных требований.

Опрятно одеты «с иголочки» пленные видно далеки от каких-либо материальных стеснений и чувствуют себя в этом отношении прекрасно. За это говорят еще и частые покупки австрийцами в магазинах, подчас недешевых вещей. Видимо в денежном отношении военно-пленные (особенно из Перемышля) не нуждаются. Судя по этому, подтверждается слух, что перед капитуляцией Перемышля, комендант крепости Кусманек⁹ роздал офицерам гарнизона, находящиеся в его распоряжении крупные суммы денег.

⁹ Герман Кусманек фон Бургнойштэдтен (1860–1934).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №21

**Список офицеров бежавших из лагеря военнопленных
в Сарапуле, утвержденный Исполнительным комитетом
Сарапульского уездного Совета рабочих, солдатских
и крестьянских депутатов для распространения
в соседних уездах**

8 июля 1918 г.

№	Имя, фамилия	чин	воз раст	рост	усы	нос	наци- он.
1.	Пауль Маттула	поручик 78 полка	37	сред- ний	англ.	норм.	мадьяр
2.	Белла Рашо	подпоручик	32	сред- ний	шатен	норм.	мадьяр
3.	Эмерих Вергер	подпоручик 67 полка	26	малый	чер- ные	ев- рейск.	мадьяр
4.	Карл Штегер	подпоручик 73 полка	37	сред- ний	бело- курый	норм.	мадьяр
5.	Вильгельм Венкович	подпоручик 72 полка	27	малый	бри- тый	длин.	мадьяр
6.	Стефан Клинда	прап. 72 полка	20	малый	бри- тый	норм.	мадьяр
7.	Иозеф Шпанка	прап. 72 полка	28	сред- ний	мал. анг.	норм.	мадьяр
8.	Игнец Кращенин	кадет 78 полка	23	больш	анг. черн	длин.	мадьяр
9.	Иозеф Поллак	прап. 72 полка	22	малый	бри- тый	длин.	немец
10.	Карл Заградник	кадет 72 полка	20	малый	без- усый	норм.	мадьяр
11.	Юлиус Виаторис	прап. 34 полка	20	сред- ний	анг. шат		мадьяр
12.	Франц Центер	прап. 34 полка	39	сред- ний	анг. черн.	длин.	мадьяр
13.	Стефан Бириндеа	кадет 34 полка	30	высо- кий	бри- тый	длин.	мадьяр
14.	Эдуард Апсалон	кадет 37 полка	23	высо- кий	анг. шат	норм.	мадьяр
15.	Шандер Видор	кадет 38 полка	24	малый	бри- тый	ев- рейск.	мадьяр
16.	Эдуард Вехслер	кадет 85 полка	38	малый	анг. черн	ев- рейск.	мадьяр
17.	Оладор Герцог	кадет 310 гонв. ¹⁰	23	высо- кий	бри- тый	ев- рейск.	мадьяр

¹⁰ Гонвед – венгерская пехота Австро-Венгерской армии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

18.	Юлиус Глас	прап. 81 полка	21	сред- ний	анг. черн	ев- рейск.	немец
19.	Дезидер Кульчар	прап. 310 пол	20	сред- ний	бри- тый	длин- ный	мадьяр
20.	Максим Коппер	кадет 67 полка	20	малый	анг. черн	ев- рейск.	мадьяр
21.	Эне Киш	кадет 13 гонв.	21	высо- кий	бри- тый	норм.	мадьяр
22.	Элек Ковчар	кадет 310 полка	20	сред- ний	бри- тый	норм.	мадьяр
23.	Андреас Лелько	прап. 16 полка	23	малый	анг. черн.	длин.	мадьяр
24.	Дезидер Мед	кадет 310 полка	20	малый	анг. черн.	ев- рейск.	мадьяр
25.	Лайош Вал	кадет	21	малый	анг. рыж.	больш. дл.	мадьяр
26.	Михаель Оролин	кадет 67 полка	20	высо- кий	бри- тый	норм.	мадьяр
27.	Иозеф Репка	кадет 9 гонв.	23	малый	бри- тый англ.	норм.	мадьяр
28.	Андреас Славковский	кадет 67 п.п.	21	высо- кий	бри- тый	норм.	мадьяр
29.	Иозеф Салай	кадет 14 гонв.	21	малый	анг. рус.	длин.	мадьяр
30.	Иозеф Тальян	кадет 85 п.п.	20	высо- кий	без- усый	норм.	мадьяр
31.	Эуген Унгерлейдер	кадет 34 п.п.	23	малый	анг. черн.	ев- рейск.	мадьяр
32.	Губерт Фекете	прап. 1 гонв.	23	сред- ний	анг. шат.	ев- рейск.	мадьяр
33.	Рудолф Федоре	кадет 34 п.п.	21	малый	без- усый	норм.	мадьяр
34.	Эмерих Герпот	кадет 38 п.п.	32	сред- ний	без- усый	ев- рейск.	мадьяр
35.	Лайош Чецкеш	кадет 312 гонв.	27	высок	анг. тем.	норм.	мадьяр
36.	Стефан Якобович	кадет 310 гонв.	21	средн.	бри- тый	норм.	мадьяр
37.	Иоган Калени	прап. 73 п.п.	28	высок.	англ. черн.	норм.	мадьяр
38.	Дерт Эрэнфест	прап. 310 гонв.	31	малый	англ. черн.	ев- рейск.	мадьяр

НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.8. Л.72.

Приложение №22

**Автобиография бывшего военнопленного, преподавателя
факультета физвоспитания и спорта Казанского государственного педагогического института
Вашш Юлия Адамовича¹¹**

1960-е гг.

Родился в г.Суботица, бывшая Венгрия, ныне Югославия 26 апреля 1891 г. По национальности венгерец. Отец был служащим, мать была домашней хозяйкой. Были они малограмотными. Семья была большая: три брата и шесть сестер (10 человек). Одна из моих сестер живет в Будапеште в Венгрии, а остальные родные живут в Югославии. Связь имею только с сестрой, которая находится в Венгрии.

Я учился в родном городе, где получил начальное и среднее образование на венгерском языке. После в городах Бая и Егер (Венгрия) кончил педагогический институт (четырёхгодичный), а потом специальный факультет физобразования, физиологии и гигиены. С 1912 по 1914 г. был преподавателем физобразования и гигиены в гимназии в г.Будапеште.

В 1914 г. был мобилизован на фронт и через год – в 1915 г. попал в Россию как военнопленный. Побывал в различных военнопленных лагерях: Киев, Рязань, Тюмень, Омск, Красноярск. В этих лагерях руководил спортом: гимнастикой, л/атлетикой, спортивными играми и организовывал соревнования и выступления среди военнопленных. В конце 1919 г. поступил в интернациональный полк в г.Красноярске и в мае 1920 г. прибыл вместе с полком в г. Казань. За это время полк выполнил несколько боевых заданий по ликвидации белогвардейских банд и нес караульную службу по охране и перевозке государственных ценностей (золотой фонд) отобранных у белогвардейского генерала Колчака. Через некоторое время полк был расформирован и я с сентября 1920 г. поступил работать по своей специальности в Советскую трудовую школу. По совместительству работал в военных частях. В 1923 г. поступил в Татарский коммунистический университет, где как преподаватель физкультуры проработал 12 лет. После был старшим преподавателем физкультуры в Казанском авиационном институте 3 года; в Казанском юридическом институте – 2 года; в Казанском

¹¹ Вашш Дьюла Адамович (1891–1967). В августе 1928 г. занял первое место в турнире по фехтованию на Спартакиаде Поволжья. Организовал секции по фехтованию, плаванию, легкой и тяжелой атлетике в спортивном обществе «Динамо». Являлся одним из основателей казанской школы фехтования.

ПРИЛОЖЕНИЯ

медицинском институте – 5 лет и с 1946 г. работаю в Казанском государственном пединституте.

По совместительству был областным инструктором Клуба Союза Совторгслужащих 8 лет; преподавателем в татарском театральном техникуме – 5 лет; в Казанском государственном ветеринарном институте – 4 года. Был преподавателем во всех курсах переподготовки и подготовки преподавателей и инструкторов физкультуры ТАССР.

Был преподавателем сбора инструкторов по рукопашному бою и фехтованию по ТАССР; Сбора по подготовке инструкторов по плаванию и переправе. Был одним из первых учителей мастеров спорта: Т.Полыгаловой – рекордсменки и неоднократной чемпионки СССР по плаванию; Ф.Якимова – чемпиона по борьбе г.Ленинграда; Панкова – чемпиона по легкой атлетике. Из моих воспитанников многие окончили Гос. Институт Физкультуры, многие окончили средние учебные заведения физкультуры или курсы и работают ныне как преподаватели, тренеры или инструкторы по физкультуры. Ныне работаю в ДСО «Искра» тренером по фехтованию и по плаванию. За несколько лет воспитал сотни разрядников, десятки чемпионов города, ТАССР, РСФСР.

ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.694. Л.1.

Приложение №23

**Стихотворение Садри Максуди о революции
на французском языке**

1923 г.

La Révolution

Pendant la révolution
Changent toutes les institutions.
Car l'abolition
De toutes les organisations
Deviens une obligation.
Il y a une fermentation
Dans toutes les conditions
De la grande association,
Qu'on appelle la Nation.
Tous perdent la nation
De la juste compréhension
Des choses de l'administration
Et de la sujestion.

ПРИЛОЖЕНИЯ

O se fait des suggestions,
Comme pris par hallucination.
Alors changent les relations
Entre les corporations.
On fait des ovations
Aux chefs des factions,
Qui ont fait l'adoption
De l'idée de renovation.
Ils sont pleins de présomption
Concernant l'innovation,
Dont ils entreprennent l'introduction.
Et la peuple est sous la pression
De la première impression
De la grande diminution
De l'unanime volition.
On ne fait aucune distinction
Entre sommes d'argent et ses fractions,
Que l'on dépense sans attention,
Pour créer une attraction
A la masse sans direction.
Tout se fait sans approbation,
Ni aucune autorisation
Du peuple de la grande portion.
Les anciens chefs, sans participation,
S'enferment dans leurs habitations.
Voilà la vraie illustrations
De ce qu'on appelle Révolution.

Айда А. Садри Максуди Арсал / Пер. с тур. – М., 1996. – С.263.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 740 – Департамент народного просвещения. Оп.15. Д.279;
Оп.18. Д.214.

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ)

Ф. 1 – Канцелярия Казанского губернатора. Оп. 4. ДД. 2995, 5765, 6063, 6629, 6650, 6986, 7401; Оп.5. ДД. 1358,1526; Оп.6. ДД.913, 1139, 1195.

Ф. 80 – Казанский Родионовский институт благородных девиц.
Оп. 1. Д. 3227. Л. 99 об.

Ф. 81 – Казанская губернская земская управа. Оп. 11. Д.134–136.

Ф. 89 – Прокурор Казанской судебной палаты. Оп. 2. Д. 64. Л. 2.

Ф. 92 – Попечитель Казанского учебного округа. Оп. 2. ДД. 23913, 23973, 24837, 25277, 25409, 25460.

Ф. 94 – Торгово-промышленное общество Алафузовских фабрик и заводов г. Казани. Оп.2. ДД. 396, 437.

Ф. 98 – Казанская городская управа. Оп.9. Д.11.

Ф. 99 – Казанское губернское присутствие. Оп. 1. ДД. 675, 676, 1725.

Ф. 119 – Казанская уездная земская управа. Оп. 2. Д.1636.

Ф. 160 – Директор народных училищ Казанского учебного округа по Казанской губернии. Оп. 1. ДД. 1865, 1935, 1982.

Ф. 174 – Казанская губернская земельная управа. Оп. 1. ДД. 1, 3, 4, 44, 45, 59, 200.

Ф. 199 – Казанское губернское жандармское управление. Оп. 1. ДД. 1121, 1135; Оп.2. ДД. 1492, 1493, 1517, 1544, 1570, 1612, 1631.

Ф. 350 – Казанское губернское дворянское собрание. Оп. 2. Д.389.

Ф. 359 – Казанский губернский статистический комитет. Оп. 1. ДД.590, 642, 645

Ф. 406 – Казанский городской комитет по оказанию помощи беженцам. Оп.2. Д.189.

Ф. 407 – Казанский губернский предводитель дворянства. Оп. 1. Д. 939.

Ф. 482 – Казанское городское полицейское управление. Оп. 1. ДД. 20, 38.

Ф. 977 – Казанский университет. Оп. Совет. ДД. 13406, 13407, 13409, 13415, 13395. 13499.

Ф. 1002 – Кузнечихинский волостной суд Спасского уезда Казанской губернии. Оп. 1. ДД. 50, 70, 88.

Ф. 1153 – Фабричный инспектор Казанской губернии. Оп. 1. ДД. 444, 509.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ф. 1154 – Местная военно-цензурная комиссия при штабе Казанского военного округа. Оп. 1. Д.335.

Ф. 1183 – личный фонд Молоствовой Александры Валериановны. Оп. 1. Д.1.

Ф. 1246 – Канцелярия Казанского губернского комиссара Временного правительства. Оп.1. ДД. 8, 17, 25, 26, 27, 28, 30, 32, 33, 35, 36, 37, 42, 54, 55, 61, 65, 67, 74, 77, 82, 84, 90, 113, 117, 118, 156, 159, 165, 167, 170, 180, 181, 185, 189, 283.

Ф. 1353 – Казанский губернский комитет общественной безопасности. Оп. 1. Д. 1.

Ф. Р-184 – Больше-Фроловский волостной исполком Тетюшского уезда. Оп. 1. Д.10.

Ф. Р-512 – Спасский уездный земельный отдел Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 2. Д.4.

Ф. Р-571 – Казанский льнокомбинат им. В.И. Ленина. Оп. 1. ДД. 1, 4, 7, 9, 10, 11, 13, 52.

Ф. Р-638 – Приволжская областная коллегия о пленных и беженцах. Оп. 1. ДД.20, 22, 130, 132.

Ф. Р-983 – Казанский губернский Совет крестьянских депутатов. Оп. 1. ДД. 2, 9, 18.

Ф. Р-1113 – Казанский районный эвакуационный пункт. Оп. 1. Д.2.

Ф. Р-1431 – Казанская художественная школа. Оп.1. Д.12.

Ф. Р-2036 – Больше-Толкишевский волостной исполком Чистопольского уезда. Оп.1. Д.1.

Ф. Р-3009. Уполномоченный Приволжской областной коллегии о пленных и беженцах по Спасскому уезду Казанской губернии. Оп.1. Д.1.

Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ)

Ф. 30 – Партийный архив Татарского рескома КПСС, г.Казань. Оп.3. ДД. 206, 272, 332, 381, 518, 519, 627, 694, 931, 1147, 1301, 1366, 1565, 1768, 1825, 2028, 2281, 2406, 2621, 2693.

Государственный архив Республики Марий-Эл (ГАРМЭ)

Ф. 243 – Шиньшинское волостное правление Царевококшайского уезда Казанской губернии. Оп.1. Д.3.

Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ)

Ф.И-295 – Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп.6. Д.4166.

Ф. Р-4767 – Архивная коллекция документов бывших воспитанников медресе «Галия», г.Уфа. Оп.1. Д.2.

Национальный музей Республики Татарстан (НМ РТ)

ОХДИ – отдел хранения документальных источников. Ед. хр. Ш2.
КППи-123666/2784, Ед. хр. ЗИ. Б/н.

**Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки
им. Н.И.Лобачевского Казанского (Приволжского)
федерального университета (ОРРК НБЛ К(П)ФУ)**

Ед. хр. 9662(1).

**Центр письменного и музыкального наследия
Института языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан (ИЯЛИ АН РТ)**

Ф. 56 – личный фонд Евфимия Малова. Оп.1. Д.5. Л.61.

Российская национальная библиотека (РНБ)

Коллекция листовок

Граждане и гражданки евреи. – Казань: Волжско-Камская печатня, 1917.

Граждане! Бедствие, разразившееся над Казанью... – Чистополь: Тип. Н.Я.Улыбина, 23 авг. 1917.

Граждане! Откликнитесь на призыв: несите каждый что может нашим дорогим братьям, томящимся во вражеском плену... – Петроград: Типо-литография Ю.Барит, 1917.

К населению г. Казани / Городская управа. – Казань: Тип. Л.В.Богомольного, 1917.

Периодическая печать

Безнең тавыш. – 1917.

Вестник Временного правительства. – 1917.

Вестник Петроградского общества заводчиков и фабрикантов. – 1917.

Волжско-Камская речь. – 1915.

За землю и волю. – 1918.

Земская неделя. – 1916, 1917.

Знамя революции. – 1918.

Инородческое обозрение. – 1917.

Казанская газета. – 1913.

Казанская кооперативная жизнь. – 1917.

Казанская рабочая газета. – 1917.

Казанский телеграф. – 1913, 1914, 1915, 1916.

Казанское слово. – 1917.

Камско-Волжская речь. – 1908, 1915, 1917.

Новое Время. – 1916.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Трудовой путь. – 1918.
Уфимский вестник. – 1915.
Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1916.
Школа и жизнь. – 1916.

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. Сборник документов и материалов / Сост. Р.Н.Рахимов и др. – Уфа: Китап, 2014.
2. Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле // Декреты Советской власти. – М., 1957. – Т.1. – С. 17–20.
3. Деятельность Советов Татарии (1917–1978). Документы и материалы /отв. ред. С.Г.Батыев, ред. А.М.Каримов, М.К.Мухарямов. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 1983. – 304 с.
4. Доклад №16 Казанской губернской земской управы 95-му чрезвычайному Губернскому Земскому собранию об уменьшении правительственного кредита на выдачу пособий беженцам. – Казань, 1916.
5. Доклад №17 Казанской губернской земской управы 95-му чрезвычайному Губернскому Земскому собранию о временных позаимствованиях из оборотных средств Губернского Земства на оказание помощи беженцам. – Казань, 1916.
6. Документы по истории Октября в Татарии (март 1917 – март 1918) / Сост. Л.В. Горохова, Н.М. Силаева, И.М. Ионенко – Казань: Таткнигоиздат, 1973. – 212 с.
7. История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У.Амирханова. – Казань: Магариф, 2004. – 711 с.
8. Казанская губерния в период Первой мировой войны: Сборник документов и материалов/ под общ. ред. Д.И. Ибрагимова; отв. сост. Л.В. Горохова; сост. О.Е. Пантелеева, О.В. Федотова, Н.А. Шарангина. – Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2014. – 208с.
9. Крестьянское движение в 1917 г. / пред. Я.А. Яковлева – М., Л.: Госиздат, 1927. – 442 с.
10. Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой октябрьской социалистической революции. Сборник документов. – Т.1. – Казань: Татгосиздат, 1950. – 243 с.
11. Крестьянское землевладение Казанской губернии. – Казань. – Вып.13. Свод по губернии. – Казань, 1909.
12. Начальные училища ведомства МНП в 1914 г. – Петроград, 1916.
13. Обзор деятельности по Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. // Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии за 1916 год. – Казань, 1916.
14. Обзор Казанской губернии за 1895 год. Приложение к всеподданнейшему отчету казанского губернатора. – Казань, 1896.

БИБЛИОГРАФИЯ

15. Обзор Казанской губернии за 1913 год. – Казань, 1915.
16. Общий устав Императорских Российских университетов 1884 г. с приложением узаконений, на которые в Уставе делаются ссылки. – Саратов, 1913.
17. Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / сост. И.К. Загидуллин, Р.М. Зялялетдинова. – Казань: Издательство Академии наук РТ, 2015.
18. Отчет Казанского еврейского комитета помощи жертвам войны за время с 1 августа 1915 по 1 июля 1917 года. – Казань: Типография М.М.Кривина, 1917.
19. Перечень дел, решение которых предоставляется попечителям КУО. – Казань, 1915.
20. Положение о земельных комитетах // Декреты Советской власти. – М., 1957. – Т.1. – С. 218–224.
21. Приказ №2 от Временного военного комитета Казанского гарнизона // Приказы по Казанскому военному округу. 1917 г. №1–511. – Казань, 1917.
22. Приказы по военному ведомству. – 1917. – №135. – Петроград, 1917.
23. Протокол 1-го Общего собрания представителей мелких народностей Поволжья. – Казань: «Т-во Центр. типография», 1917. – 49 с.
24. Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября: Сборник документов и материалов / сост. Н.М. Силаева. – Казань: Татарское книжное издательство, 1958. – 824 с.
25. Руководящие положения по устройству беженцев. – Казань, 1916.
26. Сборник Указов и постановлений Временного правительства / Сост. Отд-нием Свода Законов Гос. Канцелярии. – Пг., 1917. – Вып. №1: 27 февраля–5 мая. – 555 с.
27. Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1917 г.: год 33-й / Казанское губернское статистическое бюро / Секция текущей сельскохозяйственной статистики. – Казань: 4-я Гос. типолитография, 1920. – 209 с.
28. Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль – октябрь 1917 г.). Сборник документов и материалов / под ред. М.К. Мухарямова, В.П. Тимофеева, С.Н. Фомичева. – Казань: Таткнигоиздат, 1957. – 510 с.
29. У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917). Сборник документов и материалов. Кн.2. – Казань: Гасыр, 2003.
30. Устав Всероссийского попечительства о пленных славянах. – Петроград: тип. И. Шурухт, 1914. – 16 с.
31. Царская армия в период мировой войны и февральской революции: (материалы к изучению истории империалистической и граж-

БИБЛИОГРАФИЯ

данской войны) / Вступ. статья М. Вольфович; сост. А. Максимов и др.; под ред. А. Максимова. – Казань: Татиздат, 1932. – 239 с.

32. Циркуляр попечителям учебных округов // Дело народа. – 1917. – 17 марта.

Справочные материалы

33. Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 год. – Казань: Типография Губернского правления, 1916.

34. Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 год. – Казань: Типо-литография импер. ун-та, 1905. – 361 с.

35. Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая. – Казань, 1896.

36. Общий свод по Империи результатов разработанных данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – Т.I. – СПб., 1905.

37. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – Т.XIV. Казанская губерния. – СПб., 1904.

38. Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). – М.: Центральное статистическое управление, 1925.

39. Список учебных заведений ведомства МНП (кроме начальных) по городам и селениям. Составлен к 1 января 1914 г. – СПб., 1914.

40. Статистический ежегодник 1918–1920. – Вып. 1. – Т.VIII. – Москва: Центральное статистическое управление, 1921.

41. Статистический ежегодник России 1916 г. – Вып.1. – М.: Типография Моск. Сов. Раб. Солд. и Кр. деп., 1918.

42. Татареспублика в цифрах. Издание Статистического управления ТССР. – 1923. – №14. – Казань, 1923.

Материалы личного происхождения

43. Айда А. Садри Максуди Арсал / Пер. с тур. – М., 1996.

44. Баруди Г. Памятная книжка / пер. с тат. // Казань. – 1998. – №10/11. – С.79–89.

45. Боратынская К.Н. Мои воспоминания. – М.: Зебра Е: Альта-Принт, 2007. – 539 с.

46. Волков И. Ваня Волков (воспоминания товарища) // Пути революции. – 1923. – №3. – С. 31–32.

47. Дневник М.В.Нечкиной: Казань и Казанский университет (1917–1924 гг.) / Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации А.Н.Бикташевой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003.

48. Женское движение в Башкортостане. 1900–1941: Сборник документов и материалов / под ред. Р.Н.Сулеймановой. – Уфа: Гилем, 2008.

БИБЛИОГРАФИЯ

49. Женщины Башкирии. Сборник материалов / сост. Х.М.Вафина, А.Н. Киселева, А.И.Нухрат. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1968.
50. За власть советов. Сборник воспоминаний участников октябрьских событий в Татарии. – Казань: Таткнигоиздат, 1957.
51. Иванов И.Н. Как мы работали // Коммунистический путь. – 1923. – № 2(22). – С. 60.
52. Ильина О.А. Канун Восьмого дня. – Казань: Заман, 2003. – 400 с.
53. Казань в художественной литературе / Сост. В.В.Аристов и [др.]. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 1977. – 358 с.
54. Кашафутдинова Ф. Записки гимназистки // Тарнапольский Р.И. Наш Двадцатый век. – Казань, 2013. – С.15–71.
55. «Мне нужна только свобода и свобода...» Письма И.Казакова с фронта, адресованные Н.Казаковой / публ. Л.Хузеевой // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2002. – №1/2. – С.101–106.
56. Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (1898–1916): (автобиографический очерк и воспоминания). – Йошкар-Ола, 2008.
57. «Царя нашего с престола прогнали...» (К 95-летию Февральской революции 1917 г. в Казанской губернии) / публ. Г.Фаезовой // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2012. – №1/2. – С.151–156.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллин Х.М. Военные учреждения и заведения Казанского кремля в XVIII – первой половине XX вв. – Казань: Отечество, 2013. – 164 с. + 24 с.
2. Айнутдинов Р.А. Хасанов Калимулла Гумерович // Татарская энциклопедия. – Т. 6. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2014. – С.205–206.
3. Айнутдинова Л.М. Женское движение // Татарская энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. – Казань, 2005. – Т.2 (Г-Й). – С.374–376.
4. Айнутдинова Л.М., Хайрутдинов Р.Г. Всероссийские съезды мусульман // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2002. – Т.1 (А-В). – С.642–644.
5. Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. – М.: Модест Колеров: Три квадрата, 2003 (Тип. Восток). – 254 с.
6. Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.
7. Анисимов Н.Г. Казанский льнокомбинат. 1860–1960. – Казань: Таткнигоиздат, 1960. – 262 с.: ил., портр.
8. Асташов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война: Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. – М., 2004. – С.399–425.

БИБЛИОГРАФИЯ

9. Афонина Е.В. Участие женщин-врачей Казани в Первой мировой войне // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны: сборник материалов Всероссийской научной конференции с междунар. участием, приуроченной 100-летию начала войны / под общ. ред. Л.Р.Габдрафиковой, отв. ред. Е.В.Миронова. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – С. 149–157.
10. Базанов С.Н. К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество. 1900–1941 годы. Статьи, документы. – М.: ИРИ РАН, 1999. – С.51–76.
11. Белова И.В. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. – М.: АИРО-XXI, 2011.
12. Белялов У.Б. Начало социалистических преобразований в экономике Казанской губернии (октябрь 1917 – август 1918 г.). – Казань: Издательство Казан. ун-та, 1961. – 54 с.
13. Бердяев Н. Философия свободы. – Харьков, М.: Фолио: АСТ, 2002. – 733 с.
14. Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. – Казань: Татарское книжное издательство, 2011.
15. Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета, 1905–1917 / Составители Е. М. Мишина и др. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. – 78 с.
16. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.
17. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – Изд. 2-е, доп. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – 969 с.
18. Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX вв.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. – 164 с.
19. Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды / Пер. с япон. и англ. – М.: АИРО-XX, 1999. – 400 с.
20. Валеев Р.К. Революционное движение в Среднем Поволжье. Июль-октябрь 1917 г. – Казань: Издательство Казанского университета, 1972. – 153 с.
21. Вейдле В. Задача России. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956.
22. Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). – М.-Тула: Гриф и К, 2009. – 269 с.
23. Вильямс А.Р. О Ленине и Октябрьской революции / пер. с англ. и вступ. статья Б. Полевой. – М.: Госполитиздат, 1960. – 287 с.
24. Вишленкова Е., Малышева С., Сальникова А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX веках. – Казань: изд-во Казанского университета, 2008. – 452 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

25. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани.– Казань: Казанский государственный университет, 2005 . – 498 с.
26. Волков И. Из недавнего прошлого казанского студенчества // На путях к высшей школе: рабочий факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ленина. 8 лет работы. 1919–1927. К 10-й годовщине Октябрьской революции. – Казань, 1927. – С.98 – 137.
27. Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М.: Воениздат, 1993. – 368 с.
28. Габдрафикова Л. Татарские женщины в годы Первой мировой войны // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2014. –№3/4. – С.61–69.
29. Габдрафикова Л.Р. Татарская интеллигенция и «женский вопрос» в условиях модернизации империи (конец XIX – начало XX века) // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XX вв.: специфика регионального развития / под ред. А.С.Бушуева. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. – С.108–116.
30. Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX–начало XX века). – Казань: Татарское книжное издательство, 2015. – 367 с.
31. Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 396 с.
32. Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 275 с., илл.
33. Гизатуллин И.Г. Мусульманские военные организации (1917–1921 гг.). – Казань: Фэн, 2002.
34. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – Жуковский; М., 2001.
35. Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. – М.: Вече, 2014. – 543 с., илл.
36. Гришин Я.Я., Шарафутдинов Д.Д. Безупречный генерал Исхандер Тальковский // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – №1/2. – С.147–153.
37. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. – М.: Издательство «Индрик», 2012. –936 с.
38. Давлетшин Т. Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики. – Казань: Жиен, 2005. – 485 с.
39. Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921гг. Мешочники. – М.: Наука, 2002. – 341 с.
40. Давыдов М.А. Статистика землеустройства в ходе столыпинской аграрной реформы (1907–1915 гг.) // Российская история. – М., 2011. – № 1. – С.56–70.
41. Данилов В.П. Крестьянская революция в России 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конференции. – М.-Тамбов, 1996. – С.4–23.

БИБЛИОГРАФИЯ

42. Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – С.22–39.
43. Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 4(122). – С. 108–133.
44. Долгов Е.Б. Боярский Петр Михайлович // Татарская энциклопедия. – Т. 1. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2002. – С. 458.
45. Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium) – СПб., 1999. – С.58–67.
46. Еникеев Э.А. Деятельность казанских большевиков по революционному воспитанию студенческой молодежи (1905 – февраль 1917 гг.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. – 203 с.
47. Ермаков В.В. Торгово-промышленное предпринимательство в Нижнем Прикамье в условиях Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сб. материалов Всероссийской научной конференции. Казань, 10–11 октября 2014 г. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С.235–245.
48. Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов. Очерк жизни и деятельности. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 102 с.
49. Зайнуллина Ф.Г., Шайдуллин Р.В. Татарское крестьянство Казанской губернии в период столыпинской аграрной реформы (1906–1914) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – Т.150, кн.1. – С.113–120.
50. Зайцев Б.П., Посохов С.И. Попечители Харьковского учебного округа. – Харьков, 2000. – 123 с.
51. Зацева Г. Пасынки университета. Материалы по вопросу о положении в университете младших преподавателей. – М., 1907. – 47 с.
52. Зверев С.Э. Военная риторика Нового времени. – СПб.: Алетейя, 2012. – 400 с.
53. Зворыкин Н.Н. К Возрождению России. – Париж, 1929. – 279 с.
54. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
55. Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. – М.: Наука, 2004. – 248 с.
56. Иванов А.Е. Наука и высшая школа России в период Первой мировой войны и революции // Российская история. – 2014. – №5. – С.147–163.
57. Иванов А.Е. Российское «Ученое сословие» в годы «Второй отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории, естествознания и техники. – 1999. – №2. – С. 108–127.
58. Износков Л.А. Обычаи горных черемис. – Казань, 1869. – 33 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

59. Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. – М.: РОССПЭН, 2007.
60. Ионенко И., Тагиров И. Октябрь в Казани. – Казань: Татарское книжное издательство, 1967. – 272 с., илл.
61. Ионенко С.И. А.А. Симолин и деятельность Казанского комитета партии народной свободы // Интеллигенция Татарстана в период реформ и революций первой трети XX века. Материалы Республиканской научной конференции, посвященной 100-летию Г.Шарафа, 3–4 декабря 1996 г. – Казань, 1997. –С. 59 – 63.
62. Ионенко С.И. Казанский губернский мусульманский крестьянский съезд // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2006. – Т.3. (К-Н). – С.83.
63. История Казани: [В 2 кн.] / АН СССР, Казан. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова. – Кн.2. – Казань: Татарское книжн. издательство, 1991. – 381 с.
64. История Московского университета: в 2 т. – Т. 1: 1755–1917 / [Ред. коллегия: М.Н. Тихомиров (отв. ред.) и др.]. – М., 1955. – 563 с.
65. История татар с древнейших времен. В 7 томах / гл. ред. Р.Хакимов. – Т.VI: Формирование татарской нации XIX – начало XX в. /под ред. И.Загидуллина. – Казань, 2013. –1171 с.
66. История татар с древнейших времен. В 7 томах / гл. ред. Р.Хакимов. – Т.VII: Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. /под ред. Р.Салихова. – Казань, 2013. –1007 с.
67. Исхаков Д.М. Динамика численности и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI – начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С.280–291.
68. Исхаков С. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2007.
69. Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2004. – 598 с.
70. Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. – 322 с.
71. Казаков А.Е. Организация и проведение военной мобилизации в Российской империи в 1914 году (на примере Казанского военного округа) // Вестник СамГУ. – 2007. – №5/7 (59). – С.191–192.
72. Казань орденоносная. Сборник / Гарзавина А.В., Глухов М.С. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1987. – 399 с.
73. Карпенко И. Казанское притяжение // Лехаим. – 2008. – №11 (199) URL: lechaim.ru/ARHIV/199/region.htm (дата обращения 24.02.2017).
74. Катков Г.М. Февральская революция / Пер. с англ. – М.: Русский путь, 1997. – 419 с.
75. Ключевский В.О. Сочинения. Т.IV. – М.: Мысль, 1989. – 479 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

76. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. – Омск, 2011.
77. Козлов Ф.Н. Австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии // Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 24 октября 2014 г.). – Чебоксары, 2015. – С.102–106.
78. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. – 2-е изд., доп. – СПб.: Лики России, 2012.
79. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2001. – 349 с.
80. Комелина Л.Н. Первая мировая война и город Царевококшайск (по материалам Музея истории города Йошкар-Олы) // Запад – Восток. – 2014. – №7. – С.126–135.
81. Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30: в 2 т. – Т. 2. – Казань, 1930. – 385 с.
82. Костомаров Н. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. – М., 1994.
83. Лаврентьев И.Е. Справедливое распределение наделов // Казанская газета. – 1905. – №10 (6 марта). – С.9.
84. Кузнецова Л.О. Казань в 1917 году / Национальный архив Республики Татарстан. URL: archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/print/?id=8023&type=article (дата обращения 18.11.2016).
85. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. – 1999. – №8. – С.98–113.
86. Латышев И.Р. «Десятилетие свободы» (1905–1917 гг.) для старообрядцев Казанской губернии // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2011. – №2. – С.222–229.
87. Латышина Д.И. История педагогики. Воспитание и образование в России (X – начало XX вв.). – М., 1998.
88. Лившиц С. Казань в годы первой революции (1905–1907 гг.). – Казань, 1930.
89. Литвин А.А., Маслова Е.С., Сальникова А.А. Жизнь и судьба «красного» профессора: Михаил Ксаверьевич Корбут (1899–1937). – Казань: Изд-во Казан. гос. унив-та, 2009. – 126 с.
90. Любимов А. Отголоски из русского зарубежья: Савелов Леонид Михайлович // Русский вестник [Электронный ресурс] <http://www.rv.ru/content.php3?id=708> (дата обращения 28.12.2016).
91. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М.: АИРО-XXI, 2006. – 144 с.
92. Макаревский В.В. Политическая и социальная деятельность чувашских организаций партии социалистов-революционеров (1904–1918). Учебное пособие. – Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2008. – 126 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

93. Малышева С. «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2003. – №1/2. – С.87–92.
94. Малышева С. Казанец – министр Временного правительства // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1999. – №1/2. – С.277–278.
95. Малышева С. Пожар на Пороховом, или «казанская катастрофа» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.288–293.
96. Малышева С.Ю. Российское временное правительство 1917 года. Отечественная историография 20-х – середины 60-х годов. – Казань: Издательство «Хэтер», 1999.
97. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). – Казань, 2005.
98. Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Старый мир при новой власти: Казанский университет в советском политическом пространстве // Мир клио. – Т.2. – М., 2007. – С.97–114.
99. Материалы к десятилетию октября в Татарской Республике (для докладчиков). – Казань: Издание Агитпропа ОКП(б), 1927. – 48 с.
100. Машковцев А.А. Католики Казанской и Вятской губернии в годы Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сборник материалов. – Казань, 2014. – С.424–432.
101. Машковцев А.А. Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века. – Киров: Издательство Радуга-Пресс, 2015.
102. Миннуллин З.С. Деятельность «Организации мусульманок-солдаток» в г. Казани (1917–1918 гг.) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2011. – № 2 (70). – Ч. 2. – С.170–175.
103. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. – М.: Наука, 2005. – 686 с.
104. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX): В 2-х т. – 3-е изд., испр., доп. – Т. 1. – СПб.: Дм. Буланин, 2003. – 548 с.
105. Миронова Е.В. Казанское дворянство и Первая мировая война: опыт благотворительности // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сб. материалов Всероссийской научной конференции. Казань, 10–11 октября 2014 г. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С.292–299.
106. Морозов К.Н. Феномен, тенденции развития и трансформации субкультуры российского революционера (вторая половина XIX – первая половина XX в.) // Социальная история: Ежегодник. – 2011. – СПб., 2012. – С.147–175.
107. Морозова. Татарки пробуждаются // На новом пути. Журнал женотдела О.К. Татарской Республики, посвященный 8-му марта.– Казань, 1923. – С.19–20.

БИБЛИОГРАФИЯ

108. Мухаррямов М. Камиль Якубов. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 1964. – 44 с.
109. Мухаряммов М.К. Труженик революции: общественно-политическая деятельность Ш.Ахмадеева. – Казань: Татар. книжн. издательство, 1988. – 110 с.
110. Мухина З.З. Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Женщина в российском обществе. – 2012. – №4. – С.62–71.
111. Мухитдинова Э. Из истории революционного движения среди татарок // Коммунистический путь. – 1922. – №5(12). – С.40–42.
112. Мухлинский А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. – СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1857.
113. Назипова К. А. Национализация промышленности в Татарии (1917–1921). – М.: Наука, 1976.
114. Население г. Казани. 1863–1923. – Казань, 1923.
115. Неизвестная Великая война. 1914–1918. Каталог выставки / Национальный музей Республики Татарстан. – Казань, 2014.
116. Никольский В.И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. – М., 1885.
117. Ниманов Б.И. Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2009. – №2. – С.54.
118. Новиков А. Записки земского начальника. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – 240 с.
119. О христианском браке и об обязанностях мужа и жены. Учение Св. Иоанна Златоуста (кн. подг. и выпущ. по изд. И.А. Морозова в тип. Вильде. – М., 1905). – М., 1990. – 31 с.
120. Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. – М.: Наука, 1974. – 350 с.
121. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. – М.: ООО Издательство «Стрелец», 2001. – 400 с.
122. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX / Под ред. Э.Д. Днепров, С.Ф. Егорова, Ф.Г. Тебиева. – М., 1991. – С.100–150.
123. Пашуков В.Ф. Марийский край в годы гражданской войны (1918–1922 гг.). – Йошкар-Ола, 1965.
124. Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 24 октября 2014 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров. – Чебоксары, 2015.
125. Перцов В.В. Очерк статистики и экономики Казанской губернии. – Казань: Издание Учетно-Статистического Отдела Казанского Губернского Продовольственного Комитета и Казанского Губстатбюро. 1919. – 72 с.
126. Першин П.Н. Аграрная революция в России: Историко-экономическое исследование: В 2-х кн. – М.: Наука, 1966. – Кн. I. – 490 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

127. Пиетров-Энкер Б. «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / пер. с нем. – М.: РГГУ, 2005. – 444 с.
128. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.
129. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. – М., 1997.
130. Прохоров Б.Б. Здоровье россиян за 100 лет // Человек. – М., 2002. – №2. – С.54–57.
131. Рафикова Г.Э. Первая мировая война: из жизни военнопленных ученых в российском плену. 1915–1917 гг. // Вестник архивиста. – 2016. – №2. – С.109–120.
132. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. – М.: Гос. статистическое изд-во, 1956. – 350 с.
133. Рокина Г.В. Иностранные пленные Первой мировой войны в Марийском крае // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – №1. – С.72–77.
134. Российская социологическая энциклопедия – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psyoffice.ru/6-619-yelita.htm>, свободный. – Проверено: 26.12.2016.
135. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 982 с.
136. Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 564 с.
137. Ростовцев Е.А. 1911 год в жизни университетской корпорации (Власть и Санкт-Петербургский университет) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. – Т. III. – СПб., 2012. – С.437–507
138. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Столичный университет и мировая война: теория и практика «академического патриотизма» // Былые годы. – 2014. – № 34(4). – С.592–604.
139. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. К вопросу об образовании медицинского факультета Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2015. – №5. – С.57–60.
140. Русские крестьяне. Жизнь, Быт. Нравы: В 7 т. Т.3 – СПб., 2003.
141. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т.4. Нижегородская губерния. – СПб., 2006. – 411 с.
142. Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). – Казань: изд-во «Фест», 1995. – 280 с.
143. Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р., Хайрутдинова Л.Ф. Очерки истории Национального банка Республики Татарстан. – Казань, 2000.

БИБЛИОГРАФИЯ

144. Сальникова А.А. Революционные потрясения: 1917–1922 гг. // Очерки истории Казанского университета. – Казань, 2002. – С.149–165.
145. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – 256 с.
146. Семенова Е.Ю. Взаимодействие горожан и беженцев на территории тылового города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) // Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – Т.16. – №3 (2). – С.436–443.
147. Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний // «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX вв. В 3 кн. Кн 1 / Изд. подгот. Н.Л. Пушкарева, Л.В. Бессмертных. – М., 2004. – С.641–730.
148. Сибгатов Б.И. Деревня Казанской губернии в 1916 г. // Хозяйствующие субъекты в аграрном секторе России: история, экономика, право: сб. материалов IV Всероссийской (XII Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Казань, 10–12 октября 2012 г.). – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2012. – С.244–251.
149. Сибгатов Б.И., Шайдуллин Р.В. Особенности трансформации рыночных цен на сельскохозяйственную продукцию в Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – Казань, 2013. – Т. 155. – Кн.3, ч.1. – С.125–129.
150. Смирнова В.Н. Женщины Татарии в борьбе за власть советов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. – 116 с.
151. Смирнова В.Н. Требование женского равноправия в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март-октябрь 1917 г.) // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Сборник статей. – Казань, 1969. – Вып. II–III. – С.167–181.
152. Соловьев Е.Т. Очерки народного юридического быта. – Вып.1. – Казань, 1888.
153. Сорокин П. Заметки социолога. Социологическая публицистика. – СПб.: Алетейя, 2000. – 300 с.
154. Сорокин П. Социология революции. – М.: Территория будущего, РОССПЭН, 2005. – 704 с.
155. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – 616 с.
156. Стариков С.В. Царевококшайский уездный совет крестьянских депутатов в период Великой Российской революции 1917–1918 гг. // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья: материалы II Всероссийской (X межрегиональной) конферен-

БИБЛИОГРАФИЯ

ции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2008 г.) – Йошкар-Ола, 2009. – С.256–266.

157. Субаев Н. Польский журнал в Казани // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1996. – №3/4. – С.226–230.

158. Султанбеков Б.Ф. Эволюция политических взглядов профессоров и преподавателей высших учебных заведений Поволжья (1905–февраль 1917 г.) // Ученые записки КГПУ. – 1977. – Вып. 173. – С.21–22.

159. Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922). – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 423 с.

160. Суряев В.Н. Офицеры русской императорской армии. 1900–1917. – М.: «Русское историческое общество», «Русская панорама», 2012. – 272 с.

161. Суханов Н.Н. Записки о революции. Книга четвертая. – Берлин-Петербург-Москва: Изд-во З.И. Гржебина, 1922.

162. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX века) по материалам Среднего Поволжья. – М.: РОССПЭН, 2008. – 679 с.

163. Тагиров И. В борьбе за власть Советов (октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале, июль 1917 – март 1918 г.). – Казань: Татар. книжн. изд-во, 1977.

164. Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 2000.

165. Тагиров И. Октябрь в Казани: новое прочтение // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2003. – №1/2. – С.73–86.

166. Тамарин А. Мусульмане на Руси. – М.: Издание Д.Я.Маковского, 1917. – 32 с.

167. Татарская энциклопедия. В 6 т./ Гл. ред. М.Х.Хасанов, отв. ред. Г.С.Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2002–2015.

168. Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, приуроченной 100-летию начала войны (г.Казань, 10–11 октября 2014 г.) / Под общ. ред. Л.Р.Габдрафиковой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – 508 с.

169. Толстой Л. Четвероевангелие. – М.: ЭКСМО, 2002. – 768 с.

170. Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер, А. Дмитриева. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 784 с., ил.

171. Усманова Д.М. Мусульманское «сектантство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг. – Казань: изд-во «Фэн», 2009.

172. Усманова Д.М. Февраль 17-го в телеграммах от мусульманского населения // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – № 1/2. – С.166–167.

173. Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. – Нижний Новгород, 2005. – 106 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

174. Федотова А. В борьбе за право на благотворительность: мощь Н.П. Куприяновой пострадавшим от неурожая 1906–1907 гг. в Казанской губернии // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1916. – № 1/2. – С.157–160.
175. Фельдман М.А. Становление властных структур на Урале весной 1917 г.: современные подходы // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 12. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – Фельдман – С.144–158.
176. Хабутдинов А.Ю. Татарское общественно-политическое движение в досоветский период: 1900–1918 гг. – Казань, 1997.
177. Циунчук Р.А., Федотова О.В. Предисловие // Казанская губерния в годы Первой мировой войны: сб. документов и материалов / под общ. ред. Д.И.Ибрагимова. – Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2014.
178. Чаадаев Петр. «L'UNIVERS». 15 января 1854 // Стратегия России. – №10, октябрь 2004. – С.64.
179. Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах. Т.1. 1905–1907 гг. / под ред. Л.Р. Габдрафиковой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – 360 с. + 24 с. илл. вкл.
180. Червинский Г. Польско-татарские писатели в годы Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, с международным участием, приуроченной к 100-летию начала войны (Казань, 10–11 октября 2014 г.) / под общ. ред. Л.Р. Габдрафиковой. – Казань, 2014. – С.77–88.
181. Чуваши. Этнографическое исследование. В 2 ч.. Ч. 2. Духовная культура / Под ред. М. Я. Сироткина, М. И. Иванова. Чебоксары, 1970.
182. Чудаков О.В. Становление института комиссаров Временного правительства в Сибири // Омский научный вестник. – 2013. – № 1(115). – С.15–18.
183. Шайдуллин Р.В. Сравнительная динамика развития основных отраслей крестьянских хозяйств Казанской губернии в годы Первой мировой и Гражданской войн // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сб. материалов Всероссийской научной конференции. Казань, 10–11 октября 2014 г. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С.184–198.
184. Шайдуллин Р.В., Зайнуллина Ф.Г. Крестьянство Казанской губернии в 1860–1910-е гг.: в экономическом и социокультурном изменении. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2013. – 298 с.
185. Шашков С.С. Очерк истории русской женщины. – СПб., 1872.
186. Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну. – М.: Воениздат, 1956.
187. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. – Тамбов: Юлис, 2004. – 510 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

188. Энгел Б.А. Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. – М., 1996. – С.83–89.

Диссертации и авторефераты

189. Абдрашитов Э.Е. Пленные россияне в информационной политике России в 1914–1917 гг.: внутривнутриполитические и внешнеполитические аспекты. Дисс. ... д.и.н. – Ставрополь, 2014.

190. Баринев Д.А. Этнокофессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.). Дисс. ... к.и.н. – СПб., 2015. – 253 с.

191. Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года). Дисс. ... к.и.н. – Орел, 2005. – 307 с.

192. Валеев Р.К. Революционное движение в Среднем Поволжье в период назревания общенационального кризиса (июль – октябрь 1917 г.). Дисс. ... к.и.н. – Казань, 1968.

193. Галиуллина Г.Р. Женский вопрос в России: региональный аспект (1900–1917 гг.). Дисс. ... к.и.н. – Казань, 1995.

194. Диндаров А.И. Земельные комитеты Среднего Поволжья в 1917–1918 гг. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2002.

195. Кабытова Н.Н. Власть и общественные организации Поволжья в 1917 году. Дисс. ... д.и.н. – Самара, 1999. – 462 с.

196. Казакова М.А. Воспоминания об Октябрьской революции в Среднем Поволжье как исторический источник. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 1994.

197. Мансуров Р.З. Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006. – 188 с.

198. Морозов А.В. Больничные кассы и страхование рабочих в Казанской губернии. 1912–1919. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2000.

199. Мухина З.З. Трансформация статуса женщины в русской крестьянской семье середины XIX – начала XX века. Дисс. ... д.и.н. – М., 2014. – 691 с.

200. Ниманов Б.И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 гг. в Поволжье. Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 2009.

201. Остроухов А.И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны. Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 2011.

202. Румянцев Д.Е. Демократизация органов городского самоуправления в Поволжье в 1917 году: историко-политический анализ. Автореф. дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006.

203. Сибгатов Б.И. Деревня Казанской губернии в годы Первой мировой войны: социально-экономический аспект. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2015. – 254 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

204. Сизова А.Ю. Российская высшая школа в революционных событиях 1917 г. Дисс. ... к.и.н. – М., 2007. – 276 с.

205. Солдатов Я.В. Казанское земство в период Первой мировой войны: историко-политический анализ. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2004.

206. Халилова Т.В. Региональное лидерство и политическая культура (на материалах Казанской губернии). Февраль 1917 – июль 1918 гг. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2000.

207. Холодов В.А. Война в мировоззрении русского населения и «человека с ружьем» второй половины XIX – начала XX вв.: на материалах Орловской губернии. Автореф. дисс. ... к.и.н. – Орел, 2011.

На татарском языке

208. Мәдрәсәләрдә китап киштәсе. Мәшһүр мәгърифәт үзәкләре тарихынан. – Казан, 1992.

209. Әмирхан Ф. Әсәрләр: 4 томда. – Т.4. Әдәби-сәнгать тәнкыйте, биографик материаллар, хатлар / төз. М.Әхмәтжанов. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1986. – 390 б.

210. Габдрафикова Л.Р. Буржуаз жәмгыятьтә татар хатын-кызларының яңа мөмкинлекләре (XX гасыр башы) // Габдулла Апанаев (1862–1919) – известный татарский педагог и общественный деятель: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Казань, 29 марта 2012 г.). – Казань: Институт истории АН РТ, 2012. – Б.210–215.

211. Миңнуллин Ж. «Татар полклары ни өчен кирәк?» // Мирас. – 1994. – №4. – Б.114–117.

212. Рәми И.Г., Даутов Р.Н. Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001.

213. Такташ Н. Әсәрләр: 3 томда. – Т.2. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1981. – 478 б.

214. Хангильдин В. Бабич белән үткән бер җәйнең истәлеге // Совет әдәбияте. – 1959. – №5. – Б.99–102.

На английском

215. Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. – Berkeley; Los Angeles, 1989. – 438 p.

216. Kenler H. The Red Garden. – New York: Alfred A. Knopf, 1922.

На турецком

217. Hablemitoğlu Ş., Hablemitoğlu N. Şefika Gaspıralı ve Rusyada Türk Kadın Hareketi (1893–1920). – Ankara, 1998. – 672 s.

На марийском

218. Кузэ илат мэмнан салтак: шамыч полыншто Германия дэнэ Австрияштэ. – Казань: Православное миссионерское общество, 1917. – 47 с.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абалымов Н.А. – 54, 336
Абдуллин Х.М. – 21, 41
Агабабов А.Г. – 200, 347
Агоп У. – 328
Азметова К. – 266
Аитов С.М. – 78
Аитова Ф. – 248
Айда А. – 249, 395
Аксентьев И.П. – 142
Алафузов В. – 152, 156
Алафузов Л.И. – 152, 156, 167, 168
Алафузов Н.И. – 163
Алафузов Н.Н. – 157, 161, 162, 163,
164, 169, 170, 172, 173
Александр II – 84
Александрович М. – 304
Александровичи – 305
Алексеев А.К. – 214
Алексеев П. – 62
Алкин И.С. – 135, 269
Алкин С. – 304, 344
Алкина Ф. – 253
Алюнов – 50
Амвросий – 73
Амирхан Ф. – 102, 258
Ананаев А.К. – 51
Анатолий, епископ – 80
Андреев – 104
Анисимов В.Г. – 172
Аносов Н.А. – 49, 349
Антонов И.Н. – 279
Апанаев З.-А.К. – 78
Апанаева Г. – 260
Апати (Шандор) А. – 283, 292
Арбузов А.Е. – 193, 198, 206, 346
Архангельская-Емельянова Е.Н. – 222
Архаров В.М. – 76, 364
Асанович – 305, 380
Афанасьев – 58, 59
Ахмадеев Ш. – 71, 258, 367, 372
Ахматов – 43
Ахмеров И. – 186
Ахмерова З. – 253
Ахмерова С. – 253
Ахмет-Мурад-Оглы – 326
Ахметшина Р. – 270
Бадюл А. – 102, 103, 157
Баимбетова (Муслимова) З. – 251,
252, 268, 269
Бакман Л. – 284
Бакунин – 7
Барабаш Ф. – 290
Барановский В.П. – 53, 336
Барсуков – 65
Барт В. – 316
Бартель И.И. – 281
Бартов Г. – 325,
Бартольд – 50, 65, 348
Баруди Г. – 34, 84, 91, 265
Батыршин Р.Р. – 41
Баширова З. – 270
Бей-Иунидунья А.Д. – 328
Бекетов С.А. – 302
Белькович В.Н. – 65, 66, 335, 337
Бем М.А. – 183
Бергис В. – 50
Бергис П.Г. – 49
Бердяев – 6
Беренс Г. – 323
Берстель С.П. – 132
Бигиев М. – 135
Бинкенин М.Ш.З. – 327
Бланш Т. – 284, 285
Блок – 10
Богаткин – 284
Богданович – 305, 381
Богородицкий В.А. – 191
Богородский А.Я. – 191, 198
Богоявленский В.С. – 114, 121
Болотов Е.А. – 198, 347
Бондарь И.К. – 322
Бонди – 283
Боратынская (Алексеева) К.Н. – 211,
212, 213, 214, 219, 220
Боратынская (Ильина) О.А. – 211,
212, 213, 219, 222
Боратынская Е.Н. – 212
Боратынские – 211, 224
Боратынский А.Н. – 43, 59, 211, 213,
220, 340, 370
Боронин В.Д. – 50, 51, 57, 68, 148,
369, 371
Боярский П.М. – 43, 44, 45, 50, 69,
70, 78, 87, 129, 147, 196, 272,
275, 294, 297, 298, 389
Брауде (Булич) В.П. – 215, 223, 367
Брюллер В.Э. – 320
Буби М. – 264
Будде Е.Ф. – 191, 198
Булдаков В.П. – 35, 39

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Булыгин – 106
 Булыгин – 142
 Бурмакин И.А. – 151, 152, 166, 173
 Бурмакин С.И. – 152, 166
 Бурнашева З. – 246, 253, 258
 Бухов – 63, 349
 Бушмакин М.Д. – 347
 Бушмакин Н.Д. – 51, 198
 Бушуева Л.А. – 41
 Былинкин – 59
 Вады Х. – 32
 Ваисов С.-Г. – 83, 100
 Валеев Р.К. – 31
 Ванчуря А. – 307, 308
 Ваньчуре А.П. – 281
 Вахитов М.М. – 71, 82, 83, 269, 367,
 372, 377, 378
 Вахитова Б. – 270
 Вашш Ю.А. – 292, 393
 Вдовин – 217
 Вегер – 58, 63, 223
 Вегер О.А. – 223
 Вернадский В.И. – 206
 Ветерлинг М. – 284
 Видуц А. – 296
 Вилле Е.А. – 319
 Вильсон В. – 13
 Винокуров Д.Г. – 172
 Вишленкова Е.А. – 36
 Вишневский А.В. – 23, 191
 Вяязовский К. – 308
 Владимир – 73
 Волков И.Н. – 195, 196, 202
 Волков И. – 195
 Вороновичи – 305, 381
 Вотякова А.Е. – 46
 Габаши Х.-Г. – 135
 Габдрафикова Л.Р. – 41
 Габидулло В. – 96
 Габитова Х. – 248
 Гаврилова В. – 277
 Гагарина В.Ф. – 286
 Газель Ю. – 289
 Галеев М.И. – 78
 Галикеев А.С. – 78
 Галикеев С.С. – 78
 Гамбич И. – 315
 Гамильтон Г. – 284
 Гандшух – 283
 Гардер И. – 321
 Гасинский С.К. – 320
 Гаузер Ф.И. – 319
 Генберг А. – 284
 Геркен – 180, 340
 Геркен П.И. – 369
 Герцен – 7
 Гильманов М. – 257, 258
 Гимедетдинова Х. – 263
 Гладилов – 129, 164
 Гладыш В.И. – 281
 Гниевш А.В. – 315
 Годнев И.В. – 30, 43, 61, 345
 Голанов – 63
 Голиков – 64
 Голубков А.П. – 151
 Гольдгаммер Д.А. – 106, 200, 201,
 206, 346
 Горн И. – 314
 Горн-старший – 314
 Горталов А.П. – 285
 Готлициер И. – 273, 274, 277, 283, 369
 Гофман А. – 283
 Грабовский С.Ф. – 284, 285
 Грабок М.К. – 317
 Грасис К.Я. – 54, 107
 Гребнева О. – 154
 Григорьев Д.Н. – 184, 356
 Гродзицкий – 277
 Груздев В.С. – 200
 Грузинская – 217
 Губайдуллина М. – 283
 Гуляев А.Д. – 198
 Гуляева В.И. – 324
 Гурьянов Г.К. – 59
 Гучков А.И. – 147, 149
 Давыдов А.Ю. – 37
 Даннскиольд – 284, 285
 Дантон – 13
 Даркшевич Л.О. – 200
 Девлеткильдеева Ф. – 252
 Деменьков – 56
 Деметр И. – 283
 Денике Ю.П. – 51, 348
 Джаббарова (Валитова) К. – 250, 251,
 253, 263, 268, 269,
 Джаббарова М. – 250, 251
 Динда – 283
 Дитрих П.-А.-Ф. – 316
 Дмитриев В.Т. – 144
 Добролюбов – 7
 Долганова Е. – 236
 Домейко А.У. – 301
 Домейко В.В. – 301
 Дормидонтов Г.Ф. – 192

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Достоевский – 6
 Дружинин И.А. – 53
 Дыбов – 59
 Дыбоский Р. – 279
 Евдокимов – 78
 Еллинская Н.А. – 221
 Еникеева Ф. – 246, 262
 Еремин – 287
 Ефимов С.М. – 51, 62, 348
 Ефремов Н.Д. – 65, 364
 Жебровский Э.С. – 272, 273, 277,
 279, 282, 283, 288
 Жижки Я. – 13
 Журавлев В. – 70
 Журавлев В.Е. – 178
 Заалов М.З. – 152
 Заболотская Е.Н. – 76
 Завадская Е.Б. – 320
 Залеская-Сухова Е.В. – 223, 354
 Залесский В.Ф. – 223
 Зарубин П.П. – 317
 Зворыкин Н.Н. – 10
 Зейлингер Д.А. – 204
 Зеленин Н.Ф. – 153, 164, 172
 Зеленский – 164
 Иаков – 73, 100
 Ибатуллин – 164
 Ибетуллин Х. – 137
 Ибрагимов Г. – 82
 Иван IV – 7, 8
 Иваницкий Б.Е. – 44
 Иванов – 13
 Иванов В.Н. – 51, 348
 Иванов И.Н. – 54
 Ивановская Е.А. – 204
 Ивановский – 144
 Ивановский В.В. – 200
 Ивановский В.Н. – 204
 Ивановский К.Н. – 51
 Ивыгин – 185
 Игнатьев П.Н. – 114
 Измайлов М.Л. – 258
 Израэлит С.И. – 97
 Ильин К. – 212, 213, 219
 Ильюхов А.А. – 37
 Ильясова Б.Х. – 246, 247, 260, 269
 Ионенко И.М. – 31
 Иошпа Л.А.М. – 318
 Искандеров А. – 268
 Исмагилов Г. – 262
 Исхаки Г. – 246, 247
 Исхаков С.М. – 33
 Кабытова Н.Н. – 42
 Казаков – 53
 Казаков И. – 34
 Казакова М.А. – 33
 Казакова Н. – 34
 Казем-Бек А.Н. – 200
 Калимуллина Г. – 263, 264, 266
 Калугин – 49
 Каменев Г.В. – 59
 Каминский М. – 307
 Капралов – 89
 Капралова – 89
 Кариев Г. – 257
 Карими Ф. – 135
 Каримова Ш.Д. – 261
 Каримовы – 254, 255, 280
 Карпов А. – 75, 286
 Карпович – 185
 Кассо Л.А. – 203, 204
 Катон Ю. – 276
 Кау-Тень-Чжи М.Ф. – 324, 325
 Качинский – 185
 Кашаев К.-Г. – 280
 Кашафутдинова Ф. – 246
 Каюков Н.Г. – 51
 Керенский – 13, 214
 Коведяев И.Н. – 64
 Кожевников – 167
 Колесников – 89
 Колесников В.Г. – 99
 Колесников Т.В. – 352
 Колоницкий Б.И. – 35
 Колосов И. – 100
 Комаров – 183
 Комлев А.П. – 51
 Константинов А.А. – 149, 150, 159,
 172
 Копко – 83
 Корбут К. – 17
 Корбут М.К. – 17
 Коржениовский С.-А.В. – 323
 Корнеев Х. – 62
 Королев И.Г. – 177
 Коротнева-Закржевская Л.Н. – 215
 Корсаков Д.А. – 191, 194, 205, 317
 Корсакова В.Д. – 205
 Костроминская М.А. – 323
 Котляревский Н.А. – 203
 Котляровский А.И. – 371
 Котов И.И. – 289
 Крапоткина И.Е. – 41
 Кращунас П. – 296

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Кромвель – 13
 Криницкая М. – 306, 382
 Криницкие – 306, 382
 Кропоткин П.А. – 7
 Кропоткин – 214
 Кропоткин А.А. – 59, 369
 Крыжановский М.М. – 318
 Крылов – 177
 Крюгер – 185
 Кульчицкий Н.К. – 115
 Кульчицкий П.К. – 92
 Куприянов П. – 216
 Куприянова Н.П. – 216, 223, 349
 Курбатов М.Н. – 59
 Курмаев – 305, 382
 Курмаш Ф. – 289
 Лаврентьев И.Е. – 60
 Лавринович – 83
 Лебедев Ф.П. – 51
 Лебедь – 282, 305, 383
 Левкопуло А.С. – 327
 Левкопуло(Терентьева) Н. – 327
 Левкопуло С. – 320
 Левчук И.М.– 296, 303
 Ледовицкий Ю. – 322
 Лейкин Е.Г. – 321
 Ленин В.И. – 13, 15, 82, 171
 Леонтович – 45
 Леонтьев – 54
 Леонтьева Т.Г. – 39
 Лепешкин В.В. – 200
 Ломиковский М.М. – 113, 114, 115,
 116, 117, 118, 119, 121
 Лопухов С.Г. – 167
 Лукницкий В.В. – 103, 190
 Лукомский А.С. – 175
 Лучицкий В.И.–201
 Львов Г.Е. – 131, 210, 250, 300, 343,
 344
 Любомудров С.И. – 114, 115, 116,
 117, 120, 121
 Люкшин Д.И. – 37
 Майтени Я. – 283, 292
 Макаровский М.А. – 167
 Мак-Канногей Г.-А. – 278
 Маклаков Н.А. – 327
 Максимов – 54
 Максуди А. –249
 Максуди М. – 249
 Максуди С. – 249, 394
 Малков А. – 169
 Малов Е. – 250
 Малов М.А.–289
 Малышева С.Ю. – 31, 36
 Манатов Ш. – 82
 Манн Т. – 276
 Мансуров Н. – 177
 Мануйлов А.А. – 199, 203
 Марков В.В. – 151
 Маршев Л.С. – 299
 Матвиевский Л.А. – 307
 Матейко Я. – 308
 Мейер К. – 204
 Мельников Н.А. – 60, 132, 343, 357,
 369
 Мемед-Хали – 326
 Менгден Г.Г. – 183
 Меркулов П.А. – 127
 Меркулов С.А. – 105
 Мессер К.И. – 321
 Мессер-старший – 321
 Мианковский Х. – 307
 Мильтос И.П. – 318, 328
 Миронов Б.Н. – 233, 237
 Миронова Е.В. – 41
 Миславский Н.А.–200
 Мокрушина К.Ф. – 218
 Молоствов А.–131
 Молоствов В.Г. – 60, 217
 МолоствовВ.В. – 46, 47, 54
 МолоствовК.В. – 216, 217
 Молоствов Л.В. – 136
 МолоствовН. – 46
 МолостоваА.В. – 218, 219
 Молостова Е.С. – 131
 МолостоваН.М. – 46
 Молотков И.Я. – 317
 МонасыповГ. – 186
 Мохов В.И. – 65, 336
 Мочалов П.И. – 64
 Мошоро Ф.И. – 281
 Мукминов Г. – 78
 Мусин С. – 78
 Мустакаева Г. – 262, 368
 Мустафин Л.А. – 331
 Мустафина Х. – 253
 Мухамадеев А.Р. – 41
 Мухамедьяров Ш.З. – 135
 Мухаметшин Б. – 137
 Мухаметьярова У. – 262
 Мухаррямов М.К. – 31
 Мухин М.И. – 96
 Мухитдинова А. – 253, 254, 260, 267,
 269, 377

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Мясников Е.А. – 317
 Нариманов Н. – 258
 Насыбуллина Г.Г. – 261
 Неаполитанов – 185
 Неклепаев – 177
 Нелидов Б.Н. – 51, 371, 348
 Немец К. – 290
 Немец Ф. – 273
 Нератов – 72
 Нехлебаев – 185
 Нехотяев – 64, 351
 Нечаев – 90
 Нечкин В.И. – 220
 Нечкина М.В. – 220, 221, 222, 376
 Николаев – 54
 Николаева К. – 243
 Николай II – 12, 56, 59, 72, 110, 147
 Никольский Н.В. – 91
 Ноинский Н.М. – 198
 Нухрат А. – 265
 Овчинников Г.Н. – 51
 Одинцов В.Т. – 56
 Озерецковский – 185
 Олицкая Е.Л. – 196
 Ольгеницкий Г.О. – 196, 202
 Ольгеницкий Г.Ш. – 83
 Орловский В.Ф. – 281, 307
 Орон-Конья А. – 289
 Остров К.М. – 51
 Павлов – 54, 55
 Павлов П.Л. – 152
 Паздро З.И. – 281, 307
 Панормов А.А. – 200
 Панфилова М.А. – 256, 257, 263, 358
 Парамонов Д.Г. – 218
 Парамонова О.Н. – 218
 Парфентьев Н.Н. – 198, 346
 Паулуччи – 283
 Пенинская Е. – 218
 Пенинский Д.В. – 218
 Петр I – 6, 8, 9, 11, 15
 Петрикова П. – 241, 242
 Петрицкий М.К. – 325
 Петров А.К. – 183
 Петров Н.Ф. – 158
 Петровский Н.М. – 191
 Пиетров-Энкер Б. – 32
 Пиотровский А.С. – 315
 Плеханов – 6, 214
 Плотников А.Н. – 46, 47, 48, 59, 60,
 217, 336, 343
 Погорельский С. – 315
 Подьяпольский – 177
 Поляков – 59
 Пономарев Л.И. – 206, 347
 Пономарев Н.П. – 65, 364
 Поплавский К.Б. – 62, 63, 68
 Попов А.И. – 51
 Поршнева О.С. – 38
 Посников А.С. – 141
 Поспеев А.М. – 51, 346
 Пржибыльский С. – 307
 Притта – 289
 Прогнаевский – 87
 Прохоров Б.Б. – 237
 Прохоров Т.П. – 66
 Пугачев – 6
 Пулудис Д.Н. – 150, 152, 153, 155,
 156, 162, 163, 164, 165, 166, 170,
 171, 172, 284, 370
 Пушкин – 7
 Пьянов – 65
 Радимов П. – 102
 Радищев – 7
 Разин В. – 147
 Рамазанов М. – 102
 Рамеев С. – 258
 Рамеевы – 250, 251
 Рамодин И. – 137
 Рапопорт В.И. – 223, 350
 Расулзаде М. – 82
 Ратников П. – 86
 Рахматуллин З. – 96
 Рендторф Э.-В. – 284
 Робеспьер – 13
 Родзянко М.В. – 43, 44, 176
 Рожков Г.Н. – 51
 Россоловский – 136
 Руанет М.А. – 51
 Руштяк Б. – 283
 Рылов И.М. – 172
 Ряхина В.А. – 121
 Савелов Л.М. – 299, 300
 Савин А.Н. – 204, 207
 Савинков Б. – 7
 Савченко И.Г. – 200
 Садрутдин С. – 255
 Сайдашев А.Я. – 78
 Сайфи А. – 257, 258, 259, 261, 262,
 267, 269, 270
 Сайфи-Казанлы Ф. – 258
 Салехов С. – 331
 Салехов Т. – 71
 Салихова З. – 253

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Сальникова А.А. – 36
 Самигуллин Ф. – 99
 Самсе – 284
 Сандецкий А.Г. – 43, 44, 63, 69, 175,
 179, 182, 183, 184
 Сатыпадин – 82
 Северова Н.Н. – 220
 Селимова Ф. – 250
 Сибгатов Б.И. – 26
 Сигизмунд К. – 290
 Симбирин Ф.В. – 142
 Симолин А.А. – 198, 205, 206, 208
 Смирнов Н.В. – 46
 Смирнова В.Н. – 241, 267
 Соколовский А.И. – 281
 Соловьев А.Т. – 91, 340, 341
 Соловьев К.А. – 46, 59
 Сорокин П. – 13, 14, 37
 Спекторский Е.В. – 201
 Сталин – 13, 14, 15
 Станишевский К. – 307
 Стахеев А. – 152, 172, 173
 Степанов – 56
 Столыпин – 6
 Стрижевский М.В. – 77
 Строжнев М. – 236
 Сухова О.А. – 37
 Сухорученко В. – 312, 313
 Сырутис Б. – 296
 Тагиров И.Р. – 31
 Тазетдинов З. – 254, 256
 Тазетдинова Г. – 254, 255, 256, 262,
 263, 264, 268, 269
 Такташ Х. – 270
 Таланов В.Г. – 151
 Тальковский И. – 306
 Таначева (Ямашева) Х. – 253, 262,
 344
 Теренин Н.С. – 59, 370
 Тимковский К.Д. – 183
 Тимофеев Д.А. – 200
 Тихомирнов В.А. – 70
 Тихомиров Л. – 32
 Тицнер В.Э. – 301, 355
 Тогашев – 295
 Толстой Л.Н. – 9, 10
 Толстой-Милославский С.С. – 44, 343,
 344
 Топчибашев А. – 82
 Трофимов – 185
 Троцкий Л.Д. – 12, 85
 Трубников – 60
 Туктаров Ф. – 51, 257, 344, 377
 Туров – 312
 Турсков В.М. – 66
 Тухфетуллоев Г. – 96
 Уайль Ф. – 282
 Ульянов В.А. – 198, 205
 Умеров А. – 258
 Урусов П.А. – 49, 50
 Урусов С.Д. – 49, 217
 Утямышев И.Г. – 264
 Ухтомская А.Г. – 286
 Ушаков С.А. – 51, 345
 Фазлуллин М.А. – 251
 Фазлуллина (Фазыйлуллина) Г. – 251
 Файдыш – 183
 Фахри С. – 266
 Федонович М.П. – 298, 299
 Федуленко М.В. – 94
 Феофанов Ф.Ф. – 51, 349
 Ференцевич Л. – 308
 Фигнер В. – 32, 210
 Филипсон Н.Н. – 59
 Фирсов Н.Н. – 191, 204, 348
 Фишер А. – 289
 Фонде К. – 284
 Францкевич В. – 281
 Фролов С.Б. – 60
 Хадеменес Г. – 328
 Хакимов Ф. – 71
 Халапсин А.М. – 136
 Халецкие – 305, 389
 Харитонов А. – 131
 Харитонов И.Н. – 256
 Харлампович К.В. – 204
 Хасанов К.Г. – 50, 65, 81, 331, 339
 Хафиз М. – 263
 Хвостов М.М. – 191, 206, 345
 Хисаметдинова Х. – 240
 Хисамутдинов Г. – 105
 Хитрово Л.В. – 217
 Хомонюк Е. – 312
 Хорук И. – 312
 Христ Х. – 289
 Христофоров И. – 137
 Хрцонович Л.К. – 307
 Хрцонович Л.Л. – 307
 Хубер М. – 307
 Хусаиния Л. – 246, 264
 Хуснутдинова Б.-К. – 255
 Царн Г. – 325
 Цивилин В.А. – 66
 Чаадаев – 9

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Чекунов П.И. – 62
Чельшова – 317
Чемесова – 218
Черенков В.А. – 92
Чернов – 282
Чернышев В.А. – 47, 48, 49, 62, 65,
76, 79, 80, 81, 139, 159, 284, 331,
337, 339, 375
Чернышевский – 7
Черчилль У. – 15
Чистович Ф.Я. – 198
Чуенков – 167, 354
Шабанов В.Г. – 24, 25, 154, 273, 318,
371
Шагадевичи – 306
Шагдиевичи – 305
Шагиахметов – 280, 323
Шарафутдинов А. – 327
Шафигуллин З. – 280
Шверт-Фингер Э.Б. – 325
Шебеко – 43
Шейнкман Я.С. – 82, 83, 358
Шепут Л.К. – 281
Шестаков Д.П. – 204
Шестаков С.П. – 194, 200
Шешин А.Д. – 151
Шипков Д.Н. – 172
Ширяев А.Е. – 49
Шкультетти М.О. – 323
Шнуровский К.Ю. – 67, 196, 366
Шпирер М. – 282
Штуцер И.И. – 137, 140, 141
Шульц А. – 318
Щеголев В.Н. – 152, 160, 362
Щепкин – 45
Щербакова А.В. – 277
Эдингер Л.И. – 320
Элиас Э.И. – 303, 350
Эннатский Л.В. – 46, 54, 336, 370
Югович И. – 283
Юнг Ф. – 290
Юсупов – 60
Ягодинский И.И. – 204
Язвин – 183
Якимов С. – 283
Якубовские – 305, 387
Якубовский И. – 306
Янак Н.В. – 320
Янсон К. – 296
Ящерицын – 53

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдинская волость (Мамадышский уезд) – 295
Австрия – 15
Адам-Су, деревня (Чистопольский уезд) – 257
Адмиралтейская слобода (Казань) – 308
Азеево, село (Рязанская губерния) – 246, 258
Азеевская волость (Свияжский уезд) – 303
Академическая слобода (Казань) – 296
Александровка, деревня – 286
Альметьево, село (Бугульминский уезд) – 263
Апазово, село – 17
Арск – 18, 89, 190, 268, 302
Арское кладбище (Казань) – 73
Арсланово, село (Караякуповская волость, Уфимский уезд) – 251
Архангельское кладбище (Казань) – 93
Арышхазда, село (Кулаевская волость, Казанский уезд) – 205
Астраханская губерния – 42
Астрахань – 248, 257, 270
Атнинская волость – 101
Байкыбашево, деревня (Бирский уезд, Уфимская губерния) – 266
Бежбатаман, село (Свияжский уезд) – 90, 342
Белосток – 318
Богучар – 323
Болховская, деревня (Спасский уезд) – 142
Большая Рясь, село (Студёно-Ключинская волость, Казанский уезд) – 243
Больше-Атнинская волость (Казанский уезд) – 291
Больше-Менгерская волость (Казанский уезд) – 291
Больше-Шигаковская волость (Царевковокшайский уезд) – 241
Больше-Юнгинская волость (Козмодемьянский уезд) – 143, 303
Большие Отары, деревня (Воскресенская волость, Казанский уезд) – 289
Борисоглебское, село (Каймарская волость, Казанский уезд) – 101
Брест-Литовский уезд (Гродненская губерния) – 311
Брестский уезд (Гродненская губерния) – 310
Бугульма – 246
Буинск (Симбирская губерния) – 279
Букмышевская волость (Мамадышский уезд) – 242
Буचाцкий уезд – 315
Варшава – 307
Введенское, село – 316
Верхнее Колчурино, село (Спасский уезд) – 236
Верхние Девлизери, село (Лаишевский уезд) – 142
Верховичский уезд (Гродненская губерния) – 311
Ветлуга – 326
Виленская губерния – 304
Винница – 323
Вологодская губерния – 215
Воронеж – 206
Воронежская губерния – 323
Воткинские заводы – 312
Вулька-Реновецкая, деревня (Холмская губерния) – 296
Выборг – 183
Высокая Гора, село (Казанский уезд) – 190
Вязовое, село (Свияжский уезд) – 90
Вязьма – 310
Вятка – 327
Вятская губерния – 42, 178, 190, 264, 312, 320, 321, 327
Галиция – 315
Германия – 48, 101, 193, 262, 276, 277, 279, 285, 324
Гродненская губерния – 294, 297, 310, 311, 312, 318
Гусиха, село (Спасский уезд) – 90
Екатеринбург – 174, 259, 274
Екатериновка, деревня (Лаишевский уезд) – 142
Екатеринославская губерния – 222
Елань, село (Лаишевский уезд) – 73
Жедяевка – 56
Загреб – 45

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Зай-Каратай, деревня (Бугульминский уезд, Самарская губерния) – 266
- Зюзинская волость (Лаишевский уезд) – 143
- Иваново, село (Цивильский уезд) – 309
- Иж-Буби, село (Вятская губерния) – 264
- Ильинская волость (Казанский уезд) – 234
- Ильинское лесничество (Козмодемьянский уезд) – 96
- Исаково, село (Свияжский уезд) – 90, 342
- Кадышево, деревня (Казанский уезд) – 190
- Казанская губерния – 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 49, 51, 54, 57, 61, 62, 67, 69, 70, 72, 73, 75, 76, 79, 82, 88, 95, 100, 101, 102, 103, 106, 108, 118, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 133, 134, 137, 138, 139, 140, 145, 163, 196, 210, 216, 217, 225, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 236, 240, 242, 251, 257, 269, 271, 272, 275, 281, 282, 284, 287, 289, 291, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 301, 302, 304, 306, 307, 308, 309, 314, 315, 320, 324, 325, 326, 327, 328, 330, 331, 332, 333, 334
- Казанский военный округ – 20, 21, 42, 43, 63, 74, 83, 98, 128, 153, 162, 174, 175, 176, 179, 180, 182, 183, 184, 187, 271, 273, 276, 281, 285, 289
- Казанский уезд – 17, 18, 23, 101, 105, 139, 142, 232, 234, 235, 243, 249, 269, 289, 291, 295, 302, 317,
- Казань – 17, 20, 21, 23, 24, 28, 29, 36, 38, 42, 45, 49, 51, 57, 69, 72, 73, 77, 79, 80, 82, 84, 85, 87, 88, 89, 91, 93, 94, 98, 99, 100, 101, 102, 105, 106, 107, 108, 109, 115, 116, 121, 129, 135, 136, 142, 146, 147, 150, 152, 155, 157, 161, 162, 163, 165, 168, 170, 171, 172, 173, 174, 178, 182, 183, 184, 186, 187, 188, 190, 191, 194, 196, 198, 200, 201, 203, 204, 205, 206, 208, 211, 213, 215, 216, 219, 221, 222, 239, 242, 243, 248, 250, 251, 252, 253, 254, 256, 258, 259, 260, 262, 267, 268, 269, 270, 272, 273, 274, 276, 277, 279, 280, 281, 283, 284, 287, 288, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 299, 300, 301, 302, 304, 305, 306, 307, 308, 311, 312, 313, 316, 320, 321, 323, 325, 326, 327, 328, 332, 333
- Казыли, деревня (Лаишевский уезд) – 132
- Казыльская волость (Лаишевский уезд) – 142, 242
- Калуга – 320
- Караваево, деревня – 190
- Киев – 44, 45, 199, 299, 315, 393
- Киевская губерния – 318
- Киндери, деревня (Казанский уезд) – 190
- Кирское лесничество (Алатырский уезд, Симбирская губерния) – 287
- Китай – 324
- Кишинев – 325
- Клыковские стройки, деревня – 289
- Кляушская волость (Мамадышский уезд) – 137
- Кобринский уезд (Гродненская губерния) – 310
- Козмодемьянск – 17, 18, 272, 294, 303
- Козмодемьянский уезд – 75, 96, 99, 131, 132, 139, 235, 244, 274, 287, 311
- Колеченцы – 325
- Костромская губерния – 314, 321, 326
- Краков – 307
- Красноармейская слобода (Царевококшайск) – 279
- Крещёная Серда, деревня (Лаишевский уезд) – 142 (на с. 142 – Серда с маленькой буквы)
- Крутояр, деревня – 214
- Крым – 45, 69, 377
- Кубанская область – 324, 327
- Кузнечихинская волость (Спасский уезд) – 62, 236
- Кукмор, село (Мамадышский уезд) – 24, 99
- Кукморская волость (Казанский уезд) – 243

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Кулаево, село – 317
 Кулбаково, деревня (совр. Кигинский район РБ) – 248
 Кульбаево-Мараса, деревня (Альметьевская волость, Чистопольский уезд) – 25, 136, 257
 Кумьинское лесничество (Козмодемьянский уезд) – 287
 Кундурла (Кондырлы), село (Студёно-Ключинская волость, Казанский уезд) – 243
 Курячи, станция – 190
 Кутлушкино, деревня – 286
 Лаишев – 18, 66, 103, 221, 272, 282, 289, 309, 315, 318, 331
 Лаишево, село (Спасский уезд) – 150
 Лаишевский уезд – 43, 75, 131, 132, 134, 142, 234, 242, 274, 282, 286, 289
 Лебяжье, село (Спасский уезд) – 90
 Лубны – 45
 Львов – 285, 307
 Львовский уезд – 325
 Майкоп – 324
 Малая Рясь, село (Студёно-Ключинская волость, Казанский уезд) – 243
 Мало-Карачкинская волость (Козьмодемьянский уезд) – 131
 Малый Красный Яр, деревня – 286
 Мамадыш – 18, 136, 250, 251, 253, 263, 274, 315, 324, 328
 Мамадышский уезд – 139, 234, 235, 242, 262, 283, 295, 317
 Маметова Пустошь, деревня – 326
 Мариинский посад – 18, 307
 Матвеевка, село – 56
 Мекка – 101
 Минск – 306, 315
 Мироново, деревня (Зыковская волость, Яранский уезд, Вятская губерния) – 178
 Молвино, деревня (Свияжский уезд) – 100
 Молвитино, село – 314
 Морки, село – 315
 Москва – 9, 14, 43, 49, 71, 91, 102, 135, 204, 205, 212, 213, 222, 223, 243, 246, 253, 264, 269, 275, 284, 306, 318, 320, 376, 378
 Мульминская волость (Казанский уезд) – 291
 Нижний Новгород – 206
 Нижний Услон, село (Свияжский уезд) – 90, 342
 Никольское, село (Ядринский уезд) – 240
 Новгород – 7
 Новороссийск – 45
 Ново-Татарская слобода (Казань) – 297, 305
 Ново-Чурилинская волость – 99
 Норусовское лесничество (Цивильский уезд) – 287
 Оренбург – 82, 247, 259, 269
 Оренбургская губерния – Ориенбаум – 327
 Османская империя – 326, 327
 Оханск – 312
 Пензенская губерния – 42
 Перемышль – 21, 276, 390
 Пермская губерния – 42, 49, 162, 312
 Пермь – 206
 Петербургская губерния – 327
 Петнуры, село (Козмодемьянский уезд) – 303
 Петриковская волость (Царевококшайский уезд) – 143
 Петроград – 43, 45, 52, 58, 59, 71, 74, 79, 82, 86, 92, 102, 107, 130, 133, 137, 144, 147, 157, 161, 162, 163, 168, 184, 196, 206, 210, 214, 219, 223, 250, 261, 284, 308, 324
 Петропавловская слобода – 316
 Поволжье – 331
 Подольская губерния – 323
 Полтава – 45
 Полтавская губерния – 43
 Полянская волость (Спасский уезд) – 137
 Порфировка, село (Спасский уезд) – 90
 Пятигорск – 45
 Ревель – 320
 Русская Сорма, село (Ядринский уезд) – 243
 Савино, деревня (Царевококшайский уезд) – 310
 Салихово, деревня (Караякуповская волость, Уфимский уезд) – 251
 Самара – 47, 82, 84, 150, 174, 275
 Самарская губерния – 19, 266, 299
 Сарапул – 320, 391
 Саратов – 114

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Саратовская губерния – 42
 Сартчишма, деревня (Стерлитамакский уезд) – 251
 Свинцианы, местечко (Виленская губерния) – 306
 Свияжск – 18, 20, 58, 73, 85, 88, 136, 272, 291, 315, 316, 320, 323
 Свияжский уезд – 87, 90, 100, 131, 132, 139, 232, 274, 280, 283, 286, 295, 296, 303, 310,
 Сергиевские минеральные воды (Самарская губерния) – 299
 Симбирская губерния – 42, 279, 287
 Симферополь – 188
 Смоленск – 310
 Соколки, село (Троицко-Ситинейская волость, Мамадышский уезд) – 283
 Солигалич (Костромская губерния) – 321
 Сотнурская волость (Царевококшайский уезд) – 96
 Спасск – 18, 56, 136, 216, 272, 278, 331
 Спасский уезд – 90, 131, 137, 142, 150, 216, 228, 235, 236, 294, 313,
 Средне-Балтай, деревня (Буинский уезд) – 97
 Среднее Поволжье – 135, 140
 Средние Девлизери, деревня (Лаишевский уезд) – 142
 Средняя Азия – 181, 272
 Ставрополь – 163, 164, 165, 169, 328
 Старо-Челнинская волость (Чистопольский уезд) – 241
 Старо-Шешминская волость (Чистопольский уезд) – 235
 Старо-Юмьинская волость (Мамадышский уезд) – 242
 Степановка, деревня (Тетюшский уезд) – 142
 Степная Шентала, деревня – 286
 Стокгольм – 285, 324
 Суконная слобода (Казань) – 291, 296
 Сюктерка (Чебоксарский уезд) – 289
 Татаркасинская волость (Козмодемьянский уезд) – 311
 Татарская Айша, деревня – 254
 Ташкент – 82, 272
 Ташу, деревня (Казанский уезд) – 249
 Темиргоевская станица – 324
 Терская губерния – 314
 Тетюши – 18, 59, 273, 278, 290, 309, 315, 321, 322
 Тетюшский уезд – 65, 134, 142, 234, 240, 274, 282, 289, 309
 Тораевская волость (Ядринский уезд) – 242
 Три Озера, село (Спасский уезд) – 131, 216, 228
 Троицкий посад – 18
 Туркестанское генерал-губернаторство – 194
 Турция – 327, 328, 334
 Удельная слобода (Казань) – 311, 313
 Уланово, деревня, (Ульянковская волость, Свияжский уезд) – 311
 Ульянов, село (Свияжский уезд) – 310
 Утяшево, село (Белокатайская волость, Уфимская губерния) – 248
 Уфа – 188, 251, 252, 255, 257, 258, 259, 265, 267, 377
 Уфимская губерния – 82, 162, 252, 265, 266, 269, 294, 316, 326
 Федоровское, село (Азеевская волость, Свияжский уезд) – 296
 Финляндия – 285, 324
 Форштад, станица (Оренбургская губерния) – 247
 Харьков – 114, 115, 116, 199, 315, 316
 Холмская губерния – 296, 298, 299, 300, 310
 Царевококшайск – 18, 29, 53, 55, 58, 144, 275, 276, 278, 279, 294, 324, 325, 327
 Царевококшайский уезд – 96, 104, 143, 241, 286, 295, 310, 317, 324
 Царицын – 174, 328
 Царицын, деревня (Казанский уезд) – 190
 Цивильск – 18, 301, 309, 315, 316
 Цивильский уезд – 132, 232, 274, 286, 295, 309
 Чебаевская волость (Ядринский уезд) – 90
 Чебоксарский уезд – 235, 262, 289, 294, 309, 318
 Чебоксары – 18, 38, 136, 290, 294, 307, 309

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Чепчуги, село (Казанский уезд) – 105, 190
- Черемышево, село (Лаишевский уезд) – 73
- Черки-Кильдуразы, село (Тетюшский уезд) – 240
- Чистополь – 18, 72, 74, 136, 177, 255, 262, 272, 294, 296, 301, 315, 318, 322, 331
- Чистопольский уезд – 131, 134, 136, 228, 234, 235, 241, 257, 258, 286, 294, 312, 317
- Чита, деревня (Лаишевский уезд) – 142
- Чулпыч, деревня (Мамадышский уезд) – 50
- Швеция – 15
- Шевлягин, выселок (Свияжский уезд) – 316
- Шеморбашская волость (Мамадышский уезд) – 235, 375
- Шихрановское лесничество (Цивильский уезд) – 287
- Шонгуты, деревня (Тетюшский уезд) – 65
- Шушары, деревня (Казанский уезд) – 213, 214
- Щебрещина – 298
- Эстачи, деревня (Кошакская волость, Казанский уезд) – 295
- Эстляндская губерния – 320
- Югославия – 45, 393
- Юксарское лесничество (Козмодемьянский уезд) – 287
- Юрьев – 206, 315
- Юшутское лесничество (Царевококшайский уезд) – 287, 389
- Ягодная слобода (Казань) – 293
- Ядрин – 18, 292
- Ядринская волость (Ядринский уезд) – 235
- Ядринский уезд – 90, 131, 139, 235, 240, 242, 243, 274
- Ядыгерская волость (Мамадышский уезд) – 242
- Яншиховское лесничество (Цивильский уезд) – 287
- Яранск – 169, 178

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
ГА РМЭ – Государственный архив Республики Марий-Эл
КГЖУ – Казанское губернское жандармское управление
КОБ – Комитет общественной безопасности
КУО – Казанский учебный округ
МНП – Министерство народного просвещения
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
НМ РМЭ – Национальный музей Республики Марий-Эл
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
ОРРК – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета
ОХДИ – Отдел хранения документальных источников
РГИА – Российский государственный исторический архив
РНБ – Российская национальная библиотека
ЦГАИПД РТ – Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан
ЦПимН ИЯЛИ АН РТ – Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллин Халим Миннуллович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея археологии РТ Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Область научных интересов: военная история России XVIII – начала XX вв., история археологической науки в Татарстане. Автор более 70 научных публикаций, в том числе монографии «Военные учреждения и заведения Казанского кремля в XVIII – первой половине XX вв.» (Казань, 2013), «История татар с древнейших времен в 7 т. Т.VII» (авт. колл.) (Казань, 2013), «Великий Болгар. Атлас из серии "TARTARICA"» (авт. колл.) (Казань, 2013), «Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» (в соавт. с Л.Р.Габдрафиковой) (Казань, 2015), «Great Bolgar. A TARTARICA Series Atlas» (авт. колл.) (Казань, 2015).

Батыршин Рустам Рафаэлевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. Область научных интересов: социально-экономическая история России конца XIX – первой половины XX вв., аграрная история России начала XX в., политическая история России XX в., этнография и культура народов Среднего Поволжья, этнокультурные и межконфессиональные отношения народов России. Автор более 30 научных публикаций, в том числе научных изданий: «Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2010 гг.)» (авт. колл.) (Казань, 2010); «Татарстан: Иллюстрированная энциклопедия» (авт. колл.) (Казань, 2013); «Республика Татарстан: Проблемы политического, экономического и социокультурного развития в XX – начале XXI вв.» (авт. колл.) (Казань, 2013), «Человек в революции. Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг.» (авт. колл.) (Казань, 2016).

Бушуева Людмила Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Область научных интересов: история России XIX–XX вв., история российского высшего образования, история повседневности. Автор более 20 научных публикаций, в том числе монографии «Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг.» (Казань, 2012), «История татар с древнейших времен в 7 т. Т.VII» (авт. колл.) (Казань, 2013), «Человек в революции. Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг.» (авт. колл.) (Казань, 2016).

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Область научных интересов: повседневная история татар XIX – нач. XX в., историческая урбанистика, Первая мировая война, рабочая история имперского периода, микроистория. Автор более 80 научных публикаций, в том числе монографий «Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований (вторая половина XIX – начало XX века)» (Казань, 2013), «Города и горожане Уфимской губернии в 1870–1892 гг.: по материалам органов местных самоуправлений» (Казань, 2013), «История татар с древнейших времен в 7 т. Т.VII» (авт. колл.) (Казань, 2013), «Татары в годы Первой мировой войны: 1914–1918 гг.» (в соавт. с Х.М.Абдуллинным) (Казань, 2015), «Фирма Алафузова: (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России» (в соавт. с Б.И.Измайловым, Р.Р.Салиховым) (Казань, 2015), «Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века)» (Казань, 2015), «Человек в революции. Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг.» (авт. колл.) (Казань, 2016).

Крапоткина Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета. Область научных интересов: история и развитие учебно-окружной системы образования в России в XIX в., управление и административные структуры учебного округа, педагогическая интеллигенция. Автор более 30 научных публикаций, в том числе монографий: «Очерки истории здравоохранения города Елабуги (XIX–XX вв.)» (авт. колл.) (Елабуга, 2007), «Экология и здоровье населения городов Волго-Камского региона: исторический аспект» (в соавт. с А.М.Калимуллинным, И.В.Масловой) (Казань, 2009), «Казанский учебный округ в конце XIX – начале XX в.» (М., 2011), «Человек в революции. Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг.» (авт. колл.) (Казань, 2016).

Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Область научных интересов: история Казанской губернии второй половины XIX – начала XX века, дворянство, локальная история. Автор более 50 научных публикаций, в том числе монографий: «Дворянское самоуправление Казанской губернии в 1861–1917 гг.» (Казань, 2013), «Уездный город Тетюши во

второй половине XIX – начале XX века» (Казань, 2015), «Человек в революции. Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг.» (авт. колл.) (Казань, 2016).

Мухамадеев Алмаз Раисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Область научных интересов: история права татарского народа и Татарстана. Автор более 70 научных публикаций, в т.ч. 7 монографий, среди которых: «Шариатская комиссия при Народном комиссариате юстиции (1920-х гг.)» (Казань, 2009); «Главный суд и судебная система ТАССР (1923–1937 гг.)» (Казань, 2009); «Право Волжской Болгарии. Часть 1. Преступления и наказания, правосудие» (Казань, 2013); «Право Волжской Болгарии. Часть 2. Проблемы феодализма и землевладение, налоговая система» (Казань, 2014).

Человек в революции: Казанская губерния.
Т.2. 1917 г.

Коллективная монография

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*
Подписано в печать 26.06.2017 г. Формат 60×84 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 27,0 Тираж 200 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46,
231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

Юбилейная медаль «300-летие правления дома Романовых». 1913 г. *(из фондов Заинского краеведческого музея Республики Татарстан)*

Празднование Февральской революции на Ивановской площади в Казани. 1917 г. *(НМ РТ. КППи-115955)*

Колонна революционных солдат в дни февральской революции 1917 г. у здания Казанского университета. (НМ РТ. КПШ-123333)

Агитационная марка. 1917 г. (из частной коллекции)

Почтовая открытка из серии «Типы революции». 1917 г. (из частной коллекции)

«Керенка» – денежный знак 1917–1918 гг.

Санецкий Александр Генрихович
(1851–1918) – генерал от инфан-
терии, командующий Казанским
военным округом

Боярский Петр Михайлович
(1870–1944) – последний
Казанский губернатор

Ломиковский Михаил Михайлович
(1849–?) – попечитель Казанского
учебного округа (*personalhistory.ru*)

Архиепископ Иаков (Пятницкий)
Казанский и Свияжский. Казань,
1914 г. (*rusalbom.ru*)

Галимджан Баруди (1857–1921) – казанский мулла, первый избранный муфтий России

Хасанов Калимулла Гумерович (1878–1949) – помощник казанского губернского комиссара, депутат Государственной Думы II созыва

Маликов Ади Каримович (1897–1973) – комиссар Петроградского мусульманского полка (1917), заместитель председателя Тетюшского уездного совета (ноябрь 1917 – февраль 1918), военный разведчик (*ИМ РТ. В-16554*)

Гайнуллин Х.З. – участник революционного движения в Казани, секретарь ТатЦИКа первого созыва. 1918 г. (ИМ РТ, КППу-119490/42)

КОМЕНДАНТЪ
гор. Казани.

БИЛЕТЪ
НА СВИДАНИЕ СЪ АРЕСТОВАННЫМЪ.

13 и 22 авг. 1918 г. Начальнику караула арестанск. д-на
№ _____ допустить Юдину Варвару Васильевну
_____ для свидания съ
арестованнымъ Мухомовъ Муза-Куръ Казимъ
св. _____ часовъ по старому времени.

Командантъ Подполковникъ Кас. Белинъ
Адъютантъ Чистовъ

131 года _____ дня.

Билет на свидание с арестованным М.Вахитовым, выданный Юдиной В.З. 13 и 22 августа 1918 г. (из фондов ЦГАИИД РТ)

Группа членов
мусульманского
военного бюро,
снявших царский
герб с башни
Сююмбике.
Сентябрь, 1917 г.
(ИМ РТ. КППи-
119790)

Башня Сююмбике Казанского кремля без двуглавого орла.
1918 г. (*pastvu.com*)

Нигметзянов Галимзян Нигметзянович (второй справа) из д. Юлбат (Ямбулат) Сатышской волости Мамадышского уезда в московском госпитале в годы Первой мировой войны *(из личного архива Р.Н. Мусиной)*

Татарская секция Гарнизонного комитета Казани. 1917 г.
(НМ РТ. КППи-119766/6)

Фабрично-заводской комитет Алафузовских фабрик и заводов.
1917 г. (ИМ РТ. В-11580)

Рабочие механического отдела Алафузовских фабрик и заводов в Казани.
1 мая 1917 г. (ИМ РТ. КППу-118278)

«Казанская катастрофа» – пожар на Пороховом заводе
14–15 августа 1917 г. (*pastvu.com*)

«Казанская катастрофа» – пожар на Пороховом заводе
14–15 августа 1917 г. (*pastvu.com*)

Д.А. и С.С. Боратынские,
О.А. Боратынская-Ильина
с мужем К.Б. Ильиным.
1917 г. (из экспозиции
Музея Е.А.Боратынского,
филиала НМ РТ)

Ксения Боратынская
(из экспозиции Музея
Е.А.Боратынского,
филиала НМ РТ)

Ольга Боратынская. 1916 г.
(из экспозиции Музея
Е.А.Боратынского,
филиала НМ РТ)

Правление Союза солдаток г. Казани. Апрель, 1917 г.
(ИМ РТ. КППи-119870)

«Союз солдаток во главе с большевичкой Панфиловой».
Казань (ИМ РТ. В-11576)

Кояш Валитова (Джаббарова) вместе с мужем
Абдрахманом Валитовым.
1920-е гг. (из фондов
ЦГАИПД РТ)

Мухитдинова А. – участница
Февральской и Октябрьской
революций в Казани. 1917 г.
(НМ РТ. КПШп-119939)

Членский билет члена ЦИК ТАССР II созыва З.А. Баймбетовой. 1920 г.
(из фондов ЦГАИПД РТ)

Бюро солдаток-мусульманок г. Казани. 1917 г. Крайняя справа (сидит) – Гизиниса Тазетдинова, второй справа – Г. Исмагилов
(*Азат хатын. – 1958. – №12. – Б.3*)

Межлаук И.И. – губернский военный комиссар в 1918 г. Казань (*НМ РТ В-16551*)

Корнилов Г.И. – рабочий-печатник, секретарь отдела РСДРП Чистополя. 1917 г. (*НМ РТ. КППу-116183/2*)

Карпов А.И. – студент Казанского университета, председатель Центрального бюро профессиональных союзов, участник Октябрьского вооруженного восстания в Казани. 1922 г. (НМ РТ. КППи-119763/2)

Бочков А.И. – портной, участник Октябрьского восстания в Казани с женой и сыном. 1920 г. (НМ РТ. КППи-122885)

Обстрел Казанского кремля красногвардейцами Заречья. 25.10.1917 г. (НМ РТ. КППи-110479/1)

Красногвардейцы Алафузовской фабрики. 1918 г. (ИМ РТ. КППи-120224)

Похороны красногвардейца Крестовниковского завода – Павлова-Чекалова Н.М., убитого 03.12.1917 г. (ИМ РТ. КППи-119854)

Парад новобранцев Белой армии. Казань, 1918 г. (*pastvu.com*)

Участники первого съезда коммунистов-мусульман. Казань, 1918 г.
(*ИМ РТ. ДВХ-17/513*)

Из фотоальбома с фотографиями событий первой годовщины Октябрьской революции в Казани. 1918 г. (НМ РТ. КППи-101685 ст. № 15561)

Из фотоальбома с фотографиями событий первой годовщины Октябрьской революции в Казани. 1918 г. (ИМ РТ. КППи-101685 ст. № 15561)

